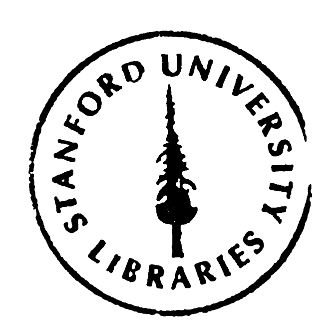
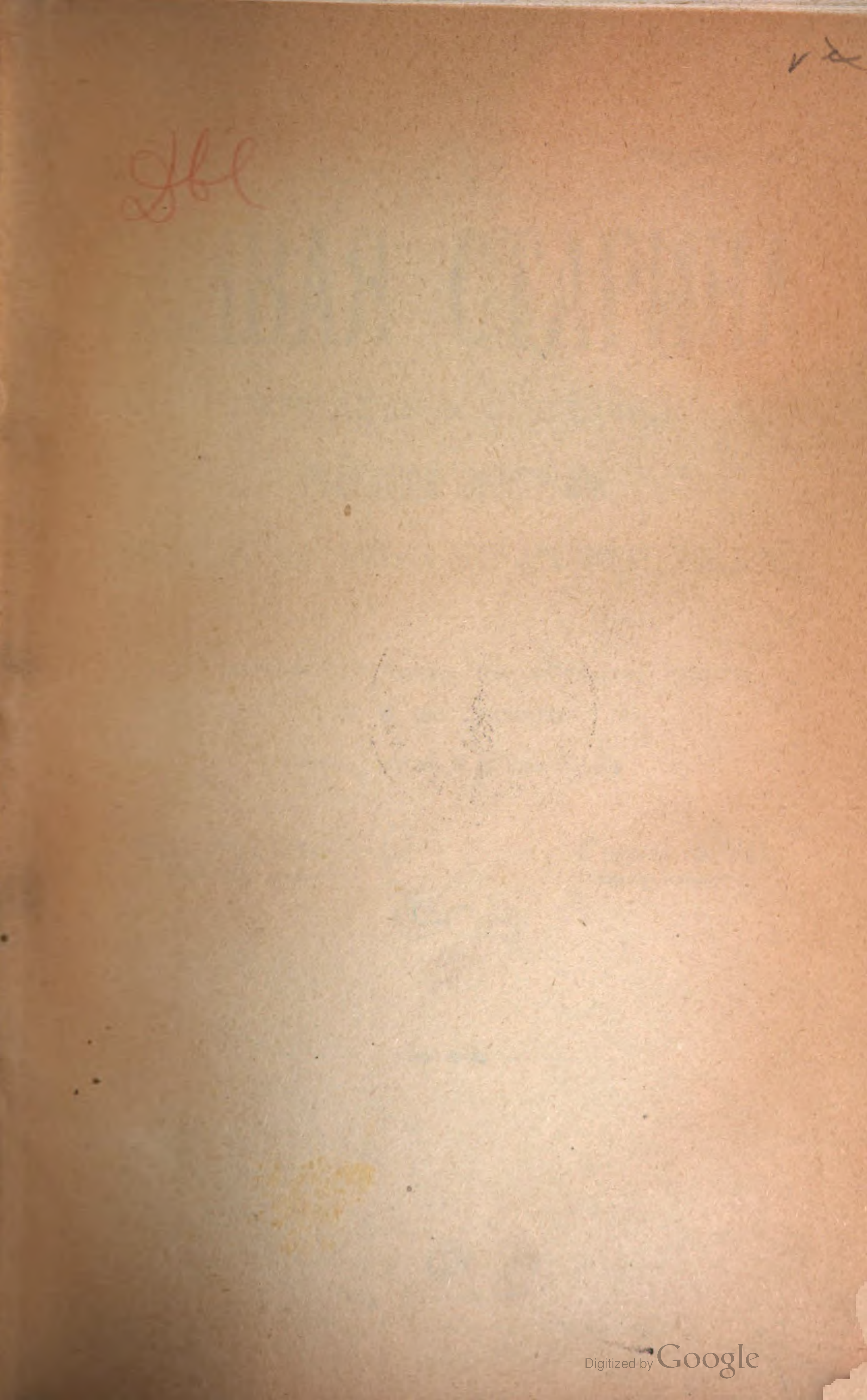

Zhivai͡a͡ starina

Geograficheskoe obshchestvo SSSR. Otdelenie ėtnografii

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

Приложеніе.

Книжка 65

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I–IV   Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.

1908.

ОТДѢЛЪ I.

Нечистая сила въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(По даннымъ Смоленской губ.).

Лѣшій (Честной лѣса).

— „Заблудились,—лѣсовой нась водилъ!“

— „А какой онъ съ виду?“

— „Водилъ-то онъ насъ, водилъ, да не приказалъ намъ говорить о себѣ ничего“.

Но иные сообщаютъ кое-что, хотя и неохотно, о наружности лѣшаго, объ его продѣлкахъ и образѣ жизни; наблюденія заблудившихся путниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи носятъ различный характеръ.

Лѣшіе въ Порѣчскомъ уѣздѣ, по воззрѣніямъ мѣстныхъ крестьянъ, имѣютъ видъ людей здоровыхъ и мужественныхъ.

Ростомъ лѣшіе бываютъ съ лѣсъ, а силу имѣютъ необыкновенную.

Начальникъ лѣшихъ называется „Честной лѣса“, лѣсной царь; роста онъ огромнаго, на цѣлую голову выше лѣса, надъ которымъ онъ владычествуетъ, на рукахъ и ногахъ у него закрюченные когти, похожіе на собачьи; борода у него длинная сивая, носитъ онъ её въ рукахъ.

Нѣкоторые видѣли лѣсного царя съ бѣлой, длинной бородой, какъ сидитъ онъ спокойно въ лѣсу и громко посвистываетъ, иной разъ онъ, при свѣтѣ луны, плететъ лапти.

Могучъ и страшенъ „Честной лѣса“, и волю его слѣпо исполняютъ лѣшіе, начальники отдѣльныхъ частей лѣса. И царь лѣсной и подчиненные ему лѣшіе, однако, не имѣютъ власти за предѣлами своего лѣса.

Полагаютъ также, что лѣшій имѣетъ видъ человѣка съ бѣлыми выпуклыми глазами; выраженіе лица у лѣшаго такое, какое бываетъ у сильно испуганнаго человѣка, когда онъ, по народному выраженію, „таращитъ свои бѣльмы“.

А то лѣсовикъ является людямъ въ видѣ обыкновеннаго сѣденькаго старичка, въ бѣлой одеждѣ; его можно узнать по тому, какъ онъ быстро растетъ, удаляясь отъ человѣка, и дѣлается огромнымъ великаномъ.

Лѣшій—оборотень: существенная его черта—что онъ измѣняется въ ростѣ и принимаетъ различные образы: въ лѣсу лѣшій идетъ—онъ съ лѣсомъ равенъ, на лугу или въ полѣ идетъ—онъ съ травой и былинкой равенъ. А иногда онъ прячется подъ былинку, цвѣтокъ или листокъ дерева; въ лѣсу лѣшій прячется въ дупло и подъ корнями вывороченныхъ бурей деревьевъ; вообще лѣшій примѣняется къ средѣ, его окружающей: является лѣшій и старичкомъ, и красной дѣвушкой, и красивымъ мужчиной, и звѣремъ, и птичкой, и увлекаетъ путниковъ за собой въ непроходимую чащу лѣса, изъ которой трудно выбраться.

Онъ гогочетъ, кричитъ дикимъ голосомъ, хлопаетъ кнутомъ; иногда, не показываясь изъ чащи, зоветъ прохожаго по имени знакомымъ голосомъ; прохожій свертываетъ съ дороги и идетъ на голосъ, который удаляется все дальше и дальше въ глубь лѣса, пока не заведетъ его въ глушь-чащу непроходимую.

По народному мнѣнію, есть такія проклятыя мѣста, гдѣ непремѣнно человѣкъ блудитъ.

Иногда трудно бываетъ отойти отъ вывороти[1]), отъ срубленнаго дерева. Ходишь, ходишь и все возвращаешься на проклятое мѣсто: къ какой-нибудь кочкѣ или вывороти, излюбленному мѣстопребыванію или логову лѣшаго. И мѣста-то, кажется, все знакомыя—какъ тутъ заблудишься? Одинъ крестьянинъ не могъ отойти отъ вяза, пока не бросилъ срубленнаго имъ сука. „Видно, это дерево очень любилъ лѣшій“, рѣшилъ онъ.

Чтò же слѣдуетъ предпринимать, когда заблудишься, когда обойдетъ тебя лѣшій, или ты самъ попадешь на его логово и, вообще, озѣлитъ тебя, одурманитъ нечистая сила?

А поступай такъ, какъ совѣтуютъ старички и старушки.

Переодѣнь что-нибудь изъ одежды вверхъ изнанкой, разуй лѣвую ногу и обуй правую, поверни свою шапку на изнанку

---

[1]) Сваленное бурей и вывороченное съ корнями дерево. *Ред.*

кверху или поверни ее козырькомъ назадъ; прочти, если знаешь, воскресную молитву три раза; вспомни, что наканунѣ Новаго года варятъ свиную голову—этими средствами ты не дашь подшутить надъ собой лѣшему, который водитъ человѣка на самомъ краю лѣса и не даетъ ему узнать, къ какому онъ мѣсту вышелъ подлѣ селенія. А сердится на тебя придирчивый лѣшій за то, что случайно ты перешелъ его любимую тропу. Впрочемъ, иногда лѣшіе сбиваютъ съ пути тѣхъ, которые отправляются въ лѣсъ, не благословясь, т. е. не помолясь Богу; они также уводятъ дѣтей, оскорбившихъ мать и проклятыхъ ею въ полдень. Лѣсовые уносятъ по преимуществу мальчиковъ, лѣсовихи дѣвочекъ. Женщинъ лѣшіе уводятъ, больше строптивыхъ и плохо живущихъ съ мужьями.

Чтó же дѣлается со взрослыми и дѣтьми, похищенными лѣсовыми и лѣсовихами?

Плѣненные лѣшимъ становятся невидимкою и странствуютъ съ лѣшимъ. Лѣсовой кормитъ ихъ губяшечкой или труташечкой, поитъ луговой водой.

А добрый лѣсовикъ кормитъ плѣнниковъ баранками, орѣхами, пряниками, только даетъ въ мѣру, очень не балуетъ. По мнѣнію народа, чтó хозяинъ забудетъ или положитъ небрежно, то лѣсовой утащитъ—вотъ откуда у лѣсового берутся баранки и пряники, и пища человѣческая. Пряники лѣсового, принесенные въ обитаемое жилище, становятся труташками и листьями.

Лѣсовой водитъ свою жертву не только лѣсами и полями, но по городамъ и селеніямъ, по мѣстамъ хорошо извѣстнымъ заблудившемуся. Драматизмъ положенія сбившихся съ дороги и водимыхъ лѣшимъ заключается въ томъ, что они бываютъ близко около родныхъ, видятъ ихъ лица, слышатъ ихъ разговоры, бываютъ свидѣтелями безсильной скорби; заблудившіеся сами проливаютъ незримыя слезы и ноги у нихъ подкашиваются отъ сердечнаго горя. А между тѣмъ лѣсовой не позволяетъ несчастнымъ открыться роднѣ, высказаться, хоть словечко промолвить, а развѣ только, и то въ добрую минуту, пройти около родныхъ, и „тирнуться краемъ одежды".

Жизнь похищеннаго лѣсовымъ—созерцательная. Кормитъ лѣсовой не часто, но зато дѣлаетъ невидимку свидѣтелемъ различныхъ житейскихъ сценъ-положеній, и при видѣ всего этого, въ поученіе заблудившемуся, лѣсовой дѣлаетъ свои выводы и поученія. Понятія у лѣсового такія, какъ у степеннаго домовитаго мужика. Вотъ нѣкоторые взгляды изъ этого домостроя.

По мнѣнію лѣсового, послѣ ужина слѣдуетъ молиться; ложиться спать надо, перекрестясь, и дѣтей на ночь надо перекрестить; слѣдуетъ быть аккуратнымъ и чистоплотнымъ и хозяину, и хозяйкѣ. Муку для хлѣба надо просѣвать, съ хлѣбомъ рекомендуется обходиться бережно и съ особымъ почтеніемъ: утворяя хлѣбъ, не мѣшаетъ процѣдить воду; хлѣбъ слѣдуетъ класть на столѣ—отнюдь не на лавкѣ. Рекомендуется въ закромахъ накрывать зерно покрышкой, чтобы оно не запылилось. Если пища изготовлена вкусно и опрятно, лѣсовой, пожалуй, отвѣдаетъ ее, отъ плохой пищи онъ отвернется, скривитъ свою морду—и уйдетъ.

Натура лѣсовика широкая и веселая, русская. Ему нравится веселый разгулъ ярмарки: гдѣ лѣсовой пройдетъ, тамъ живѣе торгъ идетъ, купцы наперебой сбываютъ товары, отъ задора дерутся даже—ради шутки лѣсовой сводитъ ихъ на драку.

Лѣсовой иногда принимаетъ близкое и непосредственное участіе въ скорбяхъ человѣка—онъ убаюкиваетъ больного ребенка, чтобы успокоить бодрствующую надъ нимъ мать и дать ей пріотдохнуть. Лѣсовой предвидитъ будущее, и напередъ судьба человѣка ему извѣстна; иной разъ онъ является въ роли предсказателя.

Долго, долго водитъ лѣсовой; иногда лѣтъ семь. И если онъ увелъ вслѣдствіе проклятія, то тогда только возвращаетъ ребенка родителямъ, какъ окончится срокъ проклятія и при извѣстныхъ характерныхъ обстоятельствахъ. Разъ въ полдень мать прокляла дочь; черезъ это проклятіе дочь ея сдѣлалась невидимкой и семь лѣтъ странствовала съ лѣшимъ. Мать, между тѣмъ, усердно молилась Богу о возвращеніи дочери и клала относы[1]) лѣсовымъ. Родители уже совсѣмъ потеряли надежду найти дочь. Разъ они были въ кабакѣ. Отецъ предлагалъ матери выпить стаканъ водки, а она все отказывалась и съ сердца выплеснула водку черезъ плечо—прямо въ глаза своей дочери, которая невидимо была въ кабакѣ и терлась вмѣстѣ съ лѣшимъ подлѣ своихъ родителей. Тотчасъ-же дочь перестала быть невидимкой и появилась предъ глазами удивленныхъ и обрадованныхъ родителей.

Возвращенію лѣсовыми уведенныхъ ими жертвъ способствуютъ относы. Относы кладутся на перекресткахъ дорогъ, гдѣ собираются лѣшіе. Относомъ можетъ служить кусокъ сала, горшокъ съ кашей, хлѣбъ съ солью, а то бабы напекутъ блиновъ или

[1]) Объ относахъ см. далѣе.

пироговъ, завернутъ эту снѣдь съ солью въ чистую тряпочку, перевяжутъ красной ниточкой, отнесутъ все это въ лѣсъ и положатъ на перекресткѣ лѣсныхъ дорогъ. Бабы, предлагая гостинецъ лѣсному царю, кланяются на всѣ четыре стороны, не крестясь, и говорятъ: „Честной лѣса, просимъ тебя: нашу хлѣбъ-соль прими, а нашего родного возврати“. Вѣрятъ, что послѣ этого относа лѣшіе перестаютъ водить заблудившагося. По мнѣнію крестьянъ села Даниловичъ, ельнинскаго уѣзда, освобождаются дѣти, уведенныя лѣшимъ, отъ дьявольскаго плѣненія, если не вкусятъ дьявольской пищи. Когда за унесеннаго младенца служатъ молебны, то бѣсы мучатъ его щиплютъ, „щекотятъ“, всячески тиранятъ и кормятъ углями и землей.

Унесенныя лѣшими дѣти, послѣ возвращенія, съ трудомъ привыкаютъ говорить и дичатся общества. Лѣшіе сами выносятъ ихъ и бросаютъ на то мѣсто, откуди взяли. Придя въ сознаніе, дѣти разсказываютъ, что, во время пѣнія молебновъ, они были или въ лѣсу на деревьяхъ, или въ селеніи на крышѣ избы своего родственника. Возвращаются отъ лѣсового уведенныя имъ жертвы блѣдныя, худыя, съ лицомъ, поросшимъ мохомъ, въ одеждѣ, напоминающей „трипятиння или перяпиръ березы“. Если блудившіе хворають какими-либо болѣзнями отъ голода, утомленія или страха, то родные для ихъ выздоровленія кладутъ относы въ томъ лѣсу, гдѣ они блудили. Часто пребываніе у лѣсового кладетъ особенный отпечатокъ: бывшіе у него отличаются особенною сосредоточенностью и серьезностью, и съ важностью передаютъ то, что видѣли и слышали. Многіе, наслышавшись отъ лѣсового всякой премудрости, становятся знахарями и знахарками и поддерживаютъ сношенія съ лѣсовыми, домовыми и всякой нечистою силой. Дѣвушки, жившія у лѣсовихи, называются лѣсными дѣвками; по выходѣ замужъ, онѣ теряютъ свое знаніе и связь съ міромъ сверхъестественнымъ.

Лѣсовые запрещаютъ вернувшимся отъ нихъ разсказывать кое-что: напр., о своей наружности, о своемъ житьѣ-бытьѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ разсказы напоминаютъ видѣнія обмиравшихъ. И обмиравшіе, и водимые лѣсовиками, разсказавъ многое, при этомъ прибавляютъ: „а одно слово мнѣ не приказано говорить“. Любопытство сильно подстрекается умолчаніемъ.

„Ну, скажи, скажи!“

— „Умру, не скажу. Ни за что въ свѣтѣ не скажу“.—

Какъ обмиравшіе, такъ и уведенные лѣсовыми получаютъ иногда предсказанія относительно своей судьбы и судьбы близкихъ. Пропадавшій дровосѣкъ разсказывалъ подробно, какъ его

незнакомый старикъ завелъ въ непроходимый лѣсъ и все это время водилъ по лѣсу, показывалъ ему два колодца: въ одномъ были все змѣи, а въ другомъ вмѣсто воды кровь; предсказалъ, что онъ будетъ служить въ солдатахъ, а сегодняшнюю ночь привелъ его опять къ тому дереву, гдѣ былъ воткнутъ топоръ. На вопросъ, чѣмъ онъ питался все это время, крестьянинъ отвѣчалъ, что старикъ кормилъ его хлѣбомъ, который еще и теперь лежитъ у него за пазухой; но когда сталъ вынимать его, тотчасъ вмѣсто хлѣба оказались гнилушки и мохъ. Черезъ десять лѣтъ крестьянинъ умеръ, а жена его и двое дѣтей живы и теперь.

Сверхъестественныя знанія и богатство получаютъ отъ лѣсового тѣ, кто окажетъ какую-либо услугу его дѣтямъ, прикроетъ ихъ, найдя въ лѣсу нагими. Всѣмъ присуще вѣрованіе, что у лѣсовыхъ есть дѣти, а нѣкоторые видѣли ихъ: лежатъ они, голенькія, въ люлькахъ, привѣшенныхъ къ вѣтвямъ ели или сосны. Если увидишь такого ребенка, нужно что-нибудь съ себя снять, покрыть ребенка и нести. Явится женщина, которая будетъ убиваться, упрашивать отдать ей ребенка, обѣщая за него исполненія какого угодно, но только одного желанія. Сейчасъ вамъ и разскажутъ примѣръ, что, дѣйствительно, такой человѣкъ разбогатѣлъ, благодаря ребенку, найденному въ лѣсу, а такой получилъ чудесное знаніе или сдѣлался знахаремъ. Въ ельнинскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, арнищевской волости, деревни Блашевицахъ есть такое повѣрье: кто увидитъ лѣсовиху во время родовъ, тотъ долженъ что-нибудь набросить, не крестясь и не читая молитвы, на ея родившагося ребенка и тотчасъ же уйти. Лѣсовиха пойдетъ за этимъ человѣкомъ и все будетъ спрашивать, что̀ ему нужно: денегъ или хорошей жизни. Кто попроситъ у ней денегъ, то она сейчасъ же насыплетъ ему цѣлый приполокъ денегъ, которыя, при выходѣ изъ лѣса, обращаются въ уголья. Но кто будетъ говорить, что ему ничего не нужно, тотъ всю жизнь будетъ пользоваться успѣхомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Поэтому народъ говоритъ про того, кто живетъ въ довольствѣ, что, вѣрно, онъ видѣлъ лѣсовиху во время родовъ. Только счастливый человѣкъ можетъ видѣть лѣсовика и лѣсовиху одѣтыми въ хорошую одежду; если кто увидитъ лѣсовика въ дурной одеждѣ, не будетъ счастья. Мужчины, увидѣвъ лѣшевиху и услышавъ ея голосъ, начинаютъ скучать и худѣютъ.

Приспанныя дѣти, по мнѣнію народа, не умираютъ, а ихъ уноситъ лѣсовой и кладетъ вмѣсто унесеннаго ребенка чур-

банъ или трупъ. Считается почему-то грѣхомъ колыхать пустую люльку—убаюкивать чорта. Говорятъ также: не тряси колѣномъ—не потѣшай чорта.

Слѣдуетъ избѣгать въ лѣсу лѣшаго и его кнута. Слѣды кнута лѣшаго остаются на травѣ и на грибахъ. За слѣды принимаются бороздки на поверхности грибовъ, оставленныя слизнями. Поэтому, маленькихъ дѣтей, посылая за грибами, очень часто научаютъ не брать грибовъ съ трещинами и не ругаться, чтобы не случилось какого несчастья. Нехорошо также ступить на волчій слѣдъ. Волки, какъ и прочіе звѣри собачьей породы, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, расшаркиваются и, исполняя этотъ долгъ вѣжливости, сдираютъ съ почвы листья, оставляя при этомъ примѣтный слѣдъ на землѣ. Говорятъ: кто ступитъ на такой слѣдъ—заболѣетъ. Такъ про заболѣвшаго обыкновенно и говорятъ: онъ вступилъ въ „звѣриный скрабъ". Звѣринымъ скрабомъ называется особая болѣзнь: по тѣлу появляются волдыри „кургонья"; больной испытываетъ нестерпимый зудъ.

Кто перейдетъ слѣдъ лѣшаго,—или блудитъ, или заболѣваетъ ломотою. Нехорошо въ лѣсу говорить громко и браниться: лѣсовой этого не любитъ. Разъ мальчикъ ведетъ на ночлегъ лошадей и разговариваетъ громко, къ нему подходитъ какой-то почтенный старикъ (вѣрно лѣсовой) и строго замѣчаетъ мальчику, что онъ не у себя дома, чтобы онъ велъ себя потише.

Старый охотникъ Марко приказываетъ своимъ дѣтямъ входить въ лѣсъ съ слѣдующимъ присловьемъ: „лѣсъ клястнэй, хозяинъ частнэй! Господи, Боже, благослови въ лѣсъ войти и съ лѣсу выйдить".

Лѣсовой сердитъ и иногда непрочь бываетъ подраться. Одинъ крестьянинъ, блуждая по лѣсу, увидѣлъ около огня страннаго человѣка, котораго онъ принялъ за лѣсовика, лѣсовикъ оказался вспыльчивымъ и придирчивымъ, такъ что у встрѣтившихся завязалась драка. Незнакомецъ такъ ударилъ крестьянина по щекѣ, что тотъ пріѣхалъ домой со знакомъ и отъ испуга черезъ недѣлю умеръ. Но лѣсовой рѣдко вступаетъ въ открытую драку, а больше караетъ прогнѣвавшихъ его посѣтителей лѣса разными болѣзнями, ломотами, горячкою или такимъ помраченіемъ ума, отъ котораго человѣкъ блуждаетъ въ знакомомъ мѣстѣ. Для избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, надо молиться лѣсовымъ и класть имъ относы.

Къ лѣсовому же обращаются съ просьбой вернуть заблудившійся въ лѣсу скотъ. Хозяинъ утраченнаго животнаго кладетъ на перекресткѣ десять яицъ, кусокъ сала, ковригу хлѣба и становится къ относу задомъ; знахарь очерчиваетъ его и заклинаетъ духовъ разными голосами; послѣ чего хозяинъ, не оборачивая головы, возвращается назадъ домой. А весной, во время перваго выгона лошадей въ поле—на ночлегъ,—крестьяне молятся лѣсному царю о сохраненіи лошадей отъ звѣря и всякаго случая: „Лѣсъ честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моихъ лошадокъ въ полѣ, за полями, въ лѣсу, за лѣсами, гдѣ онѣ ходятъ, гуляютъ, росу выпиваютъ,—тѣмъ онѣ сыты пребываютъ. Вотъ тебѣ, лѣсъ честной, хлѣбъ соль и низкій поклонъ".

Лѣшій, или Честной Лѣса,—хозяинъ надъ всѣми звѣрями, а надъ волками по преимуществу. Волки—любимые звѣри лѣшаго. Въ народныхъ разсказахъ упоминается сивенькій старичекъ, съ предлинной бородой, пасущій волковъ. Этотъ старичекъ посылаетъ волковъ на скотъ и для единоборства съ собаками; старичку непріятно, если собаки справляются съ волками: старикъ вступается за своихъ „собачекъ" и убиваетъ ихъ противниковъ волшебнымъ прутикомъ.

Въ стадѣ волковъ, пасомыхъ старичкомъ, есть бѣлый, какъ снѣгъ, волкъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ волками предводительствуетъ бѣлый волкъ—это лѣсовой, принявшій волчиный видъ.

По народному мнѣнію, чтобы волки не нападали, при встрѣчѣ съ волчинымъ стадомъ, надо обратиться къ волкамъ съ рѣчью, называя ихъ молодцами: „Здрастуйтя, мыладцы! идитя вы, мыладцы, сваей дарогый, а я пайду сваей!" Волки тогда посторонятся и пойдутъ, куда имъ нужно.

Въ Духовщинскомъ уѣздѣ полагаютъ, что у волковъ есть свой хозяинъ—царь, бѣлый волкъ; по другому повѣрью, лѣсовой принимаетъ видъ бѣлаго волка. Если этотъ волкъ бросается на человѣка, то и всѣ волки на него бросаются и наоборотъ. При встрѣчѣ со стадомъ волковъ, нужно поклониться до земли бѣлому волку, и волки не сдѣлаютъ никакого вреда. Одному крестьянину пришлось поздно ѣхать по лѣсу; вдругъ онъ видитъ огонекъ; подъѣзжаетъ ближе—видитъ вокругъ огня цѣлое стадо волковъ, а надъ ними—хозяинъ лѣсовой. „Оставайся, мужичекъ, у насъ ночевать, сказалъ лѣсовой, все будетъ цѣло и сохранно".—Мужичекъ поблагодарилъ на ласковомъ словѣ. Онъ зналъ, что перечить хуже.

Мужику дали мѣсто у огня, а лошадямъ сѣна и соломы. Утромъ мужичекъ сталъ предлагать плату за ночлегъ.

„Мнѣ ничего не надо, возразилъ лѣсовикъ:—а вотъ моимъ волкамъ дай, что у тебя дома есть и чего тебѣ не жалко".

Мужичекъ думалъ: „деревня моя далеко, и притомъ какъ же волки могутъ изъ хлѣва утащить корову—вѣдь теперь не лѣто: коровы не въ полѣ". Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ мужичекъ домой.

— Ну, что у васъ все благополучно?—спрашиваетъ у домашнихъ.

— Все-то все! да вотъ на другой день, какъ ты уѣхалъ, погнали на водопой коровъ, и нашу лучшую корову разорвали волки—никакъ отбить не могли...

Молятся о сохраненіи стадъ не одному „Честному лѣса", но и св. Егорію, а также и царю—бѣлому или сѣрому волку.

Водяной дѣдушка.

Водяного простой народъ представляетъ или старымъ дѣдомъ, у которого борода по колѣно, или же получеловѣкомъ, или полурыбой. Въ послѣднемъ случаѣ водяной называется „навпой."

Водяной можетъ превратиться въ какую угодно рыбу. Подъ водой у водяного есть великолѣпный дворецъ, изъ котораго онъ въ извѣстное время дня и ночи выходитъ на дно рѣкъ и озеръ, и здѣсь въ какомъ нибудь омутѣ или вирѣ ожидаетъ добычи.

Спасать утопленика, т. е. отнимать добычу у водяного, боятся, дабы не разгнѣвить дѣдушку-водяного. Купающагося человѣка водяной часто хватаетъ за ноги и старается его залить.

Особенно опасно купаться и ловить рыбу, по мнѣнію крестьянъ, въ полдень и полночь. Залившихся дѣвицъ водяной обращаетъ въ русалокъ.

Иногда водяной живетъ подъ мельницей; если онъ захочетъ, можетъ воспрепятствовать постройкѣ мельницы. Одинъ помѣщикъ вздумалъ выстроить на Днѣпрѣ какую то особенную мельницу на плотахъ. Сначала работа шла очень успѣшно, но вотъ, однажды, просыпается помѣщикъ какъ-то на зарѣ и видитъ: по рѣкѣ, отъ лѣса, идетъ какой то высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ; подходитъ довольно близко къ нему, да какъ ударитъ кнутомъ по плоту—гулъ пошелъ и шумъ кругомъ. Съ тѣхъ поръ пошли неудачи и постройка плотины осталась неоконченной.

Въ мѣстностяхъ болотистыхъ, по мнѣнію народа, водяной имѣетъ видъ горбатаго и бородатаго старика съ коровьими ногами и хвостомъ; не безопасно бродить по лѣсистому болоту во владѣніяхъ этого водяного. Этотъ водяной показывается людямъ, то въ водѣ, то близъ воды, въ видѣ сѣраго чудовища на четвереņькахъ.

Водяные далеко отъ своего мѣстожительства не отходятъ, людей пугаютъ громкимъ хохотомъ и сильнымъ хлопаньемъ въ ладони; надъ заблудившимся они смѣются.

Русалки.

Русалки—молодыя, красивыя женщины, съ длинными до пятъ косами; живутъ онѣ въ лѣсахъ, болотахъ, но главное пребываніе русалокъ въ рѣчкѣ, въ какомъ нибудь глубокомъ омутѣ. На берегъ русалки выходятъ рѣдко, а если и вылѣзаютъ, то далеко отъ воды не отходятъ; онѣ заманиваютъ къ себѣ проходящихъ мимо мужчинъ, которыхъ больше всего прельщаютъ красотой и стараются защекотать. Отъ нечего дѣлать русалки подшучиваютъ надъ рыбаками, скручиваютъ ихъ сѣти, вытаскиваютъ норота на берегъ, въ неводахъ выворачиваютъ матню.

Русалки—души утопленицъ, мертворожденныхъ, или же дѣтей, умирающихъ некрещеными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; на Духовъ день русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ и плещутся на поверхности воды. Тогда русалки могутъ заходить и далеко отъ мѣста своего обитанія, въ лѣса и рощи.

Цѣпляясь волосами за сучья и стволы, если эти деревья согнуты бурею, онѣ качаются какъ на качеляхъ, съ крикомъ: „ре-лй́, ре-лй́!“ или: „гутынький, гу́тыньки!“

Заходятъ русалки въ поля и луга, заманивая прохожихъ поближе къ водѣ, чтобы потомъ ихъ утопить или защекотать до смерти. Во всякое мѣсто могутъ зайти русалки. Остерегаются купаться на Духовъ и Троицынъ день.

На Кривой недѣлѣ опасно ѣхать одному чрезъ засѣянное рожью поле: русалки могутъ напасть и замучить.

Русалокъ не трудно узнать издали: онѣ походятъ на женщинъ съ длинными распущенными волосами.

Чтобы избавиться отъ нихъ во время нападенія, нужно начертить на землѣ крестъ, который обвести кругомъ чертою; въ этомъ кругу и стать. Русалки тогда не подступятся; походятъ, походятъ около черты, а потомъ и спрячутся.

Въ одной изъ духовскихъ пѣсенъ дѣвушки просятъ бабушку очертить ихъ волшебнымъ кругомъ и обсыпать овсомъ и хмелемъ:

А ты, бабушка Купріяноуна,
Ты жъ обчарти насъ залатымъ нажомъ,
Ты жъ абсѣй насъ ярымъ аўсомъ

(с. Черепово Росл. у.).

Абсѣй-ка насъ ярымъ хмелемъ,
Абчарти насъ залатымъ нόжомъ!

(С. Скотинино См. у.).

Бабка обводитъ чертою дѣвушекъ, находящихся въ кругу, со словами:

„Хто ў чартѣ—то *наши*.
За чартою—то *ни наши!*"

Русалки, по народному представленію, существа жалкія, нуждающіяся въ пищѣ и одеждѣ:

На кривой бярёзи
Русалка сядзѣла,
Рубацёнки прасила:
— „Дзѣуки-маладухи,
Стойця, рубашку дайця:
Хушъ худу-худеньку,
Дакъ бялу-бяленьку."

Существуетъ повѣрье, что на Духовской недѣлѣ ходятъ по лѣсу нагія женщины и дѣти; при встрѣчѣ съ ними нужно непремѣнно набросить на нихъ платокъ или хоть какую нибудь тряпочку. Если же ничего съ собою нѣтъ, то нужно хотя оторвать рукавъ отъ платья и кинуть русалкамъ—въ противномъ случаѣ угрожаетъ неизбѣжная смерть. Въ подтвержденіе послѣдняго разсказываютъ, что одинъ мужикъ, встрѣтивъ въ лѣсу нагихъ дѣтей, хотѣлъ убить ихъ, но чуть поднялъ руку, какъ его скорчило, и онъ умеръ на мѣстѣ.

Повѣрье относительно русалочьихъ дѣтей, нагихъ, жалкихъ, стонущихъ, весьма распространено. Крестьянка с. Данькова Ѳекла Марковна мнѣ передавала слѣдущее:

„Я ѣхала черезъ лѣсъ со своимъ отцемъ; проѣзжая мимо одной большой ели, мы услышали жалкій стонъ, точно маленькія дѣти рыдали. Отецъ шепнулъ мнѣ на ухо:—„Это руса-

лочьи дѣти плачутъ!“—Мы прикрыли мѣсто около ели платочкомъ, и плачъ стихъ“.

Русалки принимаютъ участіе вмѣстѣ съ дѣвушками въ гаданіяхъ на Духовъ и Троицынъ день. Дѣвушки сплетаютъ себѣ вѣнки изъ живительныхъ и чародѣйственныхъ травъ: буковицы, полыни, любистика, черемухи и березы. На Духовъ день послѣ обѣда дѣвушки съ пѣснями и плясками завиваютъ вѣнки. Онѣ несутъ въ лѣсъ разныя кушанья, между которыми непремѣнно должна быть яичница. Вѣнокъ остается завитымъ цѣлую недѣлю, впродолженіи которой къ нему не подходятъ изъ боязни, чтобы русалки, качающіяся не защекотали дерзкаго; если кому-либо встрѣтится крайность непремѣнно итти неподалеку—отнюдь не долженъ видѣть то мѣсто, гдѣ этотъ вѣнокъ находится.

По окончаніи Русальной недѣли, въ первое воскресенье послѣ Духова дня, русалки оставляютъ вѣнокъ; пора ихъ наслажденій кончилась, и дѣвки ужъ безъ страха отправляются развивать его и раскумливаться. А до этого—

Хто вянокъ разаўеть,
Таго у крюкъ сагнеть;
Акалѣить батька,
Аслѣпнить матка.

На заговины дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду и загадываютъ о женихахъ. Дѣвушка, вѣнокъ которой тонетъ, по народному повѣрью, должна умереть; по другому повѣрью, печальная участь постигаетъ ея жениха:

„А ўси вянки паверьхъ вады,
А мой патанулъ;
А ўси дружки съ вайны пришли,
А майго дружка нѣтъ!“

Въ селѣ Прыщахъ Рославльскаго уѣзда дѣвушки старались затянуть въ воду мужчину и выкупать его, если тотъ случайно приходилъ къ водѣ, къ мѣсту дѣвичьяго гаданія. Обычай этотъ, возникшій какъ-бы въ подражаніе русалкамъ, давно уже прекратился.

„Разъ мы, передавала одна женщина, покупали писаря и падмочили у него за пазухой какую-то бумагу. Писарь насъ затягалъ по судамъ, и мы бросили съ тѣхъ поръ купать мужчинъ.“

На Семикъ крестьяне поминаютъ утоплениковъ, удавлениковъ, вообще людей, скончавшихся скоропостижно. Прежде и „проводъ“ такимъ умершимъ отпѣвали только въ этотъ день.

Мыть бѣлье на рѣчкѣ въ Семикъ не принято въ угоду залившемуся, потому что, если не изъ близкихъ, такъ изъ дальнихъ родственниковъ кто-нибудь былъ утопленикомъ.

По мнѣнію крестьянъ Ельнинскаго уѣзда, русалки произошли отъ приспанныхъ дѣтей „присыпушей,“ вмѣсто которыхъ лѣсовые кладутъ чурбаны.

Одна крестьянка приспала нѣсколькихъ своихъ дѣтей и, чтобы не приспать послѣднюю дочь, не ложилась съ нею спать даже тогда, когда та стала взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, пріѣхала въ гости къ своей матери, которая ей говоритъ:

„Дачушка, ни разу я съ тобою не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ.“

Дочь согласилась; въ ту же ночь мать ее и приспала. Послѣ похоронъ мать была безутѣшна; разъ пошла она въ поле и слышитъ тамъ голосъ: „пойди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣснь, стань въ притворѣ у дверей; въ это время будутъ выходить всѣ черти; между ними будетъ итти и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать!“ Мать сдѣлала такъ и привела свою дочь невредимою.

По крестьянскому повѣрью, во время обѣдни „черти-присыпальнички“ находятся въ церкви по лѣвую сторону алтаря. Когда священникъ, при пѣніи херувимской пѣсни, отворяетъ царскія врата, черти испытываютъ страшное мученіе и спѣшатъ удалиться изъ храма, и, чтобы между присутствующими во храмѣ не спрятался чортъ, они должны въ это время стать на колѣни. Иногда и въ пропажѣ скотины бываютъ виноваты русалки. Погадаютъ дѣды и скажутъ, что для того, чтобы отыскать пропавшую скотину, нужно положить относъ русалкамъ. Относъ этотъ дѣлается такъ:

„Сплети лапти, сидя въ лѣсу на пнѣ; разорви новую женскую рубаху и сдѣлай изъ нея онучи, и, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, всё это заверни въ чистую тряпку, перевяжи красной лентой и отнеси на перекрестокъ въ лѣсъ. Тамъ, положивши всё это на какое нибудь дерево, поклонись до земли, не крестясь, на всѣ четыре стороны и говори:

„Прошу васъ, русалки,
Мой даръ примите,
А скотинку возвратите!“

Крестьяне увѣрены, что пропавшая скотина возвращается только благодаря подобнымъ относамъ.

По народному мнѣнію, русалку можно поймать и привести домой. Вотъ одна легенда: „Мой прадѣдъ, разсказываетъ крестьянинъ, пошелъ однажды на Русальной недѣлѣ въ лѣсъ лыки драть; на него тамъ напали русалки, а онъ быстро начерталъ крестъ и сталъ на этотъ крестъ. Послѣ этого всѣ русалки отступили отъ него, только одна все еще приставала. Прадѣдъ мой схватилъ русалку за руку и втащилъ въ кругъ, поскорѣе набросивъ на нее крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Тогда русалка покорилась ему; послѣ этого онъ привелъ ее домой.

Жила русалка у прадѣда моего цѣлый годъ, охотно исполняла всѣ женскія работы; а какъ пришла слѣдующая Русальная недѣля, то русалка снова убѣжала въ лѣсъ. Пойманныя русалки, говорятъ, ѣдятъ мало—больше питаются паромъ и скоро безслѣдно исчезаютъ изъ человѣческаго жилища.

Русальная недѣля почитается крестьянами какъ праздникъ: во время этой недѣли крестьяне работаютъ по утрамъ, а съ полдня совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Всю недѣлю стараются избѣгать слѣдующихъ работъ: не пашутъ, не сѣютъ, не вьютъ веревокъ, не вяжутъ боронъ, не прядутъ, не городятъ изгородей. По повѣрію крестьянъ, кто будетъ пахать въ эту недѣлю, у того скотъ будетъ падать; кто будетъ сѣять, у того градомъ побьетъ хлѣбъ; кто будетъ прясть шерсть, у того овцы будутъ кружиться; кто будетъ городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тотъ зачахнетъ, и согнетъ того въ дугу.

Дѣти лицъ, нарушившихъ Русальную или Кривую недѣлю, родятся уродами; приплодъ скота у этихъ хозяевъ бываетъ ненормальный. Мальчики работали на русальной недѣлѣ; вдругъ пришла русалка и защекотала ихъ до смерти. На Русальной недѣлѣ не пускаютъ дѣтей бродить около воды.

В. Добровольскій.

Малорусская пѣсня XIX вѣка про убійство помѣщика.

Въ русской народной поэзіи крѣпостное право оставило по себѣ очень мало воспоминаній. Экономическое угнетеніе народа естественно сопровождалось духовною приниженностью его, и въ жизни крестьянства не оставалось мѣста для того, чтобы отвѣчать въ пѣснѣ на явленія крѣпостного быта. Наиболѣе характерныя произведенія великорусской народной поэзіи, касающіяся крѣпостной жизни народа, носятъ лакейскій отпечатокъ. Это плоды творчества полуграмотнаго двороваго, именно съ точки зрѣнія помѣщичьей дворни и разсматривающаго вопросъ. Едва ли не самымъ выдающимся произведеніемъ въ такомъ смыслѣ является напечатанная Н. С. Тихонравовымъ вирша „Плачъ холоповъ XVIII вѣка", написанная подъ вліяніемъ силлабическаго стихосложенія [1]).

Въ малорусской народной поэзіи пѣсни, отражающія жизнь народа въ эпоху крѣпостной зависимости, носятъ болѣе общій характеръ. Въ нихъ слышится голосъ всей народной массы, страдающей подъ игомъ панскаго произвола и, пожалуй, еще болѣе подъ игомъ „полупанковъ"-экономовъ и другихъ ближайшихъ помощниковъ помѣщика. И картина экономическаго и нравственнаго угнетенія крестьянъ получаетъ тѣмъ болѣе яркій тонъ, что въ нихъ прорываются воспоминанія о жизни свободной, независимой отъ панскаго гнета.

Но въ общемъ и въ малорусской народной поэзіи пѣсни временъ крѣпостной зависимости по количеству своему немногочисленны и не представляютъ богатства сюжетовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на одной изъ этихъ пѣсенъ, занимательной по обстановкѣ, въ которой она появи-

---

[1]) „Починъ", сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности.

лась. Это пѣсня про убійство въ селѣ Дорогинкѣ Монастырищенской волости, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ. помѣщика Селивановича. Пѣсня представляетъ въ литературномъ отношеніи тѣмъ большій интересъ, что сложилась она во второй половинѣ XIX вѣка, вѣроятно, предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ и сложилась въ старыхъ формахъ народнаго творчества. Фактъ, достойный примѣчанія, такъ какъ обычно принято думать, начиная еще съ перваго собирателя украинскихъ пѣсенъ князя Н. А. Цертелева (1819 года), что въ XIX вѣкѣ украинская народная поэзія уже не развивалась въ смыслѣ созданія новыхъ сюжетовъ и поэтическихъ образовъ.

Село Дорогинка находится въ 20-ти верстахъ отъ города Нѣжина и стоитъ на болотной рѣчкѣ Удаѣ. Нѣжинскій уѣздъ вообще одинъ изъ глухихъ уѣздовъ Черниговской губерніи, но потому и болѣе богатый этнографическими особенностями населенія. А тотъ уголокъ, въ которомъ находится Дорогинка, преимущественно отличается патріархальностью и до послѣдняго времени былъ очень устойчивъ въ сохраненіи стараго народнаго быта. По сосѣдству съ Дорогинкою находится село Андреевка вся окруженная лѣсами, удерживающими вторженіе въ село городского вліянія.

Панъ Саливонъ, о которомъ поетъ пѣсня, принадлежалъ къ богатымъ и старымъ помѣщикамъ села Дорогинки. Въ рукописномъ „Топографическомъ описаніи городовъ Чернигова, Нѣжина и Сосницы съ ихъ повѣтами“, относящемся къ 1783 году [1]), среди пяти помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами въ Дорогинкѣ, показанъ также коллежскій ассесоръ Константинъ Селивановичъ, имѣвшій 529 душъ крестьянъ мужескаго и женскаго пола. Онъ владѣлъ большимъ числомъ душъ, чѣмъ всѣ остальные помѣщики, и почти половиною всего населенія Дорогинки, треть котораго составляли свободные казаки.

И вотъ одному изъ потомковъ Константина Селивановича пришлось испить горькую чашу возмездія возмущенныхъ крестьянъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого событія наслѣдники убитаго продали свое имѣніе, такъ какъ уже давно въ Дорогинкѣ нѣтъ помѣщиковъ Селивановичей.

Пѣсня про убійство пана Селивановича, или Салливона, какъ его называетъ пѣсня, была записана въ трехъ различныхъ редакціяхъ, причемъ одна изъ нихъ была записана въ двухъ

---

[1]) Труды Черниговской Губ. Архивной Ком., 1902 г., вып. IV, стр. 193.

варіантахъ. Эта редакція была напечатана въ сборникѣ пѣсенъ Б. Д. Гринченко:

1. За горою за крутою косарыкы косять;
2. У пана Салывона соби хлиба просять.
3. Ой косылы косарыкы пивторы недили,—
4. Не бачылы косарыкы хлиба ни скорыны.
5. Ой косылы косарыкы та радылы раду,—
6. Та й убылы Салывона за усю громаду.
7. А въ нашого пана плетени тыны,
8. Оце тоби, вражый пане, хозяйськы сыны.
9. У нашого пана побыти колочкы,—
10. Оце тоби, вражый пане, хозяйськыйи дочкы.
11. У Кыйиви огонь горыть, въ Дорогынци дымно;
12. Якъ убылы Салывона,—усѣмъ панамъ дывно.
13. Въ його дочкы Галюточкы на голови стричкы,—
14. Куды тяглы Салывона, кровьяныйи ричкы.
15. Въ його дочкы Галюточкы въ подинкахъ мережкы,—
16. Куды тяглы Салывона, кровьяныйи стежкы.
17. Ой убыто, вбыто, на ввесь двиръ простягся,—
18. Його сынокъ Иванюша за серденько взявся.[1])

Варіантъ этой пѣсни вноситъ два новыхъ стиха, служащихъ началомъ пѣсни:

Ой на гори пшеныченька, у долыни жыто.
Славне село Дорогынка,—Салывона вбыто.

Въ селѣ Андреевкѣ нами была записана другая редакція этой пѣсни со словъ козака Филиппа Скрипки, бывшаго жителя Дорогинки, но перешедшаго въ Андреевку на житье къ своему тестю.

1. Що въ Кыйиви на Подоли ой тамъ же бо дымно;
2. Якъ убылы пана Салывона, усимъ панамъ дывно.
3. У Кыйиви на Подоли розсыпано карты;
4. Мынулыся пану Салывону диводькыйи жарты.
7. У Кыйиви на Подоли ой тамъ же бо жаръ, жаръ;
8. Якъ убылы пана Салывона, усимъ панамъ жаль, жаль.
9. Йиде, йиде нашъ пане-отаманъ ажъ на сывій кобыли;
10. Уже мы пану Салывону панщыну одробылы.
11. У його дочкы Галюточкы у подинкахъ мережка;
12. Куды неслы пана Салывона, все кривавая стежка.

[1]) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, т. III, стр. 638, № 1474.

Различіе между первою и второю редакціями пѣсни въ томъ, что первая редакція содержитъ эпическую часть—разсказъ объ обстоятельствахъ убійства; вторая—ничего не говоритъ объ этомъ и представляетъ собою только лирическое выраженіе чувства мести по отношенію къ убитому. Но то, что обѣ редакціи, кромѣ того, что содержатъ нѣкоторые общіе стихи и обладаютъ одинаковымъ размѣромъ, напоминаютъ одна другую по своему художественному построенію,—можетъ доказывать, что обѣ редакціи вышли изъ одной пѣсни, которую можно возстановить такимъ образомъ. Въ началѣ ея въ видѣ запѣва поставимъ два первые стиха второго варіанта первой редакціи, а послѣ десятого стиха послѣдней, вмѣсто стиховъ 11—12,—десять стиховъ второй редакціи, и мы получимъ связное, послѣдовательное и въ логическомъ, и въ художественномъ отношеніяхъ лиро-эпическое произведеніе. Такою могла быть та первая редакція пѣсни про убійство Селивановича, которая возникла непосредственно за самымъ событіемъ.

Пѣсня, повидимому, передаетъ фактъ убійства близко къ дѣйствительности. Филиппъ Скрипка также говорилъ, что пана Саливона убили косари, при чемъ разсказалъ, что послѣ того, какъ панъ былъ убитъ, крестьяне приказали своимъ женамъ, чтобы каждая изъ нихъ „хочъ разъ деркачемъ (вѣникомъ) вдарыла мертвого пана". Такъ велико было чувство озлобленія крестьянъ противъ помѣщика. Да и немудрено. Одна андреевская женщина, забывшая всю пѣсню про пана Салывона, припоминала однако слѣдующіе стихи:

Ой выоравъ винъ людямы городъ на табаку,
И убылы Салывона, пропавъ за собаку.

Подобное издѣвательство надъ людьми, конечно, скорѣе могло послужить причиною убійства помѣщика, чѣмъ жизнь впроголодь, какъ говоритъ пѣсня. Голодъ, которымъ Саливонъ морилъ косарей, вѣроятно, только переполнилъ чашу терпѣнія крѣпостныхъ его.

Въ литературномъ отношеніи также интересно то обстоятельство, что въ народѣ сохраняется память объ авторѣ пѣсни. Филиппъ Скрипка, отъ котораго мы записали вторую редакцію пѣсни, разсказывалъ, что пѣсню про убійство пана Саливона сочинилъ „изъ своеи губы" житель села Дорогинки Андрій Саранчукъ. Когда дочь Саливона услыхала про эту пѣсню, она позвала Саранчука и стала спрашивать, кто его научилъ этой пѣснѣ. Саранчукъ отвѣчалъ: „самъ изъ своеи головы столку-

вавъ". Тогда дочь Саливона дала Саранчуку десять рублей и приказала ему больше не пѣть своей пѣсни.

Андрій Саранчукъ—дѣйствительное лицо. Присутствовавшіе при нашемъ разговорѣ съ Филиппомъ Скрипкою андреевцы, какъ и самъ Скрипка, говорили о Саранчукѣ, какъ объ извѣстномъ имъ человѣкѣ, умершемъ въ Дорогинкѣ сравнительно не такъ давно.

Пѣсня про пана Саливона въ Андреевкѣ считалась запрещенною начальствомъ. Вещь вполнѣ возможная. Сельская полиція вообще всегда старалась искоренять пѣніе пѣсенъ по малорусскимъ селамъ. Въ данной же пѣснѣ та́къ остро ставится вопросъ объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, что полиція непремѣнно должна была обратить на нее особенное вниманіе и принять мѣры къ ея забвенію среди населенія. Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, въ Андреевкѣ эту пѣсню знаютъ только немногіе пожилые люди.

Кромѣ приведенной пѣсни о Саливонѣ, о немъ же въ Андреевкѣ отъ восьмидесятилѣтней старухи была записана другая пѣсня:

Була Польща, була Польща, да стала Рюссія.
Не заступыть сынъ за батька, а батько за сына.
Що батько йде у степъ. косыть, а сынъ молотыты,
А йихъ дочкы паняночкы тютюну садыты,
А йихъ маты старенькая на ланъ жыто жаты.
Посидалы отдыхаты блызько перелазу,
Оглянуться назадъ себе, ажъ яконовъ иззаду.
Ище жъ винъ не дойизжае и ногайку выймае:
„О чому васъ, враже люде, по трое немае?"
— А якъ же намъ, яконове, по трое ходыты?
Покынулы малыхъ дитей,—никому глядиты.
Посіялы жыта,—никому робыты.—
Що въ нашого яконова да била кобыла;
Побыла насъ, яконове, лыхая годына.
Що въ нашои яконовшы сребрени сережкы;
Ишлы дивкы изъ тютюну, не бачылы стежкы.
Що въ нашои яконовшы червона спидныця;
Ишлы дивкы изъ тютюну, якъ зійшла зирныця.
Дожылыся наше люде въ свого пана ласкы,
Що у хлопцивъ штанивъ нема, а въ дивчатъ запаскы.
Ходыть дьячокъ по церковци, у кныжку чытае:
„Ой чому васъ, салывонци, у церкви немае?"

— Ой якъ же намъ, отче дяче, у церковъ ходыты,
Загадають що недили въ клуни молотыты.
Що ярыны по пивторы, а жыта по копи:
Ой треба жъ увертатыся да й доброму хлопу.—
Ой выоравъ Салывонъ городъ на табаку,
И убылы Салывона, пропавъ за собаку.

Слѣдуетъ отмѣтить одну бытовую подробность этой пѣсни, которая скрашивается поэтическими пріемами народной поэзіи, но очень характерна для крѣпостныхъ порядковъ.

У экономши, говоритъ пѣсня, и серебряныя серьги, и червоная сподница (родъ юбки), а у дѣвушекъ работницъ нѣтъ запасокъ (куски холста, замѣняющіе юбку), и онѣ полунагія, стыдясь встрѣчаться съ людьми, возвращаются съ табачной плантаціи ночью, „якъ зiйшла зирныця“, и идутъ не по дорожкамъ, а окольными путями, „не бачать стежкы“.

Пѣсни съ содержаніемъ, подобнымъ приведенной пѣснѣ, но безъ отношенія къ мѣстной дорогинской жизни, встрѣчаются часто. Приводимъ одинъ изъ варіантовъ изъ сборника Гринченко (т. III, № 1468).

Добре жъ було добре
Нашимъ батькамъ житы,
Що не зналы нашы батькы
Панщыны робыты.
А тепера въ недиленьку
У вси дзвоны дзвонять,—
Осаула съ козакамы
На панщыну гонять.
Була Польща, була Польща,
Та стала Россія,
Не одбуде сынъ за батька,
А батько за сына.
Ой побыла теперъ же насъ
Лыхая годына!
Живуть люде зъ бидочкою;
Гонють матиръ на ланъ жаты
Разомъ изъ дочкою.
Скоро прыйшлы до ланочку,
Силы обидаты.
Ой, обиде—обидочку,
Гиркый нашъ обиде,
Оглянуться назадъ себе,
Ажъ яконовъ йиде.
Не дойизжа до ланочку,
Батигъ роспускае:
„Ой чомъ же васъ, катъ вашу мать,
По трое немае?“
— Ой якъ же намъ, добродію,
По трое ходыты:
Одно старе, друге мале,—
Никому робыты.
Отъ недили до недили
Гонять на роботу;
Увесь тыждень на панщыни,
Шарварокъ въ суботу.
А ввечери по вечери
Ще й гонять на варту,—
Выпьемо кварту изъ жарту
Да й пидемъ на варту.
А въ недилю по обиди
Зойшлыся въ громаду,

Сталы соби совитувать
Велыкую раду.
Ходымъ, браття, воюваться,
Поможы намъ, Боже,
Пресвятая недилонька,
Велыка госпоже!
Въ понедиловъ ранесенько
Гонять молотыты.
Ой, Боже нашъ мылостывый,
Не можемъ зробыты.
Озымыны по пивторы,
А орнауты копу,—
Треба йийи змолотыты
Та доброму хлопу.

Варіанты этой пѣсни записывались много разъ[1]). Кромѣ того, стихи 21—24 послѣдней пѣсни о Саливонѣ помѣщены у Чубинскаго (стр. 1065, № 195) въ V томѣ въ видѣ отдѣльной пѣсни:

Ходыть попыкъ по церковци,
Святу кныжечку чытавъ;
Пытаеться людей божыхъ:
„Чомъ васъ багато въ церкви не буває?"
— Ой чы жъ есть часъ намъ, батюшка,
До церквы ходыты?
Якъ чорный вилъ въ свято и недилю
Мусымъ панщыну робыты.—

Но, судя по отрывочности данной пѣсни, надо думать, что она должна была входить въ составъ приведенной пѣсни о панщинѣ.

Такимъ образомъ вторая пѣсня о панѣ Саливонѣ ничто иное, какъ распространенная пѣсня о панщинѣ, воспринявшая мѣстныя черты. Явленіе въ народной поэзіи довольно обычное.

Если теперь мы попробуемъ отвѣтить на вопросъ, почему убійство пана Селивановича нашло такое живое отраженіе въ народной поэзіи, въ одномъ случаѣ создавъ цѣлую пѣсню въ нѣсколькихъ варіантахъ, а въ другомъ случаѣ повліявъ на содержаніе уже ранѣе сложившейся пѣсни, то причины этого слѣдуетъ искать въ мѣстныхъ условіяхъ.

Населеніе Дорогинки состояло не только изъ крѣпостныхъ крестьянъ, среди которыхъ поэтическое творчество было подавлено тягостными условіями жизни и моральною забитостью, но почти наполовину изъ козаковъ. По описи Нѣжинскаго повѣта 1783 года въ Дорогинкѣ насчитывалось 32,5% козаковъ. И болѣе всего вѣроятно, что именно среди козаковъ, людей свободныхъ и не потерявшихъ нравственнаго чувства, возникла

[1]) Въ „Этногр. матеріалахъ" Гринченко на стр. 635 указаны варіанты.

эта пѣсня, отразившая отношенія народа къ помѣщикамъ. Нѣкоторое подтвержденіе этому мы находимъ въ разсказѣ Филиппа Скрипки объ авторѣ пѣсни Андріи Саранчукѣ. Дочь Саливона платитъ деньги Саранчуку, чтобы онъ не пѣлъ своей пѣсни про убійство ея отца. Очевидно, Саранчукъ былъ независимъ отъ помѣщика, потому что врядъ ли въ противномъ случаѣ помѣщица стала бы просить его и даже награждать его деньгами за молчаніе.

Что убійство Селивановича произвело сильное впечатлѣніе на все мѣстное населеніе, это такъ естественно для такой глухой мѣстности, какою намъ извѣстна Дорогинка и сосѣднія съ нею села. Въ селѣ Андреевкѣ, отстоящей отъ Дорогинки на пять верстъ, были въ нашу бытность тамъ (1900—1903) люди, никуда не ѣздившіе дальше Дорогинки. Тамъ доживали свои послѣдніе дни старые малорусскіе сельскіе типы, какихъ уже не будетъ въ Малороссіи, и которые сами по себѣ представляли какъ бы поэтическія созданія народа.

Помнится однажды въ Дорогинкѣ случилось убійство мужемъ жены. Мужъ апрѣльскою ночью на Страстной недѣлѣ позвалъ свою жену итти съ нимъ изъ Дорогинки въ Андреевку подъ предлогомъ, что хочетъ отвести ее къ родственникамъ, такъ какъ они жили неладно, и по дорогѣ утопилъ ее въ полой водѣ Удая. Какъ взволновало это убійство все окружное населеніе! Въ теченіе мѣсяца оно было почти единственнымъ предметомъ разговоровъ въ четырехъ-пяти селахъ. Объ убійствѣ говорили съ большими подробностями, передавали даже разговоръ между убійцею и покойною, когда они шли ночью по дорогѣ въ Андреевку, разсказывали, какъ бѣдная женщина передъ смертью на берегу Удая обнимала колѣна мужа и умоляла не губить ее ради сына-ребенка, словомъ, разсказывали такія подробности, которыхъ никто не могъ ни слышать, ни видѣть, и о которыхъ самъ преступникъ и подавно не склоненъ былъ говорить. Конечно, всѣ эти разсказы создавались подъ сильнымъ, если и не исключительнымъ вліяніемъ взволнованнаго воображенія, и являлись зародышами народнаго творчества.

Убійство помѣщика Селивановича, случившееся въ пятидесятыхъ годахъ, при бо́льшей патріархальности народной жизни и ограниченности мѣстныхъ интересовъ, должно было представлять событіе, подавляющее умы, и потому естественно отразилось въ поэтическомъ творчествѣ народа.

В. В. Даниловъ.

Очерки Бѣлоруссіи.

V. Каўтунъ (колтунъ).

„Колтунъ вѣроятно... обязанъ своимъ происхожденіемъ какому-нибудь микроорганизму, свойственному болотамъ Полѣсья и здѣсь, при извѣстныхъ условіяхъ, попадающему въ организмъ человѣка". Россія. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія, т. IX, стр. 26.

Кому пришлось бывать въ болотистыхъ мѣстахъ Бѣлорусскаго Полѣсья, расположеннаго по притокамъ рѣки Припяти, тотъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе, что у многихъ жителей этого края волосы на головѣ сбиты въ отдѣльныя войлокообразныя косички или образуютъ одинъ огромный „каўтунъ" (колтунъ). Въ наукѣ по вопросу о причинахъ появленія колтуна существуетъ два мнѣнія: одни изслѣдователи склонны допустить, что колтунъ обязанъ своимъ происхожденіемъ неизвѣстному еще какому-нибудь микроорганизму, попадающему изъ болотъ въ кровь человѣка; другіе же наоборотъ—приписываютъ появленіе колтуна всецѣло нечистоплотности мѣстныхъ жителей. Послѣднее мнѣніе, кажется, преобладаетъ среди врачей. Во всякомъ случаѣ вопросъ о причинахъ появленія колтуна пока остается открытымъ.

Колтунъ или по мѣстному „каўтунъ"—такая болѣзнь, свойственная Полѣсью, при которой въ извѣстной стадіи ея развитія, волосы на головѣ человѣка какъ-то сразу, неожиданно становятся жирными, маслянистыми, сбиваются въ видѣ войлока и висятъ отдѣльными косичками или образуютъ одну сплошную свалявшуюся массу. Надо замѣтить, что такому измѣненію подвергается только часть волосъ, тогда какъ остальные сохра-

няются въ прежнемъ видѣ. Обыкновенно въ косички сбивается только нѣсколько прядей волосъ. Эти волосы растутъ, и колтунъ постепенно становится все длиннѣе и длиннѣе. Иногда онъ даже у мужчинъ достигаетъ до пояса и ниже. У жены священника Чеховича, проживавшей возлѣ озера Князь (или Жидъ) Мозырскаго у. Минской губ., былъ такой огромный колтунъ, что лишалъ несчастную женщину возможности ходить, и она, какъ разсказываютъ очевидцы, оставалась въ кровати около тридцати лѣтъ. Колтунъ, достигшій необычайныхъ размѣровъ, лежалъ тутъ же на стулѣ рядомъ съ больной. Однажды мнѣ пришлось видѣть молодую дѣвушку лѣтъ 17, у которой нѣсколько сбитыхъ въ косички прядей волосъ достигали ступней. Колтуны были темно-желтаго грязноватаго цвѣта, тогда какъ остальные волосы напоминали свѣтлыя пряди льна. Колтунъ боятся срѣзывать изъ опасенія заболѣть. По народному воззрѣнію, при всякомъ насильственномъ удаленіи колтуна, развиваются самыя разнообразныя болѣзни. Удалить колтунъ безъ вреда для организма могутъ только люди свѣдущіе, такъ называемые знахари или колдуны. Появленіе колтуна, какъ думаютъ полѣшуки, благотворно вліяетъ на организмъ, зараженный колтуннымъ ядомъ, такъ какъ послѣдній уходитъ въ волосы, не вызывая болѣзненныхъ симптомовъ. Это своего рода громоотводъ или предохранительный клапанъ. Народной мудростью подмѣчена взаимная связь между колтуномъ и нѣкоторыми болѣзненными состояніями организма. Очевидцы, слова которыхъ заслуживаютъ довѣрія, приводятъ много примѣровъ такой взаимной связи. Для иллюстраціи приведу нѣкоторые изъ нихъ. Одинъ, еще молодой человѣкъ, нѣсколько лѣтъ страдалъ сильно зловонными гнойными ранами на голеняхъ. Эти раны то покрывались струпьями, то вновь гноились, а иногда открывались и новыя. Были испробованы всѣ домашнія средства,—ничто не помогало: раны зіяли и распространяли такое зловоніе, что даже полѣшуки, привыкшіе къ всевозможнымъ запахамъ, не могли оставаться вблизи больного. Прошло нѣсколько лѣтъ. Но вотъ неожиданно, въ одну ночь на головѣ у больного появился колтунъ. Вслѣдъ за нимъ въ одну недѣлю раны закрылись и совершенно исчезли. Прошло 3—4 года; колтунъ выросъ до пояса. Надоѣло тому человѣку возиться съ длинной косой, а тутъ еще сосѣди начали надъ нимъ насмѣхаться, называя его „каўтўнаватымъ“. Разсердился онъ, пошелъ къ кузнецу и разсказалъ о своемъ желаніи отрѣзать колтунъ. Кузнецъ накалилъ желѣзо и отжегъ колтунъ почти у самаго корня.

Съ тѣхъ поръ, говорятъ, у того человѣка опять открылись раны на ногахъ и были до тѣхъ поръ, пока не выросъ новый колтунъ.

Разсказываютъ еще такой случай. Молодой парень, лѣтъ пятнадцати, сынъ зажиточнаго крестьянина занимался пастьбой скота. На Полѣсьѣ скотъ пасутъ по лѣсамъ и преимущественно по грязнымъ моховымъ болотамъ. Пастьба начинается съ ранней весны и продолжается до поздней осени. Болота все время покрыты гнилой, стоячей водой. Пастухи цѣлые дни стоятъ по колѣно въ водѣ или грязи. Надо удивляться выносливости этихъ злосчастныхъ людей, которые весною, когда едва растаетъ ледъ, проводятъ полъ сутокъ въ холодной водѣ. Само собою разумѣется, что это не проходитъ даромъ: въ большинствѣ случаевъ пастушескія занятія разстраиваютъ здоровье на всю жизнь. Болотныя лихорадки, ревматизмы, всевозможныя раны на ногахъ и т. п. болѣзни не покидаютъ пастуховъ. Такъ и тотъ парень разболѣлся весною и хворалъ все лѣто. Прежде у него была ломота въ костяхъ, общее недомоганіе, головныя боли и судорожныя подергиванія лицевыхъ мускуловъ; потомъ ноги ниже колѣнъ покрылись мокрыми злокачественными лишаями. Призванный на помощь знахарь далъ какихъ-то снадобій и велѣлъ ими смочить больному волосы. Лишь только больной смочилъ волосы, какъ они сбились въ войлокъ и образовали колтунъ. Тогда только всѣ поняли, что бѣднягу мучилъ „патаѐмны каўту̀нъ“, т.-е. скрытая форма колтуна. Съ появленіемъ на головѣ колтуна всѣ болѣзненные припадки мало-помалу начали ослабѣвать и скоро совсѣмъ исчезли.

Полѣшуки передаютъ безчисленное множество аналогичныхъ случаевъ, указывающихъ на то, что скрытая форма колтуна причиняетъ людямъ цѣлый рядъ недомоганій и другихъ болѣзненныхъ явленій, которыя исчезаютъ, когда свивается колтунъ и появляются вновь при его насильственномъ устраненіи. По народному воззрѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ симптомовъ скрытной формы этой болѣзни, она принимаетъ самые разнообразные виды болѣзненныхъ явленій и общихъ недомоганій: болитъ голова—простолюдины говорятъ: „ма̀быць у гѐлаў уплю̀нуўса каўту̀нъ“; появится ли общее недомоганіе или ревматическія страданія, а то ломота въ костяхъ—все это приписывается скрытной формѣ колтуна. Золотуха, злокачественные лишаи и упорныя, не поддающіяся лѣченію домашними средствами гнойныя зловонныя раны являются, по понятіямъ полѣшуковъ, несомнѣнными признаками колтуна. Въ такихъ

случаяхъ уже обращаются за помощью къ знахарямъ. По лѣченію колтуна и „рожы“ (рожистое воспаленіе) имѣются спеціальные знахари и знахарки. Любопытно, что лѣченіемъ колтуна занимаются въ большинствѣ случаевъ знахари и знахарки, принадлежащіе къ крестьянской средѣ, тогда какъ „атрыэсываюць рожу“ (лѣчатъ рожистыя воспаленія) больше лица, составляющія, такъ называемую, сельскую интеллигенцію, какъ-то: помѣщики, священно и церковнослужители, чиновники и т. п. Обыкновенно при упорныхъ и продолжительныхъ заболѣваніяхъ неопредѣленнаго характера обращаются прежде всего къ своему брату—знахарю. Тотъ опрашиваетъ больного, выдергиваетъ у него три волоса, обрѣзываетъ на мизинцахъ ногти и все это опускаетъ въ стаканъ воды. Долго и пристально смотритъ знахарь въ эту воду, предлагаетъ больному разные вопросы и наконецъ объявляетъ результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій. Онъ говоритъ, какая тутъ болѣзнь—„каўтўнъ“, или „рόжа“. Когда сдѣланъ діагнозъ, знахарь приступаетъ къ лѣченію болѣзни заговорами, травами и другими средствами. Но, когда при изслѣдованіи находитъ, что болѣзнь не его спеціальности, напр. „рожа“, а не колтунъ, знахарь заявляетъ объ этомъ больному и направляетъ его къ другому спеціалисту. Если же болѣзнь сложная, т.-е. та и другая вмѣстѣ, что обыкновенно находятъ знахари, то они лѣчатъ только по своей спеціальности, напр. колтунъ, а для изцѣленія отъ „рожы“ отсылаютъ больного къ другимъ свѣдущимъ лицамъ. Такой пріемъ вполнѣ гарантируетъ довѣріе больныхъ къ цѣлительнымъ способностямъ знахаря. Послѣ авторитетнаго опредѣленія рода болѣзни ищутъ спеціальныхъ цѣлителей „рожы“. Таковыми, какъ мною замѣчено выше, въ большинствѣ случаевъ являются „господа“, которые хотя и получили кое-какое образованіе, но остались не менѣе крестьянъ суевѣрными и невѣжественными въ области медицины.

Въ ихъ средѣ, кромѣ универсальныхъ цѣлителей, есть еще спеціалисты по лѣченію отдѣльныхъ болѣзней, какъ-то: рака, рожи, волчанки, эпилепсіи и др. Характерно, что эти господа, подобно знахарямъ и колдунамъ, лѣченіе медикаментами и разными секретными средствами сопровождаютъ заговорами и чародѣйственными обрядностями. Такъ, при лѣченіи „рожы“ надъ головою больного при помощи огнива кресаютъ огонь, произнося соотвѣтствующія случаю заклинанія, потомъ зажигаютъ свѣчу, обносятъ ее три раза вокругъ пацiента и ставятъ ему на макушкѣ. Всѣ эти пріемы сопровождаются заговорами, ко-

торые сохраняются въ тайнѣ. Это называется „аткрэса̀ць ро̀жу“. Къ подобнымъ манипуляціямъ прибѣгаютъ при лѣченіи и другихъ болѣзней.

Какъ уже было сказано выше, болѣзнь колтунъ въ скрытомъ видѣ не имѣетъ строго выраженныхъ признаковъ; всякое упорное и продолжительное недомоганіе почитается „патаемнымъ“ колтуномъ. Для избавленія отъ такого недуга, кромѣ знахарей, огромной популярностью пользуются нѣкоторыя „про̀щы“ (чудотворныя мѣста, какъ-то: камни, ключи, деревья и т. п.). Въ эти чудотворныя мѣста стекается множество различныхъ больныхъ, чающихъ исцѣленія, но больше всего здѣсь попадаются страдающіе колтуномъ. Одни добиваются, чтобы колтунъ свился въ волосахъ и такимъ образомъ, вышелъ изъ организма; другіе же ищутъ способовъ, чтобы безъ вреда для здоровья избавиться отъ лишней обузы, большого колтуна, который нерѣдко стѣсняетъ при работахъ. Вообще, эта, столь распространенная среди полѣшуковъ болѣзнь, причиняетъ имъ много страданій и стоитъ большихъ жертвъ.

VI. Запасваніе гаўяда.

Обширные лѣса и огромныя болота въ Полѣсской части Бѣлоруссіи являются благопріятными факторами для разведенія скота. И дѣйствительно, скотоводство составляетъ здѣсь главнѣйшую отрасль крестьянскаго хозяйства. Но скотъ тутъ не обновляется лучшими породами, а изъ-покон вѣка разводится все одно и то же мелкое полѣсское „гаўя̀до“. Тоже надо сказать и относительно коневодства и овцеводства. Доморощенныя лошади здѣсь маленькія, малосильныя, но отличаются большой способностью долго быть безъ корма и перевозить человѣка черезъ такіе „грэ̀бли“ (плотины), броды и болота, куда хорошая лошадь не сдѣлала бы и одного шага. Полѣсская „кабылка“ зимой питается только жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а съ ранней весны и до поздней осени побирается тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадается возлѣ деревни, а въ дорогѣ—по пути. Мнѣ какъ-то надо было изъ с. Комаровичъ съѣздить въ с. Глушкевичи. Хотя эти села находятся въ одномъ и томъ же Мозырскомъ у., но разстояніе между ними по полѣсскимъ проселочнымъ дорогамъ доходитъ до 200 верстъ. Путь лежалъ черезъ самыя глухія полѣсскія дебри. Была лѣтняя пора во время жатвы. Жители заняты работой;

нанять перекладныхъ лошадей невозможно; пришлось ѣхать на долговыхъ. Мой возница не взялъ съ собой никакого корма для лошадей, хотя мы отправлялись въ дорогу на цѣлую недѣлю. Дѣйствительно, всякіе запасы корма для лошадей оказались бы излишними, такъ какъ наши „клячи“ довольствовались тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадался при остановкахъ на „папáсъ жіўёла“ (пастьба животныхъ). Овцы здѣсь тоже не прихотливы; онѣ зимой питаются тѣмъ же жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а лѣтомъ пасутся по лѣсамъ или даже вмѣстѣ съ прочимъ скотомъ по болотамъ. Волна на полѣсскихъ овцахъ жесткая, грязная, испачканная смолою.

Но, нужно отмѣтить, что простолюдинъ любитъ свой скотъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ, дѣлится съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба, иногда самъ долгое время остается голоднымъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу съ тою цѣлью, чтобы накормить свое рабочее „гаўядо“. Убѣленные сѣдинами и умудренные житейскимъ опытомъ старики, обыкновено говорятъ молодымъ, въ видѣ наставленій и совѣтовъ: „Самъ не і͡эшъ (ѣсть), а каню́ дай. Даглéць каня́ дóма, та ёнъ цебé ў дарóзе (дагледзиць). Валá першъ пакармí, тагды́ даймѝ (требуй работы). У дарóзе не ку͡óнь везé, а аўёсъ. Якъ дагледáў (гаўя́до), такъ и Буогъ даў. Гаўя́до бы дзиця́: гóладно—не скáжэ“. Дѣйствительно, мѣстные жители большую долю своего труда затрачиваютъ на добываніе корма и уходъ за домашними животными. „Е гаўя́ду сі͡эно“,—говорятъ бѣлоруссы—„будзе й хлі͡эбъ“. Въ описываемой мною мѣстности Бѣлорусскаго Полѣсья, по среднему теченію рѣкъ Лани, Морочи, Случи, Оресы и Птича, крестьяне разводятъ сравнительно много домашняго скота мелкой породы. Такъ, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ домохозяевъ бываетъ 30—40 шт. рогатаго скота, 3—4 лошади, 10—20 овецъ и нѣсколько свиней, а то и козъ. Само собою разумѣется, что для прокормленія въ зимнее время такого количества „жывьёлы“ требуется много. корма, на заготовку котораго затрачивается полѣшукомъ огромный трудъ. Вотъ почему простолюдины съ такой радостью встрѣчаютъ наступленіе весны и такъ торжественно обставляютъ „запасване гаўя́да“, т.-е. первый выгонъ скота на подножный кормъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый хорошій, предусмотрительный хозяинъ долженъ лѣтомъ заготовить такой запасъ сѣна, чтобы его оказалось въ достаточномъ количествѣ и въ запоздалую весну.—Да Юрья (23, IV) трэ, кабъ было и ў дурня (сѣно).— Если къ трудности заготовки сѣна прибавить еще трудность

его перевозки съ топкихъ, не всегда замерзающихъ болотъ, по которымъ приходится предварительно протаптывать дорогу, чтобы она замерзла, то станетъ понятнымъ радость простолюдина, когда его скотъ получаетъ возможность добывать себѣ кормъ безъ всякой затраты человѣческаго труда. Конечно, тутъ являются новые враги полѣшука въ лицѣ волковъ и медвѣдей, которые портятъ и загрызаютъ скотъ въ лѣсу во время пастьбы. Но такъ какъ, по народнымъ воззрѣніямъ, всякое несчастье насылается лихими (злыми) людьми, имѣющими сношеніе съ нечистою силою, то волковъ и медвѣдей не считаютъ истинными виновниками, а на нихъ смотрятъ, какъ на орудіе въ рукахъ темной силы, противъ которой и принимаютъ необходимыя мѣры при „запа́свани гаўя́да".

„Запа́сване" является настоящимъ праздникомъ всей семьи и пастуховъ по преимуществу. Обставляется этотъ праздникъ цѣлымъ рядомъ обрядностей и сопряженъ съ множествомъ суевѣрныхъ примѣтъ и предразсудковъ. На обрядностяхъ этого дня я остановлюсь нѣсколько подробнѣе. „Запасваню гаўя́да"— рогатаго домашняго скота предшествуетъ, нѣкоторымъ образомъ, семейный совѣтъ, состоящій изъ домохозяина и всѣхъ членовъ семьи. Обсуждаются вопросы—своевременно ли „запасваяць гаўядо?" Подходящій ли день въ недѣлѣ и по фазамъ луны? Нѣтъ ли какихъ-либо дурныхъ примѣтъ? Кто назначается въ пастухи? Все ли готово къ совершенію обряда? и т. п. Надо замѣтить, что понедѣльникъ и пятница почитаются несчастливыми днями, почему ихъ избѣгаютъ для начала какого бы то ни было предпріятія. Запасываніе скота, какъ и другія начинанія, приноравливаютъ ко днямъ, приближающимся къ полнолунію,—„кабъ усé было пóўно". Кромѣ того, присматриваются къ примѣтамъ, не указываютъ ли онѣ на какое-либо неблагополучіе. Такъ напр., упавшая со стола ложка предвѣщаетъ несчастье; когда бьется посуда—быть худу; погасшій въ „ямцэ" (загнѣтъ) огонь знаменуетъ приближеніе бѣды; когда курица поетъ по пѣтушиному, то будетъ несчастье— и много другихъ подобныхъ примѣтъ. Особенно наблюдаютъ, чтобы въ этотъ день кто-либо изъ сосѣдей не взялъ изъ печи огня или не занялъ какой-либо вещи. Существуетъ повѣрье, что при помощи взятаго огня или какого-либо предмета лихой человѣкъ можетъ перетянуть къ себѣ „спу͡оръ", т.-е. прибыльность отъ того или иного предпріятія. Запасываютъ скотъ предъ полуднемъ. Вся семья выходитъ изъ дома во дворъ; тутъ старики, женщины и дѣти—всѣмъ хочется посмотрѣть на

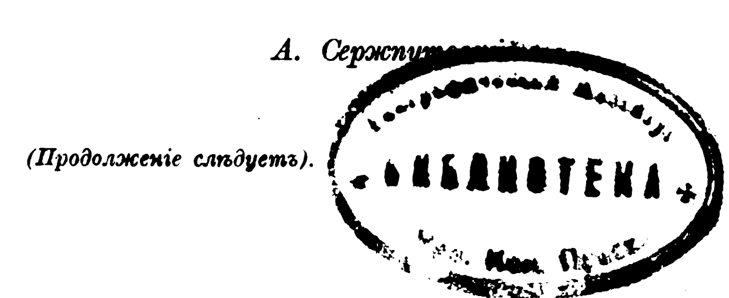
торжество. Хозяинъ переодѣвается въ чистое бѣлое бѣлье въ чистую праздничную „свиту“ (верхняя одежда), обувает новые лапти съ бѣлыми онучами, вѣшаетъ черезъ плечо „торбу“ (пастушья сумка), въ которую кладетъ краюху хлѣба, сол „хрэщыкъ“ (крестъ изъ хлѣба, спеченный на хрэсцы — в среду на четвертой недѣлѣ великаго поста), три небольші камешка, ножъ, замо́къ, безменъ, топоръ, куриное яйцо, „грамничную“ (освященную 2 февраля) свѣчу и торжественно, с непокрытой головой идетъ къ хлѣвамъ выпускать во дворъ вес домашній рогатый скотъ, лошадей, овецъ и свиней. Потомъ хозяинъ вытягиваетъ изъ крышъ сараевъ три пучка соломы черпаетъ въ колодцѣ полнымъ-полно ведро воды, обходитъ с нимъ по солнцу вокругъ скота, перебрасываетъ черезъ все стадо камень, а водой обливаетъ скотъ. Потомъ опять идетъ за водой и во второй разъ обходитъ кругомъ стада. Этотъ обрядъ хозяинъ повторяетъ три раза. Потомъ онъ закапываетъ у воротъ въ землю замокъ, безменъ, топоръ и яйцо и разводитъ на этомъ мѣстѣ небольшой костеръ, въ который бросаетъ вытянутую изъ крышъ солому. Когда все готово, хозяинъ передаетъ „торбу“ пастуху, который, пощелкивая кнутомъ, выгоняетъ черезъ огонь весь скотъ со двора на улицу и въ поле или лѣсъ. Хозяинъ и почти вся семья слѣдуютъ за скотомъ за околицу. Въ первый день скотъ остается въ полѣ самое короткое время, почему хозяинъ и вся семья тутъ же встрѣчаютъ скотъ, возвращающимся съ пастбища.

Перегоняютъ скотъ черезъ огонь для того, чтобы освятить его и предохранить отъ нечистой силы и лихихъ людей. Если закопанное въ землю яйцо окажется цѣлымъ, то это хорошая примѣта: въ теченіе лѣта весь скотъ будетъ цѣлъ и невредимъ. Замокъ кладутъ для того, чтобы запереть пасти волкамъ и медвѣдямъ. Безменъ кладется съ тою цѣлью, чтобы скотъ жирѣлъ и увеличивался въ вѣсѣ. Какое значеніе имѣетъ топоръ, мнѣ не могли объяснить сами бѣлоруссы на мѣстѣ. Но мною замѣчено, что простолюдины берутъ съ собою топоръ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то: при запасываніи скота, при заарываніи, засѣвкахъ и т. п. Скотъ обливаютъ водой для того, чтобы онъ былъ чистъ отъ лишаевъ и струпьевъ и чтобы не боялся комаровъ, мошекъ, оводовъ и здроковъ. Вытянутая изъ крышъ солома имѣетъ силу тянуть скотъ домой. Переброшенные черезъ стадо камни ограждаютъ скотъ отъ звѣрей и нечистой силы.

Покровителемъ скота считается Св. Георгій (23, IV). Запасываніе скота приноравливаютъ къ этому дню, но если весна ранняя, то обрядъ „запасваня" совершается раньше, а въ день Св. Георгія утромъ выгоняютъ скотъ „на росу", т.-е. очень рано, чтобы не опала роса, выгоняютъ скотъ на озими, хотя бы онѣ были уже и большія. Простолюдины думаютъ, что это полезно для хлѣбовъ и для скота. Нѣкоторыя женщины, которыхъ считаютъ „віедзьмами", утромъ, раздѣвшись до нага, бѣгутъ съ подойникомъ и полотенцемъ въ поле и такъ собираютъ съ озимей и съ травы росу. Существуетъ повѣрье, что вѣдьмы такой манипуляціей перетягиваютъ къ себѣ „спуоръ" съ хлѣбовъ и съ того скота, который пройдетъ по тому мѣсту, гдѣ собрана роса въ Юрьевъ день. За такими вѣдьмами строго наблюдаютъ въ Юрьевъ день и жестоко съ ними расправляются. Конечно, подобнымъ чародѣйствомъ занимаются не только вѣдьмы, но и „чарадзіейники", которые найдутся въ каждомъ селеніи. Уже одна встрѣча съ „чарадзіейникамъ" во время „запасваня гауяда" или въ иномъ подобномъ случаѣ крайне тягостна для простолюдина и можетъ вызвать продолжительное угнетенное состояніе духа. По этому „чарадзіейникаў" стараются всѣми мѣрами задобрить и расположить въ свою пользу. Не даромъ говорятъ: „Бога хвали, але й чорта не гнѣви, бо лихое й Бога перемагае".

А. Сержпутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

В. Ирэръ.

Разряженіе по отношенію къ обществу людей. Сопоставленіе культуръ Разряженіе и болѣянь.

I.

Родчево 1903 г. Молодой скромный якутъ Николай Чемченъ женился на Маріи Тепеле. Марія была дѣвушка тихая, скромная, ищущая любви. Она очень любила отца.

— „Отецъ старъ, мать стара,—что будетъ съ тобою, что будетъ съ нами? женись!“ уговариваютъ они меня—говоритъ она.

Слезы у нея на глазахъ, она готова плакать и дѣйствительно расплакалась. Дѣвочкой до 13—14 лѣтъ она спала, прижавшись къ отцу. Она очень полюбила якута Дмитрія. Ревновала его къ другой якуткѣ, съ которою жилъ Дмитрій.

Чемченъ боялся, что его семейное счастіе можетъ быть нарушено.

— Я возьму жену и пойду жить въ горы, въ лѣсъ.

У него есть исходъ. Онъ молодъ и уже довольно опытный промышленникъ. Въ лѣсу на горной рѣчкѣ онъ загородитъ черезовое[1]), наставитъ петель, плашекъ, будетъ промышлять дикихъ оленей, зайцевъ, лисицъ. У него есть реальный выходъ спасти свое семейное счастье, выйти изъ затруднительнаго положенія.

---

[1]) Чёрэзъ, чeрэзовò, черезовá ловля—общественный рыбный промыселъ, причемъ рѣка перегораживается чeрезомъ (плетнемъ) во всю ширину (Богоразъ, Област. слов. колымскаго русск. нарѣчія, стр. 156).

Ред.

1890—1906 г. Родчево, весна.

Акулина Хоспохъ въ волненіи; ея психическій міръ вышелъ изъ равновѣсія...

— Отъ моего рожденія этого не было... Считать пищу!.. Ѣсть и считать, ѣсть по счету... Я умру, я не могу такъ жить!

Нервы ея напряжены. Она сидитъ за камелькомъ. Слезы текутъ изъ глазъ. Она всхлипываетъ...

— Я брошу тебя, брошу все, уйду въ лѣсъ, возьму съ собой дѣтей!

Прежде были хорошіе рыбные промыслы. Жирная хорошая рыба была въ изобиліи. Пищу не надо было считать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ промыслы изъ года въ годъ все болѣе и болѣе оскудѣваютъ. Пришлось теперь разсчитывать пищу.

„Уйти въ лѣсъ"—значитъ жить вдали отъ всякой бѣды, жить самостоятельно,—промышлять и ѣсть то, что промыслишь... Расчета не нужно...

Еще нѣсколько неудачъ. Онѣ гнетутъ душу Акулины... Непредѣленное безъ отношенія къ лицу раздраженіе накопляется. Оно, это психическое раздраженіе, ищетъ выхода. Я не замѣчаю этого накопленія. Не даю ему выхода въ нѣжной ласкѣ, во вниманіи къ ней. (Хоспохъ—моя жена).

Проходитъ еще нѣсколько времени, она становится болѣе раздражительной, придирчивой.

Вечеръ; въ юртѣ покойно. Задумчиво сидитъ передъ камелькомъ Акулина Хоспохъ. Она обособилась ото всего со своими безсознательными думами, со своимъ гнетущимъ положеніемъ...

Передъ ней что-то проясняется. Настроеніе приподнятое... Отъ сильнаго напряженія непонятнаго чувства она закрываетъ глаза...

Акулина Хоспохъ нашла выходъ. Она побѣдитъ все, гнетущее ея душу... Она теперь сильный духъ... Она начинаетъ менерячить „Шаманитъ"—говорятъ якуты. Послѣ разряженія—слабость, успокоеніе...

Въ лѣсъ итти не надо.

1903. Татьяна Сыкыма, дѣвушка 23—24 лѣтъ. Молодой якутъ Федоръ Чемерисъ говорилъ ей, что возьметъ ее замужъ. Когда приходилось ему, Чемерису, ночевать въ юртѣ Акулины Хоспохъ, матери Сыкымы, онъ не снималъ при Хоспохъ своей обуви; дѣлалъ это такъ, чтобы не видала Хоспохъ его ноги безъ обуви; это ясно показывало, что въ этой юртѣ есть мать дѣвушки, которую онъ намѣревается взять въ жены... И его

слова, и соблюденіе обычая убѣждаютъ дѣвушку, что Чемерисъ ее любитъ, что онъ говоритъ правду, когда говоритъ, что возьметъ ее замужъ...

Татьяна полюбила Чемериса... Она лелѣетъ мысль о семейномъ счастьи съ нимъ... Проходитъ слухъ: Чемерисъ сватаетъ другую. Слухъ подтверждается...

Я ни за кого не выйду замужъ—рѣшаетъ Татьяна. За нее сватаются, она отказываетъ... Вѣра въ людей, надежда на людей подорвана. Нарушена наивная психика дѣвушки...

Отчимъ её очень любитъ. Она знаетъ это. Она тоже очень любитъ отчима.

Отчимъ берётъ въ помощницы своей жены сироту 16—17-лѣтнюю Матрену Чычахъ... Онъ, отчимъ, хочетъ показать, что Чычахъ не раба наемная, а равноправный членъ семьи... „Эта дѣвушка тоже моя дочь, моя новая дочь"—говоритъ отчимъ при Татьянѣ и своей женѣ; онъ ласкаетъ Чычахъ, какъ свою падчерицу Татьяну... Такъ же будитъ ее рано утромъ, гладя рукой по головѣ или поцѣлуемъ въ лобъ, какъ и Татьяну. Якуты любятъ дѣтей. Отношенія ихъ къ дѣтямъ полны трогательной нѣжности...

— Я могу любить и цѣловать дѣвушку, какъ отецъ, пока ей не исполнилось 20 лѣтъ; тогда ей нужна другая любовь—говоритъ отчимъ при Татьянѣ.

— Мнѣ 24 года — соображаетъ Татьяна — отецъ меня больше не любитъ такъ, какъ прежде...

Она начинаетъ слѣдить за каждымъ словомъ и движеніемъ отца, какъ опытный охотникъ за звѣремъ, желая его поймать, достигнуть цѣли. Она ревнуетъ отчима.

Она убѣждаетъ себя, что отчимъ пересталъ ее любить. На ея чувствительную натуру это производитъ сильное дѣйствіе. Во второй разъ подорвана наивная вѣра въ людскія хорошія отношенія. Дѣвушка томится, временами тоскуетъ...

— У меня кружится голова, путаются мысли—жалуется матери дѣвушка...

Проходитъ нѣсколько дней. За нею мать слѣдитъ незамѣтно. Вечеръ. На дворѣ порывистый вѣтеръ шумитъ о стѣны юрты, шумитъ объ изгородь, шумитъ въ трубѣ камелька. Тихо въ юртѣ... Семья Хоспохъ поужинала, дѣти улеглись спать. Хоспохъ куритъ трубку. Она сняла обувь. Чычахъ починяетъ свою обувь. Въ рукахъ Татьяны трубка. Она взяла лучину закурить и задумалась... „Взглядъ сталъ мутнымъ (куһаганъ харакъ)"—передавала Акулина потомъ, съ картинной подробностью, всѣ

мелочи этого факта и его обстановки отчиму (т. е. мнѣ). Мать замѣчаетъ разстроенный взглядъ, сердце матери чувствуетъ страданіе дочери. Мать насторожѣ... Дѣвушка безсознательно встаетъ и выходитъ изъ юрты.

Прошло немного времени, дочери нѣтъ. Акулина надѣваетъ обувь. Обращается къ Чычахъ, предлагаетъ ей итти за Татьяной.

— „Татьянѣ скверно, пойдемъ".

Обѣ вышли изъ юрты. На бѣломъ фонѣ дѣвственнаго покрова зимы видна удаляющаяся черезъ озеро темная фигура дѣвушки. Вдали за открытымъ полемъ видна черная полоса лѣса... Съ яркаго синяго неба блѣдный свѣтъ луны заливаетъ бѣлоснѣжную поверхность озера, юрту на пригоркѣ озера, отдаленный лѣсъ и три фигуры,—освѣщаетъ картину: Чычахъ и Хоспохъ быстро нагоняютъ Татьяну, медленно подвигающуюся къ черной полосѣ лѣса, выступающей вдали, на бѣломъ фонѣ. Мать нѣжно обнимаетъ свою дочь... Молча возвращаются домой... Ласки матери успокаиваютъ Татьяну...

На другой день сообщаютъ мнѣ. Я глажу нѣжно свою падчерицу по головѣ, плечамъ, спинѣ; прижимаю ее голову, цѣлую въ лобъ... Она, какъ ребенокъ, довольна лаской...

— „Моя хорошая дочка, что ты выдумала? я тебя люблю, какъ любилъ, и всегда буду любить...

Желаніе уйти въ лѣсъ, безсознательное, больше не повторялось у Татьяны... Татьяна—сильная, рослая дѣвушка, хорошая мастерица, усердный промышленникъ—рыболовъ. Она не омерякъ.

1901. Матрёна Машина. Дѣвушка стройная, высокая; усидчивая мастерица, —ей 18—20 лѣтъ... Живетъ у брата, старосты. Отецъ и мать умерли. Братъ женатъ. Его жена была бы красавицей... Одинъ у нея глазъ вытекъ—это портитъ ее анфасъ. Въ профиль она очень красива... Въ ея характерѣ эгоистическое непониманіе страданія ближняго. Она не заражается несчастьемъ другого, не радуется радостью ближняго; у нея есть зависть... Она должна всегда помнить, что у нея нѣтъ одного глаза... Ей, чтобы сохранить пріятное впечатлѣніе на другихъ, нужно стараться держаться къ людямъ стороной съ глазомъ... Въ этомъ глазѣ всегда есть примѣсь испуга и жестокости...

У дѣвушки Машины нѣтъ родственной теплоты къ семьѣ, гдѣ она живетъ... Она видитъ тепло семейной жизни кругомъ себя; она всѣмъ чужая. Часто на ея лицѣ можно углѣдить исканіе чего-то...

— „Машина больна третій день, сидитъ на оронѣ, ничего не ѣстъ. Ей говоришь—не отвѣчаетъ“—докладываетъ ея братъ Бурдустаръ, когда проѣзжаетъ объѣздомъ докторъ, Сергѣй Ивановичъ Мицкевичъ. Докторъ прописываетъ ей бромистый натръ... Оставляетъ мнѣ порошковъ, чтобы разводить и давать ей пить, когда будетъ „нервный припадокъ“...

— Давайте теперь, пока не успокоится,—говоритъ мнѣ Сергѣй Ивановичъ,—три раза въ день по столовой ложкѣ.

Докторъ уѣхалъ... Я исполнялъ предписанія, наблюдалъ за дачею трехъ разъ въ день по столовой ложкѣ. Натръ не могъ дать любви и теплоты отношеній. Онъ парализовалъ нервы. Проводники — рабы психическаго міра — отказались служить. Психическій зарядъ не былъ разряженъ. Дѣвушка грустная, подавленная, сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ... Она покорно принимала лѣкарство сначала; потомъ отклоняла ложку. Бурдустаръ, какъ староста, аккуратно исполнялъ предписаніе доктора: кончалась одна бутылка—онъ приходилъ ко мнѣ за другой. Чисто вымывалъ я стклянку, всыпалъ бромистый натръ... Предписанія исполнялись съ точностью. Черезъ недѣли двѣ дѣвушка умерла тихо, молча, выпивъ съ перерывами три-четыре стклянки бромистаго натра...

Въ культурѣ взаимной равной нужности, гдѣ еще нѣтъ обособленія этой нужности отъ человѣка, нервы и чувства такъ тѣсно взаимно связаны, что опасно разъединять эту связь, парализовать нервы, чтобы не дать мѣста демонстративному разряду чувствъ. Это можетъ привести къ прекращенію нервной дѣятельности—къ смерти...

Михайло Тюканъ, сынъ Чемогороя. Онъ хорошій промышленникъ... У него страсть играть въ карты...

— „Не играй въ карты“—говорю я ему.

Онъ часто приходитъ ко мнѣ, приноситъ пушнину, беретъ деньги, чай, табакъ и другіе нужные предметы... Ко мнѣ относится съ чувствомъ нѣкотораго родства, я къ нему съ теплотою родственника.

— „Не будешь играть въ карты—будетъ у тебя лошадь, корова... Сколько ты проигралъ „Бурдустару“, сколько проигралъ „Парнишкѣ“—можно было бы купить лошадь.

— „Я брошу играть...“—говоритъ онъ.

Я беру съ него слово, что онъ больше не будетъ играть въ карты...

Прошло четыре-пять мѣсяцевъ. Опять Тюканъ вернулся съ промысла. Онъ промыслилъ хорошо бѣлокъ. Опять Парнишка

и Бурдустаръ обыграли его. Опять приходитъ ко мнѣ. Я его журю. Ему досадно. Онъ чувствуетъ себя виновнымъ передо мною. Ему досадно: лошадь ушла съ его горизонта...

— „Я могъ бы выиграть... Я тогда купилъ бы лошадь“...— оправдывался Тюканъ передо мною...

— Ты не можешь выиграть... Ты плохо играешь; ты боишься проиграть. Они опытные игроки; тебя всегда обыграютъ...

Та же исторія повторилась опять. Наконецъ, мнѣ удалось убѣдить его настолько, что онъ, боясь проиграть, пришелъ ко мнѣ съ бѣлками, крадучись отъ Бурдустара и Парнишки. Онъ купилъ лошадь, корову; часть денегъ далъ, часть обѣщалъ уплатить.

Жаль было ему теперь проигранныхъ денегъ. Въ первый разъ онъ увидалъ, что онъ терялъ, желая насчетъ выигрыша поправить свои дѣла... Доказательство налицо—у него лошадь и корова...

Онъ холостъ. Сваталъ дѣвушку. Вышло недоразумѣніе. Сватая дочь, онъ „спалъ“ съ матерью... Мать забеременѣла... Жениться на дочери оказалось невозможнымъ. Все случилось для него непонятно, не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Онъ хотѣлъ выиграть и проигрывалъ... Хотѣлъ жениться—не удалось... Его не обманывали; виновнаго нѣтъ. Его гнетутъ эти неудачи... Онъ въ обществѣ людей... Въ лѣсу онъ торжествуетъ, онъ побѣждаетъ. Прійдетъ изъ лѣса—терпитъ пораженія... Въ лѣсъ! Въ лѣсъ къ удачамъ... Тамъ нѣтъ пораженія. Съ ружьемъ, съ топоромъ, подстилкой, одѣяломъ, котелкомъ онъ идетъ въ бой съ жизнью, одинъ, самъ, и онъ побѣждаетъ. Весь этотъ процессъ проходитъ путемъ безсознательнаго мышленія отъ начала до конца. Само рѣшеніе лишено сознанія. Онъ съ своимъ сознаніемъ подчиняется ему, какъ року, внѣ его находящемуся... Его куда-то тянетъ этотъ властный рокъ... Путь для безсознательнаго выхода тотъ же, куда направляется его сознательная дѣятельность за пищевыми средствами, за пушниной... Этотъ извѣстный ему хорошо путь—путь въ „лѣсъ“.

Тюканъ пропалъ... Тюканъ ушелъ „въ лѣсъ“... Его не было нѣсколько дней. Потомъ его отыскали. Ему не говорили, гдѣ онъ былъ, пока онъ совершенно не успокоился. Скоро послѣ этого онъ сошелся съ дѣвушкой. Женился на ней.

Отецъ Тюкана, Меркурій Чомогорой — промышленникъ-поэтъ... Явится у него мысль промыслить рыбу изъ чужихъ сѣтей, когда мимо ихъ, чужихъ сѣтей, онъ проѣзжаетъ на лодкѣ—онъ ее сейчасъ приведетъ въ исполненіе... Рыба изъ чужой сѣти—въ его лодкѣ...

Проѣзжаетъ мимо урасы. Его тянетъ любопытство: „что есть въ урасѣ?"... Ураса Акулины Хоспохъ... Она ушла изъ промысла...

— „Ураса завязана клячей. Значитъ, въ урасѣ юкола есть"...—соображаетъ Чомогорой.

Возможность поѣсть жирной юколы раздражаетъ его аппетитъ. Удержаться нѣтъ возможности. Онъ зоркимъ глазомъ окидываетъ окрестность... Далеко внизъ тянется лента широкой Колымы, никого не видать... Смотритъ онъ вверхъ по теченію, до Сьенъ-Тамаха; на Сьенъ-Тамахѣ и дальше еще съ версту никого не видать. Лодка Меркурія маленькая, скользитъ безслышно близъ берега, гдѣ тоня Акулины; онъ проѣхалъ тоню, проѣхалъ протоки, причалилъ къ берегу. На верху крутого берега ураса... Онъ развязалъ веревку. Въ урасѣ виситъ юкола надъ потухшимъ очагомъ... Въ углу закрыто берестой лукошко; въ немъ около полупуда рыбы... Все оказалось скоро въ лодкѣ Чомогороя. Ураса завязана. Чомогорой тутъ же разводитъ огонь, варитъ чай, рыбу; насыщается...

Рѣдко когда Чомогорою удается скрыть слѣды преступленія. Его всегда ловятъ, уличаютъ. Дѣлаютъ выговоръ:

— Нужно тебѣ было, ну, взялъ бы одну-двѣ юколы, съѣлъ бы... Нѣтъ, тебѣ надо всѣ... Ты другого человѣка оставилъ голоднымъ... это не хорошо! Сюр! сюр киhи! [1]).

Иногда присуждаютъ вознаградить пострадавшаго въ двойномъ количествѣ.

Чомогорой былъ молодъ. Въ окрестности его знали. За такого „сюр киhи" дѣвушка врядъ ли пошла бы...

Онъ ѣдетъ внизъ, сплавляетъ дрова; тамъ узнаетъ, гдѣ есть невѣста, принаряжается, выдаетъ себя за богатаго человѣка... Беретъ себѣ дѣвушку въ жены...

Культъ взаимной равной нужности воспитываетъ чувство вѣры другъ въ друга. Чомогорой его широко эксплоатируетъ... Дѣвушка стала женой. Пустая разоренная юрта Чомогороя прибрана. Приданымъ заполнена пустота юрты... Внутренній міръ жены нарушенъ... Она, жена Чомогороя, хорошая работница, сильна, молода; дѣтей родила мало. У нея было огромное преимущество передъ мужемъ. Онъ нарушилъ культъ взаимной вѣры и всегда чувствовалъ это. Въ семейныхъ сценахъ нарушеніе культа отнимало у него энергію;—онъ терпѣлъ пораженія.

[1]) „Сюр" (ужасный человѣкъ) здѣсь употребляется въ смыслѣ человѣка, не считающагося съ интересами другого, интересами наслега in concreto... „Киhи"—человѣкъ.

Матрена, жена Чомогороя, уже стара. Лѣто она косила сѣно вмѣстѣ съ мужемъ на Родчевскомъ полѣ. Сѣно косила не для себя, не для своихъ коровъ. Своихъ коровъ уже нѣтъ. За долги несуразнаго мужа пошли коровы, осталось немного коннаго скота... И теперь она коситъ сѣно богатому якуту за долгъ мужа, за забранный въ кредитъ товаръ.

Мужу ея даютъ въ кредитъ не такъ, какъ другимъ якутамъ; надъ нимъ подсмѣиваются и не дадутъ, сколько проситъ, а всегда меньше, съ улыбками не то сожалѣнія, не то презрѣнія.

Работать надо, пища плохая, силы растрачены. Жизнь ушла. Она—старуха. Прежде она была не такая. Она—дочь почетнаго якута. Прошедшее идеализируется бѣдной женщиной... Сопоставленіе его съ настоящимъ окончательно разстраиваетъ ее... Работящая женщина усиленнымъ трудомъ заглушаетъ, пополняетъ недочетъ своего нравственнаго міра...

Работа окончена... Сѣно смётано въ стога... Женщина сидитъ одна въ юртѣ, въ самой бѣдной обстановкѣ... Вездѣ разрушеніе... Нѣтъ возстановленія... Чайникъ красной мѣди, старый, измятый; котелокъ мѣдный съ прогорѣлыми краями; обнажился желѣзный обручъ; мѣстами просвѣты около обруча. Чтобы не выливалась жидкость и не заливала огня, онъ. котелокъ, стоитъ накрененный на сравнительно цѣлую сторону...

Смотритъ женщина усталыми глазами на чайникъ, на потухающій камелекъ, и ей рисуется картина прежняго довольства.

Пепломъ покрылись угли и головешки дровъ... Камелекъ не грѣетъ... Женщина чувствуетъ усталость. И въ то же время чувствуетъ, что нѣтъ выхода. Смотрятъ глаза въ одну точку и ничего не видятъ. Она медленно встаетъ, выходитъ изъ юрты...

Приходитъ Чомогорой, жены нѣтъ. Онъ раздуваетъ огонь, варитъ чай, варитъ пищу... Проходитъ день, другой—жены нѣтъ. Пришла и прошла зима, жены нѣтъ. Весной якуты-сосѣди сплавляли лѣсъ внизъ по рѣкѣ... Отъ жителей, ниже Салгытара, мѣстожительства Чомогороя, верстъ на 200, они узнали, что найдены кости человѣка на берегу рѣки... Это кости Матрены, жены Чомогороя...

Такъ можно нарисовать картину пропажи и гибели Матрены, жены Меркурія Чомогороя. Женщина встала; ей представилась прежняя ея достаточная жизнь въ домѣ почетныхъ родителей. Ее тянуло къ этой жизни. Она шла къ ней загипнотизированная своимъ прошлымъ, она перестала чувствовать настоящее. Она шла и шла. Вышла на Колыму, вошла въ воду... Вода по

колѣно, по поясъ, по грудь. Она ничего не чувствуетъ. Настоящаго для нея нѣтъ. Оно ей не нужно... Она идетъ въ прошедшее, возвращается вспять... Она уже не старуха. Она — та юная, сильная, молодая дѣвушка, за которую сватается „пріѣзжій человѣкъ“, прослышавшій о хорошей дѣвушкѣ... Пріѣзжій человѣкъ говоритъ покойнымъ солиднымъ тономъ о ея добродѣтеляхъ, какъ онъ слышалъ отъ другихъ; говоритъ о своемъ достаткѣ... Теперь она, эта сильная дѣвушка, она истрачиваетъ свои послѣднія старческія силы, чтобы стать сильной дѣвушкой... Она, можетъ-быть, поетъ въ увлеченіи своей пропавшей молодостью, сильнымъ голосомъ... Вода уже подходитъ къ шеѣ. Силы ея не могутъ сопротивляться теченію... Теченіе её сноситъ, воды Колымы закрываютъ её...

Это еще не сумасшествіе. Это еще не сомнамбулизмъ. Это еще не самоубійство. Съ развитіемъ культуры, съ развитіемъ сознанія это перейдетъ черезъ сомнамбулизмъ или въ самоубійство, или въ сумасшествіе. Когда, съ развитіемъ жизни человѣчества, явится сознаніе болѣе стройное внутри субъекта, оно обособитъ его отъ внѣшняго міра, станетъ отвлеченнѣе. Потеря связи этого отвлеченнаго сознанія съ фактами внѣшняго существованія и есть психическое разстройство — сумасшествіе... Пока сознаніе образно, конкретно, стихійно, пока не отвлечено отъ внѣшняго міра — есть заряженіе этимъ внѣшнимъ субъекту существованіемъ и стремленіе разрядиться вовнѣ въ дѣйствіи: еще нѣтъ сумасшествія и самоубійства.

Я не знаю ни одного сумасшедшаго за всё слишкомъ 18-лѣтнее близкое знакомство съ психическимъ міромъ якутовъ.

Одинъ фактъ самоубійства прошелъ передо мною.

Имя якута я забылъ.

Жилъ онъ хотоннымъ якутомъ у богатаго сородовича.

Онъ былъ въ экспедиціи Миддендорфа переводчикомъ; его портретъ помѣщенъ въ числѣ типовъ якутскихъ у Миддендорфа.

Этого якута коснулась высшая культура. Онъ часто бывалъ у меня, когда я жилъ въ Жулейскомъ наслегѣ Ботурусскаго улуса Якутскаго округа въ 1885 году.

Въ концѣ 1885 или въ январѣ 1886 г. онъ повѣсился въ юртѣ, послѣ сцены съ женою, укорявшею его въ бѣдности.

Отъ него перваго я услыхалъ характерную фразу якутовъ Якутскаго округа:

— Богатый человѣкъ — хорошій человѣкъ, бѣдный человѣкъ — не хорошій человѣкъ...

Эта фраза—лебединая пѣснь охотничьей мирной культуры, тступающей въ вѣчность предъ призракомъ Бога и земледѣліемъ...

Съ лѣвой стороны въ Колыму впадаетъ рѣка Ясачная, въ Ісачную Нельмина... Сюда на Нельмину прикочевывали ламуты і юкагиры. Построили свой поселокъ... Источникъ ихъ жизни— ›хота, рыбный промыселъ, постройки карбасьевъ. Казенный 'рузъ муки, соли, пороха изъ Якутска до Верхне-Колымска шелъ вьюкомъ. Здѣсь его грузили на карбасья, и онъ, грузъ, ›одою шелъ до Средняго и Нижняго Колымска. Постройка кар-басьевъ для сплава казеннаго груза и самый сплавъ давали юкагирамъ и ламутамъ изрядный доходъ. Съ конца 1890-хъ го-довъ грузъ пошелъ другимъ путемъ—черезъ Олу на Буюнду, притокъ верховьевъ Колымы... Тамъ, на Буюндѣ, строили боль-шіе паузки на сотни пудовъ, а потомъ и на болѣе тысячи, и сплавляли на этихъ паузкахъ грузъ и казенный и купеческій. Медленно, торжественно эскадра, паузковъ 4—6, поднявъ огром-ныя весла вверхъ, спускалась по Колымѣ. Паузки проходили мимо ламутовъ и юкагировъ, уходившихъ съ марта или апрѣля на верховья Колымы или Корkодона дѣлать карбасья, вѣтки и стружки. Покойно проплывавшіе паузки входили новымъ фак-томъ въ жизнь юкагировъ и ламутовъ.

Съ начала 1890 г. стали постепенно падать пушные, звѣр-ные, пищевые и рыбные промыслы. Количество омулей, глав-ной пищи ламутовъ и юкагировъ, уменьшилось. Омули въ 1900 году дошли до верховьевъ Колымы въ небольшомъ коли-чествѣ. Изъ сотенъ тысячъ ихъ начали промышлять уже де-сятки. Въ 1903 г. омули не дошли до Нельминой; ихъ глав-ная масса дошла до Зарянки, впадающей ниже Ясачной въ Колыму. Ламуты и юкагиры еще раньше, съ 1900 года, тер-пѣли нужду. Нужда не уменьшалась съ годами, а всё увели-чивалась и увеличивалась и перешла въ 1904 году въ голодъ. Систематически увеличиваются гнетущія условія. Они, условія эти, давили на психику юкагировъ и ламутовъ. Появилось нерв-ное, возбужденное состояніе. Возбужденіе дошло въ 1903 году до высокаго напряженія. Нужно было ему разрядиться. Появи-лись ирэры... На сто семей—4—6 ирэровъ. Прежде не было или рѣдко бывалъ 1 случай, какъ исключеніе.

Очень многіе якуты верховья Колымы торгуютъ съ ламутами и юкагирами. Ихъ достатокъ былъ связанъ съ благосостояніемъ ламутовъ и юкагировъ. Омули и для якутовъ также имѣютъ боль-шое пищевое значеніе, звѣрные промыслы тоже... Торговля велась въ кредитъ; промыселъ обезпечиваетъ кредитъ.

Василій Винокуровъ Околуръ, человѣкъ состоятельный, уже старикъ, пріобрѣлъ свое состояніе промысломъ и торговлей с ламутами. Онъ очень близко стоялъ къ ламутамъ. У него взрослые сыновья. Онъ и его сынъ Петръ тоже подверглись этой формѣ психическаго разряженія—стали прэрами.

— Какъ Пёчука (такъ называли Петра, сына Околура) поѣдетъ къ ламутамъ, такъ ему и плохо—говорили якуты.

Околуръ чувствовалъ себя легче, когда удалялся съ своего мѣста подальше отъ ламутовъ...

II.

1900 годъ. Мартъ. Эмяхъ.

Авдотья Дьячкова Ненякяй стоитъ на оронѣ. Ея руки скручены ремнями, она привязана къ стѣнѣ. Она съ ножомъ гонялась за женою своего брата, хотѣла её убить.

Два года съ лишнимъ она уже ирэръ. Ей 23 — 24 года. Дѣвушка она очень чувствительная, ищетъ сильныхъ ощущеній. Одна изъ немногихъ якутокъ, играющихъ въ карты; хорошая хозяйка и промышляетъ рыбу.

Лѣтомъ, во время сѣнокоса, умерла ея мать. Смерть матери для дѣвушки невознаградимая потеря. Кругомъ ходятъ, движутся люди. Они ей чужіе. Они, люди, не хотятъ любить её. Она сердится на нихъ, недовольна ими. Эти процессы идутъ безсознательно. Люди помогаютъ другъ другу въ бѣдѣ. Это она видитъ изъ ежедневнаго опыта жизни. Ей не хотятъ помочь; не хотятъ её любить. Недовольство растетъ,—растетъ съ каждымъ новымъ фактомъ взаимной помощи и взаимной любви, проходящимъ передъ ея глазами. Она хочетъ взаимной любви, ея внутренній міръ требуетъ ея, этой любви. Любви нѣтъ. Дѣвушка озлобляется на людей за то, что они не даютъ ей того, чего хочетъ ея любящая чувствительная натура. Она хочетъ убить этихъ окружающихъ её безсердечныхъ людей; убить за то, что они не любятъ ея. Дѣвушка становится сосредоточенной, разсѣянной, безсознательная мысль гнететъ её.

— „У нея плохіе глаза“ — говорятъ наблюдательные якуты.

Отъ нея начинаютъ прятать ножи, топоры. Дѣвушка слѣдитъ за людьми. Они прячутъ ножи и топоры. Этотъ пріемъ людей подсказываетъ ей образъ дѣйствій: она безсознательно начинаетъ искать ножей, топора, пешни, пальмы. Воруетъ эти вещи и тоже прячетъ. Сознанія нѣтъ. Озлобленіе не дошло до

эслѣдней степени напряженія. Психическій зарядъ разряжается ь приготовленіи къ чему-то. У нея въ рукахъ спрятанный подъ убаху ножъ замѣтили. Ножъ хотятъ отобрать. Старшаго брата ѣтъ въ юртѣ. Старшій братъ, Николай Кягякъ, мягкимъ лющимъ голосомъ уговорилъ бы её, она отдала бы ножъ; такъ ывало не разъ. Она любитъ брата своего Николая. У нея хотятъ гобрать ножъ, совершить насиліе. Она защищается. Убить чеэвѣка не въ курсѣ жизни якутовъ Колымскаго округа. Необэдимость обороны, озлобленіе нарушаютъ курсъ. Нянякяй съ езумнымъ взглядомъ бросается на женщинъ съ ножомъ въ рукѣ. юзнательнаго желанія убить нѣтъ. Она, вѣроятно, не убила бы. У страха глаза велики". Тырахы Спиридонъ, ея братъ, хватаетъ ё сзади, обезоруживаетъ, связываетъ ремнями и привязываетъ ъ стѣнѣ.

Въ такомъ положеніи застаемъ мы её, пріѣхавъ, проѣздомъ ъ городъ, ночевать въ страннопріимную юрту Спиридона Тыэахы. Въ юртѣ, кромѣ насъ, т.-е. меня и писаря Ковынина, ще Чемеристъ, молодой якутъ съ пріятнымъ умнымъ лицомъ, юдственникъ Спиридона и Нянякяй.

— „Зачѣмъ хочешь ты сдѣлать зло людямъ?.. Ты хорошая, мирная дѣвушка; тебя всѣ любятъ. Напрасно ты думаешь, что гебя не любятъ"—уговариваю я её. Она бываетъ у меня, я её знаю.—„Что это ты хочешь дѣлать?"

— „Почемъ я знаю, что я хочу... Я ничего не знаю"— отвѣчаетъ она.—„Меня привязали къ стѣнѣ. Я отъ роду не видала, чтобы людей привязывали къ стѣнѣ"—жалуется Нянякяй...

Говоритъ она спокойно, симпатичнымъ, глубокимъ голосомъ. Видно, что мысль ея еще занята какимъ-то планомъ, неопредѣленнымъ, безсознательно бродящимъ въ головѣ...

— „Она дѣвушка хорошая, развяжите её, она ничего не сдѣлаетъ дурного"—уговариваю я Спиридона по-якутски.

— „У нея плохіе глаза"—шепчетъ мнѣ сосѣдъ Чемеристъ.

— „Нѣтъ, она ничего не сдѣлаетъ дурного"—настаиваю я.— „Напрасно она думаетъ, что ея не любятъ; её любятъ всѣ"— говорю я громко, больше по ея адресу...

Соглашаются её развязать.

Она развязана, свободна.

Николай Кягякъ полулежитъ на оронѣ. Ножъ якутскій въ ножнахъ привязанъ снаружи къ штанамъ правой ноги немного выше колѣна.

Нянякяй подходитъ къ брату, ласкается, полуложится

около него, облокачивается на ногу брата. Ласкаясь старается вытащить ножъ изъ ноженъ.

— „Не надо“—говоритъ тихо Кягякъ, нѣжно отклоняя руку сестры.

— „Я хочу курить,—мнѣ нужно накрошить табаку“—говоритъ сконфуженно дѣвушка.

У нея въ рукахъ пустая трубка съ „богулкой“ (ламутскимъ кисетомъ).

— „Дай“—говоритъ Кягякъ, протягивая руку за трубкой—„я тебѣ накрошу“.

На ночь всѣ размѣстились по оронамъ.

Нянякяй положили съ Чемеристъ на одномъ оронѣ... Чемеристъ полушопотомъ что-то говорилъ Нянякяй.

— „Она его послушаетъ“—тихо сказалъ Спиридонъ.—„Она его любитъ, онъ ея родственникъ“.

На утро Нянякяй была здорова.

Прошло три-четыре мѣсяца. У Нянякяй опять разрядъ недовольства. Изъ юрты всѣ ушли—кто за дровами, кто за чѣмъ. Нянякяй осталась одна. Въ почетномъ углу просторной, высокой, чистой юрты образъ Божіей Матери. Каждый день семья братьевъ Дьячковыхъ утромъ и вечеромъ молится передъ образомъ.

— „Богъ помогаетъ всѣмъ въ несчастіи“—говоритъ священникъ.—„Проси, вѣрь, и Онъ, Великій Единый Богъ Создатель, поможетъ тебѣ“.

Совершать требы во время объѣздовъ прихода священникъ останавливается въ просторной юртѣ Спиридона. Спиридонъ уменъ, зажиточенъ; онъ же и староста... Нянякяй слушаетъ службу священника, короткія поученія; видитъ сборы за службу, требы, поученія. Нянякяй одна. Она опять возмущена. Она не удовлетворена, ея не любятъ, какъ она хочетъ. Въ юртѣ, кромѣ нея и Бога, никого нѣтъ...

— „Богъ всё можетъ. Онъ не хочетъ дать, что мнѣ нужно“—говоритъ безсознательное мышленіе дѣвушки.

Въ ея мозгу запечатлѣлись слова священника о силѣ, могуществѣ, всевѣдѣніи Бога, о Его благости, добротѣ. И этотъ самый благій (берть ючюгяй саналахъ) Богъ ничего не дѣлаетъ для нея. Всѣ эти процессы мысли идутъ безсознательно въ головѣ дѣвушки. Ея простая жизненная логика говоритъ ей:

— „Если Богъ мнѣ не помогаетъ—Его мнѣ не надо“.

Приходятъ, возвращаются якуты въ юрту. Нянякяй сидитъ въ особенномъ возбужденномъ состояніи, какъ человѣкъ излившій свою душу, свое озлобленіе въ фактѣ.

Спрашивать Нянякяй безполезно. Она ничего не знаетъ, что она дѣлаетъ... Вопросъ ей задаютъ всё-же, больше для порядка...

— „Что я знаю? Я ничего не знаю... Кто знаетъ?“— отвѣчаетъ Нянякяй обычными фразами, выражающими полное невѣдѣніе.

Искали въ камелькѣ, въ золѣ, слѣдовъ Бога—слѣдовъ Бога не оказалось, не могла Нянякяй бросить его въ воду,—Онъ, Богъ деревянный, плавалъ бы; не могла изрубить въ щепки,— наблюдательные якуты узнали бы щепки „дерева съ юга“ въ массѣ щепокъ...

Нянякяй взяла Бога и унесла его далеко въ лѣсъ, положила подъ мохъ или подъ толстое гнилое дерево, чтобы Онъ не былъ въ ея юртѣ,—въ юртѣ, гдѣ живетъ она, страдающая, а онъ, всесильный и всеблагій, не хочетъ помочь ей.

Пріѣхалъ ко мнѣ Николай Кягякъ „посовѣтоваться“.

— „Нашъ отецъ“ (такъ называютъ якуты священника) хочетъ послать Нянякяй на покаяніе въ городъ“—заключилъ свое обстоятельное сообщеніе Кягякъ—„Ты какъ посовѣтуешь?“

Я успокоилъ Кягяка, что за это ничего быть не можетъ...

Потомъ мы рѣшили найти Нянякяй хорошаго человѣка и выдать замужъ. Она была самостоятельная богатая невѣста... Молодой якутъ Хонхолой Поповъ, не глупый, „кöрсюö киһи“ (разсудительный человѣкъ), былъ, по нашему мнѣнію, человѣкъ подходящій. Мои отношенія къ Попову Хонхолою были теплыя. Я переговорилъ съ нимъ, указалъ на Нянякяй, какъ на хорошую неглупую дѣвушку, ищущую любви. Хонхолой по характеру былъ семьянинъ, томился безъ семьи, безъ теплаго своего угла, для котораго онъ работалъ бы... Онъ любилъ играть въ карты. Я помогалъ избавиться отъ этой страсти. Скоро ихъ обвѣнчали.

Первое время Нянякяй была покойна. Новость положенія она приняла за любовь. Потомъ мужъ сталъ ей ненавистенъ, она хотѣла его убить, она чувствовала дѣланность его любви, не находя въ ней самоотверженія материнской любви,— любви, которую она потеряла со смертью матери. Хонхолой уѣхалъ въ городъ; опять игралъ въ карты и проигрывалъ. Еще разъ пришелъ ко мнѣ „посовѣтоваться“. У него началась любовь къ своей молодой женѣ. Они опять жили вмѣстѣ. Прямая натура Нянякяй почувствовала искренность любви Хонхолоя... Нянякяй нравственно была удовлетворена...

Появленіе паузковъ и паденье рыбныхъ промысловъ нару-

шили психическое равновѣсіе—усилились проявленія психическаго напряженія и психическаго разряда въ формѣ ирэръ, на счетъ менериковъ и омеряковъ.

Давно, юношей (въ 1865—66 гг.), читалъ я о разныхъ формахъ проявленія субъективнаго настроенія, какъ протеста противъ давленія общества на внутренній міръ человѣка.

Меня заняло одно проявленіе у дикарей Полинезіи. Это проявленіе сильнаго негодующаго протеста, если мнѣ не измѣняетъ память, называли дикари „помали".

Съ ножомъ въ рукахъ бѣжитъ дикарь по улицѣ посёлка. Онъ хочетъ убить перваго встрѣчнаго. Его предупреждаютъ дикари. Съ крикомъ несутся за нимъ вооруженные дубинами и убиваютъ его, какъ бѣшеное животное.

Психика этого несчастнаго теперь, при изслѣдованіи ирэровъ и исторіи ихъ разряженія, мнѣ становится ясна. Онъ недоволенъ обществомъ людей. Чѣмъ недоволенъ—онъ не даетъ еще себѣ отчета. Недовольство сильное, стихійное, не обращено на частное лицо, не вызвано частнымъ фактомъ. Онъ живетъ въ культурѣ, гдѣ человѣкъ не рабъ факта. Онъ тоже—не приниженный культурной средой рабъ культуры. Съ ножомъ въ рукахъ онъ вызываетъ на бой всю культуру въ образной формѣ перваго попавшагося человѣка, какъ члена общества, какъ мирящагося съ культурой. Онъ не сумасшедшій; онъ—герой, вызывающій на бой то, что давитъ его. Это эмбріонъ нашихъ максималистовъ... Онъ будетъ сумасшедшимъ, когда онъ будетъ жить въ культурѣ, гдѣ культурная среда создала сознательное отношеніе къ своимъ чувствамъ, гдѣ наука замѣнила традицію наслѣдственныхъ знаній, гдѣ наука создала строго разсчитанную цѣлесообразную дѣятельность, основанную на знаніи... Ни бромистые препараты, ни холодные души не помогутъ „помали". Ему нужна побѣда, торжество, или смерть, если нѣтъ иного способа разрядить свой сильный зарядъ психическій.

У мирныхъ якутовъ „ирэры" остаются живы.

У воинственныхъ дикарей Полинезіи убиваютъ „помали".

У насъ, людей высшей культуры, лѣчатъ психически разстроенныхъ людей, и они умираютъ въ психіатрическихъ больницахъ въ состояніи крайней апатіи или буйнаго умопомѣшательства.

Дѣвушка хочетъ любви. У якутовъ она, оскорбленная „наслегомъ" въ конкретной формѣ нужнаго ей человѣка, или безсознательно идетъ въ лѣсъ отъ общества людей, теперь ей не-

нужнаго, или ненавидитъ людей, не желающихъ дать ей изъ своей среды любящаго человѣка. Она вооружается ножомъ. Она не убьетъ. Не было убійства „ирэрами". Рѣдки случаи легкихъ пораненій. Рука мирнаго якута не привыкла къ убійству.

Дѣвушка сама не знаетъ, чего она хочетъ. Еще желанія не имѣютъ конкретизаціи. Она ищетъ чего-то. Тамъ, въ далекомъ до-историческомъ прошломъ, она уходила въ лѣсъ, ища въ лѣсу друга своему сердцу... Теперь её въ тиши ночи поражаетъ свѣтъ луны. Она идетъ на мягкій свѣтъ луны—искать въ немъ чувствъ успокоенія и милаго... Это—генерація отъ „лѣса", полнаго реальности,—лѣса, въ былыя времена низкой культуры населеннаго бродячими людьми,—до нашего умопомѣшательства.

Между этими двумя формами, формою якутовъ и сомнамбулизмомъ, еще можетъ быть и форма—вообще уйти со своимъ безпокойнымъ неопредѣленнымъ желаніемъ изъ своего дома,—искать безсознательно внѣ дома себѣ мужа, какъ въ древніе вѣка себѣ искалъ жены Іаковъ.

За сомнамбулизмомъ начинается область власти бромистыхъ аппаратовъ, промываній. Сознаніе побѣждаетъ инстинктъ. Болѣзни нервовъ побѣдить можетъ лѣченіе. Для психическаго заряда безсознательнаго нужно разряженіе.

В. Даниловъ.

Отрывки изъ наказа двинскому воеводѣ о встрѣчѣ королевича Вальдемара датскаго въ Архангельскѣ и по дорогѣ до Москвы.

I.

Предлагаемый мною отрывочный матеріалъ о встрѣчѣ королевича Вальдемара найденъ на оборотѣ одного изъ столбцовъ Приказнаго стола [1]). Отрывки датированы 1642 г., а какъ разъ въ этомъ году, въ апрѣлѣ, изъ Москвы были отправлены въ Данію послы: окольничій Степанъ Матв. Проестевъ и дьякъ Ив. Патрикѣевъ, которые должны были уговорить королевича Вальдемара вторично пріѣхать въ Москву. Разсчитывая, вѣроятно, заранѣе на удачу посольства, московское правительство рѣшило доставить Вальдемара въ Москву черезъ Архангельскъ и Вологду [2]).

По прибытіи королевича Вальдемара въ Архангельскъ, предполагалось встрѣтить его рѣчью черезъ толмача. Къ сожалѣнію, въ отрывкахъ наказа уцѣлѣло только начало рѣчи, содержащее титулъ московскаго царя, датскаго короля и обычное привѣтствіе королевичу Вальдемару.

Въ отрывкахъ этого наказа есть подробныя указанія двинскому воеводѣ [3]) о продовольствіи королевича Вальдемара и

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ № 1881, л. 30—34, оборотъ.

[2]) Посольство оказалось неудачнымъ, т. к. королевичъ Вальдемаръ отказался пріѣхать. Во второй разъ онъ пріѣхалъ послѣ того, какъ къ нему было отправлено новое посольство во главѣ съ Петромъ Марселисъ. Въ Москву онъ прибылъ въ январѣ 1644 г., когда, конечно, черезъ Архангельскъ нельзя было ѣхать, а потому его маршрутъ былъ на Вильно, Псковъ, и Новгородъ.

[3]) Стольникъ кн. Иванъ Никитичъ Хованской, двинскій воевода 1642—43 г. Архангельскъ былъ лѣтней резиденціей двинскихъ воеводъ.

его свиты въ дорогѣ. Приказано было давать королевичу „по 2 колача крупичатыхъ, да по 2 хлѣбца ржаныхъ, ситныхъ, бѣлыхъ“. Колачи крупичатые приказано „готовить нарочно, будетъ мочно крупичатые муки добыть“. Свитѣ же полагалось хлѣба и колачей „сколько надобно, какъ мочно сытымъ быть“. Мясные продукты: „яловицы, бораны, куры и полти ветчины“ приказано было давать „смотря по людемъ, сколько надобно“. Этихъ продуктовъ, какъ и хлѣба, очевидно, было много въ запасѣ, да и на мѣстѣ можно было достать. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ отпускомъ яицъ, масла, сметаны, крупъ, уксусу, свѣчей сальныхъ и восковыхъ и т. д. Хотя и приказано было выдавать все это„ сколько надобно и смотря по людемъ, чтобы было нескудно“, но тутъ же предлагалось приставамъ смотрѣть, чтобы „лишнево бы на сторону не шло“. Относительно же пьянаго зелья, если что попроситъ королевичъ, приказано было „давать, что мочно добыть, чего добыть немочно и въ томъ отговариватца, что приходъ ихъ учинился вскорѣ и вѣдома про королевича и про пословъ не было“.

Не забылъ наказъ и про питье для королевича и его свиты. Приказано было давать Вальдемару вино перепускное, ренское, и медъ паточный, и пиво доброе сколько нужно. Если же онъ попросилъ бы какихъ-нибудь другихъ напитковъ, то давать „што мочно добыть“. Датскимъ посламъ полагалось питья „противъ королевича вполы“. Дворяномъ королевскимъ и королевичевымъ „лутчимъ людемъ по 4 чарки вина добраго, по чети ведра меду, по ведру пива человѣку доброво“. Посольскимъ же рядовымъ людямъ по 2 чарки вина, по „полведерка пива человѣку, а худово бъ питья не было“.

Кормы и питье велѣно было послать въ дорогу съ цѣловальниками „съ кѣмъ пригоже, по росписи“. Относительно денегъ на дорожные расходы было сдѣлано распоряженіе ассигновать необходимую сумму „изъ нашихъ, исъ четвертныхъ, [1]) изо всякихъ доходовъ“ съ такимъ разсчетомъ, „чтобы одноличио скудости ни въ чемъ не было“.

Королевича Вальдемара до Вологды предполагали везти вод-

[1]) Доходы четвертные—группа доходовъ Московскаго государства, составлявшаяся изъ дани и оброка. Мнѣнія о происхожденіи ихъ названія расходятся. Одни полагаютъ, что эти подати могли быть названы четвертными, какъ платившіяся съ „четвертной пашни“; другіе, что они названы такъ по мѣсту своего поступленія, въ Четверти. Къ этому мнѣнію присоединяется и П. Н. Милюковъ въ своемъ трудѣ „Государственное хозяйство Россіи“.

нимъ путемъ, а потому въ наказѣ предписывалось устроить для королевича и пословъ „суда... добрые съ чердаки“. Кормщиковъ и гребцовъ должны были дать „какъ мочно поднятца“, да кромѣ того провожатыхъ до Вологды „стрѣльцовъ двѣсти человѣкъ или сколько пригоже“ съ сотникомъ. Вмѣстѣ съ королевичемъ и послами велѣно было отпустить и пословъ нашихъ: окольничаго Степ. Матв. Проестева и дьяка Ив. Патрикѣева со всѣми людьми.

Особенное вниманіе воеводы наказъ обращаетъ на своевременное сообщеніе въ Москву дня и числа, когда пріѣдутъ въ Архангельскъ королевичъ Вальдемаръ, наши и датскіе послы; сколько съ ними будетъ „королевскихъ дворянъ и королевскихъ лутчихъ, и всякихъ людей порознь, и сколько будетъ посольскихъ, и дворянскихъ людей“; сколько будетъ дано корму, питья, струговъ, кормщиковъ, гребцовъ и провожатыхъ; что королевичъ и послы съ приставами и воеводою будутъ говорить. Обо всемъ этомъ наказъ предписывалъ отписывать и кормовую подлинную роспись прислать въ Москву „наскоро съ рѣзвымъ гонцомъ“. Во время поѣздки королевича Вальдемара приказано было принять надлежащія мѣры для поддержанія порядка и безопасности въ дорогѣ, а потому каждый приставъ долженъ былъ получить именной наказъ, въ которомъ упоминалось „чтобъ они, ѣдучи дорогою, къ королевичу Вальдемару и къ посломъ, и къ дворяномъ, и къ ихъ людемъ держали честь и береженье великое, и ни отъ кого бы имъ никакого безчестья, ѣдучи дорогою и по городамъ, не было; такъ же бы и отъ нихъ русскимъ людемъ никакова насильства не было“. Весь этотъ наказъ архангельскому воеводѣ носитъ характеръ секретной переписки, такъ какъ въ концѣ его имѣется такая приписка: „а сеѣ нашу грамоту ты, князь Иванъ, держалъ бы еси у себя тайно, нихто бы еѣ опричь васъ иной невѣдалъ“.

Первые два отрывка (30—31 л.л.) кончаются слѣдующимъ: „У подлинной государевы грамоты и у росписи припись дьяка Григорья Львова. Подалъ государеву подлинную грамоту Архангельсково города пятидесятникъ стрѣлецкой Ѳедька Григорьевъ августа въ 25 день 7150[1]) году“.

Третій отрывокъ[2]) имѣетъ слѣдующую дату: „Писанъ на Москвѣ лѣта 7150, августа въ 13 день“.

---

[1]) 1642 г.
[2]) 32 л. и 33 л.

II.

Отъ Архангельсково города по станомъ до Вологды послать, смѣтя въ сколько денъ мочно поспѣть, а деньги на тѣ королевичевы и посольскіе кормы давать изъ четвертныхъ изъ двинскихъ доходовъ.

Королевичу Вольдемару по 2 колача крупичатыхъ да по 2 хлѣбца ржаныхъ, ситныхъ, бѣлыхъ, а велѣть про королевича колачи крупичатые готовить нарочно, будетъ мочно муки крупичатые добыть.

Датцкимъ посломъ и дворяномъ королевскимъ, и королевичевымъ, сколько ихъ будетъ, и посольскимъ, и дворянскимъ хлѣбовъ и колачей давать сколько надобно, какъ мочно сытымъ быть.

Королевичю же и посломъ, и дворяномъ, и людемъ ихъ давать яловицы и бораны, и куры, и полти ветчины, смотря по людемъ, сколько надобно.

Яицъ и масла коровья, и сметаны, и крупъ, и соли, и луку, и чеснову, и капусты, и уксусу, и на свѣчи восковые и сальные давать сколько надобно и смотря по людемъ, чтобъ было нескудно, а беречи и смотрѣть того велѣть приставомъ, чтобъ худово и скудости въ кормѣхъ не было, а лишнево бы на сторону не шло. (30 л.).

А пряные зелья и въ запросъ, чего королевичъ и послы попросятъ, давать, что̀ мочно добыть, а чего добыть не мочно и въ томъ отговариватца, что приходъ ихъ учинился вскорѣ и вѣдома про королевича и про пословъ не было.

А питье королевичу Вольдемару давать: вино перепускное, и ренское, и медъ паточный, и пиво доброе, сколько надобно и въ запросъ, чево попроситъ, давать, што̀ мочно добыть.

А датцкимъ посломъ питья противъ королевича вполы.

Дворяномъ королевскимъ и королевичевымъ лутчимъ людемъ по 4 чарки вина доброго, по чети ведра меду, по ведру пива человѣку доброво.

Посольскимъ рядовымъ людемъ, сколько ихъ будетъ, по 2 чарки вина, по полведерка пива человѣку, а худово бъ питья не было.

У подлинной государевы грамоты и у росписи припись дьяка Григорья Львова.

Подалъ государеву подлинную грамоту Архангельсково го-

рода пятидесятникъ стрѣлецкой Ѳедька Григорьевъ августа въ 25 день, 7150 году. (31 л.).

. . противъ поденного вдвое, а поденный кормъ давали бы есте нескудно и въ запросъ, чево королевичъ похочетъ, давали, что мочно добыть. И отъ Архангельсково города отпустили бы есте ихъ къ намъ, къ Москвѣ, а въ приставехъ съ королевичемъ послали того жъ голову стрѣлецкаго, а зъ датцкими послы сотника лутчего; и кормы, и питье поденное въ дорогу про нихъ послали съ цѣловальники, съ кѣмъ пригоже, по росписи, а давати бъ есте велѣли и сверхъ росписи сколько надобно; и денегъ на посольскіе на всякіе росходы послали изъ нашихъ, исъ четвертныхъ, изо всякихъ доходовъ нескудно, чтобы одноличто скудости ни въ чемъ не было. А суды подъ королевича велѣли устроить добрые съ чердаки и подъ пословъ также суды добрые и кормщиковъ, и гребцовъ велѣли имъ дать, какъ мочно поднятца, и провожатыхъ съ ними до Вологды послали съ сотники стрѣльцовъ двѣсти человѣкъ или сколько пригоже. И нашихъ пословъ: окольничего Степана Матвѣевича Проестева да дьяка Ивана Патрикѣева со всѣми нашими людьми, которые съ ними посланы, отпустили бы есте отъ Архангельсково города къ намъ, къ Москвѣ, съ королевичемъ же и зъ датцкими послы вмѣстѣ и суды, и кормщиковъ, и гребцовъ велѣли имъ дать, какъ мочно поднятца. А которого числа королевичъ Вольдемаръ и наши, и датцкіе послы къ Архангельскому городу пріѣдутъ и сколько съ ними королевскихъ дворянъ и королевскихъ лутчихъ, и всякихъ людей порознь, и сколько будетъ посольскихъ и дворянскихъ людей, и что королевичъ и послы съ приставы, съ тобою стольникомъ нашимъ и воиводою королевичъ Вольдемаръ поговоритъ, и котораго числа и отъ Архангельсково города къ намъ, къ Москвѣ, отпустите, и что имъ поденного корму и питья дадите, и сколько подъ нимъ струговъ и кормщиковъ, и гребцовъ отпустите, и сколько провожатыхъ пошлете, и вы бы о томъ о всемъ отписали и кормовую подлинную роспись прислали къ намъ, къ Москвѣ, наскоро съ рѣзвымъ гонцомъ напередъ ихъ отпуску, чтобъ намъ про то про все вскорѣ было вѣдомо, а приставомъ наказали бы есте и въ наказъ написали имъ имянно, чтобъ они, ѣдучи дорогою, къ королевичу Вольдемару и къ посломъ, и къ дворяномъ, и къ ихъ людемъ держали честь и береженье великое и ни отъ кого бы имъ никакова безчестья, ѣдучи дорогою и по городамъ, не было; такъ же бы и отъ нихъ русскимъ людемъ никакова насильства не было, а сеѣ нашу грамоту ты,

князь Иванъ, держалъ бы еси у себя тайно, нихто бы еѣ опричь васъ иной не вѣдалъ.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7150, августа въ 13 день (32—33 л. л.).

Какъ королевичъ Вольдемаръ пріѣдетъ къ Архангельскому городу, и въ которомъ мѣстѣ приставу встрѣчать королевича, молыть рѣчь толмачомъ: Божіею милостью великого государя, царя и великаго князя, Михаила Өеодоровича всеа Русіи самодержца Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астраханского, царя Сибирского, государя Псковскаго и великого князя Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, государя и великого князя Новагорода, Низовскіе земли, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всеа Сѣверные страны повелителя и государя Иверскіе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кобардинскіе земли, Черкасскихъ, Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго величества стольникъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Хованской велѣлъ мнѣ Христіянуса короля Датцкого, Норветцкого, Вендѣйского, Готцкого, арцуха Шлезвицкого, Голштенского, Стормарского и Детмарского, граѳа Олденбурского и Делменгорского и иныхъ, его королевского величества сына, тебя, королевича Вольдемара . . . . . . (34 л.),

П. Зенбицкій.

Фаллическій памятникъ Котахевскаго монастыря.

Нѣкогда широко-распространенные въ Закавказьѣ фаллическіе культы и доселѣ остаются въ народной толщѣ въ видѣ явныхъ слѣдовъ фаллизма. Иногда эти слѣды выражаются извѣстными пережитками быта; иногда же являются вещественными памятниками, явно относящимися къ почитанію производительной силы. Для примѣра упомяну, хотя бы о каменной многогранной призмѣ, вывезенной изъ Ахалкалакскаго уѣзда Тифлисской губерніи и хранящейся (подъ № VI/8) въ Тифлисскомъ Церковномъ Музеѣ при Сіонскомъ Соборѣ. По языку грузинской надписи на этой призмѣ, ее относятъ къ XI-му вѣку; изъ надписи же слѣдуетъ (какъ объяснилъ мнѣ хранитель Музея), что призма эта имѣетъ фаллическое значеніе. Добавлю еще, что высота ея около 2,5 м.

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью указать на доселѣ неизвѣстный превосходный памятникъ, также имѣющій фаллическое значеніе. Памятникъ этотъ—весьма хорошей работы, вытесанъ изъ грубаго бѣлаго известняка и имѣетъ высоту около 1 м. Общій его видъ—выемчатая цилиндрическая колонна на пьедесталѣ, представляющемъ нѣчто вродѣ усѣченной пирамиды, при чемъ сверху эта колонна увѣнчивается эллипсоидальною округлостью съ небольшимъ углубленіемъ на вершинѣ. Не смотря на нѣкоторую стилизацію, это изображеніе фалла

весьма реалистично, такъ что не можетъ быть сомнѣній въ его смыслѣ. Къ реалистическимъ чертамъ (а не къ несовершенству ваятеля) нужно отнести и нѣкоторую ассиметрію относительно вертикали, а именно: колонна поставлена нѣсколько наклонно, и ось полу-эллипсоида въ свою очередь наклонена къ оси колонны (но въ той же вертикальной плоскости), такъ что дырочка наверху не приходится на концѣ оси колонны.

Мѣстонахожденіе описываемаго памятника таково: монастырь *Котахѣви* или, другое названіе, *Зеленый* Тифлисской губерніи (между станціей *Ксанкою* и урочищемъ *Маньлисъ*, за 7 верстъ отъ села *Кавтысхеви*). Памятникъ просто стоитъ на землѣ, такъ что нужно предполагать, что теперешнее его состояніе не соотвѣтствуетъ первоначальному, когда необдѣланный низъ его (основаніе) былъ, вѣроятно, вмазанъ въ какую-то каменную кладку. Достойно вниманія то обстоятельство, что помѣщенъ онъ противъ алтаря, внутри храмовой ограды.

Удивительно то, что мѣстные жители не понимаютъ уже смысла этого далеко не символическаго изваянія. Однако, благоговѣйное почитаніе его, сохраняющееся и понынѣ, доказываетъ, что онъ былъ предметомъ культа. Мѣстные жители говорятъ, что это—„могила святого"; дѣйствительно, подъ фалломъ что-то вродѣ могилы. Безплодныя женщины приходятъ въ Котахевскій храмъ, славящійся своею древностью, нѣкоторыми событіями своей исторіи и чудотворною иконою Божіей Матери—иконою чудной работы!—и, помолившись въ храмѣ, садятся на памятникъ обнаженнымъ тѣломъ, чтобы такимъ образомъ имѣть дѣтей.

Такъ какъ въ данной мѣстности былъ весьма распространенъ культъ бога *Армазú*, т.-е. мѣстнаго Ормузда, то можно полагать, что описываемый фаллъ (какъ сказано, едва ли первоначально находившійся на своемъ теперешнемъ мѣстѣ) привезенъ въ *Котахеви* изъ какого-нибудь ближайшаго капища, напримѣръ съ высотъ *Кáвта*.

Среди окружающаго Котахеви населенія (напримѣръ, въ селѣ *Кавтысхеви*) бываютъ иногда *фаллофоріи*. Во время за-

сухи грузинскіе крестьяне пекутъ слѣпленную изъ тѣста куклу, изображающую человѣка и имѣющую *фаллъ* размѣрами превосходящій самую куклу (величина послѣдней—около 0,5 м.). Хлѣбную куклу носятъ по селу, имѣя въ виду вызвать этими фаллофоріями дождь,—всемірно-распространенное представленіе о дождѣ, какъ о небесномъ сѣмени, оплодотворяющемъ землю, и столь же всемірно-распространенный пріемъ первобытной магіи склонить бога къ подражательной дѣятельности. Куклу эту жители называютъ почему-то „*Лазаремъ*". Къ сожалѣнію, я не знаю, происходитъ ли послѣ пріобщеніе ею фаллофоровъ.

Павелъ Флоренскій.

ОТДѢЛЪ II.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны со словъ бывшей крѣпостной Алены Григорьевны Шехавцевой.

Со стороны матери Алена Григорьевна происходитъ изъ духовнаго сословія: дѣдъ ея, Протопоповъ, былъ дьякономъ села Грушки, Курской губерніи.

Предаваясь часто неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ и кутежамъ въ обществѣ помѣщика сосѣдняго села, Пушкарева, онъ однажды въ состояніи невмѣняемости продалъ дочь свою Ксенію за одонокъ хлѣба (30—40 коп.) этому помѣщику съ тѣмъ условіемъ, чтобы ее обвѣнчали съ дворовымъ человѣкомъ, Клюевымъ. Григорій Клюевъ былъ главнымъ кучеромъ у Пушкарева, но, когда наступала страдная пора, ему также наравнѣ съ другими приходилось исполнять всевозможныя полевыя работы, и сверхъ того домашнія. Семья его состояла изъ 8-ми душъ дѣтей: 3 сыновей и 5 дочерей, въ числѣ которыхъ была Алена Григорьевна.

Жена Клюева за господской работой (ей приходилось жать хлѣбъ, вязать снопы, прясть и ткать) рѣшительно не имѣла никакой возможности не только присмотрѣть, но даже накормить, какъ слѣдуетъ, своихъ дѣтей; по ночамъ обшивала, обмывала она ихъ и варила имъ скудный обѣдъ на слѣдующій день, чтобы они не ходили совсѣмъ голодными.

До семи-лѣтняго возраста Алена Григорьевна жила съ родными въ такъ называемой общей избѣ, гдѣ ютилось нѣсколько семействъ дворовыхъ, среди которыхъ она была любимой баловницей, благодаря замѣчательной рѣзвости и бойкости своего характера. Эти качества, вѣроятно, пришлись по вкусу помѣщицѣ, которая взяла отъ родителей расторопную, смышленную дѣвочку и отдала ее въ услуженіе къ своему любовнику, лѣсничему, въ Курскъ на три года.

Здѣсь дѣвочка должна была слѣдить за порядкомъ и чистотою комнатъ, но въ дѣйствительности, на дѣлѣ она больше играла и рѣзвилась, къ чему хозяинъ, добрый человѣкъ, относился снисходительно.

Одиннадцати лѣтъ Алена Григорьевна была взята обратно барыней—въ домъ, гдѣ ее стали обучать женскимъ работамъ и рукодѣлію: учили ткать и прясть, шить, вязать и вышивать; заставляли драть перья, въ свободное отъ этихъ занятій время посылали на лугъ пасти молодые выводки домашней птицы, а иногда, рѣже,—свиней и телятъ.

Строгая барыня, считавшаяся, однако же, добрѣе помѣщика, любила Алену Григорьевну по своему: она никогда не била, не наказывала за шалости, не заваливала работой ее; но, съ одной стороны, видимо жалѣя ее и часто избавляя отъ необузданнаго гнѣва и наказаній барина, она въ то же время придиралась къ ней за всякій пустякъ и бездѣлицу: то не такъ стала, не такъ взглянула, ежеминутно грозила розгами и держала дѣвочку въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ.

Съ 11 лѣтъ помѣщикъ сталъ посылать Алену Григорьевну на полевыя работы и, не смотря на столь малый возрастъ, вмѣнялъ ей въ обязаность жать ежедневно по 2 копны хлѣба (въ копнѣ 52 снопа).

Обладая хорошимъ, „звонкимъ", по ея выраженію, голосомъ, Алена Григорьевна еще подросткомъ часто по общей просьбѣ дѣвушекъ и молодицъ водила хороводы, запѣвала и такимъ образомъ задавала нѣкоторый тонъ на гуляньѣ.

„Вотъ нашъ соловей голосистый", говорила о ней дворня и не разъ по окончаніи пляски и пѣнія подбрасывала ее съ другими лучшими взрослыми пѣвуньями на воздухъ, какъ бы въ награду за то оживленіе и бодрость, которыя поющая и пляшущая молодежь вносила на мгновенье въ холодный мракъ ихъ жизни. И барыня тоже любила слушать ея пѣнье, въ особенности въ длинные зимніе вечера...

Обращеніе помѣщика съ крѣпостными, въ частности съ родными Алены Григорьевны, было самое звѣрское. Его жестокость еще болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ ему стало извѣстно, что Клюевъ тайно хлопочетъ о дарованіи ему и его семьѣ вольной. Дѣло въ томъ, что отецъ Алены Григорьевны былъ незаконнорожденный и, по увѣреніямъ вольноотпущенныхъ, могъ получить свободу, стоило ему только подать прошеніе, куда слѣдовало, что онъ и сдѣлалъ.

За это онъ и подвергся страшному преслѣдованію со стороны помѣщика. Долго его мучили, подвергая безчеловѣчнымъ истязаніямъ, заваливая непосильной, самой тяжелой работой. А однажды, послѣ особенно мучительнаго наказанія, когда его, привязаннаго за руки и ноги къ доскамъ, избили до такой степени, что кожа съ мясомъ во многихъ мѣстахъ отдѣлилась отъ костей, а во рту не доставало нѣсколькихъ зубовъ, Клюевъ потерялъ послѣднее мужество и терпѣніе, не оправившись вполнѣ отъ побоевъ, простился съ женой и дѣтьми и бѣжалъ отъ своего тирана къ вольноотпущеннымъ, проживающимъ въ 17-ти верстахъ отъ барской усадьбы, въ деревнѣ Пристѣнской.

Первое прошеніе осталось безъ всякаго результата. Тогда Клюевъ рѣшилъ подать вторично, но, при выходѣ изъ зданія палаты въ Курскѣ, неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ своимъ властелиномъ. Въ ужасѣ онъ бросился бѣжать за городъ, опасаясь погони Пушка-

эва; выбѣжалъ въ поле,—дѣло происходило весной, во время поло-
одья, когда обширныя пространства въ поляхъ были залиты веш-
эй водой; семь верстъ бѣжалъ Клюевъ по водѣ, дѣйствительно
реслѣдуемый помѣщикомъ, котораго, однако же, остановила невоз-
ожность дальнѣйшаго преслѣдованія бѣглеца, перебравшагося на
ругой берегъ рѣчки, Клюевъ промокъ, простудился и умеръ въ
орячкѣ, такъ и не дождавшись вольной. Послѣ неудачной попытки
эсчастнаго Клюева получить вольную, для его семьи настало тя-
елое время, время господской опалы.

Помѣщица тоже, забывъ, повидимому, прежнюю привязанность
ъ любимицѣ, Аленѣ Григорьевнѣ, дала волю своему барскому гнѣву:
на собственноручно отрѣзала Аленѣ Григорьевнѣ и ея сестрамъ
ромадныя косы—до пятъ и велѣла ихъ выбросить за ворота въ
авозъ, что̀ считалось величайшимъ позоромъ для дѣвушекъ въ то
ремя, и выдрала руками на головѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ волосы,
акъ что образовалась плѣшь. Мать же Алены Григорьевны она
акъ энергично хватила мѣднымъ безменомъ по лбу, что бѣдную
кенщину замертво вынесли изъ комнатъ (вдова Клюева дерзнула
просить небольшой прибавки къ тому ничтожному количеству хлѣба,
которое отпускалось на ихъ громадную семью [1]). Брата ея, подпаска,
14-ти лѣтняго слабаго, болѣзненнаго мальчика, помѣщикъ ударами
кулака въ високъ убилъ наповалъ на опушкѣ лѣса, за то, что тотъ
не досмотрѣлъ, какъ волки утащили въ лѣсъ трехъ телятъ.

Алену Григорьевну два раза откачивали на полотнѣ послѣ усердной порки барина. Вообще жизнь ея у помѣщиковъ съ тѣхъ поръ стала сплошнымъ мученіемъ: она и теперь вспоминаетъ о ней, крестясь и плача.

Послѣ манифеста, когда была объявлена свобода и даны крестьянамъ права и, между прочимъ, было сказано, что каждая женщина или дѣвушка вольна наниматься на работу для себя, помѣщикъ Пушкаревъ все-таки упорно пытался плетью „о 6-ти концахъ“ заставить прежнихъ дворовыхъ женщинъ даромъ работать для себя.

Такъ однажды, завидѣвъ 16, работавшихъ по вольному найму, дѣвушекъ въ полѣ у сосѣднихъ помѣщиковъ, онъ вздумалъ плетью загнать ихъ къ себѣ въ усадьбу и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока депутація отъ женщинъ и дѣвушекъ, въ лицѣ Алены Григорьевны и ея подругъ, не отправилась къ посреднику съ жалобой на Пушкарева, своеволію котораго вскорѣ послѣ этого былъ положенъ конецъ.

Черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ Алена Григорьевна вышла замужъ за николаевскаго солдата, Петра Анисимова Шеховцева, пришедшаго на побывку въ родную деревню на три мѣсяца, послѣ 15-ти лѣтней службы.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни, она должна была разстаться съ своимъ мужемъ на 10 лѣтъ, до отбытія имъ полнаго срока воинской повинности.

Послѣ мужа дѣтей у нея не было; все время, пока онъ служилъ, она жила въ довольствѣ и не маломъ почетѣ у свекра. По воз-

[1]) $3^1/_2$ пуда житной муки на 8 человѣкъ,—этого количества хлѣба должно было хватить на мѣсяцъ.

вращеніи мужа со службы, ей пришлось прожить съ нимъ только 8 лѣтъ, и за этотъ періодъ времени у нихъ было 6 дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только два сына. Мужъ ея умеръ, какъ она говоритъ, отъ лихорадки въ Кубанской области, куда онъ перевезъ свою семью.

Овдовѣвъ, Алена Григорьевна сильно бѣдствовала съ двумя малолѣтними дѣтьми; она билась, какъ рыба объ ледъ,—ей приходилось жить въ прислугахъ, ходить на ссыпку хлѣба, на мойку—полоскать шерсть, работать въ виноградникахъ, фруктовыхъ садахъ, въ степи на бахчахъ; ткать ковры, вязать чулки на заказъ, и сыновья ея уже съ девятилѣтняго возраста должны были сами зарабатывать себѣ деньги. Несмотря на то, что она была женой николаевца, имѣвшаго георгіевскій крестъ за храбрость и отличіе въ Кавказской войнѣ, она не получила никакого пособія. Въ настоящее время она проживаетъ въ Кубанской обл. у своего младшаго сына, который совсѣмъ не заботится о ней, такъ что ей и теперь приходится вести трудовую жизнь, неся на старческихъ плечахъ не только всю тяжесть домашнихъ заботъ по хозяйству, но еще безпокоясь и о заработкѣ.

Бывшая крѣпостная, свидѣтельница постыдной эпохи русской жизни, Алена Григорьевна Шеховцева сама по себѣ интересна, какъ типъ стараго, крѣпкаго духомъ и тѣломъ человѣка, не лишеннаго къ тому же свѣтлаго ума и многихъ способностей, къ сожалѣнію оставшихся не развитыми.

Несмотря на старческій возрастъ, на пережитыя бѣдствія и невзгоды въ далекомъ прошломъ и безотрадную жизнь въ настоящемъ, эта бодрая и привѣтливая женщина сохранила замѣчательную живость и удивительную для своихъ лѣтъ ясность ума и памяти: остроумныя замѣчанія, шутки, поговорки и прибаутки, проникнутыя духомъ стараго времени, буквально не сходятъ съ ея языка. Она и теперь цѣлыми днями, работая въ хатѣ, въ огородѣ или во дворѣ, поетъ пѣсни или, по ея словамъ,—„всё спѣваетъ".

Словоохотливости ея нѣтъ конца; любя погружаться въ воспоминанія прошлаго, она охотно повѣствуетъ о своей жизни, со слезами разсказываетъ о мукахъ и ужасахъ крѣпостничества; восторженно, какъ большая любительница природы, съ увлеченіемъ, но не совсѣмъ умѣло, описываетъ красоту природы Курской губ. съ ея величавыми лѣсами, гдѣ водилось въ то время множество дикихъ звѣрей, привольными лугами, рощами и цвѣтущими барскими усадьбами; съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ она о забавныхъ приключеніяхъ и проказахъ своей молодости и вообще замѣчательно живо передаетъ обо всемъ пережитомъ и видѣнномъ на своемъ долгомъ жизненномъ пути.

Л. Семилуцкая.

Семейныя пѣсни.

1.

Вышла Маша за новыя ворота;
Стала Маша злѣ точеной верей.
Чево въ Машиньки заплаканы глаза,
У красавицы затерты рукавомъ?
Три педѣли во пастели лежала,
На четвертаю здароваю устала,
А на пяту во зеленай садъ пашла.
Въ саду шь она шляхъ-дарожиньку нашла.
Знаю (2) кто дарошку протарилъ,—
Мой любезный да къ и дѣвушкѣ ходилъ,
Многа злата, многа сѐребра насилъ,
За то ево рȯдный батюшка бранилъ,
А все то это за худыи за дѣла,
За худыи за дѣла, за позніи вечира.

2.

Нарву хмѣлю ярава,
Наварю пива пьянава (2),
Напаю мужа старава,
Старава, неудалава,
Еще не чукавава,
Палажу спать на холаду,
На холаду, на погребу.
Пастилю пастелюшку,
Пастелюшку мягкаю;
Салому гречишнаю,
Сверху пашеннишнаю.
Падожгу тую саломушку:
„Гари, мая саломушка,
Гари жаркимъ паламемъ“.
Закричу громкимъ голосомъ:
„Сусѣди, вы сусѣдушки,
Сусѣди вы блискаи,
Перилазушки нискаи!
Не видаля-ли, какъ туча ишла?
Не слахаля-ли, идѣ громъ гримѣлъ?
Маво мужа громъ убилъ,
Старава моланья́ сожгла.
Мене шь Богъ памилавалъ:
Съ кравати-шь я свалилася,
Доскою накрылася,
Рукавомъ зашитилася,
Рукавомъ калинкоровымъ“.

3.

Пайду я вдоль да по рощици,
По рощици, па зилениныкай.
Приведу каня къ и кусту:
Къ и калини, и къ малини,
Коню, мой конь!
Изволь калинушку пакушать,
Какова горька калина,
Какова сладка малина?
Такаво житье за старымъ (2),
За старою галавою,
За сѣдою борадою.
Пойду млада за водою (2),
Возьму старава съ сабою,
Всажу въ прорубь галавою (2),
Въ трисину шь борадою.
Аставайся—чертъ съ табою! (2)
Ни наругайся надо мною,
Надо мною маладою.

4.

Дочки мои павы,
Горе мене съ вами!
Сыны мои, сыны,
Сыны саловейки:
Чѐмъ вы мене ни кидали,
Какъ были малѐньки?
Стали подростать,
Стали пакидать.
А кто шь мене, старѐнькаю,
Будитъ годовать?
Одинъ говоритъ:
„Ни буду, ни буду“.
Другой говоритъ:
„Я думать забуду“.
Третій говоритъ:
„Пашей, мама, сумку,—
Она тебѣ сдасца“. (Прикказка).

5.

Пріѣхалъ братицъ къ сестрѣ въ гости,
Поставилъ коника на новамъ памости.
Ужъ ты, коникъ, коникъ мой,
Не топай ногой, ни качай галавой,
Не звени уздой —
Пущай поговоритъ братицъ съ сестрой.
„Сестра, моя сестра!
Младая перепеличка,

Чему въ тебѣ потускнѣло бѣлае личко?
Чи ты сына женила?
Чи дочку отдавала?
Я сына не женила
И дочки не отдавала.
Састарили мине думки горьки да гадки,
Да мои недостатки,
Мои недостатки, да чужіи хатки.

6.

Пайду я, молоденька,
Во зеленъ-садъ, рощу.
Ахъ, найду я, молоденька, (2)
Кленовае древо.
Подрублю тые я древо (2)
Подъ самый подъ коринь.
Раскалю я тые древо (2)
На двое, на трое,
На усѣ, на четыри.
Я выстражу, я выглажу
Тоненько, гладѐнько
И сдѣлаю, малоденька,
Звончатыи гусли;
Гусли-мысли звончатыи,
Струны залатыи.
Поиграйте, гусли-мысли,
Вы ладна и складна, (2)
И тонка, и звонка;
Позабавьте маво гостя;
Гостя, гостя дарогова,
Батюшку раднова.
Онъ ни часто въ гости ѣздитъ,
По немножечку гостюитъ, (2)
По одной ночки ночуитъ, (2)
Подъ окошкамъ лажица,
Часто окошко вскрываитъ, (2)
Свѣта дожидаитъ.
Вовсе (2) расвилося,
Заря занилася;
Ой, зорюшка занилася,
Солнышко восходитъ.
Атколь солнышко восходитъ,
Оттоль, милай мой приходитъ.
Запрягай, милый, карету,—
Я сяду, паѣду;
Запрягай, милый, другую,
Сяду у любую.
Запрягай, милый, третью,
Садись, лавей, съ плетью,

Посвистывай, похлыстывай,
Пагоняй поскарѣй,
Штобъ батюшка не видѣлъ,
Какъ ево родное чадо плачитъ.

7.

Свадебная пѣсня.

На зарѣ рано синіе море играло.
Ой, ни адно ано играла—
Са тихимъ Дунаемъ.
Вална подбиваитъ,
Пески подмываитъ, (2)
Таски задаваитъ, (2)
Таски-кручинушки—
Маладой невѣстушки.
Выискался, вызвался
Старый, бородатый,
Съ роду не женатый:
„Я тебе, Татьянушка,
Са дна моря выну, (2)
За себѣ замужъ вазьму".
— „Я на дно ключомъ пайду,
За старова замужъ нейду.—
Выискался, вызвался
Маладой Никонорушка:
„Я то тебѣ, Татьянушка,
Са дна моря выну, (2)
За себе замужъ вазьму".

8.

Ой пара, пара
Гостямъ со двора!
Еще ни пора—
Въ насъ хозяюшка добра,
Дастъ па чарочки винца,
По стаканчику медку
Изъ чужова погребку.

Припѣвъ: Калина моя, малина моя.

9.

У насъ въ огароди,
У насъ въ чистомъ поли
Дѣвка проса политъ,
Бѣлы руки колитъ.
Пускай дѣвка политъ,
Пускай руки колитъ.

Да ѣхалъ тамъ школьникъ,
Маладой палковникъ,
Да на ворановамъ конѣ,
На кованномъ сидлѣ;
Узда залатая,
А плеть шалкавàя,
Рубашка танкàя,
Танкàя, бѣлàя,
Еще альненàя.
Да ни матушка шъ пряла,
Ни сестрица ткала,
Ни нивѣска шила.
Шили, вышивали
Въ горади купчихи.
Купецкая дочка
Пасредь гарадочка,
На свѣтёлъ мѣсяцъ глёде,
На частыи звѣзды.
Я видила диво,
Какъ мать сына била,
Ни красть пасылала,
Работать заставляла:
Полно, сынъ мой, гулять,
Полно щигалять,
Красныхъ дѣвокъ, сынъ мой,
Полно соблазнять.

10.

Пѣсня на гулянъѣ.

Ой Ваня, Ванюша
И Ванюша, виселая галава!
Не ходи мима зиленава сада,
Ни прокладывай дароженьки-слѣда;
А дороживьки тернистыи,
Пиреходушки частинькiи,
Симейства-то ласкавае,
Сударыня привѣтливая,
Анисья Герасимовна.
Ана новаи законы завила:
Подъ палою капитана правила,
Подъ другою вахмистра.
Позади идетъ майёръ маладой,
За нимъ дѣвокъ хараводъ удалой,
Всѣ дѣвушки харошй-прохожй,
Одна изъ нихъ лучи усѣхъ:
У ней галовушка глажи усѣхъ,
Руса коса подрабнѣе плетина,
Въ косѣ лентачка алинькая,
Сама дѣвушка бравинькая.

Палюбилъ её маладой папокъ,
Подарилъ гарнитуравый платокъ,
Мнѣ платочка очень хочица,
Да любить попа ни хочица,
За то не хочица,
Па могиламъ попъ валочица.

11.

Пѣсня на гуляньѣ.

Заблудила малодка у лѣсу.
Заблудимши, гу-гу, да гу-гу.
Дароженьки ни найду, ни найду.
Выду, выду на крутой на берижокъ,
Растилю я бѣлъ-касетчатый платокъ,
Палажу я бѣлъ крупичатый калачъ,
Поставлю кубышку вина,
Васкликну́ я пастушковъ, конюшковъ,
Маладыхъ перивощичковъ:
Перивощикъ, перивощикъ маладой,
Первези мене на тую сто̂рону!
Мене нѣту ни роду-племюню:
Ни радимава батюшки,
Ни радиминькой матушки,
Мене братицъ Иванюшка,
Што радиминькай батюшка,
А сестрица Паранюшка,
Што родимая матушка.

Припѣвъ: „Эй-ей, ой ты горе маё;
Ой горе, гориванье мае“.

12.

Шуточная.

У батюшки во садочку,
Подъ ябланей въ халадочку
Раститъ трава, да ни рожа, [1])
Лежитъ мо̂ладецъ, да не можа.
Онъ лежитъ и малчитъ,
Ничево ни гаваритъ,
Ничево ни гаваритъ,
Што у нёмъ балитъ.
У нашего маладца
Балитъ больно галава,
Спинушка, галовушка
И крылушко, и ребрушко.
Балитъ больно галава
Со баярскаво вина;
Балитъ больно спинушка,

[1]) Цвѣты.

Со баярскава пивушка,
Да балитъ больно калѣно,
Со дубовава палѣна.
Пошто-жъ, маладецъ, ты не женися?
На што-жъ, маладецъ, ты надѣися?
Я надѣюся на денюшки,
А женюся на дѣвушки.
Пагуляй, пагуляй, малодецъ,
Пагуляй ты, мой Сашинька!
Сашью я тебѣ рубашиньку,
Танку, бѣлу, палотняну,
Еще да касой воротокъ.
Да поѣдимъ во новъ городокъ.
Да мы сыщимъ также мастировъ,
Што бы сдѣлали па стараму любовь—
Штобъ любили красны дѣвки маладцовъ.
За што шь тебе вѣрно любить?
Ничево у тебѣ въ кармани не лежитъ,
Ни денюшки, ни капеички.
Наша сестра любитъ хо̂рошо ходить,
Наша сестра любитъ мёдъ, вино пить,
По проулочкамъ похаживати,
Шолковымъ платкомъ помахивати.
По улици мастовой, по дорошки сталбовой,
Ѣхали купцы-ливинцы.
Вели ко̂ня подъ кавромъ,
Подъ черкескимъ подъ сѣдломъ.
Привели ко̂ня къ вадапою,
Мой воронъ конь воду пьетъ,
Копытичкомъ креминь бьетъ,
У кремушку огню нѣтъ,
У маво мужа правды нѣтъ:
По ярманкамъ разъѣжаитъ,
Пакупочки пакупаитъ
Да чужую жену снаряжаитъ.
Чужой жены башмачки,
Бѣлёвыи чулочки,
Шелковаи подвяски.
А своей жены лаптище,
Лаптище—осмётки,
Анучи—атрёпки,
По семи сажинь аборки:
„Наси, жена, сберигай;
По праздничкамъ обувай!“
Отсмѣю мужа насмѣшки:
Сашью мужу рубашку
Съ крапивнова листочка.
„Наси, мой мужъ, сберигай,
По праздничкамъ надѣвай,
По праздникамъ гадовымъ“.

13.

Камашики, камашики, мушки дробненькiи!
Всею ночку прошумѣли, прагудѣли,
А мнѣ младой пакою не дали,
Пакою, угамону маладой.
А въ мене младой галовушка болитъ,
Ать головушки бѣло̀-лицо горитъ,
Ать бѣла̀-лица сирдечушко щемитъ,
Ать сирдечушка я вся не могу.
Пайду млада̀ разгуляюся,
Съ донскимъ съ морскимъ павидаюся.
Какъ на встрѣчу мнѣ бурмистръ маладой,
Подъ бурмистромъ лошадь-конь вороной.
Скачя, пляша, возыграица,
Бурмистръ шельма насмихаица:
„Ты не смѣйся, бурмистръ-шельма, маладой,
Отсмѣю тебѣ насмѣшички усѣ".
Онъ узялъ дѣвку за праваю руку̑,
Павёлъ дѣвку во царёвъ кабачекъ,
Напоилъ ее пьянёшиньку,
Паложилъ ее за бочку спать,
Онъ за бочку на лавочку;
Самъ по шиначку шь пахаживаитъ
И чумачикамъ приказаваитъ:
„Ой, чумачики, чумачики мои,
Маладыи цалавальнички!
Не шумитя, не гамитя въ кабацѣ.
Пущай дѣвица праспица,
Сама красная праснёца.
А, проспавшись, похмѣлитя вы ее,
Похмѣливши, праводитя вы ее,
Праводивши, вы не смѣйтися съ её.

14.

Возлѣ Дона, возлѣ тихава Дуная
Добрый моладецъ гуляе;
Онъ не одинъ гуляитъ,
Онъ стадо каней гоняитъ,
Не крикамъ, не гикамъ,
Толька шляпаю махаитъ
Собалиною сваею,
Паклонъ дѣвкамъ атсылаитъ:
Василиса, огляниса!
Ты скажи паклонъ подружки,
Петрушкиной Матрюшки.
А она мудрена шельма бывала:
Вдоль по беришку гуляла,
Рѣшитомъ воду насила,
Чарпакомъ рыбу лавила,
У павойникъ аткидала,
Не милава чествавала.

Осади таво осадъ,
Кто ходитъ къ намъ у садъ;
Храни таво Богъ
Кто ходитъ съ нами въ логъ.
И сагни таво дугою,
Кто гребае женою;
И сагни таво дюже,
Кто гребае мужемъ.
Раздуй таво гарою
Ни этаю парою,
А съ сахою, бараною,
Съ кабылою вороною.

15.

Скора бѣлый снѣгъ упалъ.
Ать напасти милъ прапалъ,—
Съ ворана каня упалъ.
Онъ упалъ и лежитъ,
Нихто къ ему не бѣжитъ:
Ни отецъ и ни мать,
Ни сестра и ни братъ,
Ни мужикъ и ни баба.
Осмѣлилась, подошла
Красна дѣвица душа,
Наряжѐна, харошà,
Пасадила на коня,
Чѐрну шляпу падала,
Туго руку прижàла,
Къ себѣ въ гостюшки пазвала,
У Праварокъ гарадокъ,
Во вилениникій садокъ.
Во маемъ-ли во саду
Забавушка небольшая,
Скамеичка тесовая,
А травушка шолковая.
На скамейки Катерина,
Въ галовахъ стаитъ дѣтина,
Што ягода малина,
Ванюшаю зовуть.
Ванюша, чилавѣкъ бѣдный,
Купилъ дѣвки перстинь мѣдный;
Разарился да конца,
Купилъ дѣвки два кольца;
Растащилъ увесь дамокъ,
Купилъ дѣвушки платокъ;
Прадалъ сваи сапоги,
Купилъ дѣвки интари [1]).
У насъ нонѣ всё худыи времена,
Палюбила нивѣстушка диверя́.

[1]) Янтари.

У дивиря ревнивая жена,
Ревнивая, шалудивая,
Ни пускаитъ со Ванюшаю гулять.
Я гуляю со Ванюшай во лушку,
Падаваю и Ванюши галасокъ
Черисъ темнай и зилениинькай лѣсокъ,
Черисъ рѣчку на широкае крыльцо.
Сѣю, вѣю бѣленькій линокъ,
Сама сѣю, расиваю,
Сама Бога умаляю.
Уродися мой бѣлый линокъ
Тонокъ, дологъ и бѣлъ,
И бѣлъ волакнистый,
Еще каренистый.
Сталъ бѣлъ линокъ паспивать,
А я маладая горе горивать—
Съ кѣмъ мене будитъ
Бѣлъ линокъ убирать?
Свекаръ гаваритъ:
„Я сноха съ табою",
— Постылае брȁнье,
Толька кропатанье,
Толька кропатанье,
Подъ межой лежанье.—

16.

Ты, паливая-шь ты былинушка,
Чему рана забѣлилась?
Ай ты-шь, былинка,
Ай ты, мая паливая,
Да зимы испужалась?
— Я зимы ни баюся, (2)
Подъ снѣгъ схаранюся,
Листочкамъ накроюсь,
Карешочкомъ зароюсь.
Бѣлый снѣгъ растаитъ,
Былинка устанитъ,
Поливая устанитъ.

17.

Лучина, лучинушка бирезавая!
Ой што шь ты, лучинушка,
Ни ясно гаришь?
Ни ясно гаришь, памелькаваншь?
Аль же ты, лучинушка,
Въ печи не была?
Была я въ печи
Вчерашней ночи (2),
Въ халодномъ кутѣ.

Тушити лучинушку,
Лажитеся спать (2)
Намъ некава ждать.
А мнѣ, маладой,
Всею ночку ни спать, (2)
Мила дружка ждать.
Ужъ куры запѣли,
Нѣту никаво;
Другія запѣли,
Ничуть не слыхать;
Третіи запѣли,
Заря занилась.
По бѣлай па зорюшки
Мой милый идётъ,
Бобровой шубкай пашумливаитъ,
Сафьянами сапошками паскрипаваитъ.
„А и што-шь ты, милой,
Ни рано пришолъ, (2)
Немного принесъ?
Ни мнѣ, ни себѣ,
Ни подрушки маей,
Ни сводни сваей?“
— Сударыня-дѣвушка,
Неуправка мая,
Съ ревниваю женою
Пабранка была.—
„Ужъ я тебѣ, миленькій,
Давно гаварю:
Убей, убей, миленькій,
Ревниву жену“.
— Сударыня-дѣвушка,
Ни рѣчь гаваришь,—
Съ ревниваю женою
У церкви былъ,
Законъ принималъ
И хрестъ цалавалъ.
За табою-шь дѣвушка
Усѣ кусты преламалъ,
Увесь лѣсъ засушилъ.—

18.

За рѣчинькай, за быстраю
Цымбалики бьютъ;
Вотъ тамъ маю любезнаю
Сговариваютъ.
Сговаривши, любезную
Къ вѣнчанію видутъ.
Одинъ видётъ за ручиньку,
Другой за рукавъ,

Третій видетъ,
Сердце мрётъ.
Любилъ, ласкалъ любезнаю,
Чаилъ для сибѣ.
Дасталася любезная
Иному ни мнѣ—
Хахлу-дураку.
Красавица, дасадница,
Вернись, хоть прастись!
Ой рада-бъ я вернутися,
Глаза не гледятъ.
Красавица, дасадница,
Платкомъ хоть махни!
Ой рада-бъ я махнути,
Въ рукахъ платка нѣтъ.
Красавица-дасадница,
Назадъ обернись!
Ой рада-бъ обернутися,
Кони не стоятъ.
Маладой извощикъ
Ни можетъ каней удержать.

19.

Кудерцы.

Хадилъ, гулялъ моладец
Тишкомъ да лушкомъ,
Тишкомъ да лушкомъ,
Крутымъ беришкомъ.
Чисалъ свои кудерцы
Частымъ гребишкомъ;
Расчисавши кудерцы,
Пустилъ за вадой.
Плывити вы, кудерцы,
Плывити туда, (2)
Гдѣ мила мая
Водицу бралà;
Водицу бралà,
Кудри паймала.
Паймавши кудерцы,
Успрашивала:
„Чіи шь это кудерцы?
Чіи шь это русаи?
Куды ани плывутъ?
Да этò-же кудерцы
Милава маво;
Милаво маво,
Маво братца радново.

Л. Семилуцкая.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНІЙ[1]).

II. Чудь, литва, паны.

Кромѣ приведенныхъ мною преданій о чуди преимущественно Верховскаго, Озерецкаго и Спасскаго приходовъ, я старался уловить все, что̀ говорилось о ней и въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Болѣе или менѣе цѣльныхъ и связныхъ разсказовъ записать не удалось, такъ какъ ихъ уже въ настоящее время, быть можетъ, и нѣтъ, можетъ также быть, что просто не пришлось натолкнуться на хорошаго разсказчика, а тѣ, иногда весьма почтенные и умные старцы, съ которыми удавалось побесѣдовать объ этомъ, старались передавать слышанное ими чаще только въ общихъ фразахъ.

Приходилось наталкиваться на рѣшительныя опроверженія одними того, что̀ разсказывалось въ данной мѣстности другими.

Такъ, напримѣръ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ Озерецкомъ приходѣ я обратился къ 74-лѣтнему старику изъ деревни Часовенской Семену Одинцову, какъ несомнѣнно знающему старину, и онъ говоритъ, что ничего здѣсь не слышно ни о чуди, ни о литвѣ, ни о панахъ, а если что и говорятъ, такъ врутъ все. Онъ отрицаетъ чудское происхожденіе ямъ у деревни Рички, объясняя простымъ недоразумѣніемъ разсказъ о томъ, что будто-бы здѣсь чудь погибла. „Жиу̂“, говоритъ Одинцовъ, „здись на Пустошѣ (названіе деревни), лѣтъ 60 тому назадъ биглецъ, Петрушка-Пантюшка звали, писау̂ книги, сны Богородицы, списки... А бѣжау̂-то онъ чуть-ли не изъ военной службы. Дакъ когда стали ловить ево, то онъ какъ-то туда, у Рички-то, въ яму и заскочиу̂; а яма-та была, надо быть, погребная... Про это, навѣрно, и врутъ кое-що“.

Между тѣмъ, приведенное раньше преданіе о чуди все-таки держится и разсказывается другими здѣшними старожилами. Слѣдуетъ упомянуть, что С. К. Одинцовъ воспитывался когда-то „мальчикомъ“ въ удѣльной сельско-хозяйственной школѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Шебеньскомъ приходѣ крестьянинъ деревни Югры Ив. Ѳ. Ждановъ, мужикъ довольно развитой и хорошо освѣдомленный, охотно дѣлился своими свѣдѣніями о старинѣ. Отъ него я узналъ, что здѣсь бывали, будто бы, литва и паны, но подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ не слыхать. Что касается чуди, то въ той же деревнѣ

[1]) См. „Жив. Старина“, 1905 г., вып. I и II.

Югрѣ были указаны мнѣ 6 домовъ, жителей которыхъ „покликаютъ чудью“. Можно ли думать, что они принадлежатъ къ потомкамъ чуди, объ этомъ, по словамъ Ж—ова, трудно сказать что-нибудь опредѣленное, тѣмъ болѣе, что по внѣшности они не отличаются отъ остальныхъ жителей Югры. Однако, несомнѣнно, что дома эти, построенные на самомъ лучшемъ мѣстѣ, у берега рѣчки, являются наиболѣе ранними въ деревнѣ Югрѣ.

Въ Шевденицкомъ приходѣ можно слышать почти такіе же разсказы о защитѣ Городка отъ чуди, какіе разсказываются о защитѣ Никольскаго городища въ Спасскомъ приходѣ. Однимъ разсказчикамъ извѣстно имя литвы, наряду съ названіемъ чудь; другіе вовсе о литвѣ не слыхали, хотя о чуди разсказываютъ. Въ одномъ изъ расказовъ о чуди, слышанномъ мною отъ кр. дер. Игумновской, Ѳ. В. Зыкова, встрѣчается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Когда чудь подъ Тарноськой городокъ подходила, такъ копали канавы изъ Тарноги въ Кокшеньгу и пускали воду: *чудь воды боялась*“. Вѣроятно это одна изъ попытокъ объяснить—какимъ образомъ такой незначительной (особенно, если судить по виду ихъ въ настоящее время, послѣ многолѣтняго осыпанія и заростанія) величины канавы могли служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ защиты отъ нападенія на городокъ.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о панахъ, отвѣчалъ: „Да, прежь издили паны и наказывали народъ. Говорили (тогда): панъ придетъ такъ всѣхъ расхлещетъ“. Кто они такіе, почему такими правами (или силой) пользовались,—объ этомъ ничего опредѣленнаго добиться было нельзя. „Вотъ про это, що разъѣзжали-то да наказывали—говорится, а про другое-то не слыхать. Можетъ, кто и знаетъ, а намъ неизвѣстно“.

Крестьяне деревни Новгородовской, той же волости, также слыхали о панахъ, но не имѣютъ какихъ-либо ясныхъ и подробныхъ свѣдѣній. О литвѣ не слыхали вовсе. О чуди разсказываютъ, что она погибла въ Синяковскомъ озерѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ; крестьянъ деревни Дубровы, Шевденицкой вол., носящихъ фамилію Сипиныхъ и Щекиныхъ, считаютъ потомками чуди, увѣряя, что они „чудсково роду“. Нѣкоторые слыхали, что въ Ваймежѣ подъ деревней Климовымъ у рѣки Уфтюги въ т. наз. Климогорскомъ озерѣ находятъ бревна отъ построекъ, что, будто бы, эти бревна остались отъ того времени, когда русскіе разселялись въ этой мѣстности; они (русскіе) долго не могли построить себѣ жилищъ: что зá день успѣютъ срубить да построить, то ночью чудь растаскивала и топила въ озерѣ.

Къ тому, что было мною сообщено по этому предмету, въ моей выше указанной замѣткѣ, по разсказамъ крестьянъ Спасской волости,—могу привести вновь записанныя данныя, полученныя здѣсь же отъ новыхъ лицъ. Въ особенности интересны разсказы кр. дер. Костенской, М. Д. Третьякова, который обладаетъ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній изъ области мѣстныхъ преданій и сказаній, сложившихся у него въ особаго рода цѣльное историческое повѣствованіе. Большую часть того, чтó ему извѣстно, онъ слышалъ отъ старожиловъ Ѳедора Лавровича и Катерины Ивановны, жившей около 110 лѣтъ, уже давно умершихъ.

Свою повѣсть М. Д. Третьяковъ начинаетъ обыкновенно такъ: „У насъ прежде было все княжество, въ кажной губернѣ былъ свой) князь, а царя не было. Нашъ князь у Архангельсково князя выкопалъ глаза. Онѣ (т. е. архангельскіе) не стерпили и пошли биться къ намъ на Кокшеньгу; онѣ много у насъ кое-какихъ мѣстовъ и городишковъ роззорили. Этта (здѣсь) у Миколы (Никольскій погостъ, городище) былъ у насъ Николаевской городъ, а пригородокъ—у Богородской церкви, гдѣ нынь Городище [1]) Мѣста эти они всѣ призорили. У насъ съѣзжались сюда купцы отъ Архандельково (т. е. гор. Архангельска), изъ Устюга и изъ Вологды... А топерь было все пусто (т. е. со времени разоренія). Онѣ (архангельскіе) стоели здись три года...“ Очевидно, это одинъ изъ отголосковъ преданія о розореніи Кокшеньги во времена усобицы московскихъ и галицкихъ князей, съ эпизодомъ ослѣпленія Василія II-го [2]).

Но къ этому же преданію въ разсказѣ М. Д. Т. тѣсно примыкаетъ и переплетается съ нимъ преданіе о литвѣ и чуди (что, по словамъ его, одно и то же), а также—о панахъ. Разсказывая о нашествіи „архандельсково князя“ и о раззореніи, имъ производимомъ, М. Д. Т. послѣ словъ „онѣ не стерпили и пошли битьсе“ добавляетъ: „съ ту сторону и пошли эта лйтва-та и стали дратьсе“. Выходитъ, что лйтва какъ будто бы приходила съ архангельскимъ княземъ. Однако, въ другой записи со словъ того же разсказчика (имѣется три записи его разсказа сдѣланныя въ разное время). О литвѣ (или „чуди“) въ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминается. Можно думать, что и разореніе во времена княжескихъ усобицъ и разореніе нашествіемъ литовскихъ шаекъ смутнаго времени [3]) оставили одинаково печальный и сильный слѣдъ въ Кокшеньгѣ и подчасъ невольно отождествляются разсказчикомъ. Что же касается возможности появленія литвы съ низу, отъ Архангельска,то вѣроятность этого можетъ быть подтверждена указаніями Двинской лѣтописи, въ которой упоминается о появленіи на Двинѣ до 2.000 человѣкъ поляковъ литовцевъ, которые поднимались и на Вагу, притокомъ которой (черезъ р. Устью) является Кокшеньга.

Затроиувъ преданіе о литвѣ (или чуди, что̀, по его мнѣнію, одно и то же), онъ передаетъ въ общихъ чертахъ тѣ же свѣдѣнія объ осадѣ Никольскаго городища, о какихъ мною сообщалось изъ другихъ преданій, но и съ значительными и своеобразными особенностями и нѣкоторыми интересными подробностями. Онъ говоритъ, что „лйтва стриляла изъ зыкоськово поля къ Николѣ, а потомъ и туда подходила“, что „тамъ защищались изъ-за деревянной стѣны, которую тогда же и сожгли, и церковь Оѳонасьевская (во имя св. Аѳанасія), которая стояла, гдѣ топерь ц. Николы, тоже была сожжена; вотъ тогда-то и вознесли эту батарею изъ земли [4]); сначала-

---

[1]) См. упоминаніе объ этомъ въ моей ст. „Кокшеньская старина“ въ „Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ.“ за 1906 г.

[2]) О походѣ В. Кн. на Кокшеньгу во время этой усобицы имѣются указанія въ исторіи Карамзина, по сѣвернымъ лѣтописцамъ.

[3]) См. упоминаніе объ этомъ въ „Описаніи Кокшеньги“ В. Т. Попова, Вологда, 1857 г.

[4]) См. ст. „Кокшеньгская Старина“.

то она была саженъ пятнадцать вышиною. Тутъ были камни и кирпичи, которыми и воевались; были тутъ и бревна подвѣшены на нагиляхъ; эти бревна опускали, когда воевались; а бревна были матерыя и заминало человѣкъ по пятнадцати и по двадцати".

Конецъ разсказа М. Д. Т. совершенно особенный:

„Литва имѣла пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти противъ Спасскаго погоста) и онѣ ходили къ ночамъ (во время осады Никольскаго городища?) все туда. Надъ ричкой надъ Кокряковымъ былъ на угорѣ гладкой камень; на ёмъ онѣ хлѣбовали и въ карты играли. Этотъ камень нынь не давно мужикъ подкопалъ и свалилъ: думалъ—кладъ есть. На камнѣ три зарубы; одна на Преображенье (т. е. въ направленіи Спасо-Преображенской церкви). Сколько тамъ ихъ было—не извѣстно.

Главныхъ ихъ начальниковъ убили. Наши мужики собрались съ шести волостей и пришли къ Кокрякову. Напередъ у нашихъ-то шли большознающіе (т. е. вѣщуны, знахари, колдуны); это были паны, онѣ вѣдь наши и правили нашими; ихъ звали Яганъ, Пеганъ, Поляница и Хайдукъ. Литва-та въ это время отдыхала; вотъ она варитъ кашу, обѣдать хотятъ. Ихней атаманъ и говоритъ: „ну, робята, севодни на кашѣ кровь кипитъ,—не ладно будетъ, не къ добру это". Всѣ изумились, не знаютъ, что дѣлать. Вотъ когда тутъ пришли наши-те со своими атаманами, и стали дратьсе. Первое дѣло, ихъ атаманъ розстегиваетъ грудь и говоритъ: „стрилейте!" Нашъ стрилилъ и тутъ его и застрилилъ. Была заряжена-то пуговица серебряная (противъ серебра-то не заговоришьсе) [1]); пуговица скрозь его пролитѣла. Онъ упалъ. Другого поймали, стали рубить топоромъ. Топоръ не беретъ: онъ заговорился. Наши и говорятъ: „Не ладно рубите! Возьмите трою въ землю топоромъ ударьте наотмашь, а потомъ и по шеѣ, тоже наотмашь". Тому голову отрубили. Третьей побѣжалъ на убѣгъ. Онъ бѣжалъ, не много не мало, три версты. И кидалъ серебро горстями, чтобы народъ остановился. Достигли (т. е. догнали) его противъ (подъ) деревни Костенской. Тутъ и поймали и голову отсикли. На томъ мистѣ была каменьця (груда камней) и до нынь.

Остальные приметались въ озеро Кокряково. И нынь кровяные косы ходятъ по озеру въ непогоду.

Дьяконъ Боскаревъ видѣлъ кость на берегу озера: приподымитсе да и сосвищетъ—значитъ, хочетъ похоронитьсе. Я видѣлъ тоже такую кость".

Всякій разъ, когда переспрашивали М. Д. Т—ова о панахъ, дѣйствительно ли это наши,—онъ съ увѣренностью повторялъ: „Паны это наши, а литва, чудь-та, поднялась отъ Архандельсково". Однако, не смотря на увѣренность старика, въ его разсказѣ о нашествіи „архандельсково" князя и литвы заключается наслоеніе не одного преданія, а нѣсколькихъ о разновременныхъ событіяхъ. Общее убѣжденіе относительно пановъ, которое пришлось много разъ слышать мнѣ отъ другихъ крестьянъ, что они приходили въ

---

[1]) Принимается за несомнѣнное, что атаманъ литвы былъ заговорщикъ; на серебро заговоры не дѣйствуютъ.

:шеньгу откуда-то и наводили страхъ на жителей своими гра-
:ами и насиліемъ, стоитъ въ согласіи съ преданіемъ, приводи-
мъ мною раньше, съ чѣмъ, какъ нельзя лучше, согласовались бы
тѣ имена, которыми, по словамъ М. Д. Т., назывались ихъ
)льшознающіе", атаманы: Яганъ, Поленица (Паляныця?), Хайдукъ.
которые изъ крестьянъ, вспоминая о старинѣ и разсказывая
жду прочимъ, о маленькихъ „волоковыхъ" окошечкахъ въ домахъ,
›ясняютъ необходимость устройства такихъ оконъ тѣмъ, что
›гда боялись пановъ и отъ нихъ укрывались" [1]).

Одинъ изъ любителей преданій о старинѣ, крестьянинъ Вл. М.
повъ, человѣкъ развитой и много читавшій, пановъ называетъ,
ямо поляками, приводя косвенное тому доказательство, основан-
э на значеніи очень распространенныхъ въ Кокшеньгѣ словъ:
новать, панъ, распановаться. Эти слова употребляются тогда, когда
гятъ обозначить какое-нибудь безчинство, самоуправство, выходку,
единенныя съ задоромъ, чванствомъ, напускной важностью и де-
:вымъ удальствомъ, что отвѣчало бы характеру поляковъ больше,
ıмъ кого-либо другого. Мнѣ думается, что этотъ оригинальный
водъ имѣетъ за собой реальное значеніе.

Тому же Вл. М. П—у удалось слышать такой варіантъ преданія
панахъ: „Когда они стояли подъ Николой (т. е. осаждали Ни-
ıльское городище), то (дѣлая набѣги на окружающія деревни)
›шли разъ до деревни Мадовицы; а въ Мадовицахъ по угородамъ
ıвѣшены были на кольяхъ снопы конопля. Имъ показалось, что
'о выступило много народу противъ нихъ и поворотили назадъ
ıять подъ Девятую [т. е. подъ Николу: церковь (и городище) но-
ıтъ двойное названіе по имени двухъ святыхъ, въ честь которыхъ
за освѣщена: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девя-
эй)]. Въ другой разъ оттуда уже не подходили къ Мадовицамъ,
а скоро онѣ послѣ этого и погибли. Ихъ атаманъ будто бы со-
ıелъ съ ума и сталъ кричать: „смотрите-ко, робята, сѣдатой-отъ
тарикъ [2]) кругъ шатра (шейка купола) у церкви издитъ на ло-
шадѣ и мнѣ грозитъ... Не застращаешь меня!" Послѣ того забѣ-
алъ этотъ атаманъ съ мечемъ да въ озерѣ и утонулъ... А паны-те
варили кашу да вмѣсто пѣны-то кровь косами заходила: онѣ и
'знали, что гибель скоро приходитъ. Тутъ, сколько денегъ, богат-
:тва ихъ было,—все въ котелъ склали и утопили въ Городишномъ
›зерѣ; а надъ котломъ поставили плотъ изъ слегъ (длинныхъ бре-
венъ), на плотъ наносили земли да и плотъ на котелъ утопили. А
потомъ и сами въ этомъ же озерѣ уходились".

Мнѣ самому не разъ приходилось слышать о богатствахъ, за-
топленныхъ въ этомъ озерѣ. А однажды во время охоты на утокъ
сопровождавшій меня крестьянинъ одной изъ близъ лежащихъ де-

---

[1]) Впрочемъ, въ ст. К. Попова „Колонизація „Заволочья и обрусѣніе заволоцкой чуди", помѣщ. въ №№ 2 и 3 „Бесѣды" за 1872 г., упоминается также, что названіе „паны" въ Вельскомъ уѣздѣ употребляется для обозначенія особой категоріи мѣстныхъ крестьянъ, а не въ обычномъ смыслѣ—наз. остатковъ польско-литовскихъ шаекъ смутной эпохи.

[2]) Разумѣется Св. Николай Чудотворецъ, хотя и странно, что онъ на конѣ.

ревень забрелъ съ одного берега въ озеро съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подойдя къ предполагаемому мѣсту затопленія плота, тыкалъ шестомъ въ дно, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ былъ слышенъ глухой стукъ ударовъ, какъ будто о деревянный помостъ; между тѣмъ зарастающее торфяное озеро-старица имѣло въ другихъ мѣстахъ только илистое вязкое дно. Мѣсто предполагаемаго плота находится противъ наиболѣе отлогаго спуска съ городища, и весьма возможно, что черезъ старое русло рѣки, отъ которой остались теперь эти озера-старицы, былъ дѣйствительно когда-то перекинутъ бревенчатый пловучій мостъ; или стоялъ плотъ, на которомъ переѣзжали, а потомъ отъ набуханія на водѣ погрузился на дно. Однако, противъ подобнаго рода догадки всегда найдется, что возразить, и настаивать на такомъ объясненіи не приходится.

Любопытно, что подробность вышеприведеннаго преданія о сѣдатомъ старикѣ встрѣчается и въ преданіяхъ о защитѣ Тарногскаго городка отъ чуди.

Исчерпавъ болѣе или менѣе то, что удалось уловить мнѣ изъ широкаго, но зыбкаго источника народной памяти, въ области интересующаго меня въ данную минуту вопроса, я долженъ придти къ одному скромному выводу, что всего приведеннаго еще не достаточно для какихъ-либо вполнѣ опредѣленныхъ заключеній; но тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую противорѣчивость отдѣльныхъ мѣстъ преданій, въ нихъ заключаются указанія, вполнѣ гармонирующія съ лѣтописными сказаніями о Кокшеньгѣ и до нѣкоторой степени рисующія картину историческихъ условій быта и развитія мѣстнаго населенія. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что въ Кокшеньгу съ разныхъ сторонъ притекали бѣглецы, укрывавшіеся отъ разныхъ преслѣдованій, не рѣдко составлявшіе значительныя шайки, занимавшіяся разбоемъ и грабежомъ и не скоро переходившія къ мирному образу жизни. О разбойничьихъ шайкахъ, ихъ атаманахъ и похожденіяхъ ихъ тоже не мало сохранилось разсказовъ въ народѣ. Часть этихъ преданій я и привожу въ слѣдующей главѣ.

III. Розбой (разбойники).

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ между прочимъ о томъ, что преданія кр. М. Д. Третьякова сложились въ установившійся опредѣленный циклъ. Послѣ разсказа о нашествіи „архандельского" князя и литвы, онъ продолжаетъ:

„Послѣ этой поры жили много времени и наступилъ розбой. Ходилъ онъ шайками, по 40 человѣкъ. Розбой богатыхъ мужиковъ грабилъ и рѣзалъ. У насъ былъ въ Мадовицахъ богатой мужикъ, Бирюкъ звали. Его захватили въ Преображенской церквѣ. Изъ церквы утащили на рѣку и замучили. У ихъ фатера (квартира, мѣсто стоянки) была на Коленьгѣ по ричкѣ Пестову (притокъ Ко-

ньги); тутъ была земляная изба. Онѣ много кое-чего нагрудили оло той избушки. У этой мѣстности ничего теперь наверху нѣтъ. лько одинъ мужикъ, Устинъ [1]) съ Ростова изъ деревни Починка, шелъ $1^1/_2$ пуда свинцу, а больше ничего не могли добратьсе, а бирались все сабли Александра Невскаго. Она есть тутъ на самъ дѣлѣ, да не многіе знають про это,—кто слыхалъ отъ прежхъ людей.

Розбой сталъ много праказу дѣлать (проказничать). Онъ гротсе на Гусиху (одна изъ самыхъ большихъ деревень въ Коксньгѣ): надо, говорить, ограбить. Гусишана узнали объ этомъ и ібрали народъ съ шести волостей. Народъ былъ въ гумнахъ и эмахъ спрятанъ. Розбой пришелъ. Былъ Проня на Гусихѣ, котоый зналъ заговоръ, и заговорился, что его не брала пуля. У разэйниковъ былъ тоже заговорщикъ. Онъ заговорился, и его тоже е брала пуля. У Прокопья (Проня) была „середка" (средняя часть ома) розломана до переводъ (балки подъ крышей). Былъ еще ымникъ (деревянный, об. довольно широкій, дымоходъ). Проня лѣзъ въ этотъ дымникъ. У ихъ былъ уговоръ: пока Проня не гукнетъ изъ оружья—народу не выкрыватьсе; а какъ учують стукъ, акъ народу вдругъ хлынуть на разбойниковъ. Какъ приходитъ тотъ розбой, до Гусихи атаманъ и говоритъ: „топерь Гусиха сгоотала (т.-е. пропала) и Проня попалъ!" Идетъ этотъ атаманъ по переводамъ у (дома) Прони. Проня—ничего другово—изъ дымника ыстрѣлилъ изъ оружья серебряной пуговицей; атаманъ съ переводовъ упалъ, а народъ услыхалъ этотъ стукъ и со всѣхъ сторонъ одвинулись. Розбой испугался и сейчасъ къ озеру, и приметались въ озеро; тамъ и рѣшился (погибъ), всего 40 человѣкъ".

Въ этомъ разсказѣ перемѣшаны, видимо, два преданія: то, что связано съ кладами и становищемъ на Коленьгѣ (городище при ручьѣ Городихѣ и почти противъ впаденія р. Пестова въ Коленьгу), судя по разсказамъ многихъ другихъ крестьянъ, относится къ болѣе отдаленному времени и обыкновенно въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ называетъ пановъ или литву; второе, гдѣ говорится о Бирюкѣ, судя по распространенности и общеизвѣстности, а также по упоминанію о Преображенской (деревянной, существующей и въ настоящее время) церкви, является болѣе позднимъ.

Самъ Третьяковъ дальше говоритъ, что „розбой былъ не особенно давно: еще тетка Катерина помнитъ то время, а она умерла годовъ 50 тому назадъ (жила около 110 лѣтъ)". Разумѣется, вполнѣ возможно, что на Коленьгѣ у Городихи могли имѣть становище цѣлый рядъ шаекъ, смѣнявшихъ другъ друга разновременно.

Подъ деревней Гусихой находится довольно глубокое озеро, проѣзжая мимо котораго много разъ, я очень часто слышалъ отъ ямщиковъ о гибели въ немъ разбоя и чуть ли даже не пановъ.

Въ деревнѣ Мадовицахъ живутъ и въ настоящее время прямые потомки Бирюка; одинъ изъ нихъ, весьма пожилой крестьянинъ, разсказывалъ эту исторію примѣрно въ томъ же родѣ, съ нѣкоторыми подробностями:

---

[1]) У котораго хранились записи на клады по р. Коленьгѣ; копію одной изъ нихъ, датированную 1639 г. я видѣлъ у одного кр. Спасской волости.

„Бирюкъ былъ матёрой человѣкъ, страсть! и очень богатой... Будто бы разъ ударилъ онъ казака (т.-е. работника), а тотъ въ разбоѣ ходилъ и сказалъ: „помни,—каковъ нибудь да я буду!" Потомъ убѣжалъ, созвалъ сорокъ человѣкъ розбойниковъ; вывели Бирюка изъ Преображенской церкви съ крыласа и привели домой; требовали денегъ. А денегъ то у него будто были клады. Бирюка сожгли живого, подъ горой у рѣки, а о деньгахъ такъ ничего и не узнали. Кладъ-отъ въ нашемъ домѣ будто есть отъ него, да какъ его достанешь?"

Розбойники обыкновенно имѣли пристанища среди лѣсовъ и болотъ, въ мѣстахъ мало доступныхъ, и оттуда дѣлали набѣги и грабежи. Указывается цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ были ихъ становища или оставлены клады; существуютъ урочища, какъ, напр. по р. Западной Поцѣ съ названіями „Розбойное"; сохранились имена нѣкоторыхъ ихъ атамановъ. Ихъ клады, заключающіе, какъ то сказывалось въ нѣкоторыхъ записяхъ, несмѣтныя богатства, привлекали многихъ искателей счастья даже на отдаленныя, трудно доступныя болотныя рёлки (островки), служившія когда-то надежнымъ убѣжищемъ разбойниковъ. Въ Шевденицахъ болѣе всего извѣстна въ этомъ отношеніи „Кладовая" рёлка (о которой я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ), въ болотахъ по рч. Лайбую, связанная съ именемъ разбойничьяго атамана Росадки, будто-бы по имени котораго называется одна изъ деревень: Росадина.

Бывавшіе на этой рёлкѣ раньше, разсказывали, между прочимъ, о какихъ-то бревнахъ, служившихъ, по предположенію, для переходовъ разбойникамъ на рёлку, и обитыхъ мѣстами мѣдью. Теперь таковыхъ, говорятъ, не видно.

Подобная рёлка существуетъ на Болванскомъ болотѣ, въ 20 верстахъ отъ Спасской церкви, внизъ по правому берегу р. Кокшеньги. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми изъ побывавшихъ здѣсь крестьянъ. Они разсказываютъ о точныхъ примѣтахъ, перечисленныхъ въ записи объ этомъ кладѣ, и вполнѣ отвѣчающихъ имъ въ дѣйствительности, разсказываютъ о камнѣ, покрытомъ, какъ будто бы надписью; о ямѣ, въ которой долженъ лежать кладъ, прикрытый съ верху толстыми слоями угля, камней и золы. Угля и камней выгребали они большое количество, но до клада не добрались.

Повсюду разсказывается о шайкахъ разбойниковъ въ сорокъ человѣкъ и о почти внезапной ихъ гибели. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ на убѣжище ихъ указывается на очень маленькія одиночныя земляныя избушки, а съ другой стороны, изъ преданій о Бирюкѣ, Росадкѣ и под. выходитъ, что какъ будто бы этотъ разбой имѣлъ своихъ представителей и по деревнямъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе-то дома или жители чуть не цѣлой деревни „розбойничьяго роду". А лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ разбои происходили частенько на всѣхъ сколько-нибудь длинныхъ лѣсныхъ волокахъ, по дорогамъ; и тутъ ужъ приходилось слышать прямыя подозрѣнія, что это не дальніе разбойники, а свои же мѣстные, при чемъ иногда указывалось и на темное происхожденіе подозрѣваемыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что если „розбой" и былъ первоначально пришлымъ элементомъ, то потомъ, мало-по-малу

обращаясь въ мѣстный, переходилъ, подъ конецъ, въ мирныхъ обывателей, пристроившись или среди жителей другихъ деревень или основывая особые починки.

Съ другой стороны разбои, принимая форму грабежей на лѣсныхъ волокахъ и доходя до простыхъ кражъ по деревнямъ, становились все болѣе одиночными и превращались въ воровство отдѣльныхъ недобрыхъ людей, стараніемъ самого населенія выведенное за послѣдніе годы почти окончательно. Иногда такого рода одиночные грабежи и смѣлыя кражи приписывались тоже бѣглецамъ, не переводившимся въ Кокшеньгѣ до самого послѣдняго времени и жившимъ часто одиночно въ лѣсныхъ избушкахъ и землянкахъ по всѣмъ почти волостямъ. Однако, вѣроятнѣе всего, что бѣглецы эти часто служили только козлами отпущенія для другихъ, ибо, имѣя серьезныя причины укрываться, эти люди бывали, обыкновенно, самыми мирными и, можетъ быть, честнѣйшими людьми.

Среди такого сорта бѣглецовъ бывали и не вынесшіе тягости военной службы или помѣщичьяго ярма, и преслѣдуемые сектанты, и, быть можетъ, пострадавшіе „за политическія убѣжденія". Такъ жившій въ Озеркахъ бѣглецъ изъ военной службы „Петрушка-Пантюшка" писалъ списки, книги, сны Богородицы и, продавая, выручалъ себѣ на хлѣбъ или прямо мѣнялъ ихъ на пищевые продукты.

Тамъ же, въ лѣсу, по направленію къ Новоселамъ, жили старовѣры и питались приношеніями изъ деревень, дѣлали туйски и еще кое-какія вещи, и такимъ образомъ не много заработывали на покупку самаго необходимаго. Послѣ нихъ остались слѣды огорода съ 9-ю грядами.

Нѣкоторымъ изъ такихъ, уже поживших порядочно долго, бѣглецовъ населеніе, слѣдовательно, само дѣлало добровольныя приношенія. Изъ бѣглыхъ сектантовъ-старовѣровъ многіе устраивались, между прочимъ, на окраинѣ Спасскаго прихода, около такъ называемой Тюребери (нѣсколько деревень), гдѣ и по сіе время среди населенія прочно держится старовѣрчество.

Преданія о „розбоѣ" и бѣглецахъ, изложенныя въ нѣкоторой полнотѣ, приведя въ кругъ современной Кокшеньгской дѣйствительности, даютъ поводъ разсказчику на нихъ и закончить циклъ Кокшеньгскихъ преданій; но очень часто, обыкновенно послѣ перерыва какъ бы означающаго, что дальнѣйшее не стоитъ въ непосредственной связи съ разсказаннымъ, или послѣ вашей просьбы разсказать что-нибудь изъ преданій еще,—онъ дополняетъ свое повѣствованіе „былью объ еретикахъ", а иногда касается и общеисторическихъ лицъ, преимущественно нѣкоторыхъ русскихъ государей, „френцюза" [1]) и пр.

М. Едемскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Наполеона I.

ДѢДОВЩИНА ВЪ СИБИРИ.

(Енисейская губ.)

„Дѣдовщи́ной" во многихъ мѣстахъ Сибири называютъ памятники прошлаго въ области какъ матеріальной, такъ и духовной культуры: старинные костюмы, мебель, утварь, постройки,—съ другой стороны—сказанія, преданія, повѣрія, пѣсни, духовные стихи, заговоры и т. п.

Дѣдовщина—мѣткое названіе, характерное для эпохи, когда возникаютъ новые уклады жизни, иныя формы быта.

Ниже приводимая дѣдовщина записана учителемъ Ив. Тыжновымъ въ д. Кондратьевой, Пинчугской волости, Енисейскаго уѣзда, въ 1905 г. Всѣ 13 номеровъ поются

Запись сдѣлана не достаточно хорошо. Собиратель писалъ въ большинствѣ случаевъ, слѣдуя правиламъ правописанія и тѣмъ самымъ, конечно, искажалъ подлинникъ; не проставлены ударенія,—такъ что для лингвиста это матеріалъ, весьма мало дающій. Для цѣлей этнографіи—это любопытная страничка, тѣмъ болѣе, что настоящая запись даетъ нѣкоторые варіанты.

В. Анучинъ.

1.

Живъ человѣкъ разнемогается,
День на дворѣ вечеряется.
Чѣмъ то земля изукрашена?
Изукрашена земля Божьей милостью,
Божьей милостью—Богородицей;
Богородицей, краснымъ солнышкомъ.
За рѣкой то идутъ люди Божески;
Во рукахъ то несутъ книги Божески;
Они молятъ, они просятъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго:
— Перенеси Ты насъ, перевези Ты насъ
Черезъ огненну рѣку; черезъ огненну рѣку,
Къ самому Христу, Царю Небесному.

* * *

Живъ человѣкъ разнемогается,
День на дворѣ вечеряется.
Чѣмъ то земля изукрашена?
Изукрашена земля Божьей милостью,
Божьей милостью—Богородицей;
Богородицей, краснымъ солнышкомъ.
За рѣкой то идутъ люди грѣшные;
Они молятъ, они просятъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго:
— Перенеси ты насъ, перевези ты насъ
Черезъ огненну рѣку, черезъ огненну рѣку,
Къ самому Христу, Царю Небесному!
— Провалитесь вы, души грѣшныя, во кромѣшный адъ.
Гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ буйна́ голова.

2.

Взойди-ка, взойди, солнце красное,
Надъ горой то взойди надъ высокою,
Надъ дубравушкой взойди надъ зеленою,
Надъ поляночкой взойди надъ широкою;
Обогрѣй ты насъ добрыхъ молодцевъ,
Сирыхъ, бѣдненькихъ—солдатъ бѣгленькихъ,
Безбилетненькихъ, безпаспортненькихъ.
Какъ помимо того граду бѣлаго,
Какъ помимо того села Выстрова
Протекала туда рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая—каменистая.
А по рѣченькѣ плыветъ лодочка,
Лодка новая изукрашена:
Плисомъ, бархатомъ оболочена,
Золотымъ то гвоздемъ изнасажена.
Среди лодки—золота казна;
На казнѣ то лежитъ шелково́й коверъ,
На коврѣ то сидитъ красна дѣвица.
На кормѣ то сидитъ эсаулъ съ весломъ,
На носу то стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Красна дѣвица—есаулышка родна сестрица,
Атаманушка—полюбовница.

3.

Ужъ ты матушка, Угрюмъ рѣка,
Про тебя-ль лежитъ слава добрая,
Слава добрая—рѣчь хорошая:
Круты бережки посеребряны,
Какъ желты пески, какъ скатенъ жемчугъ;
У тя донышко позолочено.
Среди Волги стоитъ бѣлъ, горючь камень,
Какъ на камешкѣ не огонь горитъ,

Не огонь горитъ, не смола кипитъ—
Кипитъ, болитъ сердце молодецкое,
Ни по роду кипитъ, ни по племени,
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ.
Кипитъ-то, болитъ сердце молодецкое,
По душѣ то болитъ по красной дѣвицѣ.
Какъ оставила то меня красна дѣвица
На крутомъ бережку, на желтомъ песку, Тимофея то Васильевича

4.

Шелъ парень со вечерочки, со батáльицы;
Шелъ то, пришелъ къ молодой женѣ,
Онъ домой то пришелъ поздно вечеромъ.
Онъ домой то пришелъ, раскуражился,
Что жена то мужу покорялася,
Трою, двою мужу въ ноги поклонялася:
— Охъ, ты мужъ, ты мой честнóй господинъ,
Ты не бей-ка меня поздно вечеромъ,
Ты убей-ка меня во глуху полночь,
Пускай добры-то люди всѣ улягутся,
Пускай малы дѣтушки пріусыпятся!—
Утромъ ранечко, на разсвѣтечкѣ—на бѣлой зарѣ
Малы дѣтушки пробуждалися,
Своей маменьки спохваталися.
— Охъ, ты, тятенька, гдѣ наша маменька?
— Ваша маменька на рѣкý ушла,
На Дунай ушла цвѣтно платье мыть.—
Дѣти сбѣгали, мать завѣдали.
— Охъ ты, тятенька, нѣту нашей маменьки.—
— Ваша маменька во Божьей церкви,
Богу молится, все спасается, низко кланяется.
Дѣти сбѣгали, мать завѣдали.
— Охъ ты, тятенька, нѣту нашей маменьки.
— Ваша маменька во сырой землѣ,
Во сырой землѣ въ гробовой доскѣ.
Гробова то доска изукрашена:
Плисомъ, бархатомъ оболочена,
Золотымъ гвоздямъ околочена.

5.

Сизенькій голубчикъ
Сидѣлъ на дубочкѣ.
Брови его черны,
Очи его ясны,
Личико бѣленько,
Какъ бѣлый снѣжочекъ.
Прилетала пава,

Середь двора пала,
Крылышкамъ махала,—
Крыльямъ не простымъ,
Крыльямъ лебединымъ.
— Чево, милый, робишь?
— Робить я не роблю,
По дворочку хо́жу,
Конёчка има́ю,
Во сѣдло сѣдлаю,
Во сѣделышко черкаско;
Потнички́ ковровы,
Подпружки шелко́вы.
По полю гуляю,
Къ милой заѣзжаю.
Шила ему мила
Милому рубашку,
Шила-вышивала
Золотымъ узоромъ;
Ластовки строчила,
Воротъ золотила—
Дружка подарила,
Сама зарыдала,
Слезы утирала
Правою рукою;
Лѣвою другою,
Лентой голубою.

6.

Во сегодняшній денекъ себѣ радость получила:
Любезнова то дружка къ себѣ въ гости залучила;
Залучила то дружка въ не воскресный во денекъ.
Посажу-ли я дружка во передній уголокъ;
Налью рюмочку ему евленскаво винца,
А сама то себѣ такова же налью;
На серебряномъ подносѣ поднесу,
На здоровье съ дру́жкомъ выкушаю.
У хмельнова то дружка буду выспрашивать:
— Ты сколькую сушишь—крушишь ты меня?
А во хмелю милый промолвился:
„Я сушу-крушу, семь дѣвушекъ люблю,
А восьмую то сушу я солдатку молоду,
А девятую сушу свою законную жену.

7.

Съ горъ погодушка, милому невзгодушка.
Лѣса темные, горы высоки.
Тутъ летитъ, летитъ ясенъ соколъ черезъ сырой боръ.
Подъ правымъ крыломъ несетъ саблю вострую,
Саблю вострую, наточеную, золбченую.

Подъ лѣвымъ крыломъ—письмо-грамотку.
Тутъ мощёны мосты, все калѝновы,
Все калиновы, все рябиновы,
Тута шли, прошли три полка солдатъ,
Новобранные часъ теперешній.
Всѣ охотнички пѣсню ста́ркали,
А наемщички ружьямъ сбрякали,
А невольнички слезно всплакали.

8.

(Плясовая пѣсня).

Анюшечка-душечка,
Вечеръ былъ я у тебя,—
Не узнала ты меня,
Не узнала, опознала,
Отсылала отъ себя.
Кипучая кровь кипитъ,
Отойти прочь не велитъ.
Велитъ сударушку любить,
Что за то ее любить:
Не далече къ ней ходить.
Промежду рѣка бѣжитъ,
Рѣчка быстренькая,
Бережистенькая,
Черезъ ту быстру рѣку
Мостовиночка лежитъ,
Жердка тоненькая,
Жердка еловенькая.
Какъ по жердушкѣ еловой
Хорошо милой ходить:
Она ходитъ поступаетъ,
Рѣчь гово́ритъ—разсыпаетъ,
Сине море колыба́етъ.
Сине море колыбливо,
Рыба въ морѣ полохлѝва.
Ахъ ты, Вася-Василокъ,
Вася—бѣлый лебедокъ,
Не ходи-ка, Вася, днемъ,
Ходи вечеромъ съ огнемъ,
Со хрустальнымъ фонаремъ,
Ко бѣлу свѣту домой.
Я умѣла моей матушкѣ
Отверточку сказать:
Скажу этакъ, скажу сякъ,
Скажу ѝнока опять.
Я скажу, во саду была,
Во зеленомъ гу́ляла;
Скажу: яблочки щипала

Я налевчитыя,
Налевчитыя, разналевчитыя
На серебряно блюдо клала,
Прираскладывала,
Приговаривала.

9.

Не люблю я во деревнѣ мла́да жить,
Не люблю я деревенскихъ мужиковъ;
Полюблю я изъ бурлака казака,
Изъ бурлака, изъ бурлака, изъ бурлацкаго полка;
Я млада-млада по сѣничкамъ хожу,
Веселешенько на милого гляжу.
Будто мой то милъ хорошъ да пригожъ,
Чернобровый, черноглазый, сердце мой.
Я не знаю, къ чему друга примѣнить,—
Примѣню я свово дру́жка къ соколу́,
Соколъ птица летучё да летучё.
Мой миленекъ живучё да живучё.
Перелетна мала пташечка,
Горе-горькое, кукушечка
Изъ окно въ окно полётывала,
Частешенько перепархивала:
Не ѣдетъ ли мой военный-полковой?
Полоса моя, полосанька,
Что любимая дороженька.
Я умѣла по тебѣ, радость, тужить,
Я умѣла тебя, радость, любить,
По грибочки, по ягодки, по зеленые вѣнички ходить,
Вѣнички, вѣнички на мои на сѣни грянули.
Щекотала ласточка на морѣ,
На морѣ, на сѣромъ на камешкѣ:
— Сними, сними, батюшка, съ камешку съ этова,
Съ камешка сѣрова, сѣрова, сѣрова, бѣлова.

10.

Распустяшныя дѣла...
Гдѣ, миленькій, гулялъ?
Онъ по у́лкамъ, переулкамъ
Путь дорожку проторилъ,
Худу славу проложилъ.
Худа славушка пройдетъ,
Никто взамужъ не возьметъ,
Не посватается.
Не шуми-ка листъ, дубро́ва,
Шу́ми роща зелена́.

Руби древо изъ корня́.
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкія,
Растакія, раззвонкія,
Разгусѐльцы важныя.
Балалаечка—гудокъ,
Наживемъ съ то́бой домокъ.
Соха да борона
Разорила всѣ дома.
Мы сядемъ на лавку
Балалаечку подъ лавку.

11.

Было во прошломъ году,
Уродилося много ягодъ во бору.
Заблуждалася красна дѣвка во темномъ лѣсу,
Потеряла она тѣлогрѣю алу-голубу.
Выходила красна дѣвица на Дунай рѣку,
Становилася красна дѣвица на крутъ бережокъ,
Закричала то она, заревѣла своимъ громкимъ голосомъ:
— Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой,
Перевези-ка меня, дѣвицу, на ту сторону домой,
На́ тебѣ подарокъ съ руки перстень золотой,
На запивочку красной водочки полуштовъ,
На закусочку сладкой пряничной пирогъ.
— Не нуженъ мнѣ твой перстень золотой,
Не нуженъ мнѣ твой сладкой пряничной пирогъ,
Дорога ты мнѣ сама.
На ту сторону домой ее везетъ,
Къ золоту вѣнцу ведетъ.

12.

По московской по дороженькѣ,
По московской по широкой.
Бѣжала почта легкая,
Почта легкая государьская, енеральская
Ко богатому крестьянину.
У богатова крестьянина было три сына,
Три сына любезные, сердечные.
— Пойдите-ка, мои дѣтушки, вдоль по улочкѣ,
Вдоль по улочкѣ, вдоль по широкой,
Наконецъ зайдите въ нову кузницу,
Въ нову свѣтлицу;
Скуйте, братцы, по ножечку,
По укладному, по булатному,
Пойдите-ка, мои дѣтушки, во чисто́ поле,
Во чисто́ поле, во ракитовъ кустъ,
Вырубите-ка по гудочку,

Сдѣлайте по жеребью.
Пойдите-ка, братцы, на Дарью рѣку на широкую,
Раскидайте свои жеребьи.—
Какъ большой-то братъ закинулъ:
Какъ корабль побѣжалъ.
Середній братъ закинулъ:
Какъ соколъ полетѣлъ.
А меньшой-то братъ закинулъ,
Какъ ключъ ко дну пошелъ.
Меньшой то братъ расплакался, разгнѣвался:
— Государь ты мой, родной батюшка,
Будто я тебѣ не сынъ родной,
Будто я тебѣ, какъ пасынокъ!
— Видно тебѣ, дитятко, Богъ велѣлъ,
Богъ судилъ во солдатахъ быть.

13.

У барина, у боярина,
У него-то была дочь хорошая.
Онъ умѣлъ-то ее вспоить, вскормить,
Вспоить, вскормить, взамужъ отдать;
Взамужъ отдать за лютова за разбойничка.
Воръ-разбойничекъ со вечера коня хлесталъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту домой прибывалъ,
У новыхъ-то воротъ онъ постукался,
Золотымъ кольцемъ онъ побрякался,
Выходитъ ево молода жена,
Пропускаетъ ево, молодца удалова, пріусталова,
Заводитъ коня воронова,
Снимаетъ съ коня сумочки.
Во первой-то сумѣ: злато, сéребро,
Во второй-то сумѣ: кравинó-платье.
Платье она вынула, на Дунай рѣку пошла
Цвѣтно платье мыть,
Платье вымыла, сама на угóръ пошла,
На угоръ пошла, сама слезно всплакала:
— Охъ, ты мужъ ты мой, чеснóй господинъ,
Ты на что же убилъ моево братца?
— Во первóй встрѣчѣ спуску нѣту-ка:
Нѣтъ ни батюшку, нѣтъ ни матушкѣ,
Наипаче молодой женѣ.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказки записаны мною въ 1900 году въ селахъ: Небдинѣ, Шойнаты и на Вишерѣ. Небдинъ находится отъ Усть-Сысольска въ 90 верстахъ вверхъ по Вычегдѣ, а Шойнаты въ 100 верстахъ.

Суевѣрные разсказы изъ охотничьяго быта записаны въ селѣ Вишерѣ, (находящемся на рѣчкѣ того же имени) ихъ разсказалъ крестьянинъ Тарасъ Ивановъ Игушевъ. Эти разсказы оригинальны, они рисуютъ бытъ охотниковъ въ дремучихъ лѣсахъ сѣвера, изображаютъ ихъ вѣру въ „лѣсного хозяина", который нѣкогда былъ большимъ богомъ Войпелемъ, являющимся олицетвореніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, крутящихся въ лѣсахъ лѣтомъ и зимою. Этотъ Войпель („Ночное Ухо") извѣстенъ теперь на Печорѣ подъ именемъ „Шуа". бога, который живетъ въ „каменномъ гнѣздѣ вѣтровъ" Тӧлъ-поз-изъ. Если онъ услышитъ человѣческій голосъ, поднимаетъ вѣтеръ и шлетъ снѣгъ на путниковъ. „Многіе уже погибли въ Уральскихъ горахъ".

„Кокля-макля", о которомъ разсказываетъ Игушевъ, вѣроятно, одинъ изъ членовъ великой семьи мѣстныхъ боговъ—вӧрсаяс,—главой которой былъ Войпель.

Въ разсказѣ о „мельникѣ" передъ нами выступаетъ образъ водяного бога—„васа". Онъ до сегодняшняго дня пугаетъ зырянъ и проситъ „калыма" отъ мельниковъ. Душа человѣка, умершаго безъ причастія, можетъ попасть въ его владѣнія. Этотъ богъ тоже не одинокъ, а имѣетъ много подчиненныхъ божковъ и свою семью „сюраясъ" (сюраясъ—рогатые боги). Разсказъ „Тювӧ" есть повѣствованіе о жизни дѣйствительной личности.

Григорій Тювӧ жилъ на рѣчкѣ Пукдымъ, впадающей въ Вишеру выше села того же названія.

Въ моей книгѣ „Въ поискахъ за Памомъ Бур-мортомъ" приводится характеристика Григорія Тювӧ.

Сказку „Доренька" разсказалъ крестьянинъ села Небдина Алексѣй Андреевъ Латкинъ. Эта сказка—заимствована, она напоминаетъ русскую сказку о ворѣ. Чрезвычайное „пристрастіе къ алкоголю" и мѣткое, грубоватое остроуміе—являются оригинальными особенностями „Доренька". Въ этомъ выражается своеобразная передача общеизвѣстнаго сюжета.

Сказку „Ракъ молодецъ“ сообщилъ мнѣ церковный сторожъ въ ѣ Шойнаты Александръ Алексѣевъ Савельевъ. Сказка заимствована.

Всѣ эти сказки записаны были мною по-зырянски и затѣмъ до-вно переведены на русскій языкъ. Этотъ дословный переводъ, обходимый для науки, нанесъ большой ущербъ литературной сто-нѣ дѣла.

Красота языка, мѣткость и картинность рѣчи исчезли.

К Жаковъ.

Вишера.

Разсказы охотника.

Въ старину одинъ мужикъ разъ занялся сдираніемъ шкуръ ѣлокъ. Онъ снялъ сто штукъ и говоритъ—сегодня бы я могъ пять-отъ снять. Другой братъ говоритъ—замолчи, перестань говорить.— Перестану говорить, хоть сейчасъ груду бы принесли“.

Тогда въ волоковое окно стали бросать бѣлками (въ то окно, гдѣ детъ дымъ изъ курной избы). Онъ сталъ погибать отъ бѣлокъ, все росаютъ, и бросаютъ (въ избу). Братъ научилъ осѣнять крестомъ лапы, уже не стали снимать шкуръ). Тотъ такъ и сталъ дѣлать. Тогда рикнули съ улицы—„ладно, что съумѣлъ жить, нашимъ былъ бы еловѣкомъ“.

Я никакъ не могъ застрѣлить бѣлку. Цѣлый день ходилъ. На одну бѣлку залаяла собака. Я сильно стрѣлялъ ее. Не упала она отъ меня. Я закричалъ—иди, говорю, лѣсной и выстрѣли для меня. Пришелъ человѣкъ, лица своего не показалъ мнѣ, лица его я не видѣлъ. Большой, весьма высокій человѣкъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, онъ пришелъ съ пищалемъ, онъ, выставивъ его, хлопъ—выстрѣлилъ и бѣлка упала. „Бери“, говоритъ, „дядя, бѣлку то“. Человѣкъ ушелъ. Я взялъ бѣлку и въ охотничью сумку (лоз) положилъ. А человѣкъ сказалъ издалека—„ты“, говоритъ, „скажи Кокля-Мокля, что на войнѣ убили его сына“. Я иду и думаю, кто такой это Кокля-Мокля. А пришелъ въ избушку, сварилъ пищу, сталъ ѣсть и затѣмъ я сѣлъ снять шкуру бѣлки и сказалъ своему брату: „я вѣдь не самъ застрѣлилъ“. Братъ лежитъ на нарѣ. „Уйди вонъ, самъ не застрѣлилъ—лѣшій застрѣлилъ“. Братъ не вѣритъ. „Еще онъ сказалъ, ты, говоритъ, разскажи Кокля-Мокля, что на войнѣ его сына убили. А кто для меня Кокля-Мокля“.—„Иди, говоритъ братъ, тебѣ все кто-нибудь что-нибудь разсказываетъ“. Такъ онъ сказалъ, вдругъ полъ поднялся весь до потолка и двери унесло— пыр-ы-ыръ! Какъ на улицу вышелъ, все такъ и несся.

Не нужно ругаться въ лѣсу. Изба была не весела, стала свѣтлая послѣ этого. Кокля-Мокля и жилъ подъ поломъ, а тутъ убѣжалъ.

Жилъ-былъ мельникъ. Онъ жилъ на мельницѣ. Была ночь. Туда прибылъ на большой лошади человѣкъ, одѣтый въ парку и проситъ его въ гости къ хозяину. Мельникъ говоритъ „я не пойду". „Если не пойдешь, мельница будетъ нашей". Мельникъ думаетъ: „я не пойду, будетъ зло, если же пойду, можетъ быть и добро будетъ". Вышелъ на улицу. Сани у того синимъ войлокомъ покрыты. „Давай, садись", говоритъ, и открылъ синій войлокъ. Сѣли и, покрывъ его, онъ повезъ. Вдругъ лошадь остановилась и говоритъ тотъ: „вставай". Мельникъ открылъ глаза, смотритъ—большой домъ, во всякомъ окнѣ огонь, весьма свѣтло. „Я", говоритъ, „всталъ и вышелъ". „Иди, иди отдохни". Тамъ народъ работаетъ, кто дѣлаетъ шестерню, кто гвозди, всякую всячину, что̀ водится на мельницѣ. Хозяинъ, сѣдой старикъ, мнѣ говоритъ: „войди во внутрь". Тамъ бабы, дѣвушки, какъ кралечки, стряпаютъ, готовятъ. Я тамъ что̀ дѣлать, дѣлалъ, потомъ, кто меня привезъ, тотъ и увезъ.

Человѣкъ въ паркѣ говоритъ мельнику, „ты знаешь—нѣтъ, что сдѣлала твоя жена?"—„ Нѣтъ, не знаю". „Она вымолотила цѣлый овинъ, и столько конопли льна высѣяла".—„Ты знаешь или нѣтъ Макара на бору?" „Знаю", говоритъ, „онъ мнѣ другъ". Человѣкъ въ паркѣ говоритъ: „онъ тоже мой другъ, ты спроси его куда дѣвался твой другъ?— я человѣкъ сгорѣвшій отъ вина".

Мельникъ пришелъ домой, у бабы спрашиваетъ: „что̀ ты дѣлала вчера?"—„Молотила одинъ овинъ, коноплю мяла". Потомъ онъ пошелъ въ боръ и Макара сталъ спрашивать: „ты съ кѣмъ служилъ на службѣ?"—„Ярославскій былъ со мною, да отъ вина сгорѣлъ".

Ѣдутъ въ Печеру извозчики зыряне. У одного на волоку сани сломались. Товарищи ѣхали дальше. Оставшійся кое-какъ починилъ сани и до зимовки добрался. Онъ тамъ сварилъ себѣ мясо и сталъ ужинать. Вдругъ между досками пола въ отверстіе рука показалась и сжимаетъ пальцы и разжимаетъ. Ямщикъ смотритъ, отрѣзываетъ кусокъ мяса и въ руку влагаетъ. Рука исчезла, но спустя опять показалась, сжимаетъ и разжимаетъ пальцы. Онъ такимъ образомъ все мясо отдалъ, что̀ было сварено, а самъ кое-что поѣлъ и легъ на наръ. Вдругъ вошли человѣка два съ улицы и сказали—„вотъ сюда для насъ опять пришелъ кусокъ мяса" Но изъ-подъ пола отвѣтилъ голосъ: „вы этого человѣка не троньте, мнѣ онъ большое добро сдѣлалъ; я была тяжко беременна сыномъ, меня накормилъ онъ мясомъ. У этого, у бѣднаго, сани поломались, а намъ въ Екатеринбургѣ дали новыя сани, идите, принесите и у этого грузъ, товаръ перегрузите какъ слѣдуетъ". Ямщикъ на другой день проснулся, на улицу вышелъ, сани хорошія, товаръ уложенъ аккуратно, онъ запрягъ лошадь и отправился далѣе.

Около берега люди гребли. Вдругъ изъ воды показалось и говоритъ „еще не пришелъ?"—Разъ и другой разъ такъ говоритъ. Мы думаемъ—кого это ждетъ? Вдругъ туда молодецъ пришелъ, красивый молодецъ. Онъ говоритъ:—„мнѣ нужно будетъ здѣсь выку-

ься". А мы говоримъ „нѣтъ, здѣсь не купайся".—„Нѣтъ, я выаюсь". Тѣ увѣщеваютъ и онъ не сталъ купаться. „Но", говоъ, „хоть я", говоритъ, „водой окачусь". И онъ облилъ себя вои тутъ же и умеръ. Рокъ догналъ его тутъ, счастья не стало, итвы не достало.

Сказка Йоремъ.

Жили были старикъ со старухою. У нихъ была одна дочь, рфа по имени. Отецъ собрался въ лѣсъ на сутки. Онъ сказалъ яйкѣ:— „ты дочь не отпускай на бесѣдку". Какъ только вечеръ сталъ, дѣвушка сильно стала проситься на бесѣдку и мать раздилась и говоритъ: „пусть тебя унесутъ на то, чтобы никогда ьше не видѣть". Дѣвушка ушла и не возвратилась, и не знаетъ кто, куда она исчезла. Вернулся отецъ и спрашиваетъ: „гдѣ ша Марфа?"—Хозяйка говоритъ: „я не знаю, ушла на бесѣдку и вернулась". Однажды отецъ Марфы собрался на базаръ. Шелъ, элъ, и видитъ ручей течетъ, на берегу, ручья домъ большой. алъ смотрѣть—его дѣвушка выходитъ изъ амбара и съ блюдомъ руках идетъ въ домъ. А отцу стало пріятно.

— „На-те-ко, мы думали—исчезла, а къ какому хорошему купцу пала". Вдругъ дѣвушка закричала: „Отецъ, иди отдохнуть". Отецъ шелъ въ домъ. Три молодца тамъ живутъ и приняли они его очень обезно. Онъ тамъ отдыхалъ, гостилъ. Стали ему говорить, наказыать: „ты завтра въ городъ придешь, насъ не ищи до конца бѣдни".—Старикъ пришелъ въ городъ и постоялъ у заутрени и думаетъ затѣмъ найти своихъ молодцовъ, и ходилъ, гулялъ, тѣхъ не ашелъ. Онъ постоялъ у обѣдни и сталъ итти возлѣ лавокъ, на лаза ему попалась его дочь—она торгуетъ въ лавкѣ, и онъ туда ошелъ, его пустили за стойку. Молодецъ сталъ его спрашивать: тебѣ, старикъ, дѣвушка или товаръ нуженъ?" Старикъ думаетъ: іто я на свое бѣдное житье возьму ее отъ такого богатства. „А жели что дадите мнѣ изъ товара, мнѣ будетъ хорошо". Тутъ дѣвушка вдругъ громко сказала: „Ахъ, батюшка, если бы ты меня попросилъ, меня бы еще отпустили, а теперь меня не отпустятъ".

Товару наложили старику въ сани и говорятъ: „иди домой и торгуй". Старикъ прибылъ домой и хвастаетъ предъ старухой: „нате-ка вотъ, мы думали наша Марфа потерялась, а она у очень богатаго купца живетъ, и вотъ намъ они очень много товару дали и велѣли торговать". Старикъ со старухою построили лавку и стали торговать, и у нихъ товару не уменьшалось никогда и не исчезало.

Разъ старикъ со старухою собрались идти въ гости къ дочери. Шли, шли и пришли на то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ. Но его не увидѣли. Обратно вернулись домой. Такъ они жили, были дома.

Разъ старикъ опять захотѣлъ идти. И отправился одинъ. Онъ увидалъ домъ на прежнемъ мѣстѣ. Онъ тамъ пилъ, ѣлъ, гостилъ. Опять захотѣлъ домой вернуться, а дочь ему и говоритъ: „ты, батюшка, меня больше никогда не увидишь". Такъ старикъ вернулся домой, разсказалъ хозяйкѣ, какъ онъ ходилъ, гостилъ. И до смерти они вѣкъ свой торговали.

„Тювӧ“ (лѣсной колдунъ).

Изосимъ и Савватій не приняли его въ Соловецкій монастырь. Въ другой разъ онъ былъ въ Ношулѣ и тамъ умеръ. Онъ жилъ въ лѣсу у верховьевъ Вишеры—двадцать верстъ отсюда. У него былъ домъ, который сгорѣлъ. Дѣтей не было. Деньги хранилъ въ скамейкѣ, въ ящичкѣ. Сынъ пріемышъ говоритъ: „обновить нужно скамейку и приступокъ также. Тювӧ деньги перенесъ въ лѣсъ. „Мы ищемъ деньги“.—„Въ Пукдымъ—бору черника крупная, а въ кересъ мелкая“ (слово тювӧ) „Мы идемъ въ кересъ“ (значитъ деньги тамъ)—„А вы оказывается изъ кереса брали?“—Собрали по лѣсной дорогѣ полную корзину. Тювӧ деньги въ другое мѣсто перенесъ. А тамъ пустой ящикъ оставилъ. Потомъ деньги съ собою взялъ въ дорогу, послѣ смерти товарищъ деньгами воспользовался.— У Тювӧ былъ быкъ. Отъ быка и обогатѣлъ онъ, овцы не жили.

Шесть верстъ поднялись. Одинъ пробовалъ (оскопить) быка, другой пробовалъ. Тювӧ вышелъ, положилъ рукавицы на быка и безъ завязыванія оскопилъ.

У него была лошадь Чибунъ семи лѣтъ. Разъ пришли коновалы и зашли къ нему. Онъ отвѣтъ далъ: „зачѣмъ сюда вы пришли?— Васъ кто-нибудь сюда послалъ изъ Вишеры? Вы согрѣйтесь и спуститесь обратно, я самъ оскоплю. Я самъ всѣмъ коноваламъ—коновалъ“.

У насъ погода стала плохая. Мы жнемъ, дождитъ, а жнемъ; меня онъ очень любилъ. Мнѣ онъ велитъ учиться заговорамъ.—„У тебя, можетъ быть, злыя слова“.—Что я скажу—ты и повторяй.—Я нѣтъ, у отца спрошу.—Твой отецъ немного знаетъ, моя собака сказываетъ, когда Емель идетъ, собака лаетъ. Отецъ мнѣ сказалъ—не учись, я самъ научу.

Доренька.

Жилъ былъ Иванъ — купецъ. У него было двѣнадцать слугъ. Одинъ изъ нихъ Доренька. Ему работать было весьма лѣнь. Разсказали хозяну—онъ де очень лѣнивъ, ничего онъ не работаетъ.— „Утромъ рано, когда мы встаемъ на работу и отправляемся—онъ обуваетъ одну ногу, а когда мы идемъ на паужинъ—другую“. Хозяинъ пришелъ и говоритъ: „ты“, говоритъ, „Доренька иди теперь искать ремесло, вотъ тебѣ 300 рублей“. Онъ взялъ триста рублей и отправился искать ремесло. День идетъ и другой идетъ, да и недѣлю; приходитъ въ городъ, заходитъ въ кабакъ. Въ кабакѣ сидитъ человѣкъ, спрашиваетъ у цѣловальника: „что же здѣсь дѣлаетъ этотъ человѣкъ?“—„Съ похмѣлья онъ, онъ большой мастеръ шить сапоги, всю одежу онъ здѣсь пропилъ“. Доренька говоритъ: „научи меня, я выкуплю вещи“.—Научу.—„За сколько же заложилъ ихъ?—за сто руб.“—Доренька далъ сто руб. Отправились они шить. Стали шить.

›ренька не умѣетъ, его бьютъ. Полгода били человѣка. Въ другіе ›лгода онъ опередилъ самого мастера.

Онъ опять собрался: „мнѣ необходимо найти второе ремесло,— ›и найти мнѣ велѣлъ хозяинъ“. Идетъ день, да и другой. Опять › городъ приходитъ. Онъ опять въ кабакъ заходитъ. Человѣкъ въ ›бакѣ сидитъ. У цѣловальника спрашиваетъ: „что онъ здѣсь дѣ›етъ?“—„Съ похмѣлья голова у него болитъ, все имущество онъ ›ропилъ. Онъ былъ портной“.—Доренька спрашиваетъ. „За сколько ›ъ пропилъ?“—„За сто рублей“.—„Если меня научить—я выкуплю ›щи“.—„Научу“, говоритъ. Сто рублей Доренька далъ. Пошли они ›ниматься шитьемъ. Стали шить только матерію портятъ, ничего ›е выходитъ. Первые полгода опять его бьютъ, уча. Другіе пол›ода онъ и научился, и опередилъ мастера. „Дай-же я пойду—ре›есло опять далось. Нужно третье“. Опять онъ собрался въ дорогу Пелъ онъ день и другой. Потомъ и въ городъ прибылъ. Въ городѣ ›росился на ночлегъ во многихъ мѣстахъ, никто его не пустилъ. Онъ ›огда пошелъ къ овинамъ, да и легъ тамъ у хлѣбнаго скирда. Темно ›тало уже, онъ слышитъ—какіе-то идутъ. Доренька думаетъ: клик›уть или нѣтъ. Доренька сказался: кого тамъ слышно? Тѣ сказали: ›мы-де ходимъ, воруемъ ночью“.—„Меня—не научите?“—„Научимъ“, ›оворятъ, „завтра утромъ приходи къ хозяину“. Онъ всталъ утромъ › явился къ хозяину.—„Что же ты скажешь, Доренька?“—„А вотъ ›что“, говоритъ, „я пришелъ къ тебѣ учиться воровать“.—„Сто руб›лей дашь,—научу“, тотъ отвѣчаетъ. Доренька сто рублей далъ. На другой день онъ и вышелъ воровать. Онъ вышелъ воровать—ничего ему не попадается, а двѣнадцать другихъ выходили—принесли много одежи и всякаго добра. Дореньку стали бить—отчего ты не воруешь, тебѣ лѣнь, видно. Такъ полгода трудились, уча его, и все били такъ его. Другіе полгода онъ научился и воровать: что украдутъ двѣнадцать товарищей, столько онъ одинъ приноситъ. „Потомъ“, говоритъ, „я и домой пойду, у человѣка деньги взялъ, нужно и ремесло показать“. Онъ вернулся домой. Сталъ распрашивать Иванъ-купецъ: „что уже за ремесло далося тебѣ?—Сапоги шить умѣю.—Ну, такъ сшей мнѣ сапоги.“. Кожу онъ далъ ему. Доренька началъ шить. А Иванъ-купецъ и говоритъ: „гдѣ отъ такого шитье, даже онъ ногу то не смѣрялъ“. Доренька отправился и скроилъ сапогъ и сшилъ его. На другое утро принесъ его купцу. Иванъ-купецъ надѣлъ ихъ. „Вотъ такъ диво! Ты не мѣрялъ, а какъ въ точку. Какое же второе ремесло знаешь?“—„А вотъ что: шить умѣю одежу“. Купецъ опять далъ товару Доренькѣ. „Ну-ка, вотъ на завтрашній день сдѣлай мнѣ шаровары, пиджакъ, жилетъ и все что бы было“. Ушелъ Доренька, взявши товаръ; пришелъ домой, сталъ кроить онъ для купца. Къ утру рано онъ приготовилъ. Пиджакъ, шаровары принесъ. „Вставай, Иванъ-купецъ, надѣвай все“. Надѣлъ тотъ, какъ будто съ него и было, какъ будто съ него и кроено. „Эко диво! Какой ты мастеръ шить! Какое же твое третье ремесло?“—А я умѣю воровать.—„Если умѣешь воровать—до завтра лошадь укради, а я поставлю двѣнадцать человѣкъ караульщиковъ“. Доренька ушелъ. Онъ ушелъ въ кабакъ. Купилъ онъ четверть спирту и къ вечеру возвратился къ Ивану-купцу подъ окно. Какъ-то онъ въ домъ проникъ. Какъ-то въ курят-

никъ запрятался. Иванъ-купецъ вернулся, раздѣлся, легъ и уснулъ. Доренька въ его платье одѣлся и вышелъ къ караульщикамъ. „Смотрите, караульщики, сегодня не спите, Доренька придетъ, лошадь украдетъ. Не выпить ли вамъ винца? Не желаете ли“, говоритъ, „винца выпить?“—„Выпьемъ“, говорятъ, „зябнемъ, потому что ночь вѣдь тяжело“. По чашкѣ онъ далъ имъ спирту. „Пожалуйста не теряйте ключа, а то онъ придетъ и ключъ украдетъ“. Одинъ и отвѣчаетъ: „у меня не возьметъ, у меня на груди припрятанъ ключъ“.—„А не хотите ли по другой чашкѣ, вина то еще осталось тамъ“. И по другой угостилъ онъ ихъ. Потомъ онъ обратно вошелъ въ домъ. Одежду купца снялъ съ себя и вышелъ опять на улицу; караульщики всѣ свалились съ ногъ. Онъ взялъ ключъ у того, кто говорилъ, что у него на груди онъ, и лошадь взялъ и увелъ, а ключъ положилъ обратно въ пазуху тому. Проснулись караульщики. „Но ключъ то еще у меня“. Иванъ-купецъ пришелъ къ нимъ.—Что былъ Доренька?—Нѣтъ, у насъ онъ не былъ.—Но гдѣ же вы вина напились? — Самъ ты былъ у насъ. Тамъ посмотрѣли, а лошади нѣтъ. „О, видно это Доренька укралъ“. Дореньку пригласили, опять пришелъ къ Ивану-купцу. „Что, лошадь ты укралъ?—Ты велѣлъ, такъ съ большою радостью заказанное то.—Куда же ты дѣвалъ лошадь?—У вора есть мѣсто, безъ мѣста онъ воровать не станетъ.—А вотъ еще: сможешь ли ты деньги украсть? Я на окно положу и тутъ лѣстницу поставлю съ улицы. Мы сами караулить будемъ съ топоромъ въ рукахъ, чтобъ ты не смогъ украсть“. Доренька ушелъ и ходилъ по дорогѣ. Онъ увидалъ церковнаго сторожа. „Пантелеймонъ“, онъ кричитъ его: „не хочешь ли вина выпить?—А на что я буду пить, денегъ то вѣдь нѣтъ“. Доренька ушелъ съ нимъ и напоилъ его виномъ. „Смотри же“, говоритъ онъ, „ты не теряй ключа отъ церкви, ты вѣдь навеселѣ.—Не потеряется, у меня онѣ на груди“. Потомъ онъ напился и уснулъ. Доренька ключъ взялъ, отправился въ церковь, тамъ былъ покойникъ, умершій человѣкъ. Онъ взялъ того человѣка изъ гроба и пошелъ съ такой ношей къ Ивану-купцу. Купецъ смотритъ въ окно: Доренька ужъ идетъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ и сталъ деньги доставать, а онъ досталъ то покойникомъ. Умершаго человѣка онъ голову просунулъ въ окно, тому голову и перерубили. Она упала на полъ. „А, вотъ отъ меня не убѣжалъ, попался“. И тутъ вышелъ купецъ съ женою на улицу. Доренька межъ тѣмъ—хвать деньги, да мертвое тѣло, и убѣжалъ. Вернулся онъ въ церковь и какъ было—на прежнее мѣсто все положилъ. Иванъ-купецъ бы и вышелъ на улицу, да никого нѣтъ. „Это видно опять Доренька то всѣ деньги укралъ“. Вернулась въ комнаты обратно чета. Денегъ нигдѣ нѣтъ. Дореньку опять пригласили. Что, укралъ? — Заказанное какъ не украсть, когда мы и безъ приказу воруемъ.—„Если ты сегодня ночью постель изъ подъ меня украдешь—вотъ ты человѣкъ“. Доренька отправился на базаръ. Взялъ онъ буракъ и гущу влилъ въ него, и двѣ свистульки купилъ, и вернулся къ Ивану-купцу. Какъ заснулъ купецъ съ женой, онъ между ними и влилъ этой гущи, а слугамъ волосы перевязалъ, а въ ротъ имъ свистульки вложилъ. Купецъ проснулся. „Что такое между нами?“ А жена говоритъ: „не кричи, иди разбуди слугъ, убе-

утъ“. Стали будить прислугу, тѣ вступили въ драку между собою: ты меня тащишь за волосы, а ты меня“. Доренька говоритъ: „тише, одождите, я вынесу“ (постель). Доренька взялъ постель и былъ аковъ. Ждутъ супруги, слуга не приноситъ постели. „Это видно Доренька укралъ“. Встали, вызвали Дореньку: „ты укралъ постель?— Какъ ужъ не украсть, коль велѣно, когда мы безъ приказанія воуемъ.—„Если ты въ эту ночь мою жену украдешь—вотъ ужъ ты человѣкъ“.

Доренька отправился на базаръ. Купилъ тамъ поросенка и вернулся къ купцу Ивану. Прокрался въ домъ и спрятался въ курятникѣ. Какъ только мужъ съ женою уснули, Доренька поросенка положилъ между ними. Мужъ проснулся и испугался, что сдѣлалось съ женою? „не шуми, сейчасъ и уберемъ все“. Потомъ стали будить слугъ, а тѣ вступили въ драку, потому что у нихъ волосы были перевязаны. Доренька пошелъ къ нимъ: „что съ вами, что вы кричите?—Вотъ что то съ купчихой случилось, тутъ нужно кое-что убрать“. Доренька взялъ жену купца и вывелъ на улицу, затѣмъ— взялъ ее въ охапку и убѣжалъ. Купецъ ждетъ-пождетъ жену, а баба такъ-таки и не вернулась. „Это видно опять дѣло рукъ Дореньки. Ну, что, Доренька, ты укралъ мою жену?—Укралъ.—А обратно не возвратишь мнѣ?—А почто же дамъ краденое, никто никогда не возвращаетъ.—Ну, такъ дай же, сними свою одежу, я надѣну ее, а ты мою. Доренька сталъ купцомъ и съ женою его сталъ жить, а купецъ пошелъ по міру просить милостыню.

Жилъ-былъ купецъ и другой купецъ такой же богатый; у нихъ были у одного сынъ, а у другого—дочь. Они вмѣстѣ росли, и одинъ говорилъ—я возьму тебя замужъ, другая говорила—я выйду за тебя. Купецъ, отецъ дѣвушки, обѣднѣлъ, а сына другого купца отецъ и мать стали женить, а сынъ никуда не идетъ свататься, какъ только къ той дѣвушкѣ, а отецъ говоритъ: „кого хочешь бери, только ее не надо“. Ни отецъ, ни мать не даютъ ту взять замужъ. Тогда купеческій сынъ рѣшился ночью убѣжать на кораблѣ въ чужую землю вмѣстѣ съ дѣвушкой. Такъ и вышло. Они въ чужой землѣ обвѣнчались. Они (послѣ этого) обратно собрались на родину. У нихъ разбился корабль, поэтому они стали починять его на берегу морского острова. Молодые вышли гулять на морской островъ и бродили по нему; потомъ мужъ молодой уснулъ на лугу, а жена дальше пошла и потерялась въ высокой травѣ. Купеческій сынъ проснулся, и обратно побѣжалъ къ кораблю, а жены тамъ не было. Горько заплакалъ онъ тутъ на берегу. Плачетъ и смотритъ—ѣдутъ на двухъ лодкахъ, и всѣ длинноволосые, и (послѣдніе) остановились противъ него. Его—купеческаго сына Ивана—схватили, руки, ноги связали, и въ лодкѣ уже было связанныхъ два-три человѣка. Длинноволосые развели огонь на лугу; затѣмъ взяли одного изъ связанныхъ, изжарили и съѣли. Потомъ они стали играть, расположившись кругомъ; покружившись, они всѣ уснули. Одинъ былъ въ лодкѣ человѣкъ, котораго развязалъ Иванъ-купеческій сынъ, а тотъ, въ свою очередь, Ивана развязалъ. Они вдвоемъ пустились бѣжать, а длинно-

волосые, проснувшись, пустились въ погоню за ними. На дорогѣ встрѣтилась вода—аршинъ глубины. Иванъ-купеческій сынъ перешелъ въ бродъ, а тотъ не осмѣлился, и тутъ его схватили. Иванъ-купеческій сынъ на берегу моря спрятался подъ корнемъ дерева. Тѣ сюда прибѣжали, да и искали трое сутокъ и все шумѣли, а затѣмъ голоса ихъ умолкли. И вышелъ Иванъ на волю, на островъ. Тамъ онъ жилъ около полугода. Разъ онъ спустился къ морю и сѣлъ около обрыва. Сидитъ и смотритъ—показались опять двѣ лодки и на нихъ какіе-то длинноволосые люди. Тамъ какой-то звѣрь жилъ въ пещерѣ, онъ въ ней и спрятался. Какъ разъ противъ него и остановились двѣ лодки, и пришельцы всѣ поднялись на берегъ, а лодку оставили тамъ у рѣки. Иванъ спустился, сѣлъ въ лодку и сталъ переѣзжать, но вспомнилъ, „эхъ-ма, надо было взять другую то лодку“. Онъ поѣхалъ къ другому острову. Въ лодкѣ сталъ ребенокъ плакать. Иванъ пріѣхалъ на другой островъ, устроилъ себѣ избушечку, а для ребенка нашелъ въ лодкѣ немного молока въ буракѣ. Въ лодкѣ же нашелъ пищаль, пули, порохъ. Это все отъ длинноволосыхъ. На островѣ было много дичи. Черезъ пятнадцать лѣтъ пріемышъ сынъ сталъ говорить Ивану: „птицъ осталось здѣсь мало, поѣдемъ на другой островъ“. Они отправились. Лодка хотя у нихъ и была, но была разбита. Все-таки они въ нее сѣли. Ѣдутъ — вода въ лодку идетъ. „Охъ, батюшка, вода, утонемъ. Ты сильнѣе греби“. Кое-какъ добрались они до берега. На этомъ островѣ построили опять избушечку и зажили. Иванъ говоритъ: „если ты увидишь длинноволосаго, то сейчасъ же стрѣляй“. Сынъ одинъ день ходитъ по острову, другой день, разъ и видитъ—идетъ длинноволосый. Онъ думаетъ: „отецъ велѣлъ тотчасъ же стрѣлять, а къ чему, этотъ не сможетъ же меня и не посмѣетъ“. Оказывается длинноволосый — дѣвушка была. И стала она разговаривать. Сынъ Ивана и спрашиваетъ: „ты откуда?“ А дѣвушка стала разсказывать: „моя мать вышла было замужъ за купца Ивана, они на чужой сторонѣ обвѣнчались, на обратномъ пути Иванъ купецъ оставилъ мою мать на островѣ“. Такъ сынъ Ивана сталъ часто и подолгу пропадать, онъ день и другой разговариваетъ и встрѣчается съ дѣвушкой. А отецъ сталъ думать: „что это мой сынъ каждый день такъ долго ходитъ?“. Разъ утромъ сынъ ушелъ на охоту, а отецъ Иванъ сталъ за нимъ подсматривать; смотритъ—сынъ встрѣтился съ дѣвушкой. Отецъ крикнулъ—и тѣ оба стали бѣжать. Отецъ говоритъ: „ты не бѣги“. Сынъ вернулся. Отецъ сталъ распрашивать: „это кто такая длинноволосая дѣвушка?“ Сынъ все и разсказалъ и прибавилъ: „здѣсь и мать живетъ. Около ручья въ избушечкѣ онѣ живутъ“. Отецъ и догадался: „это непремѣнно моя жена. Но такъ давай же мы сходимъ къ ней, сыночекъ мой“. Они отправились и пришли къ нимъ. У нихъ одежды нѣтъ, изъ листьевъ было сшито. Встрѣтились—такъ и есть его жена. Они рѣшили тутъ, что можно сына и дочь повѣнчать. И обвѣнчали ихъ. Такъ двѣ пары тутъ и зажили и домъ построили. Тамъ иногда они видывали корабли. Тѣ стали приставать къ берегу и все приносить съ собою и скотъ дали имъ. Такъ они зажили хорошо и теперь живутъ.

К. Жаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Е. Ѳ. Будде, Лекціи по исторіи русскаго языка, 1906/7 академическій годъ. Казань. Университетская Типографія. 1907. 253 стр., 8°.

Лингвистическая литература по русскому языку такъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько разбросана, что всякая попытка собрать всѣ данныя по исторіи русскаго языка въ *одномъ* изслѣдованіи и такимъ образомъ оказать услугу и облегчить трудъ начинающимъ лингвистамъ, должна быть принята съ сочувствіемъ и благодарностью. Съ этой точки зрѣнія мы радостно привѣтствуемъ появленіе книги, заглавіе которой нами выписано, тѣмъ болѣе, что она знакомитъ насъ въ популярной формѣ съ нѣкоторыми взглядами проф. Фортунатова, которые въ печать отчасти еше не проникли; вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудѣ Будде главное вниманіе обращено на *объясненіе* лингвистическихъ фактовъ, въ чемъ онъ является цѣннымъ для начинающихъ дополненіемъ къ извѣстнымъ „Лекціямъ" Соболевскаго. Впрочемъ, авторъ выступаетъ со своей книгой не безъ претензій: уже въ предисловіи онъ называетъ „Лекціи" Соболевскаго справочнымъ указателемъ, между тѣмъ какъ эти „Лекціи" стоятъ нисколько не ниже его труда и впредь останутся необходимымъ пособіемъ для изученія исторіи русскаго языка въ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, недостатокъ лекцій Соболевскаго,—отсутствіе указаній на литературу по каждому вопросу—присущъ и труду Будде, и притомъ въ большей степени: указатель въ концѣ книги напр. не содержитъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ изслѣдованій проф. Бодуэна де Куртенэ, какъ Лингвистическія замѣтки и афоризмы, Ж. М. Н. Пр. CCCXLVI, 279—334, CCCXLVII, 1—37, Глоттологическія замѣтки, вып. I, Воронежъ 1877, Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка,

вып. I, Воронежъ 1882 и др. На подобнаго рода пропуски я бы не сталъ обращать вниманіе, если бы не замѣтилъ, что Будде изъ своихъ собственныхъ работъ не пропускаетъ ни одной статьи (245), а затѣмъ приводитъ даже книги въ родѣ Историч. грамм. Буслаева (246), не имѣющія уже научной цѣнности, и наконецъ, что всего болѣе странно— несуществующія изслѣдованія, какъ Fortunatov, Vorlesungen, übersetzt v. E. Berneker, Strassburg 1900 (!).

Кромѣ отсутствія литературныхъ ссылокъ я замѣтилъ въ „Лекціяхъ" Будде еще нѣсколько чертъ, присутствіе которыхъ въ печатномъ курсѣ значительно умаляетъ его значеніе. Лишь попутно укажу на шероховатости изложенія, въ родѣ: „Ваше вниманіе" (227), „другой мой курсъ" (238 и 241), которыя авторъ могъ бы устранить при болѣе внимательномъ чтеніи корректуръ,—это мелочи; но уже менѣе пріятно читателя поражаетъ цѣлый рядъ случаевъ *смѣшенія буквъ со звуками*, напр. стр. 30, строка 15, стр. 85, строка 2, стр. 91, строка 2 etc., затѣмъ стр. 97, 103, 110, 134, 152 и проч., гдѣ постоянно повторяются выраженія въ родѣ: глас*ная*, носов*ая* etc. [1]). Подобнаго рода ошибки еще допустимы въ изслѣдованіяхъ о языкѣ памятниковъ, но въ трудѣ, гдѣ главное вниманіе обращено на изученіе современнаго состояніе языка и діалектологію, какъ работа Будде, это менѣе пріятно.—На стр. 31 авторъ указываетъ лат. palatium „небо" вм. palatum; на стр. 37 въ параллель образованію въ началѣ словъ *о* на русской почвѣ изъ *е* передъ слѣдующимъ-палатальнымъ согласнымъ, которое Будде объясняетъ согласно ученію Ф. Ѳ. Фортунатова,—указывается новогреческое измѣненіе Anlaut'a, что совсѣмъ не подходитъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ Sandhi'ческимъ явленіемъ, см. Foy BB. XII 39 sq, Lauts. 117, Thumb Handbuch 39 sq, IF VII 1 sq. VIII 14 sq, Jannaris Hist gr. gr. 81, Dieterich Unters. 29—37, Hatzidakis Einl. 321 sq, Kretschmer Lesb. Dial. 133 sq [2]). Этой неудачной мыслью, позаимствованной Будде изъ лекцій Соболевскаго, объясняется неудачная попытка его объяснить начальное *о* въ словѣ *опитемья* и пр. греческимъ явленіемъ (38), см. объ этомъ нашу статью Виз. Врем. XIII 452 sq.—Изложеніе судьбы общеславянскихъ сочетаній:-tort-,-tolt-,-tert-,-telt-на русской почвѣ у нашего автора (25) можетъ заставить вѣрить начинающихъ, будто „полногласныя" формы получились изъ сочетаній-trat-,-tlat- и проч.,—мнѣніе, которое, ввиду страннаго способа преподаванія старославянскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, легко устанавливается у многихъ студентовъ.—На стр. 39 сл. Будде излагаетъ судьбу носовыхъ гласныхъ на русской почвѣ; досадно, что онъ при этомъ не указалъ на рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ образованіи изъ ę широкаго ą̈, откуда чрезъ постепенное ослабленіе носового резонанса *а* съ среднеязычностью предшествующаго согласнаго. Дѣло въ томъ, что на это указываетъ передача греч. αν чрезъ русск. ѧ, откуда *а*:

---

[1]) Тѣмъ же смѣшеніемъ буквъ со звуками объясняется въ изложеніи Будде выраженіе: *слѣва на право* (118) и пр.

[2]) Я нарочно указываю здѣсь всю извѣстную мнѣ литературу объ этомъ греческомъ явленіи, чтобы убѣдить славистовъ въ необходимости отдѣлить греческое явленіе отъ славянскаго. Сравненіе въ данномъ случаѣ только осложняетъ рѣшеніе вопроса и безъ того уже сложнаго.

ѧдь, χελάνδιον; фрѧгъ, φράγκος, наоборотъ βάραγγοι: варѧгъ, и т. п. Подоб-
ымъ же образомъ изъ греч. заимствованій можно убѣдиться въ
мѣненіи на русской почвѣ: ж>ц>и; сравни греч. κουμβάρα>др.-р.
кѫбара; затѣмъ финскія: kuontalo: кѫдѣль, suntia: сѫдии,
г. und: ѫда (см. Mikkola Berührungen 47—50), въ чемъ я вижу
идѣтельства того, что въ эпоху непосредственно до исчезновенія
осовыхъ гласныхъ на русской почвѣ ст.-слав. ж на русской почвѣ
отвѣтствовалъ гласный болѣе узкій, а ст.-слав. ѧ—гласный болѣе
ирокій.—Излагая судьбу сочетаній, соотвѣтствующихъ на русской
очвѣ ст.-слав.-trъt-,-tlъt-<-tъrt-,-tъlt-, Будде (52 сл.) опять
ринимаетъ ученіе Фортунатова, что въ праславянскомъ языкѣ въ
ихъ случаяхъ имѣлись сочетанія ъ+sonor, ь+sonor; причины такого
зшенія врядъ ли могутъ быть признаны уважительными: если авторъ
4 и 65 сл.) ссылается на палатализацію заднеязычныхъ въ фор-
ахъ чьрвь, жьлтъ, то онъ забываетъ, что эти формы такъ же
довлетворительно могутъ быть объяснены, если согласиться съ су-
ществованіемъ сонантовъ въ общеславянскомъ языкѣ: вѣдь „смягченіе"
дѣсь могло появиться подъ вліяніемъ среднеязычныхъ сонантовъ
, ḷ', значитъ: *к'ṛ'nъ > č ṛnъ, g'ḷ'tъ > ž ḷ'tъ.—На стр. 46 и 56 сл.
Будде строитъ балтійско-слав. *вълкос, въ то время какъ другіе
изслѣдователи въ данномъ случаѣ довольствуются формой vḷ'qos
и при томъ съ большимъ правомъ, см. Walde 354, G. Meyer Gr. Gr.[3]
9, 233 и 262; въ виду греч. λύκος рядомъ съ этой формой индо-
европейскому праязыку приписывается другая—*luqᵘo-s (см. Brug-
mann Gr. Gr.[3] 116 и Grundriss I[2] 260), также едва ли не безъ осно-
ваній: лат. lupus, которое по фонетическимъ причинамъ должно
быть признано заимствованіемъ изъ сабинскаго языка (см. Walde c. l.
Osthoff IF IV 279), наводитъ насъ на мысль, что и греческое λύκος
заимствовано изъ одного изъ сѣверно-балканскихъ языковъ, хотя бы
иллирійскаго (потомокъ котораго алб. ul'k, см. G. Meyer BB VIII
191, Alb. St. III 3), при чемъ иноязычный звукъ ḷ переданъ чрезъ
λυ-. Но принимая во вниманіе этотъ фактъ, мы не можемъ понять,
почему авторъ строитъ цѣлый рядъ выводовъ относительно „возсозда-
ваемаго" имъ сочетанія-ьл-только на одномъ примѣрѣ (стр. 65 сл.),
столь сомнительномъ, тѣмъ болѣе, что книга его предназначена
для начинающихъ.—Съ нѣкоторымъ удивленіемъ мы находимъ у
Будде индоевропейскіе „звуки" a^e, a^o (стр. 31, 34, 35, 62 сл., 79 etc);
вѣдь въ настоящее время уже не позволительно сомнѣваться въ томъ,
что „праязыкъ" зналъ гласные *o* и *e*; въ этомъ, вѣроятно, съ нами
согласится и самъ авторъ, но въ такомъ случаѣ знаки въ родѣ
указанныхъ выше только и могутъ привести въ заблужденіе. Что
авторъ имѣетъ въ виду именно начинающихъ лингвистовъ, въ этомъ
насъ убѣждаетъ, кромѣ предисловія, слишкомъ уже популярное (хотя
не безполезное) изложеніе первыхъ лекцій (стр. I—II, 15—28, 43 сл.
etc.), болѣе умѣстныхъ, пожалуй, въ курсѣ по общему языкознанію.—
На стр. 69 сл. Будде безъ оговорокъ возводитъ слово ходъ къ sed-,
что также не способствуетъ ясности его курса. Для пониманія на-
чальнаго *x* не помѣшала бы ссылка на объясненіе Pedersen'a JF V
62 сл. Также съ оговоркой надо понимать сравненіе ст.-сл. съто:
греч. ἑκατόν (70 и 81), см. Pedersen K Z XXXVIII 386 sq, Walde 113.—

Я не понимаю совершенно, почему Будде приписываетъ звук[у] билабіальное произношеніе въ формахъ въ родѣ праслав. *gvězdi (73), вѣдь гораздо проще предположеніе, что согласный лабіодентальный *v* подвергся вліянію слѣдующаго палатальнаго гласнаго и объясняемую такимъ образомъ среднеязычность сообщилъ предшествующему заднеязычному согласному, что̀ и вызвало его „смягченіе“.—На стр. 48 авторъ говоритъ, что „дѣтская рѣчь служитъ нагляднымъ примѣромъ слагающейся рѣчи“; этотъ неясный способъ изложенія также можетъ имѣть непріятныя послѣдствія, ибо читатель можетъ подумать, что Будде еще принадлежитъ къ числу ученыхъ, которые изъ дѣтской рѣчи стараются разузнать „происхожденіе языка“. Насъ поражаетъ также заявленіе, что законы, которымъ подчинены психологическія измѣненія въ языкѣ, еще не найдены (50 сл.).—Слишкомъ сложно Будде себѣ представляетъ измѣненіе общеслав. tj, dj, ktj, gtj, etc. (86), слишкомъ рѣзко онъ отдѣляетъ общерусскій періодъ отъ періода образованія русскихъ говоровъ (76), что̀ противорѣчитъ вполнѣ правильному его заявленію, что *даже въ одной семьѣ встрѣчаются разные языки.*—Какъ подтвержденіе изложенной у нашего автора (93—95) теоріи Фортунатова о лабіализаціи е > ö укажемъ на явленіе, отмѣченное нами въ другомъ мѣстѣ (Извѣстія XI, 2, 387 сл.); въ этомъ мѣстѣ мы забыли указать, что особенно важно, на то, что знакомъ *е* передается греческое сочетаніе consonal и *j+o* какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи.—Вопросъ объ образованіи оконч. род. п. ед. ч. сложныхъ мѣстоименій и прилагательныхъ Будде рѣшаетъ въ сторону фонетической теоріи Фортунатова (126 sq 130 сл., 231 сл.). Насъ удивляетъ, что онъ совершенно игнорируетъ психологическое объясненіе этого явленіе Ильинскаго (см. его Сложныя мѣстоименія[2] 120 сл., затѣмъ Извѣстія XI, 4, 144 — 156), которое мнѣ кажется несомнѣннымъ послѣ послѣднихъ разъясненій этого выдающагося лингвиста.— Совершенно непонятно для меня, на чемъ Будде строитъ свою гипотезу объ измѣненіи *l* > *ł* въ общеславянскомъ языкѣ (96 сл.), тѣмъ болѣе, что существованіе „gutturales“ *l* доказано для латинскаго языка (см. Бодуэнъ де Куртенэ, Лат. Фон. 79 сл.) и для греческаго, если принять во вниманіе измѣненіе λ > υ въ критскомъ говорѣ (см. Blass. Ausspr.[3] 79).—На стр. 152 сл. Будде старается доказать существованіе въ древне-русскомъ языкѣ звука *ӥ* въ соотвѣтствіе современному *и* послѣ среднеязычныхъ согласныхъ, при чемъ онъ ссылается на передачу греч. υ чрезъ русск. ю. Къ сожалѣнію здѣсь Будде не принялъ во вниманіе, что на греческой почвѣ уже установился въ это время такъ назыв. итацизмъ, т. е. измѣненіе υ, οι, η, ει > ι; если же имѣется *у* или *ю* въ заимствованныхъ словахъ, то въ немъ слѣдуетъ видѣть признакъ книжнаго заимствованія (см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 210).—Въ выраженіи во лузяхъ (156) Будде видитъ Loc. pl. отъ слова лугъ, значитъ болѣе древнее *лузѣхъ, хотя Ильинскій Ж. Ст. XVI, 1, стр. 39 — 42, далъ болѣе правильное объясненіе этой формы изъ nom. sing. лузь.—Разсужденіе объ экспираторномъ удареніи въ русскомъ языкѣ (189) можетъ произвести впечатлѣніе, будто повышеніе и пониженіе голоса въ русскомъ языкѣ никакой роли уже не играетъ, см. однако Брокъ,

ιетъ отд. русск. яз. и слов. 1902 г., стр. 4 сл. Между тѣмъ .ерь уже можно считать доказаннымъ, что нѣтъ ни языковъ съ :лючительно экспираторнымъ, ни языковъ съ исключительно зыкальнымъ удареніемъ (см. Bremer, Deutsche Phonetik 185, vers Phonetik[5] 204, Pauls Grundriss I 284, Stolz, Lat. Gr. 48 sq. ıgmann Grundriss I[2] 944 sq). Наконецъ, вопросъ о силѣ неудаэмыхъ гласныхъ въ зависимости отъ ихъ положенія могъ бы гь изложенъ болѣе наглядно, напр. въ видѣ таблицы проф. дуэна де Куртенэ, Лекціи по сравн. грамм. слав. яз. 1901/2 гг. ». 29 сл.

Какъ это обыкновенно дѣлается въ рецензіхъ, я и въ этой своей ѣткѣ коснулся однихъ недостатковъ разбираемаго труда. Мнѣ ло бы досадно, если бы у читателя, не знакомаго съ книгой Будде, галось впечатлѣніе о непригодности этихъ „Лекцій". Такъ напр. ень полезными мнѣ показались соображенія автора о культурноторическомъ значеніи языкознанія (11—12), о значеніи письменıхъ памятниковъ въ связи съ данными діалектологіи (13—14), о :олногласіи (105 сл.), о сокращеніи звуковъ ы и и передъ і̯ (143 сл.), смѣшеніи основъ склоненія именъ существительныхъ (159—170), нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ области синтаксиса (170 сл.), наконецъ :обенно удачна діалектологическая часть книги (185—241). Только эсадно, что слишкомъ мало вниманія обращено на примѣненіе теоіи волны (особ. стр. 195—199, 204 etc), что̀ удачнѣе сдѣлано оболевскимъ, Лекціи[3] 274 сл., Извѣстія IX, кн. 2, 14—23. Вмѣстѣ ь тѣмъ болѣе мѣста можно было посвятить болѣе сложнымъ фонеическимъ явленіямъ, получившимся въ Sandhi. У автора на это мѣется рядъ намековъ (напр. стр. 136: gen. s. святой < святоѣ, тр. 148: любить < любити и, стр. 208 сл. молодой < молодою : проч.), но этого еще не достаточно.

М. Фасмеръ.

Декабрь 1907 г.

Труды Псковскаго Археологическаго О-ва за 1906 годъ. Псковъ. 1907.

Этотъ выпускъ „Трудовъ Псковскаго Археологическаго О-ва" содержитъ въ себѣ:

1. Народныя пѣсни, собранныя и записанныя въ Псковской губерніи членомъ-сотрудникомъ Псковскаго Археологическаго Общества, И. К. Копаневичемъ. 2. Къ исторіи Псковской монастырской письменности—Н. Серебрянскаго. 3. Повѣсть о явленіи чудотворной иконы Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы и Присно̀дѣвы Маріи—Н. Серебрянскаго. 4. Порядныя записи Ник. монастыря—Н. Серебрянскаго. 5. Грамота Іоанна Грознаго—Н. Окуличъ-Казарина. 6. Отрывокъ грамоты царя Алексѣя Михайловича—И. Копаневича. 7. Опись свитковъ, находящихся въ музеѣ Псков. Археол. Общ.—Н. Окуличъ-Казарина. 8. Отчетъ Псковскаго Археологическаго О—ва за 1906 г.—его же.

Наиболѣе интересной для насъ является первая изъ работъ — „Народныя пѣсни" Псковской губерніи. Всѣхъ пѣсенъ записано 266.

Въ статьѣ онѣ распредѣлены на три большихъ отдѣла и нѣсколько подъотдѣловъ. I Пѣсни обрядовыя: а) колядскія, б) масляничныя и в) пѣсни волочобниковъ или волынщиковъ. II. Пѣсни хороводныя. III. Пѣсни бытовыя: а) свадебныя, б) семейныя и в) пѣсни разнаго содержанія: рекрутскія, шуточныя, юмористическія. Въ общемъ, сборникъ пѣсенъ, помимо своего спеціально-мѣстнаго, имѣетъ и общее значеніе, такъ какъ даетъ нѣкоторое количество новаго матеріала, интересныя записи и новые варіанты. Собиратель уже не новичекъ въ своемъ дѣлѣ—въ 1904 г. имъ была выпущено собраніе „Частушекъ и народныхъ припѣвокъ, собранныхъ и записанныхъ въ Псковской губ". Въ этомъ собраніи заключается всего свыше 1000 №№-овъ коротенькихъ пѣсенъ. Такого рода дѣятельности можно только пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія, такъ какъ по части наукъ въ Псковѣ, какъ и вообще въ провинціи, работниковъ, повидимому, немного (см. оглавленіе „Трудовъ").

Н. В—въ.

Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Кн. VIII. Владиміръ. 1907.

Книжка открывается статьею Н. Н. Ушакова: „Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи". Въ этой статьѣ на основаніи историческихъ документовъ установлено время появленія того „иконописнаго художества", которымъ теперь такъ славится эта губернія,—сначала въ древнемъ Суздалѣ, потомъ во Владимірѣ, Переславлѣ и Шуѣ, а также въ нашихъ иконописныхъ селахъ Вязниковскаго уѣзда—Холуѣ, Палехѣ и Мстерѣ.

Бросая общій взглядъ на всѣ историческія данныя „о Суздальскомъ иконописаніи", авторъ приходитъ къ тому выводу, что „иконописное художество" возникаетъ здѣсь очень рано, а именно со второй половины XII вѣка, когда начинается быстрый расцвѣтъ жизни, политическаго значенія, культуры и промышленности Суздальскаго края.

Не смотря на отрицательное отношеніе современныхъ знатоковъ къ „суздальскимъ богомазамъ", авторъ находитъ въ иконописи этого рода, за длинный періодъ ея существованія, и свѣтлыя стороны и даже приходитъ къ заключенію, что русскій народъ, живущій своими вѣковыми преданіями, сохранилъ до нашихъ дней въ преемственномъ трудѣ Суздальскаго народнаго мастерства истинно православную иконопись.

Второй статьей 8-й книги „Трудовъ" является опытъ историческаго изслѣдованія архимандрита Мисаила: „Святый благовѣрный князь Константинъ Муромскій и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Ѳеодора". Съ именемъ св. благовѣрнаго князя Константина, какъ извѣстно, связывается исторія обращенія въ христіанство населенія г. Мурома. Заканчивается книга „Отчетомъ о дѣятельности Владимірской Ученой Архивной Комиссіи за седьмой годъ ея существованія (1905)". Подробности см. въ „Хроникѣ". Въ качествѣ приложенія къ 8-й книгѣ „Трудовъ"... даны четыре особыя изданія: 1) „Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ св. Бл. Вел.

Александра Невскаго" вып. I. С. И. Недешева. 2) „Монастыри, эры и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до ала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложе- мъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ" ч. I-я. эт. В. В. Косаткина. 3) „Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, внящихся въ архивахъ губ. г. Владиміра" ч. I. Ѳ. К. Саха- а и 3) „Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской ерніи". М. И. Трегубова.

Н. В—въ.

Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ 3-й пускъ IV). Издается подъ редакціей товарища предсѣдателя ко- ссіи А. Синявскаго. Екатеринославъ. 1908.

Настоящій выпускъ „Лѣтописи" Екатерин. учен. арх. коммис- содержитъ много интереснаго и важнаго историческаго и этно- афическаго матеріала, какъ то: Я. П. Новицкій „Малорусскія торическія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ (1874— 03 гг.)", В. Бѣдновъ „Матеріалы для исторіи церковнаго устрой- ва на Запорожьѣ" и др. Пѣсни, собранныя въ Екатеринослав- инѣ подраздѣлены на четыре отдѣла: времена борьбы съ тата- ми, поляками и турками; пѣсни связанныя съ временемъ паде- я Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья; запорожскія вирши, тиры, аллегоріи; пѣсни крѣпацкія. Самые богатые отдѣлы 1-й и й, что является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе йонъ собиранія пѣсенъ. „Хочъ пропало славне Запорожьже, та пропала слава!" Слава же о Запорожьѣ живетъ въ пѣсняхъ и ародныхъ преданіяхъ. Большинство пѣсенъ изъ собранія Я. П. овицкаго представляютъ собою варіанты пѣсенъ помѣщенныхъ ь сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Максимовича, Чубин- каго, Кулиша, Рудченко, Гринченко и др., но варіанты новые и ѣнные. Раздѣливъ пѣсенный матеріалъ на вышеупомянутые отдѣлы, обиратель, по непонятнымъ причинамъ, помѣщаетъ пѣсни объ краинцахъ на земляныхъ работахъ (близъ Ладожскаго озера) въ ервый отдѣлъ, наряду съ пѣснями, воспѣвающими борьбу казаковъ ъ татарами, поляками и турками.

Помимо отмѣченныхъ статей „Лѣтопись" содержитъ: И. Верто- радовъ. „Екатеринославская земская милиція 1806—1807 гг."; А. Скрыленко. „Орнаментъ и его первичные элементы"; В. А. Бѣдновъ. „Перенесеніе архіерейской кафедры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ"; его же. „Краткія свѣдѣнія объ архивѣ Самар- скаго Пустынно-Николаевскаго монастыря"; В. В. Даниловъ. „Дѣт- ская комедія въ Екатеринославѣ (сто лѣтъ назадъ)".

Ив. Абрам.

„Украіна", т. IV, ноябрь—декабрь, 1907 г.

Передъ нами *послѣдняя* книга „Украины", выходившей вмѣсто „Кіевской Старины" и нынѣ прекратившей свое существованіе. Почтенная редакція, издавшая много чрезвычайно цѣннаго мате- ріала, упорно, но тщетно боролась съ равнодушіемъ читателя, со-

вершенно необъяснимымъ со стороны любителей украинской старины. Остается, вмѣстѣ съ редакціей, выразить надежду, что дѣло изданія научнаго, украинскаго органа возьметъ на себя спеціальный научный институтъ—„Київське наукове українське товариство"...

Книга содержитъ интересный историческій матеріалъ, представленный статьями и замѣтками М. Порша, В. Радецкаго, Вл. Данилова, И. Павловскаго, Старицькой-Черняхівской, Виктора Барвинскаго, І. Стешенко, Д. Дорошенка, С. Петлюры. На послѣдней страницѣ книги находимъ извѣстіе о сборѣ денегъ на постановку памятника Т. Г. Шевченко; для этой цѣли редакціей собрано 1.132 р. 25 к., которые будутъ переданы въ центральную коммиссію по организаціи памятника незабвенному украинскому поэту.

Ив. Абр—въ.

Вл. Даниловъ. „П. А. Кулишъ и „Кіевская старина" подъ ред. Ѳ. Г. Лебединцева". Кіевъ. 1907.

Отдѣльный оттискъ статьи г. Данилова изъ журнала „Україна" знакомитъ насъ съ отношеніемъ украинскаго литературно-научнаго міра къ П. А. Кулишу, послѣ изданія послѣднимъ пресловутой „Исторіи возсоединенія Руси". Попутно авторъ характеризуетъ П. А. Кулиша, какъ типичнаго „честолюбиваго эгоиста", который не останавливается ни передъ чѣмъ, лишь бы „быть знаменитымъ, быть пророкомъ, владѣть умами современниковъ". Не знаемъ насколько вѣрно подобная характеристика по отношенію къ знаменитому украинскому писателю, но во всякомъ случаѣ она совершенно невѣрна по отношенію къ великому Гоголю, о которомъ г. Даниловъ замѣчаетъ: „честолюбивымъ эгоистомъ намъ всегда представлялся Гоголь, несмотря на всю любовь, которую мы питаемъ къ геніальному юмористу". Натура Гоголя слишкомъ сложна и необычна, чтобъ исчерпать ее подобнымъ опредѣленіемъ.

Ив. Абрам.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVII. Выпуски I—IV (съ приложеніемъ 5+2 таблицъ). Спб. 1906—1907. Стр. XLIII+0207+363.

Въ минувшемъ году закончился томъ XVII издававшихся подъ редакціей покойнаго барона *В. Р. Розена* „Записокъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общества". Выпуски I и IV посвящены протоколамъ засѣданій Отдѣленія, изложенію заслушанныхъ во время засѣданій рефератовъ, отдѣлу „Мелкихъ извѣстій и замѣтокъ" и отдѣлу „Критики и библіографіи". Выпуски II—III (въ одной книгѣ) заключаютъ въ себѣ спеціальныя монографіи, по своимъ размѣрамъ не укладывающіяся въ рамки другихъ отдѣловъ. О нѣкоторыхъ изъ небольшихъ статей, какъ то: *П. Жамцаранова*—Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ и *К. Иностранцева*—Туркестанскіе оссуаріи и астоданы, въ „Живой Старинѣ" уже были даны отзывы (см. вып. IV за 1907 г.). Изъ остальныхъ мелкихъ статей, могущихъ имѣть интерессъ для читателей „Живой Старины",

отмѣтимъ: *П. Попова*—О запрещеніи приношенія людей въ жертву духамъ; *В. Бартольда*—Народное движеніе въ Самаркандѣ въ 1365 г. и Система счисленія орхонскихъ надписей въ современномъ діалектѣ; *Н. Веселовскаго*—Еще объ оссуаріяхъ (вып. IV) и др. Изъ рефератовъ заслуживаютъ упоминанія: *Н. Веселовскаго*—Къ извѣстіямъ объ обычаѣ у среднеазіатцевъ отдѣленія у покойниковъ мяса отъ костей, покойнаго *П. Меліоранскаго*—О турецкихъ элементахъ въ памятникахъ русской письменности до-монгольскаго періода и кн. *И. Джавахова*—Языческій культъ въ древней Грузіи. Въ заключеніе приводимъ перечень помѣщенныхъ въ „Запискахъ" монографій: *К. Иностранцева*—Торжественный выѣздъ фатымидскихъ халифовъ и Отрывокъ военнаго трактата изъ сасанидской „Книги установленій", *Б. Тураева*—Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербургѣ и Повѣствованіе о Дабра-Либаносскомъ монастырѣ и, наконецъ, *Н. Марра*—Дѣянія трехъ святыхъ близнецовъ мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Мелассипа. Недостатокъ мѣста и слишкомъ спеціальный характеръ перечисленныхъ статей и монографій не позволяютъ намъ дать здѣсь хотя бы самое краткое изложеніе ихъ содержанія, и мы вынуждены отослать интересующихся затронутыми въ нихъ предметами читателей къ самимъ „Запискамъ".

Э. П.

Николай Козьминъ. Кургоминскіе причеты (свадебныя причитанія Кургоминской вол. Шенкурскаго у). Архангельскъ. 1907 23 стр. 16⁰.

Маленькая книжка, вышедшая въ далекомъ захолустьѣ, можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся записи довольно интересныхъ причитаній, поэтому, я и отмѣчу ея содержаніе. Всѣ причеты разбиты на двѣ группы: на рукобитьѣ и на дѣвичникѣ. На рукобитьѣ невѣста обращается съ причитаніями: 1) къ отцу, 2) къ сватовцу, причемъ обращается къ нему не совсѣмъ ласково:

„Тебя чертъ носитъ, сватовца,
„Ни путемъ, ни дорогою,
„По собачьей тропиночкѣ..." и т. д.

3) снова къ отцу, 4) къ матери (оч. длинное), 5) къ братьямъ, 6) къ невѣсткѣ и 7) наконецъ къ дѣвицамъ-подругамъ. Изъ причетовъ на дѣвичникѣ даны: къ парнямъ, одному парню, дѣвицѣ, замужнимъ женщинамъ, мужику, имѣющему дѣтей, старостѣ, или кому-либо изъ сельскихъ властей. Всѣ лица, къ которымъ невѣста (иногда поддерживаемая цѣлымъ хоромъ дѣвицъ) обращается съ причетомъ, должны дѣлать подарки невѣстѣ и ея подругамъ.

Н. В—въ.

В. **Даниловъ**. Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова. Кіевъ 1907. Стр. 50. (Отт. изъ „Украіны").

Книжка эта распадается на двѣ части: I. Письма Н. И. Костомарова къ М. А. Максимовичу, и II. Н. И. Костомаровъ и „Кіевская Старина". Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены четыре письма, изъ кото-

рыхъ особенно цѣнно въ біографическомъ отношеніи первое. Второе письмо, наиболѣе длинное, имѣетъ исключительно научный характеръ и касается труда Костомарова „Богданъ Хмельницкій". Этому же вопросу посвящено послѣднее письмо. Въ двадцати одномъ письмѣ къ первому редактору „Кіевской Старины" Ѳ. Г. Лебединцеву будущій біографъ найдетъ цѣлый рядъ любопытныхъ и характерныхъ для Костомарова чертъ его характера. Вообще матеріалы, публикуемые В. Даниловымъ, даютъ нѣкоторое количество и новыхъ данныхъ изъ жизни извѣстнаго историка-бытописателя.

Н. В—въ.

В. Даниловъ. Два письма В. И. Даля къ М. А. Максимовичу. 8 стр. (Отт. изъ „Филологич. Вѣстника").

Немного поминковъ появилось въ свѣтъ къ 35-лѣтію со дня смерти В. И. Даля. Дѣятельность этого выдающагося собирателя какъ будто даже забылось. Поэтому съ особеннымъ чувствомъ удовольствія встрѣчаешь всякое даже упоминаніе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Въ двухъ опубликованныхъ В. В. Даниловымъ письмахъ Даля къ Максимовичу имѣется любопытный матеріалъ (хотя уже отчасти и извѣстный) для характеристики прошлаго нашего языкознанія; не безынтересны письма Даля и для исторіи русской литературы, наконецъ они имѣютъ значеніе и для біографіи Даля, внося поправку къ мнѣнію А. Н. Пыпина о запрещеніи Далю послѣ ареста писать. (Ист. русск. этн. I, 342).

Н. В—въ.

К. Жаковъ. Въ хвойныхъ лѣсахъ. Разсказы Комі-Морта. Спб. 1908. Стр. 55.

Небольшая книжка, заключающая въ себѣ пересказы зырянскихъ легендъ и преданій. Нѣкоторыя вещи (напр. „Дарья Родіонова")— изложеніе дѣйствительныхъ происшествій изъ жизни зырянъ. Самъ авторъ такъ опредѣляетъ цѣль своей книжки. „Теперь, когда на берега Печоры, Ижмы, Вычегды и др. устремляются богатые и предпріимчивые люди, когда заступъ и буравъ прикоснулись къ дѣвственной почвѣ, таящей въ нѣдрахъ своихъ скрытыя доселѣ богатства, когда близокъ конецъ патріархальному укладу жизни сѣверянъ,— рѣшился я познакомить людей съ душою сѣвера и издать наивные разсказы Коміморта, старика пѣвца и сказочника, котораго я встрѣтилъ на берегахъ маленькой рѣчки Кельтмы, впадающей въ Вычегду, изобильную водою. Живетъ онъ въ сосновой избушкѣ „кола" или „чомъ" близь дремучаго лѣса. Лѣтомъ пасетъ стада керчемскихъ крестьянъ, зимою рыбу ловитъ изъ-подъ прозрачнаго льда. Онъ глубоко знаетъ всѣ хитрости и изобрѣтенія охотниковъ, жизнь звѣрей и птицъ, дѣла боговъ, еще обитающихъ на уральскихъ горахъ и въ многоводныхъ рѣкахъ сѣвера, тайные помыслы людей, добрыхъ и злыхъ". Всего въ книжкѣ шесть отдѣльныхъ разсказовъ. Въ нихъ читатель найдетъ нѣкоторый матеріалъ для пониманія „души" и міросозерцанія одного изъ народовъ сѣвера. Мы, съ своей стороны, пожелаемъ, чтобы авторъ этой книжки отъ полубеллетристики перешелъ къ изданію подлинныхъ матеріаловъ зырянскаго творчества.

Н. В—въ.

„**Эсты, ихъ жизнь и нравы**". Э. С. Вульфсонъ. Москва. 1908. Въ общедоступной формѣ авторъ знакомитъ читателей съ прош- жизнью эстовъ, ихъ вѣрованіями, жилищемъ, обрядами, семей- іи порядками, уровнемъ ихъ умственнаго развитія и т. д. Бро- ра снабжена рисунками. Прочтется съ пользой учащимися, а же въ народной аудиторіи.

И. А.

Матеріалы по земле-водопользованію въ Закаспійской обла- і, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской асти, генералъ-лейтенанта Д. И. Суботича. Асхабадъ.

Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской іасти, собранные чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ каспійской области Я. Таировымъ. Части I и II. СПБ.

Интереснѣйшей своимъ недавнимъ прошлымъ, не могшимъ не гавить хоть какихъ-нибудь слѣдовъ и въ настоящемъ, народности ркменовъ закаспійской области этнографы до сихъ поръ не удѣ- ли значительнаго вниманія, а скоро будетъ уже совсѣмъ поздно! Съ ступленіемъ для этой былой вольницы четверть вѣка тому назадъ вой эры русскаго господства укладъ туркменской жизни измѣняется, ъмъ дальше—все замѣтнѣе, измѣняется въ сторону уподобленія іту единовѣрнаго среднеазіатскаго осѣдлаго населенія, а также от- істи русскаго.

Единственно кто способствовалъ въ новѣйшее время нѣкоторому рогрессу туркменской этнографіи, такъ это закаспійская админи- рація въ лицѣ такихъ своихъ просвѣщенныхъ представителей, какъ окойный Лессаръ, Куропаткинъ, Боголюбовъ, Суботичъ, Туманскій, Іихайловъ, Агабековъ, Семеновъ и нѣк. др.

По приказаніи Д. И. Суботича были собраны и изданы „Матеріалы о земле-водопользованію въ Закасп. области" какъ разъ въ то время, когда уже близилось къ концу печатаніе другого труда по тому-же капитальному вопросу изъ области обычнаго туркменскаго права, „Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области," собранные по распоряженію генер. А. Н. Куропаткина покойнымъ Я. Таировымъ.

Не имѣя права, за отсутствіемъ спеціальныхъ знаній, входить въ полную оцѣнку обоихъ трудовъ порознь и вмѣстѣ (сравнительно), мы позволимъ лишь себѣ указать на объемъ и общій характеръ матеріаловъ, заключающихся въ названныхъ изданіяхъ.

„Матеріалы 1903 г." занимаютъ книжку in 8 въ 192 страницы, изъ коихъ надо выключить 2 стр. на оглавленіе и 2—на предисло- віе А. А. Семенова. Главное вниманіе въ книжкѣ удѣлено, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе богатому водой мервскому уѣзду съ его тремя оазисами: мервскимъ (отдѣлы тохтамышъ и отамышъ), іолатанскимъ и пендинскимъ (іолатан. и пенд. приставства). Мерв- скому уѣзду посвящены статьи: Михайлова (63—138), Волковникова (145—185), Паристова (спеціально пенд. приставству, 139—144) и Рутковскаго (спеціально іолат. приставству, сравнительно съ атек- скимъ, 34—42 и отчасти 42—50). По асхабадскому уѣзду даны свѣдѣ- нія только для восточнаго района, внѣ дурунскаго приставства, въ

статьѣ Агабекова (7—31), а по тедженскому—только для атекскаго приставства, въ упомянутой статьѣ Рутковскаго (отсутствуютъ свѣдѣнія для оазисовъ тедженскаго и серахскаго). Мангышлацкому уѣзду (закаспійская „Сибирь" въ непріятномъ значеніи этого слова) удѣлено всего 2 страницы въ статьѣ Говорова (5—6), а по красноводскому уѣзду съ его приставствами каракалинскимъ и чикишлярскимъ свѣдѣнія даны только для послѣдняго, въ статьѣ Корвинъ-Каменовскаго (186—192).

Къ статьямъ Агабекова и Михайлова приложены статистическія таблицы, къ статьѣ Михайлова—схемы оросительныхъ сѣтей отамышскаго и тохтамышскаго районовъ и іолатанскаго приставства, а въ статьѣ Волковникова даны (въ текстѣ) схематическіе чертежи плотинъ Казыклы-бендъ (іолат.) и Коушутъ-ханъ-бендъ (мерв.) Въ сноскѣ на стр. 159 Волковниковъ обѣщаетъ отдѣльное описаніе плотины Гиндукушъ (для Государева имѣнія) и историческій очеркъ о древней плотинѣ Султанъ-бендъ.

„Матеріалы 1903 г." заключаютъ въ себѣ, въ общемъ, свѣдѣнія о водныхъ богатствахъ закаспійскаго края, объ ихъ распредѣленіи между отдѣльными туркменскими племенами и различными подраздѣленіями этихъ племенъ, объ установленныхъ обычаемъ способахъ пользованія водой и землею и правахъ владѣнія и распоряженія тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ Михайлова даются, между прочимъ, интересныя указанія объ опредѣленіи времени у туземцевъ и о существованіи у нихъ солнечныхъ и водяныхъ часовъ (100). Нѣкоторые, но не всѣ, термины туркменскаго земле-водопользованія объяснены, иногда только предположительно, А. А. Семеновымъ, редакторомъ этого изданія [1]). Исправленіе „погрѣшностей авторовъ" мы не отнесли-бы къ „научной обработкѣ" изданія, а потому полагаемъ, что редакторъ напрасно отъ этого уклонился (4).

Собранные и изданные въ короткій срокъ,—причемъ работа была произведена не всюду равномѣрно, а мѣстами даже слишкомъ поверхностно и, главное, „по-любительски",— „Матеріалы 1903 г." могутъ, все-таки принести пользу какъ закаспійской администраціи, такъ и лицамъ, желающимъ познакомиться съ туркменскимъ земле-водопользованіемъ въ общихъ чертахъ, а для спеціально интересующихся этой областью туркменскаго обычнаго права (съ позднѣйшими наслоеніями русскаго происхожденія) они могутъ служить вводнымъ чтеніемъ для изученія болѣе обширнаго, хотя также далеко не исчерпывающаго, изданія „Матеріалы 1904 г." (2 части in-4 въ 304 и 408 стр.). Послѣдніе матеріалы имѣютъ еще болѣе „сырой" видъ, чѣмъ „Матеріалы 1903 г.", что объясняется главнымъ образомъ, надо полагать, тѣмъ, что они были напечатаны по смерти ихъ собирателя. Большинство терминовъ въ этомъ изданіи не выясняется и предполагается, повидимому, заранѣе извѣстнымъ читателю. Отсутствуетъ общее руководящее введеніе, и только нѣ-

---

[1]) Повидимому, на основаніи „Матеріаловъ 1903 г." составлена статья того-же лица въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", кн. 57 (1903 г.), стр. 116—120: „Главныя основы распредѣленія земли и воды у туркменъ Закаспійской области".

которымъ отдѣламъ предпосланы вступительныя строки (ч. I, 1—2; ч. II, 1). Иногда большіе абзацы повторяются безъ нужды (ч. II, 99, 106, 113, 117), и не вездѣ матеріалъ достаточно ясно внѣшнимъ образомъ разграниченъ (ч. II, 148 и сл). Изслѣдованная область еще уже, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1903 г.": ч. I касается одного асхабадскаго уѣзда, а ч. II—теджeнскаго и мервскаго уѣздовъ съ приложеніемъ свѣдѣній о каризахъ асхаб. и теджен. уѣздовъ; но зато, что изслѣдовано, изслѣдовано довольно основательно. Ч. I обработана, въ общемъ, болѣе, чѣмъ ч. II.

Какъ гласитъ коротенькое предисловіе (обильное, какъ и все изданіе, корректорскими недосмотрами), „Матеріалы 1904 г." собирались нѣсколько лѣтъ, начиная съ 1892 г. Имѣлось въ виду, между прочимъ, спасти отъ забвенія свѣдѣнія о туркменскомъ землеводопользованіи, „пока эта область обычнаго права туземцевъ не подверглась неизбѣжнымъ измѣненіямъ подъ давленіемъ условій новой жизни".

Часть I. Послѣ общихъ свѣдѣній (1—2) объ орошеніи асхаб. уѣзда съ указаніемъ именъ ручьевъ Ахалъ-текинскаго оазиса отъ Кызылъ-Арвата до Гяурса и названій ауловъ туркменскаго племени текэ, населяющаго этотъ оазисъ (27 рѣчекъ и ручьевъ и 47 ауловъ), сообщаются подробныя данныя по водоземлепользованію отдѣльно для каждаго аула, причемъ всѣ аулы раздѣлены на двѣ группы по характеру водовладѣнія: му́лькъ (собственность) и санашыкъ (общинное владѣніе). Первая группа (3—202) обнимаетъ 26 ауловъ, вторая (203—304)—21 аулъ.

Относительно каждаго аула сообщается: названіе рода, въ немъ живущаго, съ подраздѣленіями; число кибитокъ; названіе воднаго источника или части его, находящагося въ пользованіи даннаго аула; мѣстные обычаи владѣнія водой; мѣстная система земледѣлія и орошенія съ указаніемъ разводимыхъ злаковъ, цѣнъ на продукты земледѣлія, на рабочія руки, на аренду и т. д., и т. д. Интересны для этнографовъ списки личныхъ именъ (преимущественно мужскихъ) собственниковъ воды, мельницъ и каризовъ въ разныхъ аулахъ. Въ такомъ значительномъ количествѣ туркменскія личныя имена публикуются впервые; въ „Сборникѣ процессовъ чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области. 1894—1898 г. (Матеріалы къ изученію народнаго быта туркменъ и киргизовъ)" Асхабадъ, 1898—ихъ дано гораздо менѣе, хотя, въ свою очередь, въ послѣдней книжкѣ женскія имена встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1904 г."[1]).

Мѣстныхъ техническихъ терминовъ въ „Матеріалахъ 1904 г.", конечно, куда больше, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1903 г."; термины эти требуютъ еще провѣрки и филологическаго выясненія со стороны лицъ со спеціальной филологической подготовкой.

[1]) Намъ не довелось видѣть „Сборника рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области съ 1898 по 1902 г.г." (Асхабадъ, 1903 г.). См. рецензію Максимова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" за 1903 г., вып. 3, 174—176.

Часть II. Описаніе земле-водопользованія у жителей теджевскаго уѣзда ведется въ слѣдующемъ порядкѣ (2—98):

1. Система р. Теджена, орошающей оазисы Серахскій и Тедженскій (обойдено въ „Матеріалахъ 1903г.“). Системы рѣкъ: 2) Лаинъ-су, 3) Рудбаръ или Козганъ-су, 4) Чаача, 5) Мяна, 6) Душакъ, 7) Калъ, 8) Новрекъ. На стр. 9—10 дается описаніе водочерпалки „чихкиръ“.

По мервскому уѣзду данныя расположены такъ (99—262): пендинское приставство (99—126); іолатанское приставство (127—147: описывается устройство плотины Казыклы-бендъ); мервскій оазисъ (148—262). Характерная иллюстрація на тему „первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми“ дается на стр. 149 (Ср. „Матеріалы 1903 г.“, стр. 64). На той же страницѣ описывается устройство плотины Коушутъ-бендъ. Землеводопользованіе описывается въ каждомъ оазисѣ по отдѣльнымъ родамъ племени, этотъ оазисъ населяющаго. Часть II, какъ и I, изобилуетъ статистическими данными по разнымъ статьямъ, отчасти нами уже упомянутымъ.

Стр. 263—408 посвящены даннымъ о кяризахъ асхабадскаго и тедженскаго уѣздовъ.

Большимъ недостаткомъ изданія является отсутствіе чертежей оросительныхъ системъ, хотя бы только нынѣ дѣйствующихъ, и карты съ нанесеніемъ рѣкъ, ручьевъ и кяризовъ. Эти чертежи и карты имѣли-бы большое значеніе для исторической географіи края, да и для практическихъ цѣлей, особенно если бы на нихъ были занесены и старыя, заброшенныя оросительныя сѣти, и такіе же кяризы.

Во всякомъ случаѣ и въ своемъ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ „Матеріалы 1904 г.“ будутъ съ благодарностью приняты преимущественно, думаемъ, тѣми, кто имѣетъ въ виду посвятить себя серьезному изученію обычнаго права туркменовъ Закаспійской области. Есть основанія надѣяться, что такое изученіе—если угодно будетъ Аллаху—не за горами.

А. С.

Журналы за 1907—1908 гг.

Землевѣдѣніе, 1907, кн. I—IV. *Анучинъ, Д.* Археологическія экспедиціи › Восточномъ Туркестанѣ.—*М. И.* Изъ поѣздки на Новую Землю. (О новоземельскихъ самоѣдахъ). — *Ратцель, Ф.* Земля, общество и государство. — иблiографiя.

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи, 1907. Прибавл. къ ып. 22. Археологическая хроника (за 1-ю половину 1907 года). — *А. Б.* бзоръ иностранныхъ журналовъ за 1906 годъ.—*Его-же.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1907 годъ.—Новыя книги историко-археологическаго одержанія, вышедшія въ Россіи за 1 ю половину 1907 года.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 1-ю половину 1907 года. **Вып. 23-й.** *М. Ростовцевъ.* Новыя латинскія надписи изъ Херсонеса. — *Его-же.* Миѳридатъ Іонтійскій и Ольвія.—*В. Латышевъ.* Эпиграфическія новости изъ южной Россіи. — *Его-же.* Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ изъ южной Россіи.—*Ѳ. Браунъ.* Шведская руническая надпись, найденная на островѣ Березани.—*О. Вальдгауеръ.* Памятники древней скульптуры въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.—*А. Спицынъ.* Могильникъ V вѣка въ Черноморьѣ. — Страданіе св. священномучениковъ и епископовъ Херсонскихъ. Перев. съ греч. *В. Латышева.* **Вып. 25-й.** *В. Шкорпилъ.* Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи въ 1904 г.—*К. Косцюшко-Валюжиничъ.* Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 году. (Съ 3 приложеніями *М. Скубетова* и *А. Годзишевскаго*).—*Н. Романченко.* Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи.—*А. Спицынъ.* Могильникъ VI—VII вѣка въ Черноморской области.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, 1905, вып. V. Оглавленіе XLI тома. — Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи за 1905 г. **1906 г., вып. IV.** *В. Новицкій.* По восточной Монголіи.—Рефераты. **Вып. V.** Оглавленіе и алфавитный указатель XLII тома.—Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи, т. XXIII, вып. 5. *С. Шестаковъ.* Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра. — *Г. Ахмаровъ.* Тептяри и ихъ происхожденіе. — Изъ дѣлъ о Кудеяровыхъ поклажахъ. — *Ѳ. Васильевъ.* Западное вліяніе въ русской иконописи XVII ст.—*Н. Катановъ.* О предметахъ украшеній татарскихъ женщинъ. — *Его-же.* Памяти д. чл. О-ва А. Ѳ. Можаровскаго (1846—1907).—*П. Поляковъ.* Самаркандскій кружокъ любителей археологіи, исторіи и этнографіи.—Библіографія.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н., 1907, кн. 4-я. *В. Перетцъ.* Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. — *П. Сырку.* Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Оксфордѣ.— *Н. Янчукъ.* Литературныя замѣтки.—*М. Сперанскій.* В. С. Караджичъ и русская народная пѣсня. -*Г. Кунцевичъ.* Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго монастыря.

Православный Собесѣдникъ, 1907 г. кн. 1—24.

Путевые журналы и записки миссіонеровъ: Въ приходѣ (изъ путевыхъ записокъ). *Свящ. Г. Попова.* I, 39. 134. 353. II, 63. 199. 252. 315. III, 13. [1])—

Изъ пастырскаго дневника. *А—й* и *Д.* I, 262. —

Изъ записей Сахалинскаго священника за 1905 г. *Свящ. А. Кукольщикова.* II, 73, 171. —

---

[1]) Римскія цифры Указателя означаютъ *томъ* журнала (въ *годовомъ* изданіи *три* тома по 4 мѣсяца, или 8 книжекъ въ каждомъ, съ особымъ счетомъ страницъ), а обыкновенныя *арабскія* — страницы каждаго тома.

Вѣрованія, религіозно-нравственное состояніе и бытъ инородцевъ, среди которыхъ дѣйствуютъ наши миссіи.

Исторія и современное состояніе иностранныхъ миссій.

Изъ жизни христіанской школы въ Индіи. *Е. Е.* III, 44. —
Индусы и ихъ религія. 86. —
Аудіенція у Тибетскаго папы. 129. —
Христіанская святыня на о. Цейлонѣ. *Е. Е.* 138. —
Католическая миссія на сѣверѣ Америки. *Е. Е.* 184. —
Аравійская пустыня и ея обитатели. 359. —

Кромѣ того цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ содержится въ „Миссіонерскихъ отчетахъ“, приложенныхъ къ журналу.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1907, № 4. *Л. Васильевъ.* Къ характеристикѣ сильно акающихъ говоровъ.—*Его-же.* О случаѣ сохраненія обще-славянской группы—dl—въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка.—*А. Михайловъ.* Греческіе и древне-славянскіе паримейники. (Къ вопросу о ихъ составѣ и происхожденіи).—*В. Курдиновскій.* Рукописная ц.-слав. грамматика Гербовецкаго монастыря въ Бессарабской губ.—*В. Даниловъ.* Два письма В. И. Даля къ М. А. Максимовичу.—*Н. Заболотскій.* Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени.—Критика и библіографія.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н., т. 83. *П. К. Симони.* Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ, по единственной сохранившейся рукописи XVIII в. 1) Съ 22 снимками съ полнаго текста „Повѣсти“... и 2) съ приложеніемъ чтенія „Повѣсти“... и съ отмѣтками указаній касательно ритмическихъ особенностей *акад. Ѳ. Е. Корша.*—*Олафъ Брокъ.* Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда.—*А. Грандилевскій.* Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянскій говоръ.

Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго О-ва, т. XIX, в. 2. *А. Дмитріевскій.* Праздникъ Благовѣщенія пресвятой Богородицы въ Назаретѣ и паломническія хожденія по Галлилеѣ въ мартѣ мѣсяцѣ (съ 5 рис.)—*И. Стеллецкій.* Газеръ библейскій и его раскопки.—*С. Хитрово.* (перев.) Іерусалимскія стѣны (съ планомъ).—*И. П.* О мѣстоположеніи Іерусалимской патріархіи.

Старые Годы, 1907. Алфавитный указатель. Оглавленіе. Главнѣйшія опечатки.

Украïна, 1907, XI—XII. *Владимiръ Даниловъ.* Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.—*Л. М.* Як царь Александер ослобонив кріпаків. (З народніх уст).—*Викторъ Барвинскій.* Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи.—*І. Стешенко.* Історія украïнськоï драмі. Розділ. V.

Университетскія Извѣстія, 1908, № 1. *В. Розовъ.* Новѣйшее направленіе русской лингвистики въ дѣлѣ изученія древнихъ русскихъ и церковнославянскихъ памятниковъ въ связи съ общимъ ходомъ развитія европейскаго языкознанія. **№ 2.** *А. Богумилъ.* Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ.—*И. Козловскій.* Значеніе XVII в. въ русской исторіи и характеристика предшественниковъ Петровскихъ реформъ.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 3. *С. Кузнецовъ.* Изъ воспоминаній этнографа.—*В. Мансикка.* Алеша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи.—*А. Марковъ.* Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ святыхъ—*А. Хахановъ.* Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе.—*В. Харузина.* Историческое развитіе этнографіи.—**Смѣсь.**—*А. Максимовъ.* Поліандрія въ Африкѣ.—*Д. Зеленинъ.* Уксусъ у русскихъ крестьянъ—*Н. Козминъ.* Кургоминскіе причеты.—*А. Суворовскій* (сообщ). Вопли Новогородской губ.—*Е. Е—ая.* Изъ рукописныхъ матеріаловъ С. Раевскаго.—*А. Диваевъ.* Оглянъ. Киргизская любовная пѣсня.—*Его же.* Киргизскіе афоризмы.—Критика и библіографія.—Хроника.

Новости этнографической литературы [1]).

Абрамовичъ, Д. И. Описаніе рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи. Софійская библіотека. Выпускъ II. Четьи-Минеи. Прологи. Патерики. Спб. 1907.

Акпаевъ, Я. Наброски по обычному, въ частности брачному праву киргизовъ казаковъ. Семипалат. 1907. 11 стр.

Астрологія въ наши дни. Отдѣльное изданіе статей, печатавшихся въ журналѣ „Ребусъ“. Теоретическая часть. Вязьма.

— Вторая практитеская часть. Къ неоконченнымъ статьямъ „Астрологія въ наши дни“. Вязьма.

Бейлинъ, С. Странствующія, или всемирныя, повѣсти и сказанія въ древне-раввинской письменности. Иркутскъ. 1907. VI+353 стр.

Беротовъ. Страна свободныхъ земель. Спб.

Bibliotheca Budhica. Тт. IV и IX St.-P. 1907.

Богородицкій, В. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. В. V. Казань. 1907. 32 стр.+1 табл.

Васильевъ, Н. Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказателя въ былинахъ. Спб. 1907. Стр. 27.

Вашкевичъ, Ник. Исторія хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. В. I. М.

Веберъ, К., А. Ивановъ, В. Котвичъ и *А. Рудневъ.* Къ вопросу о русской транскрипціи китайскихъ именъ. Спб.

Вильгельмсъ, А. Русь великая или Руй-Бель. Изысканіе обрусѣвшаго финскаго шведа по пѣснямъ „Исландской Едды“ и по корнямъ русскаго и скандинавскихъ языковъ. Часть первая. Спб.

Виноградовъ, Николай. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб.

Его-же. Лодка. Баринъ и Приказчикъ. (Народныя драмы). Отд. отт. 1908.

Военскій, К. Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтія. Изъ записокъ кн. Адама Чарторыйскаго (1795—1805). Спб.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ. Подъ редакціей А. В. Успенскаго и Г. Ф. Чиркина № 2. Спб.

Воронежская Старина, вып. VI. Воронежъ. 1907. Стр. 305 + 129.

Вся *Астрахань* и весь Астраханскій край. Памятная книжка Астраханской губ. на 1908 г. Астрахань.

Герберштейнъ, Сигизмундъ, баронъ. Записки о московитскихъ дѣлахъ. *Павелъ Іовій Новокомскій.* Книга о московитскомъ посольствѣ. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. И. Малеина. Съ приложеніемъ 2 портретовъ въ краскахъ, 8 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, 34 рисунковъ въ текстѣ и подробныхъ указателей. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Древности восточныя. Изд. Московск. Археолог. О-ва. Т. III, в. 1. М. 1907.

Дюфуръ, Пьеръ. Исторія проституціи во Франціи. Спб.

Ежегодникъ Тобольскаго Губ. Музея. Вып. XVI. Тобольскъ. 1907.

Ермоловъ, А. С. Замѣтки по поѣздкѣ на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года. Спб. 1907 г.

Етнографічний Збірник. Т. XXII. Галицько-руські народнї мельодії. Львів. 1907.

Ждановъ, И. Сочиненія, т. II. Спб. 1907. Стр. IV+610. Съ портр.

Засодимскій, П. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Изданіе второе.

Збірнік фильольогічної секції Наукового Товариства імени Шевченка. Т. X. Львів.

Иностранцевъ К. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907.

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

Календарь *Черниговской* губ. на 1908 г. XXII. Черниговъ.

Ключевскій, В., проф. Курсъ русской исторіи. Часть III. М.

К-овъ, Ник. Земельный бытъ и общественный строй. Самобытна ли Русь? Томскъ. 1907.

Костоловскій, И. Изъ повѣрій Ярославской губерніи.

Краузе, А. и *М.* Руководство по исторіи греческой литературы. Часть I. Переводъ съ франц. С. И. Радцига. М. 1907.

Krauss, Fr. d-r. Slavische volkforschungen Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Leipz. 431 стр.

Letopis slovenske Matice za leto 1907. Ljubl 1907.

Лихачевъ, Н. П. Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ (Пам. Древн. Письм. и Искусств. CLXVIII) Спб. 60 + 55 стр.+ 2 снимка.

Лихачевъ, Н. П. Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба. По рукописи конца XV столѣтія. Спб. 1907.

Лихачевъ, Н. П. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907.

Луценко, Е. И. Въ страну гранита и озеръ. М.

Лѣтопись. Екатеринославской ученой архивной Комиссіи. Годъ третій. вып. IV. Екатеринославъ. 1908. 368 стр.

Марковъ, Д. А. Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ. Изъ дневника студента. М.

Матеріяли. до украинсько-руськоі етнольогіі. Т. IX. Львив. 1907.

Миловидовъ, А. Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ Виленской публичной библіотеки (1491—1800). Вильна. 160 стр., съ рисунк. орнамент. укр.

Его-же. Русскій календарь въ сѣверо-западномъ краѣ, его исторія и значеніе. Историко - библіографическая справка по поводу 25-лѣтія „Виленскаго календаря". Вильна.

Начальная Исторія Японіи, кн. I. Токіо, 1906.

Новицкій, В. Ѳ. По странамъ полуденнымъ. (Путевые очерки Египта, Цейлона и Индіи). Спб.

Обзоръ Виленской губ. за 1906 г. Вильна. 1907.

Обзоръ Дагестанской области за 1906 г. Темиръ-Ханъ-Шура.

Обзоръ Самаркандской области за 1906 г. Самаркандъ. 1907.

Образцы глаголицы. Изд. Имп. Археологическаго Института, подъ редакціей Н. Каринскаго. Спб.

Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославской губ. Ярославль. 1907.

Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ за 1907 г. Вильна. 16 стр..

Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ, за 1906 г. М. 1907. Стр. 144. 4°.

Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1905 г. Спб. 1907. Стр. XII + 151.

То же. За 1906 г. Спб. 1907. Стр. XII+53+158.

Отчетъ Подольскаго церковнаго историко-археологическаго О-ва за 1906 г. Каменецъ-Подольскъ. 1907. Стр. 19.

Отчетъ Читинскаго Отдѣленія Иркутскаго Отдѣла И. Р. Г. О. За 1902—1906 гг. Чита. 1907.

Памятная книжка и адресъ-календарь Калужской губерніи на 1908 г. Калуга.

Павловскій, А. А., проф. Атласъ по исторіи древняго искусства. Одесса. 1907.

Памятная книжка и адресъ-календарь Лифляндской губерніи на 1908 г. Рига.

Памятная книжка Минской губерніи на 1908 г. Минскъ. 1907.

Памятная книжка Московской губ. на 1908 годъ. М. 1907.

Памятная книжка Тобольской губ. на 1908 г. Тобольскъ.

Парашкевовъ, П. Погребалнитѣ обичаи у българитѣ. София. 1907. (Изъ „Извѣст. на семин. по слав. филол. при унив).

Пекарскій, Эд. Миддендорфъ и его якутскіе тексты. Спб.

Радловъ, В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть IX. Тексты. Переводъ. Спб. 1907.

Ренанъ, Эрнестъ. Исторія израильскаго народа. Томъ первый. Переводъ съ франц. Е. П. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. Спб.

То же Переводъ съ франц. подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей С. М. Дубнова. Томъ первый. Вып. 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб.

Розвідки Михайла Драгоманова про україньску народни словесність і

письменство. Злядив М. Павлик. Т. IV. У Львові. 1907. 399 стр. + 18 рис.

Русско-славянскій ежегодникъ. Иллюстр. справочникъ и спутникъ съ картой Европейской Славіи. Изд. С. О. Кѣничека. М.

Рѣдинъ, Е. К. Искусство и археологія. Библіографія. III. Спб. 1907.

Самойловичъ, А. Памяти П. М. Меліоранскаго. Спб. 1907. 24 стр.+1 портр.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XXII и XXIII. София 1906—1907. I. Дѣлъ историко-филологиченъ и фолклоренъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлисъ.

Святицький, І., др. Відродждене білоруського письменства. Львів. 58 стр.

Сиверсъ, В. Азія. Перев. съ 2-го переработ. нѣмецк. изданія Г. Гейкеля, подъ ред. А. Н. Краснова. Спб.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Четвертаго тома выпускъ первый. К.—Кампилитъ Спб. 1906—1907.

Slovenska zemja. Ljubl 1907.

Соболевскій А. И., акад. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изданіе четвертое. М. 1907

Его же „Разиновщина, какъ соціологическое и психологическоо явленіе народной жизни". Н. Н. Ѳирсова, (Критическая замѣтка). 8 стр. (Изъ „Мирн. Труда").

Спицынъ, А. (Сост.). Краткій каталогъ музея Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 52 стр.

Статистика Россійской Имперіи. LXVI, LXVII. Спб. 1907.

Статистическій Ежегодникъ за 1907. Харьковъ.

Статистическое описаніе Ярославской губерніи. Т. IV и V. Ярославль 1907.

Сыръ-Дарьинская область въ 1906 г. Ташкентъ. 1907.

Тарасовъ, Н. Г. и *Гартвигъ, А. Ѳ.* Изъ исторіи русской культуры. Полюдье. Изданіе Думнова. М.

Титовъ, А. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Вып. VI. М. 1907.

Трубицынъ Н. Н. Александръ Николаевичъ Веселовскій Спб. 1907.

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Рязань. 1907.

Чичерина, С. В. О приволжскихъ инородцахъ и современномъ значеніи системы Н. И. Ильминскаго. Спб.

Шамбинаго С. К. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1907.

Шмаковъ, Алексѣй. Евреи въ исторіи. Харьковъ.

Шмурло, Е. Русскіе и киргизы въ долинѣ верхней Бухтармы. Матеріалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края, Семипалат. 1907. Стр. 66. (Изъ „Зап. Семип. Подотд. З—С. Отд. И. Р. Г. О-ва" вып. 3).

Strekely, K. Slovenske narodne pesmi. Ljublan. 1907.

Эмснеръ В. С. Серія популярныхъ лекцій по антропологіи. Опредѣленіе антропологіи, ея исторія, цѣли и методы. Лекція I. Ростовъ-на-Дону.

Якобій, П. Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе. Спб. 1907. Стр. XI + 196 + XLIX + 8 картогр.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

„Бря́жка“.

„Бря́жка“, собственно бра́жка, теперь уже будто бы рѣдкая, выходящая изъ моды пѣсня на свадьбѣ. Парасковья Степанова Воронина 60-лѣтняя старуха въ с. Тамицѣ сказала „бря́жку“ и дала къ ней слѣдующее поясненіе: „Какъ вино вы́пили и вечеринка поведётьси и разойдётьси, на утро дѣвицы, которые спятъ у невёсты пойдутъ по роднѣ (прежде ходили со стихами, теперь съ пѣснями). Невѣста по роднѣ пошла и домой приходитъ вечеромъ. Невёсту отецъ посадитъ на лавку, въ слезахъ уймётъ, дѣвицы пойдутъ къ жениху, въ его фатеры; придутъ, онъ почёствуётъ виномъ по рюмочкѣ, по двѣ и обратно пойдутъ съ пѣснями, тутъ и запляшутъ:

Ужъ ты бряжка, ты бряжка моя,
Золота бряжка спосучена была,
На печи то бражка взрощеная,
На палатяхъ разсоложеная.
У насъ нѣту на бражку питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ у насъ,
Изъ Питера питенбурщицьковъ,
Изъ сената сенаторщицьковъ,
Со Дуная нѣтъ донскихъ казаковъ,
Съ Яруслава нѣту красныхъ дѣвицъ,
Съ Вешнякова нѣтъ удалыхъ молодицъ.
Воспроговоритъ молодая жена:
„Ужъ вы бѣлечка, румя́нечка мои,
Садовыи, новокупленыи
Сокатите со бѣла лица долой,
Во́но ѣдётъ мой грозливой мужъ домой.
Онъ не дороги подароцьки везётъ:
Шолко́вую плётку подъ поясомъ,
Шолкова плётка не свистана была́,
Съ конца кисточка не бро́снутая,
Со другого́ не отёснутая.
Я вечёръ млада въ чесномъ пиру была,

Со боярами вино-пиво пила,
Съ сенаторами остóльничала,
Супротивъ я холостого сидѣла,
Холостому стаканъ водки налила,
А жонатому зелёного вина,
Отставному понесла да пролила,
Отставной стаканъ водки принималъ,
Онъ серебрено колечко приломалъ,
Ужъ и пилъ, ей сестрой называлъ,
Безъ людей зовётъ душоцькою:
„Ужъ ты душецька, Катющецька моя!
Прилюбилася походочка твоя,
Прилюбился умéльной взглядъ,
Ужъ ты пóйдёшь, накормишь меня,
Обоймёшь взвеселишь молодца,
Поцѣлуешь—душу óбоположишь“.
Ложилася во горницу на кровать,
Очудúлася въ высокомъ терему,
Что вечоръ по мнѣ невѣжа приходилъ
Вотъ невѣжа, не отецькой сынъ,
Онъ у терема двери отпиралъ,
Онъ у пологa полы открывалъ,
У меня младой подолъ залупалъ,
Чёрнособоля зъерóшилъ да ушолъ.
Ложилася во горницу на кровать,
Очудúлася въ высокомъ терему,
Во своёмъ шитомъ браномъ пологу;
Да вечоръ ко мнѣ, надéжа приходилъ
Какъ надéжа, отéцькой сынъ,
Онъ у терема дверь запиралъ,
Онъ у полога полы отпущалъ,
У меня младой подолъ спущалъ,
Чёрносóболя загладилъ да ушолъ.

Н. Ончуковъ.

Этнографическія мелочи изъ дневниковъ путешествовавшаго по Туркменіи.

1.

Стоя по колѣна въ водѣ арыка у водораздѣла, одинъ текинскій народный пѣвецъ (бахшы) изъ аула Багыръ такъ представился намъ (іюнь 1902 г.):

„Мнѣ 24 года. У меня хорошій голосъ и я хорошо пою, но теперь я пѣть не могу по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я нѣсколько дней работаю на своей водяной мельницѣ, и мельничная пыль засорила мнѣ горло. Во-второмъ, я только-что женился, и первые дни брачной жизни плохо отразились и на моемъ голосѣ, и на моемъ настроеніи. Нечего говорить,—моей женѣ всего 14 лѣтъ, она красива, стройна, какъ газель, а груди-то у нея—вотъ! (Тутъ

пѣвецъ весьма наглядно изобразилъ, какія маленькія и твердыя груди у его молодухи: онъ крѣпко сжалъ пальцы своихъ рукъ въ двѣ „дули" и приложилъ эти „дули" къ своей груди.) Но семейная жизнь мнѣ не по нраву, и сегодня я уже отправилъ жену обратно къ ея родителямъ. Отдохну вотъ немного отъ мельницы и жены и тогда приду показать тебѣ свой голосъ. Денегъ мнѣ не надо: пою для славы! Пою только тогда, когда могу хорошо спѣть! Ты запишешь мои пѣсни въ „машину" [1]): хочу, чтобы въ Петербургѣ знали *про* мой голосъ".

Про большинство туркменскихъ бахшы надо сказать, что, любя славу, они еще больше любятъ подарки и, особенно, деньги.

2.

Рѣдкій примѣръ силы привычки наблюдали мы въ аулѣ Гёкъ-тепе № I (іюль 1902 г.). Молодой мулла Язлыкъ, съ глупымъ и ханжескимъ выраженіемъ лица, но съ удивительной памятью, отказывался продекламировать намъ что-нибудь наизусть, если мы не дадимъ ему въ руки какой-нибудь книги. Мы дали муллѣ „Вырожденіе" Макса Нордау, и вотъ, сидя на полу кибитки, держа передъ собой эту книжку вверхъ ногами и раскачиваясь всѣмъ туловищемъ впередъ и назадъ,—Язлыкъ сталъ читать намъ наизусть романтическую поэму Андалиба „Іосифъ и Зулейха".

3.

Намъ нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ тонко передразниваютъ туркменскіе ребятишки крикъ ословъ и голосъ верблюдовъ, но только однажды намъ довелось повстрѣчаться со взрослымъ имитаторомъ, безподобно подражавшимъ говору и жестамъ бухарскихъ евреевъ и закаспійскихъ салыровъ и сарыковъ. Это былъ умный, веселый старикъ Аманъ-Бахшы, мервскій текинецъ отдѣла отамышъ; его мы нашли въ маленькомъ аулѣ неподалеку отъ развалинъ Порсу-кала, среди бахчей (сент. 1906 г.).

Между прочимъ онъ одинъ воспроизвелъ слѣдующую сложную сцену. Взявъ большую, длинную, грушевидную тыкву и завернувъ ее въ пестрый платокъ на подобіе младенца, Аманъ-Бахшы изобразилъ, какъ укачиваетъ своего ребенка салырская женщина, мужъ которой уѣхалъ въ Персію на аламанъ: то онъ поетъ женскимъ голосомъ съ салырскимъ произношеніемъ колыбельную пѣсенку, прерывая ее угрожающими возгласами и жестами по адресу неугомоннаго младенца, то плачетъ, какъ настоящій ребенокъ. Вотъ возвращается съ аламана мужъ салырки, усталый, голодный, и видя плачущаго сына, начинаетъ ссору съ женой. Здѣсь имитатору приходился разыгрывать сразу три роли! Въ концѣ концовъ супругъ ударяетъ супругу, а та вцѣпляется ему въ бороду и рветъ изъ нея волосы клочьями.

Всю эту сцену и особенно финалъ ея Аманъ-Бахшы провелъ удивительно серьезно, живо, ярко, съ увлеченіемъ,—какъ истинный

[1]) Фонографъ.

артистъ. Насколько намъ извѣстно, далѣе такого зародышеваго состоянія драма у туркменовъ не идетъ.

4.

Во многихъ случаяхъ туркменской жизни видную роль играютъ глашатаи, герольды, *джарчи*. Нужно-ли аульному старшинѣ объявить народу приказъ; приглашаетъ-ли благочестивый туркменъ своихъ одноаульцевъ и всякаго, кто пройдетъ или проѣдетъ мимо, на общественную трапезу (худа йолы); пропало-ли что у кого-нибудь,—всѣ обращаются къ услугамъ джарчы. Джарчы присутствуетъ на народныхъ празднествахъ (тоі), чтобы вызывать всадниковъ на состязаніе въ скачкахъ или силачей (пехлеван)—на борьбу. Хорошій заработокъ для джарчы—на базарахъ, куда народъ съѣзжается со всей округи, и гдѣ при помощи джарчы особенно удобно наводить всякія справки и распространять разныя вѣсти.

На текинскомъ базарѣ въ городѣ Мервѣ для джарчы имѣется спеціальное глиняное возвышеніе—цилиндрической формы пьедесталъ, своего рода „столпъ". Мы часто видѣли зимой 1906 г., какъ низенькій, сгорбленный, сухой старичокъ, бѣдно одѣтый, съ козлиной сѣдой бородой, съ подслѣповатыми мигающими глазками, съ кривой палкой въ рукѣ топчется кругомъ на своемъ пьедесталѣ и слабымъ, надорваннымъ голоскомъ выкрикиваетъ то, что ему закажутъ. Около джарчы—толпа: кто слушаетъ, не нашелся-ли его заблудившійся верблюдъ, не нужно-ли кому работника, не будетъ-ли гдѣ тоі'я по случаю обрѣзанія сына, или по случаю постановки новой кибитки и т. п., а кто ждетъ очереди, чтобы дать работу джарчы. Вознаграждается трудъ глашатая грошами, но грошей перепадаетъ ему немало.

Въ аулахъ, чтобы быть лучше услышанными, джарчы взбираются, какъ пѣтухи, на глиняныя ограды.

Вотъ два образца, какъ кричатъ джарчы (записано въ аулѣ Багиръ, іюнь 1902 г.).

— Отъ каждаго „серкара" [1]) по человѣку завтра должны отправиться въ Гок-ча, хоу!

— Отъ каждаго „тирэ" (колѣна) по аксакалу должны отправиться, хоу!

— Не говори, что „я не слышалъ", хоу!

— Три рубля „ынтрафъ" придется отдать, хоу!

Такъ передалъ джарчы народу приказъ асхабадскаго начальства, которое предполагало на слѣдующій день въ аулѣ Гокъ-ча опросить туркменовъ о потеряхъ отъ саранчи.

Слѣдующее „джар"—„оглашеніе" произведено было по заказу частнаго лица:

— Любящіе Бога, любящіе Пророка, хоу!

— На берегу Патша-су забытъ мѣшочекъ для чаю, хоу!

— Кто видѣлъ, кто знаетъ, тому „кранъ" (20 коп.) дадутъ за находку, хоу!

---

[1]) Артель водовладѣльцевъ. См. хотя-бы замѣтку о туркменскомъ землеводопользованіи А. А. Семенова въ Этнограф. Обозрѣніи, кн. 57, стр. 116—120.

Сколько намъ ни проходилось видѣть „джарчы", все это дряхлые старики со слабымъ голосомъ и невнятнымъ, шамкающимъ произношеніемъ, такъ что, находясь даже не особенно далеко отъ такихъ глашатаевъ, мы обыкновенно ясно различали только заключающій каждую фразу, протяжный возгласъ „хоу!" Что касается туркменовъ, то они, какъ степняки, отличаются удивительно чуткимъ слухомъ: услышавъ „хоу!", которымъ глашатай обращаетъ на себя вниманіе, туркменъ настораживаетъ уши и улавливаетъ слова „джарчы" на весьма далекомъ разстояніи.

С.

Хроника.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. 14 декабря 1907 года было заслушано: продолженіе доклада *В. И. Анучина*: „Енисейцы" (Енисейскіе остяки). *(Результаты экспедиціи 1905—1907 гг.).* Программа: Постройки. Ремесла и искусства. Пища. Платье. Родовой строй. Бракъ, семья, дѣти. Словесное творчество. Музыка. Вѣрованія. Были демонстрированы картины, рисунки, діапозитивы и нѣкотор. вещи изъ этнографич. коллекціи.

Далѣе, на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ В. И. Анучина, сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о результатахъ его экспедиціи и предпринятыхъ имъ работахъ. Докладчикъ былъ командированъ въ Туруханскій край для всесторонняго изученія енисейцевъ „Русскимъ Комитетомъ для изученія Азіи" и Академіей Наукъ въ лицѣ Музея Этнографіи. Экспедиція длилась въ теченіе трехъ лѣтъ и дала слѣдующіе результаты:

1) Собранъ большой лингвистическій матеріалъ: тексты, словарь, основы этимологіи и пр.; 2) Собранъ обильный фольклористическій матеріалъ; 3) Изученъ матеріальный и духовный бытъ; 4) Сдѣлана перепись енисейцевъ и собраны любопытныя статистическія данныя; 5) Собранъ историческій матеріалъ, архивныя данныя и т. п.; 6) Собраны данныя о современномъ экономическомъ положеніи енисейцевъ; 7) Собрана исчерпывающая этнографическая коллекція въ 500 предм.; 8) Произведено 105 антропометрическихъ измѣреній и матеріалы, дающіе возможность составить антропологическое описаніе; 9) Сдѣлано около 150 фотографическихъ снимковъ: портреты, семейные портреты, группы, сцены быта, жилища, природа края и т. п.; 10) Написано нѣсколько картинъ масломъ и акварелью; 11) 50 рисунковъ перомъ и карандашомъ; 12) Записано около 20 фонограммъ: шаманскія пѣсни, пѣсни, разсказы, сказки, загадки и т. п.

Въ виду обилія матеріаловъ въ докладѣ г. Анучина, а также въ виду полной неизвѣстности въ наукѣ чего-либо объ енисейцахъ, представляется затруднительнымъ дать краткое содержаніе доклада.

Въ теченіе настоящей зимы докладчикъ имѣетъ опубликовать предварительные матеріалы по лингвистикѣ, антропологіи и дать

описаніе этнографической коллекціи, затѣмъ, лѣтомъ 1908 г. сдѣлать заключительную поѣздку въ Туруханскій край для изученія родственныхъ енисейцамъ *сымцевъ* (помѣсь енисейцевъ и какого-то вымершаго племени jyh) и баишинцевъ (помѣсь енисейцевъ и самоѣдовъ) и уже съ осени 1908 г. приступить къ полному опубликованію своихъ работъ.

Въ засѣданіи 9 февраля 1908 года произведены были выборы Предсѣдательствующаго по Отдѣленію Этнографіи на предстоящее четырехлѣтіе (1908—1911 гг.). Закрытой баллотировкой, произведенной при помощи записокъ, былъ избранъ вновь В. И. Ламанскій. Послѣ избранія Предсѣдателя К. Ф. Жаковъ сдѣлалъ сообщеніе „О зырянахъ“, конспектъ котораго, составленный докладчикомъ, здѣсь и приводится.

Конспектъ доклада о „зырянахъ“.

Дѣйствительныя границы, въ которыхъ живетъ въ данное время племя Комі, не соотвѣтствуетъ картѣ Риттиха. Съ Порога до Усть-Цыльмы по Печорѣ живутъ зыряне (вопреки картѣ Риттиха), большей частью старовѣры. На Вычегдѣ выше Межӧга нѣтъ русскихъ поселеній. Основаніями ошибокъ у составителей карты были названія мѣстъ (рочь-сиктъ — русская деревня; рочь-шоръ — русскій ручей) и старовѣрство. Очевидно, какая-то часть русскихъ по языку опермилась (но не антропологически; въ этомъ отношеніи зыряне сильно отличаются отъ вотяковъ, болѣе чистыхъ финновъ, обладая русскими чертами характера).

Старовѣрство у зырянъ (по крайней мѣрѣ въ области Керчемьи) произошло вслѣдствіе того, что, въ эпоху гоненія старовѣровъ, нѣкоторая часть переселилась на рѣчку Тым-Сер, впадающую въ южную Кельтму. Эти старовѣры передали зырянамъ свои книги и свое ученіе.

Не смотря на православіе и старовѣрство, у зырянъ много еще языческихъ пережитковъ. Такъ, на Печорѣ говорятъ, что на вершинѣ Тӧл-поз-из живетъ богъ Шуа, чуткоухій, не любящій шума (аттрибутъ древняго Войпеля — Сѣверное Ухо).

Параллельно съ переживаніемъ переходнаго времени въ міровоззрѣніи, въ данную минуту замѣчается у зырянъ переходная стадія и въ экономическомъ быту. Ихъ отхожіе промыслы (рубка лѣса на Пермскихъ заводахъ, портняжничанье въ Ирбитскомъ уѣздѣ и др.) быстро вліяютъ на перемѣну обычаевъ, нравовъ, міровоззрѣнія. Лѣсной промыселъ на Вычегду конкуррируетъ съ земледѣліемъ... Этотъ переходный процессъ, какъ всякое развитіе, особенно болѣзненно потому, что у Комі нѣтъ своей интеллигенціи. Школы не совсѣмъ соотвѣтствуютъ укладу жизни (нѣтъ зырянскаго языка параллельно съ русскимъ, нѣтъ географіи и исторіи сѣвера, трехгодичный курсъ недостаточенъ). Школъ мало, интеллигенція города Устьсысольска и крупныхъ селъ отстоитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, отъ народа и органически не связана съ нимъ. Будущее зависитъ отъ нарожденія народный, мѣстной, органически связанной съ племенемъ, интеллигенціи.

15 февраля было выслушано сообщеніе *Б. Б. Барадійн'а*: „Буддійскій монастырь Лавран“. (Изъ путешествія Б. Б. Барадійн'а въ сѣверо-восточную окрайну Тибета 1905—1907 г.). Программа сообщенія: Изъ исторіи основанія Лавран'а. Описаніе монастыря: общій видъ, храмы и монашескія жилища. Населеніе Лавран'а: гэгэн'ы—святые и простые монахи. Строй монастырской жизни. Школы буддійскихъ знаній. Окрестности Лавран'а. (Были показаны діапозитивы).

Это сообщеніе Б. Б. Барадійн'а являлось продолженіемъ предыдущаго, сдѣланнаго имъ на годовомъ общемъ собраніи 30 января, подъ заглавіемъ: „Восемь мѣсяцевъ въ Буддійскомъ монастырѣ Лавранѣ на сѣверо-восточной окраинѣ Тибета (1905—1907 г.г.)“. Программа сообщенія: Отъѣздъ изъ Забайкалья. Урга. Въ Ван-Куренѣ при Дворѣ Далай-Ламы. Далай-Лама въ его частной жизни. Тибетская свита Далай-Ламы. Отъѣздъ изъ Ван-Куреня. Халха. Алашань. Гумбумъ. Путь изъ Гумбума въ Лавранъ. Амдо.

Прилагаю далѣе сдѣланное докладчикомъ сокращенное изложеніе обоихъ сообщеній.

Замѣтка о путешествіи (1905—1907 г.) въ сѣв.-восточную окраину Тибета.

Въ 1905 году я былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи въ буддійскій монастырь Лавранъ на сѣверо-восточной окраинѣ Тибета. Путешествіе мое продолжалось два года.

Выѣхавъ осенью того же года изъ своей родины—Забайкалья, я поѣхалъ черезъ г. Ургу въ монастырь Ванъ-Куренъ (въ 300 в. на с.-з. отъ Урги). Здѣсь я провелъ зиму при походномъ дворѣ Далай-Ламы, изучая типы и нравы тибетцевъ, составлявшихъ свиту буддійскаго первосвященника.

Въ началѣ 1906 г. я выѣхалъ изъ Ванъ-Курена въ дальнѣйшій путь черезъ Ургу, Алама-Ямынь и мон. Кумбумъ. Въ началѣ лѣта т. г. я былъ на мѣстѣ своихъ работъ—въ Лавранѣ.

Послѣ 8-мимѣсячной жизни въ этомъ крупнѣйшемъ разсадникѣ буддизма я выѣхалъ на родину въ началѣ прошлаго года по старой дорогѣ.

Живя въ Лавранѣ, я, главнымъ образомъ, обращалъ вниманіе на внутреннюю жизнь его обитателей—монаховъ, также и на внѣшній видъ монастыря. Лавранъ основанъ въ 1710 г. знаменитымъ амдоскимъ ученымъ и мыслителемъ Жамянъ-шадбой (1648 — 1722). Лавранъ стоитъ на 35°11′59″ шир. и 7 ʰ 45ᵐ 48,9ˢ долг. и на высотѣ 2982 метровъ надъ уровнемъ моря (см. I т. путеш. Г. Н. Потанина 1884—1886). Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу горной рч. Санчу системы р. Хуанхэ. Мѣстность эта, какъ продолженіе всего тибетскаго плоскогорья, чрезвычайно гориста и богата горными рѣчками. Долина рч. Санчу у Лаврана образуетъ глубокую узкую тѣснину, такъ что въ Лавранѣ солнце утромъ показывается очень поздно и исчезаетъ за горизонтомъ очень рано.

Лавранъ имѣетъ весьма привлекательный и чистый видъ, напоминая видъ какого-нибудь стариннаго итальянскаго города. Онъ занимаетъ площадь шириною не больше $^1/_2$ в. и длиною 1 в.

Надъ многочисленными монашескими двориками возвышается множество каменныхъ храмовъ въ нѣсколько этажей и весьма оригинальной красивой архитектуры и различныхъ цвѣтовъ: бѣлаго красная и желтаго.

Монашескія жилища построены изъ сѣраго камня или изъ глины и имѣютъ плоскую крышу. Вообще жилища монаховъ, согласно монастырскому уставу, весьма однотипны какъ по размѣру, такъ и по плану. Жилища монаховъ представляютъ небольшіе отдѣльные дворики съ маленькими жилыми и хозяйственными постройками, которыя пристроены къ стѣнамъ дворика и всегда обращены лицомъ во внутрь. Лавранскіе монахи живутъ поодиночкѣ въ отдѣльныхъ комнаткахъ размѣромъ около 1 кв. с., ведя каждый самъ за себя свое скромное домашнее хозяйство.

Кромѣ простыхъ монаховъ, есть еще гэгэны (т.-е. святые), которые имѣютъ обширные дворы—особняки.

Число жителей въ Лавранѣ достигаетъ до 3.000 чел., изъ коихъ до 500 чел. монголовъ разныхъ племенъ,—въ томъ числѣ до 100 чел. забайкальскихъ бурятъ и тунгусовъ.

Жители Лаврана по положенію строго различаются на простыхъ монаховъ и знатныхъ гэгэновъ (святые); послѣдніе (въ числѣ до 100 чел.) составляютъ здѣсь современную ламскую аристократію. Самымъ старшимъ изъ лавранскихъ гэгэновъ является владѣтель монастыря Жамянъ-шадба (по счету 4-й перерожденецъ основателя Лаврана), который, будучи молодымъ человѣкомъ, весьма любезно принялъ въ своемъ монастырѣ экспедицію Г. Н. Потанина. Главное занятіе лаврандевъ составляетъ изученіе различныхъ системъ буддизма, который преподается здѣсь въ школахъ: цаннидской (школа критической философіи буддизма), гоудской, дуйнкорской и кьэдорской (школы различныхъ системъ буддійской символики) и манбинской (школа индо-тибетской медицины).

По нравственной чистотѣ лавранскіе монахи, благодаря строгости монастырскаго устава и особой благоустроенности монашеской жизни, стоятъ далеко выше, чѣмъ монахи, видѣнные мною до сихъ поръ у бурятъ въ Монголіи и въ мон. Кумбунѣ.

Монахи живутъ скромно, и жизнь въ Лавранѣ весьма дешева. Скромный монахъ въ годъ проживаетъ до 50 р. на наши деньги, обезпечивая себя всѣмъ необходимымъ, мясомъ, овощами, хлѣбными и молочными продуктами.

Кругомъ въ окрестностяхъ Лаврана находятся горныя обители „ритоды", въ которыхъ обитаютъ исключительно монахи-отшельники, предпочитающіе жить вдали отъ шумной школьной жизни Лаврана. Жилища въ этихъ обителяхъ, какъ и обстановка и жизнь отшельниковъ,—чрезвычайно простого скромнаго устройства. Монахи-отшельники имѣютъ коммуніальный строй жизни и питаются исключительно „цзамбой" (поджаренная мука) и молочными продуктами. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ древне-буддійскую общину монаховъ въ Индіи.

Окрестное населеніе Лаврана составляютъ воинственные тангуты—земледѣльцы и скотоводы,—которые, находясь подъ сферой вліянія Лаврана, составляютъ милицію Жамянъ-шадбы въ 500 чел., вооруженныхъ фитильными ружьями и даже отчасти боевыми винтовками разныхъ европейскихъ системъ.

Ограничиваясь этой краткой замѣткой о моемъ путешествіи, отмѣчу, что главная цѣль моего путешествія была — изслѣдованіе духовной культуры современныхъ монголо-тибетскихъ народностей,—путемъ изученія на мѣстѣ религіи, языка и литературы данной народности.

Рвеніе къ изученію этой стороны ихъ жизни усиливалось тѣмъ, что эта область, по моему мнѣнію, не получила еще до сихъ поръ вполнѣ научнаго освѣщенія. Кромѣ того, я долженъ былъ работать подъ видомъ простого бурятскаго паломника, и мнѣ, какъ буддисту, могли быть доступны всѣ тѣ стороны жизни, которыя часто вовсе недоступны для путешественника европейца.

Помимо этой задачи, я попутно дѣлалъ наблюденія надъ соціально-политической и этнографическо-бытовой стороной жизни мѣстнаго населенія.

Въ результатѣ вынесенныхъ мною изъ путешествія наблюденій я пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что возвышенная религіозно-философская система Будды въ рукахъ тибетцевъ и монголовъ (въ томъ числѣ и бурятъ) превратилась въ сильно организованную Церковь, которая захватила въ свои руки рѣшительно всѣ стороны жизни этихъ народностей и оказала на нихъ свое отрицательное и положительное вліяніе.

Этотъ фактъ въ своей отрицательной формѣ сознается теперь не только просвѣщеннымъ элементомъ самихъ буддистовъ изъ этихъ народностей, но даже и буддійскимъ первосвященникомъ, нынѣшнимъ Далай-Ламой XIII-мъ, что явствуетъ изъ его желанія созвать Буддійскій вселенскій соборъ.

Тибетскій буддизмъ распадается на многочисленныя и весьма оригинальныя религіозно-философскія секты, изъ которыхъ только одна господствующая—гэлугпаская (желтошапочная) распространилась за предѣлы Тибета—въ Монголіи и у бурятъ—и потому болѣе или менѣе стала извѣстной въ Европѣ.

Эти секты, до сихъ поръ остающіяся совершенно неизвѣстными въ Европѣ, чрезвычайно интересовали насъ во многихъ отношеніяхъ. Намъ въ Лавранѣ случайно удалось достать весьма важную литературу объ этихъ сектахъ, и мы со временемъ надѣемся ознакомить съ ней общество.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ нашимъ путешествіемъ мы ссылаемся на нашъ докладъ, читанный въ годовомъ собраніи и въ отдѣленіи по этнографіи И. Р. Г. О. $^{1}/_{30}$ и $^{11}/_{15}$ 1906 г. Главная наша работа готовится къ печати въ видѣ подробнаго описанія путешествія въ Лавранъ и изслѣдованія критической философіи буддизма „цаннидъ" и важнѣйшихъ литературныхъ матеріаловъ, добытыхъ нами на мѣстѣ.

Б. Барадійнъ.

29 февраля имѣли мѣсто: 1) Сообщеніе *И. И. Солосина* „Этнографическія наблюденія въ Астраханской губ." и 2) *Д. В. М-въ* прочелъ сообщеніе *В. А. Мошкова* „О новой теоріи происхожденія человѣка". Г. Солосинъ предметомъ своихъ этнографическихъ наблюденій избралъ села, лежащія по теченію рѣки Ахтубы въ Ахтубинской долинѣ. Эти мѣста, съ этнографической стороны, особенно интересны по смѣшанности своего населенія. Въ одномъ селѣ здѣсь живутъ великоруссы, малоруссы, выходцы изъ различныхъ областей Имперіи. Смѣшанность эта своеобразно отражается на говорѣ, обрядахъ и бытѣ населенія. Однако, всюду подмѣчается общее явленіе: племенная разнохарактерность населенія сглаживается. Вездѣ „хохлы" ассимилируются съ великоруссами, утрачивая особенности своего нарѣчія и національныя черты, при чемъ эта ассимиляція совершается довольно легко и естественно. Школа и государственный языкъ всюду дѣлаютъ свое дѣло. Сами малороссы охотно входятъ въ общеніе съ великороссами, усваиваютъ ихъ языкъ и обычаи жизни.

Ахтубинская долина интересна и по историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ нею. Многочисленные курганы этой мѣстности, еще не изслѣдованные должнымъ образомъ, свидѣтельствуютъ о пребываніи въ этихъ мѣстахъ татаръ др. племенъ Азіи. Центральный пунктъ мѣстности, г. Царевъ, по преданію стоитъ на мѣстѣ знаменитаго нѣкогда Сарая, столицы хановъ Золотой орды. Въ царевской равнинѣ курганы особенно многочисленны.

Жители находятъ въ нихъ различныя мелкія вещи, монеты и во множествѣ такъ называемый здѣсь „мамаевъ кирпичъ", это жженый камень въ видѣ квадратныхъ плитокъ, замѣчательной прочности. Въ недавнее еще время этого кирпича такъ было много, что не только царевскіе жители, но и крестьяне другихъ селъ употребляли на постройку или продавали на сторону. Все это указываетъ на то, что царевская равнина заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ ученыхъ. Тщательныя раскопки ея кургановъ дали бы, безъ сомнѣнія, хорошій историческій матеріалъ.

Въ заключеніе докладчикъ привелъ нѣсколько образцовъ народной словесности: разсказы о кладахъ, зарытыхъ въ курганахъ, киргизское преданіе о возникновеніи Ахтубы, нѣсколько бытовыхъ и историческихъ пѣсенъ и пр.

1 марта состоялось сообщеніе *О. И. Іона*—„Султанатъ Сіакъ и его обитатели". Изъ поѣздки на островъ Суматру въ 1907 г. Программа: Султанатъ Сіакъ. Географическій обзоръ. — Управленіе — Исторія. — Сіакскіе малайцы и китайцы. — Экономическое положеніе. —Промыслы. — Хлѣбоводство и скотоводство.—Кампонги (деревни).— Городъ Сіакъ-сри-Индрапура. — Литература о странѣ и научныя экспедиціи. — Маршрутъ поѣздки въ 1907 г. — Племя Орангъ-Акетъ: Кампонги. — Промыслы. — Оружіе. — „Bekinobat". — Племя Орангъ-Батинъ: Легенда о ихъ происхожденіи. — Численность. — Характеристика типа. — Болѣзни — Одежда. — Кампонги и постройки. — домашняя утварь и принадлежности обихода. —Питаніе. — Хлѣбоводство. — Промыслы. — Оружіе. — Нравы и обычаи. — Заключеніе. — (Были показаны діапозитивы).

Въ засѣданіи 21 марта были сдѣланы два сообщенія:

1) сообщеніе *Б. Ф. Михайлова* „Русскія военныя поселенія Тифлисской губ. Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ“.

Время и условія возникновенія поселеній. Южное предгорье Дагестана и его населеніе. Количественный, племенной и религіозный составъ русскихъ поселеній. Общія черты матеріальнаго быта. Занятія и промыслы. Мѣстный русскій говоръ. Элементы народнаго творчества: пѣсня, музыка, искусство. Суевѣрія. Элементы безсознательной народной памяти. Слѣдствія отношеній русской и инородческой среды. Ассимиляція. Антагонизмъ. Выводы.

2) Сообщеніе *А. А. Миллера* „Черноморское побережье Кавказа“. Историческое прошлое побережья. Памятники старины: крѣпости, храмы, пещеры, дольмены, древнія погребенія. Результаты раскопокъ. Абхазія и абхазцы. Постройки и утварь. Бытъ и вѣрованія. Жертвоприношенія, культъ кузницы, леченіе болѣзней. Священная гора Дудрюпшъ. Роль музыки въ быту. Музыкальные инструменты.—Во время сообщенія были показаны нѣкоторые предметы изъ собранныхъ коллекцій.

Русскія военныя поселенія Тифлисской губ. возникли въ концѣ 30-хъ г.г. на мѣстахъ стоянки военныхъ частей и образовались изъ семей нижнихъ чиновъ. Одна часть поселеній расположилась по лезгинской линіи, гдѣ до сихъ поръ остались поселки: Сацхенисы, Лагодехи, Михайловка и Царскіе Колодцы. Поселенія долго выдерживали на себѣ всѣ ужасы кавказской войны и въ продолженіи 65 лѣтъ находились подъ вліяніемъ чуждой инородческой и естественной среды южнаго предгорія Дагестана. Названныя поселенія содержатъ до 210 дворовъ при 1.500—2.000 душъ обоего пола. Населенія надо причислить къ великоруссамъ. Исповѣдуютъ православіе. Села въ большинствѣ лежатъ среди лѣсовъ. Постройки представляютъ изъ себя смѣсь русскаго и грузинскаго образцовъ. Въ домашнемъ обиходѣ много заимствованій изъ обиходовъ грузинскаго и лезгинскаго. Особенно сильно сказалось грузинское и лезгинское вліяніе на костюмѣ, который во многихъ мѣстахъ уже утерялъ русскія особенности. Въ области питанія сказывается преобладаніе мѣстныхъ инородческихъ блюдъ, хотя и русскія довольно обыкновенны. Населеніе занимается отчасти хлѣбопашествомъ, но сильно распространены занятія табаководствомъ и садоводствомъ. Изъ промысловъ можно указать на охотничій, пчелиный и рыбный. Первые два ведутся своеобразно: 1-ый производится артелью („чаемъ“), а второй характеренъ тѣмъ, что ведется въ лѣсу (на дикихъ пчелъ). Занятія эти и промыслы даютъ населенію средній достатокъ. Изъ заимствованій въ области языка можно указать на 1) усвоеніе русскими грузинскаго произношенія и 2) усвоеніе многихъ туземныхъ терминовъ-словъ. Область мѣстныхъ духовныхъ переживаній характерна въ проявленіяхъ мѣстнаго творчества. Къ нему, какъ элементы, надо отнести историческую пѣсню, музыку и своеобразный способъ охотничьяго письма на деревѣ. Область вѣрованій получила въ русской средѣ особый отпечатокъ подъ вліяніемъ мусульманскаго культа „шайтана“. Иногда можно наблюдать безсознательныя упоминанія о глубокой старинѣ,

относящейся къ XIV и XV в.в., которыя сохранились въ пословицахъ. Общее давленіе инородческой среды на русскую массу выражается двояко: 1) грузинское единовѣрное населеніе взаимно ассимилируется съ русскимъ, отношенія между тѣми и другими мирныя; 2) мусульманское же населеніе не остыло враждой къ русскимъ и нерѣдко въ обоюдообостренныхъ отношеніяхъ встрѣчаются кровавыя расправы. Такъ, находясь въ характерной обстановкѣ и подъ особыми вліяніями, мѣстное русское населеніе представляетъ интересъ и съ этнографической и съ исторической стороны, но до сихъ поръ еще не обслѣдовано.

Археологическій и этнографическій очеркъ Черноморскаго побережья.

Сообщеніе *А. А. Миллера* въ Этнограф. Отдѣл. Импер. Геогр. Общ. 21 марта 1908 г. [1])

Черноморское побережье дѣлится въ топографическомъ и климатическомъ отношеніи на двѣ части: сѣверную — отъ Новороссійска до Сочи и южную — отъ Сочи къ Сухуму и далѣе. Сѣверная часть холмиста, доступна холоднымъ сѣверо-вост. вѣтрамъ. Южная часть отличается гораздо болѣе теплымъ климатомъ. Отъ Гагръ горы постепенно отходятъ отъ берега и ровная береговая полоса постепенно увеличивается къ югу. Такое дѣленіе, естественное, вполнѣ соотвѣтствуетъ и извѣстной разницѣ въ этническомъ и археологическихъ отношеніяхъ обѣихъ частей побережья.

Южная часть, древняя Колхида, колонизована была греками въ глубокой древности. Торговыя факторія скоро развились въ цвѣтущіе города: Фазисъ, Тіеносъ, Діоскуріасъ, Питіусъ и друг. Торговля велась мѣновая и международная. По свидѣтельству многихъ греческихъ писателей въ Діоскуріи сходилось болѣе ста различныхъ народностей, приходили „даже фтирофаги“ за солью...

Греки вывозили лѣсъ, хлѣбъ. Въ V в. до Р. Х. Аѳины получили отъ гор. Діоскуріи привилегію вывозить хлѣбъ безъ пошлины и грузить свои корабли первыми.

Существенный ударъ этимъ колоніямъ нанесенъ былъ опустошительной войной Митридата съ Римомъ, Діоскурія сильно пала и извѣстна намъ въ дальнѣйшемъ періодѣ своей исторіи подъ именемъ Севастополиса. Однако, крупная роль международныхъ торговыхъ центровъ была утрачена колоніями надолго. Многія изъ нихъ были разорены во время продолжительныхъ войнъ Кавада съ Юстиномъ и Хозроя съ Юстиніаномъ.

При Юстиніанѣ на побережьи, въ частности въ Абхазіи, построено было много храмовъ, отъ которыхъ остались многочисленныя развалины. Капитальный интересъ сводится къ отысканію древнихъ городовъ. Высказывалось предположеніе, что Сухумъ стоитъ на мѣстѣ Діоскуріи.

А. А. Миллеръ склоняется къ этому мнѣнію, какъ на основаніи косвенныхъ и прямыхъ указаній древнихъ писателей, такъ и своихъ личныхъ наблюденій. Отсутствіе развалинъ объясняется постепен-

---

[1]) Конспективное изложеніе сообщенія.

нымъ опусканіемъ берега. На мѣстѣ теперешняго Сухума можно видѣть пригородъ, вся же Діоскурія въ водѣ. Доказательства: обрывъ берега у моря представляетъ собой культурныя наслоенія разныхъ временъ, начиная отъ античнаго. Случайныхъ находокъ въ обвалѣ берега было не мало. Въ 1907 г. открытъ водопроводъ. „Старая крѣпость“ изъ булыжника на цементѣ построена на древнемъ основаніи, которое ясно видно. Стѣна отъ крѣпости исчезаетъ въ морѣ. Фактъ постепеннаго завоеванія берега моремъ — извѣстенъ всѣмъ жителямъ Сухума. Въ 6 в. отъ Сухума, у рѣки Келасуръ, начинается стѣна, идущая съ перерывами, вплоть до рѣки Ингура. У берега стѣна имѣетъ башню, на холмѣ тутъ же къ ней примыкаетъ укрѣпленіе овальной формы, съ однимъ входомъ. Возможно, что это древняя Трахея, извѣстная по описанію Прокопія войнъ Хозроя съ Юстиніаномъ.

Неглубокая раскопка башни дала типичную культуру: обломки поливныхъ съ узоромъ сосудовъ, не мѣстной работы.

Въ 35 вер. отъ Сухума, въ горахъ, въ мѣстности, называемой Цебельда, на предгорьѣ горы Адаго, круто спускающемся къ р. Кодоръ, А. А. Миллеромъ открыты были развалины древней крѣпости. Крѣпость состояла изъ стѣнъ, башни съ окномъ, фундаментовъ построекъ, цистерны, подземнаго хода и двухъ (совершенно разрушенныхъ), храмовъ. Храмы раскопаны. Находки: фрески византійскаго стиля, каменная рѣзная капитель ранней поры, кадильница, кадильная цѣпь, обломки глиняной поливной и стеклянной расписной посуды.

Въ этой крѣпости докладчикъ видитъ древній Тцибилумъ, извѣстный по описанію войнъ Хозроя съ Юстіаниномъ. Въ данномъ случаѣ совпадаетъ и мѣсто, и названіе: Тцибилумъ — Цебельда.

Древнихъ погребеній въ южной части побережья мы не видимъ, по крайней мѣрѣ туземныхъ. Причина: мѣстность эта была со временъ глубокой древности населена абхазцами (апсилы, абаски), которые умершихъ не предавали землѣ. (Свид. древн. писателей и грузинскаго царевича Вахушта). Сѣверная часть побережья имѣетъ иной археологическій характеръ. Развалины храмовъ рѣдки. Появляются дольмены. Типичный дольменъ — изъ четырехъ плитъ, перекрытый пятой. Постепенно этотъ типъ переходитъ въ дольменъ цѣликомъ высѣченный въ скалѣ, сохраняя однако снаружи форму составного. Близъ Туапсе дольменъ, высѣченный изъ скалы, накрытъ плитой. На р. Годликъ — дольменъ цѣликомъ высѣченъ изъ скалы.

Древнія погребенія не рѣдки. Погребенія плоскія древнѣе курганныхъ.

При изслѣдованіи могильника близъ сел. Карповки (Агой), были вскрыты 24 погребенія. Время — 6—7 вѣкъ по Р. Х. Культура: мечи, кинжалы, ожерелья сердоликовыя, янтарныя пасты, бронзовые браслеты, серебряныя серьги, серебряныя прорѣзныя бляшки, типичныя для того времени. Встрѣтились погребенія безъ насыпей и болѣе поздняго времени: появляется въ могилахъ камень. Культура: удила, сабли, серебряныя дутыя пугозицы, громадныхъ размѣровъ наконечники копій (рогатины). Черкесскіе курганы съ камнемъ. Обычай насыпать курганы сохранялся черкесами очень долго,

вплоть до огнестрѣльнаго оружія и магометанства. Изслѣдованы развалины древней крѣпости въ Дузу-Калэ. Южная часть побережья населена абхазцами, древнимъ народомъ. Несмотря на греческія и византійскія колоніи и международную торговлю по побережью, абхазцы остались въ сторонѣ и, не поддавшись, видимо, никакому иноземному вліянію, сохранили до нашихъ дней въ своемъ быту слѣды глубокой старины. Въ послѣднее время, впрочемъ, южная часть Абхазіи (Самурзаканъ) подверглась сильному культурному вліянію мингрельцевъ. Въ участкахъ же Кодорскомъ и Гудаутскомъ абхазцы сохранили вполнѣ свои обычаи и, даже, языческія вѣрованія. Живутъ абхазцы разбросанно, отдѣльными дворами. Дворъ окружается заборомъ. Жилой домъ трехъ типовъ: 1) круглая, плетеная хижина, крытая конической крышей изъ папоротника или кукурузной соломы. Этотъ типъ зданія—старый. Теперь, въ дальнѣйшей эволюціи жилища, онъ отходитъ подъ кухню и замѣняется 2) четырехугольной плетеной хижиной съ четырехскатной соломенной крышей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ жилищѣ нѣтъ ни трубы, ни оконъ. 3) Деревянный домъ съ окнами, на сваяхъ. Распространился лишь въ послѣднее время, главнымъ образомъ, среди князей. Плотники, строящіе такіе дома—рачиницы, мингрельцы или турки. Обстановка простая: низенькіе скамьи и столы. Утварь деревянная. Глиняная посуда покупается въ мѣстечкахъ у мингрельскихъ гончаровъ. Употребляются черпаки и сосуды изъ тыквъ.

Религіозныя вѣрованія абхазцевъ.

Богъ—творецъ вселенной „Анчьва“. Ему молятся и приносятъ жертвы (и христіане).

Существуетъ хоралъ-молитва, съ повторяющейся фразой: „О, ты, который съ громомъ спускаешься на землю и съ молніей восходишь на небо, ты, которому извѣстно число песчинокъ на днѣ морскомъ“... и т. д. Кончается восклицаніемъ „ах дау“ (великій Боже). „Анчьва“ приносятъ жертвы во время бездождія. Жертвы—общественныя, по приговору сельскихъ сходовъ. Собираются у рѣки, иногда служитъ молебенъ православный священникъ, затѣмъ старикъ, держа веревку, къ которой привязанъ быкъ, обращается къ Богу съ молитвой. Быка рѣжутъ и варятъ. Надѣвъ на палочку кусокъ печенки и сердца, старикъ вторично обращается къ Богу съ молитвой, послѣ которой всѣ говорятъ „аминь“. На вышку изъ жердей кладутъ куски сердца, печени (жертвоприношеніе). Вареное мясо ѣдятъ на землѣ—на листьяхъ или плетенкахъ. Женщины въ пирѣ не принимаютъ участія.

Во время бездождія совершается и другая обрядность, въ которой нельзя не видѣть выродившагося человѣческаго жертвоприношенія. Теперь эту обрядность исполняютъ только дѣти. Чучело, одѣтое женщиной, несутъ къ рѣкѣ и топятъ. При этомъ бьютъ лягушекъ и поютъ: „Дзивово, Дзивово, дзарикуакуа мркылдыш [1]), царская дочь хочетъ пить, вина она не пьетъ, а ручейки такъ малы. Дай же хоть капельку, хоть капельку!“

---

[1]) Смыслъ этой фразы теперь уже утраченъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ процессія къ водѣ и потопленіе чучела совершались женщинами, одѣтыми въ праздничные костюмы. Чучело везли на ослѣ, покрытомъ бѣлымъ пологомъ.

Что это пережитокъ человѣческаго жертвоприношенія, ясно и изъ другихъ абхазскихъ повѣрій, напр., если идетъ сильный дождь— говорятъ: „кто-то утонулъ“. Во время сильной засухи въ Кодорскомъ участкѣ, абхазцы разрыли могилу персіянина и кости положили въ ручей.

Если утонетъ человѣкъ — то принято хоронить его душу. Душу „ловятъ“ въ бурдюкъ на берегу, выманивая ее изъ воды пѣніемъ и музыкой. Завязавъ бурдюкъ, душу везутъ на кладбище.

Богъ „Анчьва“, творецъ вселенной, создалъ другихъ боговъ для руководства дѣлами людей и различными явленіями природы.

„Аффы“ — богъ грома и молніи. Если молніей убьетъ быка — это считается посѣщеніемъ бога. Всѣ собираются вокругъ трупа, поютъ, танцуютъ. Хозяинъ быка приноситъ въ жертву Аффы другого быка и обращается къ Богу съ молитвой. Трупъ же убитаго молніей быка кладутъ на спеціально установленную вышку, гдѣ и оставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Любопытно, что такой же обычай практиковался еще недавно по отношенію къ человѣку, убитому молніей. Никто въ этомъ случаѣ не долженъ былъ плакать, но всѣ радовались „посѣщенію“ божества. Трупъ убитаго клали на вышку. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть пережитокъ древняго абхазскаго погребенія [1]).

„Шасшу-Абжныха“ — богъ ремеслъ, искусствъ. Мѣстомъ проявленія силы этого Божества считается кузница. Посредникомъ является кузнецъ. Кузнецъ совершаетъ со своей семьей молитву и жертвоприношеніе въ кузницѣ ежегодно подъ новый годъ. Не всѣ кузницы пользуются репутаціей святого мѣста. Извѣстность какой-нибудь кузницы часто переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; часто кузница развивается, потомки знаменитаго жреца уже не знаютъ этого ремесла, однако старшій въ родѣ продолжаетъ приносить жертвы и приводить къ присягѣ, пользуясь для этого маленькой моделью кузницы, которая нерѣдко состоитъ изъ горна (безъ мѣха), кусковъ шлака въ немъ и нѣсколькихъ металлическихъ предметовъ.

Кусокъ шлака изъ кузницы сохраняетъ въ себѣ божественную силу, если его перенести и въ иное мѣсто. Въ виноградныхъ садахъ часто вѣшаютъ шлакъ—предупрежденіе ворамъ, что „мѣсто свято“.

Въ случаѣ разногласій при тяжбахъ и въ другихъ случаяхъ — въ кузницѣ приводятъ къ присягѣ. Если присягавшій заболѣетъ — считается, что онъ ложно присягнулъ. Въ этомъ случаѣ приносится искупительная жертва съ молитвой.

Въ важныхъ же случаяхъ къ присягѣ приводятъ въ Илорскомъ храмѣ (Илор-ныха), Пицундскомъ (Лдзаа-ныха) или на Священной горѣ Дудрюпшъ. На верхушкѣ горы Дудрюпшъ есть развалины древняго византійскаго храма, истолковываемыя абхазцами какъ гробница Святого. На предгорьѣ — священное мѣсто, у котораго приносятъ жертвы и присягаютъ.

---

[1]) Умершихъ не предавали землѣ а вѣшали на деревья.

Въ рощѣ, у одного изъ деревъ можно видѣть старыя жертвы: сѣкиру съ арабской надписью золотомъ, шлемъ, ружье, металлическіе сосуды. Привиллегія привода къ присягѣ принадлежитъ дворянской фамиліи Чичба. Обычай приносить жертвы на деревьяхъ былъ очень распространенъ въ Абхазіи, судя по частымъ находкамъ металлическихъ предметовъ подъ деревьями. Этотъ же обычай существовалъ и у Черкесовъ. Онъ очень старъ. У Прокопія (De bello Persico), въ описаніи абхазцевъ, читаемъ:

„Эти варвары, даже до моего времени воздавали почитаніе рощамъ и лѣсамъ, по причинѣ своего грубаго невѣжества считая деревья за боговъ“.

Что касается частнаго случая, Св. горы Дудрюпшъ, то здѣсь мы имѣемъ превращеніе христіанскаго культа опять въ языческій. Вѣдь на вершинѣ горы — развалины древняго храма, по преданію гдѣ-то на горѣ и теперь есть икона Божьей Матери, наконецъ, самое названіе святого мѣста „Ан-кис-ныха-Дудрюпшъ“, въ переводѣ значитъ „Богородица, что на Дудрюпшѣ“.

„Ажве́пшя — Абн Инчьваху́“ — боги охоты. Передъ охотой приносятъ жертвы. Записана молитва со словъ дворянина Беслана Хварукія. Передъ началомъ облавы Хварукія взялъ въ руку нащипанную у собакъ шерсть и сказалъ: „Абн Инчьваху (богъ охоты), богъ Хварукіи (семейный богъ-покровитель), Ажве́пшя (святые), чтобы Бесланъ не осрамился, чтобы Бесланъ убилъ лучшаго кабана, чтобы всѣ мы съ радостью и большой добычей возвратились домой“. Послѣ молитвы шерсть собакъ брошена была въ огонь.

„Айтаръ“ — богъ скота. Пастухи приносятъ ему жертвы.

Есть богъ земледѣлія и друг. Вѣрятъ абхазцы, также, въ Русалокъ.

Музыка играетъ въ быту обрядовую роль. Есть національные инструменты: „ачерпанъ“, — дудка съ 3 голосными отверстіями, „апхерца“ — двухструнный (строй въ кварту), смычковый инструментъ и „аюма̀“ — родъ арфы съ 14 струнами.

Аюма̀ теперь исчезла. Въ прежнія времена на ней играли и аккомпанировали, воспѣвая геройскіе подвиги и войны.

„Апхерца“ — инструментъ общераспространенный. На этомъ инструментѣ играютъ, развлекая больныхъ[1]), на пирахъ и т. д. Поютъ во всѣхъ случаяхъ жизни опредѣленные хоралы: при рожденіи, свадьбѣ, на скачкахъ, при выниманіи пули у раненаго и т. д. Танцуютъ подъ аккомпаниментъ пѣнія.

Вообще Абхазія представляетъ собой неисчерпаемое поле для изслѣдователя, какъ въ смыслѣ археологическомъ, такъ и чисто этнографическомъ, представляя большой интересъ какъ своими памятниками, такъ и пережитками въ быту чертъ глубокой старины. Въ этихъ изслѣдованіяхъ цѣнной опорой можетъ служить древняя литература.

Во время сообщенія показаны были нѣкоторые предметы изъ собранной въ Абхазіи для Этногр. отдѣла Рус. Музея Императора Александра III коллекціи модели построекъ, утварь, оружіе и охотничьи принадлежности, музыкальные инструменты.

---

[1]) Нѣкоторыя болѣзни считаются посѣщеніемъ божества.

Наконецъ 26 марта состоялось соединенное засѣданіе Отдѣленія этнографіи и Статистики, на которомъ *И. С. Левитовъ* прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Бузо-гашишный вопросъ нашихъ окраинъ“.

Къ вопросу объ объякучиваніи русскихъ. Въ № 1 „Сибирскихъ Вопросовъ“ помѣщена небольшая замѣтка г. *В. Васильева*: „Угасшая русская культура на дальнемъ сѣверѣ“, подтверждающая лишній разъ давно уже констатированное явленіе объякучиванія русскаго элемента. Замѣтка касается судьбы русскихъ поселеній на Хатангѣ и Анабарѣ (Енис. губ.), гдѣ „русскій пришлый элементъ, имѣвшій когда-то большое культурное вліяніе на окружающія его инородческія племена, быстро идетъ по пути полнаго сліянія съ ними въ физическомъ типѣ, въ образѣ своей жизни, экономическомъ и духовномъ своемъ бытѣ, привычкахъ, навыкахъ, вплоть до потери родного, болѣе развитаго, богатаго языка; въ области религіозныхъ вѣрованій доходитъ до того, что выдѣляетъ изъ своей среды шамановъ; наконецъ, забрасываетъ свои селенія и разбредается въ тундру“ (стр. 33—34). Всѣ эти положенія авторъ иллюстрируетъ примѣрами изъ собственныхъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній. Необходимо оговорить, что, по свидѣтельству самого автора, о полной потерѣ родного языка не можетъ быть пока рѣчи, такъ какъ старики всѣ знаютъ болѣе или менѣе по-русски, и только „люди болѣе молодого возраста обнаруживаютъ полное незнаніе или говорятъ всего понѣскольку словъ“ (стр. 31). Спрашивая себя о причинахъ такого угасанія русскаго элемента и принесенной имъ въ инородческую среду культуры, авторъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, долженствующихъ помочь объясненію этого очень сложнаго явленія, слагавшагося, по справедливому мнѣнію автора, подъ перекрещивающимся вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ антропологическаго, этнографическаго и соціальнаго характера. „Экономическія ли причины, лежащія въ суровыхъ, непривычныхъ для коренного русскаго человѣка условіяхъ сѣвера съ его бродячими промыслами, изолированность ли края, отсутствіе путей сообщенія и связей съ культурнымъ міромъ, физическая и культурная слабость самого колонизаціоннаго элемента или незначительность его въ сравненіи съ болѣе компактной массой туземнаго населенія вліяли тутъ и явились причиною того, что стойкій, въ общемъ, колонизаціонный элементъ не могъ сохранить даже физическихъ чертъ своей высшей народности и подвергся нивеллирующему вліянію менѣе сильной расовой разновидности—якутовъ, наравнѣ съ ниже ихъ стоящими тунгусами, долганами и вымирающими самоѣдами? Во всякомъ случаѣ—заключаетъ г. *Васильевъ*—фактъ стоитъ передъ нами во всей своей поражающей наглядности“ (стр. 33).

Владимірская Архивная Комиссія за 7-й годъ существованія. Въ составѣ Комиссіи за 1905 годъ, по отчету, было 26 почетныхъ членовъ, 112 пожизненныхъ, 138 дѣйствительныхъ и 1 членъ-сотрудникъ,—всего 277 человѣкъ. Въ музей при Архивной Комиссіи за 1905 годъ поступило нѣсколько предметовъ изъ древностей церковныхъ и бытовыхъ, много различныхъ картинъ, фотографическихъ

снимковъ, портретовъ и пр.; въ нумизматическое отдѣленіе—мно монетъ, медалей и жетоновъ. Были переданы также и нѣкоторы вещи изъ ископаемыхъ, окаменѣлостей и пр. Приростъ библіоте за 1905 г. былъ также довольно значительный: за отчетный го поступилъ 1.041 томъ: вмѣстѣ съ прежними все количество кни въ библіотекѣ опредѣляется въ 14.334 тома. На приходѣ у Комисс было 3.310 р., а въ расходѣ 2.722 р. 64 коп.

С.-Петербургское Городское Присутствіе объ обществахъ и с браніяхъ разрѣшило регистрацію **Общества ревнителей Музе антропологіи и этнографіи** имени Петра Великаго („Рѣчь" 1908 отъ 3 апрѣля).

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII
годъ изданія
1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII
годъ изданія
1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія — отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Книжка 66

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

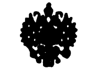
Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ II **Годъ XVII**

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.

1908.

НАСТОЯЩАЯ КНИЖКА

„Живой Старины“

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИГНАТІЮ ВИКЕНТЬЕВИЧУ

ЯГИЧУ.

(1838—1908).

ОТДѢЛЪ I.

Лингвистическія замѣтки по славянскимъ языкамъ.

1. русск. високосный.

Въ Извѣстіяхъ XII, 2, 224 я допустилъ, слѣдуя Matzenauer'y, Cizí slova 369 и Шишманову, Сб. народн. умотвор. IX 593, что слово високостъ, високосный изъ βίσεχτος получилось путемъ народно-осмыслительнаго сближенія съ кысокъ. Я долженъ сознаться, что и тогда эта этимологія мнѣ не казалась особенно убѣдительной, но тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ лучшей, я рѣшился включить ее въ свою статью. Тѣмъ болѣе пріятно мнѣ теперь предложить болѣе рѣшительное объясненіе. Дѣло въ томъ, что изъ лат. bissextus (о которомъ Körting[3] 167 и 168) заимствовано греч. книжное βίσεξτος, которое вслѣдствіе народнаго осмысленія въ сторону ἕχτος въ народномъ языкѣ получило форму βίσεχτος, (примѣры см. G. Meyer Ngr. St. III 15). Изъ этой послѣдней формы заимствовано румынск. visect (ошибочно Körting[3] 168), затѣмъ ср.-болг. висекто (см. Mi LP 64, Et. Wb. 392), русск. висектосъ, висектъ, (напр. Георг. Амарт. 134, см. Срезневскій I, 263), алб. visék (см. G. Meyer Alb, Wb. 473, вопреки мнѣнію котораго алб. bištek<bišect должно быть признано непосредственнымъ заимствованіемъ изъ лат. языка), малорусск. висектовый, см. Пискуновъ, Словарь малорусск. яз.[2] 36. Всѣ эти формы вполнѣ понятны и не нуждаются въ разъясненіи.

Вопреки обыкновенному положенію дѣлъ менѣе ясны русскія слова, заимствованныя изъ литературнаго βίσεξτος; къ нимъ я теперь и перехожу: древнѣйшей формой заимствованія изъ этого источника на русской почвѣ слѣдуетъ признать русскій високостъ. Эту форму мы находимъ въ Новг. Кормч. 1820 г.

p. 564, Псалт. 1296 г. (см. Срезневскій, I, 264) затѣмъ: Патр. Өеостирикт. 29; Бесѣдѣ о Царьградѣ, Сборн. отд. русск. яз. и слов. LI, 25 и др.,—значитъ безъ сомнѣнія въ эпоху, когда судьба глухихъ гласныхъ на русской почвѣ уже была рѣшена (см. Соболевскій Лекціи[4] 46 сл.). Разъ же дѣло обстоитъ такъ, то для установленія болѣе древней формы этого слова въ русскомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть къ комбинаціямъ: изъ греч. βίσεξτος согласно „законамъ заимствованій“ (о чемъ М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 201) должно было получиться *висєкъстъ. Послѣ измѣненія ъ, ь > о, е въ закрытыхъ слогахъ это слово должно было измѣниться въ *висекостъ, откуда прилагательное *висєкóстьный (<*висєкъстьнъ), откуда чрезъ ассимиляцію гласныхъ звуковъ (о чемъ Соболевскій Лекціи[4] 90 сл.)—високóстьный (примѣры см. Срезневскій, I, 264). Звукъ *т* въ такомъ положеніи долженъ былъ исчезнуть (см. Соболевскій Лекціи[4] 112 сл.); такимъ образомъ получилось современное високосный, а затѣмъ вновь образованное отъ него високóсъ (см. Даль I[3] 506).

2. Новообразованія отъ собирательныхъ на—ик.

Въ другомъ мѣстѣ (Извѣстія XII, 2, 215) я уже отмѣтилъ цѣлый рядъ славянскихъ заимствованій изъ греческаго языка, изъ которыхъ можно заключить о широкомъ распространеніи на почвѣ средне-греческаго языка такъ назв. augmentativa на—*α*, образованныхъ вновь отъ уменьшительныхъ образованій на—ι(ον). При помощи этого явленія, дѣйствительно, устраняется цѣлый рядъ затрудненій, возникавшихъ при обсужденіи заимствованій, и я, въ общемъ, не вижу необходимости отказываться отъ своихъ объясненій[1]). За то необходимо обратить вниманіе на нѣсколько заимствованій, которыя не объясняются изъ ряда аугментативныхъ образованій на—*α*; сюда относятся напр. русск. лєнта, мантa и др. Сочетаніе *нт* въ этихъ словахъ заставляетъ думать, что они заимствованы книжнымъ путемъ,—несмотря на то, что они продолжаютъ существовать въ живыхъ говорахъ,—ибо народное ихъ заимствованіе

---

[1]) Только слово кревато (с. I.) я прямо объясняю теперь изъ κρέββατον, которое въ новогреч. языкѣ сохранилось въ сложныхъ именахъ ἀποκρέββατο, Amorgos, Μηλιαράκης 25, σακκοκρέββατο, Rochudi (см. Morosi, Arch. Glott. IV, 1) и проч. см., Thumb JF II 85.

изъ греческаго языка заставило бы ожидать по крайней мѣрѣ формы въ родѣ *ленда, *манда[1]). Дѣйствительно, лента имѣется въ малорусскомъ языкѣ (см. Żelechowski, 401), затѣмъ въ великорусскомъ языкѣ въ значеніи: 1) „тесьма, тканая полоса для женскихъ нарядовъ"; 2) „полоса молодого сочнаго луба, продаваемаго въ этомъ видѣ;" 3) „головная повязка", см. Даль II³ 627. Не смотря на отсутствіе въ памятникахъ, слово въ этомъ видѣ существуетъ уже давно; на это указываетъ тотъ фактъ, что изъ русскаго языка оно попало въ финскій, о чемъ свидѣтельствуетъ олон., карельск. lentta 1) „ремень" 2) „рана", финск. lintti „шелковая лента", вотяцк. lintti, эстонск. lint „лента", см. Mikkola Berührungen 39, а изъ карельскаго діалекта снова заимствовано въ русскій языкъ въ видѣ лента „рана", напр. въ выраженіи: „далъ ленту, попала лента" (о нанесеніи удара, раны или побоевъ), Новгор. Черепов., Живая Старина III, 3, 384 см. Погодинъ, Извѣстія XII, 3, 336 сл.— Обращаясь къ памятникамъ, мы поражены отсутствіемъ въ нихъ слова лѣнта; за то здѣсь мы находимъ лѣнтие „полотенце" (изъ старославянскихъ памятниковъ сравни: Zograph. 162, Marianus 371, 15, рядомъ съ лѣнтии, кот. напр. въ Marian. 371, 11; Suprasl, 456, 19; Остром. Ев. Io. XIII, 4) встрѣчающееся также въ значеніи „поясъ", Новгор. тріодь XIII в. 96, Проскин. Арсенія Суханова 69 и др.[2]) Это слово совершенно точно объясняется изъ λέντιον (о чемъ Извѣстія XII, 2, 252).

Какъ и въ этомъ случаѣ, совершенно ясна вторичность образованія слова манта. Это слово въ памятникахъ нами не отмѣчено; за то мы встрѣтили слово манътка, Кирилл. Туровск., о черн. чин. 112, 114, откуда фонетически „правильно": мáнотка>мáнатка (см. Срезневскій I 111 сл.)[3]) и чрезъ перенесеніе ударенія: манáтка „рубашка" Бѣлорусск. гов. см. Извѣстія II, 347; IV 289. Прототипомъ слова манътка слѣдуетъ признать слово *манта. Рядомъ съ нимъ встрѣчается манътьи > манотья, Ипатск. Лѣт. 255 (см. Р. Ф. В. XLII, 104). Изъ манотья́ опять чрезъ ассимиляцію получилось манатья́ (см. Соболевскій, Русск. заимств. слова 83 и 92), манатя́ „бѣлье", малорусск., Кіевск. Старина XXVI 706; манатья́

[1]) Въ виду измѣненія nt>nd на греческой почвѣ, см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 214.

[2]) Срезневскій II 17 приводитъ слишкомъ мало примѣровъ, при чемъ не раздѣляетъ значеній: „поясъ" и „полотенце".

[3]) Получившееся путемъ ассимиляціи гласныхъ (о чемъ Соболевскій Лекціи⁴ 90 сл.).

„мантія“, Нижегородск., Кирѣевскій, Русск. нар. пѣсни IV 87, „старая поношенная одежда“, Шенкурск., Архангельск., Подвысоцкій 87. Изъ русск. **манатка** заимствовано польск. **manatki** „всякая старая одежда, рухлядь“, русское же слово восходитъ, какъ уже замѣчено, чрезъ посредство **манта** къ гр. μαντίον, книжной формѣ народнаго μανδύ: μανδύας, откуда ст.-сл. манъдиꙗ (см. Извѣстія XII, 2, 255). Написаніе—ντ—здѣсь оправдывается контаминаціей на греческой почвѣ словъ μαντίλι, μανδύ и (ἱ)μάντι(ον) (о первомъ см. G. Meyer, Ngr. St. III 42) [1]).—Послѣ этого сопоставленія матеріала, я перехожу къ объясненію формъ **лента** и **манта**. Примѣры изъ памятниковъ и фонетическіе признаки показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ **книжными** заимствованіями, проникшими въ народный языкъ. Разъ дѣло обстоитъ такъ, то греч. λέντιον, заимствованное въ литературной формѣ, должно было дать ленътиѥ, а греч. μαντίον—*манътиѥ, но въ такомъ видѣ эти слова стали очень похожи на славянскія collectiva въ родѣ вѣтвиѥ, кориниѥ etc. (о кот. Vondrák, Vgl. slav. Gramm. I 404). Такимъ образомъ „греческое“ окончаніе—иѥ стало восприниматься какъ морфема коллективная и въ виду такихъ отношеній какъ ст.-слав. оса: осиѥ, лоза: лозиѥ, разга (Marian. 378, 3;): раждиѥ (Marian. 378, 12), розга (Savv. Kn. 27; 102в;): рождиѥ (Savv. 27в; 102в; 133в), рыба: рыбиѥ, вѣꙗ (см. Miklošić, Lex. Palaeosl. 123): вѣиѥ (Cod. Supr. 402, 30; 403, 1;) и проч.,—къ законно образовавшимся, мнимо-коллективнымъ ленътиѥ, манътиѥ были образованы мнимые прототипы въ видѣ: **ленъта**, **манъта**. Остается объяснить слово манътиꙗ, имѣющееся напр. у Пахомія Логоѳета, Жит. св. Алексѣя 190, Кирилл. Туровск. о черн. чин. 110, 112 и проч. (см. еще Срезневскій II 110). Его можно было бы объяснить изъ греч. nom. pl. μαντία, но въ такомъ случаѣ мы не могли бы понять формы **манътка**, ибо, въ виду **скамья**: **скамейка**, **статья**: **статейка** въ ***мантья**, слѣдовало бы въ современномъ языкѣ ожидать: ***мантейка**, очевидно изъ ***манътьйка**. Такъ какъ памятники говорятъ въ пользу **манътка**, а слѣдовательно и **манъта** (о кот. см. еще Miklošić, Denkschr. Wien. Ak. XV 109), происхожденіе котораго мы выяснили, то остается манътиꙗ признать новообразованіемъ. Объясненіе его просто: въ виду существованія отношеній въ родѣ вѣꙗ: вѣиѥ къ закон-

[1]) При чемъ ἱμάντιον „vestis“ получилось изъ ἱμάτιον id. опять чрезъ контаминацію съ другимъ ἱμάντιον: ἱμάς,-ντος „ремень“.

вому манътиѥ было вновь образовано слово манътиꙗ, что привело, какъ мы видимъ теперь, къ исчезновенію первоначальнаго *манъта въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ (неточно Горяевъ 201, Miklošić, Et. Wb. 183).—Обратное явленіе, образованіе на почвѣ старославянскаго языка новыхъ collectiva, въ силу отношеній въ родѣ джбъ: джбиѥ — съ одной, и вѣиꙗ: вѣиѥ, лоза: лозиѥ съ другой стороны, мы видимъ въ ст.-сл. пѧнътикостиѥ (Fragm. Prag. 18): пенътикостиꙗ (Savv. Kn. 29, 30; см. Извѣстія XII, 2, 271), подрѹмиѥ (см. Miklošić, Lex. Palaeoslov. 596): подрѹмъ изъ ὑπόδρομος, см. Извѣстія XII, 2, 266; наконецъ, въ сербск. *трсје*: *трс* = тръсъ, о которомъ Извѣстія XII, 2, 283.

3. Мнимое измѣненіе č > c въ болгарскомъ языкѣ.

Miletič, Das Ostbulgarische 91 въ описаніе восточно-болгарскихъ говоровъ внесъ особый отдѣлъ о „мѣнѣ č и c". Къ сожалѣнію фонетическій „законъ" у него устанавливается на основаніи одного только примѣра: čuvał, и поэтому не выдерживаетъ критики. Чтобы опровергнуть его мнѣніе, необходимо принять во вниманіе этимологію слова чувáл: оно восходитъ, какъ заимствованіе, къ персидско-тур. džuval „Sack aus grober Leinwand", откуда заимствовано также курдск. čuval, džuhal, греч. τσουβάλι (см. Miklošić, Denkschr. Wien. Ak. XXXIV, 280). Именно въ такой формѣ слово попало въ болгарскій языкъ, гдѣ „почти всюду" (см. Miletič c. l.) встрѣчается човáл „мѣшокъ, обыкновенно изъ козьей шерсти", см. Дювернуа 2562; Геровъ V, 558, затѣмъ въ русск. чувáлъ „шерстяная обшивка", 2) „очелье съ трубой, кожухъ съ частью трубы", см. Даль IV², 629, м.-русск. „мѣшокъ", Želechowski 1078, „широкій нагайскій шерстяной мѣшокъ", Терск., Сборникъ Ак. Наукъ LXXI, 108 сл.; „мѣшокъ изъ грубаго холста", Терск., РФВ XLIV, 112, и пр., наконецъ, въ греческій языкъ, въ формѣ τσαβάλι, встрѣчающейся уже у Сахлиниса, Ἀφήγησις παράξενος v. 343, см. Пападимитріу, Лѣтопись Ист.-фил. общ. Нвр. Унив. VI, 159, ζιβάλι, Калабрія, Pellegrini 127, τσούβαλον, см. Ducange 1572, τσουβάλι „Sack aus grober Leinwand", напр., Astypalaia, Pio 100; Syme, Sporades, Δελτίον VI, 348, сѣв.-греч. cvál' „idem", Kretschmer, Lesb. Dial. 86, при чемъ имѣются и derivata этого слова въ ново-греческихъ говорахъ, напр. τσουβαλάρι > augmentativum

τσουβαλάρα, Astypalaia, Pio 136. Если теперь въ нѣкоторыхъ изъ восточно-болгарскихъ о-діалектовъ, напр. у гръцоевъ отъ Шумна-Провадіи до Рущука и Бялы встрѣчается форма cuvál', то эта послѣдняя должна быть признана заимствованной изъ греч. τσουβάλι, на что, кромѣ начальнаго *c*, указываетъ и конечное l', необъяснимое, если предположить, что слово заимствовано изъ турецкаго языка.

Кромѣ этого неудачнаго примѣра, Miletič c. l. 91 указываетъ еще на слово zakàcv$^{a}_{\circ}$m < zakačv$^{a}_{\circ}$m (c. l. 91), но здѣсь, какъ и въ цитованномъ тамъ же svъ́rzъt < svъ́ržъt, имѣются другія условія: присутствіе въ началѣ словъ „свистящаго“ звука повліяло на слѣдующій „шипящій“ ассимилирующимъ образомъ и отсюда лишь звукъ z, c перенесенъ на другіе случаи, гдѣ нѣтъ „свистящаго“ въ началѣ слова, какъ напр., vъ́rzъt, n$^{a}_{\circ}$k$^{a}_{\circ}$cił и пр. — Въ словѣ obličam, наконецъ, Miletič 91 склоненъ видѣть „обратное“ измѣненіе c > č, ссылаясь на существованіе ст.-сл. облѣцáти : облѣшти. Но здѣсь č появилось уже по психологическимъ причинамъ, подъ вліяніемъ словъ въ родѣ облѣчение.

4. Лошадь.

Слово лошадь давно уже признано турецкимъ заимствованіемъ въ русскомъ языкѣ, см. Меліоранскій, Извѣстія X, 4, 122 сл., Коршъ, Извѣстія VIII, 4, 45, Arch. sl. Phil. VIII, 648, Miklošić, Türk. Elem. I, 245. Karłowicz, Słownik wyrazów 335. Какъ его источникъ указывается турецк. alaša. Затрудненія фонетическаго характера, возникающія при такомъ сопоставленіи до сихъ поръ еще не рѣшены и это обстоятельство заставляетъ меня снова затронуть вопросъ объ этимологіи слова лошадь. Если начальный гласный *a* турецкаго слова не сохранился въ русскомъ заимствованіи, то это не должно насъ удивлять: Меліоранскій c. l. приводитъ цѣлый рядъ случаевъ исчезновенія начальнаго *a* въ Sandhi на русской почвѣ, напр., лачуга, лафá; что это явленіе на русской почвѣ было болѣе распространено, чѣмъ это принято думать, мы постараемся въ ближайшемъ будущемъ доказать въ этомъ же журналѣ. Перейдемъ къ главному затрудненію, связанному съ этимологіей разбираемаго нами слова, — окончанію — адь. Какъ показываютъ примѣры изъ памятниковъ, форму лошадь слѣдуетъ считать сравнительно новой: Коршъ, Archiv VIII, 648 ссылается на лѣтописное: лошата и волы

(Лѣтоп. II, 227; 1305 г.) и на этомъ основаніи предполагаетъ первоначальное русское лоша. Такимъ образомъ онъ значительно подвинулъ впередъ рѣшеніе этого вопроса: извѣстно, что въ эпоху послѣ исчезновенія въ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ, имѣлось склоненіе въ родѣ: *осля*, *ослятu* изъ осла, ослати; подъ него попало заимствованное лоша, къ которому былъ созданъ gen. sing. лошати по образцу ослѧ : ослѧти. Что это *фактъ*, а не *гипотеза*, какъ можно было бы подумать на основаніи замѣчаній Брандта, РФВ XVIII, 34 сл., Miklošič'а, Denkschriften XV, 106, XXXIV, 245, показываетъ современное малорусск. *лошá*, *лошáти*, см. Želechowski 414.—Послѣ того, какъ въ великорусскомъ языкѣ склоненіе основъ на t-подверглось вліянію основъ вокальныхъ, должны были исчезнуть и формы nom. sing. *осля*, *лоша*, *порося*. Изъ нихъ *лоша*, въ виду того, что среднеязычное произношеніе *ш* въ позднѣйшій періодъ исторіи русскаго языка было невозможно (см. Соболевскій Лекціи[4] 136 сл.) стояло нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ именъ съ первоначальной морфемой—ęt- > at- (о кот. Vondrák Vgl. Gr. I, 493) и поэтому не удивительно, что оно, послѣ утраты этихъ склоненій, было замѣнено иначе, чѣмъ напр., осля, порося, жеребя. Въ то время, какъ отъ послѣднихъ сохранились deminutiva поросенокъ, жеребенокъ etc. (см. Карскій, РФВ XXII, 179 сл.), отъ осля сохранилось ожидаемое въ виду морфологическихъ измѣненій ослять; изъ лоша, по тѣмъ же соображеніямъ, должно было получиться *лошать. Но извѣстно, что послѣ X вѣка конечные гласные ъ и ь уже не существовали въ велико-русскомъ языкѣ (см. Соболевскій Лекціи[4] 46 сл.), слѣдствіемъ чего было измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ въ соотвѣтствующіе глухіе. Такъ установились отношенія въ родѣ drúk : drúga, ráp : rabá и проч., сохранившіяся до настоящаго времени (Соболевскій с. l. 119 сл.). Это привело къ тому, что по аналогіи съ drúk : drúga къ слову stołp сталъ образовываться gen. s. stołbá, и наоборотъ, по аналогіи bók : bóka появился gen. s. t'etrat'i къ nom. sing. t'etrat' (gen. тетрáти, напр. въ Чудесахъ преп. Сергія 75, затѣмъ въ памятникѣ Св. Аѳонская гора и Соловецкій монастырь 67; loc. pl. тетратехъ Чуд. св. Сергія 131 и проч.). Точно также въ русскомъ языкѣ получилось *тормосъ* > *тóрмозъ*, изъ греч. τόρμος, *дисакъ* > *дисагъ* изъ греч. δισάκκι(ον), напротивъ игъдь > игодь > иготь, изъ греч. ἴγδι(ον) и т. п.

Эти факты проливаютъ свѣтъ на образованіе лошадь изъ лошать: первое изъ второго получилось точно такимъ же путемъ, какъ, напр. слово *мезгъ* получилось изъ *мескъ* (см. M. Vasmer, Festschrift f. Jagić 277).—Такое объясненіе я предпочитаю общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, что слово *лошадь* представляетъ изъ себя имя собирательное, превратившееся позже въ „имя единичности" (такъ Miklošić, Türk. El. I, 245, Меліоранскій, Извѣстія X, 4, 123, Брандтъ, РФВ XVIII, 34 сл.). Вѣдь въ русскомъ языкѣ отсутствуютъ образованія, въ родѣ сербск. ждр̏ебад, т̏еља̑д и проч.

Наконецъ, необходимо объяснить форму лоша́къ: это—новообразованіе къ слову лоша, по аналогіи слова иша́къ < < ešek (см. Schrader Reall. 205).

5. Слонъ.

Въ большинствѣ славянскихъ языковъ, какъ извѣстно, распространено одно и то же названіе слона: ст.-слав. слонъ „elephas" (засвидѣтельствованное Miklošić'емъ, Lex. Pal. 858 изъ средне-болгарскихъ памятниковъ) русс. *слонъ*, польск. лужицк., малорусск. *слонь*. Отсюда безъ сомнѣнія заимствовано литовск. slanas (см. Miklošić, Et. Wb. 308); но этимологія славянскихъ словъ до сихъ поръ окончательно не выяснена. Schrader Reallexicon 180 sq. предполагаетъ связь слова слонъ съ др.-инд. çli-pada- „Elephantiasis", что сопряжено съ цѣлымъ рядомъ фонетическихъ затрудненій. Удачнѣе Štrekelj, Zur slavischen Lehnwk. 58 sq. считаетъ источникомъ нашего слова турецк. arslan „левъ". Со стороны значенія здѣсь нѣтъ никакихъ, на мой взглядъ, затрудненій: въ славянской языковой области какъ левъ, такъ и слонъ отсутствуютъ, поэтому перенесеніе названія одного изъ чудовищныхъ животныхъ на другое, столь же неизвѣстное,—не представляетъ ничего удивительнаго. Štrekelj c. l. уже припомнилъ по этому поводу готск. ulbandus, др.-в.-нѣм. olbento, откуда ст.-сл. вельбѫдъ „camelus"; здѣсь же необходимо имѣть въ виду, что др.-инд. úṣṭra—„буйволъ" въ болѣе позднее время имѣетъ значеніе „верблюдъ", а затѣмъ др.-прусск. weloblundis, заимствованное изъ славянскихъ языковъ (ст.-сл. вельбѫдъ), имѣетъ значеніе „мулъ" (см. еще Schrader Reall. 404 sq.). Фонетическія затрудненія, которыхъ не выяснилъ Štrekelj c. l., заставили самого его нерѣшительно высказать эту этимологію

и побудили нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ выразить сомнѣніе по этому поводу. Такъ Ильинскій, РФВ LVI 386 сл. замѣтилъ, что: „изъ турецк. arslan, не говоря уже о крайней натянутости значенія, начальное ars—турецкаго слова въ славянскихъ языкахъ должно было бы въ такомъ случаѣ раздѣлить судьбу праславянской группы—ort и—art“. Того же мнѣнія первоначально придерживался и я, хотя это мое сомнѣніе случайно (и—къ счастью, какъ вижу теперь) не проникло въ печать.—Между тѣмъ фонетическія затрудненія рѣшаются на турецкой почвѣ: уже Miklošić, Türkische Elemente I, 13, Nachtrag I, 6; II, 76, 188 сопоставляетъ заимствованныя изъ турецкихъ языковъ названія льва; съ одной стороны изъ arslan получилось сербск. arslan, словинск. oroslan, oroslanj, болг. arslan, arslanin, aršlan, raslanj, вотяцк. arislan, съ другой—изъ турецк. діалектич. aslan заимствованы: алб. aslan, новогреч. ἀσλάνι, болг. aslan, курдск. aslan, м.-рум. aslanu (см. также Rudow, Zeitschr. f. rom. Phil. XVII, 383). Форма съ исчезновеніемъ звука r на турецкой почвѣ довольно древняя: ее, напримѣръ, мы находимъ въ Cod. Cuman. 127: astlan. *Такимъ образомъ, на мой взглядъ, найденъ и источникъ нашего „слонъ“, въ турецк. aslan.* Štrekelj c. l. 59, причину передачи тур. *a* чрезъ слав. *o* видитъ въ неударяемости его въ косвенныхъ падежахъ, а также въ народноэтимологическомъ сближеніи этого слова съ глаголомъ слонити, слонѣти (см. также Брандтъ РФВ XXIV 180 сл.)[1]). Начальный же гласный *a* или *o* исчезъ уже на славянской почвѣ въ Sandhi, точно такъ же, какъ, напр. въ лачуга, лафа, лошадь и др. (см. Меліоранскій Извѣстія X, 4, 122 сл.).

М. Фасмеръ.

[1]) Только Брандтъ c. l. ошибочно видитъ въ указаніи Физіолога намекъ на дѣйствительное происхожденіе слова слонъ отъ глагола слонитисѧ. Приведенный у него отрывокъ имѣетъ только народно-этимологическое значеніе, чѣмъ оправдывается гласный звукъ *o* въ словѣ слонъ.

„Егорьевъ день“ въ Смоленской губерніи [1]).

Въ Вяземскомъ уѣздѣ, при первомъ выгонѣ скота въ поле въ день св. Егорія, хозяинъ беретъ икону, хлѣбъ-соль и со всей семьей обходитъ свой скотъ три раза, причемъ всѣ присутствующіе молятся Богу, обративши лицо на востокъ—просятъ св. Георгія Побѣдоносца сохранить ихъ скотину отъ всякихъ напастей. Какъ только скотину выгонятъ за ворота, многія старушки вывертываютъ шубу наружу шерстью, надѣваютъ въ такомъ видѣ шубу и становятся среди своего скота; у какой-нибудь коровы или овцы вырываютъ клочекъ шерсти и эту шерсть запираютъ замкомъ, чтобы волкъ не трогалъ скота.

Въ Порѣчскомъ и Краснинскомъ уѣздахъ въ каждомъ домѣ, предъ выгономъ скота, хозяинъ съ хозяйкой зажигаютъ передъ иконами „страстную“ свѣчу, столъ накрываютъ чистою скатертью, кладутъ на него цѣлый круглый хлѣбъ, ставятъ на столъ полную солонку соли и молятся Богу. Потомъ хозяинъ беретъ икону св. Георгія, страстную свѣчу, а хозяйка—хлѣбъ съ солью, и обходятъ на дворѣ кругомъ весь свой скотъ, приговаривая:

„Святой Ягорій батюшка, здаемъ на руки тябѣ свою скотинку и просимъ тябе—сохрани яе отъ звѣря лютаго, отъ человѣка лихого“.

Затѣмъ кладутъ на землю подъ ворота замокъ и ключъ: „чтобы пасть звѣриная была такъ крѣпко заперта, какъ запирается замокъ на ключъ“. А икону ставятъ надъ воротами и выгоняютъ скотъ на улицу, гдѣ пастухъ уже снова обходитъ всё стадо съ иконою Николая Чудотворца, также говоря: „о, святой Никола-батюшка, сдаю на поруки все стадо и прошу тебя—сохрани его отъ звѣря лютаго“. Послѣ этого всѣ гонятъ

[1]) Статья эта находится въ тѣсной связи съ статьей того-же автора въ 1 вып. нашего журнала за текущій годъ.

скотъ въ поле, имѣя въ рукахъ вербы; тамъ хозяйки даютъ пастуху и подпаскамъ сало и яйца, изъ которыхъ они приготовляютъ тутъ же, въ полѣ, яичницу. Когда яичница бываетъ готова, пастухъ назначаетъ, кому изъ его подпасковъ быть зайцемъ, кому—слѣпымъ, кому—хромымъ, кому—замкомъ и кому—колодой; разставляетъ ихъ всѣхъ кругомъ стада; послѣ этого беретъ приготовленную яичницу и идетъ съ нею, прежде спрашивая у зайца: „Заяцъ, заяцъ, горька ли осина?"

Заяцъ отвѣчаетъ: „Горька!"

— Дай Богъ, чтобы и наша скотинка для звѣря была горька.

Потомъ спрашиваетъ у слѣпого:

— „Слѣпой, слѣпой, видишь ли?"

Слѣпой отвѣчаетъ: „Не вижу".

— Дай Богъ, чтобъ и нашу скотинку не видала звѣринка.

Дальше спрашиваетъ у хромого:

— „Хромой, хромой, дойдешь ли?"

Хромой отвѣчаетъ:

— Не дойду.

— „Дай Богъ, чтобы и звѣринка не дошла до нашей скотинки".

Дальше спрашиваетъ у замка:

— „Замокъ, замокъ, разомкнешься ли?"

Замокъ отвѣчаетъ:

— Не разомкнусь.

— „Дай Богъ, чтобы и у звѣря не разомкнулись зубы для нашей скотинки".

И наконецъ спрашиваетъ у колоды:

— „Колода, колода, повернешься ли?"

Колода отвѣчаетъ:—Не повернусь!—

— „Дай Богъ, чтобы и звѣрь не повернулся къ нашей скотинкѣ".

Такимъ порядкомъ пастухъ обходитъ стадо три раза. Послѣ этого всѣ дѣйствующія лица содятся и съѣдаютъ яичницу, а затѣмъ, немного погодя, еще задолго до вечера, пастухъ гонитъ скотъ обратно въ деревню, гдѣ уже на улицѣ начинается пляска, какъ на Радоницѣ.

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ, при выгонѣ скота въ первый разъ въ поле, въ день св. Егорья, хозяинъ и хозяйка обходятъ въ хлѣвѣ скотъ съ иконою; потомъ въ ворота хлѣва кладутъ поясъ, сковороду, топоръ, замокъ и косу—и тогда, непремѣнно сами, выгоняютъ скотъ въ поле. При этомъ поясъ означаетъ, что скотина не будетъ отходить отъ дома, какъ поясъ не отходитъ

отъ тѣла хозяина; желѣзныя вещи означаютъ, что какъ желѣзо нельзя ѣсть, такъ и скотъ не можетъ съѣсть никакой звѣрь.

Прогнавши въ поле скотъ, каждая женщина бросаетъ на то мѣсто, докуда прогнала скотъ, свои прутья, которыми гнала скотъ и начинаетъ черезъ нихъ прыгать (не менѣе трехъ, пяти разъ) и старается прыгнуть какъ можно выше. Обычай прыгать черезъ прутья крестьяне объясняютъ двояко: одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы скотина всегда такъ прыгала, т. е. была всегда здорова и весела, а другіе говорятъ — для того, чтобы ленъ уродился лучше.

На Юрьевъ день женщины пьютъ водку на полѣ; одна у другой срываютъ платки съ головы, дергаютъ одна другую за волосы, приговаривая: „чтобъ у хозяина жито было рослое и густое, какъ волны".

Скотину выгоняютъ на зарѣ въ ржаное поле непремѣнно вербой, съ которой были въ церкви у заутрени Вербнаго воскресенья; но скотину не оставляютъ въ полѣ, а только перегоняютъ черезъ поле и гонятъ обратно домой.

Этимъ раннимъ выгономъ скотина поручается покровительству св. Георгія, который будто бы рано утромъ объѣзжаетъ поля — и ту скотину, которую застанетъ и увидитъ въ полѣ, бережетъ все лѣто отъ болѣзней и звѣрей. Послѣ обѣдни служатъ молебны на ржаномъ полѣ. При выгонѣ въ первый разъ пастухами скота, пастуховъ одѣляютъ выносами печеныхъ лепешекъ, яицъ, сала. Пастухъ выгоняетъ скотъ за околицу; обходя стадо кругомъ, молится на всѣ четыре стороны, кладетъ подъ межу край хлѣба и самъ постится весь день.

Въ Краснинскомъ уѣздѣ, въ полночь подъ Юрьевъ день, 23-го апрѣля, каждый конюшекъ, отправляющійся съ лошадьми на ночлегъ, беретъ съ собой кусокъ хлѣба и яйца и кладетъ всё это подъ межу, для того, чтобы лошади были сыты, полны, гладки тѣломъ и цѣлы отъ воровъ.

При выгонѣ въ первый разъ стада пастухами у крестьянъ деревни Линевки, Сычевской волости, Ельнинскаго уѣзда, соблюдается слѣдующій обычай: каждый хозяинъ дома предварительно выгоняетъ весь свой скотъ на дворъ, потомъ идетъ въ избу, зажигаетъ передъ иконою страстную свѣчу и съ своей семьей молится Богу. Послѣ этого снимаетъ икону и съ ней на дворѣ обходитъ три раза свой скотъ; затѣмъ икону вноситъ въ избу и ставитъ на прежнее мѣсто, и, наконецъ, хозяинъ съ хозяйкою гонятъ скотъ въ поле.

Когда выгонятъ изъ своей деревни скотъ въ поле, то всѣ

хозяева, хозяйки и пастухи собираются вмѣстѣ и передъ иконой, которую беретъ съ собою кто-либо изъ хозяевъ, молятся Богу. Потомъ пастухи становятся вокругъ стада, а всѣ остальные, т. е. хозяева и хозяйки, съ иконой обходятъ кругомъ всё стадо, при чемъ останавливаются четыре раза и, при каждой остановкѣ, стрѣлокъ, стоящій поодаль, стрѣляетъ изъ ружья. По окончаніи обхода, всѣ, кромѣ пастуховъ, возвращаются домой, а когда стадо возвратится домой, домохозяинъ кропитъ свой скотъ святой крещенской водой. Весь этотъ день проводятъ праздно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ельнинскаго уѣзда на Егорьевъ день хозяйки гонятъ свой скотъ на выгонъ, а одна изъ нихъ несетъ хлѣбъ-соль и образъ святого Георгія. Скотъ устанавливаютъ вокругъ и не даютъ ему расходиться въ разныя стороны. Каждая баба держитъ въ рукахъ вербу, освященную на Вербное воскресенье, и вѣничекъ, которымъ окропляетъ священникъ святой водой ихъ избы, служа у нихъ молебенъ на святой недѣлѣ.

Когда соберется весь скотъ, всѣ начинаютъ усердно молиться, прося святого Георгія взять ихъ скотъ подъ свое покровительство; потомъ пастухъ, въ сопровожденіи мальчика, обходитъ скотъ съ образомъ и солью три раза. Помолившись еще разъ, пастухъ гонитъ свое стадо, а бабы идутъ каждая на свою ниву и втыкаютъ вербу и вѣничекъ въ зелень, чтобы рожь была густая и высокая.

23 апрѣля, день св. Георгія Побѣдоносца, имѣетъ особенное значеніе также и въ распредѣленіи хозяйственныхъ работъ. Если овцы не бываютъ стрижены до этого дня, то ихъ стригутъ уже послѣ Николина дня (9 мая); прежде 23-го апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ. Крестьяне говорятъ, что до Егорья „скоту въ полѣ три воли“, т. е. когда и что захочетъ, и въ любомъ мѣстѣ; и еще: „Егорьева роса выкормитъ скотину лучше всякаго овса“, а потому въ этотъ день непремѣнно выгоняютъ скотъ въ поле, хотя бы не было еще травы, и прежде всего въ поле, засѣянное озимымъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день, избирая время между утреней и обѣдней, сѣютъ рассаду, увѣренные, что посѣянная въ это время рассада непремѣнно будетъ хорошая. Егорій весенній, празднуемый 23 апрѣля, считается старше осенняго, бывающаго 26-го ноября.

Народъ считаетъ св. Георгія повелителемъ волковъ, и если въ суровыя зимы волки размножаются, то значитъ „св. Егорій ихъ распустилъ“.

Въ молитвахъ и заговорахъ объ выздоровленіи и возвращеніи скота обыкновенно обращаются къ святому Георгію, къ Честному Лѣса, а также и къ „царю бѣлому (или сѣрому) волку.“

Въ одномъ заговорѣ говорится: „Святой Георгій Побѣдоносецъ и святой Константинъ, на бѣлыхъ коняхъ, имущи въ рукахъ огненные щиты, объѣзжаютъ около нашего скота, милаго живота; бьютъ они, побиваютъ всѣхъ колдуновъ и колдуницъ, еретиковъ и еретицъ, воровъ и ворицъ, звѣрей и звѣрицъ, волковъ и волчицъ, змѣевъ и змѣйцъ“.

А вотъ заговоръ, обращенный къ „Царю-Сѣрому волку:“ — „Есть на свѣтѣ три царя: первый царь—ясный мѣсяцъ въ небѣ, другой царь—черный ракъ въ морѣ, третій царь—сѣрый волкъ въ лѣсѣ. Какъ этимъ тремъ царямъ вмѣстѣ не сходиться, за однимъ столомъ вмѣстѣ не садиться — такъ чтобъ у скотины, такой-то шерсти, такой-то масти, чемери не было.“

Какъ волкъ, такъ и змѣя имѣютъ въ глазахъ знахарей и приверженцевъ старины особое священное, такъ сказать, значеніе.

Если при встрѣчѣ съ волками совѣтуютъ не стрѣлять въ нихъ, а поздороваться съ ними, то такая же вѣжливость рекомендуется и въ обхожденіи со змѣей. А уничтожать ихъ нужно заговоромъ.

Припоминаю то, что мнѣ разсказывала Авдотья Маркова, крестьянка изъ села Данькова. „Наслушавшись отъ матери разныхъ заговоровъ, отправилась я въ лѣсъ, гдѣ водилось много змѣй, изловила тамъ змѣю и спрятала ее за пазуху. Она у меня, прибавляетъ разсказчица, тамъ и издохла!“

Одна знахарка хвалилась: „я какъ гляну на змѣю, такъ она и околѣетъ; отъ этого я не вижу ихъ—яны бягуть отъ мяне!“

Особеннымъ почетомъ пользуется у знахарей змѣя дворовая,—значеніе ея такое же, какъ и царя бѣлаго волка въ лѣсу и хозяина домового въ домѣ. „Дворъ безъ дворовой змѣи не можетъ существовать!“ Невольно припоминаются изображенія древнихъ римскихъ домашнихъ боговъ, ларовъ и пенатовъ,— въ видѣ змѣи.

В. Добровольскій.

Малорусская сказка объ убіеніи стариковъ и миѳъ о происхожденіи свиньи у туземцевъ Герveевыхъ острововъ.

Всякій, занимающійся народной поэзіей чувствуетъ, что методъ школы заимствованія, созданной Бенфеемъ и Веселовскимъ, далеко не всегда можетъ дать удовлетворительные отвѣты относительно многаго, весьма существеннаго. Эта неудовлетворительность создаетъ почву для гипотезы „самостоятельнаго зарожденія“, которая опять таки врядъ ли можетъ всегда оказаться умѣстной. Наряду съ ней антропологи, напр. Эренрейхъ, авторъ интересной работы о фольклорѣ туземцевъ Америки, обращаются къ праисторическому обмѣну и получаютъ на этой почвѣ важные выводы о точкахъ соприкосновенія фольклора Сѣверной Америки и Азіи, Южной Америки и Океаніи, и наоборотъ о довольно значительномъ различіи между фольклоромъ Сѣверной и Южной Америки.

Такая группировка фольклорнаго матеріала по крупнымъ территоріальнымъ областямъ явно указываетъ на важную въ развитіи фольклора роль праисторическаго международнаго обмѣна, который можетъ быть придется считать факторомъ болѣе важнымъ, чѣмъ возможныя въ отдѣльныхъ случаяхъ факты заимствованія изъ литературнаго источника и самостоятельнаго зарожденія.

Праисторическій обмѣнъ, къ гипотезѣ о которомъ близко подходилъ въ нѣкоторыхъ трудахъ и покойный А. Н. Веселовскій, хотя пристрастіе къ книжному источнику мѣшало ему использовать эту плодотворную мысль, объясняетъ многое, иначе совершенно непонятное. Народамъ нѣтъ надобности соприкасаться непосредственно, чтобы получить одну и ту же легенду изъ какого нибудь одного источника.

Такія соціальныя явленія какъ экзогамія являются естественными проводниками легендъ отъ одного народа къ другому, и въ теченіе вѣковъ легенда постепенно просачивается въ противоположные края міра. Сравнительно съ этимъ всегда дѣйствующимъ, вѣковымъ устнымъ обмѣномъ, вліяніе книги, которому можетъ подвергаться лишь ничтожное меньшинство, должно быть незначительно.

Вѣроятнымъ образчикомъ такого праисторическаго обмѣна намъ кажется очень близкое сходство приводимаго Лангомъ миѳа о происхожденіи свиньи принадлежащаго жителямъ островов Hervey на Тихомъ Океанѣ, съ записаннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нами въ Волынскомъ Полѣсьѣ сказаніемъ объ убіеніи стариковъ.

„Maaru, разсказываютъ жители острововъ Гервей, былъ слѣпой старикъ и жилъ со своимъ сыномъ Kationgia. Въ голодный годъ Kationgia испытывалъ большія трудности въ пріисканіи пищи отцу и себѣ. Онъ давалъ отцу рыбу и пирожки изъ банановыхъ корней, между тѣмъ какъ самъ питался, какъ это дѣлаютъ туземцы Огненной Земли, голотуріями и слизняками. Тѣмъ не менѣе старикъ Maaru подозрѣвалъ, что сынъ даетъ ему худшую часть пищи, оставляя для себя лучшую, но, тронувъ тѣло сына, онъ убѣдился, что послѣдній дошелъ до послѣдней степени худобы: это былъ живой скелетъ. Они заплакали и Maaru заставилъ своего сына проглотить нѣсколько орѣховъ и кусковъ плода хлѣбнаго дерева, которые онъ сохранилъ, какъ послѣдній запасъ. Когда это было съѣдено, онъ сказалъ, что съѣлъ свой послѣдній запасъ и приходится умирать. Онъ велѣлъ сыну покрыть его листами и травой, и придти черезъ четыре дня; если онъ увидитъ подъ листьями червяковъ, онъ долженъ снова покрыть травой и вернуться снова черезъ четыре дня. Kationgia сдѣлалъ то, что̀ ему было приказано и, придя во второй разъ, онъ нашелъ всѣ листья въ движеніи: стадо поросятъ черныхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ вышло изъ земли. Голодъ кончился, и Kationgia сдѣлался на островѣ большимъ начальникомъ“ [1]).

Приведемъ малорусскій разсказъ, который можно назвать варіантомъ только что приведеннаго. Онъ записанъ нами десять лѣтъ тому назадъ въ с. Бѣловѣжѣ, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи и принадлежитъ къ числу разсказовъ объ убіеніи стариковъ носящихъ загадочное названіе разсказовъ „за лопанину“.

---

[1]) Lang, „Mythes, Cultes et Rel“, 134. (Франц. пер.).

„Буў коліс маскаль. Служиў вун цару 25 лет, прийшоў домоў дай не вподобалосо ему. „Пойду, каэ, послужу щэ богу. Прийшоў ун на нэбо тай стаў келя ворут на варте. Аж іде смэрть до Бога петатисо, кого брать. А вун каэ „постуй, я сам пойду“. От пошоў он до Бога, тай каэ „так і так аж смэрть прийшла питать, кого ее можна брать. А Бог каэ „нэхай бэрэ старих людэй“. Москаль пошоў тай каэ „гризи старие дуби“. Смэрть гризла, гризла дуби тай знэдужала; идэ до Бога зноў, а москаль зноў каэ „пожди, я сам пойду“. Бог каэ „нэхай бэрэ сэрэдніх людэй“, а москаль прийшоў тай каэ „гризи сэрэдніі дуби“. От смэрть гризла, гризла тай ще горшэе стало. Приходить вона зноў до Бога, москаль пошоў питати, а Бог каэ „нэхай бэрэ молодих людей, шоб одйіласа“. Прийшоў москаль до смэрті тай кажэ „гризи молодие дуби“. Смэрть гризла, гризла тай вжэ стала пропадать. Приходить вона зноў до Бога. Аж москаль стоить. От вона й кажэ, що вжэ так змизэрніла, шо у табакерку влізэ. А москаль каэ „а ну но, лезь“. От вона влезла, а москаль зашкнуў табакерку тай закинуў у дупло. От і перестали люди вмирати; і така сила іх росплодилосо, шо нэ було дэ жить, тогді стали люди своіх батькоў забивать и називалосо гэто „лопанйна“.

„Аж було у одному сэле три брати и нэ хтели вони батька вбить, викопали глибоки лёх тай сховали ёго и давали ёму есть и піть. А як стало на земле таке глупство, шо людэ батькоў забивали, то Бог розсэрдиўсо, тай нэ стала земля родить, и вжэ нэ було нігди а ні зэрна жита. От ти брати і пошли до батька радитца, а ун каэ „возьмет стару стреху с тэе хати, шо я ставиў, та вимолотет і посейтэ, то будэ жито“. От вони так і зробили і виросло жито дужэ добрэ. Як дознались людэ и начальство, то начали тих братуў позивати: „Ви, кажуть, халастэрники, дэ ви жита взяли? ні ў кого нэма“. Вони й кауть, так і так: „ми свого батька нэ забили, то ун нас і порадиў“. То тогді і кончилося лопанйна, а москаль як почуў, шо ун наробиў, шо стали людэ батькуў вбивать, то випустиў смерть, и вона зноў стала людэ брать“.

Основная схема малорусскаго и тихоокеанскаго разсказа одна и таже. Во время голода любящій сынъ вопреки окружающимъ бережетъ своего отца. Отецъ въ награду за это даетъ указаніе какъ избавиться отъ голода, и его совѣтъ является источникомъ плодородія (обильная жатва, появленіе свиней).

При объясненіи этого сходства мысль о литературномъ вліяніи должна быть устранена въ виду отсутствія возможнаго

общаго источника. Остается либо предположеніе о самостоятельномъ зарожденіи, либо предположеніе о существованіи очень древняго общаго источника. И то и другое предположеніе имѣютъ извѣстные шансы за себя. Первое напрашивается въ виду кажущейся невозможности какого либо другого, но само по себѣ оно мало преемлемо, такъ какъ не видно основанія для одинаковаго хода мысли, какое мы можемъ найти хотя бы въ природныхъ миѳахъ разныхъ очень отдаленныхъ одинъ отъ другого народовъ. Наоборотъ, второе, на первый взглядъ совершенно невѣроятное продолженіе, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности, если преположить большую длительность времени кочеванія мотива. При такомъ предположеніи, мы не можемъ видѣть ничего невѣроятнаго въ томъ, что мотивъ возникшій, предположимъ гдѣ нибудь въ Восточной Азіи, къ концу 19-го вѣка докочевалъ съ одной стороны до Малороссіи, съ другой—съ Гервеевыхъ островов.

Изученіе самаго характера сюжета, а равно какъ, его распространенія и версій у различныхъ народовъ міра можетъ современемъ провести насъ и по выясненію его источника, но для этого нужно произвести много предварительной работы въ сопоставленіи родственныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ. Многимъ, особенно воспитаннымъ на филологическихъ пріемахъ изслѣдованія и привычкѣ искать источникъ въ рукописи, такая работа сопоставленія отдѣльныхъ народныхъ сказаній далекихъ народовъ можетъ показаться нанизываніемъ на нитку случайныхъ матеріаловъ, но она представляетъ собой единственный возможный путь индуктивнаго изслѣдованія, и какъ крошечный камешекъ для зданія такого изслѣдованія, мы считаемъ не лишнимъ наше сопоставленіе малорусскаго и Тихоокеанскаго сказанія.

Н. Коробка.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

Въ выпускахъ I, II, III и IV „Живой Старины" за 1906 г. была помѣщена статья г. М. А. Большакова подъ названіемъ „Община у зырянъ". Я, въ силу нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, имѣлъ возможность познакомиться съ этой статьей только въ самое послѣднее время. Между тѣмъ оказывается, что почтеннымъ авторомъ сдѣлана мнѣ въ ней, что̀ называется, большая честь: г. Большаковъ, использовавъ въ своей статьѣ нѣкоторыя мои работы, касавшіяся интересующаго его предмета, отдаетъ мнѣ „дань уваженія, какъ знатоку края и піонеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ" [1]). Это — разъ. А потомъ, по надлежащемъ, какъ говорится, разсмотрѣніи, г. Большаковъ находитъ, что авторъ (т. е. я), во-первыхъ, — „имѣетъ не достаточно отчетливое и ясное представленіе объ общинѣ"; во-вторыхъ, — „совершенно не отличаетъ общества отъ общины"; а въ-третьихъ, — „едва ли знаетъ", что нужно разумѣть подъ терминами „хозяйственная" и „земельно - хозяйственная" община [2]). Таковъ приговоръ sine ira et studio г. Большакова надо мною.

Хотя я, съ своей стороны, затрудняюсь понимать, — какъ можно быть „знатокомъ края" и изслѣдователемъ земельно-

---

[1]) Цитировать г. Большакова мы вездѣ въ этой замѣткѣ будемъ по имѣющейся въ нашемъ распоряженіи брошюрѣ его *„Община у зырянъ"*, — отпечатанной въ типографіи Мин. Пут. Сообщ. (Т-ва И. Н. Кушнерева и К°) въ СПБ. Брошюра эта, какъ видно изъ приписки въ концѣ ея, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ упомянутыхъ сейчасъ выпускахъ „Живой Старины", и любезно предоставлена въ наше распоряженіе авторомъ.

[2]) Сейчасъ указанная брошюра, стр. 71 и 73.

правовыхъ нормъ“, не умѣя отличать общества отъ общины и не зная, что̀ нужно разумѣть подъ терминомъ земельно-хозяйственная община,—но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу завѣрить, что *не одна* только эта „честь“, оказанная мнѣ г. Большаковымъ, заставила меня взяться за перо. Затронутая г. Большаковымъ тема мнѣ знакома, и хотя я *спеціально* по вопросу о зырянской земельной общинѣ не писалъ, но въ печатныхъ работахъ, относящихся вообще къ зырянскому краю, мнѣ не разъ приходилось касаться, конечно, и этой кардинальной черты экономической жизни зырянъ. Поэтому г. Большаковъ въ своей статьѣ неоднократно имѣлъ возможность какъ ссылаться на мои работы, такъ и цитировать ихъ; и, такимъ образомъ, его взгляды на зырянскую общину въ обсуждаемой здѣсь статьѣ оказались какъ бы въ связи съ моими, сопоставленными одни съ другими (хотя, какъ мы видѣли и увидимъ дальше, г. Большаковъ меня не жалуетъ).

И вотъ, чтобы, съ одной стороны, отстоять по возможности то, что̀ было мною когда либо высказано по вопросу о зырянской общинѣ и использовано такъ или иначе г. Большаковымъ, а съ другой,—чтобы взглянуть и на то, что̀ даетъ по этому предмету самъ г. Большаковъ,—я и сочелъ не безполезнымъ заняться настоящей замѣткой [1]).

Выражаясь словами самого же г. Большакова, я „отдаю ему дань уваженія“ за его посильную попытку освѣтить обсуждаемый предметъ,—попытку, явно свидѣтельствующую о трудолюбіи почтеннаго автора,—но, вмѣстѣ съ этимъ, „вынужденъ допустить“, что онъ плохо понялъ и не знаетъ сущности *зырянской* общины; что онъ недостаточно разобрался въ земельно-хозяйственныхъ распорядкахъ даже и той *весьма ограниченной* части зырянскаго края, которая была доступна *непродолжительному* наблюденію его, какъ агента министерства земледѣлія,

---

[1]) Кстати, я могъ бы еще указать г. Большакову—если это его интересуетъ—на слѣдующія свои работы, очевидно, оставшіяся ему неизвѣстными, въ которыхъ тоже, конечно, приходилось касаться вопроса о зырянской земельной общинѣ: *Взаимопомощь и коллективный трудъ въ земельномъ быту зырянъ Устьсысольскаго уѣзда* („*Народное Хозяйство*“ сентябрь, октябрь, 1903 г.) и *Земельно-хозяйственное описаніе Деревянской вол.*, *Устьсысольск. уѣзда*, т. I, изд. Устьсысольскаго уѣздн. земства.

командированнаго туда въ составѣ партіи по устройству переселенческихъ участковъ [1]).

Чтобы скорѣе и ближе подойти къ дѣлу, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько значительныхъ выписокъ изъ статьи г. Большакова.

„Генеральное межеваніе (пишетъ г. Б—въ), образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежованныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. *На дѣлѣ, однако, этого нѣтъ*. (Курсивъ мой. В. П.). Мы видимъ, что отдѣльныя селенія или представляютъ самостоятельныя общины, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составныя общины; нѣкоторыя селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жила", т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. *Но такое совпаденіе далеко не общее правило*" [2]). (Курсив. мой. В. П.).

Я здѣсь попрошу пока замѣтить подчеркнутыя мною мѣста и пойду дальше по пути цитированія г. Большакова.

„Земельно-хозяйственное дѣленіе уѣзда, пишетъ г. Поповъ (т. е. я; здѣсь цитата изъ моей работы. В. П.), ...значительно разнится отъ административнаго, обусловливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которыя имѣли мѣсто совершенно внѣ вліянія административныхъ соображеній и интересовъ и создали эту иную картину распредѣленія уѣзда на хозяйственныя единицы (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ общества уѣзда успѣли выработать вполнѣ оформившуюся и сложившуюся хозяйственную общину; нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну земельную общину...;

---

[1]) Я даже готовъ допустить, что именно эта „непродолжительность наблюденія" и „ограниченность" района его и не дали возможности г. Б—ву понять и истолковать зырянскую общину какъ слѣдуетъ. Но, казалось бы, такія обстоятельства именно и должны диктовать—какъ болѣе внимательное отношеніе къ мнѣніямъ „знатоковъ края", такъ и нѣсколько болѣе осторожное—къ своимъ. Однако, г. Б—въ съ легкимъ сердцемъ рѣшается весьма категорически говорить о зырянской общинѣ *вообще* и нигдѣ не считаетъ нужнымъ указывать—насколько значительный районъ зырянской территоріи подлежалъ его наблюденію. А это было бы, по моему мнѣнію, не лишне...

[2]) Ibid., стр. 70.

другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными угодьями и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ... право распорядковъ надъ которыми сельскія общества стараются удержать за собой. Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинаетъ только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій и распорядковъ пользованія ими". (Здѣсь кончается цитата изъ моей работы. В. П.).

„Прежде всего (продолжаетъ г. Большаковъ) спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, *какъ таковое*, (курсивъ мой. В. П.) въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпавшая. Анализируя причины и ходъ образованія составныхъ общинъ, мы видѣли, что онѣ формируются, говоря словами самого же г. Попова, „совершенно внѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній". Иногда онѣ менѣе общества, иногда болѣе... *Въ Пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и дд. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества*". (Курсивъ мой. В. П.).

„*Такихъ примѣровъ можно, при желаніи, привести не одинъ*". (Курсивъ мой. В. П.). „Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ выработкѣ... хозяйственныхъ общинъ, какую роль навязываетъ (?) имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ (т. е. я, В. П.) говоритъ о земельной общинѣ. Что онъ разумѣетъ подъ нею—опредѣленно сказать трудно... Повидимому... общество, какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядываетъ полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. *Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община*. (Курсивъ мой. В. П.). Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинскаго и Верхолузскаго обществъ входятъ селенія: а) замежеванныя въ генеральныя дачи; б) образованныя на основаніи закона 9 ноября 1870 г.; в) получившія владѣнныя записи по закону 1866 г. и г) селенія самовольнаго типа. О какой юридической общинѣ можно говорить, имѣя налицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на землю? *А между тѣмъ почти всѣ общества*

имѣютъ если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность края. (Курсивъ мой. В. П.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической или,по его терминологіи, земельной общины превращается (?) въ хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную".

(Здѣсь опять слѣдуетъ небольшая цитата изъ моей работы. В. П.). „Также Шиловское и Уркинское общества, передѣливщія земли по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы-общины. Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское, Слободское, Кочергинское, Верхолузское... представляютъ одну земельно-хозяйственную общину". (Здѣсь цитата кончается. В. П.).

„Г. Поповъ не объясняетъ намъ (продолжаетъ г. Большаковъ), что нужно разумѣть подъ терминами хозяйственная и земельно-хозяйственная община... Какой, напр., смыслъ можно вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общины, когда этимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верхолузское общество?.. *Или какая хозяйственная связь до 1900 года существовала между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговоръ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?..* (Курсивъ мой. В. П). На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія... спутываются... Причина этой путаницы ясна. Авторъ (т. е. я, В. П.) не могъ не замѣтить того поразительно огромнаго распространенія., какое получили у зырянъ составныя общины... и видѣлъ, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ..., въ другихъ—съ генеральной дачей... Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто *отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей*", (Курсивъ мой. В. П.). „Составныя общины составляютъ характерную особенность зырянскаго края... Мы не знаемъ *ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ, соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе*" [1]). (Курсивъ мой В. П.).

На этомъ пока закончу цитаты изъ статьи г. Большакова. Я сознательно долженъ былъ привести ихъ въ такомъ обильномъ видѣ, чтобы по возможности выяснить сущность воззрѣній автора на спорный предметъ и чтобы видѣть, какими фактами дѣйствительности онъ иллюстрируетъ свои взгляды,—почему наиболѣе важныя мѣста подчеркнулъ.

---

[1]) Та же брошюра. Стр. 71, 72, 73 и 74. Нѣкоторыя цитаты приводятся съ небольшими сокращеніями, на что указываютъ поставленныя мною многоточія.

Внимательный читатель можетъ быть уже понялъ, въ чемъ заключается основное разногласіе во взглядахъ на зырянскую общину между мною и г. Большаковымъ,—не смотря на нѣсколько своеобразную аргументацію послѣдняго. „Отождествленіе составной общины съ административнымъ обществомъ, съ одной стороны, и съ генеральной дачей, съ другой",—таковъ мой основной грѣхъ въ глазахъ г. Большакова, признающаго лишь „рѣдкія" и „случайныя" совпаденія содержаній этихъ терминовъ и не знающаго „ни одного случая распаденія составной общины".

Посмотримъ внимательнѣе на доводы и соображенія г. Большакова, пользуясь своей привиллегіей „знатока края"...

Сначала я долженъ указать, что та моя работа, которая подверглась наибольшей критикѣ и использованію со стороны г. Большакова и изъ которой сейчасъ приводились цитаты, написана была по порученію Устьсысольскаго уѣзднаго земства въ 1894 году и въ то время, по „независящимъ обстоятельствамъ", не могла появиться въ свѣтъ въ печатномъ видѣ. Затѣмъ она, безъ моего вѣдома и съ рукописи, *не бывшей* въ моемъ разсмотрѣніи, спустя 9 лѣтъ послѣ написанія т. е. въ 1903 г., была напечатана съ *значительными сокращеніями* въ книгѣ— „*Итоги эконом. изслѣдов. крестьян. хозяйства Устьсысол. уѣзда Вологод. губ.*"—появившейся подъ редакціей производителя работъ Партіи по устройству переселенческихъ участковъ въ Пермской и Вологодской губ., г. Румы, какъ результатъ совмѣстнаго Партіи и Устьсысольскаго земства обслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1902 г. Объ этомъ упоминаетъ, впрочемъ, и г. Большаковъ (въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 70 своей брошюры), но упоминаетъ кратко и безъ сообщенія вышеуказанныхъ обстоятельствъ появленія въ свѣтъ моей работы, хотя эти обстоятельства ему должны быть извѣстны, какъ члену сказанной Партіи. Я же сочелъ нужнымъ указать здѣсь на нихъ потому, во-первыхъ, что мнѣ придется въ дальнѣйшемъ изложеніи оперировать съ нѣкоторыми данными, относящимися къ 1894 году, а во-вторыхъ, — если бы въ 1903 году я имѣлъ возможность просмотрѣть ту рукопись, съ которой была отпечатана моя работа, то, можетъ быть, внесъ бы въ нее нѣкоторыя исправленія редакціоннаго характера, и она не такъ бы смутила г. Большакова, пользовавшагося ею исключительно въ томъ „сокращенномъ" изложеніи, какъ она нашла себѣ мѣсто въ „Итогахъ"... Но объ этихъ „исправленіяхъ" буду еще говорить ниже.

Какъ мы видѣли изъ вышеприведенной (первой) цитаты и какъ это можно видѣть вообще изъ статьи г. Большакова,[1]) онъ за актомъ генеральнаго межеванія въ дѣлѣ образованія зырянской земельной общины не признаетъ сколько нибудь замѣтной, самостоятельной роли, а къ настоящему времени г. Большаковъ не видитъ даже и никакихъ слѣдовъ вліянія этого акта въ общинной жизни зырянъ. Онъ говоритъ, что генеральное межеваніе земли, входящія въ составъ образованныхъ имъ крестьянскихъ дачъ, могло лишь „*формально*" объявить общимъ владѣніемъ замежеванныхъ въ дачи селеній, что генеральное межеваніе „ни мало не отразилось на сознаніи зырянъ", не могло „переработать правосознанія" ихъ и „нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія".

Далѣе г. Большаковъ находитъ, что селенія, замежеванныя въ одну генеральную дачу „только съ *юридической* точки зрѣнія составляютъ одну поземельную составную общину", и что „*на дѣлѣ* этого нѣтъ". Затѣмъ,—что „только въ тѣхъ случаяхъ, когда дача генеральнаго межеванія обнимаетъ землепользованіе „жила", т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной", но что совпаданіе это „далеко не общее правило".

Вотъ здѣсь именно заключается самый крупный промахъ г. Большакова, промахъ, сводящій на нѣтъ всѣ попытки его „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ".

Не рѣшаясь здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе довольно запутанныхъ дебрей „анализа" г. Большакова, я беру на себя смѣлость категорически его завѣрить: во первыхъ,—что *всѣ* нынѣ наблюдаемыя „составныя" земельныя общины у зырянъ Усть-сысольскаго уѣзда именно и образовались подъ вліяніемъ акта или, точнѣе, границъ генеральнаго межеванія; во вторыхъ,—что „на дѣлѣ" группы селеній, входящія въ одну генеральную дачу, и дали начало этимъ составнымъ общинамъ, и, въ третьихъ,—что совпаденіе такихъ группъ (или, по терминологіи г. Большакова, „жила") съ составной общиной по сіе время будетъ именно „общимъ правиломъ", исключеніемъ изъ котораго явятся тѣ „составныя" общины, разграниченныя межами генеральнаго межеванія, которыя, въ силу наличныхъ условій землепользованія, успѣли въ позднѣйшее время раздѣлиться на болѣе мелкія—иногда тоже односеленныя—общины.

---

[1]) См., наприм., стр. 50 и слѣд. работы г. Б а.

Эти мои заключенія будутъ весьма понятны изъ слѣдующихъ данныхъ.

Первое,—генеральное межеваніе у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда *всегда* старалось замежевать въ одну данную дачу именно „группу селеній", которыя въ то же время были бы связаны и *административно*, составляя или одну „волость", или одно „общество", на имя которыхъ и были выданы межевые планы и книги (которые мы и рекомендуемъ г. Большакову просмотрѣть).

Второе,—генеральное межеваніе своимъ фактомъ *установленія границъ владѣнія* этихъ административно (а можетъ быть и хозяйственно) уже связанныхъ группъ селеній, очевидно, произвело на психику этой народности глубочайшее впечатлѣніе, такъ что и въ настоящее время каждый зырянинъ-землеробъ способенъ указать и знаетъ эти границы, хотя бы отъ нихъ и не осталось ни малѣйшихъ физическихъ признаковъ, исключая можетъ быть нѣкоторыхъ межевыхъ ямъ.

Третье,—дачи генеральнаго межеванія по сіе время, не смотря на исключительное по своему выраженію господство трудоваго принципа въ земельной жизни зырянъ, безусловно охраняется отъ „чужаго" вторженія. Никто, *не входящій* въ число „владѣльцевъ" дачи, не имѣетъ права заемки въ ней земель для тѣхъ или иныхъ цѣлей, хотя въ то же время „свой" человѣкъ (т. е. совладѣлецъ дачи) можетъ дѣлать такія заемки въ кругу дачи — гдѣ и сколько ему угодно. Это основное земельно-правовое воззрѣніе зырянъ Устьсысольскаго уѣзда, *опирающееся на юридическій актъ генеральнаго межеванія*, воззрѣніе, нигдѣ и ни на іоту пока непоколебленное въ правосознаніи народа.

Говорить при такихъ условіяхъ лишь о „формальномъ" значеніи акта генеральнаго межеванія—какъ это дѣлаетъ г. Большаковъ,—невозможно.

Пойдемъ дальше. Въ 1894 году (когда составлялась упоминавшаяся выше, использованная г. Большаковымъ, моя работа) въ Устьсысольскомъ уѣздѣ было 43 сельскихъ общества, во владѣніи которыхъ числилось,—если не ошибаюсь на единицу, другую—36 крупныхъ (групповыхъ) дачъ генеральнаго межеванія [1]).

[1]) Я говорю „крупныхъ" потому, что тремъ при-Печерскимъ обществамъ уѣзда, въ которыхъ земельное хозяйство или совершенно отсутствуетъ (Щугорское общество), или играетъ третьестепенную роль, были нарѣзаны дачи каждому почти селенію отдѣльно, какъ въ виду чрезвычайной удаленности ихъ другъ отъ друга, такъ и по незначительности самихъ селеній.

Въ той же работѣ, давая характеристику тогдашней текущей земельно-хозяйственной жизни уѣзда, я высказалъ, что она по своему развитію представляетъ три ступени. Во-первыхъ, *общества*, въ которыхъ съ X ревизіи не было ни измѣреній, ни какихъ бы то ни было переводовъ земли, и гдѣ по сіе время продолжаетъ держаться землераспредѣленіе по ревизскимъ душамъ въ чистомъ видѣ. Во-вторыхъ, *общества*, въ которыхъ хотя коренныхъ передѣловъ земли на болѣе новыхъ основаніяхъ (по ѣдокамъ) не было, но распредѣленіе ея отчасти примѣнилось уже къ наличному составу семей путемъ дробленія ревизской души, какъ показателя извѣстнаго количества обмѣренной земли, и разверстки этихъ дробныхъ частей между отдѣльными семьями. Въ третьихъ, *общины*, передѣлившія землю, по точномъ измѣреніи и распредѣленіи ея по сортамъ, на наличныхъ членовъ, т. е. на ѣдоковъ [1]).

Далѣе установлялось, что почти всѣ тѣ общества, которыя продолжаютъ владѣть землей по ревизскимъ душамъ, независимо отъ того—были-ли въ нихъ перемѣрки и переверстки таковой,—представляютъ каждое изъ себя одну „земельную единицу", хотя бы эта послѣдняя состояла изъ настолько удаленныхъ другъ отъ друга и разбросанныхъ селеній, что земельно-хозяйственныя (общинныя) функціи ея были сильно затруднены [2]).

Такъ что, въ частности, картина земельно-хозяйственной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда въ 1894 году представляла изъ себя слѣдующее:

а) обществъ, совершенно не трогавшихъ землю съ X ревизіи и продолжавшихъ владѣть ею по душамъ этой ревизіи, было 3;

б) обществъ съ дробной ревизской душой, т. е. такъ или иначе трогавшихъ и распредѣлявшихъ землевладѣніе послѣ ревизіи, было 23;

в) наконецъ, обществъ, въ которыхъ наблюдалась та или другая степень развитія общинной жизни съ землераспредѣленіемъ по ѣдокамъ, оказывалось 16 [3]).

---

[1]) Въ сейчасъ приведенномъ перечисленіи, я сознательно въ первыхъ двухъ случаяхъ говорю объ „обществахъ", а въ третьемъ—объ „общинахъ", что и подчеркиваю. Какое значеніе придается этому обстоятельству—будетъ видно сейчасъ, изъ дальнѣйшаго изложенія.

[2]) См. вышеупомянутую работу „Итоги...", стр. 25 и 26.

[3]) Здѣсь общая сумма обществъ (3+23+16=42) на одну единицу меньше указанной выше, потому что Щугорское общество, гдѣ земледѣлія не существуетъ, въ счетъ не принято.

Изъ 26-ти первыхъ двухъ, приведенныхъ сейчасъ разрядовъ обществъ, 21 общество имѣютъ по одной общей (групповой) дачѣ, включающей въ себя всѣ существующія селенія въ нихъ, за исключеніемъ немногихъ починковъ, выдѣлившихся на казенныя земли. Здѣсь *сельское общество, генеральная дача и „земельно-хозяйственная единица" совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ.* Потомъ, 3 общества имѣютъ одну общую генеральную дачу и 2 (при - Печерскихъ) владѣютъ мелкими, вырѣзанными большею частью на отдѣльныя селенія, дачами (о которыхъ я уже упоминалъ), при чемъ первыя три общества вполнѣ соотвѣтствуютъ тремъ хозяйственнымъ единицамъ, ибо отдѣльно и независимо другъ отъ друга распоряжаются землей.

Спрашивается—какъ назвать эти „хозяйственныя единицы" (хотя бы кромѣ трехъ, не трогавшихъ землю съ X ревизіи)?

Да какъ ихъ ни зови, а придется признать, что это *земельно*-хозяйственныя единицы (а не административныя только общества), ибо имъ въ той или иной мѣрѣ не чужды уже уравнительныя функціи землераспредѣленія. Онѣ такъ или иначе дѣлали уже попытки разверстать землю на болѣе справедливыхъ, чѣмъ владѣнія по ревизскимъ душамъ, основаніяхъ. И, конечно, легко видѣть, что эти „хозяйственныя единицы" есть ни что иное, какъ составныя общины, ближайшимъ этапомъ которыхъ является уравнительное землераспредѣленіе по наличному населенію.

Дальше. Изъ 16-ти остальныхъ обществъ, въ которыхъ наблюдалось землераспредѣленіе по ѣдокамъ, вполнѣ сложившіяся общины,—владѣющія *всѣми* земельно-хозяйственными функціями и *не связанныя* ни съ дачей генеральнаго межеванія, ни съ административной единицей - обществомъ, — наблюдались лишь въ 8 обществахъ [1]). Въ остальныхъ, затѣмъ, 8-ми же обществахъ общины не успѣли еще сложиться вполнѣ въ сформировавшіяся отдѣльныя хозяйственныя единицы, со всѣми присущими имъ функціями. Здѣсь чаще всего наблюдается такое положеніе, что „составная сѣнокосная община" (терминъ принадлежитъ г. Большакову) включаетъ въ себя нѣсколько отдѣльныхъ, какъ бы самостоятельныхъ, пахотныхъ общинъ, и въ то же время она *совпадаетъ съ генеральной дачей.* Въ другихъ случаяхъ эта сѣнокосная община *совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ.*

---

[1]) Необходимо здѣсь отмѣтить, что и въ этихъ обществахъ есть вполнѣ сложившіяся „общины", совпадающія съ дачами специальныхъ межеваній.

Итакъ, мы видимъ, что изъ 42 сельскихъ обществъ у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда 21 вполнѣ совпадало и съ генеральной дачей, и съ „земельно-хозяйственной единицей". Въ 8-ми обществахъ „составная община" совпадала или съ дачей генеральнаго межеванія, или съ сельскимъ обществомъ. Въ 3-хъ обществахъ „земельно-хозяйственная единица" обнимала цѣликомъ эти общества, не совпадая съ дачей генеральнаго межеванія. Наконецъ, въ 8-ми остальныхъ обществахъ съ вполнѣ сложившимися общинами, рядомъ съ этими послѣдними, наблюдаются общины, совпадающія съ дачами спеціальныхъ межеваній [1]).

Теперь позволительно спросить — вправѣ ли я былъ „отождествлять составную общину съ обществомъ, а это послѣднее— съ генеральной дачей"?—что ставитъ мнѣ въ смертный грѣхъ г. Большаковъ. Съ другой стороны — правъ ли былъ г. Большаковъ, съ непонятнымъ для меня апломбомъ увѣрявшій: что „на дѣлѣ однако нѣтъ", чтобы селенія, замежеванныя въ данную дачу генеральнаго межеванія, составляли одну поземельную общину? Что совпаденіе составныхъ общинъ и генеральныхъ дачъ „далеко не общее правило"? Что сельское общество „лишь случайно" можетъ совпасть съ хозяйственной общиной и дѣйствовать въ качествѣ таковой? Что „сельское общество у зырянъ не есть юридическая община"? и т. д.

Отвѣты на эти вопросы, я думаю, ясны... И, увы, отвѣты эти какъ разъ противоположны самоувѣреннымъ тезисамъ г. Большакова.

В. Ф. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Я здѣсь не привожу названій всѣхъ тѣхъ обществъ и общинъ, о которыхъ говорю, ибо, конечно, названія эти никому не интересны. Спеціально для г. Б-ва я ниже буду имѣть дѣло съ общинами и обществами, о которыхъ онъ самъ упоминалъ, неправильно толкуя хозяйственное положеніе въ нихъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

Николай Ивановичъ Любимовъ, имѣвшій нѣкогда значительное вліяніе на политическую дѣятельность Россіи на Востокѣ, мало кому извѣстенъ. Онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ трудовъ, хотя имѣлъ большой запасъ интересныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ путемъ личныхъ наблюденій въ странахъ восточной и средней Азіи и полученныхъ отъ оріенталистовъ, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Никто не потрудился написать его біографію и указать его заслуги передъ государствомъ. Казалось, полное забвеніе должно быть удѣломъ Н. И. Любимова, и это навѣрное и случилось бы, если бы М. Б. Аничковой, вдовѣ извѣстнаго нашего посланника въ Персіи Н. А. Аничкова, находившагося въ дружбѣ съ Н. И., не удалось съ большой энергіей и настойчивостью отыскать на чердакѣ дома, гдѣ передъ смертію жилъ Н. И., его домашній архивъ. Въ этомъ архивѣ сохранились многочисленныя записки, различные отчеты и проекты, когда либо написанные Н. И. за время его довольно продолжительной службы, всѣ его записныя книжки и дневники путешествій въ черновомъ видѣ. Большинство этихъ бумагъ теперь утратило практическое значеніе; но въ историческомъ отношеніи онѣ не лишены научнаго интереса. Для будущей исторіи нашей дипломатіи на Востокѣ записки Н. И. обяснятъ очень много такого, что обыкновенно не заносится въ оффиціальные документы; онѣ раскроютъ намъ тѣ идеи и планы, которыя въ свое время зарождались во время канцелярской работы и потомъ проводились въ области реальной политики и приносили на международной аренѣ тѣ или другіе результаты. Дневники и замѣтки Н. И. могли бы освѣтить, какъ внѣшнюю жизнь этого человѣка, такъ его умственную работу и его міровоззрѣніе; но они, вслѣдствіе сокращеній и неясныхъ намековъ, понятныхъ лишь самому писавшему, и, по неразборчивости, представляютъ

Николай Ива́новичъ Любимовъ.

матеріалъ безнадежный. Ознакомившись съ архивомъ Н. И, я нашелъ возможнымъ обнародовать одинъ эпизодъ изъ его службы по министерству иностранныхъ дѣлъ. Но скажемъ сперва о самомъ Н. И.

Н. И. происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1808 г. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, откуда выпущенъ кондукторомъ въ 1828 г. и тогда же поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера Н. И. пошла довольно быстро: въ началѣ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, а въ октябрѣ того же года получилъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1830 назначенъ начальникомъ 1-го стола 2-го отдѣленія. Въ томъ же году былъ по высочайшему повелѣнію откомандированъ къ ген.-маіору графу Толстому, назначенному для присутствованія въ слѣдственной комиссіи въ г. Севастополѣ и оставался тамъ по февраль 1831 г. Въ апрѣлѣ 1832 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст., въ январѣ 1833 произведенъ въ коллежскіе ассесоры, въ 1835 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.

Всѣ эти награды, дававшіяся Н. И. почти ежегодно, надо объяснять не протекціею, которой у него не было, а его замѣчательною работоспобностью, очень цѣнимою начальствомъ. Сверхъ занятій по Азіатскому департаменту Н. И. состоялъ еще правителемъ дѣлъ высочайше учрежденнаго въ 1833 г. Комитета объ изысканіи новыхъ источниковъ дохода и сокращеніи расходовъ столицы, и оставался въ этой должности до закрытія Комитета въ 1838 г.

Въ 1836 г. Н. И. былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Азіатскаго департамента.

Въ апрѣлѣ 1840 г. Н. И., по избранію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утвержденъ приставомъ для сопровожденія Російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Во время пути и въ Китаѣ Н. И. велъ подробный дневникъ и при всякой возможности посылалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробныя донесенія о своей дѣятельности, какъ пристава, и своихъ наблюденіяхъ о китайцахъ. Въ особенности онъ обращалъ вниманіе на торговлю нашу съ Китаемъ и изучилъ этотъ вопросъ основательно[1]). Нося чисто дѣловой характеръ, донесенія Н. И.

[1]) По возвращеніи въ Петербургъ Н. И. подалъ въ августѣ 1842 г. въ министерство иностр. дѣлъ подробное донесеніе о Кяхтинской торговлѣ, которое было представлено Государю, написавшему на немъ: „Весьма любопытно; сообщить М. Ф., съ тѣмъ чтобы представилъ свое заключеніе".

теперь показались бы скучными; но тогда они несомнѣнно принесли большую пользу.

Чтобы оцѣнить, какъ этотъ практическій оріенталистъ скоро освоился съ востокомъ, достаточно прочитать его записку о рѣкѣ Амурѣ, тамъ онъ предсказалъ тотъ путь, какимъ можно было присоединить эту рѣку къ Россіи и что впослѣдствіи было осуществлено гр. Муравьевымъ-Амурскимъ.

Изъ Китая Н. И. вернулся въ Петербургъ въ февралѣ 1842 г. съ предыдущей духовной миссіей. За исполненіе этого порученія онъ получилъ пожизненную пенсію въ 600 р. независимо отъ жалованья по службѣ и чинъ статскаго совѣтника. Въ апрѣлѣ 1843 г. Н. И. былъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента.

Тогда же возникъ вопросъ, сперва въ литературѣ, поднятый Е. П. Ковалевскимъ, „странствователемъ по сушѣ и морямъ", а потомъ въ министерствѣ финансовъ—объ урегулированіи и оживленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ западными провинціями Китая черезъ Чугучакъ и Кульджу. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда перешелъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе и заключеніе, свѣдѣній, сколько нибудь обстоятельныхъ, по данному предмету не оказалось; а между тѣмъ министерство это очень чутко относилось къ торговымъ предпріятіямъ нашего купечества, всѣми способами старалось поддержать его стремленіе къ завоеванію новыхъ рынковъ, и не могло остаться безучастнымъ въ данномъ случаѣ. Но, чтобы выступить по возникшему дѣлу съ достаточнымъ авторитетомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило изучить торговыя условія на мѣстѣ при посредствѣ опытнаго лица. Роль секретнаго агента была возложена на Н. И., который подъ именемъ фридрихсгамскаго 2-й гильдіи купца Николая Иванова Хорошева совершилъ въ 1845 г. поѣздку въ Чугучакъ и Кульджу въ азіатскомъ костюмѣ, какъ это тогда было неизбѣжно. Лучшаго выбора министерство сдѣлать и не могло. Н. И., проѣхавшій вдоль всей Азіи съ запада на востокъ, основательно изучившій состояніе русской торговли въ Кяхтѣ и Пекинѣ, да и вообще человѣкъ наблюдательный, могъ дать и дѣйствительно далъ обстоятельныя свѣдѣнія о торговлѣ въ интересовавшемъ насъ районѣ. На содержаніе во время командировки Н. И. выдано единовременно 1500 р., назначено по 10 р. с. въ сутки столовыхъ и отпущены прогоны по положенію. За успѣшное исполненіе этого „особаго порученія" и за труды, понесенные при семъ случаѣ, Н. И. былъ награжденъ чиномъ дѣйст. ст. совѣтника и орде-

номъ св. Владиміра 3-й ст. (2 марта 1846). Въ ноябрѣ 1848 г. онъ получилъ орденъ Станислава 1-й ст., а въ 1850 г. единовременное награжденіе въ 1000 червонцевъ. Слѣдствіемъ этой поѣздки было учрежденіе по договору съ Китаемъ въ 1851 г. русской факторіи и консульства какъ въ Чугучакѣ такъ и въ Кульджѣ. Въ Чугучакъ былъ назначенъ консуломъ докторъ Татариновъ, а въ Кульджу И. И. Захаровъ, оба вышедшіе изъ той миссіи, которую сопровождалъ Н. И. Первое изъ этихъ консульствъ просуществовало недолго, оно упразднилось, когда Чугучакская факторія была сожжена китайскою чернью въ 1855 году, за что правительство уплатило вознагражденіе потерпѣвшимъ 200.000 р.

Въ февралѣ 1852 г. Н. И. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., въ 1855 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст. и въ 1856 г. чинъ тайнаго совѣтника.

Послѣдствія Крымской войны отозвались на личномъ составѣ минитерства иностранныхъ дѣлъ. 20 сентября 1856 г. Н. И. былъ назначенъ сенаторомъ въ 5-й департаментъ, а мѣсто директора Азіатскаго департамента занялъ Е. П. Ковалевскій, тоже сопровождавшій въ качествѣ пристава духовную миссію въ Пекинъ. Съ 1858 г. Н. И. сталъ присутствовать въ первомъ департаментѣ сената. Въ 1860 г. награжденъ орденомъ бѣлаго орла. Въ 1867 г. пожалованъ арендой въ 2500 руб. Послѣдняя награда—орденъ св. Александра Невскаго.

Скончался Н. И. 19 августа 1875 г. въ Гаисѣ (въ Швейцаріи) отъ разрыва сердца.

Оставивъ дипломатическую службу, Н. И. не переставалъ интересоваться политикой и по поводу нѣкоторыхъ событій высказывалъ на нихъ свой взглядъ и здраво судилъ о нихъ, но никогда не выступалъ печатно, а обмѣнивался своими впечатлѣніями съ близкими людьми письменно. Нѣсколько такихъ писемъ было опубликовано Н. П. Барсуковымъ въ XX томѣ сочиненія „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (Спб. 1906).

Н. Веселовскій.

Извлеченіе изъ журнала бывшаго въ 1843 г. Комитета о Кяхтинской торговлѣ.

О торговлѣ съ Западною границею Китая.

Говоря вообще о нашей торговлѣ съ Китаемъ, сосредоточенной теперь въ Кяхтѣ,—пунктѣ, назначенномъ по трактату для торговыхъ сношеній обоихъ народовъ,—Комитетъ не могъ не обратить своего вниманія на другую часть нашей границы съ Китаемъ, а именно: на Семипалатинскъ, какъ пунктъ, чрезъ который также производятся торговыя сношенія съ Западною частью Китая, съ западными городами его Чугучакомъ и Гульджею,—хотя сношенія сіи, не бывъ установлены никакимъ трактатомъ, дѣлаются теперь тайно, безъ вѣдома Китайскаго правительства. Торговля семипалатинская, производимая нашими купцами Западной Сибири, которые отправляются туда подъ видомъ азіатцевъ и степныхъ жителей, скрывая, что они русскіе подданные,—съ нѣкотораго времени—стала болѣе и болѣе обращать на себя общее вниманіе. *По мнѣнію многихъ людей*, сей торговый путь, по бо̀льшему удобству его и краткости, могъ бы сдѣлаться весьма важнымъ для нашихъ торговыхъ видовъ въ отношеніи къ Китаю, и распространить, вообще, торговые обороты съ симъ государствомъ, безъ вреда притомъ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ торгъ съ Чугучакомъ и Гульджею производится на другой оконечности Китайскихъ владѣній; но что для успѣха сего торга нужно, чтобы оный былъ дозволенъ Китайскимъ правительствомъ и производился открыто.

Комитетъ, не имѣя надлежащихъ данныхъ и свѣдѣній, дабы судить о сей торговлѣ съ Западною границею Китая и о видахъ, которые она можетъ представлять въ будущемъ, при правильномъ ея установленіи,—долгомъ считаетъ только изъяснить свое мнѣніе на счетъ пользы собранія подобныхъ свѣдѣній, которыя могли бы поставить Правительство въ возможность обсудить сей важный вопросъ и рѣшить: слѣдуетъ-ли что-либо предпринять для учрежденія сей торговли на правильныхъ основаніяхъ,—что̀, конечно, не можетъ сдѣлаться безъ сношеній и переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. Бо̀льшая краткость и удобство пути отъ Семипалатинска до Нижняго и Москвы, нежели отъ Кяхты до сихъ мѣстъ, не требуютъ никакого доказательства. Извѣстно также, что и путь чрезъ Киргизскія

степи до Чугучака и до самой Гульджи не представляетъ особенныхъ затрудненій; но къ рѣшенію въ этомъ дѣлѣ предлежатъ другіе важные вопросы, и именно: 1) До какой степени труденъ или удобенъ путь отъ Чугучака и Гульджи до самаго Китая,—до провинцій онаго, отъ коихъ западныя владѣнія сего государства отдѣлены степью и пустыней? 2) Какіе предметы могутъ представлять для нашей торговли сіи собственно Китайскія провинціи, которыя, находясь ближе къ означенной Западной границѣ, могли бы войти въ торговые съ нами обороты чрезъ помянутые пункты, въ случаѣ устройства тамъ правильной торговли? 3) Какіе виды представляетъ для сей торговли самая Западная граница сія, т. е. Илійская область (гдѣ находятся Гульджа и Чугучакъ), а также прилегающая къ сей области съ юга Малая Бухарія, или Восточный Туркестанъ, съ городами Аксу, Кашгаромъ и Яркентомъ? 4) Такъ какъ Чугучакъ и Гульджа суть ничто иное, какъ военныя колоніи Китайцевъ, то въ случаѣ даже учрежденія тамъ правильной торговли, не будетъ ли китайское купечество чуждаться сихъ мѣстъ, какъ теперь оно ихъ чуждается (хотя, можетъ быть, теперь это происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя съ открытіемъ законной торговли миновались бы)? 5) Полезно также сообразить: на какихъ, именно, основаніяхъ должна быть установлена сія торговля съ Западомъ Китая, дабы оная не могла вредить кяхтинской.

Безъ разъясненія сихъ и подобныхъ вопросовъ ничего положительно нельзя сказать о сей торговлѣ и будущихъ ея выгодахъ; слѣдственно и входить въ какія-либо объ оной сношенія съ Китайскимъ правительствомъ было бы мѣрою преждевременною и могущею, въ случаѣ неосуществленія нашихъ надеждъ, повести только къ напраснымъ переговорамъ съ Китайцами (успѣшное окончаніе каковыхъ переговоровъ во всякомъ случаѣ будетъ не безъ затрудненія).

По симъ уваженіямъ Комитетъ находилъ бы весьма полезнымъ: до приступленія къ какимъ-либо особымъ дѣйствіямъ—отправить довѣренное лицо въ Семипалатинскъ съ тѣмъ, чтобы проникнуть далѣе въ Чугучакъ и Гульджу, и собрать тамъ на мѣстѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Учрежденіе правильной торговли съ Китаемъ на другомъ еще пунктѣ, кромѣ Кяхты, есть, безъ сомнѣнія, дѣло важное для нашей промышленности, для коей, быть можетъ, открылись бы чрезъ то новые истоки,—и обстоятельство это особенное заслуживаетъ вниманіе при нынѣшнемъ положеніи нашихъ тор-

говыхъ сношеній съ Китаемъ и вслѣдствіе недавнихъ политическихъ событій въ семъ государствѣ; по каковымъ уваженіямъ Комитетъ и полагаетъ, что весьма бы полезно было, не теряя времени, приступить къ собранію нужныхъ для насъ свѣдѣній и къ тѣмъ предварительнымъ дѣйствіямъ, по вышеизложенному предмету, которыя оказываются необходимыми въ видахъ поддержанія и развитія нашей съ Китаемъ торговли, съ успѣхами коей тѣсно связаны успѣхи отечественной промышленности.

Въ заключеніе Комитетъ положилъ: представить сей окончательный журналъ своихъ засѣданій на дальнѣйшее усмотрѣніе г-на вице-канцлера.

Донесеніе Н. И. Любимова о поѣздкѣ въ Чугучакъ и Кульджу.

Его сіятельству господину государственнному канцлеру статскаго совѣтника Любимова

ДОНЕСЕНІЕ.

По докладу вашего сіятельства состоялось въ минувшемъ году Высочайшее повелѣніе объ отправленіи меня въ западные китайскіе города, Чугучакъ и Кульджу, для собранія нужныхъ свѣдѣній о тамошней торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ. Главная цѣль сей посылки состояла въ томъ, чтобы на самыхъ мѣстахъ изслѣдовать сію торговлю и вникнуть въ вопросъ: можетъ ли она распространиться съ западными областями Китая и какія могли бы быть употреблены вѣрнѣйшія къ нему средства?

Такъ какъ успѣхъ сего порученія зависѣлъ наиболѣе отъ того, чтобы тайна посылки лица для собранія всѣхъ сихъ свѣдѣній не могла быть проникнута не только азіатцами, но даже нашимъ купечествомъ,—то предположено было: 1) отправить меня подъ видомъ купца, намѣревающагося сдѣлать опытъ торговыхъ сношеній съ помянутыми китайскими городами; 2) придать мнѣ переводчика, знающаго татарскій языкъ и который былъ бы при мнѣ въ качествѣ приказчика; 3) снабдить меня небольшою партіею товаровъ, дабы такимъ образомъ отвратить лишніе толки и подозрѣнія со стороны торгующихъ; 4) самую поѣздку изъ Семипалатинска произвести чрезъ посредство тамошняго купца Самсонова, на котораго г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири указалъ, какъ на человѣка, вполнѣ благонадежнаго.

Все учинено было согласно съ вышеозначенными предначертаніями.

Я пріѣхалъ въ Семипалатинскъ 19 мая прошлаго г., уже подъ видомъ *купца Хдрошева*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ, названнымъ въ паспортѣ *Фейзуллою Ибрагимовымъ*; по прибытіи немедленно вошелъ въ сношенія съ купцомъ Самсоновымъ на счетъ дальнѣйшей поѣздки; принялъ въ свое вѣдѣніе бывшіе уже въ Семипалатинскѣ товары; отправился затѣмъ, вмѣстѣ съ Костромитиновымъ (оба переодѣтые въ азіатское платье) въ Чугучакъ, потомъ въ Кульджу, откуда возвратился по новому пути, чрезъ Большую Орду,—и теперь долгомъ поставляю, съ разрѣшенія вашего сіятельства, представить предварительно токмо краткій очеркъ сдѣланнаго мною путешествія. Что же касается до отвѣтовъ на вопросы, изъясненные въ данной мнѣ инструкціи, и до всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ по торговой части, то оные составятъ предметъ особаго отчета, который буду имѣть честь представить немедленно по приведеніи въ порядокъ моихъ записокъ.

Караванъ, съ которымъ я отправился изъ Семипалатинска 5-го іюня, слѣдовалъ прямо въ Кульджу, а потому, чтобы заѣхать въ Чугучакъ, мнѣ надобно было въ степи отъ онаго отдѣлиться и слѣдовать уже особо, малымъ караванцемъ, состоявшимъ изъ 13 верблюдовъ. Мы сначала шли чрезъ кочевья подвластныхъ Россіи киргизовъ Средней Орды (семизнаймановъ, мурунцевъ и сувановъ); потомъ, переправясь чрезъ Тарбагатай, вышли уже на китайскую сторону и продолжали слѣдовать по кочевьямъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ байджигитовъ, которые хотя и считаются въ китайскомъ подданствѣ, но подданство это болѣе мнимое, нежели дѣйствительное. Киргизы эти по временамъ производятъ въ степи шалости и даже причиняютъ обиды купцамъ, слѣдующимъ чрезъ ихъ мѣста незначительными караванами. Намъ, однако же, удалось пройти всѣ ихъ кочевья безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, хотя и встрѣчали тамъ и сямъ воровскія партіи сихъ киргизовъ, отправлявшихся на баранту противъ своихъ сосѣдей. Караванъ нашъ достигъ Чугучака 5 іюля, бывъ съ послѣдняго китайскаго караула провожаемъ (какъ обыкновенно водится) китайскими караульными чиновниками, которые, сдѣлавъ опись нашимъ товарамъ, заявили обо всемъ китайскому таможенному начальству.

Въ Чугучакѣ нашли мы множество всякаго торговаго народа: большая часть были ташкенцы, живущіе въ степи и въ

Семипалатинскѣ, и затѣмъ наши татары (многіе изъ нихъ—бѣглые, проживающіе также въ степи, подъ названіемъ чала-казаковъ); изъ русскихъ же всего было 3 человѣка (приказчики двухъ купцовъ изъ Устькаменногорска). Должно при семъ замѣтить, что по близости отъ нашей границы Чугучака (отстоящаго отъ Семипалатинска въ 450 верстахъ), туда отправляются частые караваны, начиная съ мая и до глубокой осени (между тѣмъ какъ въ Кульджу караванъ отходитъ изъ Семипалатинска только разъ въ годъ, въ лѣтнее время). Путь, по которому они, обыкновенно, слѣдуютъ въ Чугучакъ, лежитъ чрезъ Кокбетинскій округъ и Тарбагатай, который они проходятъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу; рѣдкіе слѣдуютъ чрезъ Аягузскій округъ, ибо дорога на Аягузъ, хотя также довольно удобная, нѣсколько длиннѣе и болѣе представляетъ опасности со стороны кочующихъ за Тарбагатаемъ байджигитовъ. Въ Чугучакѣ, вообще, лѣтомъ безпрестанное движеніе,—приливъ и отливъ купечества; но всѣ эти купцы ничто иное, какъ мелочники, привозящіе, вообще, посредственный товаръ. Самымъ значительнымъ купцомъ считается живущій въ Семипалатинскѣ ташкенецъ Ибрагимъ Амировъ, отправляющій ежегодно въ Чугучакъ товаровъ тысячъ на 15 рублей серебромъ.

Всѣ торговцы, по прибытіи въ Чугучакъ, размѣщаются на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ глиняною стѣною и совершенно открытомъ (дворъ этотъ именуется *курганомъ*); товары же складываются въ китайскую таможню, въ находящіяся тамъ особыя кладовыя. Днемъ торговцы пользуются нѣкоторою свободою, т.-е. могутъ выходить на степную сторону, имѣть сношенія съ приходящими къ нимъ китайскими купцами и покупать отъ китайскихъ мелочниковъ съѣстные припасы и т. п.; но въ китайскій городъ и къ самимъ китайскимъ купцамъ, съ которыми производятъ мѣновую торговлю, не могутъ ходить иначе, какъ съ разрѣшенія начальства и въ сопровожденіи таможеннаго служителя. Вечеромъ всѣхъ запираютъ въ вышеозначенномъ дворѣ, гдѣ, кромѣ людей, помѣщается также и весь караванный скотъ: цѣлыя сотни верблюдовъ, лошадей, барановъ и т. п. Насъ, по прибытіи, помѣстили въ этомъ же дворѣ.

Я не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности о торговлѣ нашей съ Чугучакомъ и вообще съ западными областями Китая, такъ какъ всѣ эти подробности должны составить предметъ особаго донесенія вашему сіятельству; но, въ дополненіе къ вышеизложенному, не излишнимъ считаю присовокупить: что, какъ мнѣ кажется, торговля съ Западомъ Китая могла

бы скоро развиться и сдѣлаться немаловажною для нашей промышленности, *если бы оная производилась на иныхъ основаніяхъ*— на основаніяхъ правильныхъ и *была китайскимъ правительствомъ дозволена*. При теперешнемъ положеніи, все зависитъ отъ снисхожденія китайскихъ мѣстныхъ властей,—отъ произвола ихъ; ничего нѣтъ опредѣленнаго и законнаго: таможенный китайскій чиновникъ, который сегодня принимаетъ купца съ благосклонностію и ласкою, завтра же, по личнымъ какимъ-нибудь видамъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, можетъ заковать его въ колодки и даже высѣчь плетьми, чему и бывали примѣры; самое помѣщеніе для пріѣзжающаго купечества есть своего рода пытка. Разумѣется, что при такомъ порядкѣ, капитальныхъ людей въ этой торговлѣ съ нашей стороны нѣтъ и быть не можетъ, а производятъ ее, какъ выше сказано, мелочники и всякіе азіатцы. Между тѣмъ, потребность на наши произведенія, мануфактурныя и другія, *тамъ существуетъ въ высшей степени*, что и доказываетъ возможность развитія нашей торговли, которая даже при теперешнемъ стѣсненномъ ея положеніи, при всемъ томъ, что производится, такъ сказать, *торгашами*, — съ годами растетъ, (но растетъ медленно). Китайскихъ товаровъ, преимущественно чая, можетъ привозиться сколько угодно, если только нашихъ товаровъ будетъ итти туда болѣе, особенно, если оные будутъ добротнѣе. Купцы китайскіе, видя у меня товары лучшаго качества, нежели какіе доселѣ туда привозились, отъ души этому радовались, убѣдительно прося меня продолжать и на будущее время начатую съ ними торговлю.

Во время пребыванія моего въ Чугучакѣ я удостоился быть приглашеннымъ къ таможенному амбаню (начальнику всей Чугучакской области). Амбань, узнавъ, что прибылъ русскій купецъ изъ столицы, пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ моими приказчиками. Пріемъ былъ весьма благосклонный и я воспользовался онымъ, чтобы спросить, между прочимъ, у амбаня: могутъ ли на будущее время русскіе торговцы пріѣзжать въ Чугучакъ не переряженные въ азіатское платье, а въ русской своей одеждѣ? Амбань отвѣчалъ: „что торговля въ Чугучакѣ дозволена, со стороны ихъ правительства, только *анъджанамъ*, т.-е. ташкентцамъ и кокандцамъ, а потому русскіе должны пріѣзжать туда въ азіатскомъ нарядѣ"; отвѣтъ весьма странный въ устахъ китайскаго начальника и доказывающій, до какой степени сами китайскіе чиновники желаютъ поддерживать эту съ нами торговлю при всей ея *незаконности* (поддерживать, разумѣется, въ теперешнемъ ея видѣ, получая значительныя

отъ нея выгоды); большая часть товаровъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ начальствомъ въ пошлину, идетъ, какъ мнѣ сказывали сами китайскіе купцы, въ карманъ амбаня и таможенныхъ чиновниковъ.

Товары, взятые мною въ Чугучакъ, промѣнены тамъ большею частью на чай, который съ нѣкотораго времени уже началъ составлять и въ этихъ мѣстахъ главную статью китайской торговли, до того, что, кромѣ байховаго чая, другихъ китайскихъ товаровъ вымѣнивать нашимъ купцамъ становится годъ отъ году труднѣе. Обстоятельство это также заслуживаетъ особеннаго вниманія, и въ отчетѣ, который я буду имѣть честь представить по торговой части, донесу объ этомъ подробнѣе.

Изъ Чугучака выѣхали мы 18-го іюля. Слѣдовать малымъ нашимъ караванцемъ до Кульджи было невозможно по разнымъ причинамъ и по опасности пути, ибо далѣе за байджигитами кочуютъ кызайцы, народъ еще болѣе дикій и необузданный, и потому, что еще неизвѣстно было, какъ китайскія власти примутъ русскаго торговца въ Кульджѣ, гдѣ торгуютъ одни наши ташкентцы, въ Семипалатинскѣ проживающіе (за исключеніемъ лишь одного приказчика купца Самсонова, отправляющагося туда тоже подъ видомъ азіатца). По симъ уваженіямъ, дошедъ до озера Ала-куля, мы рѣшились въ кочевьяхъ тѣхъ же байджигитовъ ожидать прибытія кульджинскаго каравана, съ которымъ напередъ было условлено, гдѣ и когда съ онымъ соединиться, дабы потомъ уже вмѣстѣ слѣдовать до самой Кульджи. Караванъ этотъ, вмѣсто того, чтобы притти къ Ала-кулю 25-го іюля, какъ предполагалось, пришелъ почти мѣсяцемъ позже. Все это время мы жили въ аулахъ одного киргизскаго старшины, съ которымъ и перекочевывали съ мѣста на мѣсто. въ ожиданіи каравана. Киргизъ этотъ, у котораго мы имѣли пристанище, былъ человѣкъ пользующійся большимъ вѣсомъ между своими единоплеменниками — и это избавило насъ отъ разныхъ непріятностей. Наконецъ, кульджинскій караванъ прибылъ 19-го августа. По соединеніи съ нимъ мы продолжали слѣдовать въ Кульджу, сначала вдоль восточнаго берега озера Ала-куля, а потомъ чрезъ кочевья кызайцевъ и бегимбетовъ и чрезъ разные хребты горъ (Тохту, Канджигу и Талку). Съ Тохтинскаго хребта начинаются китайскіе караулы, по цѣпи которыхъ мы и слѣдовали до самой Кульджи. Караванъ нашъ состоялъ изъ 400 верблюдовъ; купцовъ съ работниками, вожаками и приставшими къ намъ киргизами было до сотни. При караванѣ, кромѣ товаровъ, было 8 т. барановъ, вымѣненныхъ

въ степи, по мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ Кульджѣ. На каждомъ китайскомъ караулѣ насъ пересчитывали, записывая верблюдовъ, барановъ и самое число тюковъ и сдавая все по счету слѣдующимъ караульнымъ начальникамъ.

Въ Кульджу вступили 9-го сентября. Насъ расположили на обычномъ мѣстѣ, въ $1^1/_2$ версты отъ города, возлѣ самой рѣки Или; товары же, какіе находились при караванѣ, на другой день потребованы были въ таможню и тамъ размѣщены въ особыхъ кладовыхъ.—Эпоха, въ которую мы прибыли въ Кульджу, была для торговли совершенно новая и весьма любопытная: доселѣ торговля въ Кульджѣ производилась на иныхъ основаніяхъ нежели въ Чугучакѣ: въ послѣднемъ изъ сихъ мѣстъ пріѣзжающіе съ товарами торговцы имѣютъ дѣло собственно съ китайскими купцами; въ казну же китайскую ничего не продаютъ, внося только положенную пошлину,—по 1-й штукѣ съ 10-ти каждаго товара, *за половинную цѣну* (т. е. $5^0/_0$),—каковая половинная цѣна опредѣляется особымъ тарифомъ. Въ Кульджѣ напротивъ того купцы доселѣ всегда торговали съ китайскою казною, которая за извѣстную цѣну покупала у нихъ часть товаровъ и за тѣмъ уже остальную позволяла потомъ продавать на волю желающимъ, т. е. китайскимъ купцамъ. Въ истекшемъ же 1845 году кульджинское купечество, съ разрѣшенія высшаго своего правительства, измѣнило этотъ порядокъ и приняло тотъ, который существуетъ въ Чугучакѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ торговлю *вольною* и взимая въ казну извѣстную часть товаровъ въ видѣ пошлины. Новый этотъ порядокъ безъ сомнѣнія во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго и болѣе можетъ способствовать развитію торговли; но ташкентцы наши, привозящіе въ Кульджу преимущественно всякій плохой товаръ и опасавшіеся, что имъ трудно будетъ сбыть оный китайскимъ купцамъ, были недовольны измѣненіемъ прежнихъ правилъ и стали сначала просить о возстановленіи прежняго образа производства торговли. При этомъ случаѣ я позволилъ себѣ сдѣлать имъ нѣкоторыя внушенія и склонилъ ихъ оставить вышеизъясненное домогательство, а ограничиться только просьбою объ отмѣнѣ, или уменьшеніи самой пошлины, которая положена была съ нашихъ товаровъ вдвойнѣ, будучи взимаема и при предъявленіи въ таможню (съ пріѣзжающихъ купцовъ) и съ самихъ китайцевъ, при вымѣнѣ сихъ товаровъ отъ нашего каравана. Переговоры объ отмѣнѣ, или уменьшеніи пошлины продолжались цѣлый мѣсяцъ. Во весь этотъ мѣсяцъ не только воспрещены были китайскимъ купцамъ всякія сообщенія съ

нашимъ караваномъ, но даже (чтобы заставить насъ на все безусловно согласиться) держали караванъ нѣсколько дней какъ бы въ осадномъ положеніи: не пропускали къ намъ ни хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, ни сѣна для нашего скота. Наконецъ дѣло кончилось болѣе или менѣе по желанію купечества: кульджинское начальство въ пошлинѣ сдѣлало значительную сбавку противъ Чугучака, и хотя, также какъ тамъ, взимаетъ одну десятую съ русскихъ товаровъ, за полцѣны, но эта полуцѣна въ Кульджѣ по многимъ статьямъ равняется полной цѣнѣ, такъ что для купечества пошлина эта нисколько не отяготительна. Обстоятельство эта, и въ особенности то, что торговля въ Кульджѣ будетъ отнынѣ производиться съ китайскимъ купечествомъ, а не съ казною, благопріятствуетъ нашимъ сношеніямъ съ сею китайскою областію и можетъ послужить до нѣкоторой степени къ ихъ развитію.

Кульджа, находясь въ бо́льшемъ отдаленіи отъ нашей границы нежели Чугучакъ (въ разстояніи 900 верстъ), въ этомъ отношеніи представляетъ какъ бы менѣе удобствъ нежели сей послѣдній пунктъ; но взамѣнъ того она населеннѣе, болѣе въ ней купечества, и самые товары въ ней разнообразнѣе: кромѣ чая въ Кульджѣ вымѣниваются разныя шелковыя матеріи (канфы, фанзы, крѣпи и т. п.). Сверхъ того она ближе къ Кашкаріи. Но тѣ же препятствія, какія существуютъ для чугучагской торговли, встрѣчаются и здѣсь—и онѣ таковы, что безъ устраненія сихъ препятствій, безъ установленія *правильной съ китайцами торговли*, оная не можетъ развиваться въ желаемой степени. Нельзя при этомъ еще не указать на одно обстоятельство довольно важное: часть нашихъ мануфактурныхъ товаровъ, промѣниваемыхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а именно: нанка, коленкоръ, миткаль, ситецъ, бумажные платки, и т. п., идутъ чрезъ городъ Урумджи [1]) преимущественно въ Кашкарію и требованіе на подобнаго рода издѣлія тамъ столь значительно, что наши товары не удовлетворяютъ и десятой доли тамошнихъ потребителей, и можетъ быть отъ этого съ нѣкотораго времени началъ усиливаться привозъ въ Кашкарію англійскихъ товаровъ. Замѣчательно еще то, что бо́льшая часть этихъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій проникаетъ туда не изъ

[1]) Урумджи находится за великою китайскою стѣною, на пути изъ Китая въ Джунгарію и Кашкарію; въ этомъ городѣ находятся главныя конторы китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ городахъ Кашкаріи.

Индіи чрезъ Тибетъ (не смотря на то, что это ближайшій туда путь), а изъ самаго Китая, проходя изъ китайскихъ портовъ, чрезъ всѣ внутреннія китайскія провинціи, за великую стѣну, въ Урумджи, а оттуда уже въ Кашкарію. Обо всемъ этомъ мнѣ говорили и китайскіе купцы и нѣкоторые изъ ташкентцевъ, которые были въ Кашкарѣ, Яркентѣ и Аксу,—такъ что обстоятельство это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По большей несравненно для насъ краткости пути въ Кашкарію, по могущей отъ сего быть большей дешевизнѣ тамъ нашихъ товаровъ, казалось бы, они могли вытѣснить оттуда англійскіе, особенно если бы привозились лучшаго качества. Прежде съ нашей стороны были дѣланы опыты *непосредственныхъ сношеній съ Кашкаріею*: послѣдній караванъ ходилъ туда изъ Семипалатинска въ 1824 году (онъ принадлежалъ семипалатинскому купцу Попову); но съ тѣхъ поръ усилившіеся безпорядки въ Большой Ордѣ и между Дикокаменными киргизами, чрезъ кочевья коихъ лежитъ караванный путь въ Кашкарію, служили постояннымъ препятствіемъ къ возобновленію подобныхъ опытовъ, и такимъ образомъ Кашкарія начала уже подчиняться торговому вліянію Англіи. Теперь обстоятельства въ Большой Ордѣ и въ странѣ Дикокаменныхъ киргизовъ измѣнились къ лучшему и, при нѣкоторыхъ съ нашей стороны мѣрахъ, могли бы значительно содѣйствовать всякимъ торговымъ видамъ нашего правительства въ отношеніи къ Кашкаріи.

Во время всего пребыванія моего въ Кульджѣ я не скрывалъ, что я русскій, какъ не скрывалъ и въ Чугучакѣ и это не подвергло меня никакимъ непріятностямъ, не смотря на то, что въ Кульджу, какъ выше замѣчено, ѣздятъ почти исключительно одни наши Ташкентцы. Главное, чего должно было опасаться, это чтобы китайцы не проникли, что въ караванѣ находится русскій чиновникъ, посланный отъ правительства. Но по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ и по мѣрамъ, принятымъ съ самаго начала министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайна эта не была китайцами проникнута.

Засимъ, долгомъ считаю донести, что въ бытность мою въ Кульджѣ мнѣ удалось, при пособіи моихъ спутниковъ, склонить китайцевъ на позволеніе каравану возвратиться по другому пути, гораздо удобнѣйшему, именно: чрезъ Большую Орду и такъ называемыя *Семь-рѣкъ*. Караваны наши обыкновенно слѣдуютъ въ Кульджу, какъ выше замѣчено, чрезъ Тарбагатай, мимо озера Алакуля (по восточной его сторонѣ); потомъ чрезъ разные хребты горъ, преодолѣвая множество всякаго рода труд-

ностей и препятствій, самою природою воздвигаемыхъ. Вотъ уже лѣтъ 40 какъ они ходятъ по этому пути, а чрезъ Семь-рѣкъ, или Большую Орду не пускаются изъ боязни кочующихъ тамъ киргизовъ. Ѣдучи въ Кульджу и въ самой Кульджѣ отъ разныхъ людей я узналъ, что путь этотъ не такъ страшенъ, какъ мнѣ объ немъ разсказывали въ Семипалатинскѣ; къ тому же въ послѣднее время въ Большой Ордѣ совершились новыя благопріятныя для насъ обстоятельства. Киргизы этой Орды, которые прежде считали себя въ китайскомъ подданствѣ, стали проситься, и весьма усильно, въ русское подданство. Сообразивши все это, я рѣшился просить у китайскаго начальства дозволенія возвратиться чрезъ Семь-рѣкъ (иначе, безъ сего позволенія, насъ не пропустили бы чрезъ ихъ караулы). Китайцы долго упорствовали намъ въ отказѣ; но наконецъ, по разнымъ убѣдительнымъ нашимъ доводамъ, которые были подкрѣплены нѣкоторыми подарками, склонились на наше домогательство. Въ слѣдствіе этого я отправился изъ Кульджи *по новому пути*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ и ташкентцемъ Рахимджаномъ Беделевымъ, оказавшимъ во всемъ этомъ дѣлѣ особенныя услуги; прочіе же купцы и вообще весь караванъ, за исключеніемъ нашего, возвратились по прежней дорогѣ.

Новый путь оказался удобнымъ свыше нашего ожиданія: горъ никакихъ нѣтъ кромѣ легкаго переѣзда чрезъ Югантасъ (отрасль хребта Алатау); вездѣ рѣки (не затрудняющія нисколько хода каравановъ); вездѣ отличные кормы для скота (даже въ зимнее время) и ни малѣйшаго недостатка въ топливѣ; между тѣмъ какъ по прежнему пути во всемъ этомъ недостатокъ, особенно въ зимнее время. Киргизы же не только не дѣлали намъ никакихъ обидъ и притѣсненій, но принимали вездѣ съ особеннымъ изъявленіемъ дружества; главный батырь ихъ (наѣздникъ), къ которому мы обратились, далъ намъ даже двухъ сыновей своихъ въ провожатые. Путь нашъ лежалъ чрезъ помянутую отрасль хребта Алатау и чрезъ рѣки: Кукъ-су, Караталъ, Акъ-су, Лепъ-су и Аягузъ, впадающія въ озеро Балкашъ. Китайцы нѣкогда изъявляли притязанія на сіи мѣста, начиная съ Каратала и далѣе къ югу; но вліяніе ихъ тамъ давно кончилось и съ тѣхъ поръ земли эти были, если не въ полномъ владѣніи, то подъ вліяніемъ хокандцевъ.

Обо всемъ этомъ также будетъ въ подробности изъяснено въ своемъ мѣстѣ. Проѣздъ чрезъ Большую Орду поставилъ меня въ возможность собрать довольно подробныя свѣдѣнія о киргизахъ сей Орды и о Дикокаменныхъ киргизахъ, которые при

теперешнемъ положеніи нашей торговли, повидимому, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Мы выѣхали изъ Кульджи 14-го ноября, и 10-го декабря были уже въ Семипалатинскѣ. По времени года можно было ожидать сильныхъ морозовъ и build_брановъ; но путешествіе наше и въ этомъ отношеніи совершилось весьма счастливо безъ малѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій. По прибытіи въ Семипалатинскъ я сдалъ въ таможню всѣ вымѣненные въ Кульджѣ и Чугучакѣ китайскіе товары, большею частью чаи и разныя шелковые матеріи, нѣкоторые же въ видѣ образцовъ отправилъ въ С.-Петербургъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся предметы, которые, повидимому, могли бы составить новыя статьи торговли.

Въ заключеніе обязанностію считаю засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ отличномъ усердіи бывшаго при мнѣ переводчика Костромитинова, который въ продолженіе всего путешествія былъ мнѣ весьма полезенъ, какъ по знанію татарскаго языка, такъ и по дѣятельности и распорядительности своей.

С.-Петербургъ,
11-го февраля 1846 г.

Докладная записка г. генералъ-губернатору Западной Сибири.

Вашему сіятельству угодно было, чтобы я представилъ свѣдѣнія, какія собралъ въ проѣздъ чрезъ Большую Орду о султанахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся вліяніемъ между киргизами сей орды, извѣстными подъ общимъ наименованіемъ юсунцевъ [1]).

Во исполненіе сего требованія честь имѣю донести: что власть султановъ въ послѣднее время вообще упала, и теперь между юсунцами существуетъ почти совершенное безначалье: многіе батыри пользуются гораздо большимъ вѣсомъ, нежели самые султаны ихъ. Изъ сего слѣдуетъ однако-же исключить султановъ Галія Адилева и племянника его султана Хакима,

[1]) Юсунцы раздѣляются на нѣсколько родовъ, но главные изъ нихъ суть дулаты. Къ нимъ принадлежатъ султаны: Хакимъ, Галій и Батырь Тойчубекъ, о которомъ ниже въ подробности упоминается.

сына покойнаго султана Кулана [1]). Первый изъ нихъ кочуетъ около устья Кукъ-су; а второй ближе къ китайскимъ карауламъ.

Что же касается до султана Иргали, иначе называемаго Кучюномъ (брата Галія), имѣющаго отъ нашего правительства нѣкоторые знаки отличія, то онъ не имѣетъ никакого особеннаго вѣса [2]).

То же самое можно сказать о престарѣломъ Сюкѣ Аблай-ха новѣ, кочующемъ на Караталѣ, который заслуживаетъ только вниманіе по своей постоянной и испытанной преданности русскому правительству.

Затѣмъ изъ киргизскихъ батырей, кромѣ Тойчубека (съ которымъ я имѣлъ личныя сношенія) наиболѣе вліятельные суть: Куренкей, родственникъ Тойчубека, Декабмай и Байсерке. (Вѣроятно, есть и другіе). Батырей этихъ также весьма полезно бы было приласкать и стараться держать въ добромъ къ намъ расположеніи.

О Тойчубекѣ обязываюсь еще доложить, что онъ при всемъ томъ, что въ душѣ не очень любитъ русскихъ, оказалъ все возможное вниманіе къ нашему небольшому каравану—первому русскому, каравану, который прошелъ чрезъ ихъ мѣста, на возвратномъ пути изъ Кульджи [3]). Султанъ Хакимъ вмѣстѣ съ нимъ кочующій, не взирая на то, что мы обратились не къ нему, а

---

[1]) У хана Аблая было два сына: Адиль и Сюкъ (Сюкъ Аблай-хановъ находящійся еще въ живыхъ и кочующій на Караталѣ).

Отъ Адиля (давно умершаго) произошла большая часть нынѣшнихъ юсунскихъ султановъ. Его дѣти были: Куланъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между киргизами (онъ померъ тому лѣтъ 15), Галій, Иргали и другіе, отъ которыхъ произошло еще множество султановъ.

Галій и Иргали живы и первый изъ нихъ (Галій) всегда считался между киргизскими султанами разумнѣйшимъ. Теперь онъ и по лѣтамъ своимъ и по уму имѣетъ особенное вліяніе на юсунцевъ; затѣмъ помянутый султанъ Хакимъ, какъ старшій сынъ покойнаго Кулана.

Въ прошломъ году, когда у юсунцевъ рѣшался вопросъ: проситься ли имъ въ русское подданство или нѣтъ, то съѣздъ для рѣшенія сего дѣла былъ у султана Галія и потомъ также былъ въ числѣ главныхъ султанъ Хакимъ.

[2]) Если онъ и заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, то только потому, что братъ Галія и вмѣстѣ съ нимъ кочуетъ. По слухамъ въ Большой Ордѣ прошедшей осенью онъ собирался ѣхать въ Омскъ въ качествѣ депутата отъ юсунцевъ, но пріѣздъ къ юсунцамъ нашего Бикходжи заставилъ его отмѣнить это намѣреніе.

[3]) Племянникъ его Исенбекъ и сынъ его же, Тойчубека, Джанъ ходжи были употребляемы дулатами по дѣлу объ удовлетвореніи нашихъ Найма новъ. Они много тутъ содѣйствовали и, казалось, было бы не безполезно при случаѣ чѣмъ-нибудь ихъ отличить.

къ Тойчубеку, лицу второстепенному, также не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ пропускѣ каравана и обошелся съ нами весьма привѣтливо.

Явить имъ за это нѣкоторые знаки вниманія со стороны вашего сіятельства не только не будетъ лишнимъ и тѣмъ болѣе, что они кочуютъ на самомъ караванномъ пути, но, смѣю думать, и впредь можетъ побудить ихъ къ оказанію проходящимъ чрезъ ихъ кочевья русскимъ караванамъ всякаго пособія и покровительства, что̀ для торговыхъ видовъ тѣмъ важнѣе, что путь чрезъ Семь-рѣкъ (чрезъ кочевья юсунцевъ) несравненно удобнѣе того, по которому обыкновенно ходятъ въ Кульджу наши караваны. Купцы наши, имѣющіе дѣла съ Кульджею, намѣрены будущимъ же лѣтомъ отправить караванъ по сему новому пути, если только обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, т.-е. если юсунцы сохранятъ къ намъ тѣ же отношенія и чувствованія въ какихъ теперь находятся, благодаря распоряженіямъ вашего сіятельства у пограничнаго начальства.

Отношеніе къ Директору Азіатскаго Департамента.

Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о возвращеніи моемъ и состоящаго при мнѣ губернскаго секретаря Костромитинова въ Семипалатинскъ.

Нынѣ долгомъ поставляю увѣдомить: что вывезенные мною изъ Чугучака и Кульджи товары, на основаніи данныхъ мнѣ предписаній, сданы въ Семипалатинскую таможню; нѣкоторые же изъ нихъ взяты для представленія начальству. Что̀ именно взято и что̀ оставлено, изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ съ отношенія моего къ г. управляющему таможнею и съ слѣдующихъ къ сему отношенію двухъ приложеній.

Взятыя изъ таможни вещи, по надлежащей укупоркѣ, сданы 27 декабря находящемуся въ Семипалатинскѣ повѣренному московскаго купца Шевелкина, Дмитрію Иванову Антипину, который подрядился ихъ доставить въ Москву за плату по восьми рублей ассигнаціями съ пуда. Всей тяжести оказалось 6 ящиковъ, составившихъ 15 пудовъ 14 фунтовъ, за которые причлось Антипину 122 руб. 80 коп. ассигнаціями; сумма сія выдана ему въ Семипалатинскѣ. По доставленіи означенныхъ ящиковъ въ Москву, оные будутъ тамъ сданы купцу Михайлѣ Дмитріеву Гусеву, къ коему я на сей конецъ выслалъ и накладную съ роспискою на оной Антипина, въ полученіи какъ ящиковъ, такъ и вышеозначенной суммы (копія съ сей наклад-

ной у сего же представляется). Дальнѣйшее всего отправленіе изъ Москвы будетъ устроено по пріѣздѣ моемъ туда. Я надѣюсь быть тамъ ранѣе прихода помянутыхъ тяжестей.

За симъ, обязываюсь доложить, что по полученіи нужныхъ свѣдѣній отъ г. управляющаго семипалатинскою таможнею, я 28 декабря, вмѣстѣ съ губернскимъ секретаремъ Костромитиновымъ отправился въ Омскъ, куда и прибылъ 31 декабря, а на другой день имѣлъ честь представиться къ г. генералъ-губернатору Западной Сибири. По распоряженію его сіятельства, получилъ я здѣсь прогоны и подорожную отъ Омска до Оренбурга. Прогонныхъ денегъ выдано мнѣ по положенію на 6 лошадей 137 руб. $92^1/_2$ коп. серебромъ (по расчету $1532^1/_2$ версты), а Костромитинову на 2 лошади 45 руб. $97^1/_2$ коп., а всего сто восемьдесятъ три рубля девяносто копѣекъ серебромъ.

Обо всемъ этомъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю присовокупить, что сего 4-го января я отправляюсь съ г. Костромитиновымъ въ дальнѣшій путь по указанію начальства.

Маршруты.

I. Изъ Семипалатинска въ Чугучакъ.

	Привалы.	Версты
1.	Бишъ-чуку (колодезь).	30
2.	Кара-мола (на р. Чарѣ)	25
3.	Аякъ-караулъ (на р. Чарѣ)	25
4.	Урта-караулъ (на р. Чарѣ)	20
5.	Джанъ-аму (при рѣч. Джангалъ)	25
6.	Айдарлы-кызылъ (сопка)	25
7.	Дубай (сопка)	20
8.	Пикетъ Караджалъ	20
9	Ковбектинскій приказъ	30
10.	Кара-уткуль (рѣчка)	20
11.	Юзъ-агачь (рѣчка и лѣсъ)	20
12.	Бугасъ (рѣчка)	35
13.	Карабуга-базаръ (рѣчка)	20
14.	Дебнека (рѣчка)	25
15.	Кульденекъ-су (въ Тарбагатаѣ)	30
16.	Кара-мула	30
17.	Катынъ-су	15
18.	Китайскій караулъ Джигирма	35
19.	Чугучакъ	20
	Итого	470

Караваны совершаютъ этотъ путь въ 12 дней.

II. Отъ Семипалатинска до Чугучака чрезъ Аягузъ.

	Привалы.	Версты
1.	Пикетъ Улугузъ, при колодцѣ	25
2.	Колодезь Кургамбай	25
3.	Колодцы Кызляръ Казганъ	14

Привалы.	Версты
4. Пикетъ Джарташъ, на ключѣ	30
5. Пикетъ Косумбетъ, колодцы	26
6. Пикетъ Аркатъ, на ключѣ	26
7. Пикетъ Альчи Надыръ, колодцы	24
8. Пикетъ Узунбулакъ, ключъ	24
9. Пикетъ Горькій или Аще-су, колодцы	26
10. Кой-Тасъ, гора и ключъ, влѣво отъ дороги	20
11. Рѣка Аягузъ, выше Новаго приказа 15 в.	25
12. Р. Большой Нарымъ (уроч. Чинъ-ходжа)	21
13. Ключъ Джалпага-су	30
14. Р. Караколъ	20
15. Ключъ Кобелега-су у горъ Кызылъ Беледу	25
16. Р. Урджаръ	22
17. Ключъ Пшукъ Акджаръ	18
18. Рѣчка Сарымсакты	22
19. Рѣчка Коктерекъ	25
20. Уйрянъ-Копа, ключъ и камыши	16
21. Ключъ Кай-чи	14
22. Кит. караулъ Коктума, при ключѣ	18
23. Чугучакъ	16
Итого	512

Караванъ приходитъ въ Чугучакъ по этому пути въ 15 дней.

III. Отъ Семипалатинска до Кульджи.

Привалы.	Версты
Караваны слѣдуютъ вышеозначеннымъ трактомъ (II) до 16-го привала на р. Урджаръ	383
17. Уроч. Буркъ-агачъ на р. Урджаръ	30
18. Р. Катынъ-су	35
19. Р. Эмиль при уроч. Джангызъ-агачѣ	16
20. Ключъ Вали-булакъ на вост. сторонѣ озера Алакуля	22
21. Ключъ Уали-булакъ	21
22. Ключъ Узунъ-булакъ	25
23. Ключъ Кабакъ-булакъ	16
24. Ключъ Кызылъ-Каинъ	20
25. Колодцы Уланъ-Куль	25
26. Ключъ Кара-Даванъ	16
27. Кит. караулъ Каптагай, ключъ	11
28. Ключъ Уте-булакъ	12
29. Кит. караулъ Боротара или Уланъ-Бура	27
30. Кит. караулъ Канджага	28
31. Ключъ Кульденекъ-су	11
Проходятъ мимо озера и караула Сайрама.	
32. Гора Талка, ключи	37
33. Кит. караулъ Талка	17
34. Караулъ и деревня Сарбулакъ	25
35. Городъ Кульджа, на р. Или	25
Итого	802

(Окончаніе слѣдуетъ).

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Продолженіе* **).

2. Начала пастурели.

Въ литературѣ, посвященной вопросу о происхожденіи пастурели, отношеній ея къ классической идилліи никто почти не касался (см., однако, этюдъ Pillet). Объясняется это, конечно, общимъ воззрѣніемъ на вліяніе классическаго преданія въ средніе вѣка, которому отводилось въ общемъ незначительное мѣсто. Между тѣмъ, это едва ли справедливо. Несомнѣнно, что многія черты куртуазнаго идеала нашли себѣ откликъ и поддержку въ классическихъ воспоминаніяхъ и чтеніяхъ, и отчасти даже коренятся въ нихъ. Кое-что проходило въ рыцарскую среду непосредственно, изъ различныхъ передѣлокъ и пересказовъ древнихъ мотивовъ. Но многое проникало и путемъ церкви, школы. Ихъ роль въ литературномъ развитіи Западной Европы еще не достаточно изучена и латинская литература, поскольку она не замыкалась въ стѣнахъ школы, пока еще мало привлекала къ себѣ интересы изслѣдователей. Представители школы и церкви являлись настоящей средне-вѣковой интеллигенціей, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ опредѣленной исторической традиціей, самосознаніемъ. Ихъ литература была литературой par excellence; то, чтѐ распространяли всякіе бродячіе пѣвцы, — пустымъ времяпрепровожденіемъ досужихъ людей или легкой забавой. Она станетъ настоящей литературой послѣ того, какъ попытаетъ свои силы въ вопросахъ, которые до той поры не подлежали ея вѣдѣнію. Если школьная литература относительно рѣдко служила матерьяломъ для подражанія, заимствованія, то гораздо чаще она являлася образцомъ работы. Вотъ почему необходимо считаться съ нею при анализѣ средне-вѣковой литературы и тщательно отмѣчать, гдѣ

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.", вып. II, 1907 г.

возможно, несомнѣнныя точки соприкосновенія между той и другой (Эбертъ,[2] I, p. X сл.; ср. работы Шёнбаха).

Для пастурели, какъ уже было сказано, этого не дѣлалось. Она представлялась настолько національнымъ поэтическимъ продуктомъ, что о заимствованіи и рѣчи быть не могло. Какъ то случайно Fauriel коснулся вопроса объ отношеніи провансальской пастурели къ античной, но мимоходомъ, не аргументируя своего предположенія, и тутъ же наполовину его затушевывая: „Ce genre est donc encore un des fils par lesquels il est probable que la poésie chevaleresque tient aux traditions de l'antiquité classique. Du reste, il y a peu de choses à dire de la poésie pastorale des troubadours, quelle qu'en soit l'origine, sinon que c'est peut-être une des abstractions poétiques les plus étranges dont l'histoire de la littérature fasse mention“ [12]). Интересенъ самый фактъ появленія у двухъ различныхъ національностей одной и той же формы идилліи. Впрочемъ, можно ли французскую пастурель назвать идилліею въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ пьесы Ѳеокрита? Насколько пастурель явилась, въ самомъ дѣлѣ, попыткой удовлетворить потребности сознательнаго противупоставленія простой, деревенской или пастушеской обстановки куртуазному искусственному рыцарству? Исторія древнѣйшихъ формъ скорѣе противъ такого толкованія явленія. Позже пастурель была осмыслена въ этомъ направленіи, но это стало возможнымъ лишь въ пору расцвѣта куртуазныхъ началъ, при условіяхъ, подсказывавшихъ антитезу тамъ, гдѣ прежде былъ простой традиціонный мотивъ.

Другое дѣло—классическая идиллія. Она отвѣтила запросамъ сентиментализма александрійской эпохи, какъ историческія симпатіи современниковъ Ричардсона являлись выраженіемъ мечтаній о добромъ старомъ времени (непремѣнно, конечно, добромъ), *своей*, національной порѣ, далекой отъ уродливостей галлизированной современности. Впрочемъ, различная оцѣнка однихъ и тѣхъ же данныхъ не устраняетъ возможности заимствованія.

Посмотримъ, что же даетъ классическая идиллія или эклога для пониманія французской пастурели.

Излюбленной темой Ѳеокрита является мотивъ мусическаго состязанія: онъ заставляетъ своего Ѳирсида пропѣть намъ по приглашенію товарища—пастуха о смерти Дафниса, за что Ѳирсидъ награжденъ красивымъ сосудомъ и правомъ подоить одну изъ козъ (I); описываетъ пѣніе взапуски двухъ пастуховъ, обмѣни-

---

[12]) Hist. de la poésie prov., P. 1846, т. II стр. 91.

вающихся шутками (V, сл. VII, VIII, IX), мимирующихъ діалогъ Дафниса и Полифема, влюбленнаго въ Галатею (VI), или, наконецъ, рисуетъ намъ нѣчто вродѣ débat двухъ крестьянъ, которые жнутъ въ полѣ: одинъ поетъ о своей любви къ прекрасной Полиботѣ, на что товарищъ его, Милонъ, отвѣчаетъ смѣшкомъ и пѣснью жнеца,—любовныя мысли не дѣло рабочаго человѣка (X). Пѣніе взапуски и débats, отчасти разновидность первыхъ, одинъ изъ любимыхъ народныхъ пріемовъ, съ которымъ мы встрѣчаемся всюду, отъ Америки до Сибири и отъ Норвегіи до Австраліи. Въ Сициліи онъ также популяренъ теперь, какъ былъ популяренъ и въ эпоху Θеокрита, когда по извѣстнымъ праздникамъ пастухи являлись въ города и устраивали такія состязанія.

Идиллія IV вводитъ насъ въ кругъ пѣсенъ, которыя можно было бы назвать любовными сценками. Пастухи Баттъ и Коридонъ бесѣдуютъ о любви. Коридонъ утѣшаетъ товарища, лишившагося недавно своей возлюбленной Амариллиды. Тѣмъ временемъ стадо ихъ забирается въ оливковую рощу и начинаетъ уничтожать молодые побѣги. Пастухи прерываютъ разговоръ и бросаются за нимъ въ погоню, во время которой Баттъ занозилъ себѣ ногу. Сценка заканчивается разговоромъ пріятелей объ одномъ навязчивомъ влюбленномъ старикѣ (γερόντιον). Идиллія XXIII, изображающая трагическій конецъ одного влюбленнаго, повѣсившагося на дворѣ у юноши, предмета его страсти, убитаго потомъ въ наказаніе за его недоступность упавшею на него статуей Эрота, и извѣстный Ὀαριστύς (XXVII) принадлежатъ къ числу псевдо-θеокритовыхъ пьесъ.—Гораздо многочисленнѣе классъ любовныхъ монологовъ,—идиллій, вродѣ Φαρμακεύτριαι (II), III, въ которой пастухъ поетъ свою скорбную пѣсню передъ гротомъ недоступной красавицы Амариллиды, или ламентацій Киклопа (XI), страдающаго отъ любви своей къ Галатеѣ—рядъ красивыхъ психологическихъ мотивовъ, полныхъ тонкой наблюдательности, изящества и настроенія. Къ нимъ примыкаетъ еще нѣсколько пьесъ, въ которыхъ поэтъ знакомитъ насъ съ душевнымъ состояніемъ женщины, ожидающей своего возлюбленнаго (XII), или даетъ монологъ безнадежно влюбленнаго (XXIX и XXX). Если присоединить къ этому перечню типовъ идилліи извѣстныхъ Сиракузянокъ (XV), то основныя, важнѣйшія категоріи ея будутъ исчерпаны. Я миновалъ политическія идилліи Θеокрита; они переносятъ насъ къ эклогамъ Виргилія и другихъ римскихъ поэтовъ, для которыхъ эта форма гораздо характернѣе. Изъ трехъ политическихъ пьесъ Θеокрита только

одна (XIV) можетъ быть названа идилліей; она облечена въ форму діалога между Эсхиномъ и Θіонихомъ. Эсхинъ жалуется товарищу на свою возлюбленную Киниску, которая оскорбила его недавно на пиру тѣмъ, что слишкомъ явно выразила свою симпатію другому. Чтобы развѣять свое горе онъ собирается уйти куда-нибудь и поступить въ солдаты. Услышавъ эти слова Эсхина, Θіонихъ совѣтуетъ ему отправиться къ Птолемею, гдѣ ему будетъ навѣрное достаточно покоя. Птолемей всегда съумѣетъ оцѣнить преданнаго ему человѣка и вознаградитъ его за услуги. Похвала занимаетъ всего нѣсколько стиховъ и очень искусно вплетена въ общую канву разсказа. XVI и XVII, наоборотъ, представляютъ собой обычныя хвалебныя пѣсни: первая—въ честь Гіерона II Сиракузскаго, расположенія и покровительства котораго добивался поэтъ, вторая—въ честь Птолемея II.

Политической эклогой открывается составленный, вѣроятно, самимъ поэтомъ сборникъ буколикъ Виргилія. Она посвящена восхваленію Августа; по формѣ это діалогъ Титира и Мелибея (I). Въ послѣдней изъ пьесъ, заканчивающей собой рядъ амебейныхъ эклогъ, поэтъ знакомитъ насъ съ положеніемъ вопроса о конфискаціи земель, ради которой ему самому пришлось перенести немало тревогъ и безпокойства: Ликидъ и Меридъ бесѣдуютъ о судьбѣ хозяина Мерида, пѣвцѣ Меналкѣ: нѣкогда ему помогли въ бѣдѣ его стихи, отрывки которыхъ пріятели припоминаютъ во время своего разговора; но теперь времена наступили иныя — и стихи перестаютъ приносить пользу (IX). Къ тому же вопросу примыкаетъ и популярная въ средніе вѣка: Sicilides musae, paulo maiora canamus (IV), связь которой съ эклогой ограничивается только этой captatio benevolentiae. Между этими политическими эклогами и пастушескими стихотвореніями стоятъ VI и VIII, посвященныя Вару и Азинію Полліону: VI—эпическая пѣснь о міроздании, вложенная поэтомъ въ уста Силена, который поетъ ее по требованію лишившихъ его свободы, въ то время когда онъ, подвыпивъ, спалъ, Эгле, Хромида и Мнасилла. VIII—комбинація мотивовъ Θеокритовой Ворожеи (II) и жалобы Киклопа (XII), перенесенной въ уста любовника, тоскующаго по своей возлюбленной въ день ея свадьбы. Большинство остальныхъ эклогъ рисуютъ намъ столь любимыя Θеокритомъ поэтическія состязанія, alternis dicetis: amant alterna camenae (III v. 5); передъ нами Меналкъ и Дамета, обмѣнивающіеся въ присутствіи приглашеннаго ими въ качествѣ судьи Палемона двустишіями: одинъ

ставитъ извѣстныя положенія, товарищъ его старается съострить по поводу ихъ или противупоставить имъ другія, аналогичныя, въ свою пользу. Пѣніе кончается загадками, предлагаемыми и той и другой стороной и приговоромъ Палемона, признающаго обоихъ пастуховъ достойными награды (III). Или Меналкъ и Мопсъ, поочередно поющіе о гибели и славѣ Дафниса, вознесеннаго на Олимпъ и чествуемаго торжественно на ежегодныхъ празднествахъ (V). Иногда тотъ же мотивъ мусическаго состязанія вставленъ въ эпическія рамки разсказа о немъ, какъ напр., въ эклогѣ, въ которой Мелибей описываетъ подобный поэтическій турниръ Коридона и Тирсита въ присутствіи Дафниса (VII). Рядомъ съ ними монологи любовнаго содержанія крайне немногочисленны. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ изображаетъ страданія пастуха, влюбленнаго въ красавца Алексида (II), въ другомъ любовную тоску Галла, оставленнаго Ликоридой, котораго стараются утѣшить Панъ, Сильванъ и даже самъ Аполлонъ и который, наконецъ, смиряется передъ всепокоряющей силой любви: omnia vincit amor, et nos cedamus amori (X).

За Виргиліемъ въ области буколики слѣдуютъ Кальпурній (T. Calpurnius Siculus) и Немезіанъ (M. Aurelius Olympius Nemesianus). Первый принадлежитъ эпохѣ Нерона. Три изъ его эклогъ, (I, IV, VII) представляющія собой политическія идилліи, съ аллюзіями на современность, написаны несомнѣнно въ надеждѣ, что пѣсня дойдетъ до того, кому она написана: Forsitan augustas feret haec Meliboeus ad aures (I v. 94). Они восхваляютъ цезаря (IV, VII) и предвѣщаютъ ему наступленіе золотого вѣка (I). Другія, подобно буколикамъ творца Энеиды, изображаютъ поэтическія состязанія 2-хъ пастуховъ (VI) или преніе пастуха и садовника на тему о томъ, чье ремесло имѣетъ больше значенія (II). V пьеса нѣчто вродѣ Breviarium pastoris: старый пастухъ Миконъ, хочетъ отдохнуть и поручаетъ стадо своему молодому товарищу, причемъ даетъ ему соотвѣтствующія указанія. III идиллія единственная въ сборникѣ буколика Кальпурнія, въ которой любовный мотивъ занимаетъ главное мѣсто, хотя онъ и сопоставленъ здѣсь съ другой темой (также отчасти II: восхваленіе Crocale): Jollas приходитъ къ Ликиду узнать, не видѣлъ ли онъ его бѣжавшей коровы. Но напрасно спрашивать Ликида: онъ всецѣло поглощенъ мыслью о своей Филлидѣ, которая бросила его и отдалась Мопсу. По этому поводу вмѣсто свѣдѣній о пропавшей коровѣ Ликидъ сообщаетъ товарищу пѣсню, которою онъ думаетъ вернуть къ себѣ невѣрную красавицу. Строго говоря обѣ послѣднія пьесы, III и V,

опять таки могутъ быть подведены подъ категорію состязаній, или, обобщая нѣсколько терминъ, подъ категорію идиллій, изображающихъ исполненіе пѣсни. Вступленіе является лишь поводомъ къ пѣснѣ, къ наставленію.

Къ той же Нероновой эпохѣ относятся и двѣ найденныя Haupt'омъ и изданныя имъ же буколики, сохранившіяся въ рукописи Einsiedeln'a. Одна изъ нихъ примыкаетъ къ I эклогѣ Кальпурнія и говоритъ о возвращеніи золотого вѣка при Неронѣ; въ другой описывается обычай состязанія, имѣющій въ данномъ случаѣ цѣль прославить Нерона какъ музыканта.

Обыкновенно рядомъ съ эклогами Кальпурнія ставятъ четыре идилліи, приписанныя ему же, но на самомъ дѣлѣ принадлежащія, вѣроятно, перу автора Cynegetica, карѳагенянину Немезіану (III в.). Всѣ они примыкаютъ къ группѣ амебейныхъ пѣсенъ: пастухи поютъ славу умершаго Мелибея (I), поютъ о заключенной ея родителемъ Donace (II): или жалуются взапуски на своихъ возлюбленныхъ. III эклога ближайшимъ образомъ напоминаетъ VI эклогу Виргилія, только тема ея ўже: пробужденный тремя мальчиками пастухами, которые овладѣли во время его сна его флейтой и не могутъ съ ней справиться, Панъ беретъ у нихъ свой инструментъ и поетъ славу Вакха.

Наиболѣе распространеннымъ мотивомъ античныхъ эклогъ и идиллій является, какъ мы видѣли, мусическое состязаніе или изображеніе исполненія пѣсни (Ѳеокритъ, Виргилій); къ амебейнымъ пьесамъ Виргилія придется еще присоединить VI и VIII, которыя строго говоря, представляютъ собой аналогичныя сценки: введеніе VI есть только поводъ послушать пѣніе Силена, и обѣ пѣсни VIII могутъ быть связаны психологически. Мотивъ варьировался, такъ какъ былъ любимымъ мотивомъ поэтовъ. Эта черта классической идилліи, при знакомствѣ съ послѣдней, должна была остановить на себѣ вниманіе средне-вѣковыхъ поэтовъ, такъ какъ амебейныя пѣсни и пѣніе взапуски были хорошо знакомы и средне-вѣковому западу; между тѣмъ ни французскія, ни провансальскія пастурели не даютъ въ этомъ смыслѣ ничего. Никакого слѣда не оставила послѣ себя и политическая эклога, популярная въ римской литературѣ, и давшая тамъ цѣлый рядъ разновидностей болѣе или менѣе маскирующихъ основной мотивъ. Въ литературѣ Франціи, знавшей сирвентесъ, какъ политическую и дидактическую пѣсню, эта форма могла встрѣтить сочувствіе и найти подражателей. Но единственный образчикъ политической пастурели, L'autrier

m'anav' ab cor pensiu—Paulet de Marselha, проще и прежде всего нужно объяснить, какъ разновидность классическаго типа пастушеской пѣсни, сложившуюся подъ вліяніемъ сирвентесовъ: она была простымъ продолженіемъ дидактическихъ композицій вродѣ L'autrier al issida d'abriu Marcabrun'a, оригиналовъ которыхъ мы напрасно бы искали въ античной литературѣ. Единственно возможное сопоставленіе, если оно уже такъ необходимо, было бы сопоставленіе ихъ съ I и V Кальпурнія и II идилліей Haupt'a. Но характеръ образовъ, отсутствіе, напр., пастушки здѣсь, какъ и въ другихъ античныхъ пьесахъ, исключаетъ гипотезу заимствованія или осязательнаго вліянія, дальше котораго итти, конечно, трудно.

Въ группѣ идиллій съ мотивами любви нужно различать двѣ категоріи: въ одной мотивъ этотъ является основнымъ, центральнымъ, въ другой—онъ вводная, побочная тема. Къ первой категоріи относится цѣлый рядъ пьесъ Θеокрита и Виргилія, особенно перваго; они представляютъ собой или монологъ — ламентацію любящихъ (В. II, перв. часть VIII, X; сл. Θ. III, XXIX) или рисуютъ намъ эпическую картину, сюжетомъ которой является любовь, ея печальные моменты (Θ. XI, XIII, XXVI). Единственная пьеса этого типа, гдѣ описываемое приписывается женщинѣ—Θ. XII; во всѣхъ остальныхъ она за сценой. Единственная французская пастурель, которая можетъ быть сопоставлена съ указанными—III, 38, но монологъ здѣсь вложенъ въ уста дѣвушки, она не сохранилась въ древнихъ спискахъ и, наконецъ, можетъ представлять собой лишь фрагментъ болѣе полнаго текста. Но даже забывая о двухъ послѣднихъ условіяхъ, мы ничего не выиграемъ отъ сличенія III, 38 съ ближайшимъ къ ней по содержанію В. II, VIII и Θ. III, XXIX. Центральное положеніе занимаетъ мотивъ любви и въ нѣкоторыхъ діалогическихъ по формѣ идилліяхъ (Немез. II, IV, Θ. VI и *XXVII). Аналогію съ пастурелью представляетъ, однако, одинъ только oaristys, но и здѣсь сходство ограничивается лишь общимъ положеніемъ, которое настолько элементарно, что можетъ встрѣчаться всюду.

Пьесы, гдѣ тема любви играетъ роль вводнаго элемента (Кальп. (II) III; В. (V); Θ. (I) IV, X, XIV, XX), опять таки связаны съ такими деталями, которыя дѣлаютъ невозможнымъ перенесеніе мотива.—Какія же у насъ точки опоры для сужденія о заимствованіи пастушеской идилліи отъ писателей древности или даже просто объ общей зависимости пастурели отъ ея классическихъ параллелей, о вліяніи идиллій въ общемъ,

какъ жанра, на средне-вѣковыхъ поэтовъ, которые, познакомившись съ нею или зная только о ея существованіи, хотя бы изъ вторыхъ рукъ, создали свой собственный оригинальный pendant къ ней? Примѣръ Нитгарда не рѣшаетъ вопроса (если объяснять его дѣятельность отчасти вліяніемъ французской „деревенской поэзіи"). Мы имѣемъ дѣло съ представителями начинающейся эпохи, за которыми едва ли можно было бы признать такую самостоятельность творчества, изощренность вкуса и сложность (относительную, конечно), настроенія. Исторія провансальской пастурели указываетъ скорѣе на непопулярность жанра, который спасала только традиція, ибо организующаяся куртуазная среда пока не была еще въ состояніи осмыслить его какъ идиллію, а тѣмъ болѣе взяться за ея созданіе изъ національнаго матерьяла по образцу античныхъ оригиналовъ. Если она и знала кое-что объ этихъ послѣднихъ, то не удѣлила имъ никакого вниманія, такъ какъ они не отвѣчали ея запросамъ. Если же предположить, что она могла заинтересоваться классической идилліей какъ новымъ мотивомъ, какъ фабулой, то пришлось бы предположить вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстный параллелизмъ въ этомъ отношеніи между буколикой и пастурелью, тѣмъ болѣе что усвоеніе наиболѣе характерныхъ типовъ первой было вполнѣ возможно ввиду аналогичныхъ мѣстныхъ данныхъ. Одинъ пасторальный элементъ самъ по себѣ (хотя бы рядомъ съ обстановкой нѣмецкой Dorfpoesie) слишкомъ незначительная точка опоры для построенія, тѣмъ болѣе что его можно объяснить,—въ согласіи съ исторіей французскаго лиризма вообще, изъ данныхъ иного порядка.—Впрочемъ, можетъ быть, всѣ эти соображенія несправедливы ввиду того, что между античной традиціей и позднѣйшимъ литературнымъ развитіемъ могла стоять школа, переработавшая перешедшую къ ней по наслѣдству эклогу *по-своему*: мы ошиблись бы, такимъ образомъ, въ исходной точкѣ. Посмотримъ, что̀ даетъ намъ школьная литература. Но предварительно, нѣсколько словъ о ранней средне-вѣковой буколической поэзіи, съ которою необходимо считаться и для пониманія дальнѣйшаго.

Въ литературномъ кружкѣ, сгруппировавшемся при дворѣ Карла Великаго и [каковы бы ни были цѣли его вдохновителя (ср. итальянскую и нѣмецкую критику)] обновившемъ въ извѣстной мѣрѣ культъ классической поэзіи съ точки зрѣнія свѣтской, Виргилій являлся однимъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей древности. Въ одномъ изъ своихъ посланій Іоркской братіи, бывшимъ своимъ ученикамъ, Алкуинъ обращается къ

нимъ съ увѣщаніемъ заниматься поэзіей и, взявъ плектръ Марона, порадовать своего учителя добрыми пѣснями. Читались и изучались не только Энеида и другіе болѣе значительныя по объему его произведенія, но и скромныя сицилійскія пѣсни. На знакомство съ ними указываетъ пріуроченіе пастушескихъ именъ Виргилія къ нѣкоторымъ изъ представителей общественной дѣятельности и литературы того времени: Damoetas было прозвищемъ діакона Рикульфа, котораго Карлъ Великій посылалъ въ 781 г. къ Тассилону баварскому, и который позже былъ сдѣланъ архіепископомъ Майнца (787—813 гг.); Corydon'омъ называлъ Алкуинъ одного изъ своихъ учениковъ, вѣроятно Naso-Moadwinus, къ которому написана одна изъ его элегій въ буколическомъ родѣ, полная упрековъ въ дурномъ образѣ жизни и въ забвеніи своего призванія—поэзіи:

v. 19. Viscera tota tibi cecinerunt atque capilli,
Nunc tua lingua tacet...
v. 23. Dormit et ipse meus Corydon, scholasticus olim,
Sopitus Bacho.

Въ одномъ посланіи Алкуина къ „сладчайшему Давиду"— Карлу упоминается Thyrsis, прозвище присвоенное одному изъ камерлинговъ Карла — camerarius regis. Въ другомъ своемъ стихотвореніи, De cuculo, Алкуинъ приглашаетъ одного изъ своихъ учениковъ, Дафниса, и добраго знакомаго своего, любителя поэзіи Меналка, regiae mensae praepositus,—оплакать гибель кукушки, подъ которой разумѣется, вѣроятно Додо, бывшій въ теченіе нѣкотораго времени также ученикомъ Алкуина; онъ пропадалъ теперь благодаря чрезмѣрному поклоненію Вакху:

Plangamus cuculum, Daphin dulcissime, nostrum,
Quem subito rapuit saeva noverca suis—
Incipe tu senior, quaeso, Menalca, prior.

Это небольшая буколическая элегія, вѣроятно, сопровождавшаяся первоначально прозаическимъ письмомъ (догадка Эберта, II, p. 31, прим. 1). Conflictus (certamen) Veris et Hiemis, если не написанное самимъ Алкуиномъ, то вышедшее изъ его литературнаго кружка, напоминаетъ нѣсколько сценарій III эклоги Виргилія. Съ окрестныхъ горъ подъ тѣнь деревъ собираются пастухи, между ними Дафнисъ и Палемонъ, чтобы пропѣть хвалебную пѣснь кукушкѣ, какъ провозвѣстницѣ весны. Появляющіеся украшенный цвѣтами Ver и косматый Hiems нарушаютъ

ихъ намѣренія. Вмѣсто пѣнія организуется certamen подъ предсѣдательствомъ Палемона, какъ старшаго: мотивы спора между временами года — хвала и порицаніе кукушки, какъ символа весны, чередуются въ репликахъ состязующихся, энергично отстаивающихъ каждый свое превосходство передъ противникомъ. Споръ заканчивается приговоромъ Палемона и всѣхъ присутствующихъ, стоящихъ всецѣло на сторонѣ весны и радостно признающихъ ее побѣдительницей: salve, dulce decus, cuculus, per saecula salve! (v. 55). Пьеса эта любопытный и единственный образчикъ комбинаціи національныхъ и классическихъ мотивовъ: споръ Зимы и Весны вставленъ въ рамки эклоги; онѣ состязуются, какъ пастухи Виргилія, Ѳеокрита или Клеодамъ и Мирсонъ у Моска, спорящіе объ относительномъ превосходствѣ временъ года. Подобной націонализаціи античной формы, или по крайней мѣрѣ, ея центральнаго эпизода— амебейнаго состязанія, мы вправѣ были бы ожидать и отъ средне-вѣковыхъ пѣвцовъ: она была имъ вполнѣ по силамъ и не требовала даже близкаго знакомства съ оригиналомъ. Но пастурели не даютъ намъ ничего подобнаго. Впрочемъ такое же изолированное положеніе занимаетъ Conflictus и среди латинскихъ эклогъ этого времени; въ нихъ трудно открыть слѣдъ вліянія національныхъ формъ и образовъ, такъ какъ обобщеніе идилліи въ простой діалогъ между двумя лицами (и больше) могло произойти безъ всякаго воздѣйствія со стороны какихъ-нибудь débats, тенсонъ, какъ бы популярны они ни были. Отголоски же классическихъ мотивовъ все еще сквозятъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ, въ упоминаніи пастушескаго имени, въ обращеніи къ своей флейтѣ и, наконецъ, что̀ особенно существено, въ оцѣнкѣ эклогъ какъ панегирика, политической пѣсни или стихотворенія по поводу. Чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ исторію идилліи карловингской эпохи, тѣмъ чаще будутъ останавливать на себѣ наше вниманіе черты разложенія античной буколики; эклога вытѣсняетъ идиллію, т.-е. послѣдняя все рѣже и рѣже служитъ цѣлямъ поэзіи. Въ кружкѣ Карла Великаго (и въ слѣдующіе годы, до смерти Карла Лысаго) она не привилась; но не только потому, чтобы личность Давида, новаго Августа, и все связанное съ нею были единственнымъ источникомъ вдохновенія, исключавшимъ всякій другой;—Виргилій, Кальпурній и Немезіанъ дали намъ и ту, и другую. Идиллія была недоступна имъ своимъ экзотическимъ реализмомъ—вотъ почему они свели очень скоро до минимума ея пасторальные аттрибуты, сохранивъ почтительно, со свой-

ственнымъ имъ педантизмомъ школьниковъ, названіе самой поэтической формы, ибо она была заповѣдана риторикой. Conflictus Veris et Hiemis—единственная идиллія эпохи, если только мы не слишкомъ много вкладываемъ въ нее своего, и если передъ нами не просто остроумное построеніе, безъ всякой опредѣленной мысли и цѣли, заинтересовавшее самого его автора, какъ риторически красивая комбинація.—Эклога Ангильберта ad Carolum Regem—панегирикъ Карлу Великому, связанный съ буколикой только примѣненіемъ рефрена (сл. В. VIII) и упоминаніемъ пастушьей флейты: въ видѣ припѣва чередуются три стиха: surge, meo domno dulces fac, fistula versus (v. 1), David amat vates, vatorum est gloria David (v. 3) и ниже: David amat Christum, Christus est gloria David (v. 31). За панегирикомъ Давиду слѣдуетъ восхваленіе „cari"—„дорогихъ" Карла, Гизелы, Ротруды, Берты и нѣсколькихъ друзей (Primicerius Aaron (Hildebald), Thyrsis и Menalkas). Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ cartula—письму, которое поэтъ проситъ направиться во дворецъ, чтобы передать привѣтъ его друзьямъ и побродить по чудеснымъ садамъ, гдѣ онъ живалъ въ прежніе годы. — Эклога Назона сохраняетъ по крайней мѣрѣ мотивъ амебейнаго состязанія. Молодой бѣдный поэтъ, ученикъ Алкуина, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Ангильберту, Назонъ пишетъ свое произведеніе съ цѣлью получить поддержку и снискать расположеніе Карла. Панегирикъ распредѣленъ между двумя книгами, изъ которыхъ первая представляетъ собой введеніе во вторую. Молодой пастухъ, puer—самъ поэтъ, вызываетъ на пѣсню стараго Микона (вліяніе Кальп. V): онъ надѣется путемъ прославленія Палемона (В. III) пріобрѣсти его покровительство;—по этому поводу вскользь нѣсколько хвалебныхъ стиховъ обновителю древняго золотого Рима. На тему о такомъ значеніи поэзіи подымается далѣе разговоръ, причемъ старикъ ссылается на примѣръ Овидія, совопросникъ его цитируетъ имена Виргилія, Лукана, Эннія—и цѣлый рядъ современныхъ ему поэтовъ (sic iterum haec etiam nostro nunc temрare cerne, I v. 48) — Гомера (Ангильберта), Флакка (Алкуина), Теодульфа и Nardus (Эйнгарда). Вторая книга эклоги примыкаетъ къ I Кальпурнія (отчасти В. IV), и является важнѣйшей частью произведенія, которое рисуетъ современность въ краскахъ золотого вѣка и аллюдируетъ на еще болѣе свѣтлое и славное будущее. Неизмѣримо выше въ поэтическомъ отношеніи стоитъ только панегирическимъ тономъ содержанія своего начальнаго діалога напоминающее эклогу сти-

хотвореніе Валафрида Strabus или Strabo: De imagine Tetrici (Versus in Aquisgrani palatio editi anno Hludowici Imperatoris XVI). Поэтъ стоитъ на площади передъ ахенскимъ дворцомъ, противъ котораго поставлена захваченная Карломъ Великимъ въ 801 г. въ Равеннѣ конная статуя Теодориха, и бесѣдуетъ со своимъ поэтическимъ геніемъ (Scintilla) о своемъ настроеніи, о вдохновеніи, объ одиночествѣ, которое необходимо поэту; разговоръ переходитъ постепенно къ Дитриху и его памятнику. Устами Scintilla Валафридъ даетъ читателю яркую характеристику Теодориха Великаго съ точки зрѣнія клерикальной, изображая его какъ представителя тираннін, порока, скупости и гордости. Введеніе это нужно лишь какъ база дальнѣйшаго. Людовикъ изображается какъ полная противоположность Теодориха, какъ современный Моисей, освобождающій народы отъ мрака невѣрія и раздающій всѣмъ дары Христа. Въ эту патетическую минуту, когда воображеніе напряжено, поэтъ искусно прерываетъ свой разсказъ; онъ слышитъ сладкіе звуки органа и видитъ передъ собой торжественную процессію выходящую изъ дворца, во главѣ которой находится самъ Моисей. Онъ весь обращается въ зрѣніе, пораженный картиной, напряженно всматриваясь въ участниковъ шествія, изъ которыхъ многіе ему знакомы. Когда самъ императоръ обращается къ нему съ вопросомъ, то онъ не сразу можетъ собрать свои мысли, и придя въ себя отвѣчаетъ хвалой Людовику, становящейся все болѣе и болѣе торжественной и смѣлой по мѣрѣ того, какъ онъ отдѣлывается отъ охватившаго его смущенія. Конецъ къ сожалѣнію портитъ впечатлѣніе памятника: прощаніе со статуей глупаго короля, которое должно служить captatio benevolentiae поэту — слишкомъ искусственный и неловкій пріемъ и лишняя вставка:

v. 258. Tetrice stulte, vale; quia te suadente canebam,
Non mirum est vitiis nostram sordere camenam...

Пусть поэтическое достоинство памятника послужитъ извиненіемъ нашему, быть можетъ, излишне длинному пересказу, тѣмъ болѣе что остающееся дастъ намъ въ этомъ смыслѣ очень мало. Элегія Ermoldus Nigellus — изображающая посольство Таліи къ королю Пипину и примыкающая къ аналогическому посланію Теодульфа къ Модоину и I элегіи Овидіевыхъ Tristia, напоминаетъ эклогу, можетъ быть, лишь благодаря эпизоду состязанія Вогёзовъ и Рейна (Wasacus—Rhenus) передъ судящими ихъ королемъ и Таліей, въ жалобу которой вставлена эта сценка

(2-ую пьесу Эрмольда нужно совсѣмъ устранить). Гораздо ближе къ настоящей эклогѣ стоитъ Ecloga duarum sanctimonalium, примыкающая въ одной ркп. X в. (Corbie) къ извѣстной Vita Adalahardi Radbert'a Paschasius'я († 865). Пасторальный элементъ отсутствуетъ, и только упоминаемый senior Menalcas (=Adalhard) наводитъ на мысль о вліяніи эклоги; болѣе пристальный анализъ дѣйствительно вскрываетъ связь этого стихотворенія съ V эклогой Виргилія (о вліяніи стихотворенія Фортуната, посвященнаго Хильпериху и Фредегундѣ, Ebert, I p. 502): какъ тамъ одна за другой слѣдуютъ пѣсни Меналка и Мопса, посвященныя гибели и апоѳеозу Дафниса, такъ въ эклогѣ оплакивается смерть Адальгарда и прославляется непреходящая сторона его дѣятельности, насаженіе истинно-христіанскаго просвѣщенія. Эта амебейная ламентація, написанная по поводу смерти Адальгарда, явилась, вѣроятно нѣсколько позже вызвавшаго ее событія: какъ видно изъ текста, Corbeia младшая, т.-е. Corvey, представляется достигшей уже извѣстной ступени общественнаго значенія. Эта послѣдняя носитъ въ стихотвореніи имя Галатеи и является дочерью Corbie—Филиды. Галатея говоритъ о необходимости прославленія и почтенія памяти скончавшагося, Филида жалѣетъ, что такой человѣкъ долженъ стать добычей смерти и разрушенія. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, которая вспоминаетъ при этомъ объ основаніи новой Корбейи, просьбу положить усопшаго въ своихъ стѣнахъ—мать отвѣчаетъ ей восхваленіемъ ея дѣятельности, юнаго еще монастыря, но уже заявившаго себя столь блестящимъ образомъ. Эклога кончается высказываемымъ обѣими желаніемъ соединиться за предѣлами жизни съ престарѣлымъ Меналкомъ.—Въ своемъ изданіи лат. ср.-в. поэтовъ Dümmler слишкомъ расширяетъ иногда понятіе эклоги, перенося этотъ терминъ на стихотворенія различнаго содержанія, написанныя въ діалогической формѣ. Разумѣется это натяжка: діалогическая форма могла развиться различнымъ путемъ и могла быть подсказана какъ народнымъ, такъ и школьнымъ литературнымъ пріемомъ. Мы допускали ее, какъ результатъ обобщенія пріема эклоги, но лишь тамъ, гдѣ форму поддерживала аналогія въ содержаніи, его мотивахъ или общемъ характерѣ. Объясненіе это, однако конечно, не исключаетъ возможности вліянія и упомянутыхъ факторовъ иного порядка: я отмѣчаю имъ лишь вѣроятный исходный пунктъ формальнаго развитія, которое могло быть поддержано новыми аналогіями.

Наблюденія надъ классической идилліей и эклогой возвращаютъ насъ къ вопросу о школьныхъ источникахъ французской пастурели, который былъ поставленъ выше. На очереди матерьялъ Carmina Burana и нѣсколько пьесъ, изданныхъ Edelstand du Méril. Немногочисленность ихъ значительно усложняетъ задачу. Это заставило искать ея рѣшенія помимо частнаго анализа школьно-латинской пастурели въ общихъ воззрѣніяхъ на характеръ и составъ поэзіи странствующей школьной братіи.

На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и Ronca[13]), и Pillet[14]). Обсуждая вопросъ объ источникѣ латинской пастурели, Ронка отрицаетъ возможность литературнаго общенія между представителями школы и рыцарства, предполагая, что искусственная латинская поэзія должна была быть всегда чуждой и непонятной свѣтскому обществу. Pillet исходитъ изъ хронологическихъ соображеній: до половины XII в. можно насчитать очень немного представителей латинской лирики; она развивается особенно сильно только со второй половины этого столѣтія.

Вопросъ въ сущности гораздо болѣе сложенъ.

Насколько это выясняется изъ посвященныхъ ему работъ, латинская поэзія, становящаяся серьезной общественной силой со второй половины XII в., и прежде всего на юго-западѣ Франціи, развивается параллельно съ поэзіей вульгарной, хронологически и географически (région intermédiaire G. Paris'a), что̀ и дало поводъ Грёберу настаивать категорически на вліяніи французской латинской школы на поэзію трубадуровъ[15]). Слабое развитіе школьной лирики въ XII в. не аргументъ противъ ея самостоятельности, такъ какъ много ли *вульгарныхъ* памятниковъ можно привести въ доказательство этого послѣдняго предположенія. Наоборотъ, ея форма, детали содержанія, характеръ нѣкоторыхъ литературныхъ пріемовъ, давали поводъ изслѣдователямъ ихъ ставить средне-вѣковой латинскій лиризмъ не только выше вульгарнаго[16]), но и видѣть въ первомъ источникѣ послѣдняго. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ напр. E. Martin[17]) и такой глубокій знатокъ средневѣковой латинской поэзіи какъ W. Meyer, вслѣдъ за Мартиномъ попытавшійся (см. его Fragmenta Burana, Берлинъ 1901) заново обосновать теорію происхожденія вульгарной лирики изъ латин-

---

[13]) La cultura medievale e la poesia latina... I, p. 167.
[14]) Цитир. работа, стр. 18 и слѣд.
[15]) Grundriss, II, 1 p. 323.
[16]) Hubatsch, p. 22 и сл.; ср. Ronca, I p. 157 сл.
[17]) ZsfdA, xx 46—69, особ. 59.

ской. Построеніе на которое онъ опирается необыкновенно широко; онъ доказываетъ свою гипотезу всей формальной исторіей латинской поэзіи; но тѣмъ чувствительнѣе переходъ къ конечному выводу, тѣмъ яснѣе натяжка въ заключеніи: оно переросло посылки, такъ какъ работа незамѣтно увлекла автора и красивыя построенія на почвѣ теоріи формъ подсказали обобщеніе. Оно не можетъ быть принято, ибо не обнимаетъ всего матерьяла, на что указалъ Мейеру уже Schönbach[18]). Работа и въ этой, какъ впрочемъ и въ спеціально ритмической части своей, посвященной анализу вліянія семитическаго силлабизма въ стихѣ и античнаго ритмическаго окончанія въ цвѣтущей прозѣ (cursus въ различныхъ artes dictaminis), значительно выиграла бы отъ расширенія поля сравненія. Изоляція латинскаго матерьяла привела только къ тому, что вопросъ оказался снова отложеннымъ.—Во всякомъ случаѣ послѣ существующихъ о немъ изслѣдованій и высказанныхъ по поводу него соображеній о генезисѣ вульгарной поэзіи и отдѣльныхъ ея формъ, необходимо считаться съ возможностью вліянія поэзіи вагантовъ и школъ (эти оба термина точнѣе опредѣляютъ то, что обыкновенно характеризуется однимъ только первымъ); принципіальныя соображенія Ронка и Pillet'a должны[19]) быть оставлены; анализъ долженъ опираться на данныя иного рода.

Свѣтская латинская лирика школы складывается изъ двухъ большихъ категорій пьесъ: одна состоитъ изъ произведеній сатирическаго и бытового содержанія, другая примыкаетъ къ вульгарной любовной лирикѣ. За предѣлами секвенцій, гимновъ, historiae—риѳмованныхъ officia къ честь Христа, Дѣвы Маріи и святыхъ, внѣцерковныхъ религіозныхъ пѣснопѣній созерцательнаго или учительнаго характера, стоитъ цѣлый рядъ стихотвореній, вызванныхъ обстоятельствами времени, насущными вопросами политической или церковной жизни, ихъ нестроеніями, или пьесъ, написанныхъ во славу scolaris curia, полныхъ насмѣшекъ по адресу bruti laici, грубыхъ, необразованныхъ, несмыслящихъ ничего ни въ поэзіи, ни въ любви[20]), насмѣшекъ, освященныхъ на concilium Romaricimontis[21]), во славу Вакха и его спутницы Венеры:

---

[18]) Deutsche Litteraturzeitung, 1902, 467 и сл.

[19]) Joh. Ilberg, Die Vagantendichtung въ Preuss Jahrb., т. 64 1889 г. p. 553—554, принимаетъ для лирики вагантовъ троякій источникъ: духовную поэзію, лирику романскую и средне-верхне-нѣмецкую.

[20]) Laici non sapiunt/ea quae sunt vatis, C. B. CXCIV p. 74 и CXCVII; Non amant recte milites C. B. p. 148 № 55.

[21]) ZsfdA, VII 160, XXI 65; Langlois, Origines et sources du Roman de la Rose, 1891 p. 6.

Bachus ad amorem
instigat juniorem
mente rigidiorem,..
Cum ergo salutamus
vinum, tunc cantamus
„Te deum laudamus[22])“...

Короткій риѳмованный стихъ, строфа гимна или секвенціи—обычная форма, въ которую облечены пьесы послѣдняго типа. Античный ритмъ забытъ, и только одиноко стоящія имена Флоры, Венеры или Юпитера да кое-какіе образы и сравненія напоминаютъ о традиціяхъ и поэтическихъ привычкахъ той среды, которая создала эти своеобразныя формы.

Если сатирическія и бытовыя пьесы отзываются на болѣе спеціальные вопросы, отражаютъ въ себѣ тѣ черты жизни ихъ авторовъ, которыя опредѣляли ихъ общественную физіономію, то amatoria переносятъ насъ въ сферу общечеловѣческихъ отношеній. Отсюда нѣкоторые поэтическіе пріемы. Тамъ сама жизнь и обстановка подсказывала пародію на готовыя формы посланія, церковнаго отлученія и монашескаго правила; здѣсь—рядъ точекъ соприкосновенія съ вульгарной любовной пѣсней. Воспѣваніе весны, лѣтней радости, gaudium aestivale, чередующееся или переплетающееся съ воспѣваніемъ любви, прославленіе мая, посвященнаго Венерѣ и Вакху, переноситъ насъ къ le gais temps de pascor, къ весеннимъ запѣвамъ французской любовной пѣсни или идиллическимъ пьесамъ Нитгардта:

C. B. № 100. juvenes et flores
accipiant, et se per odores
reficiant,
virgines assumant
alacriter,
et eant in prata
floribus ornata
communiter[23]).

Припомнимъ извѣстное стихотвореніе Guilh. de Peitieus—Pus vezem de novelh florir...—та же весенняя обстановка въ Jam dulcis amica venito тѣ же цвѣты, зелень и пѣсни молодежи въ Дистихахъ иврейскихъ, Jnvitatio amicae и въ массѣ другихъ пьесъ, въ которыя весенній запѣвъ вошелъ какъ постоянный мотивъ, подготовляющій дальнѣйшее. Эта постоянная

[22]) C. B. № 182 p. 243.
[23]) Сл. C. B. № 108.

связь не случайное обобщеніе образа, который самъ собой напрашивался на сопоставленіе: любовь и весна. У классиковъ, у которыхъ онъ не игралъ никогда роли такой постоянной декораціи, необходимой обстановки, заимствовать этого пріема было нельзя; личный починъ въ дѣлѣ обобщенія пріема исключаетъ болѣе вѣроятное сопоставленіе его съ постоянными запѣвами вульгарной пѣсни, въ которыхъ G. Paris видѣлъ слѣды связи любовной пѣсни съ весенней обрядностью. Тамъ запѣвъ этотъ былъ нуженъ, ибо онъ существовалъ искони; незначительный по объему—коротенькая формула, обломокъ древняго параллелизма—онъ былъ осмысленъ въ художественный пріемъ, насколько то позволяло слабо развитое чувство природы; въ этихъ предѣлахъ его разработали въ небольшой пейзажъ, подчеркивавшій основное настроеніе пьесы. Поэтамъ школы оставалось только воспользоваться этой красивой деталью вульгарной пѣсни и оживить картину традиціонными Кипридой, Флорой, Зефиромъ, Купидономъ, Фавномъ, ввести въ эту обстановку дріадъ, ореадъ, плеядъ, Орфея, Нарцисса и т. п. Болѣе тонкое чувство природы, или хотя бы вычитанный у классиковъ пріемъ, помогли въ композиціи пейзажа, и мы до сихъ поръ можемъ еще любоваться превосходной картиной вечера или весны, до какихъ никогда не подымались слагатели вульгарныхъ пѣсенъ.—Рядомъ съ указанными образами, намъ кажется, нужно поставить и интересующія насъ пастурели. Подобно нѣкоторымъ другимъ „объективнымъ" мотивамъ [24]) ихъ нельзя было скомпановать, ибо въ основѣ ихъ лежитъ несомнѣнно готовый *цѣльный* мотивъ. Если бы возможно было искусственное сложеніе ихъ школьными поэтами, то при наличности идиллическаго настроенія они обратились бы къ эклогѣ классиковъ, которую знали несомнѣнно, или къ эклогѣ средневѣковыхъ поклонниковъ Виргилія и Кальпурнія; если же предположить въ нихъ желаніе изобразить пикантное приключеніе, то мы вправѣ были бы ждать менѣе выдуманной, болѣе простой реальной сцены: простую встрѣчу съ дѣвушкой или же фантастическую авантюру въ стилѣ C. B. № 94. Можно допустить искусственную комбинацію народнаго oaristys съ пасторальными элементами идилліи; но, во-первыхъ, къ чему она, во-вторыхъ непонятна совершенно роль античнаго образца, который, въ этомъ случаѣ, нормировалъ традиціонный мотивъ. Противъ заимствованія мотива пастурели отъ поэтовъ школьныхъ говоритъ не столько объективный его характеръ, какъ полагаетъ Ронка [25]),

[24]) C. B. 145, 146.

[25]) o. c., p. 167.

не столько плохое качество латинскихъ пастурелей или отсутствіе слѣдовъ клериковъ въ ихъ французскихъ параллеляхъ (кромѣ II 59) какъ думаетъ Pillet [26]), сколько малочисленность извѣстныхъ намъ латинскихъ пастушескихъ пьесъ сравнительно съ пьесами другихъ категорій [27]): если этотъ мотивъ латинской лирики не обращалъ на себя вниманія самъ, то трудно было ожидать, чтобы пѣвцы, не знакомые въ той мѣрѣ съ лирикой школы, какъ сами ея представители, обратили свое вниманіе на эти малоизвѣстныя и малопопулярныя латинскія пьесы. Предположить, что почти всѣ нѣкогда существовавшія латинскія пастурели пропали, между тѣмъ какъ другія формы сохранились въ относительно большомъ количествѣ экземпляровъ, что такая бѣда постигла именно одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ, которая, стало быть, встрѣчалась въ значительномъ количествѣ списковъ—значило бы сводить дѣло къ случаю, да еще маловѣроятному. Малочисленность пастурелей особенно важна во французскихъ спискахъ (Du Méril). Carmina Burana только отчасти, какъ показалъ В. Мейеръ, восходятъ къ французскимъ сборникамъ лирическихъ стихотвореній, хотя, быть можетъ, роль этихъ послѣднихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагалъ Мейеръ; по крайней мѣрѣ латинскія пастурели С. В. позволяютъ сдѣлать поправку къ гипотезѣ Мейера, предположившаго въ концѣ концовъ, что не только всѣ почти комическія пьесы и potatoria, равно какъ и драматическіе отрывки, нѣмецкаго происхожденія, но и многія любовныя пьесы сложены въ Германіи. Если это и такъ, то относительно пастурелей позволительно сомнѣваться. Всѣ они повторяютъ основные мотивы пастурели французской, напоминаютъ ихъ даже своей формой, между тѣмъ какъ пастурель этого типа никогда не была знакома въ Германіи въ широкихъ кругахъ; дѣло сводилось, очевидно, къ знакомству съ мотивомъ, непосредственному или путемъ латинскихъ параллелей, чѣмъ и объясняется оригинальность поэзіи Нитгардта: французская или латинская пастушеская пѣсня, если трудно обойтись безъ признанія внѣшняго воздѣйствія въ объясненіи генезиса нѣмецкой Dorfpoesie, могла только повліять на выборъ темъ, на развитіе характерныхъ для баварскаго пѣвца поэтическихъ интересовъ. Не отсутствіе ли симпатіи къ этому своеобразному лирическому жанру повліяло на разборъ пастурелей въ Carmina Burana, если только допустить, что число ихъ во французскомъ или французскихъ оригиналахъ, которыя были въ рукахъ у нѣмецкаго компиля-

[26]) o. c., p. 21.

[27]) Cл. Pillet, p. 21.

тора, было гораздо больше? Можетъ быть упоминаніе швабовъ и брата Мартина въ С. В. № 52 и 120 указываетъ только на возможность пріуроченія мотива къ нѣмецкой обстановкѣ, но отнюдь еще не на его національизацію.

Если помимо всего сказаннаго допустить исконность пастурели и ея популярность въ средѣ латинской поэзіи, то получается и еще одно затрудненіе. При анализѣ ея строенія невольно бросается въ глаза относительно слабая примѣсь обычнаго классическаго элемента. Намъ могутъ возразить, что самое число памятниковъ настолько незначительно, что трудно дѣлать по этому поводу какія-либо заключенія. Но рядомъ съ пастурелями мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же сборникахъ С. В. и Du Méril'я интересныя параллели къ chansons à personnages, рисующія намъ обыкновенно встрѣчу поэта съ дѣвушкой, подъ липой [28]), въ саду [29]), подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ [30]) или на берегу рѣки [31]); яркими красками описываетъ поэтъ обворожившую его красавицу [32]); съ трудомъ сдерживая себя, онъ говоритъ о своемъ чувствѣ, проситъ, умоляетъ, волнуется по поводу отказа или нерѣшительности своей совопросницы,—пока, наконецъ, Венера не смиряетъ упрямицу. Въ общихъ чертахъ пьесы эти напоминаютъ довольно рѣдкіе во французской поэзіи типы I 52, 53ᵃ или 70. Въ двухъ другихъ пьесахъ авторъ разсказываетъ намъ о своемъ приключеніи съ богиней любви въ ея храмѣ [33]) или сообщаетъ подслушанный имъ разговоръ дѣвушекъ, дѣлавшихъ сравнительную оцѣнку цѣломудренной и не цѣломудренной [34]). Почти во всѣхъ этихъ, подобно пастурелямъ немногочисленныхъ, пьесахъ классическія реминисценціи играютъ довольно видную роль. Поэтъ не забываетъ ни Киприды, ни Юноны, ни Паллады или Каллiопы [35]), Марса [36]), Венеры [37]), стоокаго Аргуса или Вулкана [38]), Діона [39]), Плутона [40]), Елены, рядомъ съ которой припоминаются и Blanziflor [41]) и Ливанскій

[28]) С. В. 57.
[29]) С. В. 50.
[30]) С. В. 43.
[31]) Dist. Ivr.
[32]) С. В. 50.
[33]) С. В. 49.
[34]) С. В. 34.
[35]) С. В. 34.
[36]) Dist. Ivr.
[37]) С. В. 34, 43, 45, 50, 57.
[38]) С. В. 43.
[39]) С. В. 45; 57.
[40]) С. В. 50.
[41]) С. В. 50.

кедръ [42]); онъ называетъ свою возлюбленную Өисбой [43]) или Филлидой [44]), или Гликериной [45]). Обычный аппаратъ античныхъ воспоминаній изукрасилъ эти средне-вѣковые мотивы, очевидно, подслушанные у свѣтскихъ пѣвцовъ. Пастурели гораздо скромнѣе и проще. Quaedam satis decora virguncula [46]), puella [47]), rustica puella [48]), virgo [49]), или pastorella [50])—обычная характеристика дѣвушки, дополняемая иногда коротенькимъ описаніемъ ея внѣшняго вида [51]). Описаніе ея наружности обыкновенно отсутствуетъ, если не считать короткаго и сухого перечня прелестей дѣвушки въ Du Méril p. 228 или сравненія ея съ нимфой въ C. B. № 120: Nympha non est forme tante. Этой нимфой, да упоминаніемъ Титана (=Солнца), Венеры въ предыдущей пьесѣ исчерпываются классическія черты латинскихъ пастурелей. Особнякомъ стоитъ C. B. № 52, гдѣ античныхъ подробностей, пожалуй, больше, чѣмъ во всѣхъ пастуреляхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но, какъ мы видѣли выше, пьеса эта могла быть сочинена какимъ-нибудь нѣмецкимъ клерикомъ, приспособившимъ къ нѣмецкой обстановкѣ французскій оригиналъ или попытавшійся написать подражаніе съ нѣмецкой точки зрѣнія. Если допустить это, то „литературность“ разсматриваемой пьесы станетъ вполнѣ понятной: діалогъ ея крайне незначителенъ по объему; половину пьесы занимаетъ вступленіе, чисто школьнаго характера, довольно любопытное въ этомъ отношеніи описаніе красивой мѣстности, въ которую судьба занесла случайно поэта, мѣстности, какая никогда не рисовалась воображенію даже „самого Платона“:

stylo non pinxisset Plato
loca gratiora.

Журчаніе ручья, пѣнье соловья и наядъ оживляетъ этотъ райскій пейзажъ. Утомленный лѣтнимъ зноемъ поэтъ останавливается подъ тѣнью оливы и видитъ невдалекѣ передъ собой пастушку, pulchrior quam Flora, очевидно, посланную ему самой Венерой. Короткимъ и рѣзкимъ отказомъ отвѣчаетъ она на

[42]) ibd.
[43]) C. B. 43.
[44]) C. B. 57.
[45]) Du Méril, II 226.
[46]) Du Méril, II, 228.
[47]) ibd.; C. B. 62, 119.
[48]) C. B. 63.
[49]) C. B. 119, 120.
[50]) C. B. 52.
[51]) C. B. 62.

предложеніе поэта, на чемъ и обрывается пьеса. Можетъ быть она не окончена или сохранилась не въ полномъ видѣ—рукопись не даетъ никакого основанія для рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ композиція пьесы рѣзко выдѣляетъ ее изъ среды аналогичныхъ по содержанію.

Не указываетъ ли различіе въ способѣ обработки темъ chansons à personnages и пастурелей на различіе въ отношеніяхъ къ этимъ мотивамъ поэтовъ школы? Чѣмъ же опредѣлялось это различіе? И тотъ, и другой мотивъ давали интересную ситуацію, которую легко можно было разработать въ грубовато-откровенномъ и шутливомъ тонѣ, столь свойственномъ латинской лирикѣ среднихъ вѣковъ. Очевидно „объективныя" формы менѣе всего привлекали вниманіе поэтовъ школы, хотя бы они и давали возможность изобразить разсказываемое въ формѣ личнаго приключенія. Это подтверждается и общимъ характеромъ дошедшихъ до насъ памятниковъ латинскаго лиризма. Бóльшая образованность поэтовъ школы по сравненію со свѣтскими пѣвцами требовала и бóльшей свободы личнаго почина, обусловливало меньшее уваженіе къ традиціи, къ тѣмъ поэтическимъ формамъ, которыя были традиціонны по-преимуществу. Chansons de toile были не мыслимы въ этой средѣ, которая могла еще заинтересоваться *между прочимъ* ситуаціей пастурели или chansons à personnages, особенно послѣдней въ силу, вѣроятно, болѣе общаго характера ея мотива; она раньше обратила на себя вниманіе поэтовъ школы, чѣмъ и объясняется болѣе глубокое проникновеніе въ нее школьно-поэтическаго элемента, болѣе свободная разработка и большее разнообразіе формы: пастурель осталась сперва въ сторонѣ, а затѣмъ, когда обратились къ ней, ей было отведено скромное мѣсто болѣе или менѣе случайной попытки литературнаго эксперимента надъ вульгарной формой, и она сохранила свой прежній характеръ простой пѣсни, очень опредѣленно просвѣчивающій сквозь незатѣйливыя краски, наложенныя на нее небрежной рукой средневѣкового клерика.

В. Шишмаревъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

(*Окончаніе*).

IV. Еретики.

Не смотря на то, что объ еретикахъ разсказывается, какъ о старинѣ, обыкновенно на ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ разсказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ народныхъ суевѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ разсказовъ, такъ велика увѣренность мѣстнаго населенія въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это существованіе сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполнѣ понятнымъ, почему „еретики" разсказываются на ряду съ преданіями о чуди, панахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое названіе „еретикъ", заимствованное изъ исторіи церковныхъ ученій, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоящее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и получило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подмѣтить нѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ представленіи мѣстнаго населенія связываются и понятіе о безбожникѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которыя и до нынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто еще неизбѣжными реальными фактами, то разсказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщинъ, былей. Самое слово еретикъ—въ постоянномъ употребленіи у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣетъ значеніе ругательства для характеристики человѣка злого, тяжелаго, мрачнаго и скрытнаго, съ недобрымъ глазомъ. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „у, еретикъ—золѣзны зубы", или: „еретикъ-тотаринъ".

Отъ М. Д. Третьякова я услышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, сказанныхъ немного вскользь, какъ бы въ завершеніе всего цикла его преданій:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь сонцё за лѣсъ сѣдётъ,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онѣ и пропали. Вотъ и окна прежь въ избахъ были маленькія съ задвижками: боелись еретиковъ-то (тоже, что̀ говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чурки, лежали.

Тетка Катерина розсказывала, що при ней ещо играли дѣвки на трапезѣ у церквы, а покойника заставили разъ свитить огонь; покойникъ-отъ оттаялъ и упалъ—всѣ и побѣжали изъ церквы-то... Ещо на моей паметѣ обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церквы со всей волости.

...Вотъ, когда у церквы-то играли, дакъ еретикамъ-то было приступно...

Еретиковъ не примала мать-сыра земля: народъ знатко́й (т. е. вѣщій, колдуны). Подъ старой колоколиной не давно найденъ былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣтъ, а онъ нетлѣнёнъ.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклёў (заклялъ)".

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитонихи, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятливой старушки, здравствующей еще и понынѣ,— слѣдующіе разсказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть" на папертѣ. Нонь (нынѣ) и паперти-то, правда-що, вы не знаите: у старой Офонасьевской церквы была эдакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходные столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойники къ ночамъ заносились.

Давно будто было, що на трапезы съѣзжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы) [1])—ну знамо дѣло,— о святкахъ.

Сошлись, говорятъ, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойникъ начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы лучину съ огнемъ воткнули—„свити", говорятъ: „чѣмъ безъ дѣла лежать". Говорятъ, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и свитятъ.

Вотъ это онѣ играютъ... А, извѣстное дѣло, нечистой силѣ приступно, какъ мало-мальски подшутить... Никто ничего въ городкѣ не зналъ; все, думаютъ, ладно: ходятъ да городки здуваютъ. А у одной дивицы привезена была съ собой племянница, годовъ пети-ли четырехъ-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была на

---

[1]) См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни". „Жив. Стар." 1905 г., вып. III и IV.

печь. Съ печи и видитъ она, що въ городкѣ не порядки: дивьё играютъ, думаютъ,—съ молодцами, а дѣвкѣ съ печи открыто, Богомъ ужъ стало-быть, що ходитъ въ городкахъ много съ золѣзными зубами да и въ ротáхъ-то какъ огонь бы пышетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата [1]), пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!" Ну, и заревѣла... А нечистая-та сила не знаетъ ли, чтó у человѣка на умѣ? Дѣвицѣ-невѣстѣ [2]) дѣлать было нечего—дѣвка ревитъ, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ зáкутала она шалью хрестницу да и понесла домой, а еретики-те іе за сарафанъ и забрали. Она зревитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косякъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозь землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А на столбикѣ-то, вишь, варежки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варежками.

2.

Тогда много нечисти (нечистой силы) велось, страсть и подумать; было много волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не зналъ, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ эдакъ будто бы умираетъ одинъ мужъ да женѣ и наказываетъ: „смотри ты, жона, только я умру,—того же часу подрѣжь мнѣ подколѣнныя жилы!" Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзать подколѣнныя жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые" положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—малъ-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будетъ: давай баба печь топить; топитъ печь и клюку калитъ, а самой и мужа жаль и покойника боится. Топитъ печь да клюку калитъ...

— „Мама, татя-та пошевелился!"

— Молчи, говоритъ, тибѣ такъ показалось.

А сама сидитъ у печи да клюку калитъ.

— „Мама! Татя-та садится!"

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упалъ на подушку...

— Молчи, говоритъ мать, это такъ показалось!

— „Мама! Татя-та (в)сталъ!..

Соскочила баба, схватила робятъ, пехнула черезъ чилисникъ [3]) на печь, выхватила изъ печи каленую клюку и сама къ робятамъ залѣзла.

Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жёна. Вотъ розсмотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонько къ печѣ, а подъ нимъ половици (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь вылѣзти надо: зубами золѣзными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливаетъ... Баба съ печи каленой клюкой хлесь

---

[1]) Крестная мать.

[2]) Такъ называютъ всякую взрослую дѣвицу.

[3]) Лицевая сторона печки надъ устьемъ (топкой), покрытая полосой сажи отъ выходящаго черезъ то же устье (безъ трубы) дыма.

по зубамъ—только зубы сбрякали. Онъ отступилъ и опеть напираетъ: съѣсть, вишь, надо; а вылѣзть не можетъ, потому руки крестомъ на грудѣ сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Онъ подойдетъ,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо дѣло, Богу молилась. Запѣлъ пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое мѣсто; но ужъ легъ ничью (ничкомъ). Такъ ничью и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этѣхъ вопшебниковъ (такъ!) все ничью хоронятъ: куда лицомъ схоронишь, туда подъ землей и пойдетъ: къ верху лицомъ—на верхъ выйдетъ, а ничью—дакъ въ преисподнюю прямо уходитъ.

3.

Досель, говорятъ, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христосъ по землѣ прошелъ,—еритикамъ ходъ усѣкло, вся нечисть розбѣжалась; а то было время: только сонцё за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: бѣда!.. да и въ избу ползутъ. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ сонце за лѣсъ—и оконце закрываютъ. Волоковыя окна еще и мы у старыхъ избъ помнимъ: такія маленькія были,—человѣку пролѣзти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не поспѣлъ днемъ домой попасть. Идетъ по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ-отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе на сосну да къ самой вершинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзетъ, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкаютъ, только щепки летятъ... Сидитъ мужичекъ на соснѣ, на самой вершинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ святыхъ перебираетъ; а еретикъ грызетъ сосну—только щепы литятъ. Долго мужикъ сидѣлъ на соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ, все сосну подгрызалъ. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, ли скрозь землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ былъ!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ... А старуха была денежная. Ну, семейство; сынъ былъ женатой. Знаетъ скрягу: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у ней; большой кошель къ намышкѣ [1]) привязанъ—серебро да золото. Видитъ старуха, що скоро умереть надо, и говоритъ сыну-ту своему: „сынъ, подыми-ко меня, да подведи еще (разъ) къ печкѣ; вижу, скоро смерть приходитъ... долго у печи не стряпала: посмотрю хоть еще!“ Захватилъ сынъ старуху подъ мышки, притащилъ къ печѣ.—„Подержи эдакъ меня!“ Сынъ держитъ. Отвязала она кошель отъ намышки, высыпала деньги на шестокъ и давай зарывать въ пепелъ въ печурку „Чьи ручки загребаютъ, тѣ и

[1]) Лямка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте",—эдакъ и приговариваетъ. Ну такъ и загребла всѣ деньги.—„Ну, уведи меня топерь на кровать!" Легла старуха и умерла. Ну тогда сынъ къ печѣ: надо деньги взять. Рылся, рылся—одинъ пепелъ, а денегъ нѣтъ... „Що не за оказія!" А парень-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печѣ да её то руками и перерываетъ золу. „Чьи ручки загребали, говоритъ,—тѣ и выгребаютъ". Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ. Ну, этотъ дружокъ-отъ да и умри... И ну она объ ёмъ тосковать, ну тосковать; ночи сидитъ подъ окномъ да на улицу смотритъ. Долго ли мало ли эдакъ посокрушалась...—Сидитъ это подъ окномъ да на улицу смотритъ, а глядь—онъ и ѣдетъ на лошадѣ да и на кресляхъ, [1]) а ее къ себѣ рукой на улицу манитъ. А было ночью; всѣ спали. Она обрадовалась, выбѣжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: „вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушаишьсе, а думаешь—я тебя и забылъ? а я тебя не забылъ, а по тебя пріѣхалъ; поѣдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока топерь никто не увидаетъ, соберемъ все твое именье да и поѣдемъ: у меня и кресла заготовлены". Обрадовалась дивица и давай выносить иминьё: портна́, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спитъ и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онѣ и поѣхали по дорогѣ. Ѣдутъ онѣ это полемъ и молчатъ. А мѣсяцъ свѣтитъ; а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Вотъ доѣхали онѣ,—пошелъ лѣсъ. А мисецъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Опять ѣдутъ. Прошелъ лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и повостъ... Мѣсяцъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ.

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Ѣдутъ онѣ и заѣхаля на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы снѣга. Лошадь остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу; „подавай", говоритъ: „имѣнье-то!.." Она испугалась, схватила корзину съ рубашками да и подаетъ. А онъ только сглотилъ прямо въ ротъ! Она посмотритъ—а у ёво зубы стальные и глаза какъ каленые угли... „Мечи", говоритъ: „кручае!" Стала она это метать коробу́шка по коробу́шкѣ... а онъ глотаетъ да ее торопитъ. Догадалась она,—начала читать молитвы; а имѣнья мало остается, скоро и саму́ю ее сглотитъ... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобы времени больше продлилось. А онъ глотаетъ, а онъ глотаетъ да ее торопитъ.

Услышалъ Господь ее молитву: запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоитъ она одна на буевѣ ночью; а вѣтеръ снѣгъ переметаетъ.

---

[1]) Розвальни, низкія и широкія сани для возовъ.

Такого рода преданій-балладъ, не лишенныхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всей вѣроятности, чрезвычайно далекое происхожденіе, но и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣйствительностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отвѣчающихъ всецѣло міровозрѣнію старшихъ слоевъ современнаго населенія Кокшеньги,—можно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замираніемъ сердца выслушивали мы съ дѣтствѣ такіе разсказы! Рѣдкая женщина не умѣла разсказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь разсказа о еретикахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводятъ насъ въ область народныхъ суевѣрій, которыми вообще довольно богата фантазія мѣстнаго обывателя. При случаѣ я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ матеріаломъ, какой найдется въ моемъ распоряженіи и изъ этой области.

Что же касается преданій объ общеисторическихъ лицахъ и событіяхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода матеріала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложить и то немногое, чѣмъ я могу располагать, дабы придать нѣсколько больше полноты и законченности въ освѣщеніи намѣченнаго мною вопроса.

V. Общеисторическія лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданія обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кокшеньгскими преданіями, часть которыхъ, напр., хотя бы о Литвѣ, казалось бы, тоже вполнѣ могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это—какъ бы дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ, имѣющія второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ разсказовъ или указаній, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, понятно, не приходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ знаній и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Напримѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ и рядомъ—о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Слыхали о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константинѣ.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Упоминается о татарщинѣ, о нашествіи французовъ.

Изъ русскихъ государей извѣстны имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большимъ уваженіемъ; съ этимъ именемъ сопряжено какъ будто бы понятіе о справедливости и безпристрастности. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго похвалить не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнный фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньги". В. Т. Попова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорятъ и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляютъ: „А какъ вотъ не хитеръ былъ, а лаптя-то все таки не могъ сплести: заплести-то заплелъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И топерь еще лапоть-отъ этотъ гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ али въ музеѣ виситсе". Въ деревни Харитонихѣ, Спасской волости, разсказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самаго поля этой деревни; что, будто, заходилъ онъ въ этотъ лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этотъ носилъ потомъ названіе Царской рощи. Неизвѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубили ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженная со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій надѣлъ. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Заячерѣцкомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечерицянъ" въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ *лóкасами*. Эта кличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „лóкасы" и „локасьé". Мнѣ не удалось уловить достаточно опредѣленнаго значенія, передаваемаго этими словами.

На Сóденьгѣ (приходъ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У наслѣдниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлокъ.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышаннаго здѣсь мною разсказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, наказалъ ее ударомъ (плети?) и съ тѣхъ поръ остался „рубецъ" поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одареннымъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвалился, что на конѣ своемъ перескочитъ черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передними ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стёжкѣ" рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, повліять книжныя свѣдѣнія о Ксерксѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятникѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и разсказы очевидцевъ.

Здѣсь невольно припоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшеньгѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданію которой подалъ поводъ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшеньги знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ лирою въ рукахъ и смотрящимъ какъ бы въ небо: разсказывается въ легендѣ, что Ломоносовъ былъ настолько знающій человѣкъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся градовая туча, онъ взялъ вилы и этими вилами тучу-то и отвелъ. Дѣйствительныя заслуги перваго русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендѣ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманѣ Платовѣ имѣются, хотя и отрывочныя, но широко распространенныя свѣдѣнія и даже поется пѣсня: „О френцюзѣ и Атаманѣ Платовѣ". Весьма распространенъ эпизодъ о томъ, что Френцюзъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостяхъ у Наполеона, уходя назвалъ себя и говоритъ ему: „эхъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!" И исчезъ.

Изъ разсказовъ о болѣе позднихъ историческихъ событіяхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „аглечянки", которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда аглечанка стала палить по маластырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосимы-Саватья, поднелись со всѣхъ острововъ чейки (чайки) и начали на нихъ д . . . . ь (засыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого аглечянка и повернула назадъ, домой".

Въ ряду историческихъ именъ я намѣренно пропустилъ имя Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ разсказѣ, только, какъ неправедный судья.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду разсказъ въ мѣстной передачѣ имѣетъ такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Попова): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) судья: все взятки надо: Ну и судились двое. Одинъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣденъ. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говоритъ: „судья, суди, да на меня гляди!" Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мужика и попросилъ, что въ горстѣ-то (тотъ) зажалъ. А тотъ и показалъ камень"...

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшеньгскія преданія.

М. Едемскій.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны со словъ бывшей крѣпостной Алены Григорьевны Шехавцевой.

(Окончаніе).

Выпала парошица да на талую землю.
Какъ на той пароши
Самъ Ваня харошій.
Не путемъ Ваня гуляитъ
По чужимъ по огородамъ,
Не путемъ онъ зажимаитъ
Снѣгу у праваю руку.
Онъ кидаитъ, онъ бросаитъ
У заднію стѣну;
Онъ бросаитъ у задню стѣну
Къ милой на постелю,
„Ахъ ты душынька милàя
Открой хоть окошко (2)
Прамолви славечко“.
— Ни открою, ни выглину,
Ни хочу Ваню любить.—
Пашелъ Ванюшка нивеселъ,
Голаву повѣсилъ,
Чернай шляпаю пакрылся,
Слизою залился.
Какъ мнѣ моладцу быть
Каво палюбить?
Вдаву любить—
Несчасливому быть,
Чужу жену любить—
Убитаму быть.
Любить—не любить
Солдаткину жену.
Солдатка усю ночь гуляитъ,
Угамону ни знаетъ.

Трава мая, травушка,
Зелёнай да лужокъ!
Да я шь по тебѣ да травушка
Я хадить ни нахожуся;
На тебе мой милинькій
Я глядѣть ни наглижуса,
Безъ тебе мой милинькій
Пастелюшка халадна,
Ой пастелюшка халадна!
Ой да подъ пастелюшку
Марозъ подпалозъ;
Ой да одиялице заинвивѐло
Ой мае сердечушко да набалѣло.
Охъ падушички, падушички
Потанули усѣ во слезахъ!

Не свивайся (2) травка съ кавылою,
Ни свыкайся (2) моладецъ
Съ дѣвкай маладою.
Ой да харашо (2) была свыкаца,
Ой да горька (2) было раставаца.
Ни нидѣлю, ни нидѣлю
И ни двѣ мы свыкалися;
Ой да годъ мы свыкалися,
Подъ сладкаю яблоней цаловалися;
Подъ горькою асиною, (2)
Да подъ праклятою
Мы распрощалися...
Ой да прости, пращай
Ты, красная дѣвка!
Мнѣ съ табою ни жить, (2)
Мнѣ разъ добраму мо̀ладцу
На службу итти
На службу итти
Царю, Богу паслужить.

Ой ты, кустъ мой,
Кустъ зилёнинькій!
Да подъ тѣмъ, подъ кустомъ
Тамъ лежитъ солдатъ,
Маладой сержантъ.
Онъ убитъ, застрѣленъ
Крѣпко ранинъ!
Зле ево конь стаитъ,
Головою трясетъ,
Головою трясетъ
Удилою звенитъ.
Ой ты конь, мой конь,

Конь товарищъ лихой!
Ты бѣги, мой конь,
По дарошки сталбовой;
Тѣ скажи, мой конь,
Паклонъ отцу, матери,
Маладой жены,
Малымъ дѣтушкамъ-галобятушкамъ.

Ой по мосту, масточку,
По калинавамъ широкамъ,
Тамъ ишли—прошли салдаты;
Салдатушки маладыи,
Афицеры палкавыи.
У нихъ кони вороныи, (2)
Въ рукахъ плети шолкавыи,
На плеточкахъ фанарёчки,
Въ фанарёчкахъ угалёчки.
Выпалъ, выпалъ угалёчикъ
На калинавый мосточекъ,
Ай калинавай мастокъ,
Онъ гаритъ и не сгараитъ;
У маладца сердце изнываетъ
О души красной дѣвицы,
Оназыванной сестрицы.
Ахъ ты, душинька дѣвица,
Падайди ко мнѣ паближе (2)!
Я скажу тебѣ славечко,
Изнаю тебѣ сирдечко;
Я скажу тебѣ другое,
Изнаю ретивое,
Што хочетъ милъ тебе пакинуть,
А иную палюбить.
Дѣвка по торгу ходила,
Сибѣ голубя купила,
За палтину старгавала,
Палтара рубля давала,
Ещё холстъ придала.
Принесла ґулю [1]) дамой,
Посадила у кровать.
Сталъ гулюшка воркавать,
Краватушку любавать.
Хоть воркуй, ни воркуй,
Краватушка не твая—
Краватушка мая.

---

[1]) Голубя.

Какъ паѣдишь милъ на службу,
Возьми мене съ сабою: (2)
Возьми маю кручину,
Размечи тую кручину,
По чистаму полю.

Какъ поѣдишь батинька мой на поглядья,
Ни мечися, мой родимый, на богатсво,
Ни на рублены конюшеньки,
На высокаи харомы, на терёмы.
Ой выбирай, мой батинька, чиловѣка,
Чиловѣка, мой родимый, да людину;
Штобъ не стыдно было въ гостюшки паѣхать,
Штобъ ни стыдно было прамежъ падругъ пахвалица.
Дѣвушки-подруженьки усѣ скажутъ:
То-та рóвня, што ростомъ, што красатою,
Онъ своею малодецкой чистатою.

Свадебная.

Я не знала, ни вѣдала
Атчиво дѣла сдѣлалась.
Ка мнѣ сваха приѣхала.
Она гордàя, спѣсивая,
Маладая и игривая.
И шутитъ, подшучиваитъ,
Гаваритъ, подгавариваитъ
И хвалитъ сваю сторонý.
Какъ наша старонушка
Винаградомъ усажена,
Сахаромъ усѣина, а сытòю паливана,
Залатою тафтою покрывана.
Отайди прочь, обманщица!
Отайди прочь, подгаворщица!
Я сама знаю вѣдаю
Пра чужую старонушку,—
Чужая старона горемъ усѣина,
Слезою поливана,
Горючаю покрывана.

Пѣсня на дѣвишникѣ.

Какъ при вечиру, вечиру,
При послѣднимъ было вечиру,
При Маланиномъ дѣвишничку.
Ясный соколъ узвивался высакò
Выше лѣса, выше темнова,

Выше садику зилёнова,
Выше терима высокава.
Онъ садился на высокій на терёмъ,
На серебрину рѣшоточку,
Пазлащенаю прибоинку.
Ясный соколъ ни прилука мая;
Добрый мóладецъ разлука мая.—
Разлучаитъ съ атцомъ, матерью
И съ усемъ родомъ племюнемъ.

Татьянушка у матушки
Дорагая гостенчка,
Залатая митёличка,
Чиста теримъ падметала.
Ана мела, ни спѣшила,
На дворъ соръ выносила;
Вынисши, соръ бросила;
Бросивши, пастаяла;
Пастаявши, воздахнула;
Воздахнувши, всплакнула,
У слезахъ слово молвила:
„Государыня-матушка!
Ты на што драва рубишь?
На што въ теремъ носишь?“
— „Ты дитё мае, дитятко,
Ты дитё мае милае,
Учёнае, паражонное!
Къ тваему шь дѣвишничку—
Тваихъ падругъ кармить,
Тваихъ красныхъ дѣвокъ“.

Воля волюшка,
Воля дѣвичья,
Дочь купецкая,
Рѣчь отецкая!
Я въ дѣвкахъ была,—
Волю видила,
Нѣгу слышала.
Замужъ выдали,
Волю сбавили,
Слезъ прибавили.
Не стоять было-бъ
Подъ сырымъ дубо̂мъ
Съ добрымъ молодцо̂мъ.
Не щелкать было-бъ
Арѣшаточикъ изъ перчаточикъ
Ни ѣсть сладкихъ пряниковъ
Изъ карманиковъ.

Липушка да ракитушка
Всею ночь прашумѣла,
А всежъ ана зиленая
Съ лискомъ гаварила:
„Листикъ мой кудрявинькій,
Какъ намъ растаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучать насъ буйныи вѣтры,
Буйныи вѣтры, дожди осенни;
Дожди осенни,
Люты(2) морозы;
Люты морозы,
Снѣги (2) глубоки.
Красная Татьянушка
Всею ночь не спала.
Все она съ матушкой говорила:
Матушка да родимая!
Какъ намъ раставаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучатъ насъ всё князьё—баяре,
Князьё--баяре, бальшой воевода;
Бальшой воевода, маладой Алексѣй, маладой Петричъ.
Онъ разлучитъ,
А къ сибѣ прилучитъ.

Шуточная про сватовъ.

Вы, баяре маладыи,
И дѣ были и бували,
Што вы слышали, видали?
Были (2) на рыночки,
Пили (2) горилочки,
Горѣлочку за дѣвочку.
Пили, ѣли не платили,
Татьянушку сговорили, Семеновну сговорили.
Ты ни плачь Татьянушка,
Ты ни плачь Семеновна!
У васъ воля—
У насъ вольнѣе.
У насъ воду на валахъ возятъ,
У насъ кашу въ катлахъ варятъ,
Кулешики въ арѣшики,
А ланщицу въ чирепици.
Летѣли галушки,
Летѣли черныи
Со чистава полю.

Садились гȁлушки,
Садились черныи
На кустъ на ракиту.
Хотѣли гȁлушки,
Хотѣли черныи
Ракиту паломити.
Не паломили (2)
Только пахилили.
Хотѣла Татьянушка
— Симёнавна
Матушку взвесилити.
Ни взвесилила (2),
Толька раслезила.
Мы шь да кармили,
Мы шь да паили,
Послать некаво будитъ.
Не кимь послати (2),
Некава будитъ приждати.
И сбыли шь мы сваю (2)
Въ поли работницу;
Въ поли работницу
Въ доми куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.
— Мы шь не кармили,
Мы шь не паили,
Паслать каво есть будитъ.
Дабыли шь мы себѣ (2)
Въ поли работницу,
Въ домѣ куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.

Санливо поле, дремливо
Сильно ягоду урадило.
Каму таю ягоду и рвать
Каму таю сильну срывать?
И рвать таю ягоду Татьянушки,
И рвать таю сильну Сименовни.
Ана рвала, рвала пріуснула,
Ее некому взбудить.
Батинька будитъ. не взбудитъ;
Маминька будила,—не вызвалась.
И дѣ не былъ Никанорушка,
Онъ на ворановамъ коню;
Уставай (2) Татьянушка!
Полна тебѣ спать, спачивать:
Тебѣ многа даровь надабно—
Сорокъ сараковъ рушниковъ,
Пидесятъ шитыхъ ширинокъ,
Шидесятъ локо́ть на расходъ
Дарить батиньку, да маминьку.

Ой мима саду, саду зиленава
Саловьюшка пролитаитъ,
У зиленай садъ заглядаитъ,
У пташечикъ успрашиваитъ,
У пташечикъ—саловеичикъ:
„Вы пташечки—саловеичики,
Не видали-ли маей саловеюшки?“
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало.—
И пташечки слеталися
Па перушку сносилися.
И гнѣздушко савивали
Ой мима двора, двора тестива
Никанорушка проижаитъ,
На широкій дворъ заглидаитъ,
У дѣвушикъ успрашиваитъ:
„Вы дѣвушки—сударушки!
Не видали-ли маей Татьянушки,
Ни видали-ли Сименовны“.
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало,—
И дѣвушки сходилися,
Па иголачки снасилися,
Ей вѣночикъ сашивали,
На галовушку покладали.

Ой боръ шумитъ,
И каминь гремитъ,
Падковы звенятъ.
— Во бару, бару,
Во сыромъ бару,
Што подъ со́снаю,
Подъ зиленаю
Стаитъ кузинька,
Кузня новая,
Дверь дубовая.
Въ той кузиньки
Маладыи ковали
Калачки куютъ,
Дорога бирутъ.
Маладой кавалекъ!
Падкуй менѣ каня.
На тебѣ грошъ,
Штобъ конь былъ хорошъ;
На тебѣ залатой,
Вотъ мой вораной,
Да на тебѣ капеичку,
Паткуй ево крѣпинька.
На томъ, на каню
Ѣхать далико,
Што по каминю, по гремучиму,

По гремучиму, по звинючиму
За свахаю, за спѣсиваю.
А люди скажутъ:
Чей эта поиздъ ѣдитъ?
— Багатава мужика,
Харошава жениха.
Семь паръ каней (2)
Стаятъ, не идутъ,
Да галовушки, галовушки
Сваи не нисутъ—
Ой тяжила наша свашенька
Да на перивозъ!

Ой стужилась зузуля,
Што рана зима выпала;
Снѣшкомъ кавылка запала,
Шолковая трава завяла,
Алы цвѣтики пазасохли.
Какъ и дѣ ей теперь быть,
Съ чево гнѣздо свить?
Какъ и дѣ не былъ зузулёкъ:
Не горюй, не тужи
Зузуля паливая!
Я недавно былъ у степи,
Бѣлы снѣги прогребалъ,
Да ковылушку даставалъ.
Я тебѣ гнѣздо совивалъ,
Хоть ни вольнае, да теплае,
Толька самае зимавѳе.
Красная Татьянушка
Въ канцѣ стала стаяла.
Она плакала, рыдала,
Платкомъ слезы утирала,
Батиньку умаляла:
Государь ты, мой
Батинька родимый
Не атдавай мене мо̀ладу
Не кличь мою го̀лаву
Я еще гадокъ пасижу,
Золотой вѣнокъ изнашу,
Шолкавы махры истреплю,
По улици хадючи,
Съ дѣвками танцы водючи.
Я съ дѣвками у танку,
Съ молодками у кружку.
Какъ и дѣ не былъ Никандрушка.
Не горюй, ни тужи Татьянушка!
Я нидавно былъ у торгу;
Я тебѣ вѣночикъ старгавалъ,

Хоть ни залатой,
Тольна машурной [1]),
Да ни часавой,—вѣкавой,
Ево дѣвушки ни снимуть,
Малодушки ни атымуть.

Бѣлинькай мой горошикъ!
Люблю тебе сѣить
При крутой, при дорози,
При зеленай дубрави.
Младенькай Никанорушка!
Харашо тебѣ женица
При роду, при племеню,
При радимомъ батюшки,
При радимой матушки.

Ой у сади салавей,
У зиленамъ маладой.
Онъ по саду литаитъ,
По зиленаму пархаитъ,
Дробныхъ пташечикъ взбужаитъ;
„Вы пташечки—воробьи,
Встаньти рано па зари,
И спойти мене пѣсиньку
Новаю, виселаю
Про маладова саловьюшку“.
Саловьюшка, саловей
Саловьюшка маладой!
Скажи правду, не утой.
Сколь далечи леталъ,
Сколь далечи пархалъ?
Я ать сада до сада
До сладкава вишенья,
До зиленава арѣшенья
До дробнава чирешенья.
Младенькій Никанорушка,
Свѣтъ Питреивичъ,
Сколь далечи атьѣжалъ?
Ать сила, до сила,
Ать двара, до двара,
До тестинава терима,
До Татьянушкиной горницы.
Татьянушка въ териму,
Сименовна у высокомъ.

---

[1]) Мишурной.

За тисовымъ за сталомъ.
Никанорушка подъ акномъ,
Питреивичъ падъ стекломъ.
Татьянушка атвари,
Сименовна атвари!
Никанорушка обагради,
Питреивичъ погади.
Радъ бы я обаждать,
Воранова каня не удержать.
Мой воронъ конь не стоитъ,
На каню узда звенитъ;
Буе̂нъ вѣтиръ шляпу рветъ,
Дробинъ дождикъ кудри вьетъ,
Ясно солнце лицо жгетъ,
Теща зятя въ гости ждётъ
На пиръ на бисѣдушку,
На виннаю чарочку.
Винная чарочка на столику стоитъ.
Она виномъ налита,
Сахаромъ набита,
Татьянушкой подата,
Сименавной во ручки.

Иванушка рябчій,
Хорошинькій мальчикъ,
Ѣздилъ на охотинку;
Улавилъ кукушичку,
Себѣ игрушичку.
Хотя она кукавая,
Она ему вѣкавая;
Хотя она рябёшенька,
Она ему милёшенька.

Заинька по лавочки ходитъ,
Сѣринькій у печь заглядаитъ—
Ужоли, ужоли каравай паспѣлъ,
Ужоли (2) яравой паспѣлъ?
Каравай мой рай,
Кто̂-шь тебе катаитъ?
Катаитъ мене свашка
У краснай рубашки.
Каравай мой рай,
Кто̂ шь тебѣ сажаитъ?
Сажаитъ мене свашка
У краснай рубашки.

Каравай мой рай,
Ктô-шь тебѣ вымаитъ?
Вымаитъ мене свашка
У красной рубашки.

Охъ што-шь то за дивище?
У воротъ стаитъ разливище,
Разливалась озеро
Широкое глубокое.
Какъ по томъ по озеру
Плавалъ лебидь со либёдушкой.
Почемъ знать лебидя?
Почему либёдушку?
У лебидя залотая галова,
У либёдушки позалоченая.
Либедокъ—Никанорушка,
Бѣлинькай Питреивичъ.
Либёдушка Татьянушка,
Бѣлая—Сименовна.

Ва горинки во навой,
Во свѣтлици свѣтавой
Стаитъ столъ дубавòй.
Ножки точеныи
Позалоченыи.
На сталѣ дубавòмъ
Слата скатерть новà;
И новà, и бѣла
Въ пидесятъ цѣлковъ ткана,
Въ шидесятъ ана брана.
По скатерти по навôй
Ходитъ голубь маладой
Со галубкаю.
Што былъ голубокъ—
Никанорушка господинъ;
Бѣлая голубка—
Татьянушка госпажа.
Они пѣшкомъ къ обѣдни
Не хаживали.
Они лѣтнимъ путемъ
Во колясочки.
Они зимнимъ путемъ
Во саняхъ казыряхъ,
На лихѝхъ лошадяхъ.

Молодымъ господамъ.

Хмѣлюшка, хмѣлюшка,
Хмѣль яровой.
По лугамъ растетъ,
По болотичкамъ стелица,
Пра межъ себе стеж(ш)ки дарож(ш)ки
Аставляютъ.
Никанорушка Питреивичъ,
Князь маладой.
На широкій дворъ въѣжаитъ,
Что маковъ цвѣтъ стелица;
На высокае крыльцо
Залатымъ перстнемъ катица;
За тисовый столъ
Малодымъ княземъ
Садица.
Къ Татьянушки Сименовны,
Маладой княгинюшки, подъ бачокъ.

Батюшка радной,
Излави саловья;
Прикуй къ териму,
Къ териму маему,
Харашо жить дочь будитъ,—
Свекарь разбудитъ;
Плаха жизть будитъ,—
Саловей взбудитъ.

Л. Семилуцкая.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

(*Окончаніе*).

Настасья Адовна.

Въ старину жилъ крестьянинъ; онъ плотничать научился и около своихъ мѣстъ сталъ плотничать; сталъ брать подряды, на годъ ихъ бралъ, но все ему недоставало (средствъ), все было нужно свое прибавлять (и думаетъ крестьянинъ) „дай-ка я въ далекихъ земляхъ побываю, здѣсь все какъ-то въ недостаткѣ живу". И отправился онъ въ далекую страну, и тамъ на годъ взялъ подрядъ, за 300 рублей онъ взялся. У него осталось прибыли сто рублей цѣликомъ. Кончился этотъ подрядъ, на семь лѣтъ онъ взялъ другой. Семьсотъ рублей осталось прибыли отъ второго подряда. Такъ нажилъ онъ восемьсотъ рублей. Мужикъ сталъ думать: „теперь пора домой идти, деньги есть". Онъ шелъ, шелъ, да и усталъ человѣкъ—ѣсть, и пить захотѣлось ему. По дорогѣ была плохонькая мельница. Онъ сталъ искать что-нибудь попить изъ рѣки. Кто-то и схватилъ его за бороду. Онъ сталъ ждать—не отзывается, кто держитъ. Изъ воды отвѣтило: „что дома есть, про что ты не знаешь, то обѣщай". Мужикъ подумалъ: „что я за восемь лѣтъ не знаю, что-нибудь мелкое". и сказалъ: „обѣщаю". Тогда вышелъ старикъ весьма сѣдой: „такъ дашь?—Дамъ", говоритъ. Потомъ старикъ подписаться велѣлъ. „Но гдѣ же бумага?". Длинный старикъ принесъ лопухъ (широколиственную траву), между руками потеръ—кровь потекла, появились бумага и перо. Крестьянинъ подписался. Длинный старикъ обратно вошелъ въ воду. Крестьянинъ направился къ дому и очень печалится: не знаетъ, что онъ обѣщалъ. Пришелъ на свои поля. На вотчину свою—озимь зеленая растетъ, а день веселый, свѣтлый, онъ склонялся къ вечеру. „Не смѣю", говоритъ, „идти", и легъ на межѣ между полями. Онъ тамъ спалъ до утра. Проснулся, всталъ идетъ къ дому, еще не дошелъ до него, какъ жена его и увидала съ крыльца и крикнула „Ваня, Ваня, отецъ то идетъ". Въ сердце ударило мужика. Пришелъ—женѣ и мальчику большая радость, а отецъ печалится. Жили день и другой день, разъ ночью и стали разговаривать мужъ съ женою: „отчего ты печалишься, когда намъ такая радость". Мужикъ сталъ разсказывать: „Вотъ я ходилъ въ другую землю, денегъ нажилъ и денегъ много несу, возвращаясь домой я вотъ что встрѣтилъ" (онъ тутъ разсказалъ все). Когда они уснули—длинный старикъ пришелъ—„сынокъ, давай, пойдемъ". Мальчикъ закричалъ. Отецъ и мать вскочили. Цѣлую ночь съ огнемъ

сидѣли, но старика болѣе не было. Тоже самое было и на вторую ночь и на третью. Тогда мужъ съ женою стали спрашивать своихъ сосѣдей своей деревни: „что дѣлать, послать мальчика или нѣтъ". Сосѣди сказали—если обѣщано—необходимо послать. Тогда отецъ сапоги сшилъ для сына, коты, котомочку приготовилъ и далъ сто рублей. „Ты иди къ мельницѣ, три часа просиди тамъ и потомъ куда глаза глядятъ, туда и иди, если ничего не представится".

Мальчикъ ушелъ. Просидѣлъ около мельницы три часа, ничего ему не представляется. Сердится—сидитъ. Потомъ куда глаза глядятъ, туда и направился. Цѣлый день онъ шелъ, и темнѣть ужъ стало; онъ сталъ искать себѣ ночлега—тамъ лѣсочекъ плохонькій растетъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ посмотритъ, въ другомъ—нигдѣ не годится спать. Далѣе и лѣсу не стало, лугъ тянется. Одинъ день идетъ, не находитъ себѣ мальчикъ ночлега. Полоса лѣса опять виднѣется. Идетъ къ синему лѣсу—можжевельникъ все, и спать негдѣ, смотритъ подальше—дубъ стоитъ. „Дай-ка, я подъ дубъ пойду, тамъ есть отверстіе". Вошелъ—тамъ ничего нѣтъ, палкой сталъ пробовать—что-то стучитъ, какъ бревно; по палкѣ онъ тогда спустился. Тамъ совсѣмъ темно, онъ на ощупь идетъ, что-то вродѣ избушки, а вотъ и дверь, отворилъ ее—очень свѣтлая комната передъ нимъ, а около стола сѣдой мужчина дремлетъ; дѣтина стоитъ, ничего не говоря, думаетъ, думаетъ,—дай-ка я скажуся. потому что не скажусь — съѣстъ и скажусь — съѣстъ; „Здорово, дѣдушка!" — „Иди, милый сыночекъ! Куда собрался?" Дѣтина разсказалъ дѣло своего отца. Старикъ сказалъ: „это мой братъ будетъ, онъ сатанѣ отдался, въ помощь тому, добрымъ людямъ надоѣдаетъ, а я къ святости иду". Крестьянскій сынъ тамъ ночевалъ. „Завтра", говоритъ старикъ, „ты иди, куда обѣщался", и онъ научилъ его: „триста верстъ по лугу пойдешь, другіе триста верстъ по зеленому лугу и еще триста верстъ темнымъ лѣсомъ, потомъ увидишь ивовой кустъ на берегу рѣки. Туда прилетаютъ девять лебедей купаться. Восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, купаются, а девятая, летаетъ надъ ихъ головою, потомъ восемь одѣваются и улетаютъ, а девятая, оставшись одна, купается. Теперь иди". Молодой человѣкъ послѣ большихъ трудовъ прибылъ въ ивовой кустъ. Какъ говорилъ старикъ, такъ и случилось: восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, стали купаться, а девятая летала надъ ними. Восемь одѣлись и улетѣли, а девятая, оборотившись, раздѣлась. Крестьянскій сынъ у нея платье взялъ съ берега и спряталъ. Она вышла—платья нѣтъ. „Кто спряталъ мое платье?" Онъ сейчасъ и сказался: „я", говоритъ, „спряталъ", и разсказалъ ей дѣло отца. „О, далеко еще до старика, онъ мой отецъ, ты долго не приходилъ!" Сказала дѣвушка Ивану крестьянскому сыну. „Я тебѣ разскажу дорогу, ты со мною пойдешь. Ты какъ будешь со мною входить въ мой домъ, а я живу отдѣльно отъ старика, ты увидишь мои сѣни длинныя—32 окна; на каждомъ окнѣ по человѣку. Ты когда пойдешь за мною, тебя кто будетъ хватать, кто клюкою задѣвать, каждый по своему. Ты только не посмѣйся, а иди все за мною". Послѣ разговору они отправились. Какъ она говорила, такъ все и случилось. Когда по сѣнямъ они шли—кто его топоромъ, кто клюкою задѣваетъ, каж-

дый, кто какъ умѣетъ. Иванъ сталъ смотрѣть внизъ и ни на кого не глядѣлъ, такъ шелъ за Настасьей. „Завтра утромъ", Настасья говоритъ, „иди, сходи къ батюшкѣ". Тотъ вышелъ, затѣмъ къ батюшкѣ". Онъ немножко сталъ посмѣлѣе и сказалъ: „здорово, дѣдушка!— Иди, иди, давно ужъ жду тебя". Старикъ далъ ему домикъ, „Если усталъ, отдохни". Онъ выспался. Ѣлъ, отдохнулъ. Утромъ на другой день пригласилъ его на завтракъ и говоритъ:—„иди, посмотри на мое житье-бытье". Иванъ вышелъ смотрѣть, разузнать житье-бытье, смотритъ вездѣ одежа, вездѣ богатство, а напослѣдокъ увидалъ столбъ стоитъ со многими гвоздями, на каждомъ гвоздѣ человѣческая голова, два гвоздя еще свободны, „это видно для меня и для Настасьи", и сталъ онъ печалиться.

Ракъ-Молодецъ.

Въ старыя времена жилъ былъ крестьянинъ съ женою. У нихъ не было ни сына, ни дочери. И постарѣли они, ни сѣна, ни дровъ ужъ возить не могутъ. Старуха стала говорить: „ты старикъ иди, найди кормильца, сына ли дочь". Старикъ думаетъ: „куда идти, кого стану искать". Старуха сильно посылаетъ. Старикъ сталъ собираться; одѣлся, взялъ палку въ руки и спустился къ рѣкѣ, по берегу зашагалъ онъ. Тутъ ракъ къ нему оборотился: „ты куда старикъ идешь?— Я иду кормильца искать, быть можетъ гдѣ-нибудь найду, сына или дочь". А ракъ говоритъ: „меня бери за сына". А старикъ промолвилъ: „гдѣ ты и кто?—„Я здѣсь, между камнями—ракъ". Старикъ пошелъ къ нему: „изъ тебя какой ужъ кормилецъ изъ рака?" Ракъ говоритъ: „бери меня, до самой смерти буду кормить, поить и въ могилу отправлю въ гробѣ". Старикъ взялъ его въ руки и снесъ домой къ старухѣ. „Вотъ принесъ кормильца"—сталъ разсказывать и положилъ рака на приступокъ. Старуха пришла (взглянула) и плюнула на полъ—„тьфу, ты! Принесъ кормильца!" Ракъ говоритъ: „не бойся, старуха, я тебя до старости прокормлю (буду кормить, поить)". Наступилъ вечеръ. Старикъ со старухою поужинали, кое-что еще было. Ракъ сказалъ: „теперь ложитесь, спите". Старикъ со старухой уснули. Ракъ всталъ, упалъ на полъ—вышелъ прекрасный молодецъ. Вышелъ на улицу на крыльцо и закричалъ: „Тетки, мамки, мои крестьяне, служите мнѣ службой". Пришелъ къ нему народъ: „что тебѣ хозяинъ нужно?—Старику со старухой полный сарай сѣна навозить, подъ окно—дрова, ушатъ наполните водой". Старикъ со старухою проснулись, старуха говоритъ: „печку надо топить, поди сходи за дровами". А ракъ говоритъ: „только принеси, дровъ довольно подъ окномъ". Старикъ—вышелъ на улицу—испугался, такъ много дровъ, и въ сараѣ—полонъ сарай сѣна, посмотрѣлъ въ ушатъ—онъ полонъ воды. И всякую всячину, и муки онъ нашелъ. Ракъ говоритъ: „меня не бойтесь, ты стряпай старуха". Потомъ пообѣдали они и раку положили кашицы, и онъ съѣлъ немного. „Теперь иди, старикъ, къ царю свататься". Старикъ боится идти. „Иди—и только". Старикъ взялъ палку и отправился къ царю: пришелъ, вошелъ во внутрь и сѣлъ у порога дверей, и тамъ цѣлый

день сидѣлъ. Сказать то ничего не смѣетъ. Царь увидалъ и спросилъ: „ты что тутъ сидишь, старикъ?" Старикъ говоритъ: „у меня есть сынъ, я пришелъ сватать за него твою дочь". Царь отвѣчаетъ: „если службу сослужишь мнѣ, дѣвушку выдамъ, а если службу не исполнишь, голову отрублю". Старикъ испугался и спросилъ какая же служба?

„Я вотъ какую службу дамъ: пусть отъ твоего дома до моего желѣзный мостъ въ одну ночь сдѣлаютъ съ мѣдными перилами. Если твой сынъ сдѣлаетъ, я дѣвушку выдамъ за него, не исполнитъ— голову отрублю." Старикъ взялъ палку и домой отправился; печальный все время онъ домой вернулся и сталъ говорить: „сынъ мой, ракушка, твоя и моя голова пропали". Задачу онъ далъ исполнить: въ одну ночь съ мѣдными перилами отъ его дома велѣлъ желѣзный мостъ построить". Ракъ отвѣтилъ: „этой службы не бойся, что будетъ впереди. Ложитесь и спите". Старикъ со старухой легли спать. Ракъ опять упалъ на полъ и оборотился въ красиваго молодца. Опять вышелъ на крыльцо. „Тетки, матки, мои крестьяне! служите службу!" Пришло къ нему тьма народу. „Что тебѣ нужно; хозяинъ?—Постройте мнѣ желѣзный мостъ съ мѣдными перилами". Сдѣлали живо въ одну ночь хорошій мостъ. Ракъ вошелъ въ избу, ударился о полъ, легъ въ блюдце. „Старуха, вставай, стряпай, дѣлай". Старуха встала. Варила, пекла. Отобѣдали. Старикъ опять пошелъ свататься. „По мосту и иди." Старикъ не посмѣлъ по мосту идти, онъ шелъ возлѣ, на палку упираясь. Пришелъ къ царю. Вошелъ и царь, опять спрашиваетъ: „что старикъ?--Сынъ послалъ меня сватать твою дочь. Служба мной исполнена." Царь вышелъ, осмотрѣлъ мостъ и ему очень красивымъ показался онъ. Вошелъ обратно къ себѣ: „если сослужишь службу—я выдамъ дочь мою." Старикъ спрашиваетъ: „какая служба?—Возлѣ моего дому безъ фундамента, безъ опоръ на воздухѣ церковь была бы, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьяконъ пѣли. Если не сдѣлаешь—голову отрублю". Старику опять стало весьма печально; взялъ онъ палку и собрался идти. „Охъ, ракушка, ты мой, головы у обоихъ спадутъ, приказалъ на воздухѣ церковь построить, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли.—Ложитесь, спите, исполнимъ". Старики и легли и уснули. Ракъ бросился на полъ, молодцемъ сталъ прекраснымъ, на крыльцо вышелъ. „Тетки, матки", крикнулъ онъ, „службу служите: въ одну ночь постройте храмъ безъ опоръ, на воздухѣ, безъ веревки съ неба, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли". Они все исполнили. „Старуха, вставай, вари, пеки, корми старика". Отобѣдали. „Иди сватать царевну. По мосту иди". Старикъ идетъ по мосту, голову опустивши. Пришелъ къ царю, сталъ смѣлѣе. „Я службу сослужилъ". Царь думаетъ, что это за человѣкъ? Онъ сказалъ: „дѣвицу я выдамъ, но третью службу исполни: пусть на лугу пророетъ озеро, въ озерѣ рыбы, на берегу рыболовы чтобы были и удочкою удятъ, и сѣтями ловятъ, и ветелемъ имаютъ рака. И кормятъ рыбою царство и денегъ не берутъ. Кругомъ озера садъ, въ саду птицы поютъ. Если все это сдѣлаетъ—выдамъ дѣвицу." Старикъ поклонился и отправился къ дому. Пришелъ, разсказываетъ раку: „Вотъ какую службу велѣлъ исполнить" (и старикъ разсказалъ). Ракъ промолвилъ: „не печалься, ложись да спи". Молодцемъ онъ

вышелъ на улицу. „Тетки, матки"—кликнулъ. Тѣ пришли и, все, что было сказано, исполнили. На другой день старика ракушка опять посылаетъ свататься. „Иди по мосту".—„Я опять пришелъ сватать твою дочь-царевну. Служба кончена". Царь вышелъ, разсмотрѣлъ и весьма удивился. Звалъ на свадьбу: „пусть пріѣдетъ въ телѣгѣ безъ лошади, по дорогѣ, что бы свадьба состояла изъ разнаго люда". —Ушелъ, разсказалъ. „Ложись, спи", говоритъ ракъ, „завтра пойдемъ на свадьбу". Ночью приготовлена была свадьба. Старуха пекла. Какъ царь сказалъ, такъ и сдѣлали, красиво и пріятно. Сѣли на телѣги и отправились по собственной дорогѣ. Пріѣхала свадьба, царь вышелъ и встрѣчаетъ. Женихъ-ракъ на блюдечкѣ, крестная несетъ его. Свадьба сѣла за столъ. Невѣста спрашиваетъ, гдѣ же нашъ женихъ? Крестная показываетъ—вотъ нашъ женихъ. Невѣста не хочетъ выйти. Царь сказалъ: „я далъ царскій обѣтъ, хотѣлъ выдать, отказаться не можно. Невѣсту посадили. Женихъ тутъ же сѣлъ на блюдечкѣ, хвостомъ лап-лап- дѣлаетъ невѣстѣ. Вышли и обвѣнчались. Крестная на блюдечкѣ кругомъ водила жениха. Потомъ вошли въ царскій домъ пировать. Ракъ ни вина, ничего не проситъ; кое-что положили ему на блюдечко—изъ блюдечка онъ ѣстъ. Но наконецъ уложили ихъ послѣ пира. И стала жена разспрашивать: „ты какою силою можешь дѣйствовать, ты вѣдь не все же ракъ?—Да, нѣтъ". И онъ очень красивымъ молодцемъ сталъ, ей показался, и ей такъ любо, такъ радостно. На другой день утромъ встали, ракъ опять свое платье надѣлъ. Наступилъ день, дочь стала разсказывать матери, восхищаться, „очень", говоритъ, „красивъ, такого молодца въ нашемъ царствѣ нѣтъ". Мать совѣтуетъ: „ты ночью платье то рака въ печку брось"—такъ учитъ свою дочь. Легли вторую ночь спать, ракъ свое платье не снимаетъ, а баба велитъ „ты не спи въ этой одеждѣ;" онъ говоритъ: „если я сниму, ты въ печку бросишь мое платье". Она говоритъ „я не брошу". Но онъ и снялъ платье и уснулъ. Молодая взяла, да въ печку и бросила. Когда онъ проснулся сталъ искать платье свое. „Я", говоритъ жена, „въ печку бросила его.— Ты мое платье бросила, сколько я трудился, стремясь къ тебѣ, столько же ты потрудишься, когда меня будешь искать". Онъ вынулъ клубокъ шелку и далъ своей женѣ. „Я, говоритъ, теперь и пойду отъ тебя ночью; этотъ клубокъ брось, куда онъ будетъ катиться, туда и иди за мною".

Тогда онъ вышелъ и исчезъ.

Стало свѣтло у Бога и дочь стала разсказывать матери со слезами на глазахъ: „онъ убѣжалъ отъ меня, ты велѣла бросить въ печку его платье. Давай мнѣ теперь котомку, я побѣгу за нимъ". Надѣла котомку и вышла изъ дому, выбросила клубокъ, онъ сталъ катиться впереди ея; она пошла за нимъ вослѣдъ. Клубокъ укатился къ морю и въ него вошелъ. Она тамъ сидѣла и плакала, и пустилась въ море вбродъ. Какъ только вода стала выше головы—тогда улица открылась. Клубокъ виднѣется въ водѣ. Она и идетъ въ водѣ за клубкомъ, и цѣлый день шла до вечера; къ вечеру одинъ домъ показался, клубокъ вкатился въ этотъ домъ и она за нимъ вошла. Тамъ внутри одинъ старикъ сидитъ. „Куда собралась

Марфида-царевна?—Я вотъ иду мужа своего искать, я съ нимъ обвѣнчалась, но онъ убѣжалъ.—Ахъ, зачѣмъ же ты платье его бросила въ печку, если бы еще одну ночку потерпѣла, онъ не сталъ бы болѣе носить платье рака, онъ отправился въ другое царство, на другой невѣстѣ жениться". Старикъ далъ Марфидѣ гребень; „ты когда придешь къ невѣстѣ, гдѣ пируютъ, войди туда, садись на порогѣ, да и чеши свои волосы, тогда твои волосы будутъ золотые, невѣста тогда захочетъ купить твой гребень, а ты на деньги не продавай, а проси жениха на одну ночь". Она вышла оттуда и пошла дальше..

Второй вечеръ одинокій домъ опять показался, туда вкатился клубокъ. Въ домѣ опять живетъ одинъ старикъ. Спрашиваетъ онъ: „куда путь держишь царевна? Она разсказала—за мужемъ она идетъ, который убѣжалъ. Старикъ сталъ браниться—зачѣмъ платье мужа въ печку бросила? Ужиномъ накормилъ, а утромъ завтракомъ и на дорогу далъ полотенце. „Они другой день будутъ пировать, ты туда и приходи, полотенцемъ завяжи глаза, ты какъ только имъ завяжешь глаза, всѣ чудеса земли открыты станутъ и видны тебѣ сквозь полотенце. Невѣста будетъ говорить—глаза болятъ у красивой дѣвушки,—ты ей дай полотенце, на посмотри, скажи. Она возьметъ на руки и завяжетъ глаза и всѣ чудеса земли увидитъ сквозь него. Купить захочетъ—продай это полотенце—денегъ мнѣ не нужно, ты скажи, дай жениха на вторую ночь, и она дастъ". Марфида опять ушла отъ этого старика. Шла, шла, въ третій день увидала опять одинокій домъ. Она вошла туда. Тамъ женщина сидитъ, крестная мужа. Она стала бранить царевну—зачѣмъ платье мужа бросила въ печку? Она накормила ея ужиномъ, утромъ завтракомъ. На дорогу даетъ царевнѣ скатерть. „Ты приди въ третій разъ подъ окно, растели эту скатерть, у тебя будетъ много явствъ и напитковъ. Она увидитъ изъ окна, выйдетъ къ тебѣ и захочетъ купить, ты на деньги опять не продавай, проси жениха на третью ночь, если согласишься—дамъ это". Послѣ этого царевна ушла оттуда. Крестная сперва дала ей мѣдные сапоги, мѣдную шляпу, желѣзную клюку. „Не подойдешь ты пяти верстъ до царства, увидишь на дорогѣ горящіе угли ты клюкой очищай себѣ дорогу. Шляпу на голову надѣнь, сапоги на ноги". Она ушла. Пяти верстъ не дошла—частые огненные угли стали попадаться на дорогѣ, она съ трудомъ прошла это мѣсто. Вотъ въ царствѣ у вдовы она остановилась, стала разспрашивать когда свадьба. „Завтра будетъ, завтра пиръ". Утромъ на другой день царевна пошла къ царю, возлѣ дверей у порога сѣла, сидѣла, взяла изъ кармана гребень и стала волосы свои чесать. Волосы стали золотыми. Невѣста увидала, попросила посмотрѣть гребень. „Что же это, твои волосы стали золотыми, дай я почешусь". И у ней стали волосы золотые. Пожелала она купить гребень: „продай мнѣ, три горшни золота дамъ,—мнѣ золота не нужно, мнѣ дай жениха на одну ночь". Она согласилась уступить жениха, и уступила его. Легли спать. Мужъ царевны не сказалъ ни одного слова. Она встала и съ рыданіемъ ушла къ себѣ домой. Поскорѣе полотенце захватила, да опять пошла къ царю. Глаза повязала и невѣста опять говоритъ: „какая красивая дѣвушка, а глаза болятъ". Она дала не-

вѣстѣ полотенце—на, посмотри. Та взяла, завязала себѣ глаза и увидала вдругъ всякаго звѣря, всякую птицу, все, что на землѣ все было видно черезъ него. Она пожелала купить это полотенце: „продай мнѣ, сколько хочешь, столько и бери золота“. Марфида не соглашается; „жениха дай на одну ночь“. И дала ей полотенце за жениха. Вечеромъ опять легли спать, она опять стала умолять, но мужъ не сказалъ ни слова. Эта вещь опять потеряна. Рано утромъ она ушла къ себѣ на квартиру, взяла скатерть, опять ушла къ царскому дому, подъ окномъ разостлала скатерть и стало тутъ у ней всякія явства и напитки. Невѣста, царская дочь, это опять увидала изъ окна, и вышла къ Марфидѣ на улицу. „Что у тебя это такое?“ Та скатерть сложила и ничего не стало, раскрыла—все опять появилось. Царская дочь—невѣста пожелала купить: „сколько угодно золота бери“. Та не соглашается: „жениха опять уступи на одну ночь“. Невѣста согласилась. Вечеромъ уложили. Третью ночь стали спать. Она опять стала звать мужа, наконецъ онъ откликнулся. „Ты завтра встань и пойди, а я попирую, да за тобой приду“. Спали и и проснулись. Мужъ остался пировать, а она къ себѣ домой пошла, взяла котомку и отправилась путемъ-дорогой, и въ одинъ день пришла къ своему царю. Черезъ часъ и мужъ явился, онъ убѣжалъ оттуда. Царю съ царицей стало очень любо. Только теперь онъ сталъ настоящимъ мужемъ царевны. И пошли они къ старику со старухой. Призвалъ своихъ работниковъ и велѣлъ построить домъ похожій на царскій, а старика со старухой взялъ къ себѣ. Царь съ царицей пришли пировать. Пировали, миловали, и понынѣ живутъ.

Простакъ.

Жили были старикъ со старухой и имъ принесли тайно быка. Купить имъ было не на что. Старики держатъ быка на травѣ, которую руками рвали. Такъ растили его до пяти лѣтъ. Старикъ со старухою стали разговаривать:—дай, продадимъ быка и купимъ крестьянское обзаведеніе.—На базаръ пошелъ старикъ и продалъ быка за 50 руб. У него не было мѣста для денегъ, такъ онъ былъ бѣденъ, и деньги несъ въ рукѣ. На встрѣчу попался ему мужикъ.

— Куда ходилъ?

— Быка продалъ. Вотъ взялъ 50 руб., да некуда положить.

— У меня есть кошелекъ, можно въ него положить.

— Ты много вѣдь, поди, просишь за него?

— Я прошу 10 руб., кошельки дорогіе.

Старикъ купилъ и на шею повѣсилъ. Къ дому онъ идетъ. Ѣдетъ мужикъ на встрѣчу въ телѣгѣ и спрашиваетъ:—куда ходилъ?

— Я на базарѣ быка продалъ, получилъ 50 руб., купилъ кошелекъ за 10 руб. Думаю купить крестьянское обзаведенье. Одну штуку ужъ купилъ.

— Не купишь моей телѣги?

— Ты, поди, вѣдь много запросишь?

— А рублей десять-то попрошу. Это вѣдь хорошая штука, на ней что угодно можно везти, хоть лошадку повезешь на себѣ.—Че-

ловѣкъ купилъ телѣгу. Онъ сталъ тащить телѣгу. Быть можетъ, версты двѣ или три тащилъ. Мужикъ на встрѣчу барана тащитъ, обуздавши.

— Не обмѣняемся ли телѣгой и бараномъ,—говоритъ мужикъ.

— Ты, поди, много добавки просишь?

А баранъ былъ хорошій. Старикъ прибавилъ пять рублей.

У него осталось двадцать пять руб. Завязалъ барана къ поясу и отправился далѣе онъ. Баранъ не идетъ, его мучитъ. Версты двѣ прошелъ онъ. Мужикъ пѣтуха несетъ, взявши въ охапку.

— Не станемъ ли обмѣниваться бараномъ и пѣтухомъ?

— Ты захочешь, поди, много прибавки.

— Пять рублей прошу.

Они обмѣнялись. Пѣтуха старикъ несетъ на рукахъ. А мужикъ на встрѣчу съ серпомъ:

— Это хорошая вещь, все рѣжетъ, траву хорошо снимаетъ.— И тутъ старикъ прибавилъ пять руб. Серпъ колется.—Это еще голову сниметъ,—думаетъ старикъ. А на встрѣчу мужикъ брусъ несетъ.—Не обмѣняемъ ли серпъ на брусъ? обмѣняемъ, прибавь всѣ деньги, я тебѣ сдачи дамъ три монеты по двѣ коп.—Идетъ старикъ, брусъ въ рукахъ несетъ. Брусъ тяжелый. Передъ нимъ озеро, на озерѣ утки.—Дай-ко, брусомъ брошу въ утку, да женѣ гостинецъ принесу изъ базара.—Прицѣлился онъ и бросилъ. Не попалъ, а брусъ въ озеро пошелъ. Старикъ бросилъ портки и пошелъ въ озеро вбродъ, но мокнетъ рубашка, онъ вернулся на берегъ и снялъ рубашку. И опять бросился въ озеро. Ноги не достаютъ, тамъ глубоко. И сталъ онъ тонуть, и поскорѣе выпрыгнулъ на берегъ.—Я, говоритъ, отъ смерти убѣжалъ. И сталъ тутъ удивляться. Ѣдутъ на тройкѣ.

— Ты что тутъ удивляешься?—спрашиваютъ купцы.

— Ты куда ходилъ?

— Я былъ на базарѣ, быка продалъ, денегъ выручилъ 50 руб.— и дальше все разсказалъ.—Если ты такъ торговалъ, жена плюнетъ на тебя.—Старикъ говоритъ:—три раза поцѣлуетъ.—Старикъ у купцовъ купилъ калачъ и держалъ закладъ съ купцами: Если на меня плюнетъ, мы со старухою будемъ служить вамъ всю жизнь, если поцѣлуетъ, вы дайте весь товаръ.—На этомъ били закладъ. Пошли домой, къ старику зашли всѣ. Баба удивляется, что мужикъ товаръ везетъ. Тѣ разсказали. Баба поцѣловала три раза старика. Купцы товаръ оставили у старика.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ. Онъ все молился Николаю Угоднику, чтобы онъ далъ ему богатства. Николай Угодникъ тоже не можетъ дать богатства, онъ обращается къ Господу, чтобы дать бѣдному мужику денегъ. Господь сказалъ: „если ты дашь ему богатства, онъ трижды тебя побьетъ“.—Пусть побьетъ, всетаки дадимъ. „Хорошо“, сказалъ Господь. Мужику повезло, онъ сталъ богатъ. Разъ Николай Угодникъ и Господь куда-то шли. Дошли они до дому богатаго мужика и стали стучаться въ двери. Богатый сказалъ: „если будете мнѣ молотить, пущу васъ ночевать—Будемъ“, отвѣтили странники и были пущены въ избу. Ихъ помѣстили какъ-то на го-

лубцѣ. Рано утромъ мужикъ сталъ будить ихъ и посылать на молотьбу. Странники что то замѣшкались. Богатый пришелъ ярый и поколотилъ Николая Угодника, который лежалъ съ краю на голубцѣ. Странники все еще не встали, и говорили: „мы сейчасъ обуемся и придемъ“. Немного погодя мужикъ, видя, что никого нѣтъ на гумнѣ, опять прибѣжалъ къ странникамъ и снова побилъ Николая Угодника, спавшаго съ краю на голбцѣ. Послѣ этого Господь сказалъ: „ложись, Никола, на мое мѣсто, иди внутрь, а то тебя опять побьютъ“. Господь легъ теперь съ краю. Мужикъ ждетъ не дождется, молотить нужно. Въ гнѣвѣ прибѣжалъ онъ и сказалъ: „теперь я побью другого, лежавшаго внутри, и опять поколотилъ Николая Угодника. Господь это зная, потому и сдѣлалъ такъ, онъ знаетъ наши мысли. „Вотъ тебѣ, говорилъ я“, сказалъ Господь. Послѣ этого они вышли на гумно. Господь зажегъ солому спичкой съ конца и вся солома сгорѣла, а зерна, какъ вылиты, остались въ цѣлости на гумнѣ. „Какъ они славно молотятъ“, сказалъ мужикъ, „мнѣ бы такихъ работниковъ побольше“. Странники ушли. На другой день богатый мужикъ самъ зажегъ солому на гумнѣ, чтобы такимъ легкимъ способомъ извлечь зерна изъ колосьевъ. Огонь усилился. Вся солома разгорѣлась, отъ соломы огонь перескочилъ на скирды, отъ нихъ къ овину, отъ овина на домъ мужичка. Все, что было—сгорѣло и мужикъ сталъ бѣднымъ, какъ прежде.

Другой жилъ мужикъ, тоже бѣдный и молился Ивану Богослову, прося у него зажиточности. Иванъ Богословъ далъ ему ящикъ съ золотомъ и сказалъ: „отдавай, кто проситъ у тебя взаймы, даютъ обратно—бери, нѣтъ—такъ оставляй,—у тебя деньги всегда будутъ“. Мужикъ исполнилъ все то, что сказалъ Иванъ Богословъ и былъ богатъ онъ весьма. Онъ умеръ въ старости, потому что и богатые умираютъ, и попалъ въ темное мѣсто, гдѣ холодно и темно—тамъ масса народу живетъ въ нуждѣ и въ бѣдствіяхъ. Мужикъ пошелъ по дорогѣ отъ этого мѣста, по дорогѣ, идущей въ рай. Онъ идетъ и спрашиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ: „куда эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ—въ рай. Шелъ, шелъ и дошелъ онъ до рая. У дверей его остановили: „ты не можешь войти въ рай, лицо твое черно и грязно, потому что ты въ церковь не ходилъ“.—„Мнѣ объ этомъ не было сказано“, отвѣчаетъ мужикъ, „я все сдѣлалъ и такъ, что и какъ мнѣ велѣлъ Иванъ Богословъ“. Вызвали Ивана Богослзва, который подтвердилъ слова мужика. Мужикъ послѣ этого былъ пущенъ въ рай. Бываетъ же, что и Угодники не правильно скажутъ.

Тювӧ.

Я жилъ съ женою въ работникахъ у Тювӧ. Графъ пріѣхалъ изъ Питера, въ крытой лодкѣ. Безъ спросу огонь развели на берегу. Время было очень жаркое. Дядя (тювӧ) спустился къ рѣкѣ, на берегу дымъ идетъ. „Кто такой развелъ огонь?“ Спустился Тювӧ и спросилъ громкимъ голосомъ—„кто дозволилъ развести огонь?“ Графъ

вышелъ изъ лодки. „Залейте огонь водой". Поднялся онъ къ старику. „Извините, старичекъ, мой работникъ развелъ огонь. У васъ какіе встрѣчаются здѣсь руды?—Да, встрѣчаются, я самъ собралъ". Тювö далъ графу, тотъ увезъ съ собой.

Поднимались (вверхъ по рѣкѣ) искатели рудъ—руды искать. Роются буравомъ, руду ищутъ. Нашли какъ ребенка изъ камня, изъ мѣди, изъ руды. Потомъ положили на бѣлое полотно, на ноги поставили. „Намъ", говорятъ, „добро будетъ". Потомъ утромъ рано встаютъ, того и нѣтъ. Потомъ и сами стали думать—это видно горный хозяинъ. Буравомъ долго еще искали, да ужъ и не увидали. Это былъ хозяинъ рудъ. Словно человѣкъ, съ руками и ногами. Мнѣ это отецъ разсказывалъ, 70 лѣтъ тому назадъ.

Радуга—öшка-мöшка пьетъ воду изъ рѣки; „каленикъ—огненная птица, которая собираетъ земныхъ птицъ въ стаи, чтобы онѣ улетѣли на югъ, на зимовку".

Кумъ-шкотъ.

Купецъ сталъ кумомъ сатаны и далъ ему рукопись. Весьма они были дружны и гостили часто другъ у друга. Сатана показывалъ ему всѣ свои владѣнія въ аду, кумъ-шкотъ только его не показывалъ. Жили были годъ и другой, намъ неизвѣстно сколько. Сатана разъ сдѣлалъ перекличку своему народу и спрашиваетъ каждаго: ты что добраго сдѣлалъ? Говоритъ одинъ: при свадьбѣ всѣ передрались—я это устроилъ. Сатана улыбнулся. У него есть законная книга; онъ говоритъ: „на свадьбѣ въ теченіе 8 дней нѣтъ грѣха, чтобы они не сдѣлали". Другой говоритъ—„я 30 лѣтъ не могъ соблазнить одного человѣка, который живетъ въ кельѣ. „А ты отчего пробылъ тамъ столько времени и не пошелъ къ другому. Идите бросьте его въ Кумъ-шкотъ". И его начали тащить, а онъ молиться: батюшка ты не веди меня въ Кумъ-Шкотъ. Сатанѣ стало жаль: „ну, не надо его вести". Его поставили между двумя рядами чертей и били его свинцовымъ прутикомъ и говорили: „такъ долго безполезно не трудись". Потомъ сатана опять книгу открылъ и спрашиваетъ слѣдующихъ. Является бѣсъ и говоритъ: я хорошее сдѣлалъ.—Разсказывай. „Я соблазнилъ царскую дочь и довелъ ее до того, что она стала ѣсть по три человѣка въ сутки и стала неисправима". Сатана далъ ему большой чинъ за такое дѣло.—„Положимъ, говоритъ сатана: исправить ее можно—въ такой то церкви есть такая то псалтирь и свѣча тамъ есть; если бы трои сутки читать эту псалтирь съ этой свѣчкой, то исправилась бы—какъ говоритъ законъ". Купецъ все это видѣлъ и слышалъ, и раздумался. Его поразилъ кумъ-шкотъ, что такъ отъ него всѣ отказывались. „Дай говоритъ, спрошу у своего кума, что это такое. „Что же это, кумъ, ты не показалъ мнѣ этого кумъ-шкота, можно показать его, или нѣтъ?—Какъ же нельзя, ко-

нечно, можно. Они отправились и вошли въ кумъ-шкотъ, отперли замокъ. Очень свѣтлая горница открылась имъ, оклеенная шпалерами съ большими окнами, а постель постлана красивая высокая перина. Купецъ говоритъ: „можно мнѣ здѣсь отдохнуть“?—Можно.— Купецъ легъ (а сатана ушелъ въ другую комнату) и сталъ опять думать, тѣмъ болѣе, что сатана, уходя въ другую комнату, сказалъ: „умрешь, такъ и будешь жить въ этомъ веселомъ мѣстѣ“. „Это что-то не ладно, думаетъ купецъ, а у него была съ собой игла, ею онъ проткнулъ постель и смотритъ что-то блеснуло тутъ, онъ отверстіе увеличилъ, а тамъ народъ кричитъ въ смолистомъ огнѣ, вертятся, „ой горе, горе“, кричатъ. Купецъ испугался;—вотъ внизу то и есть мое мѣсто, думаетъ. Онъ вошелъ къ своему пріятелю. Ну, что каково, тотъ спросилъ.—А очень хорошо, въ такомъ веселомъ мѣстѣ отрадно быть и сталъ просить рукопись, обѣщая принести новую вмѣсто этой старой. Сатана возвратилъ, но какъ только купецъ ушелъ, сатана догадался. А купецъ возвратился и подъ окнами крикнулъ: „всѣ бѣгите изъ дому“, а самъ шелъ, шелъ и дошелъ до кельи, въ которой жилъ монахъ; онъ попросился ночевать у него. Солнце стало заходить, они заперли всѣ двери съ молитвами, съ заходомъ солнца зажгли свѣчи и стали молиться Богу. Тогда кругомъ кельи набѣжала толпа бѣсовъ и чертенятъ, такъ что келья дрожала вся и они кричали всю ночь: дай намъ человѣка, но лишь только запѣлъ пѣтухъ,—ихъ власть исчезла. Потомъ монахъ и говоритъ: больше я тебя держать не могу—иди къ другому. Онъ ушелъ къ другому монаху. Наступилъ опять вечеръ, по его просьбѣ тотъ впустилъ его ночевать, какъ солнце стало спускаться, заперли всѣ двери съ молитвами, а съ заходомъ солнца открыли книгу и стали читать. Потомъ туда бѣсы собирались да собирались, вдвое больше, чѣмъ вчера, но на сажень уже не могли подойти они къ кельѣ. Они опять кричатъ: дай намъ человѣка, а тѣ молятся. Такъ продолжалось всю ночь до пѣтуховъ. Потомъ монахъ говоритъ: не могу дольше тебя держать. Купецъ отправился впередъ и опять пришелъ къ такому же монаху, попросился ночевать, тотъ впустилъ его. При заходѣ солнца они съ молитвами заперли двери, зажгли свѣчу, стали читать книгу и молиться. Опять нахлынуло бѣсовъ, быть можетъ впятеро больше и все говорятъ: „дай намъ нашего человѣка!“ Но они на 10 саж. не могли приблизиться къ кельѣ. Пѣтухъ запѣлъ и они ничего не могли взять. Монахъ сталъ разсказывать: „наша царевна по три человѣка съѣдаетъ въ сутки“, купецъ же говоритъ ему: „въ такомъ то мѣстѣ есть псалтирь и если бы 3-ое сутокъ читать ее со свѣчей, она исправилась бы“. Потомъ монахъ и купецъ пошли къ царю, ему доложили и царь ихъ принялъ. Такъ и такъ, дескать царевна ѣстъ людей. Купецъ сталъ разсказывать, что есть книга, которую, если читать со свѣчей безпрерывно, она де исправится. Свѣчу заказали, книгу нашли. Монахъ вошелъ при солнцѣ къ царевнѣ. Онъ исполнилъ все то, что говорилъ купецъ, и царевна выздоровѣла.

К. Жаковъ.

ОТДѢЛЪ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

П. И. Якобій. Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе. Съ предисловіемъ пастора *Я. Гурта* и указателями. С.-Петербургъ. 1907. Стр. XI+196+XLIX. (Записки Императ. Русск. Географ. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ XXXII).

Книга снабжена собственно двумя предисловіями, изъ коихъ одно, Секретаря Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., *Ѳ. Щербатского*, носитъ, такъ сказать, офиціальный характеръ, сообщая внѣшнюю исторію появленія въ свѣтъ изслѣдованія д-ра Якобія. Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что трудъ г. Якобія, по постановленію Отдѣленія, былъ переданъ на просмотръ проф. П. И. Меліоранскому для отзыва о тюркской части матеріаловъ, положенныхъ г. Якобіемъ въ основаніе его изслѣдованія, и д-ру Гурту—для отзыва о финской ихъ части. Не отрицая того, что трудъ г. Якобія „заключаетъ въ себѣ богатый и интересный лингвистическій матеріалъ", и высказавшись, поэтому, за желательность напечатанія его въ „Запискахъ" Общества, „оба спеціалиста отмѣтили свое несогласіе съ нѣкоторыми пріемами и результатами работы д-ра Якобія", но, къ сожалѣнію, не успѣли, за смертью, выполнить своихъ обѣщаній: Меліоранскій—дать подробный отзывъ и примѣчанія, а д-ръ Гуртъ, приславшій краткій письменный отзывъ,—дать также и примѣчанія, и книга г. Якобія выпущена въ свѣтъ съ однимъ лишь отзывомъ д-ра Гурта.

До сихъ поръ въ наукѣ господствовало мнѣніе, что вятичи вообще и, въ частности, вятичи Орловской губерніи были славянскимъ племенемъ. Д-ръ Якобій въ своемъ изслѣдованіи старается опровергнуть это установившееся мнѣніе и доказать, что, по крайней мѣрѣ, вятичи Орловской губерніи принадлежатъ къ финно-угрскому племени.

„Указанныя авторомъ этнологическія черты вятичей—говоритъ д-ръ Гуртъ—представляютъ во многомъ поразительное сходство съ первобытными чертами характера финно-угрскихъ племенъ. Въ равной степени и характерныя свойства говора, отмѣченныя авторомъ, приближаютъ говоръ Вятичей къ финскому языку. Также и въ области исторіи, отношенія Вятичей къ ихъ русскимъ завоевателямъ напоминаютъ отношенія западно-финскихъ племенъ (напр. Ливонцевъ и Эстовъ) къ ихъ покорителямъ нѣмцамъ. Даже въ религіи, у племенъ изслѣдуемой области замѣчается появленіе сектъ аналогичныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у западныхъ финскихъ племенъ, у Суомифинновъ и у Эстовъ". Словомъ, „совокупность историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ, на которыя онъ (д-ръ Якобій) опирается, достаточно убѣдительна и вполнѣ оправдываетъ высказанное авторомъ мнѣніе". Факты и посылки, приведенные д-ромъ Якобіемъ изъ области психіатріи и медицины, д-ръ Гуртъ, какъ не посвященный въ эти науки, не могъ провѣрить и потому совершенно оставляетъ ихъ въ сторонѣ, довольствуясь „совокупностью" вышеуказанныхъ данныхъ. Впрочемъ, цѣнность данныхъ лингвистическихъ д-ръ Гуртъ значительно подрываетъ какъ своими частными замѣчаніями, такъ еще болѣе категорическимъ общимъ утвержденіемъ: „авторъ лишь весьма поверхностно знакомъ съ финскими говорами", прибавляя, что „ученый, предпринимающій лингвистическое изслѣдованіе, не усвоивъ основательно тѣ нарѣчія, которыя имъ изслѣдуются, ставитъ себя въ невыгодное положеніе", и что, поэтому, неудивительно, если „финнологамъ неоднократно придется возражать автору и оспаривать нѣкоторыя его положенія" (предисловіе, V—VI).

Экскурсіи автора въ область тюркскихъ языковъ рѣже, но несомнѣнно, что и здѣсь авторъ держится тѣхъ же пріемовъ, какими онъ пользуется при экскурсіяхъ въ область финскихъ языковъ и какіе не вполнѣ одобрены даже такимъ снисходительнымъ критикомъ, какъ д-ръ Гуртъ. Остается пожалѣть, что для этой части работы д-ра Якобія у насъ не имѣется авторитетныхъ указаній спеціалиста-тюрколога.

Самъ авторъ, надо отдать ему справедливость, рекомендуетъ себя психіатромъ-этнологомъ и считаетъ съ своей стороны „большою смѣлостью высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ историко-филологическихъ". Мало того, для рѣшенія вопроса о расѣ вятичей, по мнѣнію самого автора (стр. 8—9), „простѣйшимъ было бы сдѣлать антропологическое изслѣдованіе населенія" и, „въ сущности, было бы болѣе характернымъ изслѣдованіе Калужской (губерніи), сохранившей большую (чѣмъ Орловская) индивидуальность и болѣе древній географическій onomasticon", но такого рода работу авторъ возлагаетъ на плечи мѣстнаго изслѣдователя, который можетъ сдѣлать ее и легче и полнѣе, а самъ, будучи „принужденъ замкнуться въ болѣе тѣсныя рамки", четыре пятыхъ своей книги удѣляетъ разсмотрѣнію географическихъ наименованій, — главнымъ образомъ, финно-угрскихъ,—т.-е. какъ разъ такой области изслѣдуемаго предмета, въ которой онъ отнюдь не можетъ считаться компетентнымъ въ силу весьма поверхностнаго, какъ сказано, знакомства съ финскими гово-

рами. Этимъ авторъ низводитъ свой трудъ на степень сборника сырого матеріала, изъ котораго ученымъ предстоитъ, по выраженію д-ра Гурта, „выдѣливъ и отбросивъ то, что будетъ признано несостоятельнымъ, включить остальное въ сокровищницу отечественной науки". Лишь при такомъ условіи, т.-е. при условіи использованія матеріала учеными специалистами, принятый авторомъ методъ изслѣдованія, состоящій въ тщательномъ анализѣ географическаго onomasticon'а страны, можетъ считаться, при научномъ изслѣдованіи расы жителей, „болѣе доказательнымъ, нежели даже антропологическія измѣренія" (стр. 138).

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, нѣсколько частныхъ замѣчаній на разныя мѣста книги.

На стр. 8 авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Что Вятичи были славяне, въ этомъ согласны всѣ авторы безъ исключенія, и авторы даже предупреждаютъ, чтобы не смѣшивать ихъ съ Вотяками, руководствуясь грубой этимологіей, а извѣстно, что гораздо менѣе позорно поддѣлать вексель, чѣмъ принять въ соображеніе этимологію въ вопросахъ этнографіи или исторіи". Нельзя сказать, чтобы сравненіе автора было удачно, если не допустить, что оно имъ недосказано. Вѣдь рѣчь идетъ о грубой этимологіи, поддѣльной, ненаучной, основанной на „весьма поверхностномъ знакомствѣ" съ языками, и развѣ авторъ станетъ отрицать, что такая этимологія хуже поддѣльнаго векселя, такъ какъ вводитъ въ заблужденіе не одно какое-либо лицо, а весь читающій людъ? Если повѣрить, напр., автору, то суффиксъ *ще* въ русскомъ языкѣ „означаетъ или мѣсто, гдѣ что-то совершается (кладбище, стрѣльбище), или которое было прежде занято чѣмъ-нибудь, что болѣе не существуетъ (городище)" (стр. 29). Надѣюсь, что мною взятъ примѣръ изъ этимологіи, притомъ русской, наиболѣе знакомой автору. И что же, развѣ это не грубая, не поддѣльная этимологія, основанная на двухъ-трехъ подвернувшихся примѣрахъ или просто придуманная ad hoc? Спрашивается, какъ объяснить съ помощью такой „этимологіи" русскія слова: „днище" (отъ день и дно), „кнутовище", „топорище", „дружище" и пр. и пр.?

Авторъ отрицательно относится къ довольно вѣскому мнѣнію, что нѣкогда Орловская губернія дѣйствительно была заселена финскимъ племенемъ, но что впослѣдствіи финны были вытѣснены и замѣнены славянскими Вятичами, и что финскія имена рѣкъ сохранились отъ первоначальныхъ жителей. Ошибочность такого предположенія авторъ доказываетъ слѣдующими соображеніями: „...населенныя мѣста гораздо менѣе консервативны относительно своихъ именъ, *въ общемъ* они характеризуютъ расу не *населявшую когда-то, а населяющую въ данный моментъ* страну...; если города, какъ болѣе устойчивыя населенія [поселенія?], болѣе стойко удерживаютъ и имена, то этого уже никакъ нельзя сказать о деревняхъ; нѣтъ возможности предположить, чтобъ значительное число деревень получило свои имена отъ очень древняго племени, которое уже въ IX вѣкѣ было вытѣснено такъ радикально, что оставило только „пограничные рѣдкіе и слабые посты", и чтобы новое населеніе, совершенно другой расы и другого языка, приняло ихъ географическій onomasticon.

Поэтому имена деревень имѣютъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе доказательное значеніе, нежели имена городовъ, и даже рѣкъ“ (стр. 39).

Приходится констатировать, что авторъ совершенно бездоказательно опровергаетъ гипотезу, имѣющую за собою фактическія основанія. Сошлюсь на примѣръ названій якутскихъ урочищъ (рѣкъ, еланей, горъ, мысовъ, озеръ),—названій, въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно чуждыхъ якутскому языку и не имѣющихъ въ немъ корней; общій голосъ изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что всѣ эти урочища носятъ названія прежнихъ обитателей, вытѣсненныхъ якутами; нѣкоторые (Л. Г. Левенталь[1]) категорически утверждаютъ, что среди якутскихъ названій мѣстностей много тунгусскихъ. Этотъ несомнѣнный фактъ идетъ въ разрѣзъ съ соображеніями автора и служитъ скорѣе подтвержденіемъ опровергаемой авторомъ гипотезы, а не наоборотъ, тѣмъ болѣе, что якутскія населенныя мѣста должны быть признаны гораздо менѣе устойчивыми, чѣмъ города и деревни, а потому, по автору, и менѣе стойко должны были удерживать сохранившіяся отъ первоначальныхъ обитателей имена урочищъ. Вообще, сохраненіе древнихъ географическихъ именъ новыми обитателями — столь естественное и распространенное явленіе, что нѣсколько страннымъ кажется желаніе г. Якобія доказать противное.

Не довольствуясь экскурсіями въ область финскихъ и тюркскихъ языковъ, авторъ для объясненія нѣкоторыхъ названій, не имѣющихъ въ мѣстномъ языкѣ ни корня, ни производныхъ, обращается и къ греческому языку на томъ основаніи, что „торговыя и всякія другія сношенія русскаго центра съ греческимъ міромъ не прекращались“. Между прочимъ, „множество (вотяцкихъ) деревень имѣютъ составное имя, вторая составная часть котораго есть *пелга* или *пелги*“, а по начертанію академика Миллера—*пилги*. Такъ какъ „*Пелги* нерѣдко произносится *перги*“, то авторъ задается вопросомъ: „не слѣдуетъ-ли его сопоставить съ греческимъ πύργος—башня, крѣпость, крѣпостной валъ“ (стр. 171). Нисколько не настаивая на предпочтительности своего сопоставленія, я считаю не лишнимъ отмѣтить, что, при чтеніи у автора даннаго мѣста, у меня въ памяти постоянно вертѣлось тюркское слово *пілгі*—знакъ, клеймо, какъ болѣе сходное въ звуковомъ отношеніи съ занимающимъ автора словомъ и входящее въ область языка, съ которымъ автору больше приходилось имѣть дѣла для доказательства своего мнѣнія, чѣмъ съ греческимъ.

Этнографическій интересъ книги сосредоточенъ, главнымъ образомъ, въ остальной ея части и именно тамъ, гдѣ авторъ устанавливаетъ цѣлый рядъ сходныхъ признаковъ между теперешнимъ населеніемъ древней Вятичской земли и финскими инородцами русскаго сѣверо-востока. На основаніи общихъ личныхъ впечатлѣній и нѣкоторыхъ данныхъ изъ литературы предмета, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Общій habitus населенія настолько напоминаетъ вотяцко-пермяц-

---

[1]) См. Жив. Ст. 1907, вып. IV: Изъ Якутской старины, стр. 96.

кій типъ, что это бросается въ глаза съ перваго же взгляда...: специфическій финскій ротъ, финскія краски волосъ и кожи лица, рыжеватыя бороды, свинцовые глаза, вотяцкій habitus тѣла, та же походка, какъ бы крадущаяся, смягченіе звуковъ и *мульированіе* согласныхъ, смѣшиваніе согласныхъ *б*, *в* и *м*, избѣганіе двухъ согласныхъ въ началѣ словъ и вообще въ одномъ слогѣ, и т. д. Но сходство психологическое еще разительнѣе: абсолютная вѣра въ колдовство и его практикованіе, сохраненіе въ психикѣ рѣзкихъ слѣдовъ шаманизма, коммунальнаго брака, первобытнаго гетэризма, слабая семейная связь, половое значеніе ногъ и т. д.; наконецъ, большая склонность къ психическимъ заболѣваніямъ. Затѣмъ поразительное сходство женской одежды, одинаковое обозначеніе („*сорока*") столь странныхъ и своеобразныхъ женскихъ головныхъ уборовъ, фалоиднаго и рогатаго; страсть къ цвѣтнымъ вышивкамъ, занимающимъ иногда почти всю ткань женской одежды".

Значеніе этихъ наблюденій ослабляется вслѣдъ за симъ идущими словами самого автора: „Но, какъ и у вотяковъ, пермяковъ, вогуловъ, остяковъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ—особенно бросилось мнѣ это въ глаза въ Карачевскомъ уѣздѣ—и черноволосыхъ и черноглазыхъ, часто съ тюркскимъ общимъ обликомъ. Въ общемъ должно сказать, что и физическіе признаки нынѣшняго населенія Вятской земли, и женская одежда его представляютъ поразительную аналогію съ нашими финскими инородцами, но представляютъ нѣчто среднее между вотяками и пермяками, съ одной стороны, мордвой и черемисами съ другой" (стр. 164).

Самымъ слабымъ изъ приведенныхъ авторомъ сходныхъ признаковъ кажется намъ сходство психологическое и еще болѣе сходство въ области фонетики; какъ то, такъ и другое легко можно отыскать у многихъ первобытныхъ племенъ нашего востока. Что касается физическихъ признаковъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что однихъ общихъ личныхъ впечатлѣній для рѣшенія вопроса совершенно недостаточно, что, впрочемъ, признаетъ и самъ авторъ.

Къ книгѣ приложено десять картограммъ, показывающихъ наглядно число и распредѣленіе душевно-больныхъ и кликушъ, а также распредѣленіе финскихъ географическихъ именъ по уѣздамъ Орловской губерніи, и три діаграммы, показывающія психіатрическую разницу между населеніемъ разныхъ уѣздовъ той же губерніи. Общій выводъ автора изъ собранныхъ имъ статистическихъ данныхъ состоитъ въ томъ, что „область распространенія финскихъ географическихъ именъ идентично совпадаетъ съ областью сильнаго распространенія душевныхъ заболѣваній вообще и кликушества въ частности" (стр. 178).

Примѣчанія и сноски съ указаніемъ источниковъ выдѣлены въ конецъ книги, занимая болѣе полулиста.

Книга снабжена указателями: географическихъ именъ, словъ финскихъ нарѣчій и тюркскихъ словъ, значительно облегчающими пользованіе книгою.

Въ заключеніе нужно признать, что авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы по возможности систематизировать скопившійся у него матеріалъ и тѣмъ облегчить работу будущихъ изслѣдователей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и направить ихъ вниманіе на такія де-

тали, которыя иначе могли бы остаться и вовсе незамѣченными. Можно не соглашаться съ пріемами изслѣдованія, общими выводами и отдѣльными положеніями автора, но это нисколько не уменьшаетъ цѣнности кропотливо собраннаго д-ромъ Якобіемъ матеріала, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіями по затронутому имъ вопросу наша литература поразительно бѣдна.

Эд. Пекарскій.

Отзывъ о трудахъ Т. Д. Флоринскаго [1]). Трудъ проф. Т. Д. Флоринскаго „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ“, Кіевъ, 1907,—тотъ трудъ, котораго уже давно ждутъ русскіе и славянскіе этнографы и который для русскаго образованнаго общества въ полномъ смыслѣ слова необходимъ. Не давая никакихъ открытій, никакихъ неожиданныхъ выводовъ, авторъ въ сжатомъ изложеніи предлагаетъ сводъ всего того, что сдѣлано русской и иностранной наукой въ дѣлѣ изученія всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, ихъ границъ, подраздѣленій, численности, политическихъ отношеній, слѣдуя, конечно, новѣйшимъ даннымъ, но не забывая упомянуть, гдѣ нужно, и о данныхъ старыхъ, поучительныхъ, когда рѣчь идетъ о ростѣ или вымираніи народности. Само собой разумѣется, ему приходилось касаться спорныхъ вопросовъ, иногда очень острыхъ; но онъ ихъ счастливо минуетъ, не входя въ полемику и не принимая крайнихъ, слишкомъ субъективныхъ мнѣній. Такъ, вопросъ о русско-словацкой границѣ, по его словамъ, „остается не вполнѣ выясненнымъ, въ виду переходныхъ говоровъ“ (стр. 29); а касаясь македонскаго вопроса, онъ говоритъ: „для признанія македонскихъ славянъ за особую этнографическую вѣтвь славянства не имѣется достаточныхъ основаній“ (стр. 65).

Указатели по литературѣ славянской этнографіи даютъ возможность читателю самому обратиться къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ и картамъ и дополнить трудъ автора.

Изъ приложенныхъ двухъ картъ одна, по исторической этнографіи, не принадлежитъ автору; другая, въ собственномъ смыслѣ слова этнографическая, составлена по его даннымъ и указаніямъ. Она обнимаетъ всѣ части славянской территоріи—отъ центральной Европы до Тихаго Океана, и хотя не отличается (вслѣдствіе своего умѣреннаго размѣра) достаточной подробностью, тѣмъ не менѣе даетъ вполнѣ ясное представленіе о мѣстахъ обитанія славянскаго племени вообще и отдѣльныхъ славянскихъ народностей въ частности.

Мы бы сильно погрѣшили передъ авторомъ, если бы забыли упомянуть о другихъ его трудахъ въ области славянской этнографіи. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе усердныхъ работниковъ этнографовъ нашего времени.

Десять лѣтъ назадъ имъ закончены изданіемъ „Лекціи по славянскому языкознанію“. Кіевъ, 1895—1897, два большихъ тома, которые посвящены славянскимъ языкамъ (кромѣ русскаго и церковно-

---

[1]) Согласно этому отзыву, Т. Д. Флоринскому была присуждена золотая медаль Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

славянскаго) и имѣютъ въ виду знакомить читателя съ говорами живыхъ славянскихъ языковъ; эти „Лекціи“ находятся въ тѣснѣйшей связи съ его только-что названнымъ трудомъ по славянской этнографіи.

Въ теченіе ряда лѣтъ авторъ слѣдитъ за новостями славянской этнографической литературы и постоянно даетъ о нихъ отчеты, иногда довольно обстоятельные, въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Спеціалисты хорошо знаютъ эти отчеты и часто пользуются указаніями автора.

Чтобы закончить нашъ отзывъ о дѣятельности Т. Д. Флоринскаго въ области славянской этнографіи, назовемъ еще его небольшія вышедшія отдѣльно работы: „Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст.“ Кіевъ, 1895; „Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа“, К. 1898; „Всѣми забытый и униженный славянскій народъ“, К. 1899; „Зарубежная Русь и ея горькая доля“. К. 1900.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины. Статья *А. Кауфмана.* „Русская Мысль“ 1907, кн. X—XII.

Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Сообщеніе Члена Государственнаго Совѣта *В. И. Сергѣевича* въ С.-Петербургскомъ Клубѣ общественныхъ дѣятелей, 7 февраля 1908 г. Книгоиздательство „Сельскаго Вѣстника.“ Спб. 1908. Стр. 15.

Обѣ статьи касаются одного и того же вопроса. Прогрессивная печать, въ свое время, обратила вниманіе на богатую содержаніемъ и замѣчательную по обстоятельности изложенія и оригинальности взгляда статью г. Кауфмана. О сообщеніи г. Сергѣевича, если не ошибаемся, только въ „Новомъ Времени“ появилась небольшая сочувственная замѣтка.

Оба автора согласны въ томъ, что русская земельная община не есть „первоначальный порядокъ вещей“ (Сергѣевичъ), „не есть нѣчто изначала данное“ (Кауфманъ), но они кардинально расходятся во взглядахъ на вопросъ о причинахъ ея возникновенія. Въ то время какъ г. Сергѣевичъ категорически утверждаетъ, что „общинное землевладѣніе возникло... въ силу правительственныхъ распоряженій, чтобы было съ чего платить подушную подать“ (стр. 15), г. Кауфманъ видитъ въ возникновеніи русскаго общиннаго землевладѣнія естественную эволюцію земельныхъ отношеній. Относясь совершенно отрицательно къ мнѣнію, приписывающему правительству роль насадителя этой формы владѣнія землею, и доказывая это цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ справокъ, г. Кауфманъ „приходитъ къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія, что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьян-

ской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы". Противоположный взглядъ г. Сергѣевича объясняется, повидимому, тѣмъ, что онъ слишкомъ большое значенiе придаетъ разнымъ документамъ, „на основанiи которыхъ (будто бы) можно ясно опредѣлить характеръ нашего древняго землевладѣнiя и время, когда стала слагаться община" (стр. 5). Можно думать, что статья г. Кауфмана осталась совершенно незамѣченною г. Сергѣевичемъ, иначе онъ счелъ бы себя обязаннымъ отмѣтить мнѣнiе перваго, подкрѣпленное многочисленными вѣскими доказательствами, о возможности неизбѣжныхъ ошибокъ при попыткѣ „реконструировать генезисъ и историческiй ходъ развитiя земельной общины" на основанiи документальнаго, архивнаго матерiала.

Кто дастъ себѣ трудъ прочесть статью г. Кауфмана, тотъ не пожалѣетъ затраченнаго на ея прочтенiе времени. Желательно было бы видѣть статью въ отдѣльномъ изданiи въ видахъ распространенiя среди читающей публики научно-обоснованнаго взгляда на вопросъ о генезисѣ и эволюцiи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованiя землею.

Нельзя не отмѣтить непомѣрно высокую цѣну брошюры г. Сергѣевича: 30 к. за 15 страницъ, напечатанныхъ притомъ довольно крупнымъ шрифтомъ.

Э. П.

Я. П. Новицкiй. Малороссiйская и Запорожская старина въ памятникахъ устнаго народнаго творчества. Александровскъ. 1907 г. 24 стр.

Его-же. Малорусскiя историческiя пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ. 1874—1903 г. („Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссiи". Выпускъ IV. Екатеринославъ. 1908. Стр. 131—257).

Я. П. Новицкiй наравнѣ съ Д. И. Эварницкимъ и покойнымъ И. Манжурою принадлежитъ къ числу видныхъ екатеринославскихъ этнографовъ, собирателей народной поэзiи [1]). Вмѣстѣ съ Эварницкимъ они пѣшкомъ обошли всѣ мѣста бывшаго Запорожья, и эти хожденiя принесли имъ обоимъ богатый матерiалъ. Пѣсни, собранныя Эварницкимъ, помѣщены въ его многочисленныхъ трудахъ по исторiи Запорожскихъ казаковъ, а также были изданы въ 1906 году объемистою книгою, которая, однако, не вышла въ свѣтъ по причинамъ частнаго характера [2]).

Этнографическiе матерiалы Я. П. Новицкаго печатались съ 80-хъ годовъ въ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣд.", „Днѣпровской Молвѣ", „Приднѣпровскомъ Краѣ" и другихъ мѣстныхъ изданiяхъ. Отдѣльное собранiе записанныхъ имъ пѣсенъ, преимущественно историческихъ, было помѣщено въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-

[1]) Извѣстенъ также Ив. Петр. Новицкiй—малорусскiй историкъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ экспедицiи Чубинскаго въ Юго-Западный край. Скончался въ 1890 году.

[2]) Подробныя свѣдѣнiя объ этой „пропавшей" книгѣ см. въ моей рецензiи въ „Кiевской Старинѣ", 1906 г., iюнь — авг.

Филологическаго Общества", кн. 6. Много цѣнныхъ преданій, собранныхъ Новицкимъ, заключается въ его большой статьѣ „Съ береговъ Днѣпра" [1]).

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ сборниковъ Я. П. Новицкаго содержитъ въ себѣ слѣдующія легенды и народные разсказы: 1) Десна и Днѣпръ (двѣ легенды),—2) Великій Лугъ,—3) Городище въ Великомъ Лугу,—4) М. Никополь,—5) С. Аулы.

Второй сборникъ содержитъ въ себѣ пѣсни историческія и отчасти бытовыя. Матеріалъ располагается по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Пѣсни временъ борьбы съ татарами, поляками и турками,—2) Пѣсни, связанныя съ временемъ паденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья, — 3) Запорожскія сатирическія вирши, — 4) Пѣсни временъ крѣпостной зависимости. Наконецъ, въ видѣ приложенія приводится рождественская вирша. Пѣсни снабжены многими преданіями, устными поясненіями народа, а также историческими прімѣчаніями автора.

Повидимому, авторъ въ этомъ сборникѣ перепечатываетъ отчасти то, что раньше было помѣщено имъ въ екатеринославскихъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ для занимающихся этнографіею записи Я. П. Новицкаго дѣлаются болѣе доступными; при томъ, собранныя вмѣстѣ, онѣ даютъ опредѣленную характеристику народной поэзіи среди украинскаго населенія Екатеринославской губ.

В. В. Даниловъ.

Владиміръ Даниловъ. Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. (Отт. изъ „Украіны"). Кіевъ. 1908. Стр. 24.

Кулжинскій—мало извѣстный дѣятель областной украинской литературы. Ранніе годы его литературной дѣятельности, освѣщены М. Н. Сперанскимъ въ статьѣ „Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій)". Для насъ изъ его работъ наибольшее значеніе имѣетъ сборникъ „Малороссійская деревня". М. 1825. (Содержаніе сборника: Вмѣсто предисловія. Весна въ Малороссіи. Обжинки. Вечерницы. О малороссійской поэзіи. Малороссійскія пѣсни. Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ).

М. Н. Сперанскій отмѣчаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія между „Малороссійской деревней" Кулжинскаго и „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки" Гоголя. Но В. Даниловъ отмѣчаетъ такое же, если не большее совпаденіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Вечеровъ"... съ изданнымъ въ 1798 г. Як. М. Маркевичемъ „Записками о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ". Отмѣчая также „почти полное идейное тождество между Кулжинскимъ и Маркевичемъ" въ нѣкоторыхъ мысляхъ, авторъ приходитъ къ выводу о вліяніи въ данномъ отношеніи литературной традиціи. Затѣмъ излагаются свѣдѣнія, касающіяся второй половины жизни и писательской дѣятельности И. Г. Кулжинскаго, на которыхъ проф. Сперанскій остана-

[1]) Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края. Екатеринославъ. 1905. Стр. 11—205.

вливался мало. Въ заключеніе приведено любопытное письмо Кулжинскаго къ Максимовичу, какъ издателю сборника „Кіевлянинъ“. Въ этомъ письмѣ Кулжинскій говоритъ о своихъ работахъ и предлагаетъ свое участіе въ изданіи „Кіевлянина“.

Н. В—въ.

Е. Ѳ. Карскій. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Выпускъ V. (Сборникъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXIII, № 8). Спб. 1907 г.

Выпускъ, заглавіе котораго нами выписано здѣсь, является пятымъ изъ серіи „Матеріаловъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“ и заключаетъ въ себѣ (67 стр.) 31-ый отвѣтъ на програму Академіи Наукъ. Матеріалъ доставленъ изъ мѣстечка Илія, Вилейскаго уѣзда, Виленской губ., отъ мѣстнаго уроженца изъ крестьянъ Н. П. Альшука, получившаго „первоначальное образованіе въ народномъ училищѣ, а дальнѣйшее въ Молодечненской (въ 33 в. отъ Иліи) учительской семинаріи“.

Обыкновенно мѣстные уроженцы, не получившіе спеціальной подготовки, при наблюденіяхъ надъ особенностями родного языка, дѣлаютъ много погрѣшностей и пробѣловъ. Такое явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные жители по привычкѣ не замѣчаютъ тѣхъ особенностей въ родномъ говорѣ, которыя такъ рѣжутъ слухъ у посторонняго наблюдателя. Но г. Альшукъ упорнымъ трудомъ и внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу блестяще выполнилъ принятую на себя нелегкую задачу и собралъ такую массу чисто бѣлорусскихъ словъ и выраженій, что ему будущій составитель словаря этого нарѣчія принесетъ заслуженную благодарность. При записяхъ того или иного слова г. Альшукъ приводитъ примѣры изъ народной жизни, иногда даетъ самыя существенныя и характерныя черты бытовыхъ картинъ и все это сопровождаетъ своими личными замѣчаніями. Полное знаніе какъ трудноуловимыхъ оттѣнковъ мѣстнаго говора, такъ равно и знакомство со всѣми сторонами еще мало изученной жизни этого народа и внимательное и безпристрастное отношеніе къ возложенной на себя обязанности дѣлаютъ записи г. Альшука особенно цѣнными. Въ его матеріалахъ замѣчается много данныхъ для сужденія какъ о нарѣчіи, такъ и объ этнографическихъ особенностяхъ бѣлоруссовъ.

Общее пріятное впечатлѣніе нарушается двумя приведенными пѣснями (стр. 34—35 и 63—64), выборъ которыхъ сдѣланъ крайне неудачно. Первая „пѣсня не бѣлорусская и по содержанію, и по формѣ, и по фонетикѣ“ (Прим. редактора. Стр. 35); вторая представляетъ какую-то путаницу, составленную шутникомъ на ломанномъ бѣлорусско-польскомъ языкѣ.

А. Сержпутовскій.

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Часть IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Ѳ. Катановымъ. Тексты. VI + XXXII + 668 + XLVIII. Переводъ. VI + XXV + 658 + 1. СПБ. 1907.

Хотя X томъ грандіознаго изданія акад. В. В. Радлова „Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ“ вышелъ уже въ 1904 г. (Нарѣчіе бессарабскихъ гагаузовъ. Тексты собраны и переведены В. Мошковымъ), но завершеніемъ десятитомной серіи этого изданія приходится считать томъ IX, недавно вышедшій изъ печати и помѣченный 1907 г. Послѣдній томъ состоитъ изъ матеріаловъ по діалектамъ 6 народностей Присаянья: 1) урянхайцевъ (или сойотовъ, или туба), 2) качинцевъ, 3) сагайцевъ, 4) койбаловъ, 5) бельтировъ и 6) карагасовъ. Томъ заключаетъ въ себѣ только часть богатѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ казанскимъ профессоромъ Н. Ѳ. Катановымъ во время путешествія 1889 — 1892 гг., когда, нынѣ едва ли не первый, знатокъ живыхъ турецкихъ нарѣчій посѣтилъ, кромѣ Урянхайской земли, минусинскаго и канскаго округовъ Енисейской губерніи и нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи, еще — Семирѣченскую область и округа Западнаго Китая: Тарбагатайскій, Кур-Кара-усу, Манасъ, Урумчи, Хами, Турфанъ и Или. Матеріалы оставшіеся неопубликованными проф. Н. Ѳ. Катановъ обѣщаетъ издать особо (стр. III), и не только одни туркологи съ нетерпѣніемъ будутъ ждать обѣщаннаго. Изъ изслѣдованныхъ проф. Н. Ѳ. Катановымъ нарѣчій ранѣе наименѣе были извѣстны урянхайское и карагасское. абаканскимъ же нарѣчіямъ посвященъ II томъ „Образцовъ“ акад. В. В. Радлова, нынѣ уже вышедшій изъ продажи вмѣстѣ съ томами I, III и IV (III томъ предназначенъ къ перепечатанію). Обѣимъ частямъ тома IX предпослано одно и то же предисловіе, къ текстамъ — по-нѣмецки, къ переводу — по-русски (I — VI), за которымъ слѣдуетъ подробное оглавленіе, въ обѣихъ частяхъ по-русски (I, I — XXXII; II, I—XXV). Къ текстамъ приложены примѣчанія, опечатки и указатели собственныхъ именъ. Матеріалы расположены въ томъ географическомъ и хронологическомъ порядкѣ, какъ они записывались, что имѣетъ, конечно, свой смыслъ, хотя иногда и приходится пожалѣть, что однородныя произведенія даже одного и того же племени разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. При собираніи текстовъ имѣлись въ виду и лингвистическія, и этнографическія цѣли (нерѣдко, къ сожалѣнію, лингвисты-собиратели не удѣляютъ этнографіи спеціальнаго вниманія!), и среди матеріаловъ имѣются пѣсни, загадки, толкованія сновъ, сказки, разсказы, преданія, легенды, шаманскія молитвы, описанія обычаевъ. Собирать матеріалы было нелегко (II, II — III), и собиратель далъ, повидимому, все, что могъ дать. Съ выходомъ въ свѣтъ IX тома изученіе турецкихъ нарѣчій Сибири и сѣв.-зап. Монголіи можно признать завершеннымъ въ *основныхъ* чертахъ; предстоитъ повѣрка и развитіе уже сдѣланнаго.

Остается пожелать, чтобы 10-ю томами изданіе акад. В. В. Радлова не исчерпалось: неизслѣдованныхъ и мало изслѣдованныхъ турецкихъ нарѣчій—еще порядочно, была бы любовь къ дѣлу и энергія у молодого поколѣнія туркологовъ; наличность и того, и другого у маститаго академика прямо достойна удивленія!

С.

D-r. W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Записки Импер. Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. VIII серія, т. VIII, № 7, стр. 1—86). Благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, самому отдаленному отъ европейскихъ научныхъ центровъ народу, говорящему по-турецки, *Якутамъ* особенно посчастливилось, не въ примѣръ прочимъ ихъ единоязычникамъ: капитальнѣйшіе въ туркологіи труды—грамматическій *Бетлинга* и словарный *Пекарскаго*—посвящены якутамъ; имъ же посвящены обширные этнографическіе труды *Миддендорфа и Сѣрошевскаго*, сборники образцовъ народнаго творчества—*Худякова и Пекарскаго*, и рядъ работъ: *Кочнева*, *Приклонскаго*, *Трощанскаго*, *Ястремскаго* и др.

Въ новѣйшее время нѣкоторые туркологи-лингвисты обратили особое вниманіе на языки якутскій и чувашскій въ виду ихъ важнаго значенія для исторіи турецкаго языка. Якутскій и чувашскій языки были признаны древнѣйшими турецкими языками, сохранившими слѣды своей глубокой старины, благодаря уединенному положенію среди языковъ не-турецкихъ.

Ранѣе, въ своей Phonetik der Nördlichen Türksprachen (Лейпцигъ, 1882) акад. *В. Радловъ* высказалъ на тѣ же языки иной взглядъ: онъ ихъ призналъ языками не турецкими, а отуреченными. Нахожденіе въ Петербургѣ лицъ, владѣющихъ якутскимъ языкомъ, и особенно редактированіе якутскаго словаря *Пекарскаго* дали акад. *В. Радлову* возможность провѣрить свой прежній взглядъ на якутскій языкъ и научно обосновать отношеніе этого языка къ прочимъ турецкимъ въ статьѣ, заглавіе которой выше выписано.

Замѣтивъ предварительно, что находившійся въ его распоряженіи якутскій корневой матеріалъ даетъ 32, 5% турецкихъ элементовъ, 25,9% — монгольскихъ и 41,6% — неизвѣстнаго происхожденія (стр. 2), акад. *В. Радловъ* переходитъ къ подробному разсмотрѣнію якутскаго языка въ фонетическомъ (3—20) и морфологическомъ (20—51) отношеніяхъ, сравнительно съ прочими турецкими нарѣчіями, а также отчасти съ языкомъ монгольскимъ и другими алтайскими.

На страницахъ 51—58 акад. *В. Радловъ* резюмируетъ свой взглядъ на якутскіе языкъ и народность, подтверждая свои лингвистическіе выводы историческими соображеніями, основанными на народныхъ сказаніяхъ, якутскихъ словарныхъ данныхъ и показаніяхъ персидскаго историка *Рашидъ-ед-дина*, а также ссылаясь на антропологическія свидѣтельства *Н. Л. Геккера*.

Въ самую отдаленную стадію своего существованія якутскій языкъ, нынѣ—турецкій, былъ языкомъ неизвѣстнаго корня, затѣмъ обмонголился, далѣе подвергся длительному вліянію разныхъ турецкихъ нарѣчій и только уже чрезъ нѣсколько столѣтій, наконецъ, принялъ совершенно турецкій обликъ подъ напоромъ послѣдней, особенно сильной волны турецкихъ элементовъ. Такъ какъ окончательный процессъ отуреченія якутскаго языка произошелъ въ области, отдѣленной отъ языковъ турецкой семьи широкими лѣсными пространствами, то якутскій языкъ и принялъ совершенно оригинальный, такъ сказать, „nachtürkisch“ („по-турецкій“) отпечатокъ.

Акад. *В. Радловъ* не отрицаетъ за якутскимъ языкомъ огромнаго значенія, такъ какъ онъ даетъ многочисленныя разъясненія для хода развитія турецкаго языка, но акад. *Радловъ* считаетъ ошибочнымъ признавать якутскій языкъ „древнимъ турецкимъ языкомъ... языкомъ, который рано отдѣлился отъ родственныхъ ему языковъ и можетъ дать намъ разъясненіе о первыхъ ступеняхъ развитія турецкихъ звуковъ“ (стр. 52).

Для полноты картины акад. *Радловъ* приложилъ къ своей статьѣ 5 якутскихъ сказаній: одно въ текстѣ и переводѣ, остальные только въ переводѣ (нѣмецкомъ).

Второе приложеніе даетъ персидскій текстъ использованнаго акад. *Радловымъ* отрывка изъ исторіи *Рашид-ед-дина*, изданный акад. *Залеманомъ*.

С.

Dr. Fr. S. Krauss. Slavische Volkforschungen. Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Leipzig. VI+431 стр.

Литература по славянскому фольклору обогатилась новымъ обширнымъ изслѣдованіемъ Фр. Краусса. Авторъ собралъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительный матеріалъ по низшей миѳологіи и народной поэзіи („гуслярскія пѣсни“) славянъ-мослемитовъ. Во введеніи къ своему труду г. Крауссъ даетъ очеркъ исторіи Боснійскихъ и Герцеговинскихъ славянъ и пытается выяснить степень турецкаго вліянія на славянскую народность, долгое время находившуюся здѣсь подъ мусульманскимъ владычествомъ (стр. 2 и слѣд.). По словамъ автора, это вліяніе, выразившееся въ возникновеніи особаго боснійско-турецкаго діалекта и въ усвоеніи босняками арабской азбуки, не проникло въ глубь ихъ народной жизни, а въ настоящее время почти совсѣмъ забыто: благодаря школьному обученію, они называютъ уже себя то сербами, то хорватами и пользуются кириллицей и латиницей (стр. 28).

Книга Краусса, соотвѣтственно матеріалу, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ разсматриваются элементы народныхъ вѣрованій, сохраняемыхъ гуслярскими пѣснями въ поэтическихъ образахъ вѣдьмъ, вилъ, вампировъ, маръ и волкодлаковъ, а во второмъ—самые сюжеты пѣсенъ.

Народная эпическая поэзія южныхъ славянъ богата историческимъ содержаніемъ, сильно, правда, покрытымъ разными наслоеніями. Эти-то историческія черты авторъ и выясняетъ въ своемъ изслѣдованіи, подтверждая ихъ документальными историческими данными и многочисленными ссылками на труды новѣйшихъ ученыхъ историковъ. Этому посвященъ весь второй отдѣлъ, занимающій больше половины книги. Г. Крауссъ записалъ 16 пѣсенныхъ сюжетовъ. Заглавія ихъ слѣдующія:

1. Походъ джанюма. 2. Паденіе Ракочи. 3. Какъ Могаммедъ Кöпрюлю сдѣлался визиремъ. 4. Русскіе у Вѣны. 5. Мать Юговичей. 6. Старый богатырь Новакъ (Novak der Heldengreis). 7. Молочные братья. 8. Волкъ—огненный змѣй (Wolf Feuerdrache). 9. Сонъ Іоги (der Ioga-Schlaf)). 10. Воплощеніе (die Menschwerdung) св. Панте-

леймона. 11. Законныя и незаконныя дѣти вилъ (Echte und unechte Vilenkinder). 12. Сраженіе богатырей (ein Heldengemetzel). 13. О вилѣ—сборщицѣ податей (von einer Vila Zöllnerin). 14. Стрѣлы вилъ (Vilenpfeile). 15. Дѣвушка-богатырка (das Heldenfräulein) и тюремныя вилы (Blockhausvilen). 16. О томъ, какъ вилы лѣчили Ибрагима Нукича. Тексты всѣхъ этихъ пѣсенъ приведены цѣликомъ въ подлинникѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ съ параллельнымъ нѣмецкимъ переводомъ и подвергнуты тщтельному и подробному историческому и литературному анализу.

Изслѣдованіе г. Краусса заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ по количеству и цѣнности матеріала, такъ и по основательности его пбработки. Авторъ, видимо, съ любовью относится и къ славянской ооэзіи, и къ славянскому племени, а это не такъ часто встрѣчается у нѣмецкихъ ученыхъ.

П. Б.

Журналы за 1908 годъ.

Годишникъ на Софийския Университетъ. *Ив. А. Георговъ.* Приносъ къмъ граматичния развой на дѣтския говоръ.—*А. Теодоровъ Баланъ.* Книгописниятъ трудъ у Българитѣ.—*А. Иширковъ.* Девненскитѣ изори и тѣхното поселищно и стопанско значение.—*Б. Цоневъ.* Най-старото свидѣтелство за членъ от у прилагателни.

Записки Новороссійскаго Университета. Т. CIX. *С. Г. Вилинскій.* Къ литературной исторіи житія Василія Новаго. — *И. А. Линниченко.* Отзывъ о сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ законодательной Комиссіи Имп. Екатерины II“.—*А. И. Алмазовъ.* Канонарій монаха Іоанна.—Рѣчи при отпѣваніи и погребеніи проф. А. А. Кочубинскаго.

Землевѣдѣніе, кн. 1.—*А. Синицкій.* Европейская эмиграція въ XIX вѣкѣ.—*В. Богоразъ.* Религіозныя идеи первобытнаго человѣка. — *Д. Анучинъ.* Новый русскій курсъ землевѣдѣнія. (Проф. А. Н. Красновъ. Курсъ землевѣдѣнія. Ч. I).—Рецензіи на: *А. А. Борисовъ.* У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря.—Тептяри и ихъ происхожденіе. *Г .Н. Ахмарова.* Въ отдѣлѣ „Физическая географія“ помѣщены замѣтки: *Д. А.* Доанимистическія религіозныя стадіи.—Антикварная географія.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, в. I—II (двойной). *Н. Мартиновичъ.* Поѣздка въ Брусу 1905 г. (съ 6 рис.). **В. IV.** *Б. Б. Барадійнъ.* Путешествіе въ Лавранъ. (Съ 5 табл. рис.). **В. V.** *В. Дорогостайскій.* Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію. *Г. А. Крамаренко.* Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г. — Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

Národopisny Včstník českoslovanský. (Этнографическій Вѣстникъ Чешскославянскій). **Вып. 2—3** (двойной). *Л. Нидерле.* Народныя отношенія въ Болгаріи.—*Ю. Горакъ.* О нѣкоторыхъ мотивахъ чешскославянскихъ пѣсенъ.—Критика.—Библіографія: 1) Журналы; 2) Библіографическія обозрѣнія; 3) Біографіи, некрологи.—Этнографическія мелочи.—Выставка вертеповъ въ Прагѣ.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *I. Кубинъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края.

Пермская Земская Недѣля. *Алексѣй Чесноковъ.* Среди кержаковъ. Этнографическій очеркъ. №№ 11 — 15. — *Н. Б.* О Вишерскомъ краѣ. Очеркъ. №№ 9—16.

Русскій Филологическій Вѣстникъ № 1 — 2 (двойной). *В. А. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ. — Матеріалы по народному говору Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Записки *Игн. Бычкова.* Труды Московской Діалектологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Тульская губ. — обработалъ *Н. Н. Дурново;* Воронежская губ. — *Н. Н. Кононовъ;* Рязанская губ.—*Д. Н. Ушаковъ и Дурново;* Костромская губ.—*Дурново* по карточкамъ *А. Д. Григорьева;* губ. Вологодская, Пермская, С.-Петербургская. Опечатки. — *Архим. Меѳодій (Великановъ).* Старопечатная второй половины XVI-го стол. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ.—*В. А. Каминскій.* Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій). По поводу 25-лѣтія со дня смерти.—*Л. М.*. Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ. Некрологъ—Замѣтки.—Критика и библіографія.

Н. В.

Новости этнографической литературы [1]).

Адресъ-календарь и памятная книжка *Могилевской* губ. на 1908 г. Могилевъ.

Барацъ, Г. Объясненіе такъ называемой рядной Тѣшаты XIII вѣка, какъ мировой записи, заключенной евреями. Кіевъ. 12 стр. 4°.

Болотовъ, В. В., проф. Лекціи по исторіи древней церкви I. Введеніе въ церковную исторію. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Брилліантова. Спб. 1907.

Борецкій-Бергфельдъ, Н. Исторія Венгріи въ средніе вѣка и новое время. Изданіе акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб.

Будде, Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ). 12-й вып. Энциклопедіи славянской филологіи. Спб. 132+XIV стр.

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Съ 40 рисунками въ текстѣ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности И.А.Н. Спб.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Часть первая: XVII и XVIII вѣкъ. Казань.

Васенко, Пл. Составныя части Книги Степенной Царскаго Родословія. Спб.

Васильевскій, В. Г. Труды. Томъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб.

Васнецовъ, Н. Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Изд. губ. Стат. Комит. Вятка.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народного врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 1907.

Городецкій, Б. М. Систематическій указатель содержанія „Историческаго Вѣстника" за 25 лѣтъ (за 1880—1904 гг.). Спб.

Давыдовъ, К. Н. По островамъ Индо-Австралійскаго архипелага. Ч. III. На островахъ Ару. Спб.

Денисовъ, Л. И. Православные монастыри Россійской Имперіи. М. XII+984 стр.

Державинъ, Н. Болгарскія колоніи Новороссійскаго края. Херсонская и Таврическая губерніи. Симферополь. 237 стр.

Добровидовъ, Н. Н. Пособіе для изученія китайскаго разговорнаго языка. Изданіе III-е. Харбинъ.

Добровольскій, В. Н. Киселевскіе цыгане. Вып. I. Цыганскіе тексты. Спб. VI+2 нен.+87 стр.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изданіе второе, юридическаго книжнаго склада „Право". Спб.

Жаковъ, К. Ѳ. Въ хвойныхъ лѣсахъ. Разсказы Коми-Морта. Спб.

Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго О-ва. Т. XVIII, в. 1. Спб. 1907.

Зеленинъ, Дм. Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры. Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка.

Извѣстія Восточнаго Института, Т. XVIII, в. 1—2. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XIX, в. 3. Тифлисъ. Стр. 177—247 +51.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. Т. VII. Ташкентъ. 1907. Стр. 250.

1878—1903. Императорскій Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Рѣчи, адресы и привѣтствія. 1878—1908. Спб. 118 стр.

Исторія культуры. Выпускъ третій. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Марръ, Н. Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ

---

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими. Спб.

Мартиновичъ, Н. Поѣздка въ Брусу. Спб. 29 стр.+3 табл. рис.

Матеріалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вып. XVII—XXII. Харбинъ.

Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, за 1907 годъ. Вильна. 16 стр.

Отчетъ Имп. Р. Географическаго О-ва за 1907 г. Спб. 42+267 стр.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1907. М.

Памятная книжка Архангельской губ. на 1908 г. Архангельскъ.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. Вып. II. Спб. Стр. 81—194.

Повѣсть князя Ивана Михаиловича Катырева-Ростовскаго. Спб.

Позднѣевъ, Дмитрій. Токухонъ или книга для чтенія и практическихъ упражненій въ японскомъ языкѣ. Часть первая. Книги I—IV. Японскій текстъ, русская транскрипція, слова и переводъ. Токіо. 1907.

— Японская историческая христоматія. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ, переводъ и слова къ „Начальной исторіи Японіи". Изданіе Общества востоковѣдѣнія. Токіо. 1906.

Поликарповъ, Ѳ. Женская крестьянская одежда въ с. Истобномъ Нижнедѣвицкаго уѣзда. 10 стр.

— Крестьянская свадьба въ селѣ Перлевкѣ, Землянскаго уѣзда. Воронежъ.

Политическая энциклопедія. Томъ II. Выпускъ пятый. (Еврейскій вопросъ—Карнеги). Спб.

— Выпускъ шестой. (Карнеги — Курская губ.) Спб.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XXI. Первая половина. Спб.

Поповъ, Евг. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. (Отт. изъ „Этногр. Обозр.") стр. 159—181.

Ржига, В. Ѳ. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. (Съ приложеніемъ сборника его сочиненій). М.

Риттихъ, П. А. Отечествовѣдѣніе. Спб.

Рубакинъ, Н. Разсказы о Западной Сибири, или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ люди живутъ. Съ рис. Изданіе 3-е, вновь переработанное и дополненное, „Посредника". М.

Рудневъ, Я. И. Очерки странъ и народовъ Азіи. Съ рисунками и картами въ текстѣ. 2 выпуска. Спб. 1907.

Русская историческая библіотека, т. XXV. Спб.

Русскій біографическій словарь. Бетанкуръ-Бякстеръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго общества А. А. Половцова. Спб.

Сборникъ географическихъ, топографическихъ, и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. В. LXXX. Спб. 1907.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлисъ.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. 1-й: Народная словесность. Изд. второе, значительно дополненное и исправленное Спб.

Скалозубовъ, Н. Л. Отъ Тобольска до Обдорска. (Изъ путевого журнала). Тобольскъ. 1907. Стр. 18 (отд. оттискъ изъ „Ежегод. Тобольск. Губ. Музея" за 1906 г., вып. XVI).

Скиндеръ, В. Протоевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ ихъ исторіи. Спб. 95 стр.

Списокъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. XV стр.

Списокъ населенныхъ мѣстъ *Архангельской* губ. къ 1905 г. Арханг. 1907.

Тенишевъ, В. В., кн. Административное положеніе русскаго крестьянина. Приложеніе: „Опека въ русскомъ крестьянскомъ быту" П. С. Цыпкина. Своды данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго князя В. Н. Тенишева. Спб.

Тихоміровъ, Ил. А. Къ вопросу объ устройствѣ древлевѣдѣнія въ Россіи. Владиміръ. 13 стр.

Трахтенбергъ, В. Ф. Блатная музыка (Жаргонъ тюрьмы). Подъ ред. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. XIX + + 116 сран.

Цвијић, I. Насеља Српских земља. Кн. IV. Атласъ. Београдъ.

Шпигельбергъ, Вильгельмъ, проф. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтѣ египетскихъ источниковъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціею Г. И. Файнберга. Съ 12 рис. Спб.

Эйнгорнъ, Виталій. Къ исторіи иноземцевъ въ Старой Малороссіи. М.

Яворскій, Ю. А. Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. Кіевъ. 28 стр.+1 табл.

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ третій. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. М.

Н. В.

Проф. В. Ключевскій готовитъ къ печати сборникъ статей въ двухъ частяхъ. Въ одной части будутъ сгруппированы научныя, въ другой—литературно-критическія статьи автора. Кромѣ того, въ настоящее время находятся въ печати слѣдующія сочиненія Ключевскаго: 4-ая часть **„Курса русской исторіи“** и 4-е изданіе **„Боярской Думы древней Руси“**.

С. Р. Минцловымъ законченъ многолѣтній трудъ **„Обзоръ воспоминаній, дневниковъ и мемуаровъ“**, касающихся Россіи. До сихъ поръ такой сводной работы у насъ не было, хотя въ ней давно чувствуется настоятельная необходимость. Трудъ г. Минцлова выходитъ въ двухъ томахъ, въ изданіи Велихова.

Императорская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію **памятниковъ русской письменности**, относящихся къ св. Владиміру и къ Борису и Глѣбу. Кромѣ того, Академія предпринимаетъ изданіе собранія сочиненій покойнаго академика *А. М. Веселовскаго*, которое составитъ 28 томовъ.

Вся обширная переписка *Н. И. Костомарова* и хранившаяся у вдовы его, написанная имъ самимъ, его **„Автобіографія“** завѣщаны зятю покойнаго историка, члену совѣта министерства финансовъ В. Г. Котельникову, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана не ранѣе 1910 года, когда исполнится 25 лѣтъ со дня кончины историка.

Представители старообрядчества предполагаютъ издать первый обширный трудъ по **исторіи старообрядчества** въ Россіи. Трудъ будетъ заключать въ себѣ подробныя и полныя свѣдѣнія о количествѣ старообрядческихъ храмовъ въ Россіи, о времени ихъ возникновенія, числѣ прихожанъ и образовавшихся общинъ по закону 17 окт. 1906 г. и т. д.

Семирѣченскій статистическій комитетъ предпринимаетъ ежегодное изданіе **Справочной книжки** и адресъ-календаря Семирѣченской области.

Императорская Академія Наукъ составила въ прошломъ году **обзоръ польской печати въ Россіи**. Оказалось, что въ Россіи выходятъ 217 польскихъ изданій, изъ нихъ въ Варшавѣ—166, въ Люблинѣ—9, въ Лодзи, Ченстоховѣ, Плоцкѣ и Кіевѣ—по 5, въ Вильнѣ и Кѣльцахъ—по 4. Главнымъ образомъ, преобладаютъ изданія еженедѣльныя (93), между тѣмъ какъ изданій ежедневныхъ 22, и столько же ежемѣсячныхъ журналовъ и выходящихъ 2—3 раза въ мѣсяцъ.

Вышла вторымъ изданіемъ книга Б. Низе **„Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія“**. Переводъ сдѣланъ съ 3-го нѣмецкаго изданія слушательницами Высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей М. И. Ростовцева.

Готовятся къ печати книги: **„Исторія Египта“** проф. Георга Штайндорфа и **„Исторія Ассиріи и Вавилоніи“** проф. Л. Бецольда.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Пережитки цеховой организаціи въ мѣстечкѣ Берестечкѣ.

Въ историческомъ мѣстечкѣ Берестечкѣ Волынской губ. понынѣ сохранились любопытные пережитки цеховой организаціи. Мужское населеніе, занимающееся различными ремеслами, составляетъ особую корпорацію—„цехъ". Главнымъ лицомъ въ цехѣ среди женатыхъ мужчинъ является такъ называемый „цехмистеръ", среди неженатыхъ—„ойчеласкавый". Посвященіе въ цехмистеры, а также похороны цехмистера сопровождаются особымъ ритуаломъ. Созывъ братчиковъ, участвующихъ въ цехѣ, производится особымъ образомъ: посланецъ беретъ маленькую иконку, принадлежащую цеху, и обходитъ съ нею избы братчиковъ; каждый изъ нихъ цѣлуетъ иконку, какъ бы давая этимъ обѣщаніе непремѣнно явиться на собраніе. Парни являются опоясанные красными лентами черезъ плечо съ цеховыми хоругвями, а братчики держатъ громадныхъ размѣровъ зажженныя свѣчи. Когда выбираютъ новаго цехмистера, то происходитъ любопытное перенесеніе „правъ", т. е. сундучка съ документами, отъ стараго цехмистера къ новому. Процессія идетъ чинно въ строгомъ порядкѣ, молодежь одѣваетъ свои красныя ленты черезъ плечо. Новому цехмистеру приносятъ подарки—блюдо съ орѣхами и яблоками. Цехъ слѣдитъ за поведеніемъ братчиковъ и вмѣшивается въ ихъ частную жизнь.

Ив. Абрамовъ.

Свадебная сказка во время смотринъ.

Въ с. Тамицѣ, у мѣстнаго жителя Евлампія Ивановича Леонтьева я пріобрѣлъ тетрадку въ восьмушку, на 8 листахъ, подъ названіемъ: „Свадебная сказка во время смотринъ". Тетрадку писалъ Леонтьевъ въ 1902 г., когда ему было 12 лѣтъ; онъ списалъ сказку съ какого-то стараго списка, который теперь утерянъ, а м. б. просто издержался; по признанію самого Леонтьева, онъ не ограничивался однимъ списываніемъ „сказки", но и редактировалъ ее, убравъ „неприличныя", по его мнѣнію, мѣста и кой-что прибавивъ (напр. о казен-

ной винной лавкѣ). Списавъ „сказку“ разъ, онъ сталъ продавать ее при случаѣ на свадьбы, или дѣлалъ списки на заказъ, можетъ быть каждый разъ измѣняя что-нибудь въ ея текстѣ. Я купилъ у Е. И. самый послѣдній списокъ, сдѣланный имъ въ 1902 г. 23 апрѣля, какъ помѣчено на тетрадкѣ. Е. И. кончилъ школу, хорошо грамотный и къ „свадебной сказкѣ“, которую онъ мнѣ продалъ, онъ написалъ „примѣчаніе“: „Сказка эта сказывается во время смотринъ, когда женихъ и невѣста захватятся за поднось съ подарками, начиная съ молитвы Гос. Іис. или Христ. Воскр. и кончая „такой-то принимай, такая-то отдавай, я болѣе ничего не знай“. И самъ шаферъ получаетъ отъ тысячкаго красную водку и прибавлено простой“.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (3 раза).

Послѣ Пасхи „Христосъ Воскресъ“ 3 (раза).

Старые старики! Пожилые мужики! Слушайте, послушайте, отцовъ и матерей не забывайте, дѣтей своихъ на худыя дѣла не потакайте, а женъ своихъ на улицу гулять не выпущайте; если будете выпущать, то мы будемъ холостыхъ робятъ напущать. А вы, старые старики, сидите дома на печи, кушайте ржаные колачи да овсянное тѣсто, вамъ тамъ хорошое мѣсто, а здѣсь безъ васъ очень тѣсно. А вы, старыя старушки, сидите дома въ избушки, сидите не дремлите, костисливую куделю прядите, а про насъ про молодыхъ не переводите; если будете переводить, такъ мы васъ старыхъ чертовокъ станемъ вонъ выводить. А и вы, красныя дѣвицы, по лавочкамъ стойте, да пѣсенки пойте, тоже въ замужъ хотите, а сватаются такъ нейдите. Вы, дѣвушки, по вечеринкамъ ходите, а молодыхъ мужиковъ домой ночевать не водите и по заулкамъ не ходите, сосѣдей и родителей своихъ не будите. Молодыя молодицы, въ замужъ выходите, такъ ревите, а мужовей своихъ не знаю отъ чего слушать не хотите. Такъ вотъ, дѣвицы и молодицы, вы будьте тороваты, такъ не будутъ у васъ избы сороваты. А вы, старые старушки, дома печку не гораздо топите и на квашняхъ много тѣста не копите. Васъ здѣсь есть много пожилыхъ и тороватыхъ, такъ не пеките также хлѣбовъ сыроватыхъ. А вы, мужички, водку пейте, а женъ своихъ безъ винъ напрасно не бейте, а ежели будете женъ своихъ безъ винъ гораздо больно бить, то на драку придетъ много народу глядѣть, такъ того хозяина заставятъ въ кабалетки сидѣть; если будете въ кабакъ ходить, да въ долгъ вина просить, да за долгъ будете муку и жито носить; кто съ осени въ кабакъноcитъ, тотъ весной у богатыхъ мужиковъ въ займы проситъ (ну, да это было прежде, а нынче не такъ, вѣдь казенный кабакъ!). Послушай, весь чесной людъ, женихъ нашъ не очень худъ. Прошу покорно приразддатся нашему первобрачному князю (имя и от.) съ первобрачной княгиней (имя и от.) повидатся, а ты первобрачная княгиня (имя и от.) подойди поближе, поклонись пониже, встань подбодрись, за поднось захватись и народу не стыдись, стой смѣляя нашему первобрачному (имя и от.) стоять вѣселяя, у нашего первобрачнаго князя (имя и от.): рѣзвы ноженьки съ подходомъ, бѣлы рученьки съ подносомъ, буйна голова съ поклономъ, сахарныя уста съ поцѣлуемъ, языкъ съ приговоромъ Іисусовой молитвы: Господи

Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (или „Христосъ Воскресе“ 3-жды). Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) отъ нашего первобрачнаго князя (имя и от.) подарочки. Хлѣбъ, соль, пирожки пряжены, на тарелочку положоны, чулки, башмаки, а башмаки хотя шиты рѣдко, но очень крѣпко и шиты-то не нами, да носить вы будете сами, на ноги хотя обувать и туго, да носить будетъ очень любо; еще, пряникъ, гребень, зеркало, мыло, грошъ на бѣлила, и пять копѣекъ на румянецъ. Поутру встань ранешенько, мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись и въ зеркальце посмотрись, пряникомъ закуси и у матушки спросись, на домашнихъ (имя и от.) не косись и кукышекъ не ставь, а лучше такъ оставь, чиріей тоже не сули; а мужъ піяный придетъ домой, такъ ты спать повали, и если будешъ сулить, то онъ тебя будетъ чѣмъ попало, тѣмъ и валить. Сажу да грязь подъ матицу не вѣсь, на улицы много мѣста есть; Избушку паши, соръ на улицу выноси, а нѣтъ—вотъ что молода: лучше на улицу не выноси, а во дворъ броси, во дворъ ходи въ упоркахъ, а на улицу носи сарафаны съ оборкой, если есть пряжу у окошка пряди, а въ окошко часто не гляди, сажени тени дольше, такъ напрядешь побольше. Это молода отъ старыхъ старухъ честь и хвала. Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго князя (имя и от.) ушатикъ бѣле́некъ, коромыслицо тоне́нько, вода близко и гора не низка, за водой ходить не лѣнись, а кто на встречу попадетъ, тому пониже поклонись, и съ сосѣдями тоже не бранись. А отъ досуги въ церковь Божію ходить тоже не лѣнись. Во время своего замужества будешь малыхъ дѣтей родить и будетъ великій постъ, такъ надо въ церковь на исповѣдь ходить. По суботамъ баню топи, а на полу много грязи не копи. Въ лѣсъ по овощи ходи, а вороватыхъ людей съ собой неводи, а нѣтъ, сама съ ними неходи и чужого не носи; если будешъ носить, то хозяева узнаютъ, будутъ старосты просить, а староста у насъ (имя и от.) человѣкъ не худой, онъ взятокъ не беретъ и жену тоже не деретъ, а узнаетъ, если прозьба не пуста, то заставитъ принародно пахать деревенскаго моста. Эти худыя порядки оставь дома у матки, худыя всѣ броси, а хорошіе за собой унеси. На пожняхъ коси, руки ниже носи, наклоняй спину ниже, къ мужу своему править косу подходи ближе; Худо будешъ косить, такъ надо у хорошихъ сѣнокосовъ—спросить, на пожняхъ будежъ грести, на носилкахъ сѣна надо побольше нести. А ты (имя и от.) по грязямъ не броди, къ чужимъ женамъ не ходи, своей жены не груби. Такъ вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго (имя и от.) князя, клеть нова, да плеть дома, о трехъ концахъ, о двухъ кольцахъ; первый конецъ гульбы избавляетъ, второй конецъ работать заставляетъ, третій конецъ спать привлекаетъ съ (имя и от.); а ты (имя и от.) будешь ложится спать, Богу помолись и во время сна съ (имя и от.) крѣпче обоймись, а во время ночи, будь добра, и покажи (имя и от.) своего подподольнаго бобра, сами знаете какого. Во время ночи тайныя рѣчи говорите, а противъ неприсутственныхъ, и праздничныхъ дней блуда не творите. Въ прочемъ, я въ вашемъ домѣ не бывалъ и вашихъ порядковъ не видалъ. Которые я зналъ, всегда разсказалъ я всѣ вамъ господа. А

прошу васъ въ томъ: не надѣлайте нашему поѣзду никакого вреда; и вотъ у меня у шафера зачесалось въ затылки, а вина у тысячкаго мало въ бутылки; У насъ поѣзжане не грозны, а рюмочки уже давно—порозны; Вы на насъ, шаферовъ, не грубейте, а лучше по рюмочки налейте. Дружка, я человѣкъ холостой, не прибавите-ли намъ въ красную водочки простой.

Вотъ и моей призказки конецъ, а вы новы заручениые скоро будетъ въ церкви вѣнецъ. А когда будетъ (имя и от.) вѣнецъ, то позабудь дѣвичіей жизни конецъ; а когда будете стоять подъ вѣнцомъ, то обручатъ тебя (имя и отч.) съ (имя и от.) на вѣкъ обручальнымъ кольцомъ, и надо будетъ жить въ купе согласно конецъ концомъ. Ты (имя и от.) отдавай, а ты (имя и от.) принимай, я болѣе ничего незнай.

Н. Ончуковъ.

Хроника.

---

† **П. С. Ефименко.** 7 мая скончался извѣстный статистикъ и этнографъ Петръ Саввичъ Ефименко (род. въ 1835 г.). Покойный долгое время жилъ на сѣверѣ Россіи, и этого края касаются его главнѣйшія этнографическія работы: „Заволоцкая Русь" (историческое изслѣдованіе, 1869 г.), „Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ." (1878 г., 2 тома), „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ." (1869 г.). Изъ общихъ работъ покойнаго въ области этнографіи пользуются извѣстностью: „Договоръ найма пастуховъ", „Ярило, славяно-русское божество" (1869 г.), „Юридическіе знаки" (1874 г.). Затѣмъ П. С. Ефименко далъ рядъ цѣнныхъ работъ, касающихся Малороссіи: „Сборникъ малороссійскихъ заклинаній" (1879 г.) и множество замѣтокъ и статей въ „Черниг. Губ. Вѣдом." (1851 — 1861, 1876 — 1878 гг.), въ „Основѣ" (1861 — 62 г.), въ „Кіевской Старинѣ" и въ другихъ изданіяхъ. Помимо того онъ печаталъ свои изслѣдованіи въ „Запискахъ И. р. геогр. о-ва", въ „Судебномъ Журналѣ", въ „Древностяхъ", изд. московскаго археолог. общества, и т. д. Съ 1884 по 1887 гг. Е. редактировалъ „Харьковскій календарь". Изъ статистическихъ работъ П. С. Ефименко извѣстны: „Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Сумскаго у." (1882 г.) и „Матеріалы для изученія экономическаго положенія крестьянъ Харьковскаго у." (1884 г.). Въ 1866 г. по порученію географическаго общества покойный составилъ обстоятельную программу для изученія народныхъ вѣрованій и суевѣрій Южной Россіи.

1 февраля 1908 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти талантливаго этнографа-беллетриста **Павла Ивановича Мельникова**, извѣстнаго широкой публикѣ болѣе подъ именемъ Андрея Печерскаго. (См. статью В. Каминскаго въ „Р. Ф. В.", 1908, № 1—2).

30 января состоялось шестьдесятъ второе общее собраніе членовъ **Императорскаго географическаго общества**. По прочтеніи отчета о дѣятельности общества въ 1907 г. состоялось присужденіе почетныхъ наградъ. Константиновская медаль присуждена дѣйствительному члену Г. Е. Грумъ-Гржимайло за труды по географіи Азіи и недавно вышедшій трудъ: „Описаніе путешествія въ Западный Китай". Золотая медаль имени П. П. Семенова—дѣйст. чл. Б. И. Срезневскому за его труды по метеорологіи и физической географіи. Большія золотыя медали за труды по этнографіи и статистикѣ присуждены: проф. Т. Д. Флоринскому за трудъ „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства", Ю. Я. Яворскому за собраніе сказокъ и легендъ Галицкой Руси и А. В. Погожеву за его трудъ „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи". Кромѣ того были и другія присужденія. (Подробнѣе см. „Отчетъ И. Р. Г. О-ва за 1907 г.").

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 6. Засѣданіе 26-го марта: сообщеніе *И. С. Левитова*: **„Бузогашишный вопросъ нашихъ окраинъ"**. Программа сообщенія: I. *Буза*. Конспектъ трехъ докладовъ въ ученыхъ Обществахъ по этому вопросу. Вліяніе бузы и гашиша, какъ опьяняющихъ продуктовъ на русское населеніе Туркестана. Вслѣдствіе запрещенія продажи водки въ селахъ и деревняхъ Туркестанскаго края, русское населеніе замѣнило водку бузой и гашишомъ. II. *Гашишъ*. Вредное дѣйствіе свѣжаго гашиша, который курятъ казаки и крестьяне Семирѣченской области. Цѣлебныя свойства вылежавшагося гашиша, которыми пользуются индійскіе врачи. Статистика колоссальнаго роста контрабанднаго гашиша, ввозимаго въ русскіе предѣлы. Трудность борьбы съ этой злостной контрабандой. Англія своимъ запретительнымъ акцизомъ, совершенно безсознательно, должна вогнать весь китайскій гашишъ контрабандой въ Россію. Приблизительный ростъ гашишной контрабанды въ Россіи по англійскимъ источникамъ индійскаго правительства. Наркотики, какъ первый авангардъ желтой расы, вошедшій въ Россію. Какія мѣры Государство обязано было бы предпринять, чтобы остановить гашишную контрабанду. Необходимость назначенія бузо-гашишной комиссіи и основанія врачебно-химической лабораторіи для изъятія изъ обращенія въ Туркестанскомъ краѣ всѣхъ ядовитыхъ сортовъ гашиша.

№ 7. Засѣданіе 2-го мая: 1) сообщеніе д. чл. *А. И. Соболевскаго* **„Новости этнографической литературы"** [1]). 2) сообщеніе д. чл. *Ѳ. Г. Шубина* **„Новыя вѣянія въ безпоповщинѣ"**. Программа: Мнѣніе Пругавина объ измѣненіи безпоповщины. Образованіе безпоповщины. Особенность русской церкви. Безпоповщина явленіе самостоятельное; ея національный характеръ. Тайныя школы безпоповщины. Секта странниковъ и ея значеніе въ расколѣ. Книга Пятницкаго—резюме обвиненій церковныхъ писателей. Нѣтъ секты стран-

[1]) Будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ „Живой Старины".

никовъ; тайные странствующіе учителя. Развитіе фанатизма. Безуспѣшность регистраціи безпоповщины. (Были показаны діапозитивы).

Отмѣтимъ также сдѣланное 20 февраля въ Отдѣленіи Статистики сообщеніе *Р. Д. Семенова-Тянъ-Шанскаго*: „**Колонизація Кустанайскаго уѣзда Тургайской области**". Программа сообщенія: 1) Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о переселенческомъ вопросѣ вообще. 2) Общія природныя условія Кустанайскаго уѣзда. Туземное населеніе (киргизы). 3) Краткая исторія заселенія Кустанайскаго уѣзда. Самовольные переселенцы (заимщики). Устройство ихъ и дальнѣйшія работы по заготовленію участковъ правительственной организаціей и заселеніе этихъ участковъ. 4) Экономическое состояніе переселенцевъ. Причины, вліяющія на это состояніе. Возрастъ поселковъ. Уровень матеріальной обезпеченности переселенцевъ на родинѣ. Соотвѣтствіе общихъ условій хозяйства въ мѣстахъ выхода и въ мѣстахъ новаго поселенія. Географическое положеніе поселковъ: степень отдаленности отъ желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ центровъ. 5) Правительственныя мѣры къ поднятію благосостоянія переселенцевъ. Недостаточность ихъ. Ближайшія общія мѣропріятія, необходимыя для болѣе широкой и правильной постановки колонизаціи степныхъ областей вообще и разсматриваемой мѣстности въ частности.

Русское Антропологическое О-во. 20-го февраля сообщеніе члена-сотрудника *В. И. Анучина*: Енисейцы (матеріалы къ антропологіи). Историческія свѣдѣнія. Географическое распространеніе. Дѣленіе по районамъ. Взаимоотношеніе съ сосѣдними народностями. Метисація. Численность. Образъ жизни. Семейно-родовыя отношенія. Физическій типъ. Психо-физическій типъ. Вымираніе и вырожденіе. (Были показаны діапозитивы).

4-го апрѣля сообщеніе *Н. Н. Виноградова*: Областные Археологическіе съѣзды вообще и предстоящій Костромской въ частности. Идея областныхъ Археологическихъ съѣздовъ.—Задачи и программа.—Исторія и краткій обзоръ дѣятельности. — Приготовленія къ 4-му Археологическому Съѣзду въ г. Костромѣ.

О-во Любителей Древней Письменности. Въ засѣданіи 16-го февраля было прочитано сообщеніе *В. Т. Георгіевскаго* Фрески Ѳерапонтова монастыря XV в. (съ волшебнымъ фонаремъ).

Московское О-во любителей естествознанія. Въ „Протоколахъ засѣданій Географическаго Отдѣленія", помѣщенныхъ въ 1 кн. „Землевѣдѣнія" (1908), помѣщено, между прочимъ, изложеніе содержанія слѣдующихъ сообщеній: *М. Я. Кожевникова* „Природа и люди на крайнемъ Сѣверѣ Сибири (экспедиція на р. Хатангу)" съ демонстраціей картъ фотографій и діапозитивовъ. *М. А. Боголѣпова* „Къ вопросу о вліяніи колебаній климата на нѣкоторыя явленія народной жизни". *В. И. Іохельсона*: а) „Международные конгрессы

американистовъ", и b) „Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки". *В. Г. Богораза* „Религіозныя идеи первобытнаго человѣка. (По матеріаламъ, собраннымъ среди племенъ сѣверо-восточной Азіи, главнымъ образомъ среди чукочъ)". Сообщенія эти были сдѣланы въ періодъ времени 17 янв.—27 марта 1908 г.

Изъ отчета о дѣятельности Студенческаго Географическаго кружка за 1907 годъ. За отчетный годъ было 12 засѣданій, на которыхъ были между прочимъ сдѣлали сообщенія: *Н. Н. Виноградовъ.* „О народныхъ суевѣріяхъ, связанныхъ съ предметами доисторической археологіи". *В. А. Дубянскій.* „Кочевники Устюрта". *Д. Мошковъ.* „О новой теоріи происхожденія человѣка". *Э. К. Пекарскій.* „Этнографическій очеркъ якутовъ". *Б. Э. Петри.* „Культъ Инау у племени айну". *Д. Д. Рудневъ.* „О Географическомъ Институтѣ въ Берлинѣ", *Д. Д. Рудневъ.* „Поѣздка въ Большеземельскую тундру въ 1904 г.". *А. Д. Соболевъ.* „Географическо-этнографическій очеркъ Китая". *А. А. Спицынъ.* „Археологія къ вопросу о началѣ Руси". *И. Д. Татіевъ.* „Вліяніе природы на человѣка". Кружкомъ была предпринята, на ряду съ другими, экскурсія для осмотра коллекцій Этнографическаго Музея Имп. Академіи Наукъ подъ руководствомъ Л. Я. Штернберга; тамъ же прив.-доц. А. И. Ивановъ прочелъ двѣ лекціи „Главные моменты исторіи развитія Китая и его современное положеніе". Всего состоялось 6 экскурсій. Составлена библіотека (до 710 №№).

Засѣданіе городского присутствія по дѣламъ объ обществахъ разрѣшило регистрацію **„Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта"**, имѣющаго цѣлью изученіе Сибири преимущественно въ экономическомъ, культурномъ и правовомъ отношеніи, а также содѣйствіе подготовленію и проведенію въ жизнь насущныхъ для Сибири преобразованій. Районъ дѣйствій общества распространяется на всю Россійскую Имперію. Для достиженія намѣченныхъ цѣлей общество предполагаетъ: собирать разнаго рода матеріалы, относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія общества; организовать научныя изслѣдованія по разнымъ вопросамъ сибирской жизни путемъ снаряженія экспедицій и образованія комиссіи изъ членовъ общества и т. п.; разрабатывать и публиковать собранные матеріалы; издавать свои труды; распространять научныя свѣдѣнія о Сибири и ея нуждахъ устройствомъ чтеній и курсовъ. Кромѣ того, обществомъ предположено открытіе отдѣловъ и устройство, въ цѣляхъ изысканія средствъ, концертовъ, вечеровъ, спектаклей и проч.

Въ Соляномъ Городкѣ, 31 января, была прочитана А. А. Мейеромъ лекція **объ отношеніи религіи и культуры.** Основныя положенія лектора слѣдующія. Ни философія, ни наука не уничтожаютъ, сами по себѣ, религіи; представленіе о консервативности религіи есть предразсудокъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ ходячемъ взглядѣ на религію, какъ на начало враждебное прогрессу, есть доля правды, и это потому, что въ религіозномъ творчествѣ и культурной работѣ—

различное направленіе воли. Мы должны ждать религіознаго возрожденія, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, что будутъ оправданы или оживлены догматы нынѣшней омертвѣвшей религіи, а въ смыслѣ новаго мистическаго подъема, — поэтому религіознымъ искателямъ, пока нѣтъ такого подъема, приходится быть скромными въ своихъ религіозныхъ построеніяхъ и не впадать въ догматизмъ. Они должны помнить заповѣдь Ницше „Берегись, не заполонило бы тебя въ концѣ еще какое-нибудь болѣе узкое вѣрованіе, какая-нибудь жестокая, суровая мечта! Вѣдь именно все узкое и прочное соблазняетъ тебя теперь и искажаетъ“.

Въ настоящее время на сѣверѣ работаетъ датская экспедиція Расмуссена, занимающаяся изученіемъ **эскимосовъ** мыса Іоркъ и Британской Сѣверной Америки. Другая экспедиція, Миліуса Эриксена занята изслѣдованіемъ и съемкой восточной Гренландіи.

18 марта поступила въ музей Александра III **сектантская коллекція**, переданная изъ министерства вн. дѣлъ. Сектантскій музей состоитъ изъ 127 предметовъ, конфискованныхъ въ разное время у **хлыстовъ, скопцовъ** и т. д. Коллекція эта представляетъ крупный интересъ для наглядной исторіи русскаго сектантства. Въ настоящее время она еще нуждается въ изученіи и разъясненіяхъ, ибо министерство вн. дѣлъ передало ее въ музей безъ всякихъ объяснительныхъ документовъ. Изъ художественныхъ произведеній имѣются „Портретъ Петра III“, „Портретъ Селиванова“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“ и „Хожденіе Христа по водамъ“, затѣмъ хромолитографіи: „Добрый Пастырь“, „Св. арх. Михаилъ“, „Св. арх. Гавріилъ“, „Св. арх. Георгій Побѣдоносецъ“, „Могила Шилова“ и „Изліяніе благодати“; изъ фотографій: „Харламій Плотицынъ“, „Егоръ Плотицынъ“, „Анна Сафонина“, „Лебедевъ“, „Федосьевъ, Ковалевъ и Петровъ въ арестантскихъ одеждахъ“, „Козьма Ковалевъ“, „Козьма Федосьевъ“ и „Михаилъ Петровъ“, портреты Селиванова на деревѣ и желѣзѣ. Акварелей всего три: „Борьба дьявола со смертью“, „Апоѳеозъ Павла I“; картины на полотнѣ: „Борьба христіанина съ бѣсомъ Аполліономъ“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“, „Добрый пастырь съ нѣсколькими агнцами“, „Распятіе плоти“, „Борьба христіанина съ плотью и міромъ“ и „Изліяніе благодати“. Кромѣ того на полотнѣ изображены еще портреты Петра III, Шилова и Селиванова. Послѣдній представленъ во многихъ экземплярахъ. Интересны модели старообрядческаго скита, такихъ моделей 5.

Въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ описана и поступила въ общее пользованіе **теософическая библіотека Е. П. Блаватской**, пожертвованная музеямъ еще въ прошломъ году г-жей Желиховской. Библіотека содержитъ около 300 томовъ, большая часть которыхъ—на англійскомъ языкѣ.

Въ 1907 году **азіатскій музей** пріобрѣлъ слѣдующія рукописи: 60 персидскихъ, 13 палійскихъ, 5 арабскихъ, 5 еврейскихъ, 5 камбодисскихъ, 5 сингалезскихъ, 2 еврейско-персидскихъ и одну сіамскую.

Кромѣ того куплень рукописный русско-манчжурскій словарь. Въ даръ полученъ былъ большой атласъ Китайской имперіи на китайскомъ языкѣ. Отдѣлъ восточныхъ изданій пополнился произведеніями печати, издающимися въ Казани, Оренбургѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.

Обдорскій Этнографическій Музей при церковно-миссіонерской библіотекѣ[1]. Существующее уже четвертый годъ Обдорское миссіонерское Братство св. Гурія,—исходя изъ того положенія, что, „для успѣха своихъ дѣйствій въ инородческой средѣ“, оно должно было „стать не только церковно-миссіонерскимъ учрежденіемъ, но и культурнымъ“, „должно было сдѣлаться... маякомъ для всего населенія Обдорскаго края безъ различія народностей, будь то остяки, самоѣды, зырянскіе самоѣды, татары“,—открыло церковно-миссіонерскую библіотеку, въ которой „однимъ изъ главныхъ отдѣловъ, между прочимъ, считается отдѣлъ о сѣверѣ Россіи вообще и Тобольскомъ сѣверѣ въ частности“. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ литературу объ инородцахъ названныхъ мѣстностей, знакомство съ которою, по мысли Братства, должно было помочь его членамъ въ дѣлѣ изученія быта и жизни инородцевъ, безъ чего невозможно пріобрѣсть вліяніе на инородческое населеніе. Находя, что литература эта страдаетъ крупными недостатками, Братство, для облегченія изученія жизни и быта инородцевъ, открыло при библіотекѣ музей подъ названіемъ „Хранилище коллекцій по этнографіи инородцевъ Тобольскаго сѣвера“. Въ журнальномъ постановленіи Братства объ открытіи музея въ слѣдующихъ выраженіяхъ рисуется ожидаемая отъ него польза: „Коллекціи изъ жизни и быта инородцевъ Тобольскаго сѣвера будутъ обрисовывать аборигеновъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ будутъ давать возможность всѣмъ непосвященнымъ въ тайны инородческой жизни приподнимать завѣсу религіозныхъ убѣжденій инородцевъ, проникать въ сущность ихъ завѣтныхъ пожеланій; эти коллекціи будутъ обрисовывать умъ и сметку инородцевъ, давать свѣдѣніе о суммѣ ихъ знаній, добытыхъ въ вѣковой борьбѣ съ суровой природой крайняго сѣвера. Хранилище коллекцій будетъ обрисовывать инородцевъ, какъ людей, возбуждать къ нимъ жалость въ одномъ отношеніи, уваженіе въ другомъ, будетъ пробуждать у колонистовъ человѣчность къ нимъ, расположеніе, желаніе помочь и т. д.“ Съ своей стороны, пожелаемъ дальнѣйшаго развитія учрежденію, преслѣдующему, кромѣ научныхъ, и столь категорически выраженныя гуманныя цѣли по отношенію къ инородцамъ нашего сѣвера.

Ходатайство Императорской академіи наукъ. Академія наукъ обратилась къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о сохраненіи въ Россіи коллекціи по египтологіи В. С. Голенищева. Британскій музей предлагаетъ собственнику коллекціи милліонъ

---

[1]) См. „Православный Благовѣстникъ“ 1907, т. III, № 22, ноябрь, кн. 2-ая, статья Настоятеля Обдорской миссіи игумна Иринарха о дѣятельности Обдорскаго Братства св. Гурія.

рублей В. С. Голенищевъ согласенъ уступить свою коллекцію академіи наукъ за 500.000 руб.

Членомъ полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета А. В. Пясецкимъ доставлены въ церковный музей при архіерейскомъ домѣ нижеслѣдующіе старинные предметы: 1) Евангеліе, изданное во Львовѣ въ 1693 году, съ интереснымъ предисловіемъ рисунками, миніатюрами и надписями на поляхъ; 2) серебряная вызолоченная чаша 1693 года; 3) покровецъ XVI—XVII в. съ вышитыми на немъ символическими изображеніями, 4) бисерный вѣнецъ XVII в.; 5) два большихъ ковра 1827 года; 6) двѣ древнихъ иконы и проч. Въ послѣднее время музей этотъ обогатился также множествомъ старинной церковной утвари, облаченій и другихъ предметовъ, доставленныхъ членомъ комитета священникомъ Владиміромъ Трипольскимъ и присланныхъ по почтѣ настоятелями церквей.

Въ Черниговѣ губернскій предводитель дворянства князь В. Д. Голицынъ на дняхъ принесъ въ даръ историческому музею губернской ученой архивной комиссіи весьма цѣнное собраніе рукописей XVII и XVIII вѣковъ. Между рукописями имѣется значительное количество подлинныхъ универсаловъ и писемъ гетмановъ Мазепы, Скоропадскаго, Апостола и другихъ малороссійскихъ дѣятелей.

Коллекція вышивокъ. Кіевскій Этнографическій Музей получилъ очень большую коллекцію Украинскихъ деревенскихъ вышивокъ отъ „Управленія Юго-Западныхъ ж. д.“ Коллекція представляетъ изъ себя вышитыя части рубашекъ и другіе старые лоскутки, покупаемые по всей Украйнѣ для протиранія въ поѣздахъ колесъ и т. п. Въ Кіевскомъ музеѣ вышивки приводятся въ порядокъ, нашиваются на картоны и получаются крайне интересныя таблицы образчиковъ всякаго рода вышиванія — „занызування“, „вырízування“, „мерéжкы“, „настилáння“ (гладью), „хрéстыка“ (крестиками) и т. п.

Какъ сообщаютъ „New York Tribune“, американскій естественно-историческій музей обогатился, благодаря бельгійскому королю Леопольду, очень цѣнной коллекціей, состоящей изъ 700 предметовъ, иллюстрирующихъ жизнь туземныхъ обитателей свободнаго государства Конго. Коллекція должна пополниться еще многими предметами, которые будутъ присланы позднѣе. Музей занятъ въ настоящее время составленіемъ особаго отдѣла, посвященнаго государству Конго, и собираетъ все, что характеризуетъ религіозный культъ, искусство, промышленность, нравы и обычаи какъ цѣлаго государства Конго, такъ по возможности и отдѣльныхъ его частей.

Перенесеніе исторической церкви. Построенная въ г. Ромнахъ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи, Петромъ Кал-

нишевскимъ, покровская церковь переносится, согласно желанію полтавскаго преосвященнаго Іоанна, въ Полтаву. Церковь эта представляетъ большую цѣнность, какъ замѣчательный памятникъ украинскаго искусства.

Промыселъ древностями. Въ с. Каргѣ Днѣпровскаго уѣзда крестьяне открыли небездоходный промыселъ отыскиванія и сбыта древностей. Въ Каргѣ организовалась, по словамъ „Никол. Газ.", компанія изъ крестьянъ для эксплоатаціи древностей, которыми изобилуетъ почва этаго села. Въ минувшую зиму они выкопали желѣзныя удила и стремена, точильные камни, перламутровыя украшенія, мѣдныя шилья, копья, пряжки, тазъ, горшокъ, кожаный поясъ съ серебрянными и золотыми украшеніями, серебряную крышку; золотыя вещи: чашечку, два браслета, десять пластинокъ, серьгу съ камнемъ и полумѣсяцъ. По указанію земскаго начальника крестьяне съ этими вещами явились на Голую Пристань къ уполномоченному археологической комиссіи Гошкевичу, но послѣдній въ это время находился въ Петербургѣ; тогда земскій начальникъ отправилъ всѣ драгоцѣнности въ Одессу къ профессору фонъ-Штерну. Остальныя вещи нынѣ отобраны у крестьянъ и предъявлены г. Гошкевичу. По его заключенію, самыми древними изъ нихъ являются точильные камни, мѣдныя копья и шилья: это издѣлія киммерійской эпохи не позже VII столѣтія до Рожд. Хр.; остальные предметы относятся къ періоду средневѣковыхъ кочевниковъ.

Докладъ о кóбзѣ и „кобзарствѣ". Екатеринославское Общество „Просвіта" устроило очень интересный докладъ: Эварницкій, извѣстный знатокъ Украинской старины, далъ историческій обзоръ кобзарства съ древнѣйшихъ временъ, указывая на существованіе кобзы, кромѣ другихъ племенъ, у Половцевъ. Интересны были въ этомъ докладѣ свѣдѣнія о кобзарствѣ въ Запорожской Сѣчи и объ игрѣ на кобзѣ въ старое козацкое время. „Просвіта" думаетъ устроить цѣлый рядъ такихъ докладовъ, несмотря на то, что ей мѣшаетъ отсутствіе своего помѣщенія. Для дополненія доклада Эварницкаго былъ приглашенъ кобзарь Ткаченко, исполнившій послѣ доклада нѣсколько кобзарскихъ пѣсень. Вечеръ имѣлъ огромный успѣхъ.

Запись пѣсенъ съ помощью фонографа. О. Бородай передалъ профессору Миргородской художественно-промышленной школы О. Сластіону нѣсколько фонографовъ для записыванія народныхъ пѣсенъ. Съ помощью тѣхъ фонографовъ О. Сластіонъ записалъ отъ полтавскихъ кобзарей много историческихъ украинскихъ пѣсенъ, между ними нѣсколько очень цѣнныхъ старинныхъ думъ.

Только что вышедшая въ Америкѣ американская миссіонерская „Синяя книга" сообщаетъ слѣдующія статистическія данныя о религіяхъ земного шара.

Все человѣчество, состоящее въ настоящее время изъ 1.563.446.000 душъ, распадается на 588.862.000 христіанъ, въ свою очередь раздѣляющихся на 272.638.500 римско-католиковъ, 166.066.000 протестантовъ и 120.157.000 православныхъ вмѣстѣ съ древними восточными сектами, на 11.222.000 евреевъ, 216.630.000 магометанъ, 137.935.000 буддистовъ, 209.659.000 индусовъ, 231.816.000 конфуціанъ и таоистовъ, 24.900.000 шинтоистовъ, 157.069.500 анимистовъ, фетишистовъ и т. п. и 15.353.000 другихъ болѣе мелкихъ языческихъ сектъ.

Интересно сравнить эти цифры съ цифрами, данными ученымъ нѣмецкимъ іезуитомъ Г. А. Крозе въ его работѣ о распространенности важнѣйшихъ религій на землѣ въ концѣ прошлаго вѣка (см. Stimmen aus Maria Laach, 1903 г. томъ 65, стр. 16—33, 187—306). Здѣсь число католиковъ указывается—264.506.000, протестантовъ — 166.627.000, православныхъ — 109.147.000, раскольниковъ—2.173.000, восточныхъ христіанскихъ сектъ—6.555.000, евреевъ—11.027.000, магометанъ — 202.048.000, индусовъ (браманистовъ?)—210.100.000, буддистовъ — 120.250.000, послѣдователей древнихъ индійскихъ сектъ—12.114.000, конфуціанъ и послѣдователей культа предковъ — 235.000.000, таоистовъ — 32.000.000, шинтоистовъ — 17.000.000, фетишистовъ и другихъ язычниковъ—142.700.000, прочихъ сектъ—1.844.000.

Согласіе тѣхъ и другихъ цифръ, полученныхъ различнымъ путемъ, является ручательствомъ за ихъ достовѣрность. Меньшая величина послѣднихъ объясняется тѣмъ, что онѣ относятся къ болѣе раннему времени, а нѣкоторое разногласіе относительно языческихъ религій Азіи и Африки объясняется трудностью ихъ исчисленія.

Этнографическій составъ населенія Болгаріи. Въ Пражскомъ журналѣ „Narodopisny Vestnik českoslovansky“ (1908, № 2—3) помѣщенъ очеркъ Л. Нидерле о численномъ отношеніи различныхъ народностей въ княжествѣ Болгарскомъ, на основаніи однодневной переписи населенія 31 декабря 1900 г., обработанной въ официальномъ изданіи: „Резултати отъ прѣброяване на населението въ Кн. България“ и пр. Софія. 1902—1904. Различныя народности по этой переписи распредѣляются такъ:

Болгары	2.864.735	Греки	66.702
Помаки	20.644	Цыгане	89.563
Сербы	1.516	Евреи	31.611
Турки	531.217	Армяне	14.481
Гагаузы	9.862	Румыны	71.023
Татары	18.884		

Кромѣ болгаръ, имѣются, слѣд., еще 10 народностей, составляющихъ около 22% населенія. Изъ десяти округовъ болгары значительно преобладаютъ въ семи, тогда какъ въ трехъ округахъ (Шуменскомъ, Варненскомъ и Рущукскомъ) число болгаръ уступаетъ числу другихъ народностей. Наиболѣе многочисленная послѣ болгаръ народность—турки, живущіе, главнымъ образомъ, въ Рущукскомъ округѣ (150 т.), въ Шуменскомъ—(131 т.) и Варненскомъ—(107 т.).

Помаки—это болгары-мусульмане, ихъ всего больше въ Пловдивскомъ округѣ; гагаузы—это крещеные потомки тюрко-татаръ, говорящіе по-турецки; они живутъ почти исключительно въ Варненскомъ округѣ. Послѣ турокъ наиболѣе многочисленная народность—цыгане, разсѣянные по всѣмъ округамъ, затѣмъ румыны, живущіе по Дунаю, въ Видинскомъ, Врацкомъ, Рущукскомъ, также Плевненскомъ округахъ. Поселенія грековъ расположены, главнымъ образомъ, по побережью Чернаго моря, въ Бургасскомъ округѣ, затѣмъ въ Пловдивскомъ. Евреи разсѣяны по всѣмъ округамъ, но больше всего въ Софійскомъ; въ городѣ Софіи на 51.341 болгаръ приходится 8.725 евреевъ и 1.642 цыгана. Татаръ всего больше въ Варненскомъ, Рущукскомъ и Шуменскомъ округахъ. Очень мало насчитано сербовъ (меньше, чѣмъ считали прежде). Въ приведенномъ перечнѣ не приведены нѣкоторыя другія народности, представленныя незначительными цифрами. Въ числѣ ихъ есть русскіе (село Татарица около Силистріи), словаки (Горна Митрополья въ Плевненскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ 1/4 населенія), чехи (558 чел.), нѣмцы и др. Среди православныхъ болгаръ есть католики (павликіяне), живущіе, главнымъ образомъ, въ околицахъ Никопольской и Систовской. Грамотность (умѣніе читать и писать) выражается, въ среднемъ, цифрою 28,4%; она болѣе распространена въ округахъ: Рущукскомъ, (38,5%), Шуменскомъ (35,9%) и Варненскомъ (34,8%) Въ городахъ грамотныхъ больше: въ Софіи, Рущукѣ, Варнѣ доходитъ до 60%. Въ сосѣднемъ Сербскомъ королевствѣ средній процентъ грамотности меньше—21%. („Землевѣдѣніе“, 1908, № 1).

А.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Книжка 67

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

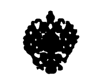
Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III   Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1908.

ОТДѢЛЪ I.

Малорусская этнографія на XIV археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ.

Тогда какъ великорусская этнографія за послѣдніе годы постоянно обогащалась новыми трудами,—вспомнимъ хотя бы капитальные сборники былинъ Маркова, Ончукова и труды Московской комиссіи по собиранію памятниковъ народнаго творчества,—малорусская этнографія послѣ большихъ сборниковъ Гринченка, можно сказать, застыла (это, впрочемъ, не относится къ дѣятельности австрійскихъ малороссовъ). Даже бывшіе подрядъ на территоріи Украйны четыре археологическіе съѣзда не прибавили чего-либо значительнаго къ разработкѣ малорусской этнографіи. Столь же бѣднымъ въ этомъ отношеніи оказался и послѣдній XIV съѣздъ въ Черниговѣ. Изданій съ этнографическимъ матеріаломъ къ съѣзду не было выпущено, если не считать „Трудовъ Черн. Предварительнаго Комитета по устройству XIV съѣзда", въ которыхъ напечатано нѣсколько документовъ, имѣющихъ нѣкоторый бытовой интересъ, и замѣтка на трехъ страницахъ: „Черниговскія писанки" *В. Д.* На самомъ съѣздѣ было прочитано три реферата по малорусской этнографіи: А. Миллера—„Лотосъ въ украинскомъ орнаментѣ", С. Шелухина—„Украинскія причитанія надъ умершими" (на малорусск. яз.) и Х. Ящуржинскаго—„Почитаніе ключей и колодцевъ въ Малороссіи" (на малор. яз.). Было заявлено еще два реферата: Х. Ящуржинскаго—„Украинскіе заговоры отъ уроковъ" и А. Синявскаго—„Бытовыя малорусскія пѣсни Екатеринославской губ. въ XIX в."—но послѣдніе рефераты прочитаны не были. Изъ представленныхъ рефератовъ докладъ г. Миллера обладалъ научнымъ обоснованіемъ и былъ построенъ на изученіи малорусскаго орнамента сравнительно съ орнаментомъ восточнымъ (персидскимъ, киргизскимъ, татарскимъ). Г. Миллеръ выводитъ съ Востока довольно часто встрѣчающееся на малорусскихъ рушникахъ изображеніе махроваго цвѣтка, видя

въ немъ отзвукъ рисунка лотоса, употребительнаго въ восточномъ орнаментѣ. Чтеніе г. Миллера было иллюстрировано какъ рисунками вышивокъ, такъ и образцами рушниковъ. Докладъ г. Шелухина объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ былъ построенъ на небольшомъ количествѣ собранныхъ имъ самимъ матеріаловъ, среди которыхъ немалая доля пришлась на народные анекдоты. На основаніи своего матеріала г. Шелухинъ пытался доказать, что въ Малороссіи не было наемныхъ плакальщицъ, и что малорусскія причитанія представляютъ продуктъ индивидуальнаго творчества въ противоположность причитаніямъ великорусскимъ, представляющимъ неизмѣнныя формы, передающіяся отъ одной плакальщицы къ другой. Для доказательства перваго положенія рефентъ совершенно отрицалъ достовѣрность свидѣтельства польско-латинскаго писателя XVI вѣка, Себастіана Фабіана Кленовича—Acernus'а, въ его поэмѣ „Roxolania", о существованіи въ Галицкой Руси наемныхъ плакальщицъ, на томъ основаніи, что въ приводимомъ Кленовичемъ причитаніи встрѣчаются слова: „capitolinus anser"—„капитолійская гуска" что невозможно въ устахъ простой бабы. Но докладчикъ не принялъ во вниманіе характера всей „Роксоланіи" Кленовича, которая ни въ комъ изъ историковъ литературы не вызывала подозрѣній въ невѣрности описываемаго авторомъ быта. Русскій изслѣдователь дѣятельности Кленовича г. Стороженко (Кіевск. Унив. Изв. 1881 г.) говоритъ, что поэма „Roxolania"— „настоящій кладъ для занимающихся южнорусской стариной".

Вотъ свидѣтельство Кленовича. Когда умираетъ, говоритъ онъ, человѣкъ,—„тотчасъ за плату (mercede) старуха заводитъ заученныя (doctas) причитанія (querelas), и такъ по заказу (jussa) женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы (venales lacrimas) противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ... Нанятыми за деньги рыданіями (conductis pretio) она оглашаетъ воздухъ" [1]). Столь опредѣленное свидѣтельство мы сможемъ отвергнуть только тогда, когда не признаемъ всю описываемую Кленовичемъ бытовую обстановку, на что, однако, нѣтъ никакихъ данныхъ. Изъ того, что въ настоящее время въ Малороссіи неизвѣстно существованіе плакальщицъ, нельзя заключать того же по отношенію къ Галиціи XVI вѣка. Сербы занимаютъ меньшую территорію, чѣмъ украинцы, но и въ Сербіи по свидѣтельству В. Караджича въ его книгѣ: „Живот и обичаји народа српскога", въ одномъ мѣстѣ есть плачевницы, въ

[1]) См. мое сообщеніе: „Древнѣйшее малорусское причитаніе". Кіев. Стар., 1904 г. декабрь, стр. 148—153.

другомъ ихъ нѣтъ. Въ доказательство того, что наемныя плакальщицы существовали въ Малороссіи, можетъ быть приведенъ рисунокъ изъ альбома француза Де-Ла-Флиза, относящійся къ началу XIX вѣка и изображающій малорусское погребеніе на саняхъ. Въ фигурахъ женщинъ, одѣтыхъ одинаково во все бѣлое и идущихъ рядами за гробомъ вмѣстѣ съ нищими, можно безошибочно видѣть не родственницъ покойнаго, а именно приглашенныхъ плакальщицъ [1]).

Второе положеніе референта, а именно, что малорусскія причитанія являются продуктомъ индивидуальнаго творчества, опровергается извѣстнымъ въ литературѣ матеріаломъ. Всѣ причитанія, сколько ихъ ни было напечатано у Метлинскаго, Чубинскаго и Милорадовича, очень однообразны и представляютъ небольшое количество опредѣленныхъ похоронныхъ формулъ-мотивовъ, которыми и пользуется причитающая женщина. Малорусскія причитанія отличаются однообразнымъ содержаніемъ, единствомъ стиля и поэтическихъ представленій, что и создаетъ изъ нихъ опредѣленный, цѣльный видъ народнаго малорусскаго творчества. Объ индивидуальномъ творчествѣ здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его докладчикъ, т. е., что каждое отдѣльное причитаніе соотвѣтствуетъ каждому отдѣльному случаю смерти и погребенія.—Вопросъ объ украинскихъ причитаніяхъ очень интересенъ и еще ждетъ своего изслѣдователя. Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1904—05—06 гг. и въ „Украинѣ“ 1907 г. мы помѣстили рядъ очерковъ, посвященныхъ причитаніямъ, изъ которыхъ укажемъ двѣ работы: „Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ“ и „Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ“.

Лучше была представлена малорусская этнографія на выставкѣ, устроенной при Съѣздѣ. Экспонаты были собраны особой экспедиціей Русскаго Музея Императора Александра III, Черниговской Архивной Комиссіей и частными лицами. Постройки, домашняя утварь, промыслы, одежда, все это было представлено полно и достаточно освѣщало народный бытъ. Особенное вниманіе обращали на себя не относящіеся къ малорусской этнографіи, но идущіе изъ Черниговской г. старинные женскіе костюмы стародубскихъ старообрядцевъ. Предметы, бывшіе въ этнографическомъ отдѣлѣ, описаны въ „Каталогѣ выставки“, изданномъ въ Черниговѣ.

В. Даниловъ.

---

[1]) Рисунокъ былъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“.

Первобытныя древности на XIV археологическомъ съѣздѣ.

Въ числѣ рефератовъ, поступившихъ на XIV археологическій съѣздъ, значительный интересъ представляли рефераты, прочитанные въ секціи первобытныхъ древностей, каковы: К. В. Хилинскаго—„Трипольская культура", чешскаго проф. В. О. Пича „Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи", И. Е. Евсѣева—„Раскопки по верхнему теченію р. Оки", В. Д. Языкова—„О раскопкахъ въ окрестностяхъ Маяцкаго городища на Дону", П. В. Селиванова—„По поводу производства раскопокъ и храненія добытаго матеріала", В. Г. Лясколонскаго—„Городища, курганы, майданы въ области днѣпровскаго лѣвобережья", Ѳ. К. Волкова — „Палеолитическая стоянка близь с. Мезени (Черниговск. г.)", Л. Г. Лопатинскаго—„Находка мастерской бронзоваго вѣка на Кавказѣ въ области Куры", А. М. Мартиновича—„Хозарское городище на р. Воронежѣ", В. А. Городцова—„Раскопки Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ", К. В. Болсуновскаго „Культъ предковъ по памятникамъ эпохи неолита", В. А. Бабенко—„Соотношеніе верхне-салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ сѣвернаго Кавказа", А. А. Миллера „Археологическое обслѣдованіе устьевъ р. Дона" и В. Е. Данилевича—„Раскопки въ Курской губерніи". Съ захватывающимъ интересомъ былъ выслушанъ докладъ г. Хилинскаго о загадочной такъ называемой „трипольской культурѣ", слѣды которой обнаружены В. О. Пичемъ въ Молдавіи въ Кукутенахъ, Г. Оссовскимъ—въ восточной Галиціи около Золотого Бильча и В. В. Хвойко—близъ М. Триполья Кіевской губ., а также близъ с. Крутобородицъ Летичевскаго у., Подольской губ. Докладчикъ приписывалъ эту культуру народу арійской расы и предлагалъ назвать ее географическимъ терминомъ „карпато-днѣпровской культурой". Но описываемая культура распространена также въ Азіи, въ Ѳессаліи—близъ древнихъ Сузъ, Асхабада, Мерва и проч. Вѣроятнѣе всего, за этими находками утвердится терминъ—„до-микен-

ской культуры“, т. к. они встрѣчаются ниже предметовъ микенской культуры (въ Θессаліи).

Обстоятельный докладъ чешскаго профессора В. О. Пича ознакомилъ русскихъ археологовъ со своеобразными городищами Чехіи, которыя можно раздѣлить по три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. По мнѣнію референта городища 1-й категоріи принадлежатъ только славянамъ, а не Боямъ, которымъ приписывали ихъ многіе ученые.

Заслуживаютъ быть отмѣченными доклады: Θ. К. Волкова— объ открытой незадолго до съѣзда палеолитической стоянкѣ на берегу р. Десны, близъ с. Мезеня; А. А. Миллера, которому удалось обнаружить слѣды древняго Танаиса на островѣ въ устьяхъ рѣки Дона и В. А. Городцова, внимательно изслѣдовавшаго Бѣльское городище Полтавской г., пріурочиваемое докладчикомъ ко времени скифовъ.

При устройствѣ выставки древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, предварительнымъ комитетомъ по организаціи съѣзда были заботливо собраны коллекціи изъ различныхъ древлехранилищъ (Старая Рязань, Кіевская губ., Полтавская, Харьковская, Курская, Тамбовская и др.), а также орaганизованы спеціальныя раскопки въ с. Мезенѣ Кролевецкаго у. и въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго у. Отдѣлъ первобытныхъ древностей, не будучи обширнымъ, заключалъ въ себѣ, однако, весьма интересныя коллекціи, каковы, напр., находки близъ с. Мезеня, Кролевецкаго уѣзда, а также замѣчательные сосуды трипольской культуры (изъ раскопокъ В. В. Хвойко), украшенные поразительно интереснымъ орнаментомъ. Перечень древностей, бывшихъ на выставкѣ, занимаетъ 54 страницы „Каталога“ (изд. подъ редакціей П. М. Добровольскаго) и 4 страницы „дополненія“ къ нему.

Ив. Абрамовъ.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Продолженіе* **).

2. Начала пастурели

Устранивъ возможность школьнаго вліянія [52]), равно какъ и искусственной организаціи данной пѣсенной схемы, мы хотѣли бы указать на крайне интересные факты обрядоваго порядка, которые, какъ намъ кажется, скорѣе могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи интересующей насъ формы.

Умыканіе или насильственный увозъ дѣвушки, сыгравшіе такую огромную роль въ исторіи брака, оставили, какъ извѣстно [53]), глубокій слѣдъ въ современной брачной обрядности народовъ различнаго происхожденія и культурной формаціи. Свадебное дѣйство открывается сватовствомъ. Сваты приходягъ къ дому невѣсты обыкновенно вечеромъ и просятъ впустить ихъ, покормить коней [54]). Они проѣзжіе [55]) или странники [56]). Но еще

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.", вып. II, 1908 г.

[52]) H. Reich, переоцѣнивающій значеніе греко-римскаго мима, видитъ его отраженіе не только въ пастурели, но разсматриваетъ всю вообще пасторальную поэзію Франціи, Италіи, Испаніи и др. какъ переживаніе его буколической формы. Опицъ и Г. Гауптманъ (Потонувшій колоколъ) замыкаютъ эту историческую цѣпь. Der Mimus, Ein litterarentwickelungsgeschichtlicher Versuch, т. I (Берлинъ, 1903), стр. 894.

[53]) E. Westermarck, Gesch. der menschlichen Ehe (нѣм. перев. Katscher и Grazer, Jena, 1893), стр. 384 сл.; M. Kulischer, Interkommunale Ehe durch Raub und Kauf въ Zs. f. Ethnol., X (1878), стр. 200 сл.; J. Kohler, Studien über Frauengemeinschaft, Frauenraub und Frauenkauf въ Zs. f. vgl. Rechtswiss., (Stuttg., 1883), V, стр. 334 сл.

[54]) Шейнъ, Русск. нар. п. (Москва, 1870), I, стр. 536, 548.

[55]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣдов. (Спб. 1877), IV, стр. 599.

[56]) F. Kraus, Sitte und Brauch bei den Südslaven (1885), стр. 357, ср. его же Südslav. Sagen und Märchen, I, стр. 124—142; Шейнъ, о. с., стр. 599 (Волог. губ.).

чаще они называютъ себя охотниками. Они съ княземъ гнали звѣря, который, однако, ушелъ отъ нихъ и, какъ показываетъ слѣдъ, скрылся въ данномъ домѣ [57]). Въ Полтавск. у. [58]) отецъ невѣсты спрашиваетъ пришедшихъ къ нему на сватанье „старостъ“:

— А що ви за люди, и відкіля васъ Богъ принісъ? Чи зъ далека, чи зъ близька? Може ви охотники які, а може вольні козаки?

— Ми люде німецки,—отвѣчаютъ старосты,—ідемо зъ землі турецькоі. Разъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: що намъ дивиться на погоду, ходімъ лишень шукать звіриного сліду. Отъ и пішли. Ходили, ходили—нічого не знайшли; атъ—гулькъ! назустричъ иде нашъ князь (молодой), підніма у гору плечі и говоритъ намъ таки речі: „Эй, ви, хлопці, добрі охотники! Будте ласкові, покажіть дружбу мені. Трапилась мені куниця, красная дівица. Не імъ, не пью и не сплю одъ того часу, та все думаю, якъ іі достати? Поможіть іі мені поймати“. Отъ ми й пішли по слідамъ, по всімъ городамъ, а все куниці не знайшли. Отъ якъ у це село війшли, тутъ упять випала пороша: ми вранці встали и таки на слідъ напали. Вірно що звірь нашъ та пійшовъ у двіръ вашъ, а зъ двору у хату, та й сівъ у кімнату. Тутъ и мусимо ёго поймати. Тутъ застряла наша куниця. Оце-жъ нашому слову конецъ, а ви дайте ділу вінець: оддайте нашому князю куницю—вашу красну дівицю. Кажить же діломъ, чи виддаете, чи нехай ще пидросте? [59]) Въ Волынской и Подольской губ. сваты ищутъ телку. Этотъ послѣдній или аналогичные ему образы были переработаны и съ точки зрѣнія купли, измѣнившей основной мотивъ діалога — погоню. У лужичанъ сваты спрашиваютъ у отца невѣсты, нѣтъ ли у него продажной скотинки [60]); поляки говорятъ о продажной коровѣ [61]), лужицкіе сербы [62]) моравы [63]),

---

[57]) Шейнъ, о. с., стр. 416.

[58]) Ср. свадьбу, записанную въ селѣ Ждановкѣ у Чубинскаго, о. с., IV, стр. 581 сл.

[59]) Ср. тамъ же, стр. 59—60, 557—558 (Полт. губ.), 633 (Волынск. губ.).

[60]) М. Ковалевскій, Первобытное право, II, стр. 120.

[61]) Жена—корова, Gajus—Gaja, см. F. Liebrecht, Zur Volkskunde (1879), стр. 423; сл. М. Ковалевскій, о. с., стр. 121 сл.; Сумцовъ, О свад. обычаяхъ, стр. 22, 26.

[62]) Kulischer, о. с., стр. 225; Reinsberg—Düringsfeld, Hochzeitsbuch, стр. 168.

[63]) Kulischer, о. с., стр. 224.

ярославцы [64]), жители Гродненской [65]) и Сѣдлецкой губ. [66]) — о телкѣ.

Та же форма сватовства, погоня, хорошо извѣстна финнамъ и эстамъ. Въ діалогѣ сватовъ у православнаго населенія вост. Финляндіи (Кареліи) мотивъ купли и погони (исканія) чередуются. Описаніе страны, изъ которой они являются, напоминаетъ нѣмецкихъ людей и турецкую землю малорусскаго сватанья [67]). Сваты гонятся за лисицей, покупаютъ птицу. На вопросъ, бывали ли они когда либо въ этомъ краю, они отвѣчаютъ: „одинъ изъ насъ былъ здѣсь, да на отъѣздѣ потерялъ рукавицы (rukkaset), вотъ мы и пріѣхали сюда, чтобы поискать ихъ“. Разговоръ, происходящій внѣ избы, продолжается до тѣхъ поръ, пока не впустятъ въ комнату. У эстовъ сватъ, isamees, ищетъ обыкновенно пропавшую молодую корову (mulikas), темной или свѣтлой масти, въ зависимости отъ цвѣта волосъ невѣсты (въ районѣ Oberpahlen'а). Если предложеніе не желаютъ принять, то отвѣчаютъ отрицательно и всякій разъ настаиваютъ на томъ, что ничего о пропавшей не знаютъ. Въ противномъ случаѣ разговоръ поддерживаютъ разспросами со своей стороны: спрашиваютъ, напр., о масти коровы и т. п., разрѣшаютъ поискать ее въ домѣ, и невѣсту находятъ въ комнатѣ. Подробности различны, смотря по мѣстности. Такъ по словамъ Neus'а [68]) сваты ищутъ иногда ягненка; Petri [69]) говоритъ о розыскахъ теленка, овцы, гуся или какой нибудь другой птицы. Въ Дерптскомъ у. отыскиваютъ обыкновенно õhwaakene, Kühstärke, или толкуютъ о покупкѣ стога сѣна (Kuje), рѣже о подстрѣленной птицѣ, тетеревѣ [70]). Въ приходѣ klein St. Johannis (у Oberpahlen'а) сваты держатъ приблизительно такую рѣчь: „мы послы турецкаго короля; у насъ случилась бѣда: улетѣлъ отъ насъ тетеревъ, и вотъ король въ безутѣшномъ горѣ. Тетеревъ пустился какъ разъ по этому направленію — не видали ли вы его?“ Сторона невѣсты отвѣчаетъ отрицательно. Но послы настаиваютъ: „Однако нашъ стрѣлокъ

---

[64]) ibd., стр. 225.

[65]) V. Bogišić, Pravni običaji u slovena (=III Književnik, Zagreb 1867), стр. 89.

[66]) Чубинскій, о. с., IV, стр 671.

[67]) См. описаніе свадьбы д-ра А. О. Heikel'я, напечатанное у v. Schroeder'a, Hochgeitsgebräuche der Esten, стр. 243.

[68]) Neus, Estnische Volkslieder, стр. 240.

[69]) J. C. Petri, Ehstland und die Ehsten, II (Gotha, 1802), стр. 280, 281.

[70]) teder. См. v. Schroeder, о. с., стр. 225.

отлично видѣлъ, какъ онъ влетѣлъ въ вашъ домъ, въ окно коморы" (гдѣ живутъ обыкновенно дѣвушки) и т. п. Въ концѣ концовъ имъ позволяютъ искать птицу и они выводятъ въ избу невѣсту. Въ концѣ XVIII в., въ пору крѣпостного права, подобныя рѣчи держали готовившіеся къ браку эсты своимъ помѣщикамъ [71]). Они говорили также о пропажѣ коровы, телки, овцы и т. п., и на вопросъ, удалось ли имъ найти ушедшую скотинку, отвѣчали утвердительно и сообщали имя невѣсты.

У латышей сваты разсказываютъ о пропажѣ пастушки, гуся или какой-нибудь иной птицы, овцы, и просятъ ее выдать [72]). У мазуровъ сватъ ѣдетъ къ будущей невѣстѣ съ кочнемъ капусты, который онъ даетъ предварительно объѣсть своему коню. „Къ намъ въ огородъ", говоритъ онъ по пріѣздѣ, „забралась дикая коза (или просто коза), обгрызла капусту. Но я выслѣдилъ ее вплоть до вашего дома и хочу посмотрѣть на нее". Родители дѣвушки выводятъ ее къ пріѣзжимъ [73]). Если въ Chrudim'ѣ [74]) сваты, пришедшіе по невѣсту, говорятъ, что пришли за кладомъ, сокровищемъ, которое спрятано въ домѣ, то пѣсня, которую поетъ женихъ на свадьбѣ въ Чехіи во время торжественнаго пляса о похищеніи рябчика вороломъ, переноситъ насъ къ прежнимъ зоологическимъ образамъ.

Венгерскій kérö, предводительствующій группой сватовъ, обращается къ отцу невѣсты со слѣд. вопросомъ: „красивый голубокъ улетѣлъ отъ насъ и опустился какъ разъ надъ вашимъ почтеннымъ домомъ; намъ очень хотѣлось бы знать, не видѣли ли вы его?"—„Нѣтъ, вашей птицы мы не видѣли; есть у насъ голубокъ, только свой собственный. Ступайте своей дорогой дальше да поищите голубка въ другомъ мѣстѣ". Сваты выходятъ, но скоро снова возвращаются и kérö повторяетъ свой вопросъ, къ которому онъ присоединяетъ обѣщаніе беречь голубка, если ему его отдадутъ, посадить его въ хорошую клѣтку. На это ему отвѣчаютъ, что сразу нельзя дать отвѣта, нужно обдумать дѣло, пусть онъ пока уходитъ. За этимъ слѣдуетъ новое возвращеніе, новый діалогъ въ стилѣ прежнихъ,

---

[71]) Petri, o. c., стр. 283.

[72]) Reinsberg—Düringsfeld, o. c., стр. 20.

[73]) ibd., стр. 203—204; (ср. аналогичные факты въ Зап. Пруссіи у v. Schroeder, o. c., стр. 39. Великорусскія параллели у Веселовскаго, Три главы, стр. 39—40).

[74]) ibd., стр. 192.

пока вопросъ не окажется исчерпаннымъ и невѣста не будетъ представлена сватамъ [75]).

Аналогичный обрядъ существуетъ у румынъ. Женихъ идетъ къ невѣстѣ въ сопровожденіи своихъ родителей, музыканта и сватовъ (petitori). Музыкантъ, скоморохъ по профессіи, обращается къ отцу невѣсты съ рѣчью: „дѣды наши и предки, охотясь, пришли нѣкогда случайно въ нашу страну, богатую молокомъ и медомъ. Слѣдуя ихъ примѣру охотился и нашъ молодой, NN, бродя по полямъ, лѣсамъ и горамъ. На пути своемъ онъ повстрѣчалъ робкую серну (лань), которая, испугавшись его, скрылась; но мы нашли ея слѣды, которые и привели насъ сюда. Вы должны выдать намъ ее или указать то мѣсто, гдѣ она скрывается, потому что преслѣдованіе ея стоило намъ большого труда и силъ“.—Въ отвѣтъ на это выводятъ обыкновенно бабку невѣсты или другую старую женщину и показываютъ ее пришедшимъ. „Не она ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчаютъ тѣ, „у нашей красавицы золотые волосы, глаза сверкаютъ какъ брилліанты, зубы что жемчугъ, а алыя губы напоминаютъ черешню. Видомъ она львица, ея шея бѣла какъ шея лебедя, пальцы нѣжны какъ воскъ, лицо сіяетъ подобно солнцу“ и т. п. Комплименты тянутся безконечной вереницей, насколько хватаетъ воображенія говорящаго ихъ, пока наконецъ не выводятъ дѣвушку [76])

Голубку ищутъ и сваты на Riviera della Castella, между Spalato и Traú, но соотвѣтствующій діалогъ пріуроченъ къ другому моменту. Въ день свадьбы къ дому невѣсты направляется поѣздъ жениха со знаменосцемъ и главнымъ сватомъ (starisvat) во главѣ, который выстрѣломъ даетъ сигналъ къ выступленію. Необычайно яркая и красивая картина старой отмицы. Поѣзжане останавливаются передъ домомъ невѣсты, и отецъ ее спрашиваетъ: „кто тамъ?“—„Друзья“, отвѣчаютъ ему. „Зачѣмъ вы здѣсь съ этимъ поѣздомъ?“—„Мы знаемъ“, отвѣчаетъ starisvat, „что въ вашемъ дома скрывается нѣчто такое, чему здѣсь не мѣсто; мы ищемъ это“.—„Хорошо, входите и ищите“. Всѣ садятся за столъ, уставленный разными яствами и напитками. Поѣвъ сваты говорятъ: „ну, теперь мы поищемъ своего голубка, что̀ спрятался въ этомъ домѣ“. Начинаются поиски. Имъ показываютъ самую старую родственницу въ домѣ: „это вашъ голубь?“—„Нѣтъ, нашъ не таковъ“.

---

[75]) ibd., стр. 44—45.
[76]) ibd., стр. 53.

Наконецъ показываютъ невѣсту. „Не онъ ли?“ спрашиваютъ сватовъ снова. „—Да, вотъ это и есть тотъ голубь, который улетѣлъ отъ насъ“. Дѣвушку отрываютъ отъ отца и уводятъ. Но на порогѣ сватовъ встрѣчаетъ толпа сосѣдей, собравшихся постоять за невѣсту. Завязывается примѣрный бой, прекращаемый уплатой выкупа, послѣ чего вся процессія направляется въ церковь [77]). На ту же тему о похищеніи голубка жалуется послѣ свадьбы и братъ невѣсты.

Въ приморьи Stagno, старой области Рагузы, отецъ жениха, являющійся сватомъ въ домъ невѣсты (dan prstenovanja), говоритъ ея отцу о красномъ цвѣткѣ, котсрый онъ увидѣлъ, проходя мимо его дома, и который ему хочется пересадить въ свой садъ. Одну за другой показываетъ хозяинъ гостямъ своихъ дочерей—цвѣты, пока дѣло не доходитъ, наконецъ, до невѣсты, которой и вручается кольцо [78]). Точно также ищетъ эстонскій сватъ по сообщенію Neus'a [79]) цвѣтка, потеряннаго его спутниками; въ Приморьи Makarska предметомъ исканія представляется яблоко, играющее роль и въ соотвѣтствующихъ обрядахъ французовъ. Оба ряда обрядовъ комбинируются въ жалобѣ испанской дѣвушки, которой она отвѣчаетъ на просьбу trobador'a, говорящаго отъ имени жениха: „я еще молода. Кто хочетъ оторвать голубка отъ матери, кто хочетъ сломать почку, которая не успѣла еще распуститься. Я не знаю тебя. Кто ты?“ [80]). Въ Сардиніи, сохранившей много древнихъ традиціонныхъ обрядовъ и обычаевъ, отецъ жениха или опекунъ его проситъ у отца невѣсты уступить ему голубя или телку; голубь утѣшалъ бы его въ старости, телка была бы лучшимъ украшеніемъ его стада [81]).

Символическое дѣйство, въ которомъ просвѣчиваютъ древнія отношенія умыканія, пристраивалось къ различнымъ моментамъ свадебной церемоніи, дававшимъ поводъ къ такимъ безсознательнымъ, лучше, игровымъ воспоминаніямъ старыхъ реальныхъ отношеній. Характеръ момента опредѣлялъ всякій разъ подробности игры, пріурочивавшейся то ко вступительному эпизоду свадебной драмы—сватовству, то къ центральному ея моменту, ко дню свадьбы, когда поѣздъ жениха является къ невѣстѣ, чтобы везти ее подъ вѣнецъ, то къ заключающей дѣй-

---

[77]) ibd., стр. 80—81.
[78]) ibd., стр. 74.
[79]) o. c., стр. 240.
[80]) Reinsberg-Düringsfeld, o. c., стр. 263.
[81]) ibd., стр. 94.

ство сценѣ, свадебному пиру, послѣ котораго молодой хватаетъ въ охабку новобрачную и бросается съ ней изъ дому; молодая вырывается отъ мужа, дѣвушки защищаютъ ее, но женихъ овладѣваетъ ею и уводитъ къ себѣ.

Соотвѣтственно съ этимъ чередуется и пріуроченіе пѣсенъ, разрабатывающихъ обряды, навѣянные указанными бытовыми отношеніями. Мотивъ охоты очень часто лежитъ въ основѣ ихъ; какъ, напр., въ слѣд. записанной въ Щигровскомъ у. Курской губ. [82]):

Па подъ небисью исменъ соколъ ляталъ...

Съ нею можно сопоставить свадебную Сарат. губ. исполняемую передъ невѣстой послѣ сговора:

Соколъ лебедь ловилъ... [83]).

Въ эстонской свадебной пѣснѣ, пріуроченной къ моменту, когда женихъ является къ невѣстѣ, чтобы ѣхать съ нею къ вѣнцу, и ее прячутъ, поется:

Hier ging hin des Vögleins Stimme;
Durch Gesträuch des Entleins Stimme,
Eben wie des Eichhorn Sprünge!
Hier gestanden hat das Vöglein,
Hat die Schuh geschnürt die Ente.
Thuet auf die weiten Thüren... [84])

Въ Харьковск. губ. на заручинахъ (рукодаіни, руковини) поютъ небольшую пѣсню, иллюстрирующую моментъ своими охотничьими образами:

Вчера зъ вечера та порошенька впала... [85])

Тѣ же образы, но въ иномъ положеніи, отвѣтятъ позже и другимъ обрядамъ символирующимъ умыканіе: куница заблудилась въ лѣсу и проситъ соболя вывести ее [86]). У бѣлоруссовъ такая пѣсня поется послѣ вѣнчанія, въ домѣ жениха или еще

[82]) Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 44.
[83]) М. Соколовъ, Великорусск. свадебн. пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губ., (Саратовъ, 1898), стр. 1—2, № 2.
[84]) v. Schroeder, o. c., стр. 59.
[85]) Чубинскій, о. с., IV, стр. 84.
[86]) Потебня, Объясненіе малорусск. и сродн. нар. пѣс., II, стр. 344.

до сватовства [87]). Исполняемая на бѣлорусской свадьбѣ послѣ заручинъ: Ходила козынька по ламу... [88]) возвращаетъ насъ снова къ мотиву охоты.

Рядомъ съ нимъ уже самый обрядъ намѣчаетъ и другой мотивъ:—исканіе пропавшаго при тѣхъ или иныхъ условіяхъ; онъ шире прежняго, ибо онъ позднѣе: отсюда и большая пестрота образовъ связываемыхъ основными мотивами въ цѣлую картину. Сваты ищутъ телку, гуся, корову и т. п. Въ малорусской пѣснѣ [89]) разсказывается о потери парнемъ въ лѣсу козы, отыскивая которую онъ встрѣчаетъ дѣвушку. Та же ситуація въ одной литовской народной пѣснѣ. Молодецъ потерялъ коня; находитъ дѣвушку [90]). Коня заперли, но онъ вырвался и, бросившись въ садъ, откусилъ тамъ три цвѣтка руты.

Въ другой литовской пѣснѣ подробности разоренія произведеннаго конемъ иныя [91]).—Основной мотивъ старый, но образъ коня указываетъ на новую точку зрѣнія пѣсни: искомое не женскій символъ, а мужской; отсюда идея выкупа.

Финалъ пѣсенъ приводитъ насъ къ новымъ символамъ брака, характеризующимъ все тотъ же моментъ насилія: ломаніе, топтаніе посѣяннаго, посаженнаго (сада, винограда, руты, проса и т. п.). Обобщившись они дали образъ разрушенія въ широкомъ смыслѣ. Цитированныя литовскія пѣсни лучше всего комментируются русской игрой въ „сѣянье проса“ [92]); спутанность нѣкоторыхъ подробностей объясняется забвеніемъ смысла основного образа; игровое преніе овладѣло имъ и дало пѣснѣ иное направленіе, хотя въ конечномъ обмѣнѣ молодцемъ и дѣвицей сквозитъ совершенно опредѣленно первоначальная мысль игры. Конь, конечно, молодецъ. Болѣе прозаическая „Посѣяли

---

[87]) Шейнъ, Бѣлорусск. нар. пѣсни (Спб. 1874), стр. 323, № 556, 337, 601).

[88]) ibd., стр. 460 № 28.

[89]) Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси (Москва, 1878), III/1, стр. 343 № 76.

[90]) Вс. Миллеръ и Ф. Фортунатовъ, Литовск. нар. пѣсни (Москва, 1873), стр. 100—101, № XXXXVI.

[91]) У G. H. F. Nesselmann, Littauische Volkslieder (Berlin, 1853)' стр. 147 № 181. Ср. также Соболевскій, Пѣсни, II, 222: у козака пропалъ конь; онъ находитъ его у корчмы, но на немъ оказывается дѣвущка.

[92]) Терещенко, IV, 307; Потебня, о. с., I, стр. 39 сл.; Веселовскій, Три главы, стр. 30—31. Ср. также игру (въ Risano) описанную Vrčević'емъ въ его Srpske narodne igre (Бѣлградъ, 1868), стр. 29—30 и Fr. Krauss'омъ въ Sitte und Brauch der Südslaven (Вѣна, 1885), стр. 147—148

дѣвки ленъ“ [93]) выражается яснѣе: парень повадился въ ленъ ходить:

Весь бѣлый ленъ притопталъ,
Маковочки прищипалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ [94]).

Въ другомъ варьянтѣ еще болѣе опредѣленныя указанія:

Со льну цвѣты сорывалъ,
Два вѣночка совивалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ [95]).

Ой ходила Марися по новиму двору,
Сіяла садъ-виноградъ съ приполу,
Забула воротечки заченити,
Ажъ мусіла батенька просити:
„Ой піди—жъ, мій батеньку, зачини воритця:
Яки приде Иванъ зъ боярами,
То витопче садъ-виноградъ кониками“ [96]),

поется въ Новоградъ-волынскомъ уѣздѣ на заручинахъ. Въ великорусской пѣснѣ [97]) молодецъ обѣщаетъ выкупъ дѣвицѣ за потоптанный его конемъ садъ. Въ связь съ этими образами и отмѣченными выше литовскими пѣснями нужно поставить и крайне интересную эстонскую игру, стоящую, правда, внѣ свадебнаго обряда, но рядомъ съ игровыми пѣснями. Г. Калласъ приводитъ описаніе ея въ приложеніи къ своей работѣ [98]). Играющіе разбиваются на три группы: одни становятся въ кругъ, другіе входятъ внутрь его, третьи остаются внѣ. Затѣмъ начинается діалогъ между двумя послѣдними группами. (Приношу за содѣйствіе въ переводѣ текстовъ искреннюю благодарность лектору А. Игельстрёму и проф. І. Миккола):

„Сынъ мой, ты, что̀ сторожишь коней (hoburine=Pferdewächter), не видѣлъ ли ты моего коня, бродящаго въ туманный день, разгуливающаго въ дождливый день?“ — „Какой масти

[93]) Плясовая и вечериночная, см. Соболевскій, о. с., III, №№ 472—478.
[94]) ibd., № 477.
[95]) ibd., № 474.
[96]) Чубинскій, о. с., IV, стр. 70—71, № 19. Ср. Nesselmann, о. с., № 49.
[97]) Шейнъ, Русск. нар. п., 148—150.
[98]) O. Kallas, Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie (1901), I. Ср. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., т. 342 (1902), № 8, отд. 2, стр. 442 сл.

твой конь?“—„Утромъ масть его, что молодой посѣвъ; на зарѣ— что золото; въ сумеркахъ—что закатъ солнца (viettü?); днемъ— что разсвѣтъ; въ полдень—что (мясо) семги“.—„Конь твой прошелъ дорогою дѣвушекъ (проходъ между двумя изгородями), новой улицей: много бѣды натворилъ онъ, когда уходилъ, много бѣды натворилъ онъ и въ другой разъ, когда приходилъ: онъ испортилъ свой хомутъ, испортилъ гужи, повредилъ желѣзныя ворота, опрокинулъ полъ-тонны меду, погрызъ (цѣлый) ларь грѣховъ. Зѣвая (конь твой) сломалъ оглобли, мотнувъ головой,— разорвалъ узду. Загремѣлъ жемчужный конь, загремѣло на дорогѣ (обставленной) плоскими каменьями, затрещала вязовая дуга“. Ржи, ржи, конь (мой) мышиной масти, зови, меринъ, купцовъ, ржи, зови своего хозяина, зови (громко) того, что скачетъ на твоей спинѣ, ржи подъ хозяиномъ, кричи подъ купцами!

Аналогичную игру мы встрѣчаемъ въ Финляндіи (стр. 358 сл.):

— Съ уздой на плечахъ, я ищу лошадку, уздечка жеребенка (у меня) за спиной. Если ты конь моего отца,—ржи, чтобы я могъ тебя услышать, ступай домой къ овсу, къ овсу, что шуршитъ; ступай домой къ сѣну, къ хрустящему сѣну. Сломай хворостяную изгородь, сломай изгородь, крѣпкую, какъ желѣзо; сломай хворостяную изгородь, опрокинь изгородь жердяную! Hette, lette, бросай прочь, taari, laari, начинаю снова!— Въ Эстляндіи, на Эзелѣ, Монѣ и въ Перновскомъ уѣздѣ (Pärnumaa) цитированный выше текстъ игры развился въ балладу, введеніе въ которую совершенно тожественно съ началомъ пѣсни объ „украденномъ поцѣлуѣ“ (II, 7). Дѣвушка (или дѣвушки) собираютъ въ лѣсу вѣтви для вѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвушка названа по имени, Anu, Viru neitsike, Sula Salmi n., Salvi или Salme (послѣднія имена, очевидно, подъ вліяніемъ крайне интересныхъ и ждущихъ еще разъясненія пѣсенъ о Salme, выросшей изъ курицы, за которую послѣдовательно сватаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. См. Fennia, 1, с. № 2). Слѣдуетъ описаніе встрѣчи съ парнемъ, отыскивающимъ своего коня (вар.: парень названъ Ot'ť ormus, osmus или ohmus poisikene). Діалогъ скалькированъ съ текста игры, Въ другихъ варіантахъ дѣвушка разсказываетъ о томъ страшномъ разгромѣ, который конь произвелъ въ домѣ ся отца (съѣденъ весь хлѣбъ, выпито нѣсколько бочекъ пива и т. п.). Парень предлагаетъ возмѣстить убытки и дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе. Иногда, оказывается, что конь запертъ въ конюшнѣ и можетъ быть возвращенъ лишь подъ условіемъ выкупа или же дѣвушка прямо заявляетъ парню, предугадывая

его намѣренія: „ты не коня ищешь, ты, злой человѣкъ, вздумалъ свататься за меня. Но у насъ такой обычай: объ этомъ говорятъ только въ присутствіи отца и матери“.

Въ цѣломъ рядѣ варіантовъ перемѣщены роли: отыскиваетъ коня не парень, а дѣвушка; очевидно забылся смыслъ первоначальнаго образа. Въ пинской свадебной пѣснѣ ищутъ голубки (утки), она ушла въ очеретъ; дѣвушки ищутъ молодой, она ушла уже въ клѣть (она уже въ домѣ жениха):

Ключами забраждзела,
А сукнямы зашастѣла [99]).

То же обобщеніе ситуаціи въ массѣ литовскихъ, великорусскихъ, малорусскихъ и другихъ пѣсенъ. Дѣвушка пасла коней:

Красная панна малада Ганна кони пасэ,

поется въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ [100]), или въ безыменной малорусской [101]):

Ой, за гаэмъ зелененькимъ
Пасла дівка коні воронії,
А пасучи загубила...

Также въ пѣсняхъ польск. и моравск. [102]). Въ другихъ рѣчь идетъ о пастьбѣ воловъ, образъ, который не выводитъ насъ еще за предѣлъ символики коня; ср. образъ воловъ въ плугѣ [103]). Такъ въ малорусской колядкѣ:

Пасла Ганнуся воли... [104]),

или литовск. пѣснѣ у Юшкевича, Liet. dajnos, II № 1015. Гораздо распространеннѣе образы, которые мы уже встрѣтили въ рѣчи сватовъ во время перваго ихъ пріѣзда въ домъ невѣсты, если только они не позднѣйшія черты, внесенныя въ данныя рамки. Въ великорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются овцы [105]), но особенно гуси, лебеди [106]).

---

99) Веселовскій, Психологич. параллелизмъ, стр. 28.

100) У Шейна, Бѣлор. нар. п., стр. 101—102.

101) У Чубинскаго, о. с., V, стр. 1073.

102) Kolberg, Lud, I, 133: Sušil, Mor. nar. p. 155.

103) Головацкій, о. с., II, 435, 760.

104) ibd., IV 86—87, 133, II 144, III 228 сл.; Чубинскій, о. с., V, 908.

105) Соболевскій, о. с., II № 48; у малороссовъ также просто стадо, ср. колядку у Головацкаго, о. с. II 75.

106) Соболевскій, о. с., II 49—57, V 742—746; въ малорусской—павы у Головацкаго, о. с., III/2 № 29—колядка.

Кое гдѣ сохранился мотивъ выкупа [107]); другія пѣсни останавливаются еще на мотивѣ исканія, причемъ мысль очень часто проходитъ впередъ отъ желанія или ожиданія къ исполненію, такъ что не исканіе пропавшаго приводитъ къ встрѣчѣ съ женихомъ, къ браку, а, наоборотъ, находка становится возможной, такъ какъ рѣшенъ главный вопросъ: ни отецъ ни мать, ни братъ не могутъ отыскать пропавшаго стада, пока дѣвушкѣ не приходитъ въ голову обратиться къ милому:

„Піди милейкий стада глядати!“
Мілейкий пішовъ, стадайко найшовъ.
Ліпший милейкий, якъ братъ ріднейкий! [108]).

Такую же метаморфозу встрѣчаемъ мы и въ пѣсняхъ о садѣ. Не тотъ кто придетъ и силой овладѣетъ садомъ и его плодами станетъ мужемъ, суженымъ; дѣвушка сама даетъ яблоко милому, отказывая въ томъ отцу, матери и роднымъ. Такая перестройка мотива въ болѣе мягкомъ и гуманномъ смыслѣ отвѣтила, очевидно, новымъ бытовымъ запросамъ и воззрѣніями.

Разложеніе старой схемы шло и другимъ путемъ.—Вниманіе останавливалось преимущественно на финальномъ эпизодѣ встрѣчи, остальное разсматривалось какъ введеніе, какъ поводъ къ ней. Къ этому вела оторванность пѣсни отъ обряда, вызывавшая трактовку ея какъ баллады, какъ пѣсни о нѣкогда реальномъ фактѣ. Такъ въ литовской пѣснѣ у Фортунатова — Миллера, стр. 116—117, № LIV, 2 и 1 (ср. 114—115— № 1) [109])—пастьба только аксессуаръ, фонъ, на которомъ разыгрывается любовная сценка. Въ одной великорусской пѣснѣ [110]) дѣвушка сгоняетъ своихъ гусей-лебедей, собираясь итти домой; но

...гуси не табунятся,
По бережку разбѣгаются,
По кустикамъ разлетаются.

Ненужная подробность, такъ какъ ниже оказывается, что она

Собрала гусей, домой пошла.

---

[107]) Бѣлорусск. волочебная у Шейна, Бѣл. нар. п. 101—102; Kolberg, Lud, I 133, Sušil, o. c., 115.

[108]) Колядка дѣвушки, Головацкій, o. c., II 75.

[109]) Ср. малорусскую пѣсню у Головацкаго, o. c., III/1, стр. 174—175, № 48 и стр. 182, № 57.

[110]) Соболевскій, o. c., II 52, 49.

Остается только пастушеская, обстановка, которая вовсе не предваряетъ дальнѣйшаго: aoristus могъ имѣть мѣсто и при другихъ обстоятельствахъ.

Погоню овечку
За быструю рѣчку,
За калиновъ частый мостикъ.
На встрѣчу младенькѣ
Донской младой казакъ [111]).

Діалогъ обыкновенно развитъ слабо; завязываетъ его молодецъ [112]).

Форма изложенія пѣсни можетъ быть, при способности народной пѣсни мѣнять этого рода оттѣнки [113]), и „личной", и „объективной".

Такой схемой могли овладѣть французскіе цѣвцы, развивши подъ вліяніемъ популярныхъ débats зародышъ діалога, и обративъ ее въ позднѣйшую пастурель. Къ этому уже шла и народная пѣсня, сосредоточившаяся на моментѣ любовнаго débat; пасторальные элементы стали шаблоннымъ вступленіемъ. Женская по-преимуществу пѣсня (почти во всѣхъ варіантахъ этого типа въ центрѣ женщина) была снова переработана съ точки зрѣнія мущины.

Не только на почвѣ Франціи, о которой идетъ рѣчь, но и на почвѣ Германіи или Италіи мы напрасно искали бы народныхъ пѣсенъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя приводили сейчасъ, и которыя всѣ записаны въ восточной половинѣ Европы. Въ обширномъ сборникѣ Erk-Böhme [114]) мы встрѣчаемъ одну пастурель, которой имѣются нѣсколько варіацій [115]). Обстановка обычная для французской пастурели, несмотря на народный характеръ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей. Ситуація одной изъ первыхъ пьесъ того же сборника, можетъ быть, также навѣяна пастурелью. Пѣсня разсказывала о похищеніи пастушки Рюбецалемъ, явившимся въ образѣ рыцаря (Силезія). Въ діалогѣ оригинала дѣвушка говоритъ на силезскомъ діалектѣ, Рюбецаль—

---

[111]) Соболевскій, о. с., II 48.

[112]) Казакъ, l. с.; молодой парень II 49, 52, 54, 55, солдатъ 51, сержанъ 53, лакей 50 и даже дворянскій сынъ 57. Только въ V 742 на сценѣ милый. Дворянчикъ, можетъ быть, не безъ вліянія пастурелей, прошедшихъ съ Запада, пѣсенъ вродѣ „Вышелъ баринъ изъ лѣсочка".

[113]) Ср. Соболевскій, II 631.

[114]) Deutscher Liederhort, Lz. 1893—1894.

[115]) I 26: Reiter und Hirtenmädchen, сл. стр. 442.

на литер. нѣм. языкѣ [116]). Источникъ пьесъ этого типа сквозитъ и въ подробностяхъ французскихъ „народныхъ“ пастурелей. Герой оказывается бариномъ [117]), кавалеромъ [118]), рыцаремъ [119]), королевскимъ сыномъ [120]), лѣсничимъ [121]). охотникомъ [122]); въ финалѣ одной пастурели Haupt'а [123]) рѣчь идетъ о замкѣ и т. п. Въ одной изъ очень популярныхъ пьесъ этого рода, напечатанной Гастономъ Парисомъ [124]), дѣвушка называетъ своего собесѣдника sire; на общественное положеніе ея нѣтъ прямыхъ указаній, но общій характеръ пьесы—обычный тонъ куртуазной пастурели. Тоже можно сказать и о №№ IV и LX сборника Париса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствуется литертурный прототипъ [125]), сказывающійся и въ цѣломъ рядѣ народныхъ пастурелей, записанныхъ недавно [126]).

Обстановка и подробности знакомы намъ хорошо изъ сборника Bartsch'а. Пастурели XV в. въ этомъ отношеніи ближе всего къ ихъ средневѣковымъ параллелямъ. Обычную форму зачина: L'autrier quant je chevauchoys [127]) или тождественную ей мы не найдемъ въ сборникѣ Haupt'а, древнѣйшая изъ пастурелей котораго (Mon père m'envoye, p. 100) заимствована изъ пѣсенника 1538 г., не говоря уже о новѣйшихъ собраніяхъ

---

[116]) Другія пѣсни, изображающія аналогичныя встрѣчи, примыкають скорѣе къ прототипамъ chansons à personnages. Ср. I 70, 73; I 120, 121, 123a и b, 125, 204a; II 437, 438, 440, 443, 444; II 517; III 1295; III 1436, 1437, 1450. Сл. также Des Knaben Wunderhorn III 305; Haupt und Schmaler, I 79; Arwidsson, Svenska Fornsånger, III p. 271; Weddigen, Gesch. d. d. Volksdichtung (Висбаденъ, 1891), стр. 207, 212—213.

[117]) J. Tiersot, Histoire de la chanson popul. en France (Парижъ, 1889), стр. 54.

[118]) J. Bujeaud, Chants et chansons popul. des provinces de l'Ouest etc. (Niort, 1866), I стр. 311—312, ср. E. Rolland, Recueil des chansons populaires (Парижъ, 1883 — 1887) I xciii, lxi и II стр. 124.

[119]) Chevalier tout en blanc, Haupt, Französische Volkslieder. (Lz., 1877), p. 141; ср. Bujeaud, o. c., p. 309—310, 312 вар.

[120]) Bujeaud, o. c., стр. 109—110; ср. Rolland, o. c., I cxxi и II стр. 144 сл.

[121]) Forestier du roi, Haupt, o. c., p. 129; Rolland, o. c., I iii, ср. II стр. 22 сл.

[122]) Bujeaud, o. c., стр. 213—214, 215—216, ср. стр. 207—208, 209—210, 211, 212, 213.

[123]) o. c., стр. 110—111.

[124]) Chansons du XV siècle (Парижъ, 1875, SATFr), № LXIII.

[125]) Ср. №№ IX, XXIX, L, CXVI.

[126]) Ср. Bujeaud, o. c., стр. 254—255, 266—267; Rolland, o. c., I, lxi.

[127]) Сборникъ Париса №№ XXIX, ср. *IV, VI, IX, XXIX, L, LX, *LXIII, CXVI.

народныхъ пѣсенъ. Описаніе внѣшняго вида пастушки сведено до простыхъ ничего не говорящихъ эпитетовъ, какъ gaie [128]), jeune [129]), belle au cuer plaisant, belle [130]), jolie [131]), aimable, d'une aimable beauté [132]). Начальныя стихи Rolland, LXI, поэтому, поневолѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя:

Quant la bergère s'en va-t-aux champs
Bien peignée, bien coiffée,
Sa quignolette à son joli côté...

Характеристика его еще болѣе скудна; короткимъ и сухимъ beau valeton [133]) исчерпывается описаніе въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ разсказъ ведется отъ лица пастушки. Никакихъ указаній на время встрѣчи [134]), его настроеніе и даже на мѣсто встрѣчи [135]): ситуація предполагается извѣстной. Сравнительно чаще встрѣчаются указанія на занятія ея въ данный моментъ: она поетъ и плететъ вѣнокъ [136]);

Je fleuris ma houlette
Tout pleine de fleurs...

говорится въ другой современной пастурели изъ Оверни [137]). У Haupt'a, стр. 129, дѣвушка собираетъ фіалки. Центръ тяжести интереса сосредоточивается въ діалогѣ, которому, поэтому, и отведено главное мѣсто. Подробности, которыя мы встрѣтимъ въ предѣлахъ его, нами уже знакомы: эпизодъ съ волкомъ мы находимъ въ сборникѣ Париса, XXIX, у Haupt'a стр. 129, Rolland III; на настойчивыя просьбы героя она отвѣчаетъ болѣе или менѣе рѣзкимъ отказомъ [138]), или ссылкой на недосугъ [139]) или на то, что любитъ другого [140]), шуткой [141]). Но страстныя

[128]) ibd., №№ XXIX, CXVI.
[129]) ibd., №№ LXIII, XCIII c.
[130]) ibd., № LX.
[131]) Rolland, I IIId, Xa, LXIb.
[132]) ibd., XCIIId.
[133]) Haupt, o. c., p. 110. Cavalier tout en blanc, ibd., стр. 141.
[134]) Вечеръ—сборникъ Париса, №№ LX и *LXIII; май—ibd., № LXIII,
[135]) Кратко у Париса LXIII, LX, XXIX, CXVI, VI, IV; Haupt, стр. 129, 141; Rolland LXI.
[136]) Сб. Париса, CXVI.
[137]) Rolland Xa.
[138]) Сб. Париса III, VI, LXIII.
[139]) ibd., XXIX.
[140]) Rolland, XCIII; Bujeaud, II, стр. 311—312.
[141]) Rolland Xa и b.

рѣчи, импровизуемыя неожиданнымъ поклонникомъ начинають въ концѣ концовъ заражать ее: она проситъ его говорить тише: иначе отецъ или мать ихъ услышатъ [142]); она готова почти уступить, но нѣтъ, она дастъ ему только поцѣлуй [143]); еще одно, послѣднее усиліе съ его стороны и дѣло кончается или согласіемъ ея [144]) или насиліемъ въ случаѣ упорства или нерѣшительности дѣвушки [145]). „Типическая" форма пастурели— единственная вошедшая въ обиходъ народной пѣсни; это объясняется контрастомъ, на которомъ она построена и который могъ заинтересовать, существованіемъ аналогичныхъ схемъ въ составѣ народной поэзіи, и можетъ быть, наличностью прототипа пастурели. Сценки не пережили эпохи литературнаго интереса къ пастурели, что объясняется, конечно, характеромъ ихъ содержанія. Правъ ли послѣ этого Гастонъ Парисъ, считавшій возможнымъ признать и за ними народные оригиналы, переработанные наравнѣ съ пастушескимъ contrasto?

Кое-гдѣ привычные пѣсенные пріемы измѣнили традиціонный обликъ пастурели (ср. сб. Г. Париса I, II, III), но переработка коснулась только формы, внѣшней организаціи, въ которую внесены были типическія для народной пѣсни черты отрывочности, полудосказанности, неустойчивости точки зрѣнія, съ которой передается содержаніе пьесы и т. п. Самымъ яркимъ признакомъ вульгаризаціи этой формы нужно признать несомнѣнно обращеніе ея въ женскую пѣсню. Еще въ сборникѣ Г. Париса всѣ пастурели сложены съ точки зрѣнія героя. Пьесы Haupt'а,— всѣ безъ исключенія женскія пѣсни; въ сборникахъ Bujeaud и Rolland чередують формы изложенія объективная [146]) съ женской [147]) и мужской [148]), но женвская преобладаетъ. — Въ Германіи пастурель мало популярная въ эпоху ея расцвѣта во Франціи, среди пѣвцовъ рыцарства, почти неизвѣстна въ народѣ; во Франціи она демократизовалась, если не въ составѣ своемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ предметъ литературнаго обмѣна. При всемъ томъ, мы были бы, однако, далеки отъ мысли утверждать категорически на основаніи

---

[142]) Rolland IIIa и IIId.

[143]) ibd., IIIc.

[144]) Сб. Париса, II, IV, LX; Haupt, стр. 110.

[145]) Rolland LXIa и b; сб. Париса, L.

[146]) Bujeaud I, стр. 254—255, 266—267; Rolland, Xb, LXI, IIIc и d.

[147]) Bujeaud, I, стр. 109—110, 309—310, II 311—312, 313; Rolland, IIIa и b CXXI.

[148]) Bujeaud, I, стр. 209—215; Rolland, XCIII.

приведенныхъ фактовъ, что за пастурелью не стоитъ никакой народной схемы, что она искуственный во всѣхъ отношеніяхъ литературный продуктъ, какъ это дѣлаетъ Е. В. Аничковъ [149]). Записи народной пѣсни слишкомъ поздни для того, чтобы можно было строить на нихъ широкія обобщенія. Да и вызваны они, конечно, прежде всего литературными, эстетическими запросами: слѣд. полународность сборника Г. Париса столько же въ его составѣ, сколько, очень возможно, и въ качествѣ записи; припомнимъ народныя пѣсни эпохи Макферсона и романтиковъ. Все это требуетъ большой осторожности въ оцѣнкѣ матерьяла, выдаваемаго и принимаемаго за народный.— Не объясняется ли популярность пастурели во французской народной поэзіи тѣмъ, что почва была подготовлена аналогичными мотивами, т. е. въ пору, недоступную нашему анализу, обѣ пѣсенныя схемы стояли рядомъ.

Предполагая существованіе народнаго прототипа пастурели во Франціи мы опираемся прежде всего на распространенность въ Европѣ того обряда сватоства, который отражается въ указанныхъ выше пѣсняхъ. Правда, на существованіе подобнаго обряда во Франціи нѣтъ прямыхъ указаній, но его можно предположить рядомъ съ многочисленными свадебными обрядами, представляющими собой переживаніе насильственнаго увоза жены [150]). Помимо обряда важно существованіе въ этой части Романіи множества образовъ отражающихъ въ себѣ древнія брачныя отношенія, образовъ, которыя извѣстны не только всюду въ Европѣ, но и далеко за предѣлами ея. Растительные, цвѣточные символы преобладаютъ, что̀ объясняется отчасти бытовыми условіями, отчасти вліяніемъ средневѣковой поэзіи на народную. Но съ ними чередуются и такіе, которые стоятъ ближе къ образамъ нашей гипотетической пастурели. Садъ садить, жать, полоть, ломать цвѣты, розу, сучья—безконечной вереницей тянутся черезъ пѣсни и игровыя дѣйства Франціи, Германіи и т. д., въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ. Встрѣча молодца съ дѣвушкой на лугу въ тотъ моментъ, когда она ломаетъ розу, въ лѣсу, когда она собираетъ вѣтки, въ саду,—популярны по обѣ стороны Рейна не

---

[149]) Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, I, (Спб. 1904), стр. 12 сл., особ. 14.

[150]) См. Reinsberg—Düringsfeld, o. c., стр. 245 сл.; Laisnel de la Sale, Le Berry. Moeurs et coutumes въ Les littér. pop. de toutes les nations, т. XLIV (Парижъ, 1902), стр. 54 сл. Ср. также пѣсню у Rolland, I LXI.

менѣе, чѣмъ въ Великороссіи или вост. Финляндіи. Схему нѣм. пѣсни Die schöne Holzlerin [151]) мы видимъ въ лат.-нѣм. пьесѣ Carmina Burana [152]). Съ французскими chansons à personnages, въ которыхъ поэтъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ дамой pres d'un vergier (I 49), en un jardin (I 64), de joste un vergier (I 68) и др. могутъ быть сопоставлены, если не французскія же пьесы вродѣ En allant au bois [153]), ибо можно спорить о ихъ народномъ происхожденіи [154]), или нѣмецкія пѣсни о розовомъ саду и встрѣчѣ въ лѣсу [155]), то по крайней мѣрѣ великорусскія о дѣвушкѣ, которая въ саду крапиву жнетъ, цвѣты собираетъ, грушу ломаетъ и т. п. [156]). Обстановка французскихъ chansons à personnages постоянная, такъ какъ передъ нами символъ обратившійся въ формулу; это не изобрѣтенная жонглёрами рамка для contrasto. Послѣднее могло быть въ предѣлахъ даннаго мотива сопутствующей формой, другой стороной „объективной", выражаясь французскимъ терминомъ пѣсни, если предположить (что вполнѣ вѣроятно) существованіе рядомъ съ послѣдней тождественной съ ней по содержанію игры. Слабое развитіе діалога, сказывающееся подчасъ въ чисто формальномъ присутствіи поэта, почти перестающимъ быть героемъ описываемаго, объясняется не тѣмъ, что схема эта вышла изъ монолога, къ которому искусственно приращивали потомъ, какъ думалъ Г. Парисъ разныя детали, но 1) тѣмъ что данная пѣсенная форма была далеко не такъ популярна какъ пастурель, и 2) одностороннимъ увлеченіемъ maumariée съ ея естественнымъ послѣдствіемъ тяготѣніемъ къ ламентаціи, т.-е. монологу. Въ цитированныхъ русскихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, но иногда описывается и ухаживаніе за замужней. Это приводило къ мотиву о несчастномъ бракѣ, популярному въ народной поэзіи, далеко за предѣлами Франціи, какъ на то справедливо указалъ Г. Парису Cesareo [157]). Изолированная народ-

---

151) Erk-Böhme, I 73.

152) C. B. 145 (p. 216). Ср. финскія пѣсни объ Айно и ихъ эстонскія параллели (Kallas, o. c.).

153) Bujeaud, I, стр. 244—246, вар. ibd., стр. 248—251, 251—253; E. de Beaurepaire, Etudes sur la poésie pop. en Normandie, (1856): Chanson de l'oranger Tiersot, o. c., стр. 46, 52—53; сборникъ Париса, № LXXXI.

154) Ср. Bujeaud, II, стр. 171—173; сл., впрочемъ, I стр. 57, Rolland, I LXI и II стр. 98 сл., I CXII.

155) Erk-Böhme, I 68a и II 57; ср. I 70, 121, 141, II 40, 443, 444 и др.

156) Соболевскій, IV 281—284.

157) Origini della poesia lirica, стр. 64 и сл.

но-пѣсенная ситуація могла легко обобщиться въ средѣ, въ которой культъ дамы являлся протестомъ чувства противъ замыкавшей его дѣловой или необходимой сдѣлки.

Мы отошли нѣсколько отъ нашей прямой задачи, хотя, въ сущности, отмѣченная связь образовъ смоглабыть гораздо шире. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣмецкой поэзіи хорошо знакомъ образъ оленя, топчущаго садъ [158]); французы поютъ о королевскомъ сынѣ, убившемъ утку дѣвушки [159]); въ другой пѣснѣ молодецъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ застрѣлилъ жаворонка, чтобы изъ перьевъ его сдѣлать подушку себѣ и своей Jeannette [160]). Я не говорю уже объ образахъ сокола, голубя. Наконецъ и мотивъ выхода изъ затруднительнаго положенія съ помощью человѣка, который въ награду требуетъ любви отлично знакомъ французской народной пѣснѣ [161]).

Нѣтъ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, достаточныхъ основаній отрицать существованіе на почвѣ Франціи тѣхъ пѣсенныхъ схемъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ развились въ художественную форму пастурели. Всѣ необходимыя для нея матерьялы могли быть собраны и обработаны затѣмъ жонглёрами, тѣмъ болѣе что обрядовое значеніе мотива обезпечивало, въ извѣстной мѣрѣ, его сохранность; рядомъ съ лирической формой въ самой рыцарской средѣ могла еще исполняться отвѣчающая ей игра, которую есть полное основаніе предполагать при условіи обрядоваго толкованія пѣсенной схемы.

В. Шишмаревъ.

---

158) In meinem Garten geht ein Hirsch, Tritt nieder alle Blüthen; см. Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 12.

159) Bujeaud, I стр. 134, вар. стр. 135; ср. Haupt, стр. 41; Rolland, I cxxvi, II стр. 147.

160) Bujeaud, I, стр. 139.

161) Ср. Rolland, I xliv, l; II, стр. 95 сл.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

(Окончаніе).

Г. Большаковъ, приведя первую, помѣщенную выше цитату изъ моей работы, спѣшилъ увѣрить меня, „что сельское общество, *какъ таковое*, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ земельными угодьями"... Но если бы г. Большаковъ внимательнѣе отнесся къ цитатѣ (и вообще ко всей моей работѣ), то онъ, конечно бы, увидѣлъ, что я говорилъ въ ней о сельскомъ обществѣ не какъ „о таковомъ", а имѣлъ въ виду, такъ сказать, „общество" генеральнаго межеванія, получившее дачу и документы на нее. Въ этомъ смыслѣ я могъ, конечно, безъ большого риска говорить, что „право распорядковъ луговыми землями сельскія общества стараются удержать за собой"; и это, конечно, не значитъ, что я „навязываю" сельскимъ обществамъ, „этимъ административнымъ органамъ", роль въ выработкѣ хозяйственныхъ общинъ,—какъ предполагалъ г. Большаковъ. „Сельское общество" здѣсь то же, что „составная сѣнокосная община", стремящаяся разверстать сѣнокосныя угодья возможно равномѣрно и справедливо между всѣми хозяйствами всѣхъ селеній общины, почему она обычно гонитъ, скажемъ, хозяевъ дер. Ивановки на покосы за 10 верстъ, хотя бы таковые и были расположены у Ивановцевъ, что называется, подъ бокомъ,—гонитъ потому, что „подъ бокомъ" покосовъ потомъ ни у кого изъ селеній общины нѣтъ.

Затѣмъ, болѣе вдумчивое отношеніе къ моей работѣ въ этой части, можетъ быть, помогло бы г. Большакову понять, что̀ я разумѣю подъ терминами „земельная община", „хозяйственная община" и „земельно-хозяйственная община". Онъ увидѣлъ бы, можетъ быть, что при данномъ положеніи дѣла эти понятія совершенно равнозначущи, будучи противопоставленіемъ лишь чисто административнымъ функціямъ сельскаго общества. Но г. Боль-

шаковъ не видѣлъ всего этого. Вотъ почему я пожалѣлъ выше, что рукопись моей работы не побывала въ моемъ просмотрѣ до отпечатанія ея въ „Итогахъ...“ Можетъ быть мнѣ удалось бы тогда внести въ работу такія дополненія и поясненія, что и г. Большакову пришлось бы понять, что̀ я хочу сказать“...

Но что всего неизвинительнѣе для г. Большакова, это—его обращеніе съ „фактами“ и „примѣрами“ для „иллюстраціи“ своихъ „положеній“. Здѣсь уже прямо сказывается какое-то упорное нежеланіе понять и видѣть эти „факты“, какъ они есть. А, между тѣмъ, „факты“ эти, какъ мнѣ хорошо извѣстно, входили въ районъ „непосредственныхъ наблюденій“ автора.

Приведу нѣсколько примѣровъ, въ интересахъ которыхъ я подчеркивалъ выше цитаты изъ статьи г. Большакова.

Полемизируя противъ моего будто бы предположенія о присвоеніи сельскимъ обществамъ, „какъ таковымъ“, права распорядковъ надъ земельными угодьями, г. Большаковъ утверждалъ, что если это иногда бываетъ (т. е., если сельское общество распоряжается землей), то „оно дѣйствуетъ здѣсь какъ составная община, случайно съ нимъ совпавшая“; что, „анализируя ходъ и причины образованія составныхъ общинъ“, онъ показалъ, какъ онѣ формируются; и что „онѣ иногда бываютъ менѣе общества, иногда болѣе“... Затѣмъ г. Большаковъ приводитъ „примѣръ“ Пожегодской составной сѣнокосной общины, „въ которую входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и д.д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества“—и заключаетъ: „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ“.

Особо эффектенъ этотъ примѣръ „Пожегодской составной общины“ послѣ „анализа хода и причинъ образованія составныхъ общинъ“!

Если бы г. Большаковъ не такъ увлекался своимъ „анализомъ“, то вѣроятно увидѣлъ бы, что Пожегодская составная община есть ни что иное, какъ *община генеральной дачи*, нарѣзанной на бывшую тогда (при межеваніи) „Пожегодскую волость“; что она по сіе время цѣликомъ охватываетъ *всѣ селенія этой дачи*, хотя два изъ нихъ — входящія въ дачу, — въ 60-хъ годахъ, по соображеніямъ административнаго свойства, были причислены въ составъ болѣе близкаго къ нимъ, Помоздинскаго сельскаго общества; что не будь этого случайнаго по отношенію къ общинной жизни перехода названныхъ селеній, мы имѣли бы здѣсь типъ той общины, въ которой *„сельское*

общество, генеральная дача и хозяйственная единица совершенно совпадають другъ съ другомъ"; теперь же такое совпаденіе наблюдается лишь между двумя послѣдними понятіями, т. е. генеральной дачей и составной общиной, ибо сельское общество, какъ мы сказали, по причинамъ стороннимъ для общинной жизни, измѣнилось въ своемъ составѣ.

Или, можетъ быть, г. Большаковъ предполагаетъ, что его „анализъ хода и причинъ образованія составныхъ общинъ" объясняетъ принадлежность с.с. Скородумскаго и Кырныша къ Пожегодской общинѣ, не смотря на то, что селенія эти находятся отъ *средоточія общиннаго управленія — первое въ 21, а второе въ 17 верстахъ?*

Не думаемъ, чтобы и самъ г. Большаковъ вѣрилъ въ притягательную силу раскрытыхъ имъ „причинъ" на такомъ разстояніи, вѣрилъ и въ такую всеобъемлемость своего „анализа". Проще, намъ думается, предположить, что г. Большаковъ дѣлалъ свой „анализъ", не считаясь съ анализируемыми „элементами" и не зная ихъ, какъ слѣдуетъ, почему самъ себя побилъ своимъ „примѣромъ" и свелъ результаты „анализа" къ нулю... [1]).

Потомъ, г. Большаковъ, какъ мы видѣли, прибавилъ, что „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ".

Что онъ этимъ хочетъ сказать? Если то, что „составныя общины иногда бываютъ менѣе сельскаго общества, иногда — болѣе", — то дѣйствительно *такихъ* примѣровъ можно привести „не одинъ". (Хотя, надо сказать, и не очень ужъ много: они встрѣчаются лишь въ тѣхъ 8 обществахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали выше, общинные порядки наиболѣе развиты). Но если разумѣть подъ „примѣрами" такіе факты, когда дача генеральнаго межеванія и хозяйственная единица совпадаютъ другъ съ другомъ, а сельское общество, будучи по административнымъ соображеніямъ измѣнено въ своемъ составѣ, уже не соотвѣтствуетъ имъ, — то такихъ примѣровъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, наберется не много: ихъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ всего два-три.

Или вотъ еще „иллюстрація" г. Большакова. Приводя мои слова — „также Шиловское и Уркинское общества, передѣлив-

---

[1]) А, вѣдь, Пожегодская община должна быть наиболѣе хорошо извѣстна г. Большакову. Онъ лично тамъ былъ и работалъ, а на стр. 90—91 своей брошюры приводитъ даже краткую исторію борьбы между селеніями этой общины на почвѣ земельныхъ отношеній.

шія землю по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы"...—г. Большаковъ, между прочимъ, спрашиваетъ: „какая хозяйственная связь до 1900 года могла существовать между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?" Какой смыслъ можно вложить въ этомъ случаѣ въ понятіе „хозяйственная община", относимое къ Шиловскому обществу?

Sit venia verbo,—меня прямо оторопь беретъ отъ этихъ вопросовъ г. Большакова,—до того они, такъ сказать, далеки отъ существующаго положенія вещей въ Шиловскомъ обществѣ, которое беретъ для своей „иллюстраціи" авторъ.

А, вѣдь, г. Большаковъ долженъ хорошо знать и это общество: онъ тоже здѣсь былъ лично, работалъ, а на стр. 68—69 своей работы пишетъ слѣдующее:

„Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ (выше излагался пресловутый „анализъ"... В. П.) образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общины Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется позагонно"...

„Подеревенская разверстка въ результатѣ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій". (Слѣдуетъ примѣрная таблица о количествѣ пашни на душу по отдѣльнымъ деревнямъ. В. П.).

„Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло держаться, и въ 1900—1901 году постановлено раздѣлить пахотныя и сѣнокосныя (?) угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости [1]). Но уже при перемѣркѣ земель выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой, отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и, какъ видно изъ дополнительнаго приговора Шиловскаго

---

[1]) Относительно *сѣнокосныхъ* угодій утвержденіе автора совершенно не вѣрно (я отношу это къ опискѣ). Угодья эти никогда въ распоряженіи отдѣльныхъ селеній и третей не бывали. Ниже объ этомъ я еще буду говорить. В. П.

волостного схода, крестьяне избрали средній путь: они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями" и произвели уравненіе внутри каждой трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней". (Слѣдуетъ опять примѣрная таблица. В. П.).

„Группы селеній, или „жила", преобразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составныя полныя общины. *Бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной*" (курсивъ мой. В. П.).

Присмотримся поближе къ приведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ г. Большакова.

Прежде всего необходимо установить здѣсь твердо такое положеніе: *сѣнокосныя* земли Шиловскаго общества *никогда* не бывали въ отдѣльномъ распоряженіи и владѣніи ни селеній, ни третей (что я и отмѣтилъ выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, объясняя упоминаніе авторомъ „сѣнокосныхъ" угодій,—которыя будто бы тоже рѣшено въ 1900 году дѣлить безъ „отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ",—опиской). Угодья эти и прежде разверстывались и теперь разверстываются en masse, цѣликомъ, всѣмъ обществомъ-общиной прямо между отдѣльными хозяйствами, а не между деревнями или третями. Такимъ образомъ здѣсь мы опять встрѣчаемъ „составную сѣнокосную единицу", *вполнѣ совпадающую*, съ одной стороны, съ сельскимъ обществомъ (и даже съ волостью), а съ другой,—дачей генеральнаго межеванія. Значитъ, рѣшенія о томъ или иномъ порядкѣ раздѣла земель касались только пахотныхъ угодій (что, впрочемъ, явствуетъ и изъ цитаты приговора Шиловскаго схода, приводимой самимъ г. Большаковымъ: „*пахотную* землю изъ деревни въ деревню не переводить"... и т. д.).

Итакъ, что же мы видимъ?

Въ 1884 году „Шиловскій волостной сходъ" [1]) находилъ нужнымъ *при общемъ передѣлѣ земель* „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить" и дѣлить въ деревнѣ ту, какая оказывалась тогда въ ея пользованіи. Въ 1900 году тотъ же сходъ находитъ нужнымъ измѣнить этотъ порядокъ и постановляетъ дѣлить „пахотныя земли безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ" (т. е. такъ же, какъ дѣлятся сѣнокосы). Это рѣшеніе при проведеніи на практикѣ оказалось малоудоб-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, конечно, не „волостной", а *сельскій* сходъ, ибо Шиловская волость состоитъ изъ одного общества.

нымъ, и сходъ вновь постановляетъ: межъ-хозяйственное уравненіе пахотныхъ земель произвести по третямъ, на которыя дѣлится общество-община [1]). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ право разверстки *сѣнокосныхъ* угодій ни разу не затрагивается; оно оставалось и остается цѣликомъ за обществомъ-общиной.

И вотъ, г. Большаковъ спрашиваетъ: какая „хозяйственная“ связь могла существовать между селеніями Шиловскаго общества до 1900 года? Какое понятіе можно вложить въ выраженіе, что „Шиловское общество представляетъ изъ себя цѣликомъ одну хозяйственную общину?“

Неужели г. Большаковъ самъ не въ состояніи видѣть эту „связь“ и понять выраженіе: „Шиловское сельское общество = одной хозяйственной общинѣ?“ Неужели онъ не видитъ, что всѣ эти перемѣны и порядки—„земли изъ деревни въ деревню не переводить“, „земли дѣлить безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ“, „земли дѣлить по третямъ“—установляетъ и санкціонируетъ Шиловскій общественный (общинный—тожъ) сходъ?

Не будетъ ли, наконецъ, все это яснѣй для г. Большакова, если я укажу, что рѣшеніе Шиловскаго схода, состоявшееся въ 1901 году, объ уравненіи пахотныхъ земель *внутри третей съ переводомъ ихъ изъ деревни въ деревню*, не есть что-нибудь новое. Съ 1870 по 1884 годъ (когда шиловцы рѣшили „пахотныя земли изъ деревни въ деревню не переводить“) существовалъ именно тотъ порядокъ, который они вздумали повторить при передѣлѣ въ 1900—901 году. Въ 1870 году Шиловское общество впервые оффиціально разбилось на „трети“ и уравняло пахотныя земли внутри этихъ третей, переводя ихъ (т. е. земли) изъ деревни въ деревню...

Что, наконецъ, скажетъ г. Большаковъ, если Шиловскому сходу при слѣдующемъ передѣлѣ опять вздумается постановить, чтобы земли „изъ деревни въ деревню не переводить?“ А, вѣдь, это вполнѣ возможно, ибо никакихъ—ни юридическаго, ни земельно-бытоваго характера препятствій для этого пока не имѣется.

Но я думаю, что и тогда г. Большаковъ „не пойметъ“ хозяйственной связи между селеніями Шиловскаго общества и

[1]) Это подраздѣленіе Шиловскаго общества-общины на трети соотвѣтствуетъ географическому положенію селеній, составляющихъ какъ бы три отдѣльныя компактныя группы, и существовало уже издавна, а не создано въ „1900 году“, какъ это полагаетъ г. Большаковъ. Объ этихъ „третяхъ“ мнѣ еще придется сказать два-три слова.

содержанія понятія „Шиловская хозяйственная община“ и такъ же будетъ задавать свои вопросы. Ему, вѣдь, рѣшеніе Шиловскаго схода 1901 года объ уравненіи земли по третямъ важно, какъ признакъ того, когда „группы селеній преобразуются въ составныя полныя общины“, когда „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной“ [1]). Онъ, вѣдь, и описывалъ земельные порядки въ Шиловскомъ обществѣ спеціально для „иллюстраціи“ своего „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“, а анализъ этотъ, очевидно, требовалъ видѣть въ земельно-хозяйственной жизни упомянутаго общества не то, что есть въ дѣйствительности, а нѣчто другое, могущее служить примѣромъ, иллюстраціей [2]).

---

[1]) См. подчеркнутый мною выше конецъ послѣдней цитаты изъ г. Большакова.

[2]) Я былъ бы неправъ, если бы не упомянулъ объ одномъ, по существу правильномъ и дѣльномъ замѣчаніи г. Бол—ва по поводу моей статьи. Замѣчаніе это вызвано тѣмъ, что я, перечисляя сельскія общества „представляющія изъ себя одну земельно-хозяйственную единицу“, включилъ въ число ихъ, *безъ всякихъ оговорокъ*, Кочергинское и Верхолузское общества. Г. Бол—въ на стр. 72—73 своей брошюры справедливо указалъ на довольно пеструю картину юридическихъ правъ на землю въ этихъ обществахъ, связанную съ существованіемъ въ нихъ массы мелкихъ починковъ, заброшенныхъ на десятки верстъ другъ отъ друга, а потому не имѣющихъ между собой никакой связи на земельно-хозяйственной почвѣ. Оговорить все это я, конечно, былъ обязанъ. Но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что—какъ я уже говорилъ—отпечатана моя работа съ рукописи, не бывшей въ моемъ разсмотрѣніи; во-вторыхъ, что положеніе мое относительно коренныхъ селеній („жила“) упомянутыхъ обществъ, на которыя были выданы документы генеральнаго межеванія, все же остается правильнымъ,—принимая, я говорю, все это во вниманіе, можно считать допущенный мною пробѣлъ не за слишкомъ важную „ошибку“.

Кстати, долженъ упомянуть еще вотъ о чемъ: г. Бол—въ, указывая на эти общества, говоритъ, что „достаточно для иллюстраціи привести одинъ примѣръ“ (т. е. примѣръ этихъ обществъ), и нѣсколько ниже продолжаетъ ...„почти всѣ общества имѣютъ, если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ“. Здѣсь г. Бол—въ опять, по своему обыкновенію идетъ мимо дѣйствительности: „примѣръ“ этихъ обществъ на самомъ дѣлѣ совершенно таки единственный. Больше у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда обществъ съ такимъ пестрымъ составомъ землевладѣнія нѣтъ. Въ данномъ же случаѣ созданію пестроты правъ на землю способствовали особыя (мѣстныя) причины, на которыя отчасти указалъ самъ г. Бол—въ въ двухъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту своихъ разсужденій. (См. 72 стр. его брошюры).

Было бы, можетъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ поучительно нѣсколько ближе разобраться въ этомъ „анализѣ причинъ и хода образованія составныхъ общинъ", — каковой анализъ г. Большаковъ, очевидно, ставитъ себѣ въ особую заслугу... Но моя замѣтка уже и безъ того растянулась, и, кромѣ того, теперь — послѣ всего сказаннаго — я совершенно не вижу какой-либо необходимости входить въ разборъ не соотвѣтствующихъ дѣйствительности теоретическихъ построеній г. Большакова. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Изъ приведенныхъ выше (послѣ разсужденій о Шиловскомъ обществѣ) заключительныхъ словъ г. Большакова, что „такимъ образомъ жила преобразовываются въ полныя составныя общины", а „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной", — можно заключить, что г. Большаковъ за Шиловской составной общиной не хочетъ признавать „земельнаго" значенія вплоть до 1900—901 года и видитъ въ ней до этого времени какую-то только „бытовую-административную общину".

Послѣдній довольно таки загадочный терминъ употребленъ г. Большаковымъ здѣсь въ первый разъ, и насколько можно догадываться изъ всего содержанія его статьи, — онъ вкладываетъ въ него понятіе недостаточно развитыхъ и не сполна выраженныхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, присущихъ менѣе подвижнымъ формамъ послѣдняго, — каковыя формы, какъ мы видѣли выше, пока наиболѣе характерны для земельно-хозяйственной жизни зырянъ Устьсысольскаго уѣзда.

Было бы излишне спорить съ г. Большаковымъ по этому поводу и доказывать, что землевладѣніе по дробнымъ частямъ ревизской души, въ той или иной мѣрѣ всегда примѣняется къ наличному составу семей, какъ равно землевладѣніе Шиловскаго и Пожегодскаго обществъ [1]) въ ихъ цѣломъ есть именно *общинныя землевладѣнія* какъ по духу, принципу, такъ и по установленію порядковъ его и по тенденціи этихъ порядковъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Тенденція же эта выражается въ двухъ ясно обозначившихся направленіяхъ: во-первыхъ, въ желаніи достигнуть наиболѣе справедливаго способа землераспредѣленія по отдѣльнымъ хозяйствамъ, каковой способъ въ концѣ концовъ находитъ свое вы-

[1]) Упоминаю только объ этихъ обществахъ-общинахъ, конечно, лишь для примѣра, какъ уже нѣсколько извѣстныхъ намъ.

раженіе въ разверсткѣ земли по ѣдокамъ,—и, во-вторыхъ, въ стремленіи, такъ сказать, обособиться, разбиться на болѣе мелкія и компактныя хозяйственныя единицы, чтобы такимъ образомъ избѣжать громоздкой возни по землевладѣнію цѣлыми обществами-общинами, состоящими обычно изъ такихъ селеній, которыя иногда удалены другъ отъ друга на десятокъ и болѣе верстъ.

По имѣющимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, развитіе общинно-земельной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда неуклонно и прежде шло, и теперь идетъ въ обоихъ сейчасъ указанныхъ направленіяхъ, и—кстати сказать—оно шло бы несомнѣнно быстрѣе, если бы дѣло не осложнялось вопросомъ о сѣнокосныхъ угодьяхъ, которыя, въ виду особой своей хозяйственной цѣнности и по условіямъ расположенія относительно селеній, трудно поддаются такому разверстанію между отдѣльными, стремящимися обособиться частями сложныхъ общинъ, которое бы удовлетворило всѣ эти части—будущія болѣе мелкія общины. Но не смотря на все это—какъ я уже сказалъ, эволюція земельно-общинной жизни совершается безостановочно, выражаясь, какъ въ улучшеніи способовъ землераспредѣленія между отдѣльными дворами, такъ и въ распаденіи крупныхъ общинъ на болѣе мелкія. Приведенное выше раздѣленіе Шиловской общины на „трети" есть, конечно, одинъ изъ такихъ примѣровъ распада, дающаго то удобство, что въ настоящее время передѣлы и разверстки пахотныхъ земель могутъ происходить самостоятельно внутри каждой изъ этихъ третей, не считаясь съ порядками, существующими въ другихъ третяхъ.

Наиболѣе лучшій и полный примѣръ эволюціи земельно-общинной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда даетъ, по моему мнѣнію, Вотчинское общество, имѣющее свой отдѣльный (групповый) планъ генеральнаго межеванія. Въ концѣ 60-хъ годовъ это общество разбилось на три хозяйственныя общины, при чемъ, въ виду особо благопріятныхъ условій расположенія сельско-хозяйственныхъ угодій относительно существующихъ селеній, удалось раздѣлить по вновь образованнымъ общинамъ не только пахотныя, но и сѣнокосныя земли. При этомъ, въ одну общину вошло 8 селеній, въ другую 3 и въ третью одно (самое большое въ обществѣ). Затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ первыя восемь селеній раздѣлились еще на 2 вполнѣ самостоятельная общины; а въ половинѣ 80-хъ годовъ возникла упорная борьба на почвѣ выдѣленія въ особую общину одного изъ трехъ селеній второй общины. Борьба эта въ концѣ концовъ

(въ 90-хъ годахъ) завершилась тѣмъ, что всѣ три селенія образовали особыя *пахотныя* общины, хотя и связанныя общностью владѣнія *сѣнокосными* угодьями, но съ сильно выраженнымъ стремленіемъ обособиться и этими послѣдними. (Нашло ли это стремленіе свое осуществленіе—я, къ сожалѣнію, сейчасъ подъ руками свѣдѣній не имѣю).

Такимъ образомъ, съ конца 60-хъ годовъ изъ одной сложной общины, совпадавшей съ сельскимъ обществомъ и съ дачей генеральнаго межеванія, образовалось шесть вполнѣ сформировавшихся земельно-хозяйственныхъ общинъ, съ предусмотрѣнными сроками коренныхъ предѣловъ и съ землераспредѣдѣленіемъ по ѣдокамъ.

Послѣ сейчасъ высказаннаго, мнѣ думается, нѣтъ нужды ни спорить съ г. Большаковымъ, ни указывать на фактическую неправильность его утвержденія, что „онъ не знаетъ ни одного случая распаденія составной общины" и что „наоборотъ— соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе" [1]).

Распаденіе составныхъ общинъ—какъ мы уже это видѣли— представляетъ изъ себя одно изъ естественныхъ звеньевъ эволюціи земельно-общинной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда, а соединеніе простыхъ общинъ въ составную явленіе совершенно несвойственное зырянскому землевладѣнію,—если только не считать за „соединеніе" такіе случаи (возможные, но мнѣ совершенно не извѣстные), когда, скажемъ, нѣсколько дворовъ, образовавшихъ новый починокъ не вдалекѣ отъ своего селенія-метрополіи, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе расширенія площади хозяйственныхъ угодій, опять сливаются этими послѣдними со своимъ селеніемъ, обобщаясь при этомъ и земельными угодьями. Насколько можно судить по соображеніямъ, высказаннымъ г. Большаковымъ на стр. 63—64 своей брошюры, онъ именно подобные случаи и имѣетъ въ виду, говоря о „заурядности" соединенія простыхъ общинъ въ составную. Но мы рѣшительно повторяемъ, что хотя подобные случаи и возможны, но могутъ быть крайне рѣдкими. Описанное же г. Большаковымъ сліяніе пахотными угодьями самостоятельныхъ такъ сказать селеній *никогда* само по себѣ не ведетъ къ соединенію въ одну пахотную общину. Такіе примѣры теперь не наблюдаются да по существу они и не возможны. Нѣчто подобное могло на-

---

[1]) Эти положенія г. Большакова я подчеркивалъ въ первой своей цитатѣ изъ его брошюры.

блюдаться только въ стародавнія времена, въ эпоху образованія крупныхъ (иногда до 300 и бол. дворовъ) зырянскихъ поселеній изъ отдѣльныхъ посемейныхъ выселковъ. Впрочемъ, дальше, на стр. 75 и сл., г. Большаковъ самъ разбиваетъ свое положеніе о „соединеніи простыхъ общинъ". Хотя здѣсь онъ какъ будто говоритъ „въ будущемъ времени" и видитъ теперь лишь „зачатки" разложенія составной общины, но на это даетъ ему возможность исключительно неправильное освѣщеніе фактической стороны земельно-хозяйственной жизни.

Я далеко не могъ исчерпать въ этой краткой замѣткѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, положеній и выводовъ г. Большакова, которые или прямо неправильны, или возбуждаютъ крупное сомнѣніе. Но онъ въ заключеніи рекомендуетъ „заглянуть" въ свою работу „тѣмъ лицамъ, на долю которыхъ выпадаетъ поземельное устройство зырянъ" и при этомъ высказываетъ въ своемъ резюме,— „что должно имѣть въ виду этимъ дѣятелямъ"...

Ничего конечно не имѣя противъ того, чтобы „заглянуть" въ работу г. Большакова, и даже рекомендуя это сдѣлать непремѣнно, я, однако, долженъ повторить къ свѣдѣнію будущихъ дѣятелей поземельнаго устройства зырянъ, что „заглядывать" въ работу г. Большакова слѣдуетъ непремѣнно съ острымъ критическимъ скальпелемъ въ рукахъ.

В. Ф. Поповъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

(*Продолженіе*).

Донесеніе о торговлѣ.

Въ донесеніи вашему сіятельству отъ 11 прошлаго февраля, изложивъ подробности, относящіяся собственно до путешествія моего въ западные города Китая, Чугучакъ и Кульджу, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія и наблюденія мои по части торговли, производимой чрезъ Семипалатинскъ [1]) съ западными областями Китая.

Нужнымъ считаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, дабы дать яснѣйшее понятіе о сей торговлѣ, нынѣшнемъ ея состояніи и основаніяхъ, на коихъ она производится. Свѣдѣнія сіи тѣмъ необходимѣе, что объ образѣ производства ея существуютъ довольно сбивчивыя понятія и она въ подробности еще не была изслѣдована.

Взглядъ на прежнее состояніе сей торговли. Не входя здѣсь въ историческія розысканія о началѣ торговыхъ нашихъ сношеній съ западными владѣніями Китая, не распространяясь о предметѣ, который далеко бы отвлекъ отъ главныхъ и существенныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, я долгомъ поставляю только изъяснить, что торговля наша съ мѣстами, гдѣ нынѣ Чугучакъ и Кульджа, т. е. съ бывшею Джунгаріею, или Зюнгоріею, и городами Восточнаго Туркестана производилась издавна: караваны наши еще въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія ходили въ такъ называемую Калмыцкую Ургу (мѣстопребываніе Джунгарскихъ контайшей, или владѣльцевъ), гдѣ была довольно

[1]) Подъ Западными областями Китая разумѣются здѣсь: *Илійская область* (бывшая Джунгарія), въ коей находятся города́: Чугучакъ, Кульджа, Урумджи, Баркюль, Ха́ми и проч., и *Кашкарія*, или Восточный Туркестанъ, гдѣ главные города́ суть: Кашгаръ, Яркентъ, Аксу, Хотенъ и другіе.

значительная по тогдашнему времени мѣна товаровъ. Купцы проникли даже въ Урумджи, одинъ изъ богатыхъ городовъ нынѣшней Илійской области, лежащій ближе къ внутреннимъ Китайскимъ провинціямъ. Къ намъ также приходили тогда караваны изъ Зюнгоріи, и главный торгъ ихъ былъ въ крѣпостяхъ Ямышевской и Семипалатной. Но, по завоеваніи сей страны китайцами, чтó послѣдовало въ 1755 году, торговля эта совершенно прекратилась: изъ указа 1762 года видно, что за неприходомъ болѣе каравановъ изъ Зюнгоріи велѣно было даже распустить всѣхъ таможенныхъ служителей въ таможняхъ Семипалатинской и Ямышевской [1]).

Въ послѣдствіи времени, и по основаніи уже китайцами, на новыхъ западныхъ предѣлахъ ихъ, городовъ Кульджи (Или) и Чугучака (Тарбагатая), торговля опять стала возникать, но уже въ другихъ видахъ и, такъ сказать, *тайная*. — Поелику никакими трактатами Россіи съ Китаемъ не было установлено торговли въ помянутыхъ мѣстахъ, и какъ съ другой стороны мѣновой въ нихъ торгъ свободно былъ разрѣшенъ киргизамъ,— то купцы (бóльшею частію азіятцы, у насъ проживавшіе) прибѣгнули къ посредничеству киргизовъ и султановъ ихъ и чрезъ нихъ проложили себѣ первую дорогу въ западные китайскіе города. Они для этого брали письма отъ помянутыхъ султановъ къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ (къ чугучакскому амбаню и къ кульджинскому джанджуну, или главнокомандующему); брали также нѣкоторые къ нимъ подарки, состоявшіе обыкновенно въ лошадяхъ, и отъ имени султановъ, *и какъ бы съ ихъ товарами*, являлись уже въ Чугучакъ и Кульджу и производили тамъ торгъ свой. Но потомъ торговля въ Западномъ Китаѣ разрѣшена была и аньджанамъ (хокандцамъ и ташкентцамъ), и обычай брать письма мало по малу отмѣнился, или сдѣлался одною пустою формою. Когда именно разрѣшена была со стороны китайскаго правительства торговля ташкентцамъ и хокандцамъ, съ точностію неизвѣстно; но достовѣрно, что она имъ позволена.

Нынѣшнее состояніе торговли съ Западнымъ Китаемъ. Первые обороты наши съ западомъ Китая, какъ и естественно, были весьма слабые: русскіе купцы вóвсе почти въ оныхъ не участвовали, кромѣ татаръ и ташкентцевъ. Главнѣйшая торговля производилась киргизскимъ скотомъ, вымѣниваемымъ купцами отъ киргизовъ и потомъ сбываемымъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ на дáбы,

---

[1]) Объ этомъ упоминается въ Историческомъ описаніи Россійской коммерціи Чулкова, Т. III, Кн. II, стр. 329.

бязи, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай (въ мѣшкахъ). Еще въ 1825 году весь отпускъ нашъ по семипалатинской таможнѣ не превышалъ 256,097 р. асс. (73,170 р. 57 к. сер.), включая тутъ и товары, которые частію шли въ Киргизскую степь и Хокандъ. Но около этого времени вывозъ нашихъ произведеній, особенно же нанки, полуситца, сукна и металлическихъ издѣлій, постепенно сталъ возрастать; а съ 1837 года сталъ являться въ этой торговлѣ (изъ привозныхъ статей) байховый чай, который съ 1839 года замѣтно началъ возрастать, что̀ придало торговлѣ новое движеніе.

Оборотъ торговли. Впрочемъ, торговля эта и теперь въ сущности еще незначительна и далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Я имѣю честь при семъ представить четыре вѣдомости, полученныя изъ семипалатинской таможни объ отпускныхъ и привозныхъ чрезъ сію таможню товарахъ, начиная съ 1825 года по 1844-й включительно, и особо двѣ вѣдомости за 1845 годъ. Таблицы сіи представляютъ весь ходъ торговли за послѣднія 20 лѣтъ и изъ нихъ видно, что въ настоящее время оборотъ нашъ съ Западнымъ Китаемъ простирается на сумму 230,536 р. 17 к. сер., по отпускнымъ статьямъ, и на 254,617 р. 70 к. сер. по привознымъ изъ Китая, *а всего на 485,153 р. 80 к. сер.* Доходъ же семипалатинской таможни (собственно по торговлѣ же съ западными городами Китая) можно полагать въ 56 тыс. р. сер. по привознымъ и отвознымъ товарамъ[1]).

Предметы отпуска. Главные предметы отпуска суть: изъ шерстяныхъ издѣлій — сукно, котораго въ прошломъ году вывезено 11,928 арш. (на 17,936 р. сер). и драдедамъ, который сталъ идти только съ недавняго времени; изъ бумажныхъ же нанка, составляющая постоянно одну изъ главныхъ статей отпуска (ея отправляется до 500 т. арш., на сумму до 80 тыс. р. сер.), полуситецъ, вейверетъ, или плисъ, миткаль, коленкоръ, платки и т. п.; изъ кожевенныхъ — юфтевыя кожи. Затѣмъ отправляется еще не малое количество разныхъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій: котловъ, тагановъ, тагильскихъ подносовъ, столовъ и т. п. Прочія статьи отпуска состоятъ въ разныхъ мелочахъ, какъ то: въ фарфоровой посудѣ, мишурѣ, сундукахъ и проч.

[1]) Всѣ таможенные доходы за 1845 годъ простирались до 67,848 р. 53 коп. серебромъ; но въ этомъ числѣ заключаются и сборы по торговлѣ съ киргизскою степью и Хокандомъ; послѣдніе составляли въ прошломъ году 11,800 р. сер. съ небольшимъ.

Относительно сихъ отпускныхъ нашихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что̀ большая часть ихъ суть весьма грубыя произведенія фабричной и заводской промышленности: сукно лучшее, какое идетъ въ Чугучакъ и Кульджу, сто̀итъ не свыше 4 р. 50 к. асс. (Мизиритскихъ суконъ во̀все еще нейдетъ въ сію торговлю); плисъ и бо̀льшая часть бумажныхъ издѣлій (платки, миткаль, коленкоръ, ситецъ) — такой же низкой доброты. Вообще всѣ эти товары не могутъ выдержать никакого сравненія съ кяхтинскими; но тѣмъ не менѣе сбытъ ихъ полезенъ и необходимъ для нашихъ фабрикъ и поддержанія мелкой фабричной промышленности. Замѣчательно еще, что многихъ предметовъ, которые въ кяхтинской торговлѣ составляютъ немаловажныя статьи и которыхъ китайцы съ той стороны постоянно требуютъ, вовсе нѣтъ въ этой торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ; такъ, наприм., вовсе нейдетъ чешуйки, мало, или почти нейдетъ тика, — двухъ статей, которыя въ кяхтинской отпускной торговлѣ занимаютъ важное мѣсто; то же слѣдуетъ сказать о сафьянахъ и козлахъ. Пушныхъ товаровъ, которые въ огромномъ же количествѣ требуются на Кяхтѣ, также съ этой стороны вовсе не сбывается, а напротивъ, наши купцы вывозятъ изъ Кульджи нѣкоторые пушные товары, какъ, напр., лисицъ и волковъ, доставляемыхъ въ Чугучакъ и Кульджу киргизами.

Привозныя статьи. Привозныя же статьи изъ Китая главнѣйше состоятъ: въ байховомъ черномъ, или такъ называемомъ торговомъ чаѣ, въ кирпичномъ чаѣ, въ бумажныхъ издѣліяхъ (дабахъ и бязяхъ) и въ шелковыхъ матеріяхъ (канфахъ, канчахъ, фанзахъ, чучунчахъ и т. п.). Байховый чай началъ идти, какъ выше сказано, съ недавняго времени и хотя по сравненію съ количествомъ кяхтинскаго чая его вывозится еще незначительная пропорція (по вѣдомостямъ семипалатинской таможни въ 1845 году вывезено было 1.637 пудовъ); но тѣмъ не менѣе онъ уже въ послѣдніе годы сталъ занимать первое мѣсто между привозными товарами изъ Чугучака. Въ Кульджѣ же торговля имъ (для китайцевъ вообще весьма выгодная) также начинаетъ усиливаться; но доселѣ въ Кульджѣ главные товары суть шелковые матеріи и бязи; изъ Чугучака же шелковыхъ матерій вовсе почти не идетъ, и въ этомъ главная разница между чугучакскимъ и кульджинскимъ рынками по предметамъ вывоза. Прежде изъ западнаго Китая не мало также шло къ намъ серебра въ слиткахъ, или такъ называемыхъ *ямбъ* (его привозилось болѣе 200 пудовъ, какъ въ 1831 и 1833 годахъ); но теперь эта статья значительно упала, и серебра, по срав-

нению съ прежними годами, доставляется уже немного. (Въ прошломъ году было всего въ привозѣ 43 пуда).

Кто торговцы съ нашей стороны. Производители теперь нашей торговли съ Чугучакомъ и Кульджею суть главнѣйше ташкентцы, съ давняго времени поселившіеся въ Семипалатинскѣ, и наши татары. Изъ русскихъ купцовъ по сіе время участвуютъ въ ней еще весьма не многіе, и тѣ обыкновенно посылаютъ свои товары чрезъ ташкентцевъ же и татаръ, не отваживаясь сами ѣздить въ Чугучакъ и Кульджу. Только два три купца отправляютъ свои товары съ русскими прикащиками, и то въ одинъ Чугучакъ; въ Кульджу же почти исключительно ѣздятъ наши ташкентцы, и вся кульджинская торговля находится, можно сказать, въ ихъ рукахъ: изъ русскихъ въ ней участвуетъ только купецъ Самсоновъ, посылающій туда свои товары съ прикащикомъ. О ташкентцахъ слѣдуетъ однако же замѣтить, что доколѣ наша торговля съ Чугучакомъ и Кульджею не учредится на законныхъ основаніяхъ, азіятцы эти необходимы для торговыхъ сношеній съ западомъ Китая: безъ нихъ кульджинская торговля для насъ не существовала бы.

Немногіе русскіе, которые ѣздятъ теперь въ Чугучакъ (помянутые три прикащика и еще человѣкъ пять мелкихъ торговцевъ) являются туда подъ видомъ азіятцевъ, переодѣтые въ азіятское платье. Китайцы, впрочемъ, очень хорошо знаютъ, что они русскіе и сами торговцы наши нисколько этого не скрываютъ. Въ Чугучакѣ, напр., я явился хотя тоже въ азіятскомъ платьѣ, но подъ русскимъ именемъ и объявилъ прямо въ китайской таможнѣ, что я русскій. Китайскій чиновникъ при этомъ только съ улыбкою замѣтилъ, что русскимъ не позволено пріѣзжать въ Чугучакъ и затѣмъ безпрепятственно допустилъ къ торгу. Доступность Чугучака для природныхъ русскихъ, конечно, есть явленіе довольно пріятное, но оно еще ничего особеннаго не доказываетъ, какъ увидимъ далѣе, и нисколько не ручается за развитіе сей торговли: доступность эта должна покупаться немалыми пожертвованіями и сопряжена съ разными уничиженіями.

Большихъ капиталистовъ вовсе еще нѣтъ въ этой торговлѣ: самыми значительными купцами въ ней считаются: помянутый купецъ Самсоновъ, ведущій торгъ съ Кульджею и посылающій товаровъ всего на 20 т. р. сер., и Ибрагимъ Амировъ (изъ азіятцевъ), торгующій исключительно съ Чугучакомъ на сумму не болѣе 15 т. р. сер. Изъ прочихъ купцовъ кто торгуетъ тысячи на четыре, кто на пять; остальные и вообще вся масса

суть ничто иное какъ мелочники, которыхъ въ Чугучакъ и Кульджу, и особенно въ первый изъ сихъ городовъ ѣздитъ весьма не мало. Для большаго сбыта всякихъ грубыхъ нашихъ издѣлій они также народъ полезный, но нельзя съ другой стороны не сознаться, что мелочники эти, дабы сбыть только скорѣе товаръ свой, портятъ цѣны на русскія произведенія, и тѣмъ наносятъ немалый вредъ этой торговлѣ. Если въ послѣднее время китайскіе товары и въ Чугучакѣ стали доставаться нашимъ купцамъ не дешево, такъ что имъ, безъ особенныхъ незаконныхъ продѣлокъ, трудно иногда сводить концы съ концами, то это явленіе надобно главнѣйше приписать наводненію чугучакскаго рынка всякимъ мелкимъ торгующимъ народомъ, хотя тутъ есть и другія еще причины, о коихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Торговля съ китайской стороны предоставлена теперь купечеству. Съ китайской стороны производители торговли въ Чугучакѣ и Кульджѣ *суть теперь китайскіе купцы.* Прежде вся эта торговля была исключительно въ рукахъ мѣстнаго китайскаго начальства: пріѣзжавшіе иностранные купцы не иначе могли сбывать пригоняемый ими для промѣна скотъ и разные товары, какъ въ китайскую казну, которая платила за оные дабами и бязями; на сторону же, т. е. китайскимъ купцамъ, дозволялось продавать только то малое количество товаровъ, которое оставалось за промѣномъ въ казну. Отъ этого купцы, пріѣзжавшіе съ русскими товарами, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы скрывать отъ взоровъ китайскаго начальства небольшую частицу лучшихъ своихъ товаровъ, за которые отъ казны назначалась та же плата, какъ и за самые посредственные, они прятали ихъ въ своихъ юртахъ, въ землю и т. п.—(Получаемые китайскою казною товары обращались въ жалованье пограничному войску и китайскимъ чиновникамъ; лучшіе изъ нихъ, разумѣется, разбирались джанджуномъ, амбанемъ и таможенными чиновниками. Вымѣниваемые же бараны, рогатый скотъ и лошади, за употребленіемъ изъ всего этого сколько надобно было на казенныя надобности, передавались въ казенные китайскіе табуны, содержимые калмыками въ окрестностяхъ Чугучака и Кульджи).—Но съ бо́льшимъ впослѣдствіи развитіемъ торговли, съ бо́льшимъ противъ прежняго приливомъ разныхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые по времени взяли верхъ надъ торговлею киргизскимъ скотомъ, а можетъ быть и вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ азіятскаго купечества на притѣсненія китайскихъ чиновниковъ, отъ произвола коихъ за-

висѣло назначеніе цѣнъ товарамъ, правительство китайское сочло, наконецъ, нужнымъ измѣнить эти правила и *передать торговлю въ руки китайскихъ купцовъ*. Первоначально измѣненіе это послѣдовало въ Чугучакѣ, гдѣ уже лѣтъ десять купцы наши имѣютъ дѣло съ пріѣзжающими туда китайскими торговцами; въ китайскую же казну представляютъ только, въ видѣ пошлины, десятую часть изъ каждаго привезеннаго ими товара, и то, впрочемъ, не даромъ, а за назначаемую китайскимъ начальствомъ половинную цѣну (сія половинная цѣна опредѣлена, сообразуясь съ базарными цѣнами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ взятыми, изъ чего составлено родъ тарифнаго положенія). Въ Кульджѣ же новый этотъ порядокъ (дозволеніе продавать китайскимъ купцамъ) возымѣлъ свое дѣйствіе только съ прошлаго 1845 года. Тамъ сдѣлано еще противъ Чугучака то облегченіе, что половинная цѣна за товаръ, *поступающій въ пошлину*, назначена, вслѣдствіе особеннаго ходатайства нашего каравана, большая нежели, какая опредѣлена въ Чугучакѣ.

Вольнаго торга еще нѣтъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія для торговли благопріятны; купцы въ силу оныхъ до нѣкоторой степени болѣе противъ прежняго избавлены отъ прижимокъ китайскихъ чиновниковъ; они могутъ также привозить товары въ бо́льшемъ количествѣ, имѣя дѣло уже не съ одною казною (потребности коей въ товарахъ всегда ограничены); могутъ привозить и лучшаго качества товары, продавая ихъ по вольной цѣнѣ. Если торговля развилась въ послѣднее время противъ кульджинской, то это должно отчасти приписать вышеизъясненнымъ перемѣнамъ. *Притѣсненія со стороны китайскихъ властей.* Но со всѣмъ этимъ вполнѣ вольнаго торга, свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ китайскимъ купечествомъ, еще не существуетъ: торговля все еще находится, такъ сказать, въ когтяхъ китайскихъ чиновниковъ, и почти во всемъ зависитъ отъ ихъ произвола: прежде нежели наприм., разрѣшается купцамъ торгъ съ китайцами, отъ нихъ (кромѣ товаровъ, слѣдующихъ въ пошлину) вымогаются еще разныя вещи для джанджуна, для амбаня, для разныхъ чиновниковъ, и разумѣется, по цѣнамъ весьма низкимъ и въ явный для купцовъ убытокъ; если же послѣдніе не соглашаются отдать за сіи низкія цѣны, то начинаются разнаго рода прижимки и притѣсненія. Примѣровъ подобныхъ самопроизвольныхъ поступковъ, грубаго обращенія и обидъ нашему купечеству со стороны китайскихъ чиновниковъ можно бы привести множество;

но довольно сказать, что во время прошлогодняго торга въ Кульджѣ всѣхъ насъ, за то только, что не соглашались вдругъ безусловно на всѣ новыя торговыя постановленія китайцевъ и просили сбавки пошлины, китайское начальство продержало почти цѣлый мѣсяцъ въ осадномъ положеніи, не пропуская ни хлѣба для насъ, ни корма для нашего скота. Бывали даже примѣры, что пріѣзжавшихъ изъ Россіи купцовъ (по счастію не русскихъ, а азіятцевъ) китайское начальство, безъ всякихъ съ ихъ стороны проступковъ, а за то только, что не удовлетворяли иногда его корыстолюбію, подвергало, подъ самыми пустыми предлогами, тѣлесному наказанію [1]). Въ самомъ взиманіи товаровъ, поступающихъ въ пошлину, существуетъ тотъ же произволъ и стѣсненіе: по положенію слѣдуетъ брать одну десятую съ каждаго товара за полцѣны; между тѣмъ въ Чугучакѣ, наприм. въ прошломъ году, съ предъявленныхъ мною товаровъ взято было съ иныхъ гораздо болѣе нежели сколько слѣдовало по ихъ количеству, съ другихъ же, которые китайскимъ чиновникамъ не нравились, вовсе ничего не было взято, и за все назначена была цѣна произвольная: за мизиритское сукно, плисъ и другіе товары, въ пошлину отъ меня поступившіе, назначена была полуцѣна, какъ за подобныя же издѣлія, несравненно низшаго качества, которыя были предъявлены прочими купцами.

Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, можетъ ли процвѣтать торговля въ этихъ мѣстахъ, при такомъ положеніи ея! *можетъ ли привлечь она капитальныхъ людей*, безъ коихъ значительной торговли никогда и нигдѣ не существовало!

О пошлинѣ съ Русскихъ товаровъ. О товарахъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ правительствомъ въ пошлину, долгомъ считаю еще присовокупить, что назначеніе ихъ то же, какое было и при прежнемъ порядкѣ сей торговли, т. е. лучшіе изъ нихъ идутъ въ карманъ джанджуна и прочихъ китайскихъ властей; другіе же, и весьма уже въ маломъ теперь количествѣ, поступаютъ на жалованье пограничному китайскому войску. Вообще китайская казна тутъ мало выигрываетъ; главный же сборъ ея — собственно съ китайскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ отъ насъ товары. Сія послѣдняя пошлина (съ китайскихъ купцовъ)

---

[1]) Такимъ образомъ въ 1839 г., въ Кульджѣ начальнику нашего каравана, прибывшаго изъ Семипалатинска, ташкентцу Мирвопѣ, дано было нѣсколько ударовъ плетьми за то только, что онъ пустилъ въ свою юрту китайскаго купца прежде, нежели окончена была торговля съ китайскою казною.

взимается уже не товарами, а деньгами, съ цѣны, по какой вымѣненъ ими товаръ. Она довольно значительна, по 3 фынъ съ сари; это составляетъ около 8%.

Образъ производства самаго торга. Что касается до образа производства сей торговли, до самаго механизма ея, то по сему предмету слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что ни въ Чугучакѣ, ни въ Кульджѣ для промѣна китайцамъ нашихъ товаровъ не составляется между нашими купцами никакого предварительнаго *положенія* (по чемъ отдавать свой товаръ и по чемъ принимать китайскій): всѣ товары, по привозѣ, представляются въ китайскую таможню и по очисткѣ ихъ пошлиною, по выдачѣ чего слѣдуетъ джанджуну, амбаню и прочимъ чиновникамъ, всякій уже промѣниваетъ по какой хочетъ цѣнѣ китайскимъ купцамъ, не будучи удерживаемъ никакими постановленіями купечества. Самый же промѣнъ дѣлается такимъ образомъ: что сначала русскій и китайскій купцы производятъ расцѣнку своимъ товарамъ; потомъ окончательно условливаются, — и всѣ наединѣ, — какой именно товаръ и сколько какого получить въ обмѣнъ. Расцѣнка товаровъ въ Чугучакѣ дѣлается на да́бы, замѣняющія тамъ ходячую монету; въ Кульджѣ же на серебро. Главная при всемъ этомъ трудность съ нашей стороны бываетъ — склонить китайца дать такой именно товаръ, а не другой; что же касается до самыхъ цѣнъ, то оныя довольно скоро устанавляются (базарныя цѣны на всѣ главныя статьи)[1]) и только на первыхъ порахъ, при открытіи торга, подаютъ поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ и возраженіямъ. Обыкновенно китайскіе купцы желаютъ болѣе сбыть байховаго чая; наши же купцы, напротивъ того, въ количествѣ вымѣниваемаго товара желаютъ болѣе получить дабъ и кирпичнаго чая, такъ какъ эти статьи представляютъ вѣрный и выгодный сбытъ, расходясь въ значительномъ количествѣ между киргизами и по всей нашей линіи.

Не смотря, однако, на нѣкоторую теперь неохоту нашихъ купцовъ брать отъ китайцевъ чай, торговля приняла въ послѣднее время такой оборотъ, особенно въ Чугучакѣ, что купцы находятся въ необходимости брать главнѣйше отъ китайцевъ это произведеніе, т. е. байховый чай ихъ. Въ Чугучакѣ прошлаго года купцы наши къ концу расторожки даже ничего другаго не могли уже получить отъ китайцевъ въ обмѣнъ на свои произведенія, кромѣ чая.

---

[1]) Но цѣны, разумѣется, не такія, какія могли бы установляться, если бы составлялось между нашими купцами *Положеніе о промѣнѣ товаровъ.*

О цѣнахъ на Русскіе и Китайскіе товары и проч. Представляю при семъ выписку изъ особаго отчета о промѣненныхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ товарахъ. Изъ нея можно видѣть, по чемъ расцѣнены были русскіе товары и по чемъ китайскіе, поступившіе въ обмѣнъ на оные. Прилагаю также записку о цѣнахъ вообще на главные русскіе и китайскіе товары въ помянутыхъ двухъ городахъ, съ разными замѣчаніями на оные китайскихъ купцовъ.

Въ Кульджѣ, кромѣ мѣны, существуетъ также и продажа на чистыя деньги; но уже это болѣе для всякихъ мелочныхъ статей, выставляемыхъ для покупателей всѣхъ классовъ. На сихъ мелочахъ торговцы получаютъ иногда значительныя прибыли.

Относитетьно цѣнъ на наши товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ можно вообще сказать, что онѣ довольно выгодны *въ сравненіи съ ихъ покупными цѣнами*; но такъ какъ вѣрный расчетъ о выгодности или невыгодности торга можно только сдѣлать по окончаніи всего оборота,—по сбытѣ въ Россіи вымѣненнаго китайскаго товара,—то разсматривая съ этой точки, выводы не всегда будутъ въ пользу нашего купечества. Вообще промѣнъ товаровъ, особенно въ Чугучакѣ, теперь уже не такъ сдѣлался для торговцевъ прибыленъ, какъ былъ прежде тому нѣсколько лѣтъ, и главною причиною, что китайскіе товары въ послѣднее время значительно поднялись въ цѣнахъ ихъ, особенно чай, составляющій теперь, какъ выше было замѣчено, главную статью привозной нашей торговли. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ Ирбитѣ, главномъ мѣстѣ сбыта семипалатинскихъ чаевъ), цѣна на чай осталась прежняя и по сравненію съ цѣною на Нижегородской ярмаркѣ весьма низкая, дѣлаетъ то, что торговля чаемъ не можетъ для семипалатинскихъ купцовъ представлять особенныхъ выгодъ, а напротивъ, вести иногда къ явнымъ убыткамъ [1]). Купцы, однако, же умѣ-

[1]) Представляю здѣсь расчетъ по вымѣну чая въ Чугучакѣ, въ прошломъ 1845 году, на нанку,—главный нашъ товаръ въ Западномъ Китаѣ.

На ящикъ чернаго чая, въ 80 фунтовъ, обыкновенно даютъ 14 кусковъ нанки (она расцѣнивается, при промѣнѣ, въ 11 дабъ за кусокъ; чай же (изъ обыкновенныхъ сортовъ)—въ 150 дабъ ящикъ въ 80 ф. вѣсомъ; итого выходитъ 14 кусковъ нанки за ящикъ чая). Нанка эта стоитъ русскому купцу (считая по 35 к. ас. за аршинъ, а за кусокъ въ коемъ 40 арш.,—14 р. ас.)—196 р. ас. За провозъ ея отъ Ирбита до Семипалатинска, считая по 3 р. съ пуда, за 2 пуда (вѣсъ 14 кусковъ нанки)—6 р. ас. За провозъ отъ Семипалатинска до Чугучака (по 1 р. 50 к. ас. съ пуда)—3 р. ас. Проѣздъ и содержаніе себя въ пути, а также кормъ работниковъ и проч., на что примѣрно

ютъ уравновѣшивать сіи невыгоды провозомъ вымѣненнаго ими чая помимо таможни, чему обширность нашей границы даетъ всѣ средства. Огромная контрабанда по Сибирской линіи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію и всѣмъ извѣстный. Таможенное начальство не разъ уже о семъ представляло, изыскивыя разныя мѣры пресѣченію сей контрабанды; разумѣется, обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значительности сей контрабанды скажу только, что байховаго чая по семипалатинской таможнѣ за 1845 годъ показано было въ привозѣ и дѣйствительно въ оную предъявлено 1.637 пудовъ (что, по свѣдѣніямъ изъ той же таможни, составляетъ 1.002 ящика); между тѣмъ какъ одинъ только китайскій купецъ въ Чугучакѣ, по собственнымъ словамъ его, промѣниваетъ ежегодно нашимъ купцамъ до 1.000 ящиковъ чая. Количество всего вымѣниваемаго нашими торговцами въ Чугучакѣ и Кульджѣ чая можно по самой малой мѣрѣ полагать въ 6 т. ящиковъ[1]). Изъ этого можно видѣть сколь велика, по нашей Сибирской линіи контрабанда чаемъ. Неприятнымъ всего этого послѣдствіемъ то, что честнымъ торговцамъ трудно вести эту торговлю[2]): они всегда противъ торгующихъ контрабаднымъ образомъ останутся въ накладѣ, и тѣмъ болѣе, что по теперешнему обороту торговли, также должны будутъ брать отъ китайцевъ преимущественно чай. Обстоятельство это въ совокуп-

---

надобно положить 10 к. на рубль,—20 р. ас. Итого *225 р. ас.*, или 64 р 29 к. сер., не считая еще процентовъ, которые купецъ долженъ заплатить за взятый имъ товаръ, такъ какъ почти всѣ они торгуютъ въ долгъ.

На нанку эту купецъ получаетъ, какъ выше сказано, ящикъ байховаго чая въ 80 фун. Расходы по сему вымѣненному товару слѣдующіе: зашивка ящика — 2 дабы, или на наши деньги 4 р. ас. Провозъ отъ Чугучака до Семипалатинска (считая въ ящикѣ съ укупоркою 3 пуда, а за пудъ по $1^1/_4$ дабы)—$3^3/_4$ дабы, или 7 р. 50 к. асс. Пошлина за 80 фунтовъ сего чая по 60 к. сер. съ фунта,—48 р. сер. или 168 р. ас. Провозъ отъ Семипалатинска до Ирбита за 3 пуда—9 р. ас.—Итого (не считая издержекъ по своему проѣзду и содержанію въ обратный путь) *188 р. 58 к. ас.*, или 53 р. 86 к. сер.

Итакъ, чтобы выручить цѣнность поступившаго въ промѣнъ за ящикъ чая товара своего и всѣ издержки посему обороту (пошлинныя, провозныя и другія) купцу, по самому строгому расчету, надобно получить за вымѣненный имъ чай *413 р. ас.* (118 р. сер.). А цѣна чая въ Ирбитѣ 320 р. ас. и никакъ не болѣе 350 р. ас. за ящикъ. Слѣдственно купецъ не только не выручаетъ своихъ денегъ, но даже теряетъ около 30 р. сер. на каждый ящикъ чая.

1) *Изъ Кульджи* вывозится не болѣе 500 ящиковъ.

2) Трудно вести *при теперешнемъ ея положеніи*, когда она вся въ рукахъ мелкихъ торговцовъ и законнымъ образомъ не установлена.

ности съ разными другими, тоже не можетъ *въ настоящемъ положеніи вещей* слишкомъ заманивать порядочныхъ людей въ сію торговлю, гдѣ не только не представляется имъ особенныхъ выгодъ (не смотря на всѣ трудности, уничиженія и притѣсненія, какимъ они должны подвергнуться въ китайскихъ городахъ), но явный даже убытокъ, если только будутъ вести дѣла свои частнымъ образомъ. *Уменьшеніе контрабанды*, при учрежденіи сей торговли на правильныхъ основаніяхъ (если когда-нибудь къ этому приступятъ) *составляетъ важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ.*

На возвышеніе цѣнъ на китайскіе товары отчасти дѣйствуетъ и то, что не составляется, какъ выше было замѣчено, между купцами Положенія о промѣнѣ товаровъ на мѣстѣ, отъ чего мелочники особенно портятъ цѣны. Но дѣло въ томъ, что Положеніе это, о коемъ нѣкоторыя изъ купцовъ уже не разъ помышляли, если и можетъ быть составляемо, то только въ Кульджѣ, гдѣ болѣе между ними единства и порядка; а въ Чугучакѣ (гдѣ теперь главный нашъ рынокъ) весьма трудно это сдѣлать и даже, при настоящемъ положеніи вещей, не возможно: по близости Чугучака отъ нашей границы туда пріѣзжаетъ, въ теченіе всего лѣта, множество всякаго народа: и ташкентцы, и бухарцы, и киргизы, и бѣглые наши татары; всѣ съ русскими товарами пріѣзжаютъ въ разное время: одинъ оканчиваетъ свои дѣла, тогда какъ другой только является и начинаетъ ихъ. При такомъ порядкѣ нельзя и думать о составленіи Положенія. Разумѣется это было бы легко и возможно, *если бы въ Чугучакѣ появилось болѣе капитальныхъ людей*, которые тогда привлекли бы къ себѣ главную массу китайскихъ товаровъ, и могли бы и дѣлать Положеніе и возвышать, при постоянныхъ и благоразумныхъ усиліяхъ, цѣны на свои товары: въ ихъ рукахъ была бы, такъ сказать, вся оптовая торговля, а тѣмъ осталась бы мелочная, и все могло бы тогда принять другой оборотъ.

О караванныхъ путяхъ въ Чугучакъ и Кульджу. Докончу теперь всѣ эти замѣчанія о нашей торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ нѣкоторыми подробностями о самыхъ торговыхъ путяхъ, ведущихъ въ Чугучакъ и Кульджу.

Пути въ Чугучакъ. Изъ Семипалатинска (главнаго и, можно сказать единственнаго пункта, чрезъ который торговля эта производится), ведутъ въ Чугучакъ два пути (оба лежатъ чрезъ Киргизскія степи): одинъ—*чрезъ Кокбектинскій нашъ Приказъ* и чрезъ Тарбагатайскій хребетъ горъ, который обыкновенно

караваны переѣзжаютъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу, и отъ коего по китайскимъ уже владѣніямъ идутъ до самаго Чугучака. Пространство собственно отъ Тарбагатая (южнаго его склона) до Чугучака составляетъ не болѣе 50 верстъ; весь же путь, по расчету нашихъ купцовъ, составляетъ 470 верстъ. Другой путь имѣетъ свое направленіе западнѣе, и именно: *чрезъ Аягузскій Приказъ*, и потомъ чрезъ такъ называемый Котель (переходъ чрезъ Тарбагатай), и далѣе, до самаго Чугучака, степями киргизовъ, считающихся именательно въ китайскомъ подданствѣ. Разстояніе отъ Семипалатинска до Чугучака по сему послѣднему пути можно считать въ 512 верстъ. Здѣсь прилагаю маршруты какъ тому, такъ и другому изъ вышеозначенныхъ путей. Въ отношеніи къ разнымъ удобствамъ (корму для вьючнаго скота, воды и проч.) какъ тотъ, такъ и другой путь равно удобны, мѣстá большею частью привольныя; самая же переправа черезъ Тарбагатай по Аягузскому тракту, т.-е. чрезъ Котель, удобнѣе нежели по Кокбектинскому, чрезъ Сай-асу, хотя и послѣдній не представляетъ особенныхъ затрудненій. Купцы однако же предпочитаютъ послѣдній трактъ, т.-е. Кокбектинскій, по бóльшей его краткости. Оба сіи пути могутъ назваться и тележными, хотя доселѣ главная масса товаровъ перевозится на верблюдахъ и только самая незначительная часть на телегахъ. Караваны употребляютъ на переѣздъ отъ Семипалатинска до Чугучака, чрезъ Кокбекты, 12 и не болѣе 15 дней; черезъ Аягузъ же идутъ двумя, или тремя днями долѣе. Обыкновенная цѣна за провозъ товаровъ отъ Семипалатинска до Чугучака 43 к. сер. съ пуда, а въ обратный путь—отъ 55 до 85 к. сер. (1 до $1^1/_2$ дáбы); если же нанимать въ оба конца съ тѣмъ, чтобы въ Чугучакѣ пробыть не болѣе 15 дней, то возчики берутъ 1 р. сер. съ пуда, или около того.

Путь въ Кульджу. Путь въ Кульджу лежитъ чрезъ тотъ же Аягузскій Приказъ и чрезъ Котель, слѣдуя до извѣстнаго пункта, называемаго Урджаръ, по той же дорогѣ, которая ведетъ изъ Аягуза въ Чугучакъ; съ Урджара же караваны, отдѣляясь отъ Чугучакскаго тракта, берутъ направленіе къ югу и слѣдуютъ *мимо озера Алакуля*, по восточной сторонѣ его, и далѣе—чрезъ разные хребты горъ: Тохтý (гдѣ начинаются уже китайскіе караулы), Канджигý и Талкý, отъ коей до Кульджи не болѣе 40 верстъ. Путь этотъ, по случаю переправъ чрезъ означенные высокіе хребты горъ, сопряженъ съ разными трудностями, которыя при обратномъ слѣдованіи изъ Кульджи (чтó

обыкновено бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ) увеличиваются отъ недостатка въ иныхъ мѣстахъ топлива и отъ скудности, мѣстами же, подножнаго корма. Разстояніе отъ Семипалатинска до Кульджи по сему пути считаютъ приблизительно въ 830 верстъ. Его можно совершить въ 25 дней съ небольшимъ. Товары въ Кульджу иначе не возятся (по затруднительности вышеозначенныхъ переправъ чрезъ горы), какъ вьюками на верблюдахъ. Цѣна за наемъ вьючнаго верблюда, поднимающаго не болѣе 12 пудовъ клади, въ оба конца—70 р. асс., слѣдственно менѣе 6 р. асс. съ пуда; но купцы обыкновенно перевозятъ на собственныхъ своихъ верблюдахъ, которыхъ нарочно для этого содержатъ въ Киргизской нашей степи.

Новый путь въ Кульджу. Кромѣ вышеозначеннаго пути въ Кульджу есть другой путь, гораздо удобнѣйшій, и именно: чрезъ такъ называемыя *Семь-рѣкъ*, или Большую Орду. Слѣдуя по сему пути, караваны могутъ избавиться отъ трудностей, выше сего исчисленныхъ: по оному одна только переправа чрезъ Югантасъ (отрасль Алатаускаго хребта) и то нисколько незатруднительная; а затѣмъ — корма для скота, топлива, воды и т. п. въ изобиліи. Купцы однако же не ѣздятъ по сему тракту, опасаясь своевольства и всякихъ насилій со стороны киргизовъ Большой Орды. Въ прошломъ 1845 году учиненъ былъ мною первый опытъ слѣдованія по сему пути, изъ Кульджи въ Семипалатинскъ и опытъ этотъ вполнѣ убѣдилъ въ превосходствѣ сей дороги предъ тою, по коей доселѣ ходили наши караваны. Симъ двумъ путямъ въ Кульджу имѣю честь у сего же представить подробные маршруты.

Безопасны ли означенные пути? Что касается до вопроса о безопасности вышеозначенныхъ караванныхъ путей, то о Чугучакскихъ двухъ путяхъ можно вообще сказать, что слѣдованіе по онымъ до Тарбагатая, чрезъ степи нашихъ киргизовъ Средней Орды, совершенно безопасно. Но что касается до степей, лежащихъ по ту сторону помянутаго хребта горъ, гдѣ кочуютъ киргизы, извѣстные подъ названіемъ Байджигитовъ, считающіеся въ китайскомъ, или, лучше сказать, ни въ чьемъ подданствѣ, то хотя ордынцы эти въ послѣднее время сдѣлались противъ прежняго смирнѣе, но тѣмъ не менѣе мѣста́ эти, (т.-е. все пространство отъ Тарбагатая до Чугучака) не могутъ еще считаться совершенно безопасными для слѣдованія каравановъ, по временамъ бываютъ тамъ со стороны Байджигитовъ шалости и грабежи: въ прошломъ году, при Котели, они ограбили нашего толмача изъ Аягузскаго приказа, и неподалеку

отъ Сай-асу напали (прошлою же осенью) на небольшой караванецъ, возвращавшійся изъ Чугучака и принадлежавшій одному татарину, котораго убили. Путь въ Кульджу (обыкновенный путь, по коему караваны доселѣ слѣдовали) пролегаетъ, по миновавіи Тарбагатая, чрезъ кочевья тѣхъ же Байджигитовъ и потомъ чрезъ кочевья Кызайцевъ, которые считаются еще бо́льшими грабителями. По степямъ сихъ киргизовъ прежде караваны иначе не ходили какъ въ сопровожденіи казачьей команды, которая, по распоряженію начальства, отряжалась для сего изъ Аягузскаго приказа, и только съ 1839 года (со времени поимки извѣстнаго своими разбоями султана Сиванкула), купцы стали уже ходить одни, безъ казачьихъ командъ. Впрочемъ, они и теперь въ Кульджу иначе не могутъ пускаться, какъ всегда большимъ караваномъ. Обстоятельство это дѣлаетъ то, что въ Кульджу изъ Семипалатинска купцы отправляютъ караванъ только *единожды въ годъ*, (въ іюнѣ, или въ іюлѣ мѣсяцѣ), тогда какъ въ Чугучакъ, по бо́льшей безопасности пути, торговцы ѣздятъ безпрестанно, въ теченіе всего лѣта, небольшими караванами.

На счетъ же *новаго пути* въ Кульджу, чрезъ Семь-рѣкъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя купцы, считая сей путь самымъ опаснымъ, доселѣ по оному не ѣздили, но отношенія къ намъ киргизовъ Большой Орды теперь начинаютъ измѣняться къ лучшему, и безопасность сего новаго пути будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ мѣръ, которыя приметъ Правительство въ отношеніи къ помянутымъ киргизамъ.

Можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ сдѣлаться для насъ значительною? Изложивъ всѣ таковыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи торговли нашей съ Чугучакомъ и Кульджею,— свѣдѣнія, служащія вмѣстѣ и отвѣтомъ на нѣкоторые пункты данной мнѣ Инструкціи,—приступаю теперь къ главному и существенному вопросу, и именно: можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ развиться и сдѣлаться значительною?

Отвѣчаю положительно и по внутреннему моему убѣжденію, что *можетъ*, если только будетъ существовать на другихъ основаніяхъ, если будетъ установлена правильнымъ образомъ, по обоюдному согласію нашего и китайскаго правительствъ.

Возраженіе, что она доселѣ не представляла ничего значительнаго, что въ теченіе десятковъ лѣтъ не развилась въ желаемой степени, еще ничего не доказываетъ. Изъ нѣсколькихъ указаній, выше сего сдѣланныхъ на стѣснительное ея положеніе, уже видно, можетъ ли она желательнымъ образомъ раз-

виваться при теперешнемъ порядкѣ вещей. Надобно еще удивляться, что она существуетъ.

Чтобы представить болѣе убѣдительные всему этому доводы, полагаю, что прежде надобно вникнуть въ вопросы: какъ велика въ Чугучакѣ и въ Кульджѣ потребность на наши произведенія? Куда идутъ оттуда наши товары? Велики ли рынки, гдѣ оные сбываются китайскими купцами? Начну прежде съ изложенія свѣдѣній о мѣстахъ, потребляющихъ наши произведенія въ Западномъ Китаѣ. Изъ всѣхъ показаній о семъ китайцевъ и нашихъ купцовъ видно, что русскіе товары, по вымѣнѣ ихъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, отправляются китайцами *въ городъ Урумджи*, отстоящій отъ Чугучака на 15 дней караваннаго хода, а отъ Кульджи на 18. Урумджи, къ коему ведетъ весьма удобная тележная дорога, есть одинъ изъ богатыхъ городовъ Илійской области. Тамъ находятся главныя конторы китайскаго купечества, производящаго торгъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ и торгъ съ Кашкаріею. Товары наши, по полученіи, отправляются изъ Урумджи частію въ Кашкарію (въ города Яркентъ, Кашгаръ, Аксу, Хотенъ и другіе, гдѣ тоже у китайскихъ купцовъ имѣются конторы), а частію *во внутреннія* провинціи (западныя) Китая. Въ Кашкарію идутъ преимущественно всѣ бумажныя издѣлія, какъ то: нанка, ситецъ, коленкоръ, миткаль и т. п., а въ Китай,—въ провинціи, прилегающія къ Западнымъ его владѣніямъ,—часть нашихъ суконъ и драдедамовъ, а также плисъ, за распродажею другой ихъ части собственно въ Илійской области. Кожевенныя же издѣлія, чугунныя и желѣзныя—главнѣйше расходятся между калмыками и киргизами.

И такъ, для сбыта нашихъ произведеній на западѣ Китая, представляются: во-первыхъ, *Илійская область*, съ городами Чугучакомъ, Хами и другими; во-вторыхъ, *Кашкарія*, съ массою своего народонаселенія и съ многолюдными городами, выше сего означенными, и затѣмъ еще *внутреннія провинціи Китая:* Гань-су, Сы-чуань и другія. Что же касается до существующей во всѣхъ этихъ мѣстахъ потребности на наши произведенія и особенно на мануфактурныя, то достаточно сказать, что съ нѣкотораго времени проникли въ Кашкарію даже англинскіе товары и проникли въ значительномъ количествѣ, особенно миткаль, коленкоръ, ситецъ и драдедамъ. Китайскіе купцы, несмотря на огромность разстоянія до Кашкаріи отъ главныхъ мѣстъ закупа ими англинскихъ внутри Китая товаровъ, нашли для себя выгоднымъ дѣлать подобные обороты и отправлять помянутые товары въ

Кашкарію. Привозъ туда сихъ англинскихъ издѣлій, какъ сказывали мнѣ сами китайскіе купцы, въ послѣднее время съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться: одинъ торговый домъ въ Урумджи пересылаетъ ежегодно въ Кашкарію не менѣе какъ 20 т. кусковъ англинскаго миткаля. Миткаль этотъ даже появился въ Кульджѣ, и я для образца вывезъ одинъ кусокъ онаго съ англинскимъ клеймомъ. Спрашивается: какимъ образомъ могли бы проникнуть эти товары въ край столь для нихъ, повидимому, недоступный, проходить *изъ Китая* (не изъ Индіи), чрезъ всѣ внутреннія Китайскія провинціи, на Западную оконечность сего государства, во внѣшнія его области, если бы наши произведенія удовлетворяли потребностямъ жителей этихъ мѣстъ, которыя, по географическому положенію ихъ исключительно должны бы были снабжаться нашими товарами? (Отъ Кульджи до ближайшихъ городовъ Кашкаріи всего 10 дней караваннаго хода).

Замѣчательное также обстоятельство и которое тоже могло бы ручаться за развитіе торговли, если бы торговля была открыта—это, что всѣ китайскіе купцы, съ нами торгующіе въ Чугучакѣ и Кульджѣ, суть шансійцы, жители той же шансійской провинціи, изъ которой всѣ купцы, производящіе торгъ на Кяхтѣ, и всѣ они, какъ и на Кяхтѣ, торгуютъ также кампаніями, или торговыми домами, состоящими изъ нѣсколькихъ участниковъ. Главныя ихъ конторы, какъ выше сказано, находятся въ Урумджи, а урумджинскія завѣдываютъ находящимися отъ тѣхъ же торговыхъ домовъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ разныхъ городахъ Кашкаріи, посылая отчеты въ Шанси, гдѣ остаются главные хозяева [1]). Въ Кульджѣ имѣется до 30 человѣкъ купцовъ отъ этихъ торговыхъ домовъ; въ Чугучакѣ же человѣкъ 10, или 15, но изъ нихъ три отъ домовъ весьма значительныхъ. Если бы въ Чугучакъ и Кульджу болѣе привозилось нашихъ произведеній, то и китайскіе купцы могли бы доставлять своихъ товаровъ въ обмѣнъ *сколько угодно*; но привозятъ теперь, разумѣется, сообразуясь съ положеніемъ рынка, съ количествомъ нашихъ привозныхъ товаровъ. Это говорили мнѣ сами китайцы и справедливость словъ ихъ, между прочимъ, подтверждается и самымъ появленіемъ и распространеніемъ въ семипалатинской

---

[1]) Дорога отъ Урумджи до внутреннихъ провинцій Китая, сначала идетъ телѣжная до города Хами, а далѣе до крѣпости Дзя-юй-гуань (до великой Китайской стѣны) хотя уже лежитъ черезъ пески, но къ переходу каравановъ не представляетъ, по отзыву китайскихъ купцовъ, никакихъ особенныхъ затрудненій; по ней товары обыкновенно возятся на верблюдахъ.

торговлѣ байховаго чая. Мы долгое время полагали, что чайной торговли съ западомъ Китая быть не можетъ, что тамъ могутъ вымѣниваться только нѣкоторыя бумажныя и шелковыя издѣлія, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай; полагали такъ, основываясь на долголѣтнемъ опытѣ, на томъ, что въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, какъ существуетъ эта торговля, не привозилось къ намъ байховаго чая. Но вотъ вдругъ купцы наши пожелали имѣть его; стали съ охотою разбирать первые появившіеся чаи и лишь только китайцы замѣтили это стремленіе и убѣдились въ возможности ввести сію новую статью въ ихъ торговлю, какъ въ самое непродолжительное время стали привозить байховаго чая, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели сколько купцы наши желали бы теперь имѣть его. Достойно также вниманія, что чай, который къ намъ идетъ изъ Чугучака и Кульджи, есть тотъ же фуцзянскій чай, т. е. добываемый въ Фуцзяни, (откуда идутъ къ намъ всѣ байховые чаи), а не изъ другой какой либо провинціи, какъ нѣкоторые думали; это также мнѣ говорили сами китайскіе купцы. Они главнѣйше закупаютъ его въ Шанси отъ купцовъ, имѣющихъ непосредственныя дѣла съ Фуцзянью, (вѣроятно отъ тѣхъ, которые производятъ торгъ съ Кяхтою, какъ главныхъ закупщиковъ чая въ Фуцзяни); но нѣкоторые китайскіе дома, въ Чугучакѣ и Кульджѣ торгующіе, недавно вошли сами въ непосредственныя сношенія съ Фуцзянью и стали отправлять туда своихъ коммиссіонеровъ, для закуповъ чая. Теперь въ чугучакскую и кульджинскую торговлю идутъ, изъ байховыхъ чаевъ, одни только торговые, или черные, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, такъ что хорошіе сорта ихъ не уступаютъ нисколько кяхтинскимъ. Цвѣточныхъ же чаевъ хотя еще нѣтъ въ оборотѣ сей торговли; но нѣкоторые китайскіе купцы уже дѣлали опыты ихъ вывоза и надобно ожидать, что со временемъ и сіи чаи будутъ тѣми же путями доставляться въ Семипалатинскъ.

Изъ всего вышеизложеннаго, кажется, не обинуясь можно вывести заключеніе: *что торговля съ западными областями Китая можетъ развиться*, при нѣкоторыхъ, разумѣется, для сего условіяхъ (если устранятся существующія препятствія).

Не произведетъ ли развитіе семипалатинской торговли вреда для кяхтинской? Здѣсь по порядку слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: не повредитъ ли ея развитіе кяхтинской торговлѣ? По сему предмету прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что мѣста потребленія въ самомъ Китаѣ нашихъ произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ, совершенно иныя нежели тѣ, гдѣ потребляются

русскія же произведенія, идущія через Кяхту. Для первыхъ какъ выше сего было объяснено, представляются: Илійская область, Кашкарія и частью западныя провинціи внутренняго Китая; для кяхтинскихъ же товаровъ вся сѣверная, а частію средняя и южная его полосы. Доказательствомъ сей разности мѣстъ потребленія нашихъ произведеній въ Китаѣ (произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ и промѣниваемыхъ на Кяхтѣ), служитъ между прочимъ и то, что многія изъ статей весьма важныхъ въ отпускной кяхтинской торговлѣ, какъ наприм., чешуйка, тикъ и всѣ пушные товары, не находятся въ торговлѣ семипалатинской; слѣдственно и въ самомъ Китаѣ товары наши, чрезъ Чугучакъ и Кульджу получаемые, имѣютъ другихъ потребителей. Къ этому должно еще присовокупить, что по обширности Китайскаго государства, по огромности народонаселенія его, можно быть почти увѣрену, что какъ бы ни распространились наши съ нимъ торговыя сношенія, недостатка въ рынкахъ для русскихъ произведеній тамъ не будетъ и ожидать тѣсноты въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Все это ведетъ къ тому заключенію, что отпускъ нашихъ товаровъ въ самой Кяхтѣ, отъ усиленія отпуска чрезъ Семипалатинскъ, сколько мнѣ кажется, не можетъ уменьшиться: требованія на нихъ въ Китаѣ отъ того не измѣнятся. Одно, чтò только можно сказать, это, что съ бòльшимъ распространеніемъ торговли въ западныхъ областяхъ Китая, безъ сомнѣнія будетъ увеличиваться и самый привозъ къ намъ байховаго чая, и слѣдственнно кяхтинскіе купцы въ этомъ отношеніи встрѣтятъ въ семипалатинскихъ купцахъ какъ бы соперниковъ собственно по чайной торговлѣ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Но ужели обстоятельство это должно удерживать отъ открытія для фабричной и мануфактурной промышленности нашей бòльшихъ истоковъ, въ коихъ она нуждается, и подвергать ее опасности (въ случаѣ какихъ-либо размолвокъ нашихъ купцовъ съ китайскими на Кяхтѣ) оставаться, такъ сказать, въ застоѣ, безъ движенія, и въ необходимости уменьшать производство нѣкоторыхъ издѣлій (закрывать фабрики, какъ этому уже были примѣры, послѣ несостоянія расторжки на Кяхтѣ въ 1843 году)! При существованіи семипалатинской торговли въ желаемыхъ размѣрахъ и подобное явленіе на Кяхтѣ (остановка тамъ торговли) уже не будетъ сопровождаться столь непріятными для нашей промышленности послѣдствіями

Къ вышеизложенному долгомъ считаю присовокупить, что если бы даже семипалатинская торговля, по бòльшей близости Чугучака и Кульджи отъ внутреннихъ нашихъ рынковъ,

со временемъ развилась до того, что привлекла бы къ себѣ главную массу нашихъ товаровъ (что, конечно, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ скоро совершиться не можетъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать вредныхъ отъ сего послѣдствій ни для нашей промышленности вообще, ни для сибирской въ частности. Для Россіи все равно—тѣмъ или другимъ путемъ будетъ болѣе идти нашихъ произведеній, лишь бы шло ихъ болѣе. А что касается до Сибири, то пушная торговля всегда останется за Кяхтою: звѣриные промышленники слѣдственно пострадать ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Относительно же всѣхъ промышляющихъ по сибирскому тракту провозомъ кяхтинскихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе ихъ теперь измѣнилось и, при распространившемся въ Сибири золотодобываніи, благосостояніе ихъ уже не такъ связано съ вышеизъясненнымъ промысломъ (извозомъ товаровъ).

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго[1]).

Предлагаемый вниманію читателей „Живой Старины" очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ подготовляемаго мною къ печати посмертнаго труда *В. Ф. Трощанскаго*: „Наброски о якутахъ Якутскаго округа", первыя двѣ главы коихъ посвящены, главнымъ образомъ, описанію домашней обстановки якутовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мин. 1907 г. онѣ были прочтены мною въ засѣданіяхъ Императ. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи по слѣдующей программѣ, исчерпывающей содержаніе обѣихъ помѣщаемыхъ ниже главъ:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестяная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ.

Въ текстѣ мною сдѣланы незначительныя вставки и прибавлены якутскія названія упоминаемыхъ авторомъ предметовъ.

Эд. Пекарскій.

I.

Ѣдучи въ Якутскую область, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины жизненной обстановки якутовъ на основаніи тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя случайно долетали до меня. Но вотъ, не доѣзжая верстъ 200 до Якутска, мнѣ представился случай ознакомиться съ жильемъ того народа, среди котораго предстояло коротать дни. То, что я при этомъ увидѣлъ, только реализовало въ конкретной формѣ мои болѣе или менѣе неопредѣленные страхи и произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

---

[1]) Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ" Казань. 1902.

На одной изъ почтовыхъ станцій мнѣ предложили осмотрѣть якутскую юрту, которая находилась, по словамъ почтосодержателя, въ нѣсколькихъ шагахъ. Я вышелъ на дворъ и, пройдя немного, остановился въ недоумѣніи, такъ какъ нигдѣ не оказывалось и признаковъ человѣческаго жилья. Но каково же было мое удивленіе, когда мнѣ указали на какой-то коричневый холмъ съ небольшимъ отверстіемъ, заткнутымъ льдиной, и сказали, что вотъ именно этотъ холмъ и есть якутская юрта, а льдина—не что иное, какъ окно. Нужно замѣтить, что сами якуты никогда не называютъ своего жилья юртой [1]). Для обозначенія вообще всякой жилой постройки у нихъ есть слово дјіä (=ціä), а то, что русскіе называютъ юртой, они зовутъ балаганомъ (балаҕан). Балаганъ—слово персидское; принесли ли якуты съ собою это слово или заимствовали его у русскихъ—неизвѣстно, но что сама постройка заимствована у послѣднихъ—болѣе чѣмъ вѣроятно. Помнится, я читалъ гдѣ-то описаніе старинныхъ казачьихъ куреней, и, помнится, принципъ постройки ихъ тотъ же, что и якутскихъ балагановъ. Правда, самый принципъ этой постройки до того простъ, что можно бы, разумѣется, обойтись и безъ заимствованія, но,—въ виду того, что якуты заимствовали у русскихъ даже такой, простой конструкціи и въ то же время крайне необходимый, предметъ, какъ столъ (о трехъ ножкахъ), называющійся по-якутски о с т у о л,—трудно предположить, что до постройки балагана, требующей болѣе значительной сообразительности и технической сноровки, они додумались сами. Кромѣ того, едва ли якуты имѣли возможность, до пришествія русскихъ, срубать и обдѣлывать болѣе или менѣе толстыя деревья своими первобытными инструментами,—туземное происхожденіе теперешняго якутскаго топора для меня весьма сомнительно, такъ какъ его форма рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ формы русскаго топора. Къ тому же, въ одной сказкѣ, дѣвушка, обращаясь къ матери, говоритъ: „Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю с ѣ н о и д е р е в о. Дай оправленный оловомъ н о ж ъ, которымъ

---

[1]) Якутское слово с у р т (пепелище) = тюрк. ј у р т (мѣсто жительства стоянка, жилище), отъ котораго происходитъ русское ю р т ъ или ю р т а, встрѣчается въ обиходной рѣчи, очень рѣдко, въ значеніи „лѣтника“, „зимника“ (к ы с ы н̡ н̡ ы с у р т) или заброшеннаго жилья (х а̄ л б ы т с у р т), чаще—въ названіяхъ мѣстностей: Кылаі сурда, Хотӯр сурда, Сурт сысы̄ и пр. По *Сѣрошевскому* („Якуты“, 347), с у р т назывались мѣста, гдѣ пасли скотъ: „былъ кобылій суртъ; былъ коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу, изъ сурта на суртъ“. *Э. П.*

я играю—строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю—перерубаю траву и дерево!" [1]) Во-первыхъ, мы видимъ, что запасать сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, какимъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки" травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ ножомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отличаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное—къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ—не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей коническую юрту изъ бересты, которая имѣетъ спеціальное якутское названіе—ураса [2]). Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я спеціально осматривалъ, имѣетъ около $3^1/_2$ саж. вышины и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольнаго сѣченія урасы—кривая. Оконъ нѣтъ, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываютъ вертикально столбы,—въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12,—вышиною въ сажень на разстояніи отъ $2^1/_2$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждыми двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (орто курдӯ), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1^1/_2$ отъ столбовъ, вкапываютъ наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что онѣ лежатъ на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

[1]) *Худяковъ, И. А.* Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.
Э. П.

[2]) Ср. бурятское uruse (палаточное или шатерное древко), которое Castrén (Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ урабасъ— шестъ, жердь. Э. П.

лаютъ кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго сѣченія предполагающагося конуса, и насаживаютъ его на пропущенныя внутрь жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальныя не доходятъ до вершины аршина $1^1/_2$ или 2 и ихъ концы привязываются къ другому, гораздо меньшему кругу изъ крученыхъ талинъ. На этотъ остовъ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестяный покровъ, сшитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще обкладывается кусками бересты, но уже не сшитыми, а сверхъ всего этого лежатъ также вкопанныя нижними концами жерди, которыя опять пригнетаются посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ серединѣ урасы устраивается холумтан или состуок (русск. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 вершковъ, плотно набиваемый глиной и служащій очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2^1/_2$ арш. вышиною; столбы (ачāх или кölö) соединены между собою перекладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (кöхö) для навѣшиванія котловъ[1]). Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основные столбы, идутъ къ берестяному покрову неподвижныя лавки, орон'ы, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ[2]) наслегѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ[3]), такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ, а для лѣтняго помѣщенія устраиваются такіе же балаганы, какъ и для зимняго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имъ, значитъ, извѣстно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней родины какъ самое слово, такъ и умѣнье строить балаганы, но, въ такомъ

---

[1]) У г. Сѣрошевскаго („Якуты", стр. 350) ошибочно перекладины названы ачāх; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянныя крючья ошибочно названы кölö вм. кöхö. Э. П.

[2]) Авторъ жилъ въ 3-емъ Жехсогонскомъ наслегѣ Ботурусскаго улуса Э. П.

[3]) Въ упомянутомъ наслегѣ богатый родовичъ Н. П. Слѣпцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохранить для потомства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилья, признаваемаго Сѣрошевскимъ (Якуты I, 317) „за самую древнюю форму якутскихъ жилищъ". Э. П.

случаѣ, такія же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожительства которыхъ якуты и пришли сюда, но тамъ ихъ нѣтъ. Съ другой же стороны, если имъ были извѣстны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, что могло побудить ихъ строить урасы, которыя хуже защищаютъ отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго матеріала? Можно подумать, что онѣ строились только для лѣтнихъ помѣщеній, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось названіе буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы [1]). Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая остовъ его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столъ, который состоялъ только изъ столешницы, сшитой изъ бересты и прикрѣпленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различныя части ремнями,—даже копылья привязаны или, вѣрнѣе сказать, пришиты узкими ремнями къ полозьямъ. Я полагаю, что сшитыя нарты болѣе соответствуютъ сшитой урасѣ и сшитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты сшиваются изъ мелкихъ досточекъ, которыя прикрѣпляются ремешками къ рукояткѣ,—что лодки и деревянныя части сѣделъ также сшиваются,

---

[1]) Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ поръ якуты живутъ „въ коническихъ обсыпанныхъ землею чумахъ“. Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II. вып. I. Ирк. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. *Н. Шкловскаго*, стр. 37, *Прим. автора.*

По сообщенію В. И. Іохельсона, эти коническія обложенныя дерномъ (но не обсыпанныя землей) юрты встрѣчаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаще). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Іохельсонъ разсматриваетъ этотъ типъ лѣтняго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованнымъ отъ осѣвшихъ тунгусовъ. Объякутѣвшіе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ. *Э. П.*

то для насъ станетъ вполнѣ ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣетъ ничего общаго со сшиваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической основой [1]).

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, оказалось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной стороны обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта еще толстымъ слоемъ снѣга. Лена скована непроницаемой броней, и, какъ ни старается солнце разжечься,—ничего не выходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подлѣ нея нѣтъ снѣга, только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испарины, далеко разнося ароматъ якутской весны,—ароматъ, отъ котораго тошнитъ; въ немъ преобладаетъ ѣдкій запахъ аммiака съ запахомъ горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшiяся мѣста. Горитъ коровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной обмазки.

Обыкновенно каждую осень, когда начинаетъ и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно недѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго матеріала,—вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете увидѣть цѣлыя горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны,—якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

[1]) По мнѣнію *Миддендорфа* (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, ӯтäн, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его"; ӯтäн—охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстіемъ вверху, и обмазанный глиною или обложенный дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ" (ibidem). Ср. *Сѣрошевскій*, „Якуты", стр. 362—3. *Э. П.*

пени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ничего вамъ не скажетъ: сплошь и рядомъ состоятельные якуты живутъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую не признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутаго цивилизаціей, т.-е. неграмотнаго и не ѣздящаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны пріобрѣтаетъ окончательно пасторіальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе оттѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ,— вы уже предчувствуете, что васъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ васъ жизнь якутовъ,— поражаетъ ваше зрѣніе, обоняніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ вліяніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи человѣка, открывающаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что с а х а, которымъ называютъ себя якуты, имѣетъ общій корень со словомъ с а̄ х, коровій навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языкъ и практически, и теоретически—не существуетъ никакого лингвистическаго родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытіе въ этомъ родѣ, превзошедшее своею бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытія. В. Л. Приклонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ[1]), что якуты

[1]) Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старинѣ“ 1890, вып. II: Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки), гл. II, стр. 32.
Э. П.

„носятъ названіе саха—навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще и вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но почтенный авторъ „Матеріаловъ по этнографіи якутовъ“ не подозрѣвалъ этого, а разъ онъ этого не подозрѣвалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его рѣшимости обогатить этнографію и иныя науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?); за отсутствіемъ глины хозяйство якута безъ навоза немыслимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья началась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказкахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда онѣ обкладываются землей; затѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (буор сахалар[1]), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говоритъ авторъ? Разъ глины совсѣмъ нѣтъ, то, значитъ, и горшки дѣлаютъ изъ „навоза“—чтó можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“ [2]). Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмолачиваютъ зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ назвать это открытіе. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки[3]) и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя—а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7—8—

---

¹) *Худ.*, стр. 68. *Э. П.*

²) Говоря, что якуты дѣлаютъ изъ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашу изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій таръ изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., ор. с., стр. 43). Таръ—прокисшее за лѣто молоко. *Э. П.*

³) Татты, лѣваго притока Алдана. *Э. П.*

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго цвѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаніемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискось торчащей трубой изъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны всходитъ" и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь" [1]). Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ варіантѣ той же сказки, „мое девятилучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло свои лучи въ домъ" [2]); точно такъ же понятно. почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотон'омъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представится при выходѣ поутру изъ юрты, было животворящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ лицомъ къ востоку, находитъ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они и о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры къ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточной [3]). По-якутски однимъ словомъ

---

[1]) *Н. Гороховъ* Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, №№ 5—6, 1884 г. Ирк. 1885, стр. 44). *Э. П.*

[2]) *Худ.*, стр 132. *Э. П.*

[3]) Въ якутскомъ языкѣ ilin значитъ: передъ и востокъ, передній и восточный. *Э. П.*

(арҕа) означается спина, тылъ и западъ, сѣверъ называется лѣвой стороной (хаӊас), а югъ правой (уӊа). „По китайскимъ лѣтописямъ,—говоритъ Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,—ханы хунскіе задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцепоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ сѣверную Монголію, а оттуда въ Сибирь [1]).

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одеждѣ шамана, въ которой онъ камлаетъ, имѣется изображеніе продыравленнаго въ центрѣ солнца (кӱн), т.-е. обезсиленнаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлическій кругъ (тусахта), который нашиваютъ якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣетъ аналогическое значеніе съ кругомъ шаманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ [2]), а, слѣдовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлическій кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [ajысыт], надѣваютъ свои шапки задомъ напередъ,—не устраняютъ ли онѣ, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время всѣ мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другія косвенныя доказательства. Кӱн тоjон—собственное имя, Господинъ Солнце; слово кӱн, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

---

[1]) Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. *Э. П.*

[2]) Также и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ іiін кӓбісӓр. *Э. П.*

ковымъ солнцемъ" (аламаі кӱн). Кӱн һāн буолла! померкло солнце, прости солнце!—восклицаніе, съ которымъ умирающій якутъ разстается съ жизнію. Солнце имѣетъ еще эпитеты: почтеннѣйшій чародѣй и слѣдящая особа. Кӱн уота—солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ—божество и, въ то же время, сынъ солнца [1]).

Но войдемъ же, наконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ сказать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете сунуть носъ въ это логовище, какъ васъ шибанетъ такой ароматъ, котораго вы нигдѣ не встрѣтите. Я не въ силахъ опредѣлить ароматъ якутской юрты. Если вы спросите якута, каковъ, напримѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтитъ, что то и другое не такъ ѣдки, какъ желчь, но болѣе ѣдки, чѣмъ соль,—такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовыя ощущенія веществъ не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмосферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ смрадъ отъ падали, но невыносимѣе атмосферы казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глухихъ провинцій,—въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-четырехлѣтняго возраста совершаютъ всѣ свои отправленія на полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а полъ—земляной и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными полами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшивается въ большомъ количествѣ ѣдкій амміачный запахъ хотон'а, который часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ что либо скотъ проходитъ въ хотон черезъ край юрты, либо люди проходятъ въ юрту черезъ край хотон'а. При входѣ въ юрту, у васъ сейчасъ же завертитъ буравомъ въ носу, потомъ крутнетъ во лбу и запершитъ въ горлѣ, а затѣмъ станетъ тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кромѣ нечистотъ, на которыя вы легко можетъ наступить, на полу масса выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

---

[1]) Во время весенняго праздника устраивается ысыах [кумысная попойка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юноша развѣялъ убитаго дьявола по землѣ на ысыах солнцу и мѣсяцу" (*Худ.*, 161). Итакъ, солнцу приносятъ жертвы, какъ божеству, и приносили не только во время весенняго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

Прим. автора.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пунктѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полумракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимся черезъ оконныя льдины, покрытыя слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выносятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дня въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвалу; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематическаго голоданія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей пріучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блистательно, но на бѣду она околѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрелъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но безъ достаточной выдержки. Мнѣ разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старый якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не ѣли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ останавливался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго нельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наслежномъ собраніи, что онъ, будучи сосѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобнаго печальнаго случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого-либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скупости, никогда не рѣшится на это. Все общество выслушало рѣчь молча и

вполнѣ серьезно,—на это якуты большіе мастера. Скаредъ же, по окончаніи рѣчи, испугавшись, что его станутъ черезъ мѣру кормить мясомъ, поспѣшилъ уѣхать домой, а дома велѣлъ поймать самую жирную кобылу и убить ее,—такъ онъ и его семейство стали ѣсть мясо. Это не анекдотъ, а дѣйствительный случай.

Якуты отъѣдаются лѣтомъ, когда у нихъ много молока, а наѣдаются до отвалу, въ началѣ осени, хоть одинъ разъ: такъ какъ въ это время многіе бьютъ скотъ, то и бѣдняку удается поѣсть гдѣ-нибудь мяса. Въ неурожайный же годъ и беднота бьетъ скотъ: или очень молодой (бычковъ), или очень старый, который не идетъ въ продажу. Когда какой-нибудь якутъ бьетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вороны на падаль, ибо каждый гость не только поѣстъ мяса, но получитъ еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній, сосѣди (не богачи) бьютъ осенью скотъ поочереди, и счетъ съѣденнаго сосѣдями мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, я пріобрѣтаю право воспользоваться у него тѣмъ же.

Богачи большую часть года живутъ сыто, но и они къ веснѣ тощаютъ, потому что къ тому времени и у нихъ истощается пища, которую изъ скупости запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ. Однажды весною я замѣтилъ нашему улусному головѣ, человѣку богатому, что онъ въ послѣднее время значительно похудѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что весною всѣ якуты худѣютъ,—таковъ законъ природы.

Ребятишки, которыя толпятся у камина, указываютъ ясно, что вы находитесь среди первобытнаго народа. Маленькія дѣти, 2—3 лѣтъ, совершенно голы, съ громаднѣйшими животами, тонкими ногами и руками, а тѣ, которыя постарше,—въ рваныхъ и въ высшей степени грязныхъ рубахахъ изъ синей дабы. У мальчиковъ головы обстрижены подъ гребенку, а у дѣвочекъ волосы заплетаются въ одну косу, туго перевязанную узенькимъ ремнемъ и увѣшанную серебряными бляшками и трубочками, а также разноцвѣтными бусами; голова же всклокочена до такой степени, что волосы торчатъ во всѣ стороны,—совсѣмъ воронье гнѣздо. Дѣти грязны до невозможности, часто покрыты струпьями, со слезящимися глазами,—очень мало якутовъ, у которыхъ никогда не болѣли бы глаза; относительно же струпьевъ они думаютъ, что каждый ребенокъ долженъ имѣть ихъ въ извѣстномъ возрастѣ.

Ребятишки, при видѣ „нучи“ (нӯча—русскій), съ испугомъ, а иногда и съ плачемъ бросаются къ взрослымъ членамъ семьи, ища защиты; женщины не менѣе пугаются „нучи“, но не бѣгутъ, а только поглядываютъ съ опаской, да и мужчины смотрятъ исподлобья на незнакомаго „нучу“. Вообще, чѣмъ глуше мѣсто, тѣмъ большую сенсацію производитъ появленіе „нучи“.

Дѣти, какъ и взрослые, постоянно толпятся у камина, который, при здѣшнихъ холодахъ въ теченіе 8 зимнихъ мѣсяцевъ, служитъ центромъ всей якутской жизни. Въ каминѣ, впрочемъ, огонь горитъ круглый годъ, и только въ самое жаркое лѣтнее время якутка, войдя въ юрту, не подойдетъ къ камину грѣть руки и не скажетъ: „ычча“! (холодно!). Во всякое же другое время якуты обоего пола и всѣхъ возрастовъ, придя со двора, суютъ руки въ самый огонь, а затѣмъ согрѣваются сами, поворачиваясь около камина и заворачивая полы верхняго платья. Якуты постоянно сидятъ передъ огнемъ,—работаютъ ли, ѣдятъ ли, пьютъ ли чай, или болтаютъ. Гостю, которому желаютъ оказать уваженіе, предлагаютъ мѣсто у камина. Каминъ же служитъ имъ главнымъ средствомъ лѣченія: больной, чѣмъ бы онъ ни былъ боленъ, жарится у камина по цѣлымъ днямъ; во время оспенной эпидеміи я видѣлъ взрослаго якута, который, захворавъ, немилосердно жарился у огня, сидя безъ рубахи.

Якутки—я говорю о массѣ—дома всегда ходятъ только въ одной рубахѣ и коротенькихъ штанахъ (зимой — изъ телячьей шкурки, а лѣтомъ—изъ синей дабы), на головѣ—бумажный платокъ, а на ногахъ—кожаная обувь. Якуты сидятъ дома также въ однѣхъ рубахахъ и въ кожаныхъ штанахъ; на ногахъ у нихъ такая же кожаная обувь, но болѣе теплая; они, кромѣ того, всю зиму носятъ теплые набрюшники. Якутки, отправляясь къ сосѣдямъ версты за 3—4, чтобы поболтать или занять горсть муки, щепотку чаю и пр., надѣваютъ шапку (цабакка) съ верхушкой (туорчах) изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна и широко опушенную мѣхомъ, затѣмъ суконный или кожаный „сон“—верхняя одежда съ таліей, широкими рукавами у плечъ и съ разрѣзомъ назади до самой поясницы,—надѣваютъ также рукавицы и въ такомъ видѣ отправляются по 40 — 48° морозу. Якутъ, собираясь ѣхать за дровами или за сѣномъ, подвязываетъ себѣ уши бумажнымъ платкомъ, надѣваетъ мѣховую шапку, опять же „сон“, но короткій и безъ разрѣза,—беретъ теплыя рукавицы, иногда обвязываетъ физіономію шарфомъ или большимъ теплымъ женскимъ платкомъ и въ такомъ видѣ ѣдетъ

верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ сани, и ѣдетъ верстъ за 10; такимъ же порядкомъ, т.-е. верхомъ на быкѣ, возвращается онъ съ дровами или сѣномъ.

Якуты не любятъ ходить пѣшкомъ и потому, какъ бы ни былъ тяжело нагруженъ возъ и какой бы сильный морозъ ни былъ, они сидятъ верхомъ на быкѣ, напѣвая иногда свою незатѣйливую пѣсню. Если якуту представляется возможность завернуть по дорогѣ въ юрту, то онъ не пропуститъ удобнаго случая. При этомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ у него спѣшныхъ дѣлъ нѣтъ, а выиграть можетъ хоть понюшку табаку, а, можетъ-быть, и чашку чаю, или хоть просто поболтаетъ и погрѣется. Онъ не заѣдетъ только въ томъ случаѣ, если везетъ сѣно, потому что не только бродящій вокругъ юрты скотъ нападаетъ на возъ, но и хозяйка, замѣтивъ остановившагося съ сѣномъ простофилю, нарочно выгоняетъ скотъ изъ хотон'а.

Богатые якуты одѣваются, разумѣется, теплѣе.

Съ другой стороны, тѣ же якуты уже съ ранней осени, когда нѣтъ еще и 10° мороза, одѣваются точно такъ же, какъ они одѣваются и въ 48°,—разумѣется, они не одѣваются теплѣе въ большіе морозы не потому, что имъ было бы слишкомъ жарко, а потому, что у нихъ нѣтъ болѣе теплой одежды. Я видѣлъ, какъ якутки, отправляясь по вечерамъ въ концѣ августа доить коровъ, одѣваютъ тотъ самый „сон", въ которомъ онѣ щеголяютъ въ сильнѣйшіе морозы, и какъ онѣ, возвращаясь отъ коровъ, оказывались совсѣмъ прозябшими, хотя на дворѣ было около +8°. Якуты, на мой взглядъ, народъ зябкій, но только привыкшій безропотно выносить и холодъ, и голодъ, и всякія невзгоды, такъ что со стороны можно подумать, что они не чувствительны ко всему этому, хотя, несомнѣнно, чувствительность ихъ слабѣе, чѣмъ у народовъ культурныхъ. — Я вспоминалъ самоѣдовъ, которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Мезени. Тѣ, дѣйствительно, свыклись съ суровостью своего климата до того, что, во время поѣздокъ въ городъ по дѣламъ, они всегда привозятъ съ собой чумъ, который и разбиваютъ на чьемъ-либо дворѣ,— въ избѣ они едва могутъ высидѣть минутъ 15, да и то еще выбѣгая на морозъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОТДѢЛЪ II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ, НАИБОЛѢЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЯ НА ВОЛЫНИ.

Лирники и кобзари до настоящаго времени не перевелись на Волыни; но ихъ пѣсенный репертуаръ подвергся значительной перемѣнѣ. Благодаря гоненію на историческія малорусскія пѣсни со стороны администраціи, украинскіе миннезингеры стали предпочитать „пісьні божественни“ и забываютъ знаменитыя думы, къ счастью, уже попавшія въ книги. Здѣсь я привожу нѣсколько украинскихъ думъ, которыя донынѣ можно услышать на дорогахъ и деревенскихъ улицахъ Волыни отъ слѣпыхъ лирниковъ [1]).

Дума про Бондарівну.

Ой у місті на риночку капелія грала,
Молодая Бондарівна з радощив гуляла.
Говорили Бондарівні стари люде тихо:
— Втікай, втікай, Бондарівно, буде тобі лихо.
А втікала Бондарівна по межи до мами,
А за нею два жандара, с гострими шаблями.
А догнали Бондарівну на височим мосту
Сама вона хорошая, хорошого зросту.
А прибіли Бондарівну до якоїсь хати,
Там убрали Бондарівну як до шлюбу мати.
А в нашої Бондарівни вінок из барвинку,
Так убрали Бондарівну, як до шлюбу дівку.
Посадили Бондарівну на золотим крислі, —
— Співай, співай, Бондарівна, жалобної пісні!
Та став, та став пан Каневськи ружо набівати,
— Ой чи будешь, Бондарівно, в суконьках ходити,

[1]) Текстъ приводимыхъ думъ полученъ мною изъ рукописныхъ матеріаловъ Городецкаго музея (Ровенск. у.) бар. Ѳ. Р. Штейнгель.

Ой чи будешь, Бондарівно, в сирій землі гнити?
— Лучче мені, пан Каневські, в сирій землі гнити,
Ниж с тобою, збиточникомъ, на цім світі жити.
Ой як вдарив Бондарівну під правее ухо,
Лежить, лежить Бондарівна ни слаба, ни глуха.
Ох як вдарив Бондарівну пид правую ручку,
То потекла з Бондарівни кривавая річка.
А в нашої Бондарівни жовти черевички,
Куда ведуть Бондарівну все криваві річки.
А в нашої Бондарівни подолком мережка,
Куда її проводили—все кривава стежка.
Ой як сказав пан Каневській в капелію грати,
Молодую Бондарівну хороше сховати.
Грае, грае, капелія до гробу идучи,
Плаче, плаче стари Бондар за дочкою йдучи.
Ой як стали Бондарівну в дил спускати,
То став, то став старій Бондар с жалю умлівати.
Як висипав пан Каневській на стил бочку гроши,
— Ото тобі стари Бондар за дочку хорошу!
Як висипав на стил гроши, а все талярами,
— Ото тобі старій Бондар за личко біляве...

Бужовецкая волость, Засл. у.

Дума про Коваленка.

У неділю та пораненьку
Збирав женців та Коваленко,
Збирав же він все добиршії,
Хлопці и дивчата все молодиї.
— Ой жніть, женці, розжинайтеся,
Та на чорну хмару оглядайтеся,
А я пійду та по сніданьне,
Та по раньнее та обіданьне;
А я пойду та поснідаю,
Свого домовства одвідаю.
Ой жнуть женці, розжинаюця,
Та на чорну хмару оглядаюця.
За годину, за дві Коваленко йде
И за собою орду веде,
Чорни очи заслоняви,
Назад ручки завязани:
— Утікайте, хлопці, як сила зможе,
Куди которому Бог допоможе,
Бо вже мене та Господь скарав,
Що я в неділю женців збирав!..

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Немирівночку.

На дорогій горілочці на меду,
Продала мати свою дочку молоду.
— Ой за що ж ти, мою мамцю, в корчмі пьешь,
Десь ти мене молоденькую продаешь?
— Ой продаю, моя донечко, продаю,
За молодого Денькевича замуж отдаю.
— Ой не хочу, моя матінко, не хочу,
Лучше пійду в бистру річеньку ускочу.
— Ой вінчайся, моя донечко, вінчайся,
Тай въ чисте поле з паном Денькевичем пускайся.
Ой пишла Немирівночка горою,
А за нею пан Денькевич другою.
— Ой чого ж ти, Немирівночко, пішки йдешь,
Десь ти у мене та воронихъ коней не маешь?
— Як есть коні вороиї—не мої,
Не до мишлі, пан Денькевич, моеї.
— Ой чого ти, Немирівночко, боса йдешь,
Десь ти у мене та черевичок не маешь?
— Як есть в мене черевиченькі—не мої.
Не до мишлі, пан Денькевич, моеї.
Ой як догнав Немирівночку на мосту,
Та привязав коню вороному до хвосту.
— Ой ступою, мій конику, ступою,
— Бо не зийде Немирівночка з тобою.
Ой в неділю та ранесенько до зорі
Мандрувала Немирівночка три милі,
А в неділю вранці до сонця
Сидить плаче Немирівночка в виконці

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Почаевську гору.

Зийшла зора̀ серед мора
Над монастиромъ стала,
Вивернуло турецьке військо,
Як чорная хмара.
Вивернуло турецьке військо
И святу гору укривае,
Вийшовъ отець Зелізо̀
З жалю умирае.
— Ой вийди, вийди, Божая мати,
Монастир погибае.
Вийшла, вийшла Божая мати
На крижові стала,

Кулі вертала, турків вбивала,
Коням вязи звертала.
Питаеця найстарши турокъ:
— „Що то за пані стала?
— Не есть то пані, то Божа мати,
Тут вам всім погибати.
— „Ой перестань Божа мати
На вас воювати,
Ми присягнемъ—до монастира,
Що року дань давати.
Зсукали свічу из ярого воску,
Під тую свічу сім па́р волив запрягали.
Приснилось найстаршому чернецю,
Теї свічи не приймати,
Вивезти свічу въ чисте поле
И сокірами розрубати.
Вывезли свічу в чистее поле,
Сокірами разрубили—
Кулі патрони и всякі знамени
По полю розсипали.

С. Милостово, Ровенск. у.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

Волынская сказка про жаднаго попа и бѣднаго Кирика.

Що ся стало на Волині, въ Овручском повіті; таке було чудо, як не може бути на світі. У тим селі в Нездиборі, там тече річка, стоить хрест зелений, св. Ивана капличка, и в тим селі чоловік Кириком звався, робив щире, нигди добра ни дождався. Мав, ди тятко единим едное, от бідности шолудиве, пузате, слабое; прійшов рабочи час жнивка, померла Кирику дитинка; пишов Кирик до попа, упав на колінки: „Помилуй честний ойче, померла мені дитинка, и коб могли, честни отець, дитятко сховати, а грошей, шо буде палежатися, до осени заждати". „Лучше я тобі Кирику скажу: иди ти мені на лан косити, а твоя жинка нехай йде мені жати, то тепера я тобі буду дитя ховати, ниж я маю тобі до осени ждати".— „Не можно, добродзею, тепер не той час, як же ви и сами знаете, тра панщину одробити, и собі кусок хліба заробіти". Піп тупнув ногою, стряснув бородою, вдарив Кирика в спину: „Пошол, бродяга, сукинъ сыну!" Пришов Кирик до дидича, упав на колінка: помилуй мене, пане, померла мені дитинка и не хоче мене ни піп, ни громада знати, як же я можу, несчастний, дитя сховати. „Ой, що я тобі, Кирику, скажу: не хоче тебе, ни піп ні громада знати, можешь ти и сам собі дитя поховати". Прійшов Кирик до дому. Що мае з лиха робити? Взяв заступа и лопату, пишов на могилки, зачав ямку значити; иде дідок: шапочка ясненька, одижка на ним красненька. „Що ти, Кирику, думаешь? Ямку копать? не копай тут, бо тут тобі за твердо буде, нехай тут копають кріпшиї люде, иди на долинку копати ямку на свою дитинку". Пишов Кирик, не довго копався, до котла добрався, открывае сміло: карбованці білиі зніс у гори очи, взяв гроши пид полу, пішов до дому охочи; гроші в комору, а жинці своїй лучшій обід распорядив и пишов до коршми, взяв спуст горілки и другій вина, и постарався йісти, е вже що лучь и у богатиря. На завтра рано пишов до попа, став сміло питати: „щоб то честний ойче, треба за похорони дати"? Піп зачав на него очи витрещати: „Чи ти, Кирик, зворовав? Чи ти скрутився? чи ти до грошей добився? Дай пьятнадціть рублівъ! Кирик довго не думае, на стил корбованці викладае.. И просив вин на обід сусід близенькихъ: попа съ попадею и братчикив из цілою риднею. Нихто ж ни завидливий був, як піп с попадею, що вчора Кирик на колінка падав, не було в него и сухара, сегодня есть шо їисти й пити, лучь як у богатира. Похоронивши дитятко, пришов піп до дому; сильно задумався. „Ах, добродзійко, як би тут дознаться, де Кирик до грошей добрався!"

— „Не знаешь, мое миле голубя, що: пристань на мое разсужденье,— приде свята висповідь, не дай ему разрішенья, Кирик признаеця де гроши взяв". Чуть на висповідь займае, піп по Кирика посилае. „А шо он ти, скоте негодний! Ти пьешь, гуляешь, а об своїй души не помятаешь? Окаянный! Де ти гроши взяв?" „Найшов, добродзею, на могилках, як дитя ховав". Піп развеселився. „Ах, добродзійка! Кирик мені признався. Будемъ тепер думати, як би от

Кирика гроши одибрати". „Не знаешь ты, мое миле голубя, що, пристань на мое разсужденье: есть у нас на горі съ чорного вола великая шкура, ще й съ сумними рогами, я тебе в нее уберу. пійдешь у пивночи до Кирика, станешь двери ломати и дивними голосамі кричати. Скажи-ж так: „оддай мои собственниї гроши! Взявъ на могилках, як дитя ховав"!.. Кирик перестрашився, за котел! На рижок ему повисив, а сам сів и думку думае Піп прійшов до дому, попадя зрадовалась, за котел вхопила, тай руки вкипіли; вона руки одирвала, хтила гроши вибирати, але не хочуть гроши из купки розливатись; хтіла вона и с попа шкуру сдирать, але ж зачала кровь лигись. Сидить піп над грошіма, вже й па світ займае; піп попадю по Кирика посилае. Кирик трошки знав; а решту догадався: „Э-э зачім то добродзій на висповіді попитався"!

Прійшов Кирик до попа,—сидить піп над грошіма, страшній, у шкурі, спустив в землю очи, а Кирик до него говорить охочій. „Эй, Кирику! Визьми свои собствениї гроши до дому, змилуйся, ни кажи ни кому!" „Не хочу я тих грошей брати, нехай я пиду, дам дідичові знати". Пишов Кирик до дидича, дав за сее знати. Дидич казав усю громаду зигнати, хтоб то миг отъ попа Кирикови гроши взяти. Хтила громада взяти, але который визьме за котел, то не хочуть руки отставати.

— „Возьми, Кирику, свои гроши собственниї до дому".

Кирик гроши сміло взяв и занис до дому а попа веревкою за роги повели до Почаева, де Божая мати. Вийшов архирей, подивився, одибрав бумагу и зачав читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ти чудов витворяти! Одишлю я тебе до Ганополя, там тобі буде несчастная доля". Привели до Ганополя, вийшов архимандритъ, ставъ бумагу читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ты чудов витворяти"! и казав его по базару провожати. Взяли веревкою за роги, повели на базар, біжать люде, идень до другого кричать, так що нигде пе стало въ хаті и живої души; бо одни кажуть що город палиццю, а други сказали, що жидивській мишіямъ заявився, а други здибали межи до мами, думали, що зловила чорта з рогами; водили, водили, потим положили на смітті, щей палками біли, завели на вич у пусту каплицю. Зачав піп дримати, аж тут над ним стало світло палати и зачало ему буцім во сні придаватись: „Забудься чудов витворяти, то шкури позбудесся"! то вип зачав без сон кричати: „Господе, буду забувати, вдамся до покути, абі шкури позбути"! „Встань же рано, встрепенися, шкури посбудешься"! Встав піп рано, встрепенувся, шкури позбувся, пишовъ архимандриту поклонився, опьять на парахвію добився.

Записалъ учитель В. Качковскій
въ с. Ледянкѣ, Заславскаго уѣзда.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Стародубъ—уѣздный городъ Черниговской губерніи—принадлежитъ къ очень древнимъ русскимъ городамъ.

Въ 1080 году онъ уже подвергался нападенію Половцевъ, и съ тѣхъ поръ почти каждый годъ его жизни записывался кровью: татары, польша, литва, Москва, внутреннія смуты—разоряли, сжигали, кровью заливали городъ.

Одна улица и до сихъ поръ зовется Красной отъ когда-то пролитой тамъ массы крови.

Съ конца 18-го столѣтія жизнь города становится спокойнѣе.

Послѣ раздѣленія Малороссіи на полки при гетманѣ Иванѣ Брюховецкомъ сталъ извѣстенъ и полкъ Стародубовскій, съ входящими въ него 11-ю сотнями, въ числѣ которыхъ были 1-я и 2-я полковыя Стародубовскія сотни.

Въ 1763 году 17 февраля гетманъ Разумовскій, учреждая для Малой Россіи земскіе, подкоморскіе и гродскіе Суды—раздѣлилъ ее кромѣ полковъ еще и на повѣты.

„Повѣтъ составлялъ нѣкоторое знатное число селеній, нѣсколько сотенъ въ себѣ заключающее". [1])

Въ Стародубскомъ полку было три повѣта: Стародубовскій, Погарскій и Глуховской.

Съ прекращеніемъ гетманскаго правленія въ Малороссіи, генералъ-губернаторъ и президентъ второй Малороссійской коллегіи гр. Румянцевъ учредилъ въ каждомъ повѣтѣ коммиссарства; на обязанности коммиссаровъ было не только собираніе денежныхъ доходовъ, но они „должны были въ своемъ округѣ переходящія войска провожать и жителей отъ обидъ защищать" [2]).

Въ полку Стародубовскомъ было три коммиссарства: Стародубовское, Топальское въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверское.

Въ 1782 году было совершено раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества изъ которыхъ Новгородское-Сѣверское было торжественно открыто 27 января. Въ числѣ 11 уѣздныхъ городовъ въ этомъ намѣстничествѣ оказывается и Стародубъ.

---

[1]) Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе... сочиненное Дѣйств. статскимъ сов. и кавалер. А. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. Изд. Судіенко. Кіевъ 1851. Ч. I, стр. 95.

[2]) То же, ч. I, стр. 101.

Въ 1796 году онъ причисляется къ городамъ Малороссійской губерніи и лишь съ 1802 года занимаетъ мѣсто уѣзднаго города Черниговской губерніи.

Какъ видно уже изъ этого очерка, Стародубъ игралъ видную роль въ жизни края и въ немъ происходилъ постоянный притокъ и отливъ людей.

Теперь это захолустный городокъ съ едва слышнымъ пульсомъ жизни.

Населеніе состоитъ изъ казаковъ, купцовъ и мѣщанъ. Среди населенія нерѣдки случаи занятія отхожими промыслами, особенно на югъ, въ донецкія копи.

Наклонность къ сношеніямъ съ далекими рынками обнаруживалась у Стародубцевъ уже и раньше, такъ напр. въ 1701 году извѣстны торговыя ихъ сношенія съ Архангельскомъ, куда они отправлялись съ товарами [1]).

Имѣя сношенія съ крайнимъ сѣверомъ, югомъ, Петербургомъ и Москвою [2]), Стародубъ до нѣкоторой степени долженъ былъ получить чуждыя ему слова и напѣвы, которые изрѣдка слышатся въ немъ какъ отголосокъ далекихъ пѣсенъ и переплетаются въ причудливыхъ извивахъ съ его родными пѣснями.

Откладывая до слѣдующей статьи разборъ и сравненіе пѣсенъ всѣхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, я въ этой статьѣ приведу пѣсни Стародуба во всей ихъ чистотѣ, сохраняя по возможности и произношеніе словъ.

Начинаю же я съ пѣсенъ Стародуба потому, что, какъ я сказалъ, городъ этотъ является однимъ изъ древнѣйшихъ Черниговской губерніи, а кромѣ того и я съ нимъ наиболѣе близко знакомъ, такъ какъ живу въ немъ около 27 лѣтъ.

Пѣсни я записывалъ отъ нѣсколькихъ пѣсенниковъ и сравнивалъ однѣ и тѣ же пѣсни, но продиктованныя разными лицами—для избѣжанія субъективной передачи.

Если встрѣчается разница въ строфѣ или словѣ, то я помѣщаю варьянтъ тутъ же въ скобкахъ.

Особенно много пѣсенъ я записалъ отъ казака Ивана Прокофьевича Кастрюбы, письмоводителя инспектора народныхъ училищъ и его сестеръ, меньше отъ казака Федора Яковлевича Лужкова, служителя при Стародубской мужской гимназіи и казака Молчанова, служащаго въ казначействѣ.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ лицъ участвовали въ исполненіи „царя Максимиліана“ и „ходили со звѣздой“. Также принималъ участіе въ моей работѣ инспекторъ народныхъ училищъ Г. С. Меверницкій; Стародубскій городской голова В. А. Плешко былъ весьма обязателенъ, доставивъ мнѣ всѣ необходимыя справки.

---

[1]) Письма канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина къ гетману И. Скоропадскому LXXIV. Матер. для отечественной исторіи изд. М. Судіенко. Кіевъ. 1855. Т. II, стр. 209.

[2]) См. прим. I. стр. 406.

Обычаевъ свадебныхъ, крестинныхъ, и проч. я описывать не буду, такъ какъ Пригаровскимъ [1]) описаны таковые для с. Меленска, находящагося всего въ 12 верстахъ отъ Стародуба; они довольно близко походятъ на Стародубскіе, если же есть небольшая разница, то она будетъ мною указана въ слѣдующемъ сравнительномъ очеркѣ.

Пѣсни я располагаю въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Щедровныя.
2. Коза.
3. Пѣсни звѣздоносцевъ.

(1–3: Рождественскія пѣсни.)

4. На масляной.
5. Хороводныя.
6. Ивановскія.
7. Гряныя (передъ жнивьемъ).
8. Живыя.
9. Конопляныя.
10. На работу.
11. Съ работы.
12. Осеннія.
13. Свадебныя.
14. Крестинныя (кстинныя).

Конечно, здѣсь переплетаются пѣсни города и пригородныхъ деревушекъ, изъ которыхъ много народа приходитъ на поденныя работы въ Стародубъ: на огороды, „на табакъ", убирать хлѣбъ подъ городомъ, на сѣнокосы и проч.; а нѣкоторыя деревушки (Костинка) занимаются стиркой бѣлья для города, что заставляетъ поддерживать постоянныя сношенія со Стародубомъ.

Въ этихъ деревушкахъ пригородныхъ вы встрѣтите тѣ же пѣсни, что и въ городѣ, да и жители ихъ, занимаясь плотничествомъ или другими ремеслами въ городѣ, мало отличаются отъ коренныхъ городскихъ жителей.

Въ началѣ всѣхъ пѣсенъ я помѣщу „царя Максимиліана", котораго разыгрывали на Рождество.

Лѣтъ 10—12 уже его почти совсѣмъ не играютъ и пьеса эта понемногу забывается.

Причиною къ запрещенію ее играть послужили нерѣдкія столкновенія артистовъ съ горожанами; вообразите себѣ парней 50, молодыхъ, веселыхъ, разгоряченныхъ успѣхомъ и не знающихъ, куда дѣвать накопившуюся въ душной хатѣ энергію. Конечно, шутками ихъ не была довольна полиція, вслѣдствіе чего эти представленія и были запрещены.

А тутъ еще маленькое происшествіе съ невѣстой офицера въ 1-мъ дѣйствіи: ее игралъ молоденькій, хорошенькій мальчуганъ, одѣтый „мамзелью".

Публикѣ эта псевдо-барышня поправилась, и одинъ баринъ рѣшилъ ее отбить у артистовъ; для этой цѣли состоялся цѣлый заговоръ и, послѣ порядочной свалки, псевдо-дѣвица была отнята въ темномъ коридорѣ.

[1]) *Пригаровскій*. Описаніе с. Меленска. Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. 1866 г.

Но когда на свѣту мальчишка сбросилъ платье и предсталъ въ своемъ натуральномъ костюмѣ—у отбивавшаго его донъ Жуана физіономія перекосилась отъ злобы и досады. Быть можетъ, эта досада, отчасти, вылилась и на всю труппу.

Стародубскій варіантъ „царя Максимильяна", нося общій всѣмъ варіантамъ характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно отличается отъ приводимыхъ Каллашомъ [1]) варіантовъ своими чисто мѣстными вставками и цѣлымъ дѣйствіемъ—сценой у разбойниковъ.

Положимъ, все это находитъ свое объясненіе въ мѣстныхъ условіяхъ жизни: гнѣзда разбойниковъ, дѣйствительно, славились по всей округѣ; попы клинцовскіе, т.-е. раскольничьи, рѣзко отличались населеніемъ отъ своихъ поповъ; евреевъ неоднократно вырѣзывали стародубцы; среди горожанъ находится довольно большой процентъ евреевъ, такъ что въ субботу, пожалуй, ничего и не купить, такъ какъ лавки по большей части еврейскія... Ненависть къ евреямъ стародубцы питаютъ особенную.

Вотъ эти нѣсколько особенныя условія жизни и создали рядъ тѣхъ добавленій, которыми Стародубскій вярьянтъ „царя Максимиліана" отличается даже отъ ближайшаго къ нему изъ записанныхъ—Глуховскаго.

Глава I.

Царь Максимиліанъ.

Человѣкъ 50 парней, одѣвши сверхъ своихъ театральныхъ костюмовъ полушубки или теплыя пальто, являлись въ заранѣе назначенный домъ, гдѣ и давали представленіе, длившееся около 3-хъ часовъ.

Занавѣсъ былъ свой, состоящій изъ нѣсколькихъ сшитыхъ кусковъ полотна.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атаманъ—въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ; сбоку виситъ сабля; усы лихо подняты кверху; волосы черные, длинные: видъ страшный.

Есаулъ—одѣтъ также, по бѣднѣе.

Разбойники—одѣты въ красныя рубахи и синіе или черные шаровары, съ кинжалами, саблями, топорами, кастетами, пистолетами и проч.

Лица у нихъ звѣрскія, у многихъ шрамы и кровоподтеки на лицахъ.

Офицеръ—въ курткѣ или сюртукѣ съ эполетами изъ золотой бумаги, съ саблей, въ фуражкѣ съ кокардой, а иногда въ черкесскѣ и шапкѣ.

Невѣста его—молодой парень, одѣтый въ корсетку и юбку, въ платкѣ или иногда въ шляпкѣ.

---

[1]) *Каллашъ*. Къ исторіи народнаго театра. Царь Максимиліанъ. Изъ XXXIX кн. Этногр. Обозр.

Царь Максимиліанъ—въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной на головѣ. Черезъ плечо лента, на груди звѣзда, на плечахъ эполеты.

Венера—молодой женоподобный парень одѣтъ въ кофту и юбку; съ огромнымъ бюстомъ.

Тѣлохранители—въ треуголкахъ, съ булавами въ рукахъ, въ камзолахъ и шароварахъ.

Скороходъ—въ огромныхъ сапогахъ, съ булавой и въ треуголкѣ.

Попъ—одѣтъ въ рогожу и очень растрепанъ, на головѣ какая-то шапка.

Пономарь—въ подрясникѣ, весь измятый и растрепанный.

Адольфъ—въ серебряной коронѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой.

Татары—въ колпакахъ.

Старикъ гробокопатель—въ старомъ сюртукѣ, согнутый.

Соломонида—въ тряпкахъ, видъ отчаянный.

Докторъ—съ очками на носу, носъ красный, несетъ огромную спринцовку.

Фельдшеръ—заклеена щека пластыремъ, глазъ подбитъ, носъ красный, съ огромной бутылкой съ рецептомъ.

Жидъ—совершенно оборванный, въ грязныхъ тряпкахъ, которыя висятъ на немъ лентами, въ ермолкѣ, съ огромными пейсами.

Шмерка—одѣтъ въ одну рвань.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Атаманъ, есаулъ, разбойники, затѣмъ офицеръ и его невѣста.
Сцена представляетъ пещеру. На аванъ-сценѣ стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатертью.

Явленіе первое.

(Атаманъ, есаулъ, разбойники).

Выходитъ атаманъ въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ, вооруженъ шашкой и кинжаломъ; поетъ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы.

Атаманъ (шашка наголо). Есаулъ!

Есаулъ. А что изволишь, баринъ атаманъ?

Атаманъ. Подать графинъ съ водкой

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой. (уходитъ и приходитъ съ графиномъ).

Атаманъ (беретъ графинъ и поетъ):

Братья, въ жизни горя много,
Кто его не испыталъ?
Богъ намъ далъ вино на радость,
Самъ мудрецъ святой писалъ.

Братья, въ рюмки наливайте,
Лейте черезъ край вино!
Все до капли выпивайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволитъ баринъ атаманъ?

Атаманъ. Садись-ка, мы съ тобою поговоримъ, я тебѣ разскажу про жизнь свою. (Есаулъ садится, опираясь на саблю).

Насъ было двое: братъ и я [1]);
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость,—
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь...
Не долго братья пировали,
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.

Есаулъ. Ну, полно, баринъ-атаманъ, намъ говорить про больного,
Давай-ка лучше выпьемъ хмельного.

Атаманъ. Иди и принеси изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска!

Есаулъ. Пойду и принесу изъ-подъ носка,
Чтобъ не брала атамана тоска.

(Уходитъ и сейчасъ же возвращается съ графиномъ и стаканомъ).

Атаманъ. Ну, братъ, наливай-ка и выпей прежде самъ, я знаю, что ты горькій пьяница.

Есаулъ. Пью за здоровье атамана. Ура!

Ватага разбойниковъ тоже кричитъ „ура"; есаулъ въ это время наливаетъ водки атаману).

---

[1]) Братья-разбойники, Пушкина. Когда появилась эта вставка—я не могъ установить.

Атаманъ. Пью за здравье шайки бойкой,
Пью пресладкую настойку! Ура!

(Ватага разбойниковъ кричитъ „ура“!).

Атаманъ (Есаулу): Поднеси-ка шайкѣ!

(Есаулъ подноситъ шайкѣ; разбойники пьютъ и кричатъ „ура“, раздается ихъ говоръ и хохотъ).

Атаманъ. Есаулъ!
Есаулъ. Чего изволитъ, баринъ-атаманъ?
Атаманъ. Что за шумъ?
Есаулъ. Наши молодцы какого-то чудака привели.
Атаманъ. Дать имъ волю, пусть ихъ дуракъ потѣшитъ.

(Шайка смѣется до слезъ надъ дуракомъ).

Атаманъ. Есаулъ!
Есаулъ. Чего изволитъ, баринъ-атаманъ?
Атаманъ. Полно шутить! А ну-т-ка, пошли посмотрѣть въ подзорную трубку; пусть хорошо поглядятъ, не идетъ ли кто, не везетъ ли чего?
Одинъ изъ разбойниковъ (всматривается и говоритъ): Вижу!
Атаманъ. Что видишь?
Разбойникъ. На вербѣ сучки.
Атаманъ. О-то самые полицейскіе крючки!
Смотри-ка лучше!
Разбойникъ. Вижу!
Атаманъ. Что видишь?
Разбойникъ. На водѣ колода.
Атаманъ. О-то самый есть воевода —
Онъ насъ хочетъ поймати,
Въ тюрьму сплавляти! Смотри-т-ка лучше
Разбойникъ. Вижу!
Атаманъ. Что видишь!
Разбойникъ. Край рѣки, теремъ, а въ томъ теремѣ красна-дѣвица Анастасьюшка.
Атаманъ. А нельзя ли ее достать?
Есаулъ. Прикажи-т-ка гребцамъ-молодцамъ сѣсть на лодку да поѣхать.
Атаманъ. Достать мнѣ, товарищи, ту дѣвицу, что край водицы.

(Разбойники садятся и будто плывутъ, изображая это стукомъ въ ладоши; они поютъ):

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и т. д.

(послѣ этой пѣсни еще:)

Эхъ, вы, хлопцы, не робѣйте,
Своихъ ручекъ не жалѣйте,
Пригребайте красну лодочку
Къ Анастасьиному дворочку.
Анастасьюшка выходила,
Графинъ съ водкой выносила,

Всимъ ребятамъ подносила,
Съ атаманомъ рѣчи говорила.
Не прогнѣвайся, самъ хозяинъ,
Въ чемъ стояла, въ томъ и выбѣжала!

Явленіе второе.

(Офицеръ и его невѣста входятъ въ разбойничье жилище, озираясь съ испугомъ кругомъ).

Офицеръ. Ахъ, Боже мой, куда это мы забрались; кругомъ ружья, кинжалы, ножи, вѣроятно, это разбойничье атаманское жилище.

(Выбѣгаетъ атаманъ и хватаетъ его за грудь.)

Атаманъ. Такъ точно, атаманское разбойничье жилище.
А ты какъ сюда зашелъ
И съ собой красну-дѣвицу завелъ?

Офицеръ. Выслушай, кровожадный разбойникъ: это есть не дѣвица, а моя нарѣченная невѣста, съ которой я пришелъ въ Стародубъ закалупиться законнымъ бракомъ.

Атаманъ. Значитъ, ты мой соперникъ? Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай! [1])

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Значитъ, ты трусъ!

Офицеръ. Нѣтъ, я не трусъ, а такъ боюсь! Я готовъ душу на плаху, а голову на количекъ посадить!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ Отведи-тка этого молодца не на кухню, а на конюшню, пусть нашихъ трехдневныхъ щей похлебаетъ, да моихъ коней попасетъ!

(Есаулъ уводитъ офицера, который, обращаясь къ невѣстѣ, поетъ: „прощаюсь ангелъ мой съ тобою“).

Атаманъ (обращаясь къ дѣвицѣ). А тебя какъ звать?

Дѣвица. Людмила.

Атаманъ. А, не даромъ ты кавказскаго офицера полюбила! А званія какого?

Дѣвица. Поповскаго.

Атаманъ. Ахъ, эти намъ попы да протопопы, всѣ зашейки оттолкали. А водку ты пьешь?

Дѣвица. Пью.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Подай графинъ съ водкой!

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой.

(Уходитъ и возвращается съ графиномъ; отдавъ его атаману, снова уходитъ).

---

[1]) Совершенно нельзя добиться, куда атаманъ заставляетъ лѣзть офицера.

Атаманъ (наливая вино, подаетъ Людмилѣ). Пей за смерть своего мужа.

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволитъ баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Эту красу-дѣвицу отведи на покой, да смотри самъ не подшути!

(Есаулъ уводитъ Людмилу и украдкой отъ атамана ее цѣлуетъ).

(Шайка идетъ на добычу, слышится перестрѣлка, во время которой вдругъ раздается крикъ: „атаманъ мертвъ!" Складываютъ разбойники нѣсколько ружей и несутъ на нихъ атамана съ пѣсней):

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
На рукахъ могучихъ } 2 раза.
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,—
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные } 2 раза.
Мечи положены.
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ висятъ
И два стальныхъ кастета } 2 раза.
У рукава блестятъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Помѣщаемыя ниже тунгусскія преданія записаны мной въ Туруханскомъ краѣ въ 1905 г., на обратномъ пути изъ Хатангской экспедиціи. По завершеніи ея главныхъ задачъ и раздѣленіи состава экспедиціи на двѣ партіи для слѣдованія въ обратный путь, мнѣ пришлось ѣхать съ начальникомъ ея И. П. Толмачевымъ, направлявшимся на Олекминскъ на р. Ленѣ. Часть этого пути между оз. Ессеемъ и оз. Яконгдой мы совершили съ илимпейскими тунгусами. Въ пути на ночлегахъ, въ чумѣ у тунгусовъ, я занимался записываніемъ тунгусскихъ словъ и фразъ и собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній. При этомъ же мнѣ были сообщены и предлагаемыя преданія. Главнымъ разсказчикомъ былъ тунгусскій князь Николай Хирагиръ, по прозвищу Чунго,—человѣкъ выдающійся по уму въ своей средѣ. Только одно преданіе „Умна"—разсказано другимъ тунгусомъ. Оба мои разсказчика не говорили на якутскомъ языкѣ, которымъ я владѣю, почему приходилось пользоваться переводомъ тѣхъ, которые знали этотъ языкъ, записывая преданія уже на русскомъ языкѣ у себя въ чумѣ, непосредственно за разсказомъ. При этомъ я старался держаться возможно ближе его духа. Пять изъ этихъ преданій относятся исключительно къ тунгусскому быту. Одно,—озаглавленное мною „Юраки",—по словамъ самого разсказчика, позаимствовано отъ юраковъ, на р. Енисеѣ. Наконецъ, послѣднее—„Дыгын"—представляетъ, повидимому, одинъ изъ варіантовъ извѣстнаго якутскаго преданія, заимствованный отъ якутовъ и нѣсколько видоизмѣненный. Всѣ эти преданія приводятся здѣсь безъ всякихъ измѣненій, какъ были записаны мною въ то время, въ предположеніи, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онѣ были воспроизведены съ большимъ сохраненіемъ колорита и что позднѣйшія поправки и передѣлки лишь отдалили бы ихъ отъ духа разсказа.

В. Васильевъ.

Урiӓн и Моlуна̀.

Жилъ въ старину витязь, по имени Урiӓн. Онъ былъ прекрасный охотникъ и неустрашимый боецъ. Не было звѣря, котораго онъ не могъ бы догнать и убить; не было человѣка, который могъ бы противостоять ему; всѣхъ онъ побѣждалъ, лучше всѣхъ стрѣлялъ и былъ сильнѣе всѣхъ.

Далеко шла слава объ удаломъ, непобѣдимомъ витязѣ Урiӓн'ѣ; всѣ тунгусы о немъ знали и слышали, всѣмъ были извѣстны его подвиги. Въ то же время жилъ другой тунгусскiй витязь Моlуна̀, такъ же знаменитый, одолѣвшiй многихъ сильныхъ и главныхъ удальцовъ-тунгусовъ. Много наслышался и Моlуна̀ объ Урiӓн'ѣ и досадно ему было, что о немъ говорятъ меньше, чѣмъ объ Урiӓн'ѣ, и завидно; хотѣлось ему уничтожить славнаго Урiӓн'а, но вступить съ нимъ въ открытый бой онъ не рѣшался. Слава объ Урiӓн'ѣ между тѣмъ росла да росла и не давала покою Моlуна̀. Наконецъ онъ собралъ своихъ людей и направился къ жилищамъ Урiӓн'а. Жилъ послѣднiй на берегу одной рѣчки, гдѣ стоялъ его чумъ и чумы его людей. Подкрался Моlуна̀ со своими людьми къ рѣчкѣ вечеромъ; уже темнѣло. Урiӓн съ частью своихъ людей въ это время были дома. Моlуна̀ со своими людьми, держа въ рукахъ свои луки вверхъ подобно рогамъ, стали перебредать рѣчку. Урiӓн слышалъ, что на водѣ происходитъ что-то, и, увидѣвъ въ темнотѣ какiе-то торчащiе къ верху предметы вродѣ роговъ, рѣшилъ, что это дикiе олени.

— Ну, утромъ поохотимся на нихъ, а теперь темно,—сказалъ не подозрѣвающiй ничего Урiӓн и успокоился.

Люди его и работники разошлись тѣмъ временемъ по разнымъ дѣламъ, кто въ лѣсъ, кто куда. На одного изъ нихъ какъ разъ напали люди Моlуна̀: схватили бѣднаго тунгуса, скрутили и привели къ вождю своему. Моlуна̀ посмотрѣлъ на схваченнаго и говоритъ ему:

— Скажи намъ, какъ узнать твоего вождя, по какимъ примѣтамъ, и мы оставимъ тебя въ живыхъ, а иначе тебѣ грозитъ смерть.

Испугался плѣнникъ и говоритъ:

— Когда мы сядемъ за ѣду, онъ одинъ лишь среди насъ будетъ сидѣть на камнѣ, [1]) и когда ему станутъ давать пищу, будетъ подставлять не голую ладонь, какъ мы, а таловыя стружки, чтобы не смягчить на пальцахъ кожу и мозоли отъ тетивы лука; вы это и примѣчайте.

— Хорошо, да смотри, не проговорись,—сказалъ Моlуна̀.

Тунгусъ ушелъ и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Урiӓн со своими людьми сѣли на берегу у костра ѣсть. Но только что онъ принялся за ѣду, какъ надъ головой его прожужжала стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ рукой Моlуна̀. Не ожидавшiй ничего подобнаго, Урiӓн метнулся съ мѣста и

[1]) Въ тѣ времена люди садились за ѣду не въ чумѣ, а внѣ его, вокругъ костра.

однимъ прыжкомъ, безъ всякаго оружія, перескочилъ черезъ рѣчку, но здѣсь его догнала вторая стрѣла Моlунà и впилась ему въ икру ноги. Безоружный и раненый Урïäн сѣлъ на берегу, а враги его тѣмъ временемъ, выскочивъ изъ-за кустовъ, стали осыпать его тучами стрѣлъ.

Однако—и безоружный, и раненый—Урïäн такъ ловко отстранялся отъ направленныхъ на него стрѣлъ, что ни одна изъ нихъ не попадала въ него. Долго стрѣляли въ него, но все безъ результата. Наконецъ Урïäн крикнулъ своимъ противникамъ:

— Что же вы одни все стрѣляете? Бросьте и мнѣ кто нибудь свой лукъ и стрѣлы, попробую и я пострѣлять въ васъ!

Никто, разумѣется, не бросилъ ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказалъ тогда Урïäн,—что мнѣ теперь маяться хромому; скоро вы меня такъ ли иначе доканаете, такъ стрѣляйте же хорошенько!—и, закрывъ глаза, тотчасъ же палъ, пораженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами.

Моlунà съ людьми очень скоро послѣ этого справились и съ людьми, и съ работниками Урïäн'а. Жена Урïäн'а сдѣлалась добычей побѣдителя, но передъ тѣмъ, какъ быть уведенной, успѣла спрятать маленькаго сына своего подъ опрокинутый котелъ.

Довольно далеко отъ мѣста побоища, въ сторонѣ, въ лѣсу, жилъ престарѣлый отецъ убитаго Урïäн'а. Туда то и направился Моlунà. Явившись къ старику, Моlунà съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Убили сегодня одного мойку [1]), но онъ оказался настолько худъ, что даже мозги растаяли [2]).

Понялъ старикъ, какая участь постигла его сына, поникъ головой и проговорилъ:

— Какъ не быть сухимъ и не стаять мозгамъ, въ послѣдніе три года онъ одинъ своей охотой на дичь прокармливалъ семь семей.

Посмотрѣлъ Моlунà на старика, на его дряхлость и, рѣшивъ, что не стоитъ убивать его, отправился къ себѣ домой. По его уходѣ старикъ пошелъ къ мѣсту табора своего сына, увидѣлъ его трупъ, нашелъ подъ котломъ мальчугана и, взявъ его съ собой, вернулся къ себѣ домой. Сталъ старикъ воспитывать своего внучка. Долго-ли, коротко-ли—неизвѣстно, сколько прошло времени—мальчикъ ужъ подросъ, сталъ рѣзвиться, поигрывать лукомъ а скоро сталъ и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый разъ дальше и дальше отъ дома сталъ уходить сынъ Урïäн'а: что ни день, то онъ позже и позже возвращался домой. Бродя такъ по лѣсамъ и лугамъ, между горъ и озеръ, онъ увидѣлъ однажды затесь на деревѣ, тамъ другую, третью. Затесь была старая, совсѣмъ посѣрѣвшая. Сталъ парень прослѣживать затесь и увидѣлъ, что она показываетъ чей то путь, идя въ одномъ направленіи, правильно и на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Вернувшись домой, парень сталъ разспрашивать дѣда—какія это затеси на деревьяхъ? Старикъ отдѣ-

---

[1]) Годовалый оленій теленокъ.

[2]) Костный мозгъ оленя въ сыромъ видѣ—у тунгусовъ лакомое блюдо. У сухого животнаго онъ разжижается и теряетъ свой вкусъ, почему выбрасывается.

лался незнаніемъ. Заинтересовали парня эти старыя затеси, чуялось ему, что тутъ кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще сталъ онъ приходить къ этимъ затесямъ и пробовать прослѣдить ихъ и чаще и настойчивѣе разспрашивать о нихъ дѣда. Спрашивалъ онъ его и объ отцѣ своемъ:

— Скажи же, дѣдъ, вѣдь долженъ быть у меня отецъ и мать; гдѣ же они, или что съ ними сталось?

Но дѣдъ упорно молчалъ. Сталъ сынъ Уріäн'а приходить къ загадочнымъ затесямъ еще чаще и прослѣживать ихъ еще дальше, такъ что началъ уходить уже не на день, а на нѣсколько дней и настойчивѣе приставать къ старику съ разспросами. Видитъ старикъ, что парень возмужалъ и окрѣпъ и что его не удержишь: того и смотри—уйдетъ самъ, и разсказалъ ему все объ Уріäн'ѣ и его смерти.

— Былъ у меня Moîунà,—добавилъ старикъ къ своему разсказу,—посмѣялся надо мной и сказалъ, что на обратномъ пути сдѣлаетъ затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какіе-нибудь родственники и мстители за Уріäн'а. Но ты, дитя мое, не вздумай преслѣдовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя былъ отецъ, и не плохъ долженъ быть человѣкъ, которому удалось убить его; не тебѣ съ нимъ тягаться.

Не таковъ былъ однако сынъ Уріäн'а, чтобы его можно было испугать. Попрощался онъ со старикомъ, взялъ свои охотничьи снаряды и отправился въ путь. Долго онъ шелъ и пришелъ, наконецъ, къ старому кузнецу. Здѣсь парень остался на нѣкоторое время и заставилъ старика ковать себѣ оружіе, а самъ занялся охотой и прокармливалъ старика, пока тотъ ковалъ ему. Скоро старикъ выковалъ ему броню желѣзную и множество стрѣлъ, но догадываясь о томъ, кто можетъ быть его заказчикъ, долго уговаривалъ его—не ходить къ Moîунà и вернуться обратно. Тотъ опять таки не послушался. Тогда старикъ указалъ ему путь къ Moîунà и пожелалъ ему успѣха и тотъ снова отправился въ путь. Скоро показался лагерь Moîунà. Снялъ сынъ Уріäн'а съ себя броню, колчанъ со стрѣлами, отложилъ лукъ, спряталъ все это въ лѣсу и самъ, одѣвшись въ рваную одеженку, пошелъ къ чумамъ. По серединѣ лагеря стоялъ чумъ, сдѣланный лучше и просторнѣе другихъ. Рѣшивъ, что это и долженъ быть чумъ вождя, парень вошелъ въ него. Въ чумѣ были однѣ женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины разспрашивать парня, кто онъ, откуда и зачѣмъ ходитъ. Пришлецъ выдалъ себя за заблудившагося сироту, случайно набредшаго на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся съ охоты хозяевъ. Сынъ Уріäн'а выглянулъ за дверь и, увидѣвъ подходящихъ къ чумамъ людей, сразу и безошибочно опредѣлилъ—кто изъ нихъ долженъ быть самъ Moîунà. Дѣйствительно, скоро вошелъ въ чумъ самъ Moîунà, и, замѣтивъ новое лицо, спросилъ, что это за парень. Тотъ самъ повторилъ ему то же, что передъ тѣмъ говорилъ женщинамъ.

— А накормили ли его?—спросилъ хозяинъ бабъ.

— Кормили,—отвѣтили тѣ.

Сталъ Moîунà тутъ разсказывать, какъ онъ убилъ когда-то Уріäн'а, какъ дѣлалъ затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уріäн'а родныхъ,—закончилъ онъ,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гмъ, такъ ты хвалишься, оказывается, тѣмъ, что убилъ его хитростью, изъ-за угла?!—воскликнулъ сынъ Уріäн'а, вскочивъ съ мѣста;—я прослѣдилъ твой путь и пришелъ по твоимъ слѣдамъ!

Услышавъ это, Моlунà кинулся на него съ ножемъ, но тотъ успѣлъ выскочить. Крикнулъ тогда Моlунà своимъ людямъ:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уріäн'овъ сынъ былъ уже далеко; онъ прибѣжалъ въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ спряталъ свои доспѣхи, одѣлся, взялъ свои стрѣлы и лукъ и двинулся на встрѣчу людямъ Моlунà. Тѣмъ временемъ и самъ Моlунà, одѣтый и вооруженный, вышелъ къ своимъ людямъ, а тѣ уже начали стрѣлять въ пришельца; уже цѣлыя тучи стрѣлъ летѣли на сына Уріäн'а, но ни одна не могла попасть въ него, такъ какъ онъ увертывался и отклонялся отъ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ люди Моlунà одинъ за другимъ падали пораженные стрѣлами пришельца; ни одной стрѣлы онъ не пустилъ мимо; что ни выстрѣлъ—то убитый или смертельно раненый. Со свистомъ летѣли его смертоносныя стрѣлы, опустошая ряды его враговъ. Мѣтко стрѣлялъ парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрѣлялъ всѣхъ людей и работниковъ Моlунà. Остались они вдвоемъ другъ противъ друга; у нихъ уже начали разрываться отъ стрѣлъ соединительныя вязки броней, а сынъ Уріäн'а все приближается къ своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себѣ въ жены; дамъ я тебѣ за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мнѣ!—взмолился Моlунà.

Парень опустилъ свой лукъ и пересталъ стрѣлять. Помирившись, Моlунà дѣйствительно выдалъ за него свою дочь. Тутъ же сынъ Уріäн'а нашелъ свою мать. Долго ли прожилъ здѣсь сынъ Уріäн'а—неизвѣстно, только однажды онъ собрался въ обратный путь. Взялъ онъ свою жену, мать, оленей съ женинымъ имуществомъ и двинулся въ свою сторону. Дорогой, на обратномъ пути, онъ охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда онъ уходилъ охотиться на цѣлый день. Однажды на одной изъ такихъ остановокъ ихъ догналъ Моlунà, хозяина не было дома. Моlунà зналъ это; онъ давно уже слѣдилъ за своимъ зятемъ и искалъ лишь удобнаго случая убить его. Выдача за него замужъ своей дочери была съ его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя въ чумъ, Моlунà приказалъ женщинамъ собрать всю кладь вокругъ чума. Когда женщины исполнили это, онъ сказалъ:

— Сынъ Уріäн'а придетъ вечеромъ, поздно; я спрячусь здѣсь, между кладью. Вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстрѣчу, и когда огонь освѣтитъ его въ темнотѣ—я застрѣлю его.

Женщины не посмѣли ослушаться. Залегъ Моlунà между тюками и сталъ ждать. Наступилъ вечеръ, стемнѣло. Скоро послышались и шаги человѣка. Вотъ они ближе и ближе подходятъ къ чуму. Въ это время раскрылась дверь чума и огонь отъ костра освѣтилъ сына Уріäн'а. Охотникъ подошелъ къ чуму и только что сталъ заносить ногу, чтобы войти, какъ мимо него прожужжала стрѣла.

— Ну, Моlуна, на этотъ разъ я тебя уже не пощажу,—проговорилъ сынъ Уріäн'а, сразу узнавъ своего врага, и бросился къ тому мѣсту, откуда прилетѣла стрѣла. Увидѣвъ, что промахнулся, что старая испытанная рука измѣнила, Моlуна кинулся бѣжать; но не долго бѣжалъ онъ: стрѣлы, пущенныя вѣрной и сильной рукой Уріäн'ова сына, поразили его на смерть. Такъ кончилъ Моlуна свою жизнь, а сынъ Уріäн'а съ женой и матерью продолжалъ на утро свой путь.

'Оран.

Среди Илимпейскихъ тунгусовъ былъ одинъ человѣкъ, по имени Оран. Жилъ онъ на рѣчкѣ и, перегораживая ее заколомъ, добывалъ себѣ рыбу. Однажды человѣкъ около тридцати тунгусовъ направились къ нему, чтобы убить его. На послѣднемъ ночлегѣ передъ встрѣчей съ нимъ двое изъ нихъ остались хозяйничать, а остальные направились къ 'Оран'у. Подкравшись тихонько лѣсомъ къ рѣчкѣ, они увидѣли 'Оран'а. Тотъ былъ на своемъ заколѣ. Тутъ же въ водѣ, у закола былъ вбитъ развилистый колъ, на которомъ былъ повѣшенъ его лукъ. Изъ предосторожности онъ не оставлялъ свое оружіе на берегу. Увидавъ 'Оран'а и неразлучность его со своимъ оружіемъ, тунгусы не рѣшились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли къ оставшимся двумъ товарищамъ, тѣ спросили ихъ—убили ли они 'Оран'а.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ и разсказали, что видѣли.

— Эхъ, вы, столько человѣкъ и побоялись напасть на одного!—замѣтили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы можете убить его,—возразили тѣ,—такъ идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдемъ!—сказали оставшіеся и дѣйствительно отправились.

Придя къ заколу, храбрецы увидѣли, что 'Оран'а тамъ уже нѣтъ и что онъ укочевалъ, причемъ шелъ, не выбирая чистыя мѣста для своего аргиша [1]), какъ дѣлали и дѣлаютъ обыкновенно, а прорубая цѣлыя просѣки, если попадалась чаща. Двигался 'Оран поэтому медленно и тунгусы скоро подошли къ нему настолько близко, что могли разсмотрѣть его. Тогда они обошли его и, зайдя къ нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, какъ разъ противъ пути 'Оран'а, такъ что послѣдній въ своемъ стремленіи итти прямо долженъ былъ непремѣнно выйти на нихъ.

Выбили они въ двухъ мѣстахъ глину съ корневища вродѣ маленькихъ окошекъ и стали ждать. Скоро дѣйствительно подошелъ 'Оран и всего въ какихъ нибудь 2—3 саженяхъ отъ засады сталъ рубить мѣшавшее ему деревцо. Одинъ изъ спрятавшихся пустилъ въ него изъ своего окошка стрѣлу, но промахнулся, такъ какъ 'Оран успѣлъ уклониться отъ нея, прокричавъ крикомъ какой то птицы. Страхъ тутъ напалъ на сидѣвшихъ въ засадѣ и они бро-

[1]) Обозъ. *Ред.*

сились бѣжать. 'Оран пустилъ имъ въ догонку стрѣлу и убилъ одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ закричалъ:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тотъ остановился. Подойдя къ нему, 'Оран спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,—отвѣчаетъ тунгусъ.

— А развѣ вы слыхали объ 'Оран'ѣ, что пришли убить его?

— Какъ не слыхать; всѣ говорятъ о тебѣ, вотъ и пришли мы.

— А много васъ?

— Да, порядочно,—отвѣтилъ тунгусъ.

— Ну, такъ я не убью тебя, какъ и обѣщалъ; теперь же ты ступай и скажи своимъ, что видѣлъ 'Оран'а и что одинъ изъ васъ поплатился за свое желаніе убить меня,—и 'Оран мирно отпустилъ тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

Два брата.

Жили два брата: старшій, женатый—велъ хозяйство, младшій же, холостой парень—былъ лѣнтяй. Однажды жена старшаго брата замѣтила, что къ нимъ подходятъ три вооруженныхъ луками человѣка, и сообщила своему мужу. Тотъ посмотрѣлъ и видитъ, что дѣйствительно идутъ люди и, какъ ему показалось, довольно подозрительные. Затѣмъ старшій братъ говоритъ, обращаясь къ младшему:

— Слушай, братъ! Если я увижу, что это худые люди, то я мигну тебѣ. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокуръ для оленей (а надо замѣтить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказъ [1]) и лукъ.

Братъ ничего не отвѣтилъ. Тѣмъ временемъ пришли и замѣченные люди, всѣ вооруженные и очень подозрительнаго вида. Поговоривъ немного съ пришельцами, хозяинъ мигнулъ брату, потомъ еще разъ и еще, а тотъ и не смотритъ на него; уставился глазами въ полъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это время одинъ изъ пришельцевъ вытащилъ ножъ и ударилъ имъ въ лѣнтяя; ударъ пришелся въ самое сердце и парень тутъ же умеръ. Увидя это, хозяинъ кое-какъ, въ чемъ былъ, успѣлъ выскочить на дворъ; ни лука, ни чего другого, кромѣ стараго отказа, онъ не успѣлъ съ собой захватить и пустился бѣжать. Пришельцы пустились за нимъ, но имъ не удалось догнать его и онъ спасся. Нѣкоторое время онъ скрывался, но потомъ, когда вернулся наконецъ домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья тамъ уже не оказалось. Все было ограблено и похищено; даже съ брата его, съ мертваго— было снято все, и онъ лежалъ голый. Ничего не осталось у бѣдняка, ни поѣсть или попить чего, ни одѣться во что, ни укрыться гдѣ отъ стужи; остался онъ въ одномъ лѣтнемъ платьѣ. Долго скитался бѣднякъ въ поискахъ своихъ обидчиковъ, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ.

[1]) Большой ножъ на древкѣ. *Ред.*

— Неужели жена моя, баба умная, не придумаетъ ничего, какъ намъ опять соединиться? — думалъ онъ, а самъ все искалъ, да искалъ.

Наконецъ ему удалось напасть па ихъ слѣдъ. Нашелъ онъ тутъ, на мѣстѣ одного изъ ночлеговъ, кусочекъ мяса, спрятанный его женой. Вь другомъ мѣстѣ онъ нашелъ старые унты [1]). Такъ находилъ онъ, идя изо дня въ день по слѣдамъ, въ разныхъ мѣстахъ кой какія необходимыя для него вещи. Пока такъ скитался ограбленный мужъ, наступила уже осень; пошелъ снѣгъ, начались холода. Скиталецъ мерзъ, голодалъ, почевалъ гдѣ придется, но шелъ все впередъ, пока наконецъ не открылъ убѣжища своихъ обидчиковъ. Однако онъ не могъ ничего подѣлать: похитители, три брата, изъ которыхъ старшій владѣлъ всѣмъ его добромъ и женой, всегда были на-сторожѣ. Между тѣмъ морозы росли. Наконецъ, въ одинъ морозный день, послѣ такой же ночи, старшій братъ говоритъ своимъ младшимъ братьямъ:

— Ну, врагъ нашъ теперь навѣрное уже замерзъ и болѣе не придетъ, такъ что опасаться намъ нечего больше.

— А порозъ [2]) вашъ былъ охотничій? — спросилъ онъ, обратясь затѣмъ къ своей плѣнницѣ.

— Да, былъ охотничій,—отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь сегодня охотиться,—сказалъ онъ,—вы тоже можете итти поохотиться, если хотите,—добавилъ старшій, обращаясь къ братьямъ, и дѣйствительно уѣхалъ на охоту за дикими оленями. Братья тоже уѣхали въ разныя стороны. Осталась плѣнница одна домовничать. Замѣтивъ, что всѣ разошлись изъ чума, слѣдившій за ними ограбленный мужъ пришелъ въ чумъ, гдѣ нашелъ свою жену.

— Ты еще живъ?—воскликнула обрадованная женщина.

— Да, живъ! Ну, а лукъ мой еще цѣлъ? — спросилъ въ свою очередь мужъ.

— Цѣлъ. Каждый изъ нихъ пробовалъ патянуть твой лукъ, но ни одинъ не смогъ.

Взялъ человѣкъ свой лукъ, но, обезсиленный долгимъ холоданьемъ и голоданьемъ, не могъ и самъ натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совѣтъ:

— Ты теперь голоденъ и слабъ, такъ не стрѣляй изъ далека, промахнешься, а выжди лучше и стрѣляй, когда они сядутъ за ѣду, чтобы бить навѣрняка.

Мужъ такъ и рѣшилъ поступить, а самъ спрятался. Время шло; день близился къ концу. Къ вечеру, одинъ за другимъ пришли младшіе братья и такъ же, одинъ за другимъ, были убиты мстительной рукою стрѣлка. Наконецъ послѣднимъ сталъ подъѣзжать и старшій братъ. Порозъ подъ нимъ, почуявъ стараго хозяина, сталъ хоркать [3]).

— Что ты хоркаешь? или пришелъ твой старый хозяинъ?! Нѣтъ,

[1]) Обувь изъ оленьихъ камусовъ (ножныхъ шкурокъ). *Ред.*
[2]) Нехолощеный самецъ. *Ред.*
[3]) Хрюканіе оленя, напоминающее хрюканіе свиньи, на сѣверѣ называютъ „хорканіемъ“.

братъ, шалишь; онъ ужъ теперь не придетъ; ужъ замерзъ поди гдѣ нибудь!—говорилъ сѣдокъ, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогамъ. Олень тѣмъ не менѣе не переставалъ хоркать. Подъѣхалъ охотникъ домой, оглянулся, осмотрѣлся, но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, вошелъ къ себѣ въ чумъ. Женщина собрала ему ѣсть, но только что онъ сѣлъ и взялся за первый кусокъ, какъ свалился, пронзенный вражьей стрѣлой; смертельно раненый, онъ тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать вышедшему къ нему врагу:

— Тамъ я убилъ сегодня дикаго оленя, такъ ты не бросай его; онъ жирный.

Мужъ же на утро, взявъ указаннаго дикаго оленя и забравъ съ собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитымъ, поѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ раньше.

(Окончаніе слѣдуетъ),

ОТДѢЛЪ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Новости этнографической литературы.

Русская этнографія находится въ счастливомъ положеніи: ею занимаемся не мы одни, русскіе; ею усердно занимаются и поляки. Польскіе этнографическіе журналы имѣютъ статей по русской этнографіи едва ли не больше, чѣмъ статей по польской этнографіи. Конечно, поляки интересуются малоруссами и бѣлоруссами, а не великоруссами. Къ сожалѣнію, они мало знаютъ нашу, русскую, литературу по этнографіи и ею почти не пользуются, разумѣется, къ невыгодѣ для себя.

Сырой матеріалъ по русской этнографіи до сихъ поръ настолько преобладаетъ, что изслѣдованія въ немъ теряются и его почти никогда не исчерпываютъ. Само собою разумѣется, наши общества разныхъ наименованій не въ силахъ справляться съ грудою разнообразныхъ записей и описаній, и потому значительная ихъ часть складывается пока въ архивахъ, въ ожиданіи лучшихъ дней, когда появится издатель или изслѣдователь.

Лучшіе дни настаютъ для сборника пѣсенъ *Гоголя*. Его небольшое собраніе, составленное изъ великорусскаго и малорусскаго матеріала, отысканное въ Румянцевскомъ музеѣ въ одной изъ его записныхъ книжекъ, уже печатается Академіей Наукъ.

Черезъ годъ оно выйдетъ въ свѣтъ и тогда только можетъ быть оцѣнено по достоинству.

То же можно сказать о знаменитомъ собраніи Петра Васильевича *Кирѣевскаго*. Забытое было своимъ собственникомъ— московскимъ Обществомъ Любителей Россійской словесности, оно опять показывается передъ ученой публикой. Общество недавно поручило А. В. Маркову подготовить его къ изданію, съ тѣмъ, чтобы выпустить въ свѣтъ понемногу, сообразно съ денежными средствами Общества. Какъ извѣстно, Общество уже издало, подъ редакціей Безсонова, былины и историческія пѣсни этого собранія; оно же предоставило Безсонову воспользоваться изъ него духовными стихами. Но всетаки остается издать огромное количество лирическихъ и бытовыхъ пѣсенъ, въ записяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

О новѣйшихъ собраніяхъ этнографическаго матеріала я не буду говорить. Изъ нихъ нѣтъ ни одного столь важнаго, чтобы оно заслуживало особеннаго вниманія. Поэтому я перехожу къ изслѣдованіямъ.

Первое по достоинству и по значенію принадлежитъ г. *Ветухову* и называется: „Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова", Варшава, 1907. Авторъ—послѣдователь покойнаго Потебни (стр. 4); уже и поэтому мы должны ожидать отъ него нѣкоторой односторонности.

И такая односторонность у него дѣйствительно есть.

„Задача изслѣдователя, говоритъ г. Ветуховъ (стр. 2),— вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или билась мысль народная, стараясь оградить себя отъ могучихъ силъ стихійныхъ".

Всѣмъ извѣстно, что заговоры нерѣдко оказываютъ желаемое дѣйствіе, что спеціалисты успѣшно „заговариваютъ" кровь и зубы, что они излѣчиваютъ отъ лихорадки. Вообще сила заговоровъ несомнѣнна. Въ чемъ же она?

Авторъ указываетъ на внушеніе и самовнушеніе, важность которыхъ уже вполнѣ признается и медициной и экспериментальной прихологіей. Даже пресловутый „отводъ глазъ", говоритъ авторъ (стр. 3), „получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ наблюденіяхъ надъ нервными больными, причемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить—такъ сказать—двумя душами въ одномъ тѣлѣ".

„Созданіе заговоровъ, точнѣе—творчество мысли народной въ этомъ направленіи, продолжаетъ авторъ (стр. 41), не прекратилось и понынѣ. Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь развившись, существуютъ лишь какъ культурное переживаніе“.

Источникъ народнаго творчества въ области заговоровъ—вѣра въ могущество человѣческаго слова.

Какъ стараются выгнать изъ больнаго болѣзнь или злаго духа, шумомъ, криками, выкуриваньемъ, какъ пытаются „передать болѣзнь“ другому лицу черезъ передачу ему вещи больного, такъ на болѣзнь и на человѣка дѣйствуютъ заговоромъ.

Авторъ разбираетъ формы заговоровъ, распредѣляетъ заговоры по группамъ и затѣмъ приступаетъ къ отдѣльнымъ заговорамъ.

Изслѣдованіе объ отдѣльныхъ заговорахъ составляетъ большую часть его книги.

Онъ начинаетъ съ заговоровъ русскихъ, отъ нихъ переходитъ къ славянскимъ, нѣмецкимъ, романскимъ и т. п. и вообще не упускаетъ ничего подходящаго изъ доступной ему литературы предмета. Конечно, ему приходится пользоваться большими сборниками и монографіями, такъ какъ пытаться исчерпать матеріалъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей и журналовъ заграничныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ почти что невозможно.

Такимъ образомъ г. Ветуховъ послѣдовательно разбираетъ заговоры отъ лихорадки, отъ сглаза, отъ кровотеченія, отъ зубной боли, отъ рожи, чирьевъ, бородавокъ, утина и т. д.

Разборъ производится съ отличнымъ знаніемъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Обширная (слишкомъ 500 страницъ) монографія г. Ветухова, дающая новыя точки зрѣнія и превосходно объясняющая многое изъ того, надъ чѣмъ останавливались въ недоумѣніи ученые,—наиболѣе выдающееся явленіе въ нашей этнографической литературы послѣдняго времени. Она доставила бы честь любой литературѣ европейскаго Запада.

Но, какъ я сказалъ, въ ней есть нѣкоторая односторонность.

Г. Ветуховъ мало интересуется литературными вліяніями и обращаетъ меньше, чѣмъ нужно, вниманія на литературное заимствованіе.

То, что мы называемъ теперь *заговоромъ*, у грековъ византійскаго періода, имѣло часто форму *апокрифической молитвы*.

Значительное число апокрифическихъ молитвъ въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ разновременно перешло отъ грековъ къ православнымъ славянамъ, всего болѣе къ русскимъ.

Г. Ветуховъ знакомъ съ частью изданныхъ греческихъ и славянскихъ апокрифическихъ молитвъ (съ сборникомъ Васильева, „врачевальными молитвами“ Алмазова, съ монографіей Мансветова о трясавицахъ), но пользуется ими наравнѣ съ народными заговорами, разсматривая ихъ не какъ источники послѣднихъ, а какъ параллельныя данныя.

Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ апокрифическія молитвы были, несомнѣнно, источниками заговоровъ какъ въ цѣломъ, такъ въ частяхъ, въ многочисленныхъ отдѣльныхъ подробностяхъ. „Шелъ Іисусъ Христосъ“, такъ начинается одинъ заговоръ; „шли апостолы Петръ и Павелъ“, такъ начинается другой. Подобные приступы мы находимъ нерѣдко въ апокрифическихъ молитвахъ. „На морѣ на окіянѣ“: иногда такъ начинаются заговоры. И подобный приступъ имѣется въ апокрифическихъ молитвахъ.

Однимъ словомъ взаимныя отношенія заговоровъ и апокрифическихъ молитвъ нуждаются въ изслѣдованіи и могутъ дать для многихъ подробностей заговоровъ важные результаты.

Само собой разумѣется, для такого изслѣдованія необходимо воспользоваться прежде всего недавнимъ, очень важнымъ сборникомъ апокрифическихъ молитвъ Алмазова: „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченной письменности“, Одесса, 1901, а также другими сборниками: Порфирьева, Каратыгина, Качановскаго, Алмазова и наконецъ Прагеля [1]).

Другая монографія принадлежитъ польской литературѣ. Авторъ ея—*М. Жмигродскій* (M. Żmigrodzki): Lud Polski i Rusi wśród Słowian i Aryów. Obrzędy weselne“, Краковъ, 1907.

Авторъ задался мыслью дать сравнительное освѣщеніе и оцѣнку народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ поляковъ и малоруссовъ и началъ со свадебнаго ритуала.

Мысль его можно назвать счастливой, но выполнечіе оставляетъ желать много лучшаго.

Сначала онъ подробно описываетъ ритуалъ польскій, по-

---

[1]) *Pragel*; „Griechische und süditalienische Gebete, Beschworungen und Rezepte des Mittelalters“. Giessen, 1907.

томъ ритуалъ малорусскій, но такъ, что въ описаніи ритуала польскаго пользуется данными и терминами несомнѣнно малорусскими (коровай, дружко, прыданка и т. п.). Кажется, по обычаю многихъ поляковъ, онъ отрицаетъ существованіе русскаго населенія въ предѣлахъ Царства Польскаго и потому матеріалы изъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній признаетъ за польскіе.

Описаніе этихъ двухъ ритуаловъ занимаетъ половину монографіи.

Описанія остальныхъ ритуаловъ болѣе или менѣе кратки.

За ритуаломъ малорусскимъ авторъ помѣщаетъ ритуалъ южно-славянскій. Его описаніе составлено исключительно на основаніи совершенно устарѣвшихъ трудовъ Крауса (1885 г.) и Сумцова (1881 г.); даже обильные матеріалы „Сборника“ болгарскаго министерства нар. просв. остались ему неизвѣстны.

Описаніе остатковъ ритуала западно-славянскаго—лучше предыдущаго, но и въ немъ не видно знакомства автора съ новѣйшими этнографическими изданіями. Описанія ритуаловъ литовскаго и латышскаго, римскаго и итальянскаго, древне-греческаго, древне-индійскаго и ново-индійскаго, нѣмецкаго, французскаго, ирландскаго и т. д. составлены кратко и наскоро, но даютъ полезный матеріалъ.

Великорусскому ритуалу у г. Жмигродскаго совсѣмъ не посчастливилось. Ему извѣстно его разнообразіе; тѣмъ не менѣе онъ описалъ его всего на 20 страницахъ, исключительно на основаніи далеко не современныхъ трудовъ Н. Ѳ. Сумцова.

Выводовъ г. Жмигродскій не даетъ никакихъ. Его попытки уяснить значеніе или происхожденіе нѣкоторыхъ подробностей свадебнаго обряда рѣдко бываютъ удачны.

Значеніе купальскаго праздника и теперь, и особенно въ старое время заставляетъ меня упомянуть о статьѣ г. *Матусяка* въ львовскомъ журналѣ „Lud“ (т. XIII): „Sobótka“.

Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается объясненіями названій этого праздника: польскаго *Sobótka*, русскаго *Купало—Купайло*, словинск. *Kres*, очень мало удачными; по его мнѣнію, первое происходитъ отъ того, что будто бы въ старой Польшѣ прогалины въ лѣсу назывались *соботками*, второе и третье—отъ именъ древняго славянскаго божества...

А. Соболевскій.

Д-ръ Генрихъ Шурцъ. „Исторія первобытной культуры". Переводъ съ нѣмецкаго проф. *И. Н. Смирнова*, подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями *Д. А. Клеменца*. 434 рис. въ текстѣ, 8 хромолитографій, 15 гравюръ и автотипій и 1 карта. С.-Петербургъ. Книгоиздательство „Просвѣщеніе".

Объемистый томъ въ 663 страницы, принадлежащій перу талантливаго, рано скончавшагося ученика Фр. Ратцеля—Генриха Шурца, появившійся въ переводѣ двухъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ, представляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ небогатую, въ общемъ, нашу этнографическую литературу. Книга Шурца имѣетъ большой интересъ не только для ученыхъ—спеціалистовъ, которые найдутъ въ ней много оригинальныхъ мыслей и смѣлаго исканія новыхъ путей въ области этнологическихъ изысканій, но и для читателей—неспеціалистовъ, такъ какъ она способна возбудить живой интересъ къ изученію исторіи культуры и освѣтить для нихъ многое въ окружающей насъ жизни, мимо чего нерѣдко даже образованный человѣкъ проходитъ равнодушно, не чувствуя величія часто неблестящихъ предметовъ и скромныхъ по своему содержанію фактовъ и явленій.

Большіе труды Шурца (списокъ всѣхъ его трудовъ, до мелкихъ газетныхъ статей включительно, читатель найдетъ на стр. 664 и 665-й русскаго изданія) вообще производятъ впечатлѣніе, будто авторъ ихъ предвидѣлъ скорую свою кончину и торопился высказать свои мысли, которыя давили его самого и перебивая другъ друга, просились на бумагу. И это впечатлѣніе выступаетъ особенно отчетливо при чтеніи его „Исторіи первобытной культуры". Этнологія ждетъ еще своего Дарвина, и только тотъ, кто во всеоружіи массы фактовъ, которыми располагаетъ современное народовѣдѣніе, будетъ обладать геніальнымъ мышленіемъ великаго біолога, въ состояніи будетъ написать книгу, которая оправдаетъ такое заглавіе. Шурцъ ясно сознавалъ всю трудность своей задачи и не переоцѣнивалъ своихъ силъ. „У культурныхъ народовъ нѣтъ еще настоящей исторіи ихъ бытія и возникновенія" — говоритъ онъ въ заключеніи своей книги. „Если когда нибудь возьмутся за писаніе такой исторіи, то прежде всего нужно будетъ заложить прочный фундаментъ, а для этого необходимо изслѣдованіе тѣхъ весьма несложныхъ, но мало понятныхъ явленій, на которыхъ возвышается колоссальный храмъ высшей цивилизаціи. Фундаментомъ же будетъ служить не что иное, какъ созданный упорной и тяжелой работой многихъ компетентныхъ работниковъ трудъ. Моя книга можетъ считаться только подготовительной работой къ будущей, которая дастъ намъ настоящую и всестороннюю исторію первобытной культуры". Такъ смотрѣлъ на свою работу самъ авторъ ея. И можно съ увѣренностью сказать, что своими трудами, въ которые онъ вложилъ всю свою недолгую, полную кипучей работы жизнь, Шурцъ самоотверженно и добросовѣстно поработалъ надъ закладкой фундамента того храма, который онъ видѣлъ вдали, и почву для этого фундамента онъ расчищалъ надежною и неутомимою рукою. Много труда въ разныхъ областяхъ положено имъ было на изслѣдованіе „зачаточныхъ явленій", но пылкій темпераментъ и большія познанія вмѣстѣ съ недюжиннымъ талантомъ — влекутъ его почти

всегда и вездѣ на путь болѣе широкаго строительства. Изслѣдуя, напримѣръ, вопросъ о возникновеніи одежды, онъ хочетъ создать не менѣе чѣмъ „философію одежды“ и въ то же время горячо настаиваетъ на дедуктивномъ методѣ въ этнологіи, свои же выводы строитъ на болѣе чѣмъ неполномъ матеріалѣ, такъ какъ основательно изученъ имъ былъ лишь матеріалъ, касающійся этнографіи Африки. И въ этомъ слабая сторона работъ Шурца вообще, какъ впрочемъ, и всей школы, изъ которой онъ вышелъ. Заключенія и слишкомъ широкія обобщенія дѣлаются безъ полнаго и обстоятельнаго знакомства съ генезисомъ и постепеннымъ развитіемъ матеріальныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества. И въ этомъ смыслѣ надежнѣе путь, избранный французской школой въ лицѣ ея молодыхъ представителей, которые именно съ особеннымъ стараніемъ и любовью занялись изученіемъ генезиса „зачаточныхъ явленій“ и фактовъ и отказываются пока отъ созиданія всего зданія исторіи культуры или хотя-бы „философіи“ отдѣльнаго ея элемента.

Обстоятельную критику міросозерцанія Г. Шурца вмѣстѣ съ краткой его біографіей читатели найдутъ въ весьма цѣнномъ предисловіи къ русскому изданію его книги, написанномъ Д. А. Клеменцомъ. Предисловіе это можетъ служить образцомъ безпристрастной критики вообще. Спокойно и съ любовью къ собрату по научнымъ интересамъ, авторъ критическаго обзора работъ Шурца вскрываетъ всѣ основные пункты разногласія, которые образуютъ зіяющую пропасть, отдѣляющую нѣмецкаго патріота націоналиста со всѣми присущими этому типу грубыми чертами міровоззрѣнія отъ широкаго гуманиста съ нѣжной и многосторонней славянской душой; вскрываетъ безъ раздраженія, съ тихой грустью надъ заблужденіями своего противника, съ полнымъ признаніемъ его таланта, ума и заслугъ въ области науки.

Перу Д. А. Клеменца принадлежатъ также многочисленныя примѣчанія редактора, которыя содержатъ то цѣнныя библіографическія указанія, то дополненія и примѣры изъ личныхъ наблюденій и обширнаго знакомства съ этнографіей Сибири, то важныя разъясненія, которыя будутъ по достоинству оцѣнены читателями — неспеціалистами въ области этнологіи и археологіи. Въ лицѣ Д. А. Клеменца съ его предисловіемъ и примѣчаніями такой читатель имѣетъ надежнаго путеводителя.

Н. Могилянскій.

М. А. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. Спб. 1908 Стр. 40. Ц. 15 коп.

Съ большимъ интересомъ читается популярно написанная брошюра г. Энгельгардта, задавшагося цѣлью разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ разныхъ ученыхъ на пониманіе термина „раса“. Авторъ, прежде всего, останавливается на попыткахъ „связать съ опредѣленнымъ соматическимъ (физическимъ) типомъ расы опредѣленный типъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ“, т.-е. „по соматическимъ признакамъ опредѣлять признаки психическіе“. Тщательный анализъ этихъ попытокъ приводитъ автора къ заключенію, что „во всякомъ случаѣ никакой связи между соматическими расовыми

признаками и психическимъ типомъ мы установить не можемъ" и что „вообще нельзя установить опредѣленнаго физическаго (соматическаго) типа, соотвѣтствующаго опредѣленному психическому типу". По опредѣленію автора, расовый признакъ есть признакъ „прирожденный" и „наслѣдственный", независимый отъ внѣшнихъ условій и неизмѣнный. „Негръ во всѣхъ климатахъ будетъ родиться чернымъ, и, сколько бы поколѣній негровъ ни смѣнилось въ умѣренной странѣ, они будутъ родить черныхъ дѣтей... Расы *вымираютъ* въ борьбѣ съ другими расами (старыми или вновь возникающими); но не *измѣняются*" (стр. 15). Ме мало мѣста удѣляетъ г. Энгельгардтъ вопросу о смѣшеніи расъ: въ то время какъ данныхъ о вредѣ этого смѣшенія почти нѣтъ, если не считать бѣглыхъ наблюденій туристовъ и путешественниковъ,—въ пользу благотворнаго вліянія скрещиванія расъ данныхъ такъ много, что о превосходствѣ „чистой расы", каковою считается попреимуществу арійская, не можетъ быть и рѣчи. Теорія благородства арійской расы, въ смыслѣ ея моральнаго и интеллектуальнаго превосходства, не выдерживаетъ критики, такъ какъ „*никакого соотношенія* (курсивъ автора) между количествомъ арійскаго элемента въ составѣ націи и даровитостью этой націи не обнаруживается" (стр. 32).

Въ результатѣ изложенія выводъ о несостоятельности раздѣленія расъ на „благородныя" и „неблагородныя" напрашивается самъ собою.

Книжку г. Энгельгардта прочтутъ съ пользой не только обыкновенные читатели, но и очень многіе газетные и журнальные публицисты, смѣшивающіе сплошь и рядомъ понятіе о расѣ съ понятіемъ о націи или народности. Не чуждъ такого смѣшенія, между прочимъ, извѣстный публицистъ г. Шараповъ.

Заголовокъ брошюры не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, и въ самомй брошюрѣ „благороднымъ" расамъ вездѣ противополагаются „неблагородныя", а не „вредныя", какъ значится на заглавномъ листѣ.

П. Э.

Д-р Іляріон Святицький. Відроджене білоруського письменства. Львовъ. 1908. 58 стр. 8°.

Вышедшая за границей на малорусскомъ языкѣ маленькая книжка можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся очень любопытныя указанія на быстрое возрожденіе бѣлорусской письменности. Почтенный авторъ ознакомился съ новѣйшей бѣлорусской литературой и справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время, даже безъ особыхъ доказательствъ, можно говорить объ этомъ возрожденіи.

Довольно богатая въ свое время бѣлорусская письменность, отъ которой дошло до насъ сотни двѣ-три грамотъ, правительственныхъ актовъ и другихъ рукописей XIII—XVII вв. да сотни двѣ печатныхъ произведеній конца XVI и начала XVII в., потомъ совершенно замерла и, казалось, угасла навсегда, если не считать собранныхъ въ теченіе XIX в., обширныхъ матеріаловъ по народной словесности и небольшихъ произведеній Маньковскаго, Чечота, Борщевскаго, Марцинкевича, Бурачка, Лучины и др. Только въ послѣднее время,

начиная съ 1904 г., среди бѣлоруссовъ началось усиленное движеніе по изданію брошюръ, книгъ и газеты на народномъ бѣлорусскомъ языкѣ. Для издательства бѣлорусскихъ произведеній возникло два кружка: „Беларусская супблка“ — Загляне сонцэ и у нашэ ваконцэ—въ С.-Петербургѣ (1904 г.) и „Общество изученія бѣлорусскаго края въ городѣ Могилевѣ“ (1905 г.). Первый проявилъ чрезвычайно живую дѣятельность, второй не обнаруживаетъ признаковъ жизни. Кромѣ того въ г. Вильнѣ небольшой кружокъ молодыхъ бѣлорусскихъ дѣятелей издавалъ двухнедѣльникъ „Наша Доля“, потомъ „Наша Нива“. Въ 1906 г. появилось около 50 нумеровъ газеты „Бѣлая Русь“, но она прекратила свое существованіе.

Г. Святицкій приводитъ множество отрывковъ изъ твореній новыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей. Изъ этихъ любопытныхъ открывковъ отчасти и можно заключить о возрожденіи бѣлорусской литературы.

А. Сержпутовскій.

Ахмаровъ, Г. Н. Тептяри и ихъ происхожденіе. (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. Университетѣ. Т. XXIII, вып. 5, стр. 340—364).

Во введеніи къ своему очерку авторъ говоритъ: „Цѣль настоящихъ изслѣдованій — не этнографическое описаніе тептярей въ различныхъ отношеніяхъ, а лишь желаніе внести въ этнографическую литературу нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія спорнаго вопроса о народности тептярей, о происхожденіи ихъ названія, объ отношеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ инородцамъ Поволжья и пр.“ (стр. 341).

Цѣль очень почтенная, если принять во вниманіе, что, по свидѣтельству автора, „литература о тептяряхъ довольно бѣдна“ и „никто ихъ тщательно не изслѣдовалъ въ различныхъ отношеніяхъ“, такъ что даже происхожденіе названія „тептярь“ остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ (стр. 343). Неудивительно, поэтому, что г. Ахмаровъ, несмотря на свое крайне отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ сообщеніямъ о тептяряхъ, „голословнымъ и неправдоподобнымъ“ (напр. въ книгѣ г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта“. Спб. 1897),—все-таки вынужденъ прибѣгать и къ такого рода литературѣ, въ погонѣ за стремленіемъ исчерпать возможно полнѣе скудный литературный матеріалъ. Предупрежденный авторомъ читатель долженъ, конечно, отнестись соотвѣтственнымъ образомъ къ „незаслуживающимъ вѣроятія“ сообщеніямъ, не подтвержденнымъ „никакими данными“, и постарается ихъ просто игнорировать, какъ излишній балластъ, мѣшающій усвоенію болѣе цѣнныхъ свѣдѣній. Это единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать автору по прочтеніи его интереснаго и обстоятельнаго, не взирая на небольшой объемъ, очерка.

Читатели, которые почему-либо не могутъ ознакомиться непосредственно со статьею г. Ахмарова, найдутъ подробное ея изложеніе въ библіографической замѣткѣ г. *А. А. Б.*, помѣщенной въ I книжкѣ „Землевѣдѣнія“ (стр. 163—166) за тек. годъ, гдѣ, между

прочимъ, г. Ахмаровъ ошибочно названъ Ахматовымъ [1]). Поэтому, здѣсь мы ограничимся лишь сообщеніемъ слѣдующаго заключенія, къ которому пришелъ авторъ на основаніи данныхъ литературы и собственныхъ историко-этнографическихъ изысканій въ губерніяхъ Вятской (уѣзды: Елабужскій и Сарапульскій), Уфимской и другихъ:

„1) Названіе „тептярь“ есть искаженное персидское слово дефтярь... и означаетъ запись, списокъ (именъ башкирскихъ припущенниковъ).

„Ведя особую запись своимъ припущенникамъ для обложенія ихъ оброкомъ за пользованіе землею, башкиры назвали ихъ (въ отличіе отъ прочихъ сосѣдей) по названію этой записи.

„2) Числившіеся у башкиръ по такимъ записямъ ихъ припущенники (тептяри) не составляютъ изъ себя особой народности,... а суть особый разрядъ крестьянъ, находившихся въ прежнее время въ нѣкоторой зависимости отъ башкиръ.

„3) Тептяри дѣлятся по національностямъ на тептярей-татаръ, тептярей-черемисъ и тептярей-вотяковъ. Прочихъ инородцевъ, а также и русскихъ, въ числѣ тептярей не находится.

„4) Тептяри дѣлятся также и по вѣроисповѣданіямъ—на мусульманъ и не-мусульманъ. Къ первой группѣ относятся тептяри-татары, ко второй—язычники черемисы и вотяки.

„5) Тептяри переселились въ Башкирію изъ бывшаго ханства Казанскаго, послѣ его паденія.

„6) Огромное большинство тептярей въ настоящее время составляютъ татары, религія, языкъ и обычаи которыхъ, а также и названія населенныхъ мѣстъ, доказываютъ, что они вышли изъ нынѣшнихъ губерній Казанской и Вятской и имѣютъ родственную связь съ татарами этихъ губерній, т.-е. съ казанскими татарами“.

Въ концѣ статьи проф. *П. Кротовъ* сдѣлалъ такого рода выноску: „Задача тюркологовъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы происхожденіе тептярей было доказано и лингвистичесимъ путемъ“. Изъ этихъ словъ г. *Кротова* явствуетъ, что онъ тюркское происхожденіе тептярей считаетъ уже достаточно доказаннымъ приведенными г. Ахмаровымъ историко-этнографическими данными и ждетъ отъ тюркологовъ лишь подтвержденія послѣднихъ данными лингвистическими. Быть можетъ, въ рѣшеніи спорнаго вопроса болѣе важную роль сыграли бы, какъ справедливо замѣтилъ и вышеупомянутый рецензентъ г. Б., данныя антропологическія, на которыя въ литературѣ о тептяряхъ нѣтъ и намека.

Обращаемъ вниманіе читателя, что послѣдній абзацъ на стр. 346 плохо редактированъ и для удобопонимаемости долженъ читаться такъ:

„Имѣя въ виду..... означающее запись, *что* административнаго значенія...... „дэптюлинь“, *я* пришелъ къ заключенію“ и т. д.

Э. П.

[1]) Та же ошибка въ фамиліи автора допущена и „Этнографическимъ Обозрѣніемъ“ (1908, № 1 и 2: Хроника, стр. 221).

К. Иностранцевъ. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907. Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVIII, стр. 113—232).

Въ своемъ новомъ трудѣ г. Иностранцевъ даетъ арабскій текстъ сочиненія, возводимаго къ арабскому писателю IX вѣка Джāхизу (стр. 1—27), переводъ текста (стр. 28—58) и, наконецъ, его разборъ и комментарій къ нему (стр. 59—120). Сочиненіе это, несмотря на краткость, представляетъ, по мнѣнію г. Иностранцева, интересъ для науки въ трехъ отношеніяхъ: „Оно интересно во-первыхъ тѣмъ, что авторомъ его считается Джāхизъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей древняго періода арабской литературы, всѣ сочиненія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія и изданія. Во-вторыхъ... оно по содержанію является однимъ изъ древнѣйшихъ въ арабской литературѣ и столь мало еще изученныхъ сборниковъ примѣтъ и повѣрій, коренящихся съ одной стороны въ древней наукѣ, съ другой въ народномъ міросозерцаніи. Въ-третьихъ... эти примѣты и новѣрья возводятся въ до-мусульманскую Персію и такимъ образомъ даютъ намъ матеріалъ для ея культурной исторіи“ (стр. 60).

Разсматривая изданный трактатъ „какъ нѣчто составное“, г. Иностранцевъ раздѣлилъ свой комментарій на нѣсколько главъ, въ которыхъ выясняетъ вопросъ объ источникахъ трактата (гл. 1), касается отношеній древне-индійскихъ науки и повѣрій къ сасанидской Персіи (гл. 2), затѣмъ, переходя къ группировкѣ примѣтъ, разбираетъ повѣрья и примѣты, имѣющія связь съ календаремъ (гл. 3) и относящіяся къ опредѣленнымъ животнымъ и къ огнямъ (священному огню въ храмахъ и огню домашняго очага), а также примѣты и повѣрья общаго характера (гл. 4), и заканчиваетъ свое изслѣдованіе разборомъ физіономической части трактата, останавливаясь особенно подробно на двухъ значительныхъ группахъ физіономическихъ наблюденій: гаданіи по родимымъ пятнамъ и гаданіи по дрожанію членовъ (гл. 5).

Въ своемъ взглядѣ на значеніе примѣтъ г. Иностранцевъ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія К. Кавелина, по мнѣнію котораго „примѣты не только памятники бытовые, но и памятники эволюціи народной психики“ (стр. 72).

Мы не беремся судить, насколько г. Иностранцевъ удачно справился съ предметомъ своего изслѣдованія, предоставляя сдѣлать это людямъ, обладающимъ спеціальною подготовкою, и ограничимся лишь сообщеніемъ, что данная работа была представлена авторомъ въ петербургскій университетъ на соисканіе ученой степени магистра арабской словесности, каковой степени авторъ и удостоенъ послѣ публичной защиты своего труда.

Э. П.

Изданія сербской Королевской Академіи за 1907 г.

Изъ изданій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить **Насеља српских земаља књ. IV под редакціей проф. Цвијића**. Это огромный томъ въ 1088 стр. Въ немъ помѣщены двѣ работы: 1) д-ра Јов. Ердељановића: Кучи,

племе у Црној гори и 2 Колубара и Подгорина Любомира Павловиħа. Въ первой изъ нихъ слѣдующія главы: 1) Область, занимаемая племенемъ. 2) Заселенныя имъ мѣста. 3) Древности и исторія Кучей. 4) Ихъ происхожденіе. 5) Физическія особенности. 6) Общественная жизнь: родовыя группы, племенная организація, юридическій строй. 7) Экономическія условія. 8) Матеріальная культура. 9) Изъ духовной культуры: языкъ и обычаи. Вторая раздѣляется на двѣ части: общую и частную. Въ первой идетъ рѣчь о географическомъ положеніи областей, ихъ исторіи, природѣ и заселенныхъ мѣстахъ. Эта послѣдняя глава обнимаетъ экономическія условія и занятія населенія, устройство дома съ имѣющимися при немъ постройками, уцѣлѣвшія древности и данныя о старожилахъ и позднѣйшихъ поселенцахъ и о характерныхъ особенностяхъ ихъ быта. Во второй части слѣдуетъ подробное описаніе каждаго села въ отдѣльности. Къ той и другой работѣ присоединены указатели географическихъ и этнографическихъ терминовъ и именъ мѣстъ и лицъ. Заслугой проф. Цвиjиħа является его дѣятельность, какъ руководителя географическихъ и этнографическихъ работъ въ предѣлахъ сербскихъ земель Балканскаго полуострова. Цѣлый рядъ изслѣдователей обогатили и обогащаютъ сербскую географическую и этнографическую литературу, собирая и группируя обильные матеріалы. Г. Ердељановиħ написалъ свою работу послѣ путешествія въ Черногорію, которое онъ предпринялъ, получивъ пособіе изъ фонда проф. Кариħа. Выборъ племени Кучей изслѣдователь объясняетъ интересомъ, который оно представляетъ. Кучи живутъ на границѣ сербовъ съ албанцами, они только 28 лѣтъ, какъ присоединены къ Черногоріи, а до того жили племенною жизнью внѣ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній. Въ то же время это одно изъ самыхъ большихъ черногорскихъ племенъ. Ихъ изученіе интересно для сужденія о томъ, до какого состоянія дошла извѣстная часть народа, предоставленная самой себѣ. Изъ предшественниковъ, трудами которыхъ г. Ердељановиħ пользовался, онъ называетъ извѣстный трудъ П. А. Ровинскаго и книгу воеводы Марка Миљанова: Племе Кучи у народноj причи и пjесми. Биоград. 1904. Нѣкоторыя данныя, касающіяся обычаевъ населенія, были сообщены г. Ердељановиħу Стефаномъ Дучиħемъ изъ Подгорицы, который занятъ подробнымъ описаніемъ обычаевъ и вѣрованій этого черногорскаго племени. Пользуясь этими трудами изслѣдователь постоянно даетъ поправки къ нимъ и дѣлаетъ посильныя попытки къ разъясненію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ остатками старины и особенностями быта. Таковы напр. объясненія происхожденія разсѣянныхъ вблизи жилыхъ мѣстъ кургановъ изъ камней и земли „камене и земљане гомиле“ (тумули), племеннаго имени Кучъ и отдѣльныхъ мѣстностей. При этомъ г. Ердељановиħ постоянно имѣетъ въ виду, въ какой формѣ извѣстное имя слышится у сербовъ и албанцевъ. Такимъ образомъ выясняется цѣлый рядъ названій и выдѣляются изъ славянскихъ такія, которыя получаютъ объясненіе изъ албан. яз. Собранный здѣсь матеріалъ представляетъ большой интересъ. Г. Ердељановичъ не соглашается съ мнѣніями ученыхъ, напр. Пайскера, который ссылается на Н. Дучиħа и Ровинскаго, отрицающихъ задругу у черногорцевъ. Въ главѣ о матеріальной культурѣ заслуживаютъ вниманія рисунки на стр. 249, 250,

251. Но еще болѣе даетъ ихъ Атласъ, вышедшій къ этой работѣ отдѣльно и заключающій 10 картъ и 86 фотографическихъ снимковъ. Общая карта съ нанесенными на ней именами приготовлена въ географическомъ заведеніи Университета. Карта важна для исправленія неточностей карты Ровинскаго и еще большихъ австрійской карты. Рисунки представляютъ виды мѣстностей, постройки, типы.

Г. Павловић изучалъ избранную имъ мѣстность Колубара и Подгорина, пользуясь руководящими указаніями проф. Цвијића, опубликованными еще въ 1896. Помимо своихъ наблюденій распрашивалъ многихъ мѣстныхъ жителей, которыхъ имена и называетъ, принося имъ благодарность за оказанную помощь. Во всей этой мѣстности, центромъ которой является Валево, живетъ самое чистое сербское населеніе. Вслѣдъ за общей частію, написанной сжато, слѣдуетъ подробное, напечатанное мелкимъ шрифтомъ описаніе отдѣльныхъ селъ.

Книга 7 сербскаго этнографическаго сборника заключаетъ собраніе народныхъ обычаевъ: Обичаји народа српскога, књига прва. Въ этомъ сборникѣ помѣщены труды Стан. М. Мијатовића: Обичаји српског народа из Левча и Темнића, свящ. Дена Дебељковића: Обичаји српског народа на Косову пољу и Ат. Петровића: Народни живот и обичаји у Скопској црној гори. При описаніи постоянно приводятся поющіяся при совершеніи извѣстнаго обряда пѣсни. Двѣ послѣднія работы интересны помимо другого и тѣмъ, что относятся къ области Старой Сербіи и Сѣверной Македоніи. Весь томъ заключаетъ цѣнный матеріалъ, пользоваться которымъ помогаютъ указатели.

Книга 9 этнографическаго сборника редактирована Т. Р. Ђорђевићем и посвящена сербскимъ народнымъ играмъ: **Српске народне игре** кн. 1. Во введеніи редакторъ останавливается на вопросѣ: шта је игра, т. е. что такое игра, затѣмъ говоритъ о дѣленіи игръ: деоба игара. Послѣ того слѣдуютъ замѣтки о играхъ въ такомъ порядкѣ: 1) Витешке игре, которыя предназначены для укрѣпленія тѣла, 2) забавне игре, т. е. служащія для увеселенія, 3) игре духа, загадки и пр., 4) игре за добит, т. е. азартныя игры и 5) орске игре, т. е. хороводныя, танцы. Редакторъ смотритъ на свой трудъ не какъ на монографію, посвященную играмъ, а лишь какъ на такую книгу, которая могла бы служить для руководства при собираніи матеріала. Поэтому тотчасъ за перечисленіемъ игръ слѣдуютъ напомене за скупљаче и описиваче народних орских игара, всего 119 вопросовъ. Это, разумѣется, весьма цѣнный опытъ. Послѣ замѣчаній о значеніи народныхъ игръ идетъ указаніе доставленныхъ сборниковъ игръ, вошедшихъ въ первую книгу. Это: 1) Луке Грђића Бјелокосића, собранныя въ Босніи и Герцеговинѣ, 2) С т. М.Мијатовића, собранныя въ Левчѣ, и 3) Ат. Петровича, собранныя въ Скопльской Черной Горѣ.

Желая помочь собирателямъ оріентироваться, редакторъ даетъ библіографическія указанія, относящіяся къ дѣтскимъ играмъ въ сербской литературѣ, за что всякій интересующійся этимъ вопросомъ долженъ благодарить редактора. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе самыхъ игръ собирателями, при чемъ мѣстами имѣются рисунки. Въ концѣ книги приложенъ указатель.

Въ выпускахъ **Гласа LXXII и LXXIV** помѣщены слѣдующія статьи: I. Октавијанов илирски рат и изгнање Скордиска из Горње Мезије

Н. Вулића; Илирска царина у римско доба, его же; Старогрчки споменици у Србији Н. Васића; Два питања из историје римске Мезиіе Н. Вулића; К историји домицијанових дачких ратова Н. Вулића. Поновно певање народно. Прилог испитивању српских народних песана А. Гавриловића; О песнику Јов. Дошеновићу его же, Један рани хришћански саркофаг изъ Београда В. Петковића; Један прилог историји Александра Великог Н. Вулића. А. Гавриловић, коснувшійся въ своей статьѣ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ, предлагаетъ въ концѣ ея такое дѣленіе сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Первый періодъ. Ритуальныя пѣсни: эпическо-лирическія. 2-й періодъ. Историческія пѣсни. Первая эпоха — эпическо-лирическія. Вторая эпоха: эпическія. А. Пѣсни вторичнаго происхожденія (поновно певање или препевање): а) библейско-легендарныя, б) историческія до конца XV в. Б. Новыя пѣсни (непосредно или ново певање): а) пѣсни о лицахъ до XVI в., по спѣтыя только въ это время по образцу пѣсенъ о современныхъ лицахъ того времени и событіяхъ, или съ заимствованнымъ сказочнымъ матеріаломъ; б) о ускокахъ; в) о гайдукахъ; г) объ остальныхъ лицахъ и событіяхъ до XIX в.; д) о возстаніи за освобожденіе. Сообразно съ этимъ обычный кругъ пѣсенъ о Кралевичѣ Маркѣ распадается на пѣсни, относящіяся къ отдѣламъ Аб и Ба, а косовскія пѣсни вмѣщаются всѣ въ группу Аб.

Если за основу дѣленія взять форму пѣсенъ, тогда это дѣленіе нѣсколько измѣняется. Первый, періодъ. Эпическо-лирическія пѣсни. 1) ритуальныя, 2) историческія (до конца XV в.). Второй періодъ. Эпическія пѣсни; тотъ же порядокъ, что и выше.

Не имѣя задачей входить въ разборъ этого дѣленія, должны замѣтить, что ничего новаго оно не представляетъ. Авторъ трактуетъ вопросъ слишкомъ поверхностно.

LXXIV. Јован Стеријин Поповић, од Стојана Новаковића. Интересный разборъ литературной дѣятельности сербскаго драматическаго писателя.—Један поглед на еволуционистичку правну школу, од Жив. Перића.—Мезијске легије до године 68 по Хр.; од. Н. Вулића.

Стојановић Люб. Вукова преписка книга прва. Неутомимый издатель сочиненій В. С. Караджича выпустилъ первую книгу его богатой переписки. Въ 1-й книгѣ помѣщена переписка съ Милутиновичемъ, Стеф. Живковичемъ, К. Јов. Рашковичемъ, П. Томичемъ, М. Радоничемъ, Јан. Димитријевичемъ Ђуричемъ, Ст. Ненадовичемъ, Фот. Попичемъ, Јевт. Савичемъ-Чотричемъ, Мих. Павловичемъ, Кастріотомъ, Х. В. Петровичемъ, Совѣтомъ народнымъ, Т. Тирка, Пант. Радовановичемъ, Сарой Михайловой, Копитаромъ, Савой Текели, Платономъ Атанацковичемъ, Д. Фрушичемъ, Б. Ружичемъ. Изданіе было начато П. Ђорђевичемъ, но смерть не дала ему довести до конца и половину книги. Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, переписка съ Копитаромъ. Заслуживаетъ вниманія также переписка съ Милутиновичемъ, Атанцковичемъ, Фрушичемъ. Но, разумѣется, извѣстный интересъ, особенно для біографіи, Караджича, представляютъ и всѣ другія письма. Можно пожелать редактору поскорѣе довести изданіе до конца [1]).

П. Лавровъ.

[1]) Изъ сербскихъ журналовъ, вышедшихъ лѣтомъ, видно, что вышелъ и 2-й томъ Переписки. П. Л.

Журналы за 1907—1908 гг.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. *Е. Θ. Карскій.* Бѣлоруссы Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—*Вл. Топоръ-Рабчинскій* Макіавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. **№ 1.** *И. Лаппо.* Гродскій судъ въ вел. княж. Литовскомъ въ XVI столѣтіи. — *А. Рыстенко.* Фроловскій списокъ „Сновъ Шахаиши".—*В. Веретенниковъ.* Очерки по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени (и № 5). **№ 2.** *Л. Карсавинъ.* Изъ исторіи духовной культуры падающей Римской имперіи.—*Фр. Вестбергъ.* Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (и № 3). **№ 3.** *П. Г. Васенко.* Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника". **№ 4.** *А. Грушевскій.* Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова.—*В. Миллеръ.* Къ былинѣ о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ.—*Н. Шапошниковъ.* Ремесло.—*С. Шумаковъ.* Столбцы помѣстнаго приказа. **№ 5.** *А. Мулюкинъ.* О свободѣ пріѣзда иностранцевъ въ Московское государство. — *А. Тюменевъ.* Пересмотръ извѣстій о смерти царевича Димитрія (и № 6). **№ 8.** *Е. Бобровъ.* Научно-литературная дѣятельность И. А. Худякова.—*И. Джаваховъ.* Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи Грузинскаго языка. — *В. Чекаевскій.* Методы изученія права. **№ 9.** *В. Миллеръ.* О братьяхъ суздальцахъ. — *И. Тихомировъ.* Строельная книга г. Пензы, какъ матеріалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ.—*А. Яцимирскій.* Значеніе румынской филологіи для славистики и романскихъ изученій.

Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго О-ва. Т. V. *А. Г. Бекштремъ.* Прошлое и настоящее этрускологіи, ея успѣхи и задачи.—*Д. В. Айналовъ.* Этюды по исторіи искусства Возрожденія. — Протоколы засѣданій Отдѣленія Археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской за 1907 г.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. LXXXI. Зміст: Слово про збурене пекла. Українська пасійна драма, написав Др. *Іван Франко.*—Невідомі вірші еромонаха Климентія (з поч. XVIII в), подав *Василь Доманицький.*—Урядові заходи против холери в 1831 р., подав *Михайло Зубрицький.*—Азбучна стаття Миколи Кмицикевича з р. 1834, подав. Др. *Василь Щурат.*—Микола Дашкевич (1852† 20. I. 1908), написав *Михайло Грушевський.*—*Miscellanea*: а) Причинки до історії Мазепинщини, под. *С. Томашівський;* б) До історії закріпощення селянства въ Лівобічній Україні, под. *В. Барвинський;* в) Із кореспонденції Р. Моха, под. *М. Возняк.*—*Наукова хроніка*: Студії А. Петрова до исторії Угорської Руси, нап. *С. Томашівський.*—*Бібліографія* (рецензії й справоздання). — Покозчик до тт. LXXV — LXXX Записок Наук. Тов. ім. Шевченка.

Т. LXXXII. Зміст: Присвята і портрет В. Антоновича.—Памяти Володимира Антоновича, написав *Михайло Грушевський.*—Надгробні хрести на Україні, написав *Кость Широцький.*—Нові матеріяли до історії українського вертепа, подав Др. *Іван Франко.*—Проектъ правописи Івана Жуківського на зїзді „руських учених", подав *Михайло Возняк.*—Польські конспірації серед руських питомців и духовенства в Галичині в рр. 1831—1846, студія Дра

Кирила Студинського.—*Miscellanea*: а) Причинок до історії „свобідних мает, ностей“, под. *В. Барвинський;* б) Рукопись Бродовича: „Widok przemocy“· под. *Ів. Шпитковський*; в) Із історії галицької літератури: І. Дві пісні А. Якубинського про самбірську Богородицю з 1770 р.; II. Загадкова польска пісня в українськім перекладі, под. Др. *В. Щурат.*—*Наукова хроніка*: Антропольогічні й археологічні часописи за 1906 р., огляд Др. *З. Кузелї.*—*Бібліографія* (рецензії й справоздання).

Т. LXXXIII. Студії над українськими народніми піснями, подає *Іван Франко.* Причинки до студій надъ писаннями Лаврентія Зизанія, написавъ *Михайло Возняк.* Угорщина і Польща на початку XVIII в., написав *Стефан Томашівський.* Причинки до історії Коліївщини, V: Тринітарський мемуар про Коліївщину, подав *Іван Шпитковський.* З сорокових років, студії *Олександра Грушевського:* „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ Куліша. Miscellanea: а) Дві замітки до тексту найдавнійшої літописи, под. *І. Франко;* б) З сільського архіва, под. *І. Франко*; в) Ukrainica в альбомі Н. Гербеля,под. *В. Доманицький.* Наукова хроніка: Антропольогічні й археольогічні часописи за 1906 р., огляд Зенона *Кузелї.* Бібліографія (рецензії й справоздання).

Збірник історично-фільософічної секції Наукового Тов. ім. Шевченка. Т. X. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський Том VI, ч. I. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: І. Економічне житє: торговля й промисл.—II Господарство сільське.

Т. XI. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський. Том VI, ч. II. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: III. Відносини культурні й національні: національний склад і національні елементи.—IV. Побут і культура.—V. Культурно і релігійно-національний рух на Україні в XVI віці.—VI. Боротьба за і против унії по її проголошенню, в житю і письменстві.—Примітки.—Показчик імен і річей.

Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесности И. А. Н. кн. 2-я. *Ф. Ѳ. Фортунатовъ.* Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ.—*Н. Н. Виноградовъ.* Бѣлорусскій вертепъ. (Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленія въ Спасъ-Деменскѣ. Съ XVII табл. рис.).—*Н. Степановъ.* Таблицы для рѣшенія лѣтописныхъ задачъ на время.—*В. В. Латышевъ.* Замѣтки къ агіологическимъ текстамъ.—*М. А. Островская.* Четыре древнія частныя грамоты.—*А. И. Яцимирскій.* Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. LI—LX.—*А. И. Томсонъ.* Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ.—*М. Н. Сперанскій.* Николай Павловичъ Дашкевичъ.—*Д. В. Айналовъ.* Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. II. О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византіи. III. О нѣкоторыхъ серіяхъ миніатюръ Радзивиловской лѣтописи.—*А. В. Рыстенко.* Матеріалы для литературной исторіи толковой Палеи. I—II.—Библіографія.

Národopisný Věstník československý. (Чешско-славянскій Этнографическій Вѣстникъ). **№ 4.** *I. Янко.* Нынѣшнія мнѣнія о древнихъ Индоевропейцахъ. I.—*К. Хотекъ.* Андрей Кметь (некрологъ). Рецензіи на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—K. Krotoski. Stosunki etnograficzne na Spisu.—Revue des Études Ethnographiques et Sociologiques. — W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet.—Библіографія: Сочиненія теоретическія, антропологическія, этнологическія и пр. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *I. Кубинъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края съ комментаріями *Ю. Поливки.*—Отчетъ О-ва Чешско-славянскаго Этнографическаго Музея за 1907 годъ. **№ 5—6** (двойной). Продолженіе статьи *Янко.*—*А. Кадлецъ.* Валтазаръ Богишичъ (некрологъ).—Рецензіи на: F. Heger. Hölzovy Evropske typy národní. — Rostafiński. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Slowian. — I. Anerhan. České kolonie v jižních Uhrách. — Paměti Fr. J. Vaváka. — А. И. Сонни. Горе и Доля въ народной сказкѣ.—Библіографія: Малороссы. Русскіе. Южные славяне. Сосѣднія народности. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложеніе. Сборникъ сказокъ *I. Кубина.* **№ 7.** Народные обычаи въ уѣздныхъ мѣстечкахъ въ семидесятыхъ годахъ. *Т. Новакова.*—Рецензіи на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—D-r. O. Howorka u. d-r. A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedicin. — Antropological essays presented to Edward Burnett Tylor.—D-r. M. Haberlandt. Neuer Führer durch die

Sammlungen des Museums für Österreichische Volkskunde. — Библіографія: Мелкія сосѣднія племена славянъ. Нѣмцы. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложеніе. Сборникъ сказокъ *I. Кубина.*

Славянскія Извѣстія. 1907. Кн. 1—8. *Э. Ю. Мука.* Полабскіе славяне.— *В. К—въ.* Славянское племя. — Когда средняя Европа была заселена славянами. — *П. А. Заболотскій.* Культурная работа у славянъ. Чехи. Словаки. *В. И. Никольскій.* О русскомъ національномъ самосознаніи.

Труды Саратовской ученой архивной Коммиссіи. Вып. XXIV. *М. Е. Соколовъ.* О дулѣбахъ. — *И. Горизонтовъ.* Раскопка кургана близъ г. Саратова.—*Ф. Черновъ.* Раскопка кургана въ г. Царицынѣ.—*Б. Зайковскій.* Къ докладамъ И. П. Горизонтова и Ф. И. Чернова. — *Его-же.* Каменныя бабы въ Саратовскомъ Поволжьѣ. — *Его-же.* Городище Бальджаменъ. — *Его-же.* Бугоръ Стеньки Разина. — *А. И. Минхъ.* Бытъ духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX ст. — *М. Е. Соколовъ.* Фонетическая запись сказки объ Ильѣ Муромцѣ.—*Его-же.* О языкѣ сказокъ, пѣсенъ и областныхъ словаряхъ.—*Его-же.* Великорусскія пѣсни, записанныя фонетически.—*Его-же.* Историческія пѣсни Саратовской губ.—*Б. Зайковскій.* Новый варіантъ Царицынской легенды.—Смѣсь. Преданія о Стенькѣ Разинѣ и Емелькѣ Пугачевѣ. Казнь Березина. Мѣры противъ холеры. Почему хохловъ дразнятъ: наставная башка. Изобрѣтеніе счетовъ.

Филологическія Записки, вып. II. Культурныя движенія въ Московской Руси въ половинѣ XV в. — Рецензіи на: В. Трахтенбергъ. Блатная музыка. — Л. Лэже. Славянская миѳологія.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 4. Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго у. Семирѣченской области. II. Свадьба. *Ѳ. В. Пояркова.* — О былинномъ царѣ Калинѣ. *Всев. Миллера.*—Нѣкоторыя замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ. *Е. Елеонской.* — По поводу замѣтки Р. Андрэ о новомъ этнографическомъ музеѣ въ Антверпенѣ. *В. Харузиной.*—Смѣсь. Изъ свадебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губ. *И. Костоловскаго.* — Праздникъ воскрсеенья до христіанства. *Д. А.* — Нѣсколько пѣсенъ лиро-эпическаго характера. *А. Маркова.* — Баксы. *А. Диваева.* — Критика и библіографія. — Хроника. **№ 1—2 (двойной), 1908 г.** Ограниченіе отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. *А. Максимова.*—Замѣтки по поводу употребленія слова фетишизмъ. *В. Харузиной.*—Памяти бытописателя Грузіи кн. И. Г. Чавчавадзе *Вс. Миллера.* — Князь И. Г. Чавчавадзе, какъ этнографъ. *А. Хаханова.*—Бытъ и нравы грузинскаго народа средины XIX вѣка въ литературныхъ произведеніяхъ кн. И. Г. Чавчавадзе. *Г. Жорданія.*—Кн. Чавчавадзе и его произведенія въ грузинской народной пѣснѣ. *Д. Аракчіева* —Смѣсь.—Итъ-ала-казъ. (Повѣрье). *А. Диваева.*—Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей. *Его-же.* —Духовные стихи крестьянъ-старообрядцевъ Челябинскаго уѣзда, по сообщенію *Ив. Крашенинникова.* — Къ этнографіи сѣвера Европейской Россіи. *А. Маркова.* — „Коляда“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи. *А. Петропавловскаго.*—Критика и библіографія. —Хроника.

Н. В.

Новости этнографической литературы [1]).

Аловъ, Вик. Русскіе „еретики" XIV—XVI вв. Стригольники. — Жидовствующіе. — Матвѣй Башкинъ. — Артемій Троицкій.—Ѳеодосій Косой. (Всеобщая библіотека, № 11). Спб.

Алтайскій сборникъ. Вв. VI—VIII. Барнаулъ. 1907.

Ardalić, V. Narodne pripovijetke iz Bukovice и Dalmaciji. Komentare napisao dr. I. Polivka. Zagreb. 72 стр.

Астрологія. Спиритизмъ. Хиромантія. Сомномантія. Френологія. Психометрія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. Синга. Спб.

Барадійнъ, Б. Путешествіе въ Лавранъ. Спб.

Барацъ, Г. М. Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ.

Бобринскій, А. А., гр. Горцы верховьевъ Пянджа (Ваханцы и Шикашимы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. М.

Божеряновъ, П. Н. Женщины древней Греціи. Историческій очеркъ. Спб.

Бончъ-Бруевичъ, В. Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и раскола. Спб.

Брянчаниновъ, Николай. Скитанія. (Нубія. — Суданъ. — Палестина.—Ливанъ). М.

Бубновъ, Н. М. Ариѳметическая самостоятельность Европейской культуры. Культурно-историческій очеркъ. Кіевъ. X+408. стр.

Веніаминовъ, П. Крестьянская община. Спб.

Вейнбергъ. П. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Спб.

Виноградовъ, Николай· Бѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасъ-Деменскѣ. (Съ XVII табл. рис.). Спб.

Его-же. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб. 102 стр.

Его-же. Лодка. Баринъ и приказчикъ. (Народныя драмы). Спб.

Возняк, М. Проект правописи Івана Жуківського на зїздї „руських учених". Львів. Ст. 36.

Воронежская старина. Вып. VII. Воронежъ. II+LI+304+8+97+182 стр.

Вороновъ, Н. И. Записки о событіяхъ Владимірской губ. Владиміръ. 1907.

Врадій, В. П. Географическій, этнографическій и экономическій очеркъ Амурской области. Спб.

Въ царствѣ обуви. Очерки села Кимры. 29 стр. М.

Гарнакъ. А. Монашество, его идеалы и его исторія. Спб.

Геффкенъ, І. Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Спб.

Гнѣвушевъ, А. М. Отрывокъ Писцовой книги Вотской пятины второй половины.1504—1505 г. Кіевъ.

Годишникъ на Софийская университетъ. II. 1905—1906. София.

Данилевичъ, В. Е. Курсъ русскихъ древностей Кіевъ.

Движеніе населенія въ Европейской Россіи и въ двухъ губерніяхъ Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. Спб. 1907. XXII+227.

Девель, Н. М. Старая Ладога и ея каменное городище. Спб.

Дживелеговъ, А. К. Начало итальянскаго возрожденія. М.

Доманицкий, В. Невідомі вірші ероманаха Климентія (з початку XVIII в.). Львів. Ст. 76.

Дорогостайскій, В. Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію. Спб. 14 стр.

Дуникъ-Гаркавичъ, А. Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1904 году. Тобольскъ.

Забѣлинъ, Н. Исторія русской жиз-

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

ни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. 1. Доисторическое время Руси. М.

Зубрицкій, М. Урядові заходи против холери в 1831 р. Львив. 1907.

Извѣстія Восточнаго института. Т. XXIII, в. 1; XXIV, в. 1; XXV, в. 1; XXVII. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Т. III, в. 1, 4. Тифлисъ.

Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ. №№ 1—10.

Ильинскій, Г. Заимствовано-ли названіе „терема" въ славянскихъ языкахъ? Харьковъ.

Иностранцевъ, К. Къ вопросу о „басмѣ". Спб.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія (1805 — 1905). Подъ ред. М. Халанскаго и Д. Багалѣя. Харьковъ.

Исторія русской литературы. Подъ редакціей прив.-доц. Е. В. Аничкова. При участіи: К. Й. Арабажина, проф. Бороздина, Ал. Блока, П. Н. Бирюкова, Н. Н. Виноградова, С. Городецкаго, Е. Н. Елеонской, М. Г. Халанскаго, П. Е. Щеголева и др. Томъ II. Народная словесность. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М.

Iacob, G., d-r. Beiträge zur Kenntnis des Derwisch-Ordens der Bektaschis. Berlin. 100 стр.

Іонъ, О. О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ. Спб.

Іохельсонъ, В. И. Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки. Спб.

Капустинъ, Вл. А. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Историческія замѣтки изъ жизни служилаго человѣка XVII столѣтія. Съ 12 фототипіями. М.

Катанаевъ. Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ обслѣдованіи и занятіи русскими Сибири и Средней Азіи. Выпускъ I. Конецъ XVI и начало XVII столѣтій. Спб.

Китерманъ, Б. Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 23 стр.

Клоддъ, Э. Эволюція человѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. Спб.

Комаровъ; Г. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съѣзда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси. Спб.

Коноваловъ. Д. Г. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть 1, вып. I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ.

Крамаренко, Г. Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г. Спб.

Куперъ, В. Исторія розги во всѣхъ странахъ. Флагелляціи и флагелянты. Спб.

Лазаревскій, А. М. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.) Историко-юридическій очеркъ. Кіевъ.

Лазовскій, Г. Кіевскій Владимірскій соборъ. Альбомъ фотографій.

Лавровъ, П. Сборникъ Македонскихъ пѣсенъ, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича. Спб. 69 стр.

Макаренко, Н. Матеріалы по археологіи Полтавской губ. I. Полтава. Съ 2 табл.

— Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. Спб.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Вып. 1-й. Баптисты, бѣгуны, духоборцы. Л. Толстой о скопчествѣ, пашковцы, поморцы, старообрядцы, скопцы, штундисты. Подъ ред. Владиміра Бончъ-Бруевича. Спб.

Матеріалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вв. 22 — 26. Харбинъ.

Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М.

Никифоровъ, В. В. Манчары. Якутскъ. 65 стр. 16°.

Овчинниковъ, Н. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. Съ IV табл. Барнаулъ. 1907. (VIII в. „Алтайскаго Сборника").

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1907 г. Спб.

Отчетъ о 48-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 236 стр.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1905 — 1907 году. Съ приложеніями. Спб.

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1908 г. Петрозаводскъ.

Памятники Эѳіопской письменности. VI. Спб. 1907.

Петровъ, А. Матеріалы для исторіи угорской Руси. V. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Спб.

Петровъ, М. Западная Сибирь. Губ. Тобольская и Томская. М.

Polívka, S. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 2. Südslavisch. 3. Russisch. 2 оттиска изъ „Zeit.

schrift des Vereins für Volkskunde". Berlin.

Его-же. Lidové povĕsti o pŭvodu tabáku. Berlin. 12 стр.

Полный алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Уфимской губ. Уфа.

Програмы для собиранія свѣдѣній по этнографіи. Изд. Костр. учен. архивн. Комиссіи.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Европѣ и Востоку. Очерки и картинки. Съ рисунками. Берлинъ. — Гамбургъ. — Парижъ. — Константинополь. — Смирна. — Аѳины. — Островъ Критъ. — Италія. — Вѣна — Дунай. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Ренанъ, Э. Исторія Израильскаго народа, томъ 3-й. Спб.

Рудаковъ, В. Е. 14-й археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова. Съ 6 рис. въ текстѣ. Спб.

Самоквасовъ, Д. Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М.

Сѣнницкій, Иларіонъ. Каталогъ книгъ церковно-славянской печати. Жовква.

Святскій, Д. Историческій очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Комарицкой волости. 152 стр. Орелъ.

Седиръ, П. Индійскій факиризмъ. Перев. съ франц. А. В. Трояновскаго. (Библіотека оккультныхъ наукъ Вып. III). Спб. 1909.

Сергѣевичъ, В., проф. Древности русскаго права. Томъ второй. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями. Спб.

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. І. С. Мельника. Спб. 294 стр.

Сиверсъ, Вильгельмъ и *Кюкенталь Вили.* Австралія, Океанія и Полярныя страны. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія Г. Г. Генкеля, съ дополненіями проф. А. Н. Краснова. 198 рис. въ текстѣ, 13 картъ, 9 хромолитогр. и 15 гравюръ. Изданіе товарищ. „Просвѣщеніе". Спб.

Симони, Павелъ. Памятники старинной русской лексикографіи по русскимъ рукописямъ XIII—XVIII стол. Выпускъ третій. Половецкій и Татарскій словарики. — Рѣчи тонкословія греческаго. Спб.

Смирновъ, С., проф. (изд.). Житіе преподобнаго Даніила, Переяславскаго чудотворца, повѣсть объ обрѣтеніи мощей и чудеса его. М. XXXVIII+133 стр.

Спальвинъ, Е. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. І. Владивостокъ.

Сперанскій, М. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. IV. Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. (Памятники древней письменности и искусства. CLXXI). Спб.

Спицынъ, А. Археологическія развѣдки (со 110 рис. въ текстѣ). Спб. 96 стр.

Статистика Россійской Имперіи. LXVII. Спб.

Статистическій обзоръ Симбирской губ. за 1907 г. Симбирскъ.

Статистическій обзоръ Ферганской области за 1905 г.

Труды Бессарабской ученой Архивной Комиссій. Т. III. Кишиневъ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссии 1907 г. Вып. III и IV. Вятка.

Франко, Ив. Нові матеріяли до історії українського вертепа. Львів, 1907. Ст. 24.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Спб.

Его-же. Слово про збурене пекла. Українська пасійна драма. Львів. Ст. 46.

Шахматовъ, А. Мстиславъ лютый въ русской поэзіи. Харьковъ. 13 стр.

Его-же. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду и Несторова лѣтопись. Спб. 58 стр.

Шахрай, Л. Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Вып. 2-й. Отъ періода судей до раздѣленія царства. Одесса.

Широцкій, К. Надгробні хрести на Україні. Львів. Стр. 20+6 табл.

Штернбергъ, Л. Я. Матеріалы по изученію гиляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ. Томъ І. Образцы народной словесности. Часть 1-ая. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908. Стр. XXII + 232. Ц. 3 р. Изданіе Академіи Наукъ.

Энгельгардтъ, М. А. Вредныя и благородныя расы. Спб.

Н. В.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

(По отчетамъ миссіонеровъ).

Въ приложеніи къ „Православному Благовѣстнику“ за мин. 1907 годъ напечатанъ „Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906 годъ“, содержащій въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія о современномъ религіозномъ состояніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ нашего Востока. Позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ той, имѣющейся у насъ подъ руками, части „Отчета“, которая помѣщена въ приложеніи къ № 22 (ноябрь, книжка 2-ая) „Православнаго Благовѣстника“ и которая касается религіознаго состоянія инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

Относительно многочисленныхъ инородцевъ Пермскаго края въ „Отчетѣ“ находимъ общее замѣчаніе, что они „легко поддаются вліянію окружающихъ ихъ не только язычниковъ и магометанъ, но иногда даже старообрядцевъ... Не говоря уже объ язычникахъ инородцахъ, ревностно выполняющихъ свой богослужебный культъ и строго держащихся обычаевъ своихъ предковъ, даже и крещеные изъ инородцевъ обыкновенно не соблюдаютъ христіанскихъ обрядовъ и не слѣдуютъ правиламъ христіанской жизни, такъ что оо. миссіонерамъ приходится наставлять послѣднихъ наравнѣ съ некрещеными, побуждать ихъ къ исполненію обязанностей принятаго ими на себя званія христіанъ“. Въ отчетномъ году зарегистрованъ только одинъ случай обращенія въ христіанство—крещеніе магометанина (стр. 95).

Въ частности необходимо отмѣтить, что въ то время какъ вогулы нѣкоторыхъ деревень Верхотурскаго уѣзда—бывшіе ясачные, а нынѣ государственные крестьяне—„совершенно обрусѣли и даже позабыли свой природный вогульскій языкъ и говорятъ теперь по-русски и ничѣмъ не отличаются отъ русскаго крестьянина по образу своей жизни“, причемъ „христіанство смѣнило здѣсь шаманство и въ значительной степени вытѣснило прежнія языческія понятія и суевѣрія“,—

кочующіе на сѣверѣ уѣзда вогулы (до 70 душъ) все еще остаются полуязычниками, у которыхъ „вѣра христіанская перемѣшана съ языческими понятіями". Отчетъ констатируетъ, что у нихъ „кровавыя жертвоприношенія процвѣтаютъ въ полной силѣ, причемъ они совершаются въ честь Господа Іисуса Христа, Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, которые въ представленіи вогулъ являются— бѣлымъ, добрымъ и строгимъ шайтанами". Замѣчательно, что, по свидѣтельству русскаго торговца, „и православные русскіе люди приносятъ и жертвуютъ въ храмы овецъ, телятъ и другихъ животныхъ, которыхъ рѣжутъ и здѣсь же продаютъ". Русскій торговецъ въ данномъ случаѣ отвѣчалъ за вогулъ на возраженія священника и его доказательства о грѣховности такихъ жертвоприношеній, доказывая, въ свою очередь, что „вогульскія жертвоприношенія въ честь Бога и Св. угодниковъ представляютъ собою нечто иное, какъ подражаніе тѣмъ же православнымъ" (стр. 99—100). Хотя священникъ пытался „доказывать и разъяснять существенную разницу" между этими жертвоприношеніями, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что эта разница осталась неясною даже для русскаго торговца, а объ инородцахъ и говорить нечего.

Говоря о способѣ погребенія у вогулъ, „Отчетъ" сообщаетъ, что „вогульское кладбище расположено на возвышенномъ мѣстѣ (увалѣ) и очень каменистомъ, могилъ вогулы не копаютъ, а строятъ небольшой деревянный срубецъ, ставятъ въ него гробъ съ покойникомъ, заваливаютъ гробъ камнями и срубъ закрываютъ досками. Рядомъ съ первымъ всегда ставится и второй срубъ, предназначенный для склада тѣхъ вещей и предметовъ, которыми пользовался покойный при жизни,—какъ то: одежды, обуви, чайника, котелковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ срубовъ лежитъ и гніетъ добра рублей на 100 и болѣе. При могилѣ умершаго, послѣ похоронъ, закалывается нѣсколько оленей, принадлежащихъ умершему или умершей, мясо оленей съѣдается здѣсь же тѣми вогулами и родственниками, которые сошлись почтить память умершаго, а шкуры убитыхъ животныхъ кладутся въ срубъ". Поставленные при могилахъ „небольшіе восьми-конечные кресты, сдѣланные изъ тонкихъ, въ видѣ школьныхъ квадратиковъ, палочекъ", должны служить признакомъ того, что здѣсь христіанское, а не языческое кладбище (стр. 100—101).

Что касается Оренбургской епархіи, то въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ, такъ называемыхъ нагайбакскихъ (нагайбаки— крещеные татары), въ отчетномъ году замѣтно было сильное движеніе къ магометанству. Это слѣдуетъ сказать въ особенности относительно Нѣжинскаго и Требіатскаго нагайбакскихъ поселковъ и Ильинской станицы. Собственно говоря, въ первомъ изъ названныхъ поселковъ нагайбаки „всегда находились подъ сильнымъ вліяніемъ ислама и склонны были къ магометанству", но „особенно усилилась открытая магометанская пропаганда послѣ объявленія Манифеста о свободѣ вѣроисповѣданія". Главную причину массоваго отпаденія нѣжинскихъ нагайбаковъ въ магометанство „Отчетъ" видитъ въ щедрой матеріальной помощи, которую имъ оказываютъ всѣ состоятельные татары; тою же матеріальною зависимостью объясняется въ „Отчетѣ" и склонность къ магометанству требіатскихъ нагайбаковъ, имѣющихъ,

къ тому же, возможность слушать устную проповѣдь ислама на пріискахъ, гдѣ они проводятъ большую половину года въ качествѣ чернорабочихъ и старателей и гдѣ имѣется мулла и медрессе (начальное магометанское училище). „Въ Ильинской станицѣ незамѣтно матеріальной помощи нагайбакамъ со стороны татаръ, но зато нагайбаки все время вращаются среди татаръ, башкиръ и киргизовъ—магометанъ. По отзыву священника Мордвова, и русскіе православные жители станицы мало религіозны, рѣдко посѣщаютъ храмъ и плохо исполняютъ христіанскія обязанности“ (стр. 107).

Какъ видно изъ данныхъ „Отчета“, приходскіе священники почти безсильны бороться съ все возрастающимъ вліяніемъ ислама. Такъ, на религіозныя бесѣды, на которыя приглашаетъ нагайбаковъ священникъ, они не являются и даже всячески избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи, а при встрѣчѣ „на всѣ увѣщанія священника даютъ только одинъ отвѣтъ: „я, батюшка, ни православной, ни магометанской вѣры хорошо не знаю, спорить съ вами не могу. Всѣ наши нагайбаки переходятъ въ магометанство, а если я одинъ останусь въ православіи, то всѣ прочіе сдѣлаются моими врагами и житья мнѣ не будетъ“ (стр. 106). Въ Требіатскомъ поселкѣ съ 1902 года состоитъ священникомъ нагайбакъ Макарій Софроновъ, который хорошо знаетъ „продивомусульманское ученіе“ и „ведетъ религіозно-нравственныя бесѣды съ нагайбаками и полемическія бесѣды съ отпавшими и прочими магометанами“. При всемъ томъ, „несмотря на его стараніе, магометанское вліяніе не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, усиливается“, такъ что „въ концѣ 1905 года перешло въ магометанство два семейства нагайбаковъ“, причемъ „Отчетъ“ констатируетъ, что „только благодаря дѣятельности священника Софронова въ этомъ поселкѣ нѣтъ массовыхъ отпаденій“. Если въ остальныхъ нагайбакскихъ приходахъ магометанскаго вліянія, по словамъ „Отчета“, незамѣтно, то это обстоятельство и объясняется именно тѣмъ, что „по близости къ этимъ приходамъ не имѣется татарскихъ селеній, и въ самыхъ поселкахъ нѣтъ татаръ“ (стр. 108).

Вотъ все, что можно было извлечь изъ „Отчета“ по вопросу о религіозномъ состояніи инородцевъ двухъ епархій, строго придерживаясь фактической стороны. Къ сожалѣнію, „Отчетъ“ не удержался до конца на почвѣ фактовъ и въ своемъ заключеніи (№ 24, декабрь, книжка 2-я, стр. 129) всѣ отмѣченные выше случаи отпаденія инородцевъ „въ прежнія языческія суевѣрія“ пытается приписать, совершенно голословно и вразрѣзъ съ высказанными ранѣе сужденіями и, „волнѣ такъ называемаго „освободительнаго движенія“, которая коснулась будто-бы и нашихъ миссій. Такое утвержденіе является для читателя „Отчета“, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ, такъ какъ на всемъ его протяженіи на роль освободительнаго движенія въ дѣлѣ частичнаго или массоваго отпаденія инородцевъ отъ православія нѣтъ даже малѣйшаго намека. Это и понятно: тогда какъ „Отчетъ“ составленъ на основаніи фактическихъ сообщеній миссіонеровъ,—придѣланное къ нему заключеніе носитъ явные слѣды канцелярскаго творчества...

Э. П.

Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели.

(По даннымъ Ярославской губерніи).

Работающій на новый годъ будетъ работать весь годъ, и вообще, кто какъ проводитъ время при наступленіи новаго года, тотъ такъ будетъ жить весь наступающій годъ. (Срвн. „Живая Старина", 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 201).

Иглу или булавку нельзя дарить: поссоришься съ подарившимъ (тамъ же).

Сидя на чемъ-нибудь, особенно за столомъ (обѣдомъ), болтать и качать ногами грѣшно или, по меньшей мѣрѣ, нехорошо, неприлично. Литовцы объясняютъ: „качаешь чертенятъ" (стр. 198).

Свистать въ комнатѣ (избѣ, покоѣ, обитаемомъ помѣщеніи) нехорошо. Литовцы объясняютъ: „можетъ чортъ придти"; у русскихъ чорта и лѣшаго вызываютъ тоже свистомъ (тамъ же).

Если у покойника не закрыты глаза — къ покойнику, высматриваетъ новаго покойника. То же у литовцевъ (стр. 194).

Удивленіе или похвалы хорошимъ умственнымъ, особенно же тѣлеснымъ качествамъ дѣтей или скотины и особенно со стороны посторонняго человѣка—не хороши и не желательны: сглазятъ—умрутъ или испортятся. (Срвн. стр. 193).

Видѣть во снѣ: рѣку, особенно бурную и воду вообще (но въ природѣ, а не въ посудѣ)—къ большому горю, (у эстовъ мутная вода къ худу, стр. 185); покойниковъ или мертвецовъ—къ холоду (у эстовъ къ дурной погодѣ, къ дождю, стр. 187); калъ (дерьмо, говно) или обмараться испражненіями—къ богатству, золоту, деньгамъ (то же у эстовъ, стр. 186); подниматься, идти въ гору—къ горю, спускаться съ горы—миновать горя (у эстовъ къ ухудшенію и къ улучшенію жизни, стр. 186); кровь—къ свиданію съ „кровными", съ родными (стр. 186); въ банѣ мыться—къ болѣзни; вѣнчаться—къ смерти, къ болѣзни (стр. 185); цѣловаться съ женщиною или дѣвушкою—къ лихорадкѣ, къ болѣзни (то же у эстовъ обниматься, стр. 188).

Ил. А. Тихоміровъ.

Хроника.

1-го ноября сего года исполняется **тридцатилѣтіе** ученой и литературной дѣятельности т. с. **В. В. Латышева**, занимающаго нынѣ постъ директора Императорскаго историко-филологическаго института и вице-предсѣдателя Императорской археологической комиссіи.

†. **А. В. Григорьевъ.** Въ ночь съ пятницы на субботу (25 окт.) внезапно скончался одинъ изъ выдающихся членовъ Императорскаго русскаго географическаго общества, *Александръ Васильевичъ Григорьевъ*, положившій всю свою жизнь на искреннее служеніе дѣлу изслѣдованія своего отечества. Будучи ботаникомъ по своему образованію, ученикомъ с.-петербургскаго университета, онъ еще молодымъ человѣкомъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ возможность проявить свою наблюдательность и охоту къ географической дѣятельности въ болѣе широкомъ смыслѣ. Разнообразное участіе въ трудахъ географическаго общества и работы на сѣверѣ Россіи послужили къ избранію его представителемъ общества въ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ для поданія помощи Норденшельду, когда послѣдній совершалъ знаменитое плаваніе на „Вегѣ" кругомъ Сѣверной Азіи. Но прежде чѣмъ судну Сибирякова удалось дойти до Ледовитаго океана, вокругъ Азіи съ юга, Норденшельдъ самъ пришелъ въ Японію. Необходимость итти къ сѣверу миновала, и А. В. Григорьевъ употребилъ оставшееся время на изученіе Японіи, откуда привезъ обществу обстоятельныя коллекціи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ занять отвѣтственное мѣсто секретаря общества, которымъ и пробылъ въ теченіе 20 лѣтъ подрядъ. За этотъ періодъ, ознаменовавшійся рядомъ блестящихъ экспедицій общества для изученія Центральной Азіи, снявшихъ съ нея завѣсу тайны, и большимъ числомъ другихъ ученыхъ предпріятій иногда очень обширнаго размѣра, какъ напримѣръ участіе Россіи въ международныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ въ 1881—82 гг., когда общество снарядило блестящія двѣ экспедиціи: на Новую Землю и на устье Лены, А. В. Григорьевъ принималъ самое горячее и усиленное участіе во всѣхъ работахъ по организаціи, подготовкѣ и снабженію экспедицій, а по ихъ возвращеніи—въ обработкѣ и изданіи ихъ трудовъ. Не будучи путешественникомъ или кабинетнымъ изслѣдователемъ, А. В. Григорьевъ, благодаря своей широкой и всесторонней эрудиціи въ географическихъ наукахъ и своему отзывчивому характеру, принималъ самое дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ

не только общества, но и многихъ членовъ его. Всякій желавшій работать на поприщѣ изученія Россіи шелъ къ нему, увѣренный встрѣтить теплый, дружескій пріемъ и всякую помощь и указаніе, выраженныя всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, свойственнымъ чуткой, отзывчивой, честной натурѣ. Въ послѣдніе годы, будучи членомъ совѣта общества и потомъ—помощникомъ предсѣдателя его, онъ все свое время употреблялъ на работу на пользу родной ему географіи Россіи. Онъ розыскалъ, изслѣдовалъ и описалъ оригиналъ рѣдчайшей карты, писанной на бязи и относящейся къ числу первыхъ картъ Россіи, обработалъ каталогъ иностранной части обширной библіотеки общества, велъ два обширныхъ изданія: описаніе трудовъ экспедицій П. К. Козлова и Цибикова въ Центральную Азію и Лхассу. Первое онъ вполнѣ закончилъ, а второе почти, положивъ въ это дѣло, какъ и во все, за что только онъ брался, всю свою душу. Еще за два часа до своей кончины онъ трудился надъ обработкою каталога и умеръ какъ истинный гражданинъ, на своемъ посту не покладая рукъ до послѣдняго момента жизни. Умеръ А. В. 30 лѣтъ. („Нов. Вр.“, № 11719).

† **Кункинъ, I. Я.** 12 сентября скончался видный членъ Тверской архивн. комиссіи I. Я. Кункинъ. Несмотря на незначительное образованіе, пополненное, впрочемъ, усиленнымъ самообразованіемъ, покойный съ большой любовью занимался археологіей и этнографіей родного края. Послѣ него осталась хорошо подобранная библіотека, коллекціи старинныхъ одеждъ и монетъ. Имъ изданы 2 вып. „Актовъ г. Кашина“, выбранныхъ преимущественно изъ московскихъ архивовъ. (Некрологъ см.: Новое время, 1908, № 11677).

† **Н. П. Павловъ-Сильванскій**, скончавшійся 19 сент. отъ холеры, погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Оставленный при СПБ. университетѣ по кафедрѣ Русской Исторіи, онъ посвятилъ себя спеціально изученію соціальнаго строя въ удѣльной Руси. Онъ является авторомъ оригинальной и весьма интересной теоріи о существованіи въ древней Руси цѣлаго ряда институтовъ, вполнѣ аналогичныхъ съ западными феодальными. Эта теорія проведена Н. П. въ работахъ: „Закладничество-патронатъ“; „Феодальныя отношенія въ древней Руси“; „Новое объясненіе закладничества“.

† **Г. И. Перетятковичъ**, проф. Новороссійскаго университета, скончался 7 авг. въ г. Кишиневѣ 68 лѣтъ отъ роду. Въ 1869—70 гг. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Въ 1877 г. имъ была защищена дисертація „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края“, послѣ чего онъ и былъ избранъ въ приватъ-доценты Новороссійскаго университета. Въ 1882 году онъ получилъ степень доктора за работу: „Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“. Въ томъ же году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1886 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ названныхъ выше двухъ крупныхъ работъ послѣ покойнаго осталось лишь нѣсколько небольшихъ статеекъ. Много писать онъ не любилъ.

† **Радченко, К. Ѳ.** Умеръ всего на 36 году жизни. Еще будучи студентомъ онъ написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Послѣ оставленія при университетѣ (Кіевскомъ) для подготовки къ профессурѣ, въ 1896 г. сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ въ столичныя библіотеки для занятія славянскими рукописями. Результатомъ этой командировки явилась работа, представляющая цѣлый рядъ опытовъ по изученію историческихъ памятниковъ, вродѣ: болгарскаго сборника 1345 г. древнихъ житій святыхъ и пр. Вслѣдъ затѣмъ на основаніи тѣхъ же матеріаловъ покойнымъ были написаны еще двѣ книги, одна изъ которыхъ („Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. 1899 г.) явилась диссертаціей на степень магистра. Послѣ двухгодичной командировки заграницу онъ въ 1900 г. былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго института на кафедру славянской филологіи. Цѣлый рядъ его послѣднихъ работъ посвященъ изученію апокрифовъ и богомильства. Таковы: „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филипопольской библіотеки“; „О пергаментномъ сборникѣ XIV в. Вѣнской придворной библіотеки“; „Апокрифическое житіе самарянки по прологамъ Бѣлградской народной библіотеки“; „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“; „Видѣніе пророка Исаіи въ пересказахъ катаровъ-богомиловъ“, и др.

† **Н. В. Султановъ**, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предсѣдатель техническо-строительнаго комитета М. В. Д., скончался въ Висбаденѣ 2 сент. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей онъ всею душою преданъ былъ изученію археологіи, древнерусскаго искусства и русскаго быта. Кромѣ крупныхъ трудовъ: „Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра“ и „Теорія архитектурныхъ формъ; каменныя формы“ съ объемистыми атласами рисунковъ, Н. В. написалъ и перевелъ значительное количество болѣе мелкихъ, но цѣнныхъ по своему содержанію работъ. Безвременная смерть прервала цѣлый рядъ задуманныхъ и частью уже начатыхъ работъ. Рецензія на одинъ изъ его крупныхъ послѣднихъ трудовъ „Объ остаткахъ Якутскаго острога“ помѣщена въ IV в. „Живой Старины“ за 1907 г.

15 октября состоялось **общее собраніе Имп. Русскаго Географическаго Общества.** Заслушаны были: 1) Докладъ о дѣйствіяхъ Общества за лѣтній періодъ времени. 2) П. чл. *А. И. Воейковъ* и д. чл. *Ю. М. Шокальскій* доложили о работахъ IX Международнаго Географическаго Конгресса въ Женевѣ лѣтомъ 1908 г. 3) Дд. чл. *А. И. Ивановъ*, *В. М. Котвичъ* и *С. Ѳ. Ольденбургъ* сообщили краткія свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ П. К. Козлова въ открытомъ имъ древнемъ городѣ Хара-Хото.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О—ва.

№ 8. Засѣданіе 3 октября. Сообщеніе д. чл. *П. Е. Островскихъ*: **„Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“.**

№ 9. Засѣданіе 17 октября. 1) Выборъ членовъ медальной ко-

миссіи. 2) Сообщеніе д. чл. *Н. Е. Ончукова*: **„Сказки и сказочники Сѣвера“**. О новомъ сборникѣ сказокъ: „Сѣверныя сказки“. Гдѣ и кѣмъ записывались сказки сборника. Условія записей. Какая будетъ идеально записанная сказка. Сказки съ эпическимъ содержаніемъ. Сказки про животныхъ, чудесныя, бытовыя, прибауточки и прибасеночки. Разсказы про чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвецовъ, оборотней, колдуновъ и пр. Историческія преданія. Разсказы про инородцевъ и про сосѣдей. Отношенія народа къ сказкамъ, вѣра въ ихъ содержаніе. Общій колоритъ сказокъ Сѣвера. Сказки Печорскія и Олонецкія и ихъ особенности. Море и лѣсъ въ Печорскихъ сказкахъ и Петербургъ въ Олонецкихъ. Отраженіе въ сказкахъ особенныхъ чертъ сказочниковъ. Женскія сказки и ихъ особенности. Въ нихъ отражается вся жизнь женщины съ рожденія до могилы. Характеристика нѣкоторыхъ сказочниковъ. 3) Сообщеніе чл. сотр. *И. С. Абрамова*: **„Поѣздка въ Стародубье“**. (*О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи*). Содержаніе: Историческія данныя о заселеніи Стародубья. Нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ насельникахъ изъ рукописи 1736 г., найденной въ посадѣ Еліонкѣ. Буйные нравы поселенцевъ. Промыслы слобожанъ: трепальщики пеньки, щетинники, коробейники, книгоноши. Черты изъ быта старообрядцевъ: хороводы, свадьбы, тайная милостыня. Изъ области вѣрованій. Новая секта „пасхальники“. О дѣятельности православныхъ миссіонеровъ. Послѣ манифеста о вѣротерпимости. Краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ. Заключеніе.

Во время доклада были показаны костюмы стародубскихъ старообрядцевъ и предметы ихъ домашняго обихода.

Соединенное засѣданіе **Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической**. 16 окт. д. чл. *К. Н. Давыдовъ* сдѣлалъ сообщеніе **„Изъ поѣздки въ Папуасію. Очеркъ природы Аруанскихъ острововъ“**. Приведемъ нѣкоторые пункты программы: Цѣль поѣздки на острова Индо-Австралійскаго Архипелага.—Маршрутъ.—Общій очеркъ путешествія отъ Явы до Аруанскихъ острововъ.—Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о географіи Архипелага Ару.—Населеніе, административное положеніе въ Нидерландской Индіи.—Селеніе Добо и его обитатели.—Мѣстные нравы.—Значеніе Добо въ жизни Аруанскаго Архипелага.—Къ вопросу о положеніи голландцевъ на Ару и вообще въ Папуасіи.—Деревня Ванумбай—ея характеръ, населеніе.—Нѣкоторыя данныя о населеніи Коброра и Вокама.—Коброрскія селенія.—Кочевыя племена.—„Срѣзыватели головъ“.—Blakang Tahva.—Общая характеристика и значеніе въ экономической жизни Ару.—Населеніе.—Промысловая жизнь.—Ловля рыбы, добываніе жемчуга, черепахи, трепанговъ.—Общій очеркъ этнографіи Ару.—Туземцы Ару: племена, языкъ, наружность.—Домашній бытъ.—Общественная и семейная жизнь.—Положеніе женщины.—Религіозныя вѣрованія.—Къ вопросу о каннибализмѣ въ Папуасіи и въ частности на Ару.—Научные результаты путешествія.—Заключеніе. (Были показаны діапозитивы и демонстрированы зоологическія и этнографическія коллекціи).

Русское Антропологическое О—во. 24 окт. сообщенiе д-ра **Л. Г. Оршанскаго**: О дѣтскихъ рисункахъ. Программа: Дѣтскiе рисунки, какъ пограничный вопросъ психологiи, эмбрiологiи искусства и педагогики. Обзоръ литературы о дѣтскихъ рисункахъ. Программы собиранiя и изученiя дѣтскихъ рисунковъ (проф. Лампрехта и Левинштейна, Кершенштейнера). Результаты изученiя и ихъ оцѣнка. Положенiе вопроса въ Россiи. Программа собиранiя рисунковъ, выработанная Русскимъ Обществомъ психологiи и Обществомъ Учителей рисованiя въ 1908 г.

Демонстрацiя рисунковъ и дiапозитивовъ.

Въ четвергъ, 11 сентября, въ Университетѣ состоялось 57-е засѣданiе **Лингвистической секцiи** Неофилологическаго общества. Былъ выслушанъ докладъ *Л. В. Щербы:* „Экспериментально-фонетическiя наблюденiя изъ области русской фонетики“.

Студенческiй **Географическiй кружокъ.** Въ четвергъ, 23 октября состоялось XVII засѣданiе. *Предметы занятiй.* Сообщенiя: 1) *С. И. Руденко:* Палеолитическая стоянка въ Мезинѣ, Черниговской губ., 2) *П. Н. Лебедева*: Предварительное сообщенiе о поѣздкѣ на Байкалъ.

Сибирскiя и дальневосточныя коллекцiи Этнографическаго Отдѣла Музея Императора Александра III.

Музей—одно изъ значительнѣйшихъ хранилищъ очень цѣнныхъ коллекцiй домашней обстановки, предметовъ культа, рабочаго инвентаря, одежды и т. п. вещей, собранныхъ въ средѣ русскаго и инородческаго населенiя Сибири.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и полныхъ коллекцiями отдѣловъ музея является отдѣлъ якутскiй, получившiй цѣнныя вещи еще на второмъ году существованiя музея,—въ 1902 г., отъ Э. К. Пекарскаго и совѣтника якутскаго областного управленiя А. И. Попова. Э. К. Пекарскимъ коллекцiи были доставляемы еще и въ 1903—1904 гг. А. И. Поповъ присылаетъ вещи ежегодно; въ якутскомъ коллекцiонированiи на музей принимали участiе и гг. Iоновъ, С. А. Бутурлинъ, Е. П. Поповъ. Якутскими коллекцiями представлены въ музеѣ Императора Александра III—якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи и коряки.

Иркутская губернiя представлена разновременно доставленными коллекцiями гг. Д. П. Першина, Хангалова, Ц. Ж. Жамцарано-Шараидъ; здѣсь обслѣдовались преимущественно буряты, и обслѣдованiя эти естественно распространились и на бурятско-тунгузское населенiе Забайкальской области; въ послѣднiе годы цѣнныя коллекцiи были доставлены изъ Забайкалья и гг. Борисомъ Вампиловымъ, Лыксокомъ Жаповымъ (буряты). Заслуживаетъ быть отмѣченной большая отзывчивость какъ бурятскаго населенiя, такъ и молодой бурятской интеллигенцiи къ важному дѣлу научнаго коллекцiонированiя предметовъ ихъ матерiальнаго быта и культа. Эта высококультурная черта очень помогаетъ осуществленiю работъ музея, предпринимаемыхъ въ бурятской средѣ. Князь Д. Э. Ухтомскiй, сынъ извѣстнаго журналиста, собиралъ въ текущемъ году въ Забай-

кальи коллекціи по ламаизму, Ц. Жамцарано собиралъ лѣтомъ текущаго-же года коллекціи по шаманизму забайкальскихъ бурятъ.

Коллекціи изъ Енисейской губерніи доставлялись разновременно гг. П. Е. Островскихъ (съ 1901 г., Туруханскій край), покойнымъ Мартьяновымъ (Минусинскій уѣздъ), А. В. Адріановымъ, Ф. Я. Конъ и А. А. Макаренко. П. Е. Островскихъ представилъ своими коллекціями остяковъ, якутовъ, самоѣдовъ, долганъ, юраковъ; тунгусы и татары мелецкой инородческой управы охарактеризированы вещами, доставленными г. А. А. Макаренко, собиравшимъ утварь и предметы культа у тунгусовъ еще въ 1907 и текущемъ 1908 г. въ системѣ рѣки Подкаменной Тунгуски; работы г. Островскихъ по Туруханскому краю продолжаются сейчасъ гг. Рычковымъ и Толстымъ; г. Конъ и г. Адріановъ въ верховьяхъ Енисея обслѣдовали старовѣрческія поселенія Усинскаго края, качинскихъ татаръ; г. Конъ доставилъ коллекціи и по быту сойотовъ. Русское населеніе губерніи представлено и по другимъ ея уѣздамъ коллекціями А. В. Адріанова и А. А. Макаренко. Въ текущемъ году на р. Тазъ былъ посланъ для собиранія коллекцій среди обитающихъ тамъ инородцевъ г. Тугариновъ.

Коллекціи по Томской губерніи собирались Д. А. Клеменцъ (Алтай), по Тобольской—г-жей Рагозиной (русское населеніе) и г. Ю. Горбатовскимъ (тарскіе татары). Киргизскій югъ Сибири почти не представленъ въ музеѣ. У киргизъ, народа болѣе многочисленнаго, чѣмъ буряты, не находится, однако, достаточнаго количества лицъ, способныхъ отдаться этнографическому коллекціонированію разной національной обстановки.

Амурская и Приморская области, о. Сахалинъ, Шантары, Командоры и другія островныя группы сѣверо-восточныхъ морей Сибири также очень слабо освѣщены коллекціями музея. Кое-что передано въ музей Александра III изъ Гродековскаго музея въ Хабаровскѣ и изъ Сахалинскаго музея; есть работы П. Ю. Шмидтъ, извѣстнаго ихтіолога сѣверо-востока Тихаго океана, попутно занимавшагося и этнографическимъ коллекціонированіемъ обслѣдованныхъ имъ побережій. Чукотскія и корякскія коллекціи доставлялись въ музей начальникомъ анадырскаго округа г. Сокольниковымъ. Коллекціи, доставленныя названными мѣстами и лицами изъ Приморской области, характеризуютъ корейцевъ, алеутовъ и мѣстныя племена тунгусовъ, гольдовъ, гиляковъ, орочей, коряковъ, чукчей.

Можетъ быть отмѣченной еще коллекція кн. Э. Э. Ухтомскаго по ламайскому культу у монголовъ. Вообще же китайскія области, сопредѣльныя Сибири, представлены очень слабо въ коллекціяхъ музея. Мало вещей изъ Монголіи; изъ Тибета есть лишь отдѣльныя вещи. Джунгарія, китайскій Восточный Туркестанъ зарегистрированы также очень слабо работами прежнихъ лѣтъ. Теперь же самая возможность собиранія даже чисто научныхъ коллекцій въ западномъ Китаѣ вообще и въ Тибетѣ въ особенности сильно затруднена послѣднимъ англо-русскимъ трактатомъ о разграниченіи сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Центральной Азіи.

Музей Императора Александра III много сдѣлалъ по сибиревѣдѣнію, но еще больше остается ему сдѣлать въ этой области. Цѣлые районы страны вовсе не представлены коллекціями, другіе предста-

влены иногда лишь немногими вещами. Между тѣмъ живой переселенческій потокъ быстрѣе, чѣмъ раньше, стираетъ своеобразныя черты сибирской жизни—русской старожилой и инородческой; поэтому надо спѣшить съ регистраціей этихъ чертъ,—и сибирская интеллигенція должна бы помочь такой регистраціи, какъ путемъ живого содѣйствія лицамъ, командируемымъ въ Сибирь музеемъ, такъ и путемъ самостоятельныхъ коллекціонированій предметовъ домашней утвари, рабочаго инвентаря, оружія, культа и одежды какъ русскаго-старожилаго, такъ и инородческаго населенія Сибири, въ цѣляхъ доставленія этихъ коллекцій въ музеи. Намъ кажется, что такая работа внесла бы разнообразіе, повысила бы интересъ интеллектуальной жизни и самой сибирской интелилгенціи.

Минусинскій городской Мартьяновскій Музей въ 1906 году. (По „Отчету"... Канскъ. 1908). Въ отчетномъ году коллекціи Музея достигли слѣдующихъ цифръ: въ антропологическомъ отдѣлѣ—518 №№, въ этнографическомъ 2.962, въ археологическомъ—17.394, въ нумизматическомъ—3.002. При чемъ въ 1906 г. поступило вновь по археологіи 147 №№ и по нумизматикѣ 124 №№.

Въ частности этнографическій отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій: русскаго населенія края (510 экз.), инородческаго (697 экз.), пограничныхъ сойотъ (851 экз.), латышей изъ колоній (140 экз.), финскаго племени (48 экз.), по сравнительной этнографіи (381 экз.) и по народной медицинѣ [1]). Этнографическая группа есть также въ образовательномъ отдѣлѣ (978 №№). Въ промышленномъ отдѣлѣ есть предметы кустарной промышленности, ремеслъ (1.315), охотничьяго и рыбнаго промысла (59). Изъ новыхъ пріобрѣтеній по отдѣлу археологіи интересенъ желѣзный жертвенникъ (изъ д. Листвяговой на р. Тубѣ)—первая такого рода находка въ Минусинскомъ округѣ.

Рѣдкій шаманскій костюмъ поступилъ въ Этнографическій музей Академіи Наукъ. Костюмъ принадлежитъ шаману енисейскихъ остяковъ. Въ цѣломъ онъ, видимо, изображаетъ птицу и въ этомъ отношеніи совершенно оригиналенъ. Помимо обычныхъ желѣзныхъ привѣсковъ на костюмѣ есть нѣсколько новыхъ украшеній и, кромѣ того, весь онъ украшенъ красочными рисунками, вышитыми оленьимъ волосомъ.

Обществомъ изученія Амурскаго края намѣчены слѣдующіе проекты использованія 2.000 р., пожертвованныхъ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ: 1) Археологическая экспедиція въ окрестности „Тыра" для изысканій и раскопокъ въ окрестностяхъ извѣстныхъ развалинъ. 2) Экспедиція съ лингвистическими цѣлями къ гольдамъ. 3) Изданіе маршрутной карты Приморской области. 4) Экспедиція съ цѣлью изученія быта переселенцевъ. 5) Изданія руководства для собиранія разныхъ свѣдѣній и предметовъ, касающихся разныхъ

---

[1]) Почему-то общее число предметовъ по этнографіи не сходится. По подсчету выходитъ 3.012, а ранѣе помѣчено—2.962.

сторонъ жизни Амурскаго края. 6) Экспедиція въ мѣста необслѣдованныя въ географическомъ отношеніи.

Изъ поѣздки въ Кубинскій уѣздъ Бакинской губерніи директоръ кавказскаго музея А. Н. Казнаковъ привезъ коллекцію по этнографіи горскихъ евреевъ и нѣкоторые предметы по этнографіи татовъ и лезгинъ. Особенно полно собраны предметы по кустарнымъ промысламъ: по приготовленію ковровъ, изъ которыхъ лучшими въ уѣздѣ являются татскіе, приготовленію галуновъ, шнуровъ, поясовъ, обуви, кузнечному промыслу и др., а также множество дѣтскихъ игрушекъ, амулетовъ и т. п.

Малорусская этнографія въ „украінскомъ товаристві“ — „Просвіта“. Въ 1907 году въ малорусскомъ Одесскомъ обществѣ „Просвіта“ („Просвѣщеніе“), въ которомъ еженедѣльно читается по два реферата, часть послѣднихъ была посвящена этнографіи Украйны. Такъ были прочитаны доклады—Комарова: „Украинскій вертепъ и вертепная драма“, „Кармелюкъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ“, „Про пасхальныя крашанки и писанки“, „Народная пѣсня про Бондаривну“, „Байда, князь Вишневецкій въ украинской словесности“; Ящуржинскаго: „Культъ хлѣба въ пѣсняхъ и обрядахъ“, Шелухина: „Народныя украинскія пѣсни“, Андріевскаго: „Кобзарь Остапъ Вересай“ и нѣк. др. Всѣ рефераты читались по-украински и, хотя не отличались ни научностью, ни новизною (большинство было составлено по печатнымъ русскимъ статьямъ), тѣмъ не менѣе приходились по вкусу той средней публикѣ, которая посѣщаетъ общество „Просвіта“.

Въ Петербургѣ недавно закрылась грандіозная **выставка керамики**, на которой были экспонированы издѣлія не только художественно-промышленныя, но также для огнестойкаго строительства до самыхъ простыхъ его формъ въ видѣ черепицы и огнеупорныхъ плитокъ и другихъ матеріаловъ для сельскихъ построекъ. Кромѣ того, на выставкѣ былъ русскій историческій отдѣлъ, такъ такъ у насъ эмалированная глина получила широкое распространеніе еще въ древнемъ зодчествѣ.

Этнографическая поѣздка къ тунгусамъ. Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексическаго матеріала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собиралъ свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ырăхтаҕы), о „Шоломон“ царѣ и др.; добыты образцы рисовальнаго искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А.

Масленикова и П. Т. Воронова. Первый велъ подъ наблюденіемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣленіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытія рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительнаго сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ съ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимымъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій повліяло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремеслъ, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Экспедиція на полуостровъ Я-малъ. Изъ Обдорска получены извѣстія объ экспедиціи на полуостровъ Я-малъ. Члены экспедиціи пробыли въ Обдорскѣ 12 дней, ушедшихъ на подготовительныя работы по снаряженію въ дальній и долгій путь. Въ Обдорскѣ была организована особая комиссія изъ обдорскихъ обывателей. Въ составъ экспедиціи вошли: миссіонеръ-священникъ Мартемьяновъ, прекрасно владѣющій самоѣдскимъ языкомъ и хорошо знакомый съ жизнью и бы-

томъ самоѣдовъ, и толмачъ Кудринъ. Для экспедиціи собрано было больше четырехсотъ оленей, сравнительно хорошаго достоинства. Первоначальный путь экспедиціи изъ Обдорска намѣченъ такъ: озеро Вангады, Поды, затѣмъ краемъ Оби до Орнела, до Ямбуринскаго острова, Ямбуринскихъ юртъ (астрономически опредѣленный пунктъ), отъ Ямбуры серединой Я-мала на крайній сѣверный его пунктъ. По исчисленіямъ самоѣдовъ, отъ Ямбуры до сѣверной оконечности Я-мала 40 переходовъ (переходъ 30 верстъ), т.-е. около 1.200 верстъ.

Неудавшаяся экспедиція. По порученію этнографическаго отдѣла Русск. Музея Имп. Александра III, г. Тугариновъ долженъ былъ собрать этнографическія коллекціи среди инородцевъ области р. Тазъ (Туруханскій край). Но экспедиція эта не удалась вслѣдствіе того, что выбранный г. Тугариновымъ путь оказался непроходимымъ.

По слухамъ въ 1909 году **возобновляется** изданіе историческаго журнала „**Кіевская Старина**", вмѣсто котораго въ 1907 году издавалась „Украіна", просуществовавшая только одинъ годъ. „Кіевская Старина" была богата этнографическими изслѣдованіями и матеріалами, касавшимися Южной Руси. Можно ожидать, что возобновленный журналъ такъ же будетъ полезенъ въ послѣднемъ отношеніи, какъ и раньше, лишь бы онъ пошелъ по своей прежней строго научной дорогѣ.

Вновь открытое племя въ Аляскѣ. По сообщеніямъ изъ Филадельфіи, туда вернулся изъ продолжительной научной поѣздки въ Аляску американскій ученый проф. Г. Гордонъ, привезшій съ собою богатую коллекцію цѣнныхъ предметовъ, добытыхъ имъ у одного племени, до сихъ поръ неизвѣстнаго ученымъ. Племя это, прежде повидимому многочисленное, насчитываетъ въ настоящее время не болѣе 400 человѣкъ, поселенія ихъ расположены въ 600 миляхъ отъ устья рѣки Кусковилы. Гордонъ назвалъ это странное племя „кусковагамитами". Въ противоположность атабаскамъ (индѣйцамъ) и эскимосамъ, оно сохранило рѣзко выраженныя черты азіатской расы. Повидимому, племя принадлежитъ къ раннему поселенію Аляски; вытѣсненное индѣйцами и эскимосами, оно переселилось въ долину рѣки Кусковилы, гдѣ и нашло себѣ естественную защиту. Проф. Гордонъ провелъ среди этого племени нѣсколько мѣсяцевъ, наблюдалъ ихъ жизнь, нравы и обычаи и собралъ огромную коллекцію разныхъ предметовъ и одежды. Мужчины, по словамъ Гордона, отличаются высокимъ ростомъ и силою, женщины—миловидностью; въ умственномъ отношеніи этотъ народъ стоитъ далеко выше другихъ обитателей арктическихъ странъ; всѣ они—моногамисты, законовъ писанныхъ не имѣютъ; управляются старѣйшимъ въ родѣ—патріархомъ, исполняющимъ въ то же время обязанности священника: одежду дѣлаютъ себѣ не изъ звѣриныхъ шкуръ, а изъ кожи и перьевъ птицъ.

Археологическая находка. Аллагабадъ, 4 (17) сентября.—По полученнымъ отъ путешественника, доктора Штейна, изъ Хотана

отъ 2-го іюля свѣдѣніямъ въ Карашарѣ, въ сѣверо-восточной части пустыни Тарима, найдены картины и скульптурныя изображенія, относящіяся къ эпохѣ преобладанія буддійскаго вліянія. Близъ Мазаръ-Тага найдены большія собранія документовъ, писанныхъ на деревѣ и на бумагѣ, главнымъ образомъ, индійскаго, китайскаго и тибетскаго происхожденія. Документы относятся къ VIII или IX вѣку и принадлежатъ, очевидно, къ періоду тибетскихъ нашествій.

Новые открытія въ области изученія древняго Востока,— Temps даетъ краткое описаніе коллекцій, вывезенныхъ Жакомъ Морганомъ изъ Персіи. Коллекціи эти размѣщаются въ настоящее время въ Луврѣ. Жакъ Морганъ уже раньше составилъ себѣ крупное имя въ качествѣ изслѣдователя древняго Востока. Во время своей первой экспедиціи Моргану подъ развалинами древне-персидскихъ Сузъ (временъ Даріевъ и Ксерксовъ) удалось напасть на слѣды болѣе стараго города, Сузъ эламитскихъ (между 2300 и 750 гг. до Р. Х.), и еще болѣе стараго, существовавшаго, какъ онъ думаетъ, въ первыя времена владычества халдеевъ. Результаты раскопокъ только-что закончившейся второй экспедиціи Моргана еще болѣе продуктивны. На каждой найденной имъ вещи обозначенъ почвенный слой, въ предѣлахъ котораго она найдена. Уже отсюда, слѣдовательно, можно извлечь приблизительныя хронологическія указанія. Эти догадки въ свою очередь подтверждаются многочисленными надписями, собранными Морганомъ на различной глубинѣ. „Такимъ образомъ,—пишетъ авторъ статьи въ Temps,—несомнѣнно, что эта маленькая телѣжка, эта миніатюрная военная колесница, этотъ парикъ изъ обожженной глины, эти лѣстницы, снабженныя колесами, не что иное какъ дѣтскія игрушки, которыя дѣти приблизительно за 5000 лѣтъ до христіанской эры возили на веревочкахъ по площадямъ или узенькимъ улицамъ примитивнаго города“. Къ той же древнѣйшей эпохѣ относится коллекція расписныхъ вазъ, одинаково любопытныхъ и своей формой, и своими украшеніями, бронзовыя копья, топоры, пилы, кирки и пр. Къ той же эпохѣ относится найденное въ большомъ количествѣ алебастровое оружіе, сдѣланное очень прочно и изящно, прекрасно выполненныя изображенія животныхъ. Впрочемъ изображенія животныхъ находили во всѣхъ слояхъ, гдѣ производились раскопки. Серія человѣческихъ фигуръ очень богата; почти всѣ онѣ воспроизводятъ положеніе, извѣстное по найденнымъ раньше на мѣстахъ древней Халдеи статуямъ. Тѣсно прижатыя къ тѣлу руки, покоящіяся на груди, и кисти, плотно охватывающія одна другую. Головъ у статуй нѣтъ, за рѣдкими исключеніями. Объясняется это тѣмъ, что страна много разъ опустошалась войной, и побѣдители, забирая драгоцѣнности, уродовали все, чего не хотѣли брать. Такъ поступали они и со статуями. Только въ томъ случаѣ, если статуя была изображеніемъ особенно знаменитаго лица, ее брали въ качествѣ трофея. Въ числѣ статуй, найденныхъ Морганомъ, есть одна, сдѣланная изъ діорита и восходящая ко времени за 3000, а можетъ быть и 4000 лѣтъ до Р. Х. Статуя изображаетъ одного изъ царей, и подъ ней двѣ надписи: одна—старая, другая—болѣе поздняго происхожденія, гласящая,

что эта статуя какъ побѣдный трофей была взята изъ Халдеи царемъ Шутрукъ-Наконта.

Отказъ отъ кровавой мести. О событіи, имѣющемъ не малое культурноисторическое значеніе, сообщаютъ изъ Салоникъ. Албанскія племена въ трехъ вилайетахъ, Янинѣ, Монастырѣ и Коссовѣ, отказались навсегда отъ кровавой мести. Ихъ уполномоченные принесли „народную клятву“ въ томъ, что кровавая месть отнынѣ исчезаетъ изъ жизни албанцевъ. Съ первыхъ же временъ появленія албанцевъ въ исторіи кровавая месть существовала и сохранялась какъ „священный законъ“, какъ „институтъ“, безъ котораго албанцы не представляли себѣ возможнымъ жить. Она замѣняла собою юстицію, и, регламентированная во всѣхъ подробностяхъ, служила основою, на которой покоилась семейная жизнь албанскихъ племенъ. Неписанный законъ мести рѣшалъ вопросы уголовнаго права и даже частныя столкновенія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія **1908**

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII годъ изданія **1908**

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта,—вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Книжка 68

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и Секретаря Отдѣленія **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ IV **Годъ XVII**

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.
1909.

ОТДѢЛЪ I.

„Камень на морѣ“ и камень алатырь.

Въ русской народной поэзіи нерѣдко встрѣчается загадочный образъ чудеснаго камня на морѣ. Этотъ образъ иногда является въ легендахъ и пѣсняхъ космогоническаго содержанія, причемъ чудесный камень оказывается среди первоначальнаго моря въ началѣ творенія. Таковъ образъ малорусской колядки:

А що намъ било зъ нащаду світа,
Ой не било жъ намъ хиба сина вода,
Синая вода, тай білий камінь,
А прикривъ Господь сировъ землицевъ
Виросло на німъ кедрове древо“ и т. д. [1])

Иногда на этомъ камнѣ представляется сидящимъ одинъ изъ творцовъ міра, какими часто въ космогоническихъ легендахъ является животное, особенно птица. Чаще на камнѣ сидитъ чудесное животное, которое если и имѣло значеніе деміурга, то утратило, а можетъ быть играетъ не роль деміурга, а иную космическую роль. Образъ камня съ сидящими на немъ чудесными животными обладаетъ рядомъ устойчивыхъ чертъ. Такъ часто камень называется бѣлымъ:

Образъ бѣлаго камня на морѣ мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ, какъ малорусской такъ и великорусской поэзіи. Только что мы видѣли его въ колядкѣ о твореніи міра въ качествѣ первозданнаго камня, существующаго уже въ началѣ творенія. Мы его найдемъ съ загадочнымъ миѳическимъ значеніемъ въ заговорахъ.

„На небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся“, тогда мои

---

[1]) „Кіевск. Ст.“, 1889, Январь.

зубы не будутъ болѣть“ [1]). Въ другомъ великорусскомъ же заговорѣ бѣлый камень оказывается среди золотого моря. „Есть море золотое, на золотомъ морѣ бѣлый камень, на камнѣ сидитъ красная дѣвица съ палицей желѣзной“ [2]). Бѣлый камень заговоровъ часто называется „латыремъ“, „алатыремъ“.

Образъ бѣлаго камня на морѣ встрѣчается и въ не обрядовыхъ великорусскихъ пѣсняхъ, съ подробностями, напоминающими образъ бѣлаго камня на золотомъ морѣ съ сидящей на немъ дѣвицей.

„По утру ранешенько, на зарѣ
Щебетала ласточка на дворѣ,
Всплакалось дѣвонюшкѣ на морѣ,
На бѣломъ горючемъ на камнѣ“.

Иногда этотъ бѣлый камень представляется горящимъ:

„Не отъ пламичка, не отъ огничка
Загорѣлась въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Добрался огонь до бѣлаго камешка,
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ.

Этотъ образъ горящаго камня напоминаетъ образъ горящаго камня въ колядкѣ о загадкахъ:

„Камень горить безъ поломеня,
А вода біжить безъ прогону“ и т. д.

Въ другихъ варіантахъ колядки о загадкахъ мы находимъ знакомый образъ бѣлаго камня, который „растетъ безъ корня“:

„Білъ камінь росте безъ корінічка“

Образъ бѣлаго камня среди моря встрѣчается и въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

„А на морѣ, на морѣ на синянькомъ,
А тамъ лежавъ бѣлый камень,
А на каменѣ соколъ, соколъ сядзиць“.

Очень сходенъ съ этимъ образъ малорусской пѣсни

„Ой у полі білий камень лежавъ,
А на тому каминеві сивий орелъ седить,
Ой седить же він седить, думу думае“

---

1) Майковъ, „Заклинанія“ 454.
2) Майковъ, „Заклинанія“ 457.

Образъ бѣлаго камня на морѣ встрѣчается и въ былинахъ. Добрыня говоритъ матери:

„Ты бы лучше меня, матушка, спородила
Бѣлымъ горючимъ камешкомъ,
Завернула бы въ тонкій бѣлый рукавичекъ,
А спустила бы меня въ синее море".

Является вопросъ, откуда получился этотъ устойчивый образъ бѣлаго камня на морѣ, о которомъ былинный герой говоритъ, какъ о чемъ то общеизвѣстномъ? Образъ этотъ тѣсно связанъ съ образомъ „камня алатыря".

Миѳологическое толкованіе этого образа Аѳанасьевымъ, который видѣлъ въ словѣ алатырь древнюю форму, чуть ли не восходящую къ праарійской, а въ самомъ алатырѣ солнце,— неудачно. Основывается оно на томъ, что камень плаваетъ на морѣ, т.-е. по Аѳанасьеву, на воздушномъ океанѣ, и на немъ сидитъ дѣвица Заря. Но прежде всего нужно убѣдиться, что море, по которому плаваетъ камень, дѣйствительно воздушное море, а этого Аѳанасьевъ не доказываетъ, кромѣ того, врядъ ли возможно считать вѣроятнымъ образъ камня солнца, на которомъ сидитъ Заря. Почему Зарѣ должно сидѣть на солнцѣ?

А. Н. Веселовскій даетъ иное толкованіе слова и образа „алатырь".

Установивъ несомнѣнную связь представленій объ алатырѣ въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ съ камнемъ алатыремъ христіанскихъ сказаній, А. Н. Веселовскій говоритъ:

„Дальнѣйшее развитіе (sic) этого образа въ русской народной поэзіи и суевѣріи насъ здѣсь не интересуетъ: тамъ онъ претворился до неузнаваемости, до разнообразныхъ проявленій, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь общимъ понятіемъ—какой-то чудной силы, сверхъ-естественныхъ качествъ. Пользоваться позднѣйшими искаженіями и приложеніями этого образа съ цѣлью опредѣлить его первичныя формы—едва ли возможно" [1]).

Такимъ образомъ все, что не носитъ слѣда близости къ христіанскому представленію камня алтаря, сіонскаго камня и т. д.,—все это отнесено Веселовскимъ къ числу „позднѣйшихъ искаженій".

Какія основанія имѣются налицо для такого заключенія?— Никакихъ, кромѣ предвзятаго стремленія школы Бенфея воз-

---

[1]) Разысканія. III—V, стр. 25.

водить непремѣнно образы народной фантазіи къ книжному памятнику. Это предвзятое стремленіе постоянно приводитъ къ такому силлогизму: „образъ *A* есть въ народной поэзіи, образъ *B* нѣсколько съ нимъ сходный есть въ памятникѣ *N*, слѣдовательно *A* есть искаженіе *B*“.

Этотъ софизмъ Бенфеевской школы отмѣченъ Бедье въ его прекрасномъ трудѣ о фабліо.

„Nous avons marqué le caractère essentiel de la méthode indianiste: c'est de prendre un conte dans la tradition populaire vivante et de le „suivre à la piste“, d'âge en âge, en remontant le courant des litteratures.

Le plus souvent, elle se résume en ce resonnaiment: Soit un conte moderne; je le retrouve dans le Directorium humanae vitae. Or, je prouve que ce recueil a une origine indienne. Donc le conte est indien. Soit cet autre conte moderne: je le retrouve dans le Roman des septs sages français. Or, je prouve que le livre des Sept sages remonte à un original indien. Donc le conte est indien.

Nous voici de la sorte, innocemment, malgré nous, ramenés à l'Inde. Tant que la théorie n'a point d'argument plus probant (et souvent il en est ainsi) son raisonnement est médiocre. Il se reduit à ceci: la plus ancienne forme concervée de ce conte est indienne; donc le conte lui-même est indien.

Ce sophisme porte un nom dans l'Ecole: „Post hoc, ergo propter hoc“ [1]).

Методы школы Бенфея пріобрѣли у насъ въ изученіи народной поэзіи господствующее значеніе благодаря эрудиціи и

---

[1]) „Мы отмѣтили существенныя черты метода индіанистовъ: они берутъ разсказъ въ живомъ народномъ преданіи и „прослѣживаютъ“ его изъ вѣка въ вѣкъ, восходя къ источникамъ литературнаго развитія.

Чаще всего этотъ методъ резюмируется въ слѣдующемъ разсужденіи:

Вотъ новый разсказъ, я его нахожу въ „Directorium humanae vitae“. Я доказываю, что этотъ сборникъ индійскаго происхожденія. Слѣдовательно, и разсказъ индійскаго происхожденія.

Вотъ другой новый разсказъ. Я его нахожу во французскомъ романѣ о семи мудрецахъ. Я доказываю, что этотъ романъ восходитъ къ индійскому оригиналу. Слѣдовательно, и разсказъ индійскаго происхожденія.

Пока теорія не имѣетъ болѣе убѣдительныхъ аргументовъ (а часто это бываетъ такъ), ея разсужденія не сильны. Они сводятся къ слѣдующему: наиболѣе древняя изъ сохранившихся редакцій разсказа индійская, — слѣдовательно, разсказъ индійскаго происхожденія.

Этотъ софизмъ въ логикѣ носитъ названіе: „Post hoc, ergo propter hoc“.
Bedier, „Les Fabliaux“, Paris, 1895, p. 86.

таланту А. Н. Веселовскаго, а съ ними перекочевалъ и отмѣченный французскимъ ученымъ софизмъ.

Чрезвычайно характернымъ является при этомъ игнорированіе всѣхъ данныхъ, могущихъ дать иное объясненіе образа. У А. Н. Веселовскаго это игнорированіе тѣмъ болѣе странно, что онъ много разъ высказывается въ пользу важности того туземнаго „усвояющаго субстрата", съ которымъ сливаются заносныя представленія[1]), но практически этотъ „субстратъ" остается обыкновенно у А. Н. Веселовскаго безъ вниманія. Между тѣмъ этотъ „субстратъ", этотъ слой аналогичныхъ съ усвоемыми туземныхъ представленій иногда является такимъ очевиднымъ, такъ легко объяснимымъ, что казалось бы его нельзя не замѣтить.

Такимъ „субстратомъ" для представленія о камнѣ алатырѣ намъ кажутся разныя мѣстныя представленія о чудесныхъ камняхъ, иногда сливающіяся съ христіанскими представленіями о камнѣ алтарѣ, иногда свободныя отъ христіанскихъ наслоеній.

Существованіе этихъ представленій не можетъ насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что мы имѣемъ много надежныхъ свидѣтельствъ о существованіи по всей Европѣ (и у насъ въ частности) культа камней.

Снегиревъ приводитъ слѣдующіе любопытные факты почитанія камней у русскихъ. Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. есть камни, носящіе названіе Башъ и Башиха. Когда помѣщикъ ихъ рубитъ, на нихъ выступаютъ кровавыя пятна. Помѣщикъ, ихъ рубившій, былъ наказанъ слѣпотой, а окрестности безплодіемъ [2]).

Аналогичное вѣрованіе Аѳанасьевъ отмѣчаетъ въ Литвѣ. „Въ Литвѣ, говоритъ онъ, долгое время сохранялось благоговѣйное уваженіе къ нѣкоторымъ камнямъ; объ одномъ камнѣ разсказываютъ, что когда какой-то мельникъ хотѣлъ было достать его и употребить на жорновъ, то въ глаза ему полетѣла съ камня пыль — и онъ ослѣпъ; помощниковъ его также постигла небесная кара — одинъ вскорѣ умеръ, у другого отнялись руки" [3]).

Оба эти вѣрованія совершенно ясно обнаруживаютъ характеръ камня, какъ фетиша, въ которомъ живетъ духъ, — вѣрованіе широко распространенное во всѣхъ концахъ міра. О тѣхъ

[1]) Напр. въ „Разысканіяхъ", XVIII, стр. 4.
[2]) Снегиревъ. „Простонар. Праздн.", IV, стр. 70—74.
[3]) Аѳанасьевъ. „Поэт. Возвр". II, 357.

же камняхъ Башѣ и Башихѣ Снегиревъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, что около Петрова дня народъ въ Одоевскомъ уѣздѣ стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, „как ъ на могилы родителей". Камнямъ этимъ приписывается чудодѣйственная сила: „одни ихъ считаютъ за мужщину и женщину, другіе за супруговъ, иные за кума и куму или за богатырей, обращенныхъ въ камни" [1]).

Въ этомъ фактѣ очень ясно обнаруживается почитаніе камней и ихъ значеніе какъ предковъ: къ нимъ приходятъ „какъ на могилы родителей".

Факты явнаго поклоненія камнямъ можно отмѣтить и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ былъ среди потока камень, къ которому ходили на поклоненіе также въ Петровъ день. Житіе преподобнаго Иринарха, оцѣнивъ это вѣрованіе съ христіанской точки зрѣнія, говоритъ, что въ камень этотъ вселился бѣсъ и „творитъ мечты". Однако и христіанскій авторъ житія признаетъ силу этого бѣса. Преп. Иринархъ велѣлъ дьякону Онуфрію зарыть камень въ землю, дьяконъ исполнилъ это, но бѣсъ озлобился, наслалъ на него трясовичную болѣзнь и причинилъ ему много пакостей [2]).

Чествованіе камня около Петрова дня конечно результатъ христіанскаго пріуроченія, но оно не нарушаетъ сути явленія—поклоненія камню. Само значеніе имени Петръ — камень, могло дать поводъ самого Петра разсматривать какъ божество камня. Во всякомъ случаѣ здѣсь передъ нами несомнѣнный фактъ поклоненія; бѣсъ въ камнѣ—духъ предка, ставится бѣсомъ въ глазахъ христіанскаго писателя, не свободнаго однако отъ вѣры въ могущество этого бѣса. Свободны отъ христіанскихъ наслоеній слѣдующія вѣрованія.

Близъ Нерехты, среди рѣки того же имени, есть камень, похожій на бочку; кто осмѣлится брать у него воду, тотъ впадетъ въ сумашествіе [3]). Брать воду очевидно оскорблять духа, живущаго въ камнѣ. Характерно также, что здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, священный камень „среди рѣки", съ этими представленіями мы еще встрѣтимся.

Чрезвычайно характерны повторяющіеся въ разныхъ мѣстахъ разсказы о конѣ камнѣ.

[1]) Снегиревъ. „Простонар. Праздн." I, 186.
[2]) Афанасьевъ. „Поэт. Воз." II, 360.
[3]) Снегиревъ. „Прост. пр." I, стр. 187.

„На Ладожскомъ озерѣ, говоритъ Аѳанасьевъ, на островѣ Коневцѣ подъ Святой горой лежитъ большой Конь-камень (12 саженъ въ окружности и 7 аршинъ въ вышину), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня. Въ даръ духамъ, которые обитали около этого камня и охраняли скотъ, перевозимый съ берега на островъ и оставляемый на тамошнихъ пастбищахъ въ продолженiи цѣлаго лѣта, безъ всякаго надзора, прибрежные жители ежегодно обрекали по одному коню; конь этотъ погибалъ зимой, и суевѣрные крестьяне были убѣждены, что его пожирали незримые духи. Преподобный Арсенiй окропилъ камень св. водой и нечистые улетѣли съ острова въ видѣ вороновъ. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, вокругъ Коня камня до позднѣйшаго времени совершалось опахиванiе, чтобы прiостановить губительное дѣйствiе скотскаго мора“ [1]).

Объ этомъ Конѣ камнѣ Ефремовскаго уѣзда подробнѣе Аѳанасьевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ такъ:

„Въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой Мечи, близь села Козьяго есть огромный гранитный камень. Крестьяне называютъ его Конь-камень и разсказываютъ о немъ слѣдующее преданiе: въ незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великанъ, въ блестящей одеждѣ на бѣломъ конѣ... въ тоскливомъ раздумьи глядѣлъ онъ на рѣку и потомъ бросился въ воду, а одинокiй конь его тутъ же окаменѣлъ. По ночамъ камень оживаетъ, принимаетъ образъ коня, скачетъ по окрестнымъ полямъ и громко ржетъ“ [2]).

Мы не можемъ согласиться съ Аѳанасьевымъ, который въ конѣ хочетъ видѣть „видимаго представителя Бога громовника“ [3]). Для такого пониманiя мы не видимъ никакихъ основанiй. Конемъ представляется здѣсь повидимому духъ, заключающiйся въ камнѣ. На это указываетъ приношенiе ему въ жертву коня на Коневцѣ и бѣганiе „ожившаго“ коня въ легендѣ съ Красивой Мечи. Представленiе души конемъ явленiе обычное. Мы указывали уже на обычность представленiя души умершаго въ видѣ коня [4]). Къ сказанному тогда можемъ прибавить авторитетное мнѣнiе Вундта, который считаетъ коня однимъ изъ распространенныхъ животныхъ душъ [5]). Въ этомъ сочетанiи

---

[1]) Аѳанасьевъ. „Поэт. Воззр.“ II. 359.
[2]) Аѳанасьевъ „Поэт. Воззр.“ II, 676.
[3]) Ibidem, 359.
[4]) Къ изуч. малор. колядокъ, 27.
[5]) Volkespsyhologie. II, 2, 77.

представленія души коня и ея вмѣстимости—камня мы видимъ полную аналогію съ представленіями о душахъ деревьевъ въ видѣ живого существа, зооморфнаго или антропоморфнаго (дріады), Конь здѣсь—душа живущая въ камнѣ, какъ дріада—душа, живущая въ деревѣ. Отмѣтимъ пока характерную черту, что чудесный конь камень въ одномъ случаѣ надъ рѣкой, въ другомъ — на островѣ, и перейдемъ къ дальнѣйшимъ матеріаламъ.

Вѣрованіе въ души камней (и деревьевъ) очень рельефно сказывается въ одномъ малороссійскомъ сказаніи о чумѣ, которая представлена во главѣ шествія душъ мертвыхъ. Къ этому шествію присоединяются даже деревья и камни, т.-е. души камней и деревьевъ [1]).

Изъ фактовъ, указывающихъ на поклоненіе камнямъ у славянъ приведемъ еще свидѣтельство Козьмы Пражскаго о поклоненіи камнямъ у чеховъ и Гельмонда о поклоненіи камнямъ у балтійскихъ славянъ [2]). Священный камень балтійскихъ славянъ, носящій до сихъ поръ названіе Buskahm (Божій камень) находится въ морѣ недалеко отъ мыса Söhren [3]). Аѳанасьевъ приводитъ также свидѣтельство одного стариннаго русскаго проповѣдника который говоритъ паствѣ: „не нарицайте собѣ бога... ни въ каменіи“ [4]). Насколько дословно можно здѣсь понимать слова „нарицать бога въ камнѣ“ можетъ показать намъ тотъ фактъ, что повидимому у славянъ заимствовали свое божество камня—финны.

Въ Калевалѣ Леминкейненъ обращается съ такимъ заклинаніемъ.

„Вы, среди рѣки каменья,
Опѣненные утесы!
Вы чело нагните ваше
И главы спустите книзу.
На дорогѣ лодки красной,
На пути ладьи смоленой.
Если-жь этого все мало,
Камень Киммо, ты, сынъ Каммо!
Буравомъ ты щель продѣлай,
Проколи ты здѣсь отверстье,
Чрезъ утесъ среди потока,

[1]) Аѳанасьевъ. Поэт. Возз. III, 111.
[2]) Аѳан. Поэт. Возз. II, 358.
[3]) Гильфердингъ. „Собр. Соч,“ 4, 191.
[4]) Аѳан. Поэт. Возз. II, 359.

Черезъ злой подводный камень,
Чтобы лодка, не засѣвши,
Пробѣжала невредимо“ [1]).

Характерно, что обращеніе это направлено къ камнямъ среди рѣки, какими являются чудесные камни въ большей части приводимыхъ нами славянскихъ вѣрованій. Это совпаденіе станетъ еще болѣе знаменательнымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее мнѣніе Кастрена.

„Kimmo, конечно, получилось при помощи перегласовки изъ Kammo, послѣднее же очевидно произошло отъ славянскаго камень“ [2]). Этимологія Кастрена будетъ еще яснѣе, если вмѣсто принимаемой имъ позднѣйшей формы „камень“ взять старинную „камы“, которая только и могла быть заимствована финнами у славянъ. Въ другомъ мѣстѣ Кастренъ говоритъ, что финны почитали единичные камни, считая ихъ мѣстопребываніемъ боговъ и духовъ. „Само божество моря, говоритъ Кастренъ, находилось на цвѣтномъ камнѣ, на днѣ моря. Вѣроятно жилъ въ камнѣ и Киммо, не говоря уже о духахъ болѣзней, которые находились въ камнѣ на Kipumäku (горѣ болѣзней)“ [3]).

Отмѣчаемъ здѣсь еще разъ образъ камня среди моря—какъ жилище морского божества.

Поклоненіе камнямъ не является конечно особенностью вѣрованія финновъ и славянъ. Какъ всѣ низшіе культы оно распространено очень широко и формы его чрезвычайно сходны у народовъ античнаго міра или древнихъ индусовъ и современныхъ низшихъ расъ. Заслуживаетъ вниманія устойчивость культа камня въ Европѣ послѣ принятія христіанства. Какъ у насъ представители церкви должны были обращаться къ паствѣ съ увѣщаніемъ не сотворить себѣ бога изъ камня и даже закапывали священные камни въ землю, такъ же и на западѣ христіанству приходилось бороться съ устойчивымъ камнепоклоненіемъ.

„Существуетъ много указаній, говоритъ Леббокъ, относительно обширнаго распространенія камнепоклоненія въ западной Европѣ, откуда легко видѣть, насколько сильно оно держалось въ народѣ. Такъ поклоненіе камнямъ осуждалось въ VII вѣкѣ архіепископомъ Пентербернскимъ Теодорикомъ, и, въ числѣ

[1]) Калевала, 468—9.

[2]) Castren „Vorlesungen über die Finnische Mythologie“, S. 114 (примѣчаніе).

[3]) Ibidem, стр. 200.

другихъ языческихъ дѣйствій, оно было запрещаемо въ X вѣкѣ королемъ Эдгаромъ и въ XI Канутомъ. Соборъ, бывшій въ Турѣ въ 567 году по Р. Х., вмѣнялъ священникамъ въ обязанность не допускать въ церковь всѣхъ покланяющихся камнямъ, а Маге говоритъ, что въ рукописномъ протоколѣ засѣданія собора, происходившаго въ Нантѣ въ IX вѣкѣ, упоминается о камнепоклоненіи въ Арморикѣ“ [1]).

Тотъ же авторъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Дюлора о поклоненіи камнямъ во Франціи.

„Французы покланялись камнямъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ введенія у нихъ христіанства. О существованіи этого культа свидѣтельствуютъ, какъ церковные, такъ и гражданскіе законы. Капитулярія Карла Великаго и соборъ въ Лентинѣ 743 года запрещаетъ всѣ суевѣрные обряды, совершаемые у камней и дубовъ, посвящаемыхъ Меркурію и Юпитеру. Нантскій соборъ, о которомъ упоминаетъ Регинонъ, имѣлъ такое же запрещеніе.

„Мы узнаемъ оттуда, что эти камни находились въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ и что народъ, обольщенный дьяволомъ, приносилъ туда свои обѣты и дары. Въ 789 году эти запрещенія вособновляются соборами, бывшими въ Арли и Турѣ, Ахейскимъ капитуляріемъ и другими постановленіями“ [2]).

Леббокъ приводитъ также факты позднѣйшіе—именно остатки поклоненія камнямъ у Норвежцевъ въ концѣ 18 вѣка [3]).

Характерная аналогія въ почитаніи камней и дубовъ отмѣчена французскими источниками. Это напоминаетъ намъ сопоставленія камня и дуба въ вопросѣ Пенелопы „отъ кого происходишь—отъ камня или отъ дуба“, и въ русскомъ заговорѣ: „на небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся...“ и т. д. Общая черта въ вопросѣ Пенелопы—роль камня и дуба, какъ возможныхъ предковъ, и сказвается въ культѣ того и другого.

Происхожденіе людей отъ камня мы находимъ въ греческомъ миѳѣ о Девкаліонѣ, — изъ бросаемыхъ имъ камней родились люди. Тотъ же миѳъ встрѣчается у жителей Самоа [4]). Въ миѳѣ Дакотовъ происхожденіе отъ камня выражено проще. Опредѣленные камни являются родоначальниками племени [5]). Въ Меланезіи воздаютъ почитаніе камнямъ, говоря, что въ нихъ преврати-

---

[1]) Леббокъ. Начала Цивилиз. 212.
[2]) Ibid.
[3]) Ibidem, 213.
[4]) Lang. Myth, Cultes et Rel. 141.
[5]) Ibidem.

лись чудесныя животныя [1]). Это превращеніе представляетъ собой ничто иное, какъ вселеніе души предка животнаго въ камень. Мы видимъ, что камень является предкомъ и въ то же время вмѣстилищемъ души, но сама душа не сливается съ представленіемъ камня, а остается въ своей животной формѣ, какъ это ясно изъ русскихъ сказаній о конѣ камнѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ вѣрованіе Цуни (Zuni), передаваемое Лангомъ. Встрѣтить камень, имѣющій отдаленное сходство съ животнымъ, счастливое предзнаменованіе для охотника, встрѣча съ камнемъ, имѣющимъ видъ свиньи съ поросятами—счастливая встрѣча для безплодной женщины. Здѣсь совершенно отчетливо видно, что суть не въ камнѣ, а въ скрывающемся въ немъ образѣ животнаго. Наконецъ яснѣе всего значеніе камня только какъ формы животнаго сказывается въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ вѣрованій тѣхъ же Цуни (Zuni). Одинъ изъ такихъ камней имѣлъ нѣкоторое сходство съ индѣйскимъ пѣтухомъ и его кормили зерномъ, какъ индѣйскаго пѣтуха [2]).

Подобно дереву, камень бываетъ хранителемъ семьи. Въ Меланезіи, говоритъ Лангъ, нѣтъ сада, гдѣ бы не было камня, поставленнаго для плодородія [3]).

Такое сходство въ положеніи камня и дерева въ культѣ и въ ихъ отношеніяхъ къ душѣ заставляетъ поставить вопросъ: нѣтъ ли аналогіи и въ возникновеніи самой идеи о камнѣ-предкѣ и камнѣ-носителѣ души съ таковыми же, относящимися къ дереву.

Идеей, легшей въ основаніе взгляда на дерево какъ предка, легче всего могла быть идея самопроизвольнаго роста дерева. Возникшее такимъ образомъ представленіе о деревѣ прародителѣ привлекаетъ къ себѣ представленіе о душѣ предка въ видѣ животнаго, которое окончательно съ нимъ не сливается. Тоже можетъ быть нужно сказать и о камнѣ. Мысль, что камни растутъ, можно слышать даже теперь и отъ полу-интеллигентныхъ людей. Народнымъ вѣрованіямъ она присуща вполнѣ. Приведемъ примѣры изъ колядокъ.

„Пане господарю! А на твоім двору,
На твоім двору б і л к а м і н ь р о с т е,
На тим камені два голуби“.

---

[1]) Ibidem 380.
[2]) Lang, Myth Cultes et Rel., 92.
[3]) Ibidem.

Точно также въ колядкѣ „Загадки“.

„Біл камінь росте без корінічка,
Золото горить без поломіня,
Папороть цвіте без синёго цвіту“ [1])

Идея самостоятельнаго роста камня тѣми же путями вводитъ его въ космогоническій и антропогоническій миѳъ, какъ и идея самостоятельнаго роста дерева. Только этимъ свойствомъ камня можно объяснить его значеніе, какъ предка. Въ космогоническомъ миѳѣ камень является какъ нѣчто самостоятельно возникающее изъ морской глубины, какъ выростаетъ дерево другихъ космогоническихъ версій.

Представленіе о первоначальномъ маленькомъ клочкѣ (камнѣ) среди первоначальнаго моря находилось въ слѣдующемъ тагальскомъ миѳѣ о созданіи міра. Въ началѣ было море и небо и между ними леталъ соколъ. Соколу негдѣ было отдохнуть, и онъ поссорилъ небо съ водой. Небо придавило воду островами, и соколъ получилъ возможность отдохнуть. Такое представленіе о маленькомъ клочкѣ суши средь моря, клочкѣ, изъ котораго выростаетъ земля, обще многимъ космогоніямъ, между прочимъ тѣмъ, гдѣ есть мотивъ нырянія на дно. Такъ въ вогульской космогонической легендѣ, приводимой А. Н. Веселовскимъ, первая пара людей, созданныхъ богомъ, носится по морю на клочкѣ суши не больше какъ въ хижину [2]).

Въ мордовской легендѣ, приводимой тамъ же [3]), твореніе міра начинается съ того, что однажды, когда ничего не было, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ и размышлялъ самъ съ собой, какъ сотворить міръ.

Точно также въ колядкѣ о построеніи Св. Софіи начало творенія изображено такъ:

„А що намъ било зъ нащаду світа!
Ой не било жъ намъ хиба сина вода
Синая вода, тай білий камінь,
А прикривъ Господь сировъ землицевъ и т. д.

Здѣсь, какъ въ вогульской космогонической легендѣ, бѣлый камень на морѣ несомнѣнно первозданный камень. Образъ камня на морѣ широко распространенъ и въ русской народной поэзіи иногда съ сохраненіемъ космическаго значенія, иногда

---

[1]) Головацкій, III/₂, 71.
[2]) Разысканія, XI—XVII, 15.
[3]) Стр. 8.

безъ таковаго. Несомнѣнно космическій характеръ сохраняется въ образѣ того орла, который

На морѣ сидить на камени.
Аще той орелъ сворохнется
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи поютъ".

Эти космогоническія и связанныя съ культомъ представленія о чудесномъ камнѣ и должны быть признаны усвояющимъ субстратомъ, на который наслояются христіанскія и христіанизированныя черты, заимствованныя изъ памятниковъ древней письменности. Къ числу такихъ, возникающихъ на миѳической почвѣ представленій, нужно отнести и образъ чудеснаго камня среди моря, повидимому первозданнаго камня, возникающаго изъ моря въ началѣ творенія.

Непосредственно къ этимъ представленіямъ чудеснаго камня на морѣ примыкаетъ камень заговора: „на небѣ свѣтелъ мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сырой дубъ; когда эти три брата сойдутся вмѣстѣ, тогда у NN будутъ болѣть зубы".

Отсюда съ полной послѣдовательностью придемъ къ другимъ образамъ камня на морѣ въ заговорахъ „На чистомъ морѣ чистый камень, на камнѣ стоитъ дубъ крюковастый, подъ тѣмъ дубомъ сидитъ красная дѣвица" [1]).

„Камень бѣлый на золотомъ морѣ, на камнѣ дѣвица съ желѣзной палицей" [2]).

„На синемъ морѣ лежитъ бѣлый горючъ камень, на этомъ камнѣ стоитъ престолъ Божій, на этомъ престолѣ сидитъ пресвятая Матерь, въ бѣлыхъ рученькахъ держитъ бѣлаго лебедя, обрываетъ, ощипываетъ изъ лебедя бѣлое перо" [3]).

Но отсюда уже прямой переходъ къ камню Алатырю.

„На морѣ Божьи островѣ лежитъ бѣлъ Латырь камень, на томъ камнѣ стоитъ святая церковь, въ той церкви Матерь Божья прядетъ и сучитъ шелкову кудельку" [4]).

Здѣсь какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ нельзя не видѣть христіанскаго вліянія. Но каковы его размѣры?

Самый образъ камня на морѣ не объясняется изъ христіанскихъ представленій. Если даже считать его „искаженіемъ до неузнаваемости, то почему же такое „искаженіе" про-

---

[1]) Майковъ „Заклинаніе" 479.
[2]) Ibidem 457.
[3]) Ibidem 459.
[4]) Ibidem 480.

изошло и притомъ съ удивительной настойчивостью? Изъ космогонической легенды оно объяснимо вполнѣ. Необъяснимы изъ христіанскихъ представленій и нѣкоторыя детали: щипанье богородицей лебедя, три сестры пряхи; между тѣмъ оба эти образа удовлетворительно объясняются на миѳологической почвѣ. Богородица съ двумя сестрами прядущія нить, несомнѣнно образъ родственный пряхамъ судьбы — паркамъ, паркамъ и литовской дѣвѣ судьбы Верпеѣ, которая сидитъ на небесномъ сводѣ и, какъ только человѣкъ родится, начинаетъ прясть нить его жизни и прикрѣпляетъ къ его звѣздѣ [1]). Образъ Богородицы, ощипывающей лебедя, находитъ нѣкоторое объясненіе въ ассоціаціяхъ между снѣгомъ и перьями. Аѳанасьевъ съ ссылкой на Маннгардта приводитъ литовскую загадку: „птица летитъ, перья сыплются"—снѣговое облако. Онъ же указываетъ, что по свидѣтельству Геродота скиѳы говорили, что сѣверныя страны покрыты перьями. По его же словамъ, въ Англіи, когда идетъ снѣгъ, говорятъ, „что на небѣ щиплютъ гусей", а въ Германіи—„frau Holle вытряхаетъ перину" [2]).

Такое взаимоотношеніе христіанскихъ и не-христіанскихъ элементовъ въ образѣ заставляетъ насъ думать, что первые наслоились на послѣдніе, а не обратно, и что въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ представленіемъ искаженнымъ до неузнаваемости, а съ образомъ миѳическимъ, нѣкоторыя детали котораго получили христіанское истолкованіе.

Вѣроятно такого же не-христіанскаго происхожденія, хотя по христіански истолкованъ, и знаменитый Латырь камень въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„Бѣлъ Латырь камень—всѣмъ каменямъ мати.
Почему бѣлъ Латырь камень каменямъ мати?
На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
Со двунадесяти со апостоламъ,
Со двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всѣй земли:
Потому бѣлъ Латырь камень каменямъ мати" [3]).

---

[1]) Аѳан. „Поэт. Воззр.", III, 328.
[2]) „Поэт. Воззр.", I, 500.
[3]) Безсоновъ „Калики", 290—1.

Въ другомъ варіантѣ стиха о Голубиной Книгѣ этотъ бѣлъ Латырь камень оказывается отцомъ всѣмъ камнямъ по другой причинѣ:

„Бѣлый Латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ.
Почему же ёнъ всѣмъ камнямъ отецъ?
Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлаго Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя
По всей землѣ, по всей вселенную,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе:
Потому же камень всѣмъ камнямъ отецъ“ [1]).

А. Н. Веселовскій говоритъ по поводу этого образа слѣдующее:

„Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви; о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ Coenaculum, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство Евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ въ міръ возвѣстить новое Откровеніе: таковы были матерьялы мѣстной легенды. Стоило было поработать надъ ними народной фантазіи, чтобы найти въ нихъ символическій центръ: алтарный камень, алтарь, на которомъ впервые была принесена безкровная жертва, установлено высшее таинство христіанства. Въ русской народной поэзіи этотъ алтарь, церковно-слав. олътарь, сталъ камнемъ алатыремъ (вм. алатарь), латыремъ. Такъ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ:

„На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всей земли“.

Когда объ этомъ камнѣ говорится, продолжаетъ А. Н. Веселовскій, что изъ-подъ него текутъ рѣки

„Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе“ —

[1]) Безсоновъ. „Калики“, 313.

то это не удаляетъ насъ отъ указанной символики, какъ и выраженіе, что алатырь-камень всѣмъ „камнямъ отецъ“ [1]).

Если можетъ быть и не удаляетъ, такъ какъ христіанская символика можетъ пользоваться этимъ образомъ, какъ другими образами народно-поэтическаго происхожденія, то объясняетъ ли христіанская символика происхожденіе этого образа? Огромное большинство символовъ развивается изъ реальныхъ ассоціацій, или пользуются готовыми образами извнѣ. Какая реальная христіанская ассоціація можетъ истолковать образъ камня, изъ-подъ котораго текутъ рѣки? Гораздо понятнѣе будетъ возникновеніе символа, если мы будемъ видѣть въ немъ истолкованіе въ христіанскомъ духѣ народно-поэтическаго образа. Какимъ образомъ изъ христіанской религіи могло получиться представленіе, что алтарь—отецъ всѣхъ камней?

Изъ космогоническихъ и другихъ народныхъ вѣрованій—это представленіе объяснимо легко. Естественно, отцомъ всѣхъ камней является камень первозданный, на которомъ выростаетъ земля. Но камень по народно-поэтическимъ представленіямъ можетъ быть отцомъ и въ буквальномъ смыслѣ. „Дикари, говоритъ Лангъ, приписываютъ полъ и способность рожать даже камнямъ и скаламъ“.

Прекрасно объясняется изъ первобытнаго міровоззрѣнія и самая идея „отцовъ“ и „матерей“ всѣхъ вещей, которую мы находимъ въ извѣстныхъ вопросахъ стиха о Голубиной Книгѣ. О такой именно идеѣ, Тэйлоръ говоритъ слѣдующее:

„Въ средѣ сравнительно цивилизованныхъ перуанцевъ, Акоста нашелъ другое ученіе о небесныхъ архитипахъ. Говоря о звѣздныхъ божествахъ, онъ замѣчаетъ, что пастухи покланялись нѣкоторой звѣздѣ по имени Овца; другая, носившая имя Тигра, защищала ихъ отъ нападенія тигровъ, и т. д.“ Вообще они полагали, что всѣ звѣри и птицы, живущіе на землѣ, имѣли свой первообразъ на небѣ, отъ котораго зависѣло ихъ размноженіе и процвѣтаніе, и объясняли такимъ образомъ существованіе различныхъ звѣздъ называемыхъ Чакана, Топаторка, Мамана, Мицко, Микикираи и проч.“ приближаясь тѣмъ до нѣкоторой степени къ догматамъ ученія Платона. Сѣверо-американскіе индѣйцы также занимались вопросомъ объ общихъ предкахъ или божествахъ видовъ. Одинъ

---

[1]) „Разысканія“, III V, 23—24.

изъ миссіонеровъ излагаетъ ихъ понятія въ томъ видѣ, какъ онъ нашелъ ихъ въ 1634 г. „Они говорятъ, кромѣ того, что всѣ животныя каждаго вида имѣютъ старшаго брата, который служитъ какъ бы началомъ и корнемъ всѣхъ другихъ особей. Этотъ старшій братъ удивительно силенъ и великъ. Старшій братъ бобровъ, говорили они мнѣ, можетъ быть величиною съ нашу хижину". Другое старинное сочиненіе говоритъ, что у нихъ каждый видъ животныхъ имѣетъ свой архитипъ или первообразъ въ странѣ душъ; тамъ находится напримѣръ маниту или архитипъ всѣхъ быковъ, который одушевляетъ всѣхъ животныхъ этого вида". И здѣсь, говоритъ Тэйлоръ, встрѣчается достойное вниманія совпаденіе съ идеями другой, отдаленной расы. На Буянѣ, райскомъ островѣ русскаго миѳа, живетъ змѣя, старѣйшая изъ всѣхъ змѣй; вѣщій воронъ— старшій братъ всѣхъ вороновъ; птица самая большая и старая изъ всѣхъ птицъ, съ желѣзнымъ клювомъ и мѣдными когтями, и Пчелиная Матка, старѣйшая изъ пчелъ. Въ сравнительно новомъ описаніи ирокезовъ у Моргана говорится объ ихъ вѣрѣ въ духа каждаго вида деревьевъ и растеній, напримѣръ: дуба, бѣлоголова, клена, брусники, малины, мяты, табаку; такимъ образомъ, большая часть предметовъ въ природѣ находится въ вѣдѣніи покровительствующихъ духовъ" [1]).

Подводя итоги, мы приходимъ къ заключенію, что образъ чудеснаго камня гораздо болѣе удовлетворительно объясняется изъ особенностей примитивнаго міросозерцанія, чѣмъ изъ христіанскаго источника. Не отрицая въ иныхъ случаяхъ вліянія христіанства на представленіе о камнѣ алатырѣ, мы думаемъ, что воздѣйствующій образъ камня-алтаря самъ усвоилъ элементъ народно-поэтическихъ вѣрованій. Это усвоеніе могло произойти на почвѣ Греціи, даже Палестины. Культъ камней знакомъ и этимъ странамъ. Лангъ отмѣчаетъ, что подобно тому, какъ Дельфійцы въ праздники мазали масломъ и одѣвали въ ткани камень Зевса, также Яковъ поступалъ съ Виѳлеемскимъ камнемъ [2]).

Культъ камней у русскихъ не позволяетъ сомнѣваться, что христіанство застало уже въ Россіи представленія о чудесныхъ камняхъ. Принеся съ собой съ юга родственныя хри-

---

[1]) Тэйлоръ. „Первобытн. культ.", т. II, стр. 288—9.

[2]) Lang. „Mythes, Cultes et Religion", 46.

стіанизированныя представленія, оно создало здѣсь сліяніе нѣкоторыхъ изъ туземныхъ элементовъ съ заносными, это сліяніе можетъ быть содѣйствовало христіанизаціи нѣкоторыхъ образовъ, но часто эта христіанизація поверхностна, такъ Богородица является то съ чертами одной изъ трехъ дѣвъ судьбы, то съ чертами миѳической женщины, щиплющей лебяжій пухъ.

Значительная часть представленій—тѣ, которыя А. Н. Веселовскій считаетъ „искаженными до неузнаваемости", остались совершенно свободными отъ христіанскаго вліянія или затронуты имъ очень поверхностно.

Н. Коробка.

Историческая легенда пинчуковъ „о началѣ вѣры католической въ пинскомъ краѣ“.

Вѣковая культурная борьба русской и польской народностей въ Сѣверо-западномъ Краѣ, главнымъ образомъ, базируется на почвѣ религіознаго и національнаго самосознанія, причемъ въ общественныхъ слояхъ, низшихъ по своему развитію, борьба эта ведется, почти исключительно, на религіозной почвѣ. Здѣсь борющіяся стороны, кромѣ фанатизма, проявляютъ иногда замѣчательную изобрѣтательность въ доказательствахъ своей правоты. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ спорѣ противниковъ о преимуществахъ католичества и православія является стремленіе доказать древность той и другой вѣры въ исторіи вообще, и въ особенности, въ исторіи мѣстной. Въ этой области противники выдвигаютъ весь запасъ своихъ скудныхъ историческихъ свѣдѣній, лучше выразиться, легендарныхъ сказаній, корень которыхъ надо искать частію въ священныхъ книгахъ, но большею частію въ спутанныхъ народныхъ преданіяхъ, дополненныхъ измышленіями народной фантазіи. Но если даже и не брать на себя трудной задачи найти историческій корень этихъ легендъ, онѣ имѣютъ этнографическій интересъ, какъ своего рода произведенія народнаго творчества. Одна изъ такихъ легендъ довольно распространена въ древнѣйшей области Сѣверо-западнаго края—Пинщизнѣ.

Проживая, назадъ тому пятнадцать лѣтъ въ Пинскѣ, я встрѣтилъ ходившую по рукамъ ветхую рукопись на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „o początkie wiary katolickiej w pinskiem kraju“, но она пробыла въ моихъ рукахъ очень короткое время, такъ что я не могъ тогда ей удѣлить достаточно вниманія. Недавно, собирая матеріалы по исторіи эпохи западно-русскаго

возрожденія 1860-хъ годовъ, я въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства нашелъ прилагаемое ниже сказаніе о началѣ католической вѣры въ Пинской области въ русскомъ переводѣ, сходное по содержанію съ видѣнною мною ранѣе польскою рукописью. Оно входило въ составъ когда-то громкаго Лагишинскаго дѣла, къ которому оно приложено, какъ документъ, покрытый подписями многихъ лагишинскихъ обывателей—католиковъ. Это дѣло настолько интересно и характерно, что заслуживаетъ краткаго о немъ сообщенія вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями о м. Лагишинѣ.

М. Лагишинъ находится въ двадцати верстахъ отъ г. Пинска и относится къ довольно древнимъ поселкамъ пинскаго края. Историческіе документы о Лагишинѣ впервые упоминаютъ въ началѣ XVI вѣка, когда населеніе его и ближайшихъ мѣстностей было исключительно православнымъ, въ Лагишинѣ существовала Спасо-Преображенская церковь. Въ 1567 г. представитель одной изъ выдающихся западно-русскихъ православныхъ фамилій, подскарбій великаго княжества Литовскаго,— Война, записалъ этой церкви плацъ и три уволоки земли. Впослѣдствіи лагишинская церковь имѣла столь важное значеніе для православнаго населенія, что когда въ XVII вѣкѣ, послѣ упорной борьбы съ православными, ею завладѣли уніаты, то, по Зборовскому договору (1649 г.), она снова была возвращена православнымъ вмѣстѣ съ другими четырьмя древнѣйшими церквами Сѣверо-западнаго Края [1]). Но получивъ на время защиту отъ уніи, лагишинцы не выдержали натиска римско-католической пропаганды, ревностными пособниками которой явились владѣльцы Лагишина знаменитые Радзивиллы, сдѣлавшіеся въ XVII в. римско-католиками. Они, съ цѣлью привлечь къ себѣ жителей, постарались Лагишинъ, тогда уже очень значительное особое староство (удѣлъ), обратить въ торговое мѣстечко и выхлопотать ему у Владислава IV магдебургское право. Въ 1643 г. въ Лагишинѣ появилась ратуша, имъ стали управлять бургомистры [2]). Но заботясь о внѣшнемъ благосостояніи лагишинцевъ, римско-католическіе землевладѣльцы не оставляли своимъ попеченіемъ и ихъ души. Соединившись съ римско-католическими миссіонерами, они, дѣйствуя всѣми, извѣстными уже въ исторіи, способами римско-католической пропаганды, достигли того, что въ началѣ XVIII в. въ

[1]) Бантышъ-Каменскій. „Исторія уніи“, стр. 115—116.

[2]) Городовое положеніе III, стр. 175. И. Г. Словарь, Семенова.

Лагишинѣ появился костелъ, и въ теченіе этого столѣтія лагишинское населеніе сдѣлалось римско-католическимъ; были, впрочемъ, и уніаты. Въ 1794 г. при первомъ возсоединеніи уніатовъ къ православной церкви было возвращено изъ деревень лагишинскаго прихода 2.113 душъ обоего пола и двѣ лагишинскія церкви: Преображенская и Егорьевская [1]), но оба уніатскіе священники не пожелали присоединиться къ православію. Это породило среди прихожанъ расколъ, вызвавшій упорную религіозную борьбу жителей, продолжавшуюся въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Римско-католическое духовенство, пользуясь борьбой православныхъ и уніатовъ, почти всѣхъ ихъ обратило въ латинство. По разбирательству 1842 г., всѣ прихожане лагишинскаго прихода римско-католики признаны были подлежащими возвращенію въ православіе. Но въ этомъ году сгорѣла православная церковь въ м. Лагишинѣ, благодаря чему начатое разбирательство не было доведено до конца. Не дало желательныхъ результатовъ и разбирательство 1857 г. Въ 1864 г., подъ вліяніемъ пробужденія національнаго самосознанія, началось массовое возвращеніе римско-католиковъ въ православіе. Тогда же 8 деревень лагишинскаго прихода въ количествѣ 1.887 душъ возвратились въ православіе, при чемъ, оказавшись въ большинствѣ, они просили, чтобы лагишинскій костелъ былъ обращенъ въ православную церковь. Началось новое разбирательство комиссій, состоявшей изъ духовныхъ лицъ римско-католическаго и православнаго вѣроисповѣданій, а тѣмъ временемъ костелъ былъ закрытъ, но лагишинскіе мѣщане не захотѣли подчиниться рѣшенію комиссіи и оказались въ нѣкоторомъ средостѣніи: въ силу данной подписки о принятіи православія они не могли посѣщать костелъ и обращаться къ ксендзамъ, а обращаться къ православному духовенству съ требами и посѣщать православную церковь—они не хотѣли, почему всѣ требы или тайно исполняли ксендзы, или прихожане оставались безъ покаянія и погребенія. Такъ появились „упорствующіе" въ пинскомъ краѣ и впослѣдствіи такое упорство получило въ краѣ нарицательное названіе „лагишенской вѣры". Упорствующіе не хотѣли подчиняться административнымъ распорядкамъ и подавали прошеніе за прошеніемъ о возвращеніи ихъ въ католичество. Въ одномъ изъ этихъ прошеній на имя главнаго начальника Сѣверо-западнаго края (отъ 8 сент. 1867 г.) изла-

---

[1]) Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511.

гается слѣдующая легенда, покрытая многими подписями лагишенцевъ.

„Предки насъ—Лагишинскихъ мѣщанъ—происходятъ не изъ рода православнаго, но римско-католическаго исповѣданія, принявшаго христіанскую вѣру прежде появленія въ здѣшнихъ странахъ православной вѣры, еще съ тѣхъ поръ, какъ жиды нахлынули въ сію страну изъ нѣмецкой земли, состоящей въ предѣлахъ австрійскаго цесарства, находившагося въ одномъ составѣ Римскаго государства. Жидове Римскаго государства еще до Рождества Христова по гоненіямъ повыходили въ нѣмецкія страны и чрезъ побываніе въ этихъ странахъ многихъ лѣтъ сдѣлались настоящими нѣмцами. Изъ нихъ часть принявшихъ римско-католическую христіанскую вѣру называли нашую вѣру римско-католическую—Нѣмецкою, и россійскія лѣтописи иначе не называютъ ее вмѣсто Римско-католической—вѣрою—Нѣмецкою. Отъ этой-то Нѣмецкой вѣры сія Пинская страна имѣетъ начало исповѣданія римско-католическаго. Извѣстно изъ святой Евангеліи Посланія святаго апостола Павла къ Римлянамъ, главы 15, статьи 28, что проникнула христіанская вѣра вскорѣ по воскресеніи Христовомъ до береговъ Океана Антлянтицкаго въ Гишпанію и прочь, гдѣ между язычниками обитали жидове. Изъ нихъ одни жидове оставались закоренѣлыми въ первой вѣрѣ ветхаго завѣта, а другіе—остались при христіанской вѣрѣ—вся же страна западныхъ государствъ и понынѣ исповѣдуетъ римско-католическую вѣру.

Когда же тѣ жидове, которые не приняли христіянской вѣры, негодовали на другую часть жидовъ, обитающихъ въ Римскомъ государствѣ за то, что увѣровали въ Спасителя нашего Іисуса Христа, постоянно одни другихъ укоряли, бранили и производили большое въ народѣ возмущеніе, то Кесарь Клавдій для установленія въ своей Римской имперіи спокойствія, заблагоразсудилъ въ своемъ государствѣ выгнать вонъ всѣхъ жидовъ, какъ исповѣдующихъ христіянскую вѣру, такъ и неисповѣдующихъ, вслѣдствіе чего на 51 году отъ Рождества Христова жидове, будучи выгнаны изъ Римской Имперіи въ голодное время, упоминаемое въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 11 статьѣ 28, принуждены были оные жидове и изъ нѣмецкихъ земель и Гишпаніи и изъ Рима (какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ въ главѣ 18 статьѣ 2 и, какъ написано есть въ книгѣ житія святыхъ Іудеянина, вышедшаго изъ Италіи, называющагося Акиллы и жены его Прискиллы), искать себѣ пристанища въ менѣе населенныхъ народомъ земляхъ,—

каковыя находились въ здѣшнихъ Пинскихъ странахъ. Въ нихъ обиталъ Ляховскій народъ, имѣющій столичный свой градъ называемый Коростень, лежащій надъ рѣкою называемою Богомъ, а послѣ получившей названіе Стырь, отъ имени царя Стыря, имѣющаго трехъ сыновей: Чеха, Лѣха и Роса. Изъ нихъ первый Чехъ былъ владѣтелемъ въ Богеміи, названной отъ народа находящагося при Рѣкѣ Богу.—Два же послѣдніе—Лѣхъ, имѣвшій сына Добромысла и Росъ, называющійся по отцу Старо-Русъ,—увидѣвъ нахлынувшихъ жидовъ-нѣмцевъ на столицу ихъ городъ Коростень, носящій до сихъ поръ одно названіе города того Коростеня надъ рѣкою Стырью Пинскаго уѣзда въ Жолкинскомъ имѣніи (при границѣ Вишенскаго имѣнія), оставили его. Оные Жидове, овладѣвъ всею страною, выгнали Лѣхова сына съ дядею Старо-Русомъ подъ Новгородъ. Съ того времени здѣсь Нѣмецкая римско-католическая вѣра распространилась въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ. Здѣсь былъ одинъ выходецъ Ишпанской христіянской вѣры, онъ основалъ столичный градъ, выстроенный въ области славянскихъ князей. Сказъ о сихъ славянскихъ князяхъ и славянскомъ князѣ Добромыслѣ сынѣ Лѣха Стыровича, и о дядѣ его Старо-Русѣ удостовѣряется исторіею, показывающею, что Дулебскія племена вышли съ Пинскаго уѣзда, которыхъ обитаніе находилось въ Диковичахъ (по нынѣ по привеллегіямъ ихъ городъ есть описанъ). Вышедшіе же въ Новгородъ, назывались отъ Дулебовъ—Дулбежниками. Такъ въ нашемъ мѣстечкѣ Логишинѣ построенный Ишпаномъ городъ на пространствѣ четырехъ верстъ обсыпанъ былъ высокимъ валомъ, былъ столицею владѣтелей,—пришедшихъ сюда Римско-католическихъ нѣмецкихъ жидовъ. Они, жительствуя съ оставшимися Славянами, приняли славянскій языкъ и признавали, по прежнему въ нѣмецкой землѣ жительства, вѣру Римско-католическую, званую нѣмецкою. По русскимъ лѣтописямъ и князь ихъ, владѣющій здѣсь на Ляховскихъ областяхъ, прозванъ былъ Ляхомъ, нося княжеское достоинство въ нѣмецкомъ нарѣчіи Герцунъ-Ляхъ,—Ширма, котораго потомки въ сихъ странахъ по нынѣ находятся. Онъ, владѣя надъ жидами и нѣмцами, владѣлъ рѣкою Пиною и Припетію и былъ съ Кіевомъ въ коммерческихъ сообщеніяхъ. Узнавъ, что святый Владиміръ Святославовичъ предполагаетъ въ 988 году по Рождествѣ Христовомъ оставить языческую вѣру, по повелѣнію папы Римскаго, предлагалъ, не согласится ли принять этую нѣмецкую римско-католическую вѣру, а впрочемъ хотя жидовскую, которая на осно-

ваніи Священнаго Писанія сдѣлалась и христіанская. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ Пинскихъ странахъ римско-католическая нѣмецкая вѣра освѣтила народъ прежде времени появленія здѣсь православной вѣры.

Выведенные факты есть настоящая истина, заимствованная изъ историческихъ фактовъ, не имѣющихъ никакой въ истинѣ сомнительности. Первый городъ Новгородцевъ, былъ указанный городъ Коростень, лежащій нынѣ въ Волынской губерніи Овручскомъ уѣздѣ, мѣстечкѣ Накорости. Быть можетъ вышедшіе изъ Коростеня люди назвали то мѣстечко Изкорость,—а настоящій Коростень есть вышепоказанный въ Пинскомъ уѣздѣ, въ предѣлахъ Жолкинскаго имѣнія надъ рѣкою Стырью, въ древнѣйшія времена называемой Богомъ отъ преславнѣйшаго языческаго капища богини Лады, выстроеннаго по лѣвому берегу рѣки Стыри, гдѣ понынѣ существуетъ отъ онаго капища названіе деревушки Ладорони.

Все это соотвѣтствуетъ исторіи славянскихъ князей,—что дѣйствительно изъ Стыри, Корости отъ нахлынувшихъ нѣмцевъ римско-католиковъ и жидовъ вышелъ народъ въ сѣверныя страны съ народомъ, называемымъ Ляховитянами. Дулебяны, Емяне—народы поселившіеся у Пскова и возлѣ Новгорода, особенно въ селѣ Ляховичахъ и Старо-Русѣ, оные имѣютъ подобное нарѣчіе здѣшнему народу. Находящаяся отъ Новгорода въ 125 верстахъ Старая-Русса названа есть отъ избранной тамъ столицы Русомъ, вышедшимъ изъ сихъ странъ.

Изъ Чуди, Ями и Плескова возлѣ города Коростеня (построеннаго) Ляховянскимъ княземъ сыномъ Стыра Русомъ и Добромысломъ, Россійскіе князья впослѣдствіи укрѣпились въ Новгородѣ, а оставленныя области владѣемы были Римско-католическими нѣмецкими князьями Герцунами-Ляхами-Ширмами, кои Латинскую вѣру защищали, находясь сами римско-католиками, (защищали) предковъ лагишинцевъ и отъ татаръ, а также во время нашествія на Новгородъ со Шведами нѣмецкихъ рыцарей около 1240 года съ Римско-католическими монахами, находившимися при дворѣ татарскаго хана Гаюка въ Монголіи—въ тѣ поры, какъ почти вся Россія была завоевана татарами. Что римско-католическая вѣра въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ не нарушилась, когда Шведы напали было на наше мѣстечко Лагишинъ, о семъ свидѣтельствуетъ народная пѣснь въ нашемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ до сихъ поръ разнаго возраста лагишинскими мѣщанами, спѣваемая въ 9 стихахъ, слѣдующихъ на польскомъ языкѣ описанная:

стихъ 1-й:

„Najświętsza Panno w Lahiszinskim obrazie — w kosciole zostajesz, widzieć się dajesz — widzenia żądamy do ciebie uciekamy—chowaj nas u Syna, Panno jedyna“;

стихъ 2-й:

„od Ruiny Szwedzkiej w Lahiszynie została, — od Szwedzkich rąk sobie spodobała—Pszez Ałaburde była gdzieś wzięła—Matko Przeiczysta — Panionko swięta“;

стихъ 3-й:

„W domu Maliszewskich, była zapomniana — od przeszłych mieszczan, kościołowi ofiarowana—Ateraz zostajesz, jak u jasnym Niebie—My grzeszni ludzie—prosimy ciebie;“

стихъ 4-й:

„Jednego czasy, gdy miasto paliło — ogniem źarczystym, z dymem waliło — Już y przysady, kosciolne gorzeli, — ogniem żarczystym, do dachu nie tknęty“;

стихъ 5-й:

„Matka i Panna, swemi łascami—okryła płaszczem, i naszemi łzami — Bo bez nadziei, kosciół ocaliła — swemi cudami, toć to sprawiła“;

стихъ 6-й:

„Tej monarchini, zdawna doznaei — chore kalecy zdrowemi stali—Nędzne sieroty, wdowy i mężatky—Mieli wyzywienie, jak u swajey Matki“;

стихъ 7-й:

„Prosmy w Zakonie, xiędza Lahiszynskiego—żeby nam przeczytał, wszystkie cuda tego—żeby nam oglosil, wszistkim w kosciolie — Bardzo młoyd lud niewie co dzeje“;

стихъ 8-й:

„Teraz my wszystkie, głowe skłaniajmy—Najswętszej Pannie, modły składajmy—źeby nam uprosiła, w Trojcy swego syna, — aby tu nie była, żadna Ruina“;

стихъ 9-й:

„Trojca Przeswęta we trzech osobach — Błogosław ten lud, w każdych sbosobach--Byśmy tu żyjąia, ciebie wychwalali — Po smierci wiecznie, Niebo dostali“.

„Эта пѣснь доказываетъ, что предки Лагишенскихъ мѣщанъ еще до временъ вышеписанныхъ нашествій на сію страну Шведовъ съ нѣмецкими рыцарями исповѣдали христіанскую жъ римско-католическую вѣру и тогда въ своемъ мѣстечкѣ Лагишинѣ имѣли латинскій костелъ“ [1]).

Слѣдуютъ подписи лагишенскихъ мѣщанъ.

Очень сожалѣемъ, что въ настоящее время не имѣемъ подъ руками, видѣннаго нами ранѣе, подлинника легенды: онъ сказалъ бы намъ болѣе, чѣмъ предложенный переводъ, сдѣланный какимъ-то полуинтеллигентомъ, претендовавшимъ на „ученыя слова“, но не владѣвшимъ правильно литературною русскою рѣчью, что особенно часто встрѣчается среди ксендзовъ, которые къ тому же большіе охотники до всякаго историческаго сочинительства, особенно въ области своей церковной исторіи.

Разобрать приведенную легенду—это значитъ взять на себя нелегкій трудъ распутать клубокъ гнилыхъ нитокъ, которыя не разъ придется надвязывать и все-таки оказаться внѣ возможности добраться до средины,—узнать вѣроятную историческую правду. Но все-таки, какъ историческое вѣрованіе народа, за которое его вожакамъ пришлось испытать тюрьму и поселеніе, какъ своего рода исповѣдь цѣлой большой области,—приведенная легенда имѣетъ свою цѣну.

А. Миловидовъ.

[1]) Арх. Вилен. Ген.-губерн., 1864 г., № 1511, лл. 72—73.

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго [1]).

(*Окончаніе*).

II.

Чтобы познакомить читателя съ якутской юртой, я предпочитаю разсказать, какъ она строится, такъ какъ при обыкновенномъ описаніи, можно, пожалуй, наговорить вздору, какъ это и случилось съ однимъ ученымъ изслѣдователемъ Якутской области, у котораго юрта врылась какъ-то угломъ въ землю [2]).

При выборѣ мѣста для постройки юрты стараются, чтобы оно имѣло наклонъ на востокъ или на югъ, такъ какъ это счастливый наклонъ, а наклонъ на сѣверъ и западъ—несчастливый. Я уже говорилъ, что двери обыкновенно выходятъ на востокъ, а потому каждая изъ стѣнъ обращена къ какой-либо одной странѣ свѣта. Приступая къ постройкѣ юрты, вкапываютъ, прежде всего, четыре угловыхъ столба (ба§ана=ма§ана) толщиною въ 4—6 вершковъ въ діаметрѣ. Сначала вкапывается юго-западный столбъ, который у якутовъ пользуется почетомъ; вкопавъ его, кладутъ на него сверху конскій волосъ изъ гривы—въ видѣ жертвы; столбъ этотъ служитъ мѣстопребываніемъ духа юрты, и на немъ зиждется, по мнѣнію якутовъ, вся прочность жилища; волосъ—жертва самому столбу, чтобы онъ не обвалился ни вообще, ни теперь, во время постройки юрты. Еще

---

[1]) Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ". Казань. 1902.

[2]) Авторъ имѣлъ въ виду *М. С. Вручевича* и его сочиненіе: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области" (Записки И. Р. Г. Общества по отдѣленію Этнографіи, т. XVII, вып. II. Спб. 1891). Въ свое время г. *В. I.* помѣстилъ въ „Этнографич. Обозрѣніи" подробный разборъ этого „сочиненія" въ противовѣсъ незаслуженно-лестному отзыву рецензента „Вѣстника Европы" (1891, октябрь: Литерат. Обозрѣніе). *Э. П.*

и теперь якутскіе плотники разсказываютъ, что очень недавно юрты строились такъ плохо, что тутъ же обваливались. Въ верхнемъ концѣ каждаго углового столба вырубается выемка,— такъ, чтобы можно было, сдѣлавъ соотвѣтствующій вырѣзъ въ балкѣ, служащей боковой матицей, соединить сѣверные столбы съ южными попарно и чтобы балка не могла податься на сторону, а для устраненія возможности движенія по длинѣ дѣлаютъ на ея концахъ еще вырѣзы, которыми она захватываетъ каждый столбъ съ сѣверной и южной сторонъ. Затѣмъ, на концы двухъ такимъ образомъ укрѣпленныхъ балокъ, соединяющихъ попарно угловые столбы, кладутся еще двѣ перпендикулярно къ нимъ [сӧбӱргäнä или сӧгӱргäнä],—тутъ опять дѣлаются надлежащіе вырѣзы для устраненія движенія въ какую-либо сторону. Въ большихъ юртахъ устанавливается и третья балка между этими двумя,—такъ, чтобы она раздѣляла юрту на двѣ части, изъ которыхъ одна, лѣвая отъ входа, будетъ большей; подъ концы этой балки, а также подъ средину остальныхъ ставятся подпорки [тулāсын]. Чтобы образовать крышу на два ската, прикрѣпляютъ на каждую изъ этихъ балокъ по 3 обрубка, кладя ихъ по длинѣ, причемъ средній значительно толще крайнихъ, которые отстоятъ отъ наружныхъ стѣнъ и отъ средняго обрубка на равномъ разстояніи, а затѣмъ кладутся поперекъ на эти обрубки 3 матицы [ӱсӱӧ или сіс мāс], и получается такимъ образомъ 4 пролета, заполняющіеся бревнами вершка 2—3 толщиною и аршина въ полтора длиною, плотно прикладываемыми другъ къ другу. Когда поднимаютъ среднюю матицу, то ее предварительно вымазываютъ масломъ,— тоже жертва; хозяева и рабочіе ѣдятъ при этомъ саламату [саламат] и сору [суорат]—простоквашу изъ вареного молока съ масломъ. Крышу затѣмъ обкладываютъ либо мхомъ, либо сѣномъ, а сверху набрасываютъ корьё и затѣмъ уже насыпаютъ землю, но все это такъ плохо дѣлается, что крыша обращается во время сильныхъ дождей въ рѣшето, Для того же, чтобы образовать стѣны, выкапываютъ, хотя и не всегда, ровчикъ въ видѣ четырехугольника на разстояніи 6—7 четвертей наружу отъ угловыхъ столбовъ и параллельно соединяющимъ ихъ линіямъ, а затѣмъ ставятъ торчмя бревна такъ, что нижній конецъ помѣщается въ ровчикѣ, а верхній приваливается къ балкамъ, связывающимъ угловые столбы. Такимъ образомъ, получаются во внутрь наклонныя стѣны, въ которыхъ устраиваются окна и двери и также съ наклономъ. Бревна, употребляемыя для крыши и стѣнъ, очищены отъ коры только на

половину по всей длинѣ, и въ юрту выходятъ гладкія стороны, а наружу покрытыя корой. Однако у якутскихъ юртъ большею частью устраиваются только три такихъ стѣны, такъ какъ съ сѣверной стороны пристраивается хотон, который строится такъ же, какъ и юрта, но небрежнѣе и съ бревенъ не снимается кора вовсе,—со стойлами и съ деревяннымъ поломъ изъ мелкихъ кругляковъ, покрытыхъ корой. Полъ—самый неудобный какъ для скота, которому приходится балансировать по сырымъ круглякамъ, кое-какъ положеннымъ, такъ и для женщинъ, очищающихъ его ежедневно отъ нечистотъ; полъ, къ тому же, представляетъ какъ бы шахматную доску съ квадратиками различной величины, изъ которыхъ, притомъ, нѣкоторые болѣе углублены. Такой видъ получается оттого, что бревна одного квадратика кладутся перпендикулярно къ бревнамъ другого, а это обусловливается тѣмъ, что скотъ стоитъ не по одной линіи, а въ различномъ направленіи. Разумѣется, чистить такой полъ очень трудно, да якутки не особенно хлопочутъ о чистотѣ: выбрасывается изъ хотон'а то, что можетъ быть взято на лопату, а остальное остается на мѣстѣ для гніенія и распространенія того отвратительнаго запаха, о которомъ я говорилъ выше. Чаще всего хотон ничѣмъ не отдѣляется отъ юрты, а если и отдѣляется, то легкой перегородкой, въ которой оставляется отверстіе для прохода скота. Затѣмъ, въ юртѣ устраиваютъ орон'ы [неподвижныя лавки] и каминъ. Орон'ы, какъ и въ урасѣ, занимаютъ то мѣсто, которое образуется отъ линіи, соединяющей угловые столбы между собою, до наружной стѣны. Юрты богачей устраиваются нѣсколько иначе и часто безъ хотон'а, но по тому же типу; онѣ рѣдко имѣютъ деревянный полъ, но если и имѣютъ, то еще рѣже якуты его моютъ. Я видѣлъ только у двухъ богачей юрты съ полами и только у одного полъ былъ чистъ, но за то это—едва ли не самый богатый и во всякомъ случаѣ самый вліятельный якутъ во всемъ округѣ. Постройка битаго камина [сімī осох] начинается съ того, что дѣлаютъ изъ бревенъ или жердей его остовъ, или, точнѣе сказать, облицовку, въ которой устраивается будущее устье, закрываемое временно досками, а затѣмъ нѣсколько якутовъ лѣзутъ на крышу, всыпаютъ въ деревянную облицовку глину и убиваютъ ее длинными жердями; когда работа дойдетъ до половины, вставляютъ гладко обстроганное бревно, сплошное, либо со сквознымъ продольнымъ дупломъ, а затѣмъ обсыпаютъ его вокругъ глиною, которую утрамбовываютъ такимъ же способомъ. Когда работа доведена до конца, то сплошное бревно

осторожно вынимають и получается отверстіе для трубы, а если было вставлено дуплистое, то его не трогають, ибо оно само сгорить[1]). Каминъ ставять въ сѣверо-восточномъ углу юрты, но такъ, чтобы можно было ходить вокругъ него свободно; устье обращено къ юго-западному углу, такъ что лучи камина идуть по діагонали къ тому столбу, который, какъ я сказалъ, охраняеть юрту отъ разрушенія. Южный о р о н юрты около этого столба считается самымъ почетнымъ мѣстомъ,—тутъ на полкѣ имѣются въ настоящее время иконы, передъ каждой изъ которыхъ прилѣплена восковая свѣча; одна изъ нихъ обыкновенно зажигается хозяиномъ во время вечерней молитвы,—я не помню, чтобы зажигали во время утренней. У состоятельныхъ якутовъ въ этомъ углу стоитъ крашеный столъ съ разными вычурами; онъ не употребляется для хозяйственныхъ надобностей, да и, какъ мнѣ помнится, онъ выше обыкновенныхъ столовъ; на немъ служать молебны, пишуть, при случаѣ, и—только. Онъ стоитъ обыкновенно на небольшомъ квадратномъ земляномъ возвышеніи, обложенномъ кругомъ деревянными плахами, и похожъ на прежній ихъ очагъ. Я не рѣшаюсь дѣлать сближеній, но обращаю вниманіе на это сходство, особенно знаменательное въ виду значенія углового столба, у основанія котораго устроенъ этотъ очагъ.

Въ каждой юртѣ имѣется свой духъ дома (б а л а ҕ а н і ч ч і т ä), который и кочуеть вмѣстѣ съ хозяевами, такъ что это въ то же время и духъ семьи. Если поселяются двѣ семьи вмѣстѣ, то въ юртѣ живеть духъ хозяевъ, а если образуется новая семья и переѣзжаетъ въ новую юрту, то для нея создается духомъ земли новый домовой. Нужно замѣтить, что богъ огня и домовой—отдѣльныя существа. Якутская семья, при каждомъ переѣздѣ въ другую юрту, разводить, прежде всего, огонь, принеся углей отъ сосѣдей или добывъ его кресаломъ, затѣмъ варять саламату, которую большуха раскладываеть по отдѣльнымъ чашкамъ, по числу наличныхъ ртовъ, такъ какъ каждый якутъ — взрослый и ребенокъ—всегда ѣсть одинъ изъ чашки. При этомъ откладывается немного и духу дома въ отдѣльную посудку, которая ставится съ лѣвой стороны камина, т.-е. съ восточной, гдѣ и стоитъ до слѣдующаго дня, когда, затѣмъ, уносится въ х о т о н

---

[1]) У автора описано здѣсь устройство такъ называемаго „битаго камина" (сімī осох), встрѣчающагося сравнительно рѣдко и обыкновенно у зажиточныхъ якутовъ; большею частью дѣлается „мазаный каминъ" (сыбах осох), который мѣстные русскіе называють „камелькомъ" (см. *Сѣрошевскій*, стр. 355)
Э. П.

и тамъ гдѣ-нибудь оставляется; ему же даютъ еще и соры съ масломъ. Но почему жертва относится въ хотон, гдѣ имѣется спеціальный духъ, покровитель скота (Нјāцы хотун, хаҥас діäкі)? Ужъ не думаютъ ли якуты отдѣлаться одной подачкой? Весьма вѣроятно, такъ какъ они отчаянные скареды. И въ самомъ дѣлѣ, покровительницѣ скота дѣлается такой подарокъ, да и то разъ навсегда: сучатъ изъ конской гривы веревочку и протягиваютъ ее надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно стоятъ телята, на нее навѣшивается 9 крошечныхъ берестяныхъ ведерокъ наподобіе тѣхъ, въ которыя надаиваютъ молоко, и 9 такихъ же телячьихъ намордниковъ, которые надѣваются на телятъ, чтобы они не высасывали молока, но могли бы въ то же время щипать траву; въ промежуткахъ навязываются пучки изъ конской гривы. Но, кромѣ этихъ жертвъ, при переѣздѣ въ юрту бросаютъ еще и въ огонь немного саламаты,—это жертва богу огня. Если въ семьѣ имѣется много дѣтей, то въ огонь вливаютъ еще ложку топленаго масла, а если одинъ ребенокъ или дѣтей совсѣмъ нѣтъ, то это масло остается въ экономіи, и принесеніе въ жертву масла откладывается до какого-либо другого случая. Когда я спросилъ, какая связь между количествомъ дѣтей и количествомъ жертвы, то мнѣ отвѣтили, что такъ какъ огонь и никто другой насылаетъ на дѣтей разныя накожныя болѣзни, то многосемейному приходится быть щедрѣе. Не только якуты вѣрятъ въ такое дѣйствіе огня, но даже одна попадья увѣряла меня, что огонь дѣйствительно насылаетъ струпья, и привела въ доказательсто случай съ ребенкомъ ея работника-якута. Ребенокъ покрылся струпьями оттого, по ея словамъ и словамъ якутовъ, что въ огонь нечаянно попалъ кусочекъ лучины, запачканной испражненіемъ ребенка. Такимъ образомъ, нужно тщательно остерегаться, чтобы не нанести какъ-нибудь оскорбленія богу огня, который, какъ видно, очень мстителенъ; въ огонь нельзя ни плевать, ни плескать воду, ни тыкать ножомъ или чѣмъ-либо острымъ, чтобы не поранить бога огня.

Когда я пожелалъ узнать, считаютъ ли якуты бога огня добрымъ или злымъ, то изъ разспросовъ ничего опредѣленнаго нельзя было вывести: одни признавали его добрымъ, потому что онъ грѣетъ, свѣтитъ, варитъ пищу и т. д., другіе же, и ихъ было большинство, признавали его злымъ духомъ, потому что малѣйшее прикосновеніе его причиняетъ большія несчастія, сжигая строенія, и нестерпимую боль, часто обжигаетъ людей, а въ особенности дѣтей, насылаетъ болѣзни и т. д. Уяснить связь между огнемъ и струпьями дѣтей можно только слѣдую-

щимъ образомъ: огонь, непосредственно обжигая тѣло, образуетъ струпья, не отличающіеся по наружному виду отъ всѣхъ другихъ струпьевъ; съ другой же стороны—дѣти чаще всего обжигаются, а потому якутъ видитъ, что огонь чаще всего мститъ на дѣтяхъ и что они же чаще всего покрываются вообще струпьями, а, слѣдовательно, это тоже месть бога огня.

Всегда ли богъ огня имѣлъ такой двойственный характеръ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить категорически, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что персидскій богъ свѣта и добра—Ормуздъ создалъ изъ огня всѣ чистыя существа, что у персовъ огонь—источникъ жизни и души человѣка, что онъ—источникъ нравственной и физической чистоты. У монголовъ сохранилось кое-что изъ этихъ вѣрованій, а у якутовъ изъ нихъ сохранилась только вѣра въ очистительную силу огня, да и то только преимущественно въ сферѣ физической. Такимъ образомъ, въ то время какъ у монголовъ богъ огня сталъ добрымъ богомъ, у якутовъ онъ сохранилъ двойственный характеръ, смотря по тому, обращаютъ ли они вниманіе на его благодѣянія или на вредъ, имъ причиняемый, но всегда разсматриваютъ вопросъ съ точки зрѣнія утилитарной. Замѣчу, что, по понятіямъ монголовъ, „многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ—слѣдствіе гнѣва Утъ“, бога огня (Черная вѣра *Банзарова*, 24).

Огонь, какъ я сказалъ, играетъ роль силы очистительной, разгоняя всякую нечисть. Люди, отвозившіе покойника на кладбище, очищаются, переступая черезъ огонь,—такимъ же образомъ очищается быкъ, на которомъ возили трупъ, сани и другіе инструменты, употреблявшіеся при погребеніи.

Самый чистый и священный огонь—молнія, а потому пожаръ отъ нея не тушится. Она очищаетъ все, на что упадетъ, и дерево, разбитое молніей, считается чистымъ, а зажженныя лучины отъ такого дерева употребляются при обрядѣ очищенія. Въ старину, передъ началомъ неводьбы, шаманъ зажигалъ такую лучину и, стоя на льду среди озера, махалъ ею по всѣмъ направленіямъ, произнося заклинанія; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы очистить мужчинъ и женщинъ отъ возможной въ нихъ нечисти, Въ настоящее же время, когда шаманы не совершаютъ публичныхъ обрядовъ, всѣ жители той юрты, въ которой недавно былъ покойникъ, и всѣ посѣтители ея не могутъ до новолунія вступать на ледъ озера, пока не кончится неводьба, а стоятъ, какъ я самъ видѣлъ, на берегу. Новый неводъ очищается при помощи такой же зажженной лучины; ею же размахиваетъ шаманъ, когда онъ, во время падежа коннаго скота,

камлаетъ съ цѣлью прогнать эпидемію. Мясо скотины, убитой громомъ, признается цѣлебнымъ. Огонь, кромѣ того, является посредникомъ между человѣкомъ и другими духами при жертвоприношеніи, хотя и не всегда, какъ я сейчасъ же скажу. Хозяйка, принося жертву богинѣ, покровительствующей коровамъ, беретъ глиняный черепокъ или горшокъ, накладываетъ горящихъ угольевъ, относитъ въ хотон и тамъ на уголья выливаетъ ложку масла. Тутъ огонь является посредникомъ. Но вотъ хозяйка смазываетъ масломъ верхнюю жердь яслей, къ которой привязываютъ телятъ,—это жертва непосредственная, такъ какъ это божество, спеціально завѣдующее здоровьемъ телятъ, слизываетъ масло; если не принесутъ этой жертвы, то новорожденные телята передохнутъ отъ поноса.

Хозяйка дома есть и главная хранительница очага, покровителя семьи. Только она имѣетъ право проходить мимо камина съ передней его стороны, — всѣ же остальныя женщины обходятъ его сзади. Если передъ каминомъ сидитъ или стоитъ хозяинъ дома или почетный гость, то и хозяйка не проходитъ между ними и каминомъ, если бы даже мѣсто и позволяло, а обходитъ ихъ сзади. Во время менструацій женщина не можетъ касаться огня и даже близко подходить къ нему, точно также роженица и бывшая при ней повитуха не могутъ до новолунія входить въ ту часть юрты, которая освѣщается огнемъ камина. Невѣста, вступая въ домъ жениха, бросаетъ въ огонь нѣсколько палочекъ, заранѣе приготовленныхъ, а затѣмъ выливаетъ туда же топленаго масла,—послѣ этого она ужъ членъ семьи. Очевидно, что бросаніе палочекъ — символъ разведенія огня, что̀ можетъ дѣлать только членъ семейства и что̀ дѣлаютъ только женщины. У монголовъ вступающій въ члены семьи поклоняется богинѣ огня и приноситъ ей жертву. То же самое дѣлаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста, въ чемъ и выражается обрядъ бракосочетанія.

Въ кузницѣ передъ каминомъ врытъ такъ называемый стулъ для наковальни, и только кузнецъ — хозяинъ можетъ пройти между каминомъ и этимъ стуломъ,— всѣмъ же остальнымъ строго воспрещается.

Вся мебель юрты состоитъ изъ одного или двухъ столовъ [остуол], чаще круглыхъ, о трехъ ножкахъ, и изъ табуретокъ [олох мас] разной величины. Табуретки слѣланы довольно остроумно. Берутъ 4 таловыхъ прута толщиною въ полвершка и длиною аршина въ полтора; на каждомъ изъ нихъ дѣлаютъ по два вырѣза—такъ, чтобы, если согнуть прутъ, получилась буква П и чтобы можно было вставить въ мѣста изгиба сво-

бодные концы другого такого же П,—концы закругляются и на нихъ дѣлаются заплечики. Такимъ образомъ вставляются другъ въ друга всѣ прутья и получается остовъ скамьи; сидѣнье дѣлаютъ изъ тонкихъ досочекъ, врѣзанныхъ въ верхнія ребра. Кромѣ этой мебели, имѣется еще сундукъ [цасык=русск. ящикъ], величина котораго зависитъ отъ степени зажиточности семьи; въ немъ хранится подъ замкомъ все болѣе или менѣе цѣнное: серебряные браслеты, шелковый головной платокъ, а то и просто какая-нибудь дрянь, которая можетъ имѣть цѣнность только въ глазахъ якутки.

Хозяйственный инвентарь семьи очень несложенъ. Прежде всего и главнѣе всего, въ каждой семьѣ имѣется многое множество берестяной посуды [т у о с і с і т], въ которой лѣтомъ стоитъ молоко въ подпольѣ дней 5—6 для образованія сливокъ или сметаны. Затѣмъ имѣется не мало деревянныхъ чашекъ [к ы т ы ј а] разной величины для пищи,—онѣ выдалбливаются изъ березы или изъ лиственницы при помощи особаго инструмента. По краямъ чашки вырѣзаны съ наружной стороны незатѣйливыя украшенія; чашка обтянута вверху обручикомъ изъ латуни или изъ желтой мѣди; къ обручику придѣланы оловянные привѣски. У зажиточныхъ якутовъ эти чашки—отъ 15 до 20—поставлены въ рядъ на одну полку, и нѣкоторыя изъ н и х ъ [к ы т а х] очень большихъ размѣровъ. Далѣе идутъ горшки [к ў ö с], которые якутки сами дѣлаютъ, но не всѣ, потому что не всѣ умѣютъ, подобно тому какъ и чашки выдалбливаются не всѣми якутами,—большинство покупаетъ и ту и другую посуду. Не маловажную роль въ хозяйствѣ якутки играетъ мутовка [ы т ы к]. Это палочка въ аршинъ длиною, на концѣ которой насаженъ небольшой отрѣзокъ полаго рога съ пробуравленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ дырками. Такой мутовкой сучатъ всякую болѣе или менѣе жидкую пищу во время ея приготовленія, мѣшаютъ тѣсто для оладій, сбиваютъ масло и т. д. Для сбиванія же сливокъ употребляется мутовка [к ӱ ö р ч ӓ х], у которой вмѣсто рога насаженъ деревянный кружокъ съ вырѣзами по радіусу на наружной сторонѣ. Если къ этому прибавить еще деревянныя ложки собственнаго издѣлія, таганъ, сковороду, желѣзную лопатку для поворачиванія оладій, когда онѣ пекутся, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ съ блюдцами и мѣдный чайникъ, то получится вся посуда якута средняго достатка[1]). Затѣмъ нужно упомянуть, что у всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи имѣется по ножу [б ы с а х], который носится въ ножнахъ за го-

[1]) Вся эта посуда носитъ русскія названія. *Э. П.*

ленищемъ или на поясѣ. У болѣе зажиточнаго якута вы встрѣтите мѣдные котлы (алтан солӯр] для варки пищи, самоваръ, а у богача нѣсколько самоваровъ разной величины, хорошую и разнообразную чайную посуду, столовую, чаще всего эмалированную металлическую, серебряныя ложки и вилки издѣлія якутскихъ кузнецовъ, разные графинчики, рюмки и даже бокалы, но все это держится подъ замкомъ, такъ что, войдя въ юрту богача, вы ничего не увидите такого, изъ чего бы можно было заключить о степени достатка хозяина. Только по большей или меньшей чистотѣ и просторности юрты отчасти можно судить о достаткѣ; но и то только у болѣе или менѣе тронутыхъ русской культурой. Впрочемъ, самовары всегда на виду и у богачей демонстративно блестятъ.

Но святая святыхъ у зажиточнаго и особенно у богатаго якута— шкатулка, прочно сдѣланная и запирающаяся на замокъ. Въ ней хранится домашній архивъ, состоящій изъ разныхъ черновыхъ прошеній, расписокъ, записей, счетовъ и т. д.; всѣ эти свидѣтельства изворотливости якутскаго ума и безстыднѣйшей эксплоатаціи съ примѣсью неимовѣрнаго сутяжничества доступны только главѣ семейства. Впрочемъ, у какого-нибудь просвѣщеннаго якута въ этомъ же ящикѣ лежатъ разныя фотографическія карточки и вдобавокъ въ рамкахъ,—ихъ показываютъ близкимъ знакомымъ и особенно почетнымъ русскимъ гостямъ.

Большинство якутовъ имѣетъ только самую необходимую одежду, да и то въ одномъ экземплярѣ. Якутъ никогда не заводитъ болѣе одной пары бѣлья—ни для себя, ни для членовъ семьи; между прочимъ, женщины лѣтомъ также носятъ дабовые штаны. Бѣлье у якутовъ никогда не моется, а носится, пока не изорвется въ клочья, не допускающіе починки. Только у богачей имѣется 3—4 пары бѣлья, которое изрѣдка моется, но отъ этого мало толку, такъ какъ грязь никогда дочиста не смывается, да и мудрено смыть ее, если бѣлье носится мѣсяцъ и больше и если почти совсѣмъ не употребляютъ мыла. Якутки увѣряютъ, что бѣлье отъ мытья скоро изнашивается, а потому онѣ его не моютъ, но онѣ почти никогда не моютъ и чайную посуду, и обѣденную, — послѣднюю только тщательно вылизываютъ. И бѣда, если якутка вздумаетъ щегольнуть передъ вами чистотой и станетъ мыть посуду, чайную или обѣденную—все равно: она будетъ вытирать ее подоломъ собственной рубахи...

Кое у кого имѣются небольшіе жернова [тас или суоруна]; въ каждой семьѣ имѣются бычьи сани [оҕус сырҕата], на которыхъ возятъ сѣно и дрова, да еще топоръ (сӯгä) и пешня [анjы], а затѣмъ ничего больше. Сохи и бороны можно найти

только у болѣе зажиточныхъ; у послѣднихъ часто имѣется хотя одна лошадь, а, слѣдовательно, сѣдло [ыҥыр] и нарты [нарта].

Нужно замѣтить, что якуты любятъ заводить себѣ разную одежду, которая всегда у нихъ хранится въ амбарѣ подъ замкомъ и надѣвается только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; важно, чтобы всѣ знали, что имѣется много одежды, а носить ее нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что отъ этого она изнашивается. Особенно якутки любятъ заводить одежду и разнаго рода украшенія, доказывая лишній разъ, что дщери Евы во всѣхъ широтахъ одинаковы,—любопытный предметъ для размышленія. Однако желаніе прельщать сердца не побуждаетъ якутокъ къ чистотѣ, такъ что самая отъявленная щеголиха неимовѣрно грязна. Якуты не любятъ купаться и никогда не моютъ тѣла; единственное, что они усвоили въ этомъ отношеніи,—смачиваніе по утрамъ физіономіи водой, именно—смачиваніе, потому что этотъ процессъ не можетъ быть названъ умываньемъ: мыла не употребляется вовсе, а воды идетъ не болѣе чайной чашки, и выходитъ не умыванье, а равномѣрное размазыванье грязи, причемъ все-таки отъ ушей къ шеѣ образуется болѣе густая тѣнь; послѣ такого умыванья нѣкоторые вытираются тряпицей, но что это за тряпица!—грязнѣе грязи; большинство же просто обсушивается у камина. И вотъ такая обсушенная щеголиха, съ растрепанными волосами, которыя причесываются только по какимъ-либо торжественнымъ случаямъ или когда черезчуръ разводятся насѣкомыя,—съ цвѣтнымъ повойникомъ, сбившимся нѣсколько на сторону, или съ грязнымъ платкомъ на головѣ, если она замужняя, и простоволосая, если дѣвица,—съ тяжелыми серебряными серьгами, состоящими изъ большого количества серебряныхъ пластинокъ разной величины,—съ оттянутыми мочками ушей, съ большой четырехугольной запонкой, застегивающей воротъ грязнѣйшей рубахи,—съ широкими серебряными браслетами на рукахъ,—стоитъ сбоку камина и меланхолически сучитъ мутовкой кипящее молоко, испещренное нападавшими угольями. Нужно замѣтить, что у якутскихъ женщинъ замѣчается природная грація въ движеніяхъ и что руки у нихъ красивы и невелики, съ длинными музыкальными пальцами, хотя изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ имѣется только хомус[1])—крошечный желѣзный инструментъ, который

[1]) Хомус или хамыс—общераспространенный музыкальный инструментъ, такъ называемый варганъ или кобызъ (кобузъ), „желѣзная лирка со стальнымъ язычкомъ; прикладывается къ зубамъ, пальцемъ бьютъ по язычку, образуя звуки измѣненіемъ полости рта“ (*Даль* II, 739, 1-ое изд.).

одной рукой прикладывается къ полуоткрытому рту, тогда какъ другая рука приводитъ въ движеніе тонкую пластинку, прикрѣпленную къ подобію арфы, ударяя по ея свободному концу. Такой же музыкальный инструментъ „дрымба" я видѣлъ у цыганъ на югѣ Россіи.

Въ общемъ якуты и якутки некрасивы: выдающіяся скулы, приплюснутый сѣдлистый носъ съ почти круглыми ноздрями, обращающіе на себя вниманіе косовато насаженные и широко разставленные глаза, часто низкій и некрасивый лобъ,—таково громадное большинство. Но есть и другой типъ—типъ якутской аристократіи, встрѣчающійся, главнымъ образомъ, между старинными богатыми фамиліями. Представители этого типа—богаты они или бѣдны въ настоящее время—гораздо интеллигентнѣе остальныхъ и не спускаются до положенія чьего-нибудь работника. Мужчины этого типа болѣе рослы, красивѣе сложены, болѣе сильны, цвѣтъ лица бѣлѣе, но все-таки смуглый, носъ съ горбинкой и хотя не тонокъ, но и не приплюснутъ, да и ноздри не бросаются въ глаза,—лобъ широкій и высокій, глаза посажены ровно и не слишкомъ удалены другъ отъ друга, ротъ красивый, съ полными, чувственными губами, но волосы такіе же, какъ и у остальныхъ—черные, прямые, матовые, болѣе напоминающіе шерсть, чѣмъ человѣческій волосъ. У этого типа мужчинъ несравненно чаще встрѣчаются усы и даже небольшая растительность на подбородкѣ, тогда какъ у большинства якутовъ на лицѣ нѣтъ никакой растительности. Если глядѣть en face, ничто не указываетъ вамъ на то, что передъ вами представитель низшей расы, въ профиль же вы сейчасъ замѣтите, что носъ, хотя и съ горбинкой, слишкомъ низокъ въ переносицѣ, что зависитъ отъ особаго положенія скулъ,—но и только. Я видѣлъ лишь одну якутку, которая могла бы подойти къ этому типу, и вообще я чаще видѣлъ среди якутовъ красивыхъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, хотя и между женщинами попадаются изрѣдка очень красивыя. Впрочемъ, красивые глаза и даже съ „поволокой" встрѣчаются довольно часто [1]).

---

[1]) О наружномъ видѣ якутовъ съ характеристикой обоихъ физическихъ типовъ: тюркскаго и монгольскаго, а также и промежуточныхъ формъ см. у *Миддендорфа* (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, отд. VI, стр. 631 и 765), *Маака* (Вилюйскій округъ, ч. III, стр. 82), особенно *Н. Л. Геккера* (Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ, Ирк. 1896). Ср. также: *Сѣрошевскій*: Якуты т. I, гл. III: „Физическія особенности племени".

Э. П.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

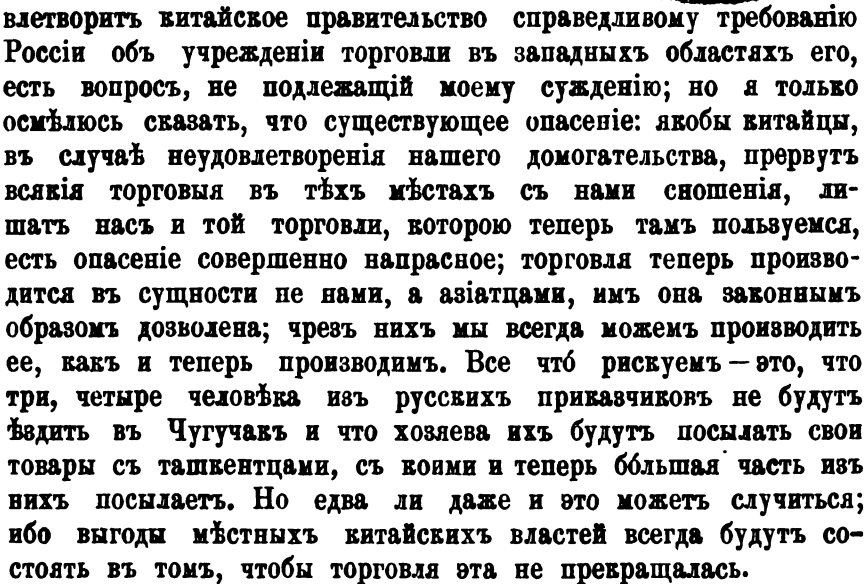
(*Окончаніе*).

О мѣрахъ къ развитію торговли съ Западнымъ Китаемъ. Переходя теперь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя надлежало бы принять къ возстановленію нашей торговли съ западнымъ Китаемъ, для желаемаго ея развитія, долгомъ считаю изъяснить слѣдующее:

Для существованія и развитія всякой торговли необходимы три главныхъ условія: взаимная потребность въ произведеніяхъ, капиталы и удобства сообщенія.

О потребности въ нашихъ товарахъ уже достаточно было говорено выше. Къ этому можно только присовокупить желаніе: чтобы оные шли въ западныя мѣста Китая лучшаго качества, нежели какіе теперь туда отпускаются, что по времени, при измѣненіи положенія сей торговли, безъ сомнѣнія, и сдѣлается само собою.

1) *Установленіе правильной торговли.* Что касается до капиталовъ, то большихъ капиталистовъ понынѣ въ этой торговлѣ нѣтъ, и они не явятся до тѣхъ поръ, пока оная не будетъ поставлена на другихъ основаніяхъ, пока не сдѣлается для россійскаго купечества *правильною и законною*; ибо тогда только купцы наши могутъ избавиться отъ тѣхъ притѣсненій и непріятностей, которымъ подвергаются при нынынѣшнемъ ея положеніи. Устраненіе сего главнаго препятствія—*установленіе правильной торговли съ китайцами въ западныхъ мѣстахъ ихъ*—есть, слѣдственно, первый шагъ, первое дѣло, съ котораго слѣдовало бы начать, если желать имѣть въ сихъ мѣстахъ торговлю. Безъ этого же торговля будетъ всегда находиться въ рукахъ однихъ мелочниковъ и азіятцевъ, и желаемаго развитія никогда не будетъ. Удовлетворитъ, или не удо-

влетворить китайское правительство справедливому требованію Россіи объ учрежденіи торговли въ западныхъ областяхъ его, есть вопросъ, не подлежащій моему сужденію; но я только осмѣлюсь сказать, что существующее опасеніе: якобы китайцы, въ случаѣ неудовлетворенія нашего домогательства, прервутъ всякія торговыя въ тѣхъ мѣстахъ съ нами сношенія, лишатъ насъ и той торговли, которою теперь тамъ пользуемся, есть опасеніе совершенно напрасное; торговля теперь производится въ сущности не нами, а азіатцами, имъ она законнымъ образомъ дозволена; чрезъ нихъ мы всегда можемъ производить ее, какъ и теперь производимъ. Все чтó рискуемъ — это, что три, четыре человѣка изъ русскихъ приказчиковъ не будутъ ѣздить въ Чугучакъ и что хозяева ихъ будутъ посылать свои товары съ ташкентцами, съ коими и теперь бóльшая часть изъ нихъ посылаетъ. Но едва ли даже и это можетъ случиться; ибо выгоды мѣстныхъ китайскихъ властей всегда будутъ состоять въ томъ, чтобы торговля эта не прекращалась.

Что же касается еще до весьма важнаго въ этомъ дѣлѣ вопроса, а именно: какой пунктъ для мѣновой съ китайцами торговли удобнѣе и лучше, Чугучакъ или Кульджа? то отвѣчать на сіе положительно и съ увѣренностью трудно. Чугучакъ ближе къ нашей границѣ, къ внутреннимъ нашимъ рынкамъ, и въ этомъ весьма важное его преимущество; но Кульджа обширнѣе; въ ней болѣе жителей, болѣе самаго купечества; она ближе и къ Кашкаріи, чтó тоже весьма важное обстоятельство. Вообще ограничивать торговлю однимъ какимъ-либо размѣннымъ пунктомъ,— Чугучакомъ или Кульджею,—не слѣдовало бы. Напротивъ того, если можно, то къ Чугучаку и Кульджѣ надлежало бы присоединить еще Кашкарію, т. е. и въ Кашкарію проложить *законный путь* для нашего купечества. Кстати здѣсь замѣтить, что послѣ размолвки, которая была въ 1828-мъ году у хокандцевъ съ китайцами, ханъ хокандскій выговорилъ у китайскаго правительства, для своихъ подданныхъ, право свободной торговли во всѣмъ кашкарскихъ городахъ, и не только изъятіе ихъ отъ всякихъ пошлинъ, но разрѣшеніе собирать даже въ свою казну пошлину съ хокандцевъ, ташкентцевъ и бухарцевъ, при всякой мѣнѣ ихъ съ китайцами. Для этого и для надлежащей защиты своихъ купцовъ въ Кашкаріи, отъ хокандскаго правительства назначены два чиновника, изъ коихъ одинъ живетъ въ Кашгарѣ, другой въ Яркентѣ[1]).

[1]) Всѣ эти подробности мнѣ сообщены азіятцами, бывшими въ Кашкаріи; объ оныхъ знаютъ и ташкентцы, у насъ находящіеся.

2) Обезопасеніе караванныхъ путей. Другая необходимая, по моему мнѣнію, мѣра есть обезопасеніе путей въ западныя области Китая. Въ этихъ видахъ для чугучакской торговли весьма бы полезно было: *во-первыхъ* — привлечь въ наше подданство кочующихъ за Тарбагатаемъ Байджигитовъ, что, повидимому, не представляетъ особеннаго затрудненія, ибо два самыхъ сильныхъ ихъ султана, Сабекъ и Дуламбай (изъ коихъ съ послѣднимъ я имѣлъ случай разговаривать), уже давно изъявляютъ наклонность поступить въ число русскихъ подданныхъ и тѣмъ обезопасить положеніе своихъ киргизовъ, тѣснимыхъ теперь со всѣхъ сторонъ нашими. Мысль и желаніе поступить въ русское подданство болѣе и болѣе дѣлаются общими между Байджигитами и даже между Кызайцами. Конечно, къ подобной мѣрѣ, если бы оная удостоилась одобренія правительства, нельзя вдругъ приступить, а предоставить исполненіе ея болѣе времени и обстоятельствамъ, имѣя оную только въ виду и облегчая пути къ ней. *Во-вторыхъ*: полезно бы также было содержать небольшой отрядъ казаковъ за Тарбагатаемъ, на рѣкѣ Урджарѣ, пунктѣ весьма удобномъ и лежащемъ на самомъ торговомъ трактѣ. Содержаніе тутъ подобнаго казачьяго отряда, или пикета, хотя бы только въ лѣтнее время, имѣло бы спасительное дѣйствіе на помянутыхъ киргизовъ, удерживая ихъ отъ всякихъ своевольствъ и насилій. Китайцы же едва ли бы стали возражать намъ и противиться подобной мѣрѣ, какъ не возражали они, когда въ 1839-мъ году посыланъ былъ нашъ отрядъ въ эти же самыя мѣста, для поимки султана Сиванкула. Тогда отрядъ этотъ, исполнивъ возложенное на него дѣло, пробылъ въ тѣхъ мѣстахъ, *за Тарбагатаемъ*, еще съ мѣсяцъ, до окончанія въ Чугучакѣ расторжки; онъ стоялъ не далѣе какъ въ 25-ти верстахъ отъ Чугучака (а отъ китайскаго пикета въ 3-хъ верстахъ), и китайцы не только не жаловались, но, напротивъ, были весьма довольны, ибо чрезъ это прекратились тогда всякія со стороны сосѣднихъ киргизовъ своевольства, отъ коихъ сами китайцы первые страдаютъ. Высылкѣ на лѣтнее время на Урджаръ нашего отряда всегда можно бы было дать въ глазахъ китайцевъ благовидный предлогъ, сказавъ, въ случаѣ надобности, что это дѣлается для защиты купечества, для обузданія своеволій киргизовъ. При этомъ нельзя еще не замѣтить, что Тарбагатай въ сущности не есть граница съ нами китайцевъ: за Тарбагатаемъ кочуетъ часть нашихъ киргизовъ Средней Орды: всѣ главныя зимовки Мурунцевъ и Туминцевъ нашихъ находятся по той сторонѣ Тарбагатая. Собственно китайскою границею въ

этихъ мѣстахъ, какъ мнѣ кажется, должна почитаться цѣпь ихъ пикетовъ: какъ скоро мы не заходимъ за черту сихъ пикетовъ, то мы, такъ сказазать, у себя, дома, и, повидимому, имѣемъ полное право распоряжаться *по усмотрѣнію*. Въ этихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, никакихъ границъ никогда не было съ Китаемъ постановлено.

Что касается до обезпеченія путей въ Кульджу, то мѣра эта еще болѣе представляется необходимою, во-первыхъ по большей опасности сихъ путей, и во-вторыхъ, по соединяющимся съ оною разнымъ другимъ видамъ въ торговомъ отношеніи. Изъ двухъ путей, ведущихъ въ Кульджу, разумѣется слѣдовало бы обратить вниманіе на тотъ, который представляется изъ нихъ удобнѣйшимъ, т.-е. на путь чрезъ Караталъ и Семь-рѣкъ (чрезъ Большую Орду). Въ этихъ мѣстахъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы непремѣнно *занять пунктъ на рѣкѣ Караталѣ*, чтобы держать киргизовъ Большой Орды въ большомъ повиновеніи. Теперь они оказываютъ намъ преданность, и даже отдаленные рода ихъ (всѣ Дулатовцы) изъявили желаніе поступить въ россійское подданство. Но безъ занятія означеннаго пункта, преданность эта не прочна и подданство будетъ только мнимое. Къ приведенію въ исполненіе сей мѣры обстоятельства удивительно теперь какъ благопріятствуютъ: они вовсе не тѣ, что были въ 1825 году, когда дѣлана была экспедиція на Караталъ: во первыхъ, что сами киргизы Большой Орды, прежде смотрѣвшіе на насъ съ недовѣрчивостію, теперь просятся въ русское подданство, и даже именуютъ уже себя русскими подданными (въ проѣздъ мой черезъ Большую Орду они прямо говорили мнѣ, что они теперь русскіе подданные); во вторыхъ, китайцы потеряли всякое вліяніе на сіи мѣста, на которыя прежде и даже еще во время помянутой экспедиціи, простирали свои притязанія; въ третьихъ (и это совершенно уже доказываетъ, что киргизы, тамъ кочующіе, вышли изъ подъ всякой зависимости отъ Китая), что на нихъ съ тѣхъ поръ распространилось вліяніе хокандцевъ: бывшій ханъ хокандскій, Магометъ-Али, подчинилъ было ихъ своей власти до того, что посылалъ ежегодно на Карталъ, Куксу и Или, своихъ закятчиковъ, для сбора ясака съ кочующихъ тамъ Дулатовъ и другихъ киргизовъ Большой Орды; но смуты и разные перевороты, случившіеся въ послѣднее время въ Хокандѣ, мало по малу ослабили это вліяніе, и теперь власть хокандцевъ тамъ совершенно исчезла, обстоятельство также весьма благопріятное для всякихъ нашихъ видовъ. Занятіе Каратала представляетъ неисчислимыя выгоды: всѣ эти

мѣста, всѣ такъ называемыя Семь-рѣкъ, суть богатѣйшія земли во всей Киргизской степи; отъ Каратала до Кульджи всего 7-мь дней караваннаго хода; чрезъ Караталъ же лежитъ дорога въ Кашкарію, и другой не имѣется. Путь въ самый Ташкентъ и Хокандъ изъ Семипалатинска чрезъ эти мѣста (чрезъ Семь-рѣкъ) также и ближе и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе, нежели теперешняя дорога чрезъ Актау, и если купцы по оному не ѣздятъ, то это по той же причинѣ, по коей не ѣздили доселѣ чрезъ Караталъ въ Кульджу, т.-е. изъ боязни киргизовъ Большой Орды, на которыхъ полагаться (безъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ усмиренію) трудно. На Караталѣ такимъ образомъ, по занятіи выгоднаго тамъ пункта, могло бы приставать купечество, торгующее съ Кульджею, Ташкентомъ и Хокандомъ и съ самою Кашкаріею; тамъ могла бы быть главная складка ихъ товаровъ, которые, по надобности, они посылали бы въ означенныя мѣста и страны.

Въ тѣхъ же видахъ распространенія торговли съ западомъ Китая весьма полезно было бы *сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашкаріею*, отправивъ туда караванъ изъ Семипалатинска. Подобнымъ отправленіямъ уже были примѣры въ прежнее время, и не далѣе какъ въ 1824 году посланъ былъ небольшой караванъ въ сію страну, снаряженный купцомъ Поповымъ; но тогда разныя обстоятельства непоблагопріятствовали сему начинанію. Главное тутъ препятствіе состоитъ въ переходѣ чрезъ кочевья Дикокаменныхъ киргизовъ,—препятствіе, которое впрочемъ легко преодолѣть, отрядивъ небольшую команду казаковъ, для прикрытія каравана, какъ было сдѣлано въ 1824 году. При томъ же обстоятельства и между Дикокаменными киргизами съ нѣкотораго времени измѣнились въ нашу пользу: главный родъ сихъ киргизовъ (Буге), кочующій на самой дорогѣ въ Кашкарію, изъявилъ въ послѣднее время желаніе быть подъ покровительствомъ Россіи: родоначальникъ ихъ присылалъ съ этою цѣлью своихъ депутатовъ въ прошломъ 1844 году въ Аягузъ, и хотя, по отдаленности помянутыхъ киргизовъ, домогательство ихъ было отклонено (съ оказаніемъ однако же разныхъ знаковъ вниманія главному ихъ родоначальнику), но тѣхъ не менѣе самый поступокъ ихъ доказываетъ степень теперешнихъ благопріятныхъ ихъ отношеній къ Россіи. При такомъ положеніи вещей отправленіе при караванѣ какихъ-нибудь 70 человѣкъ казаковъ было бы достаточно для огражденія купцовъ отъ всякихъ обидъ и насилій со стороны неблагонамѣренныхъ киргизовъ. А если бы Правительство рѣ-

шилось занять Караталъ, то вліяніе наше чрезъ одно это и на Дикокаменныхъ киргизовъ распространилось бы и дало бы возможность совершенно со временемъ обезпечить этотъ путь чрезъ ихъ кочевья въ Кашкарію. Посѣщеніе сей страны нашими торговцами ознакомило бы ихъ съ тамошними произведеніями, распространило бы сбытъ нашихъ товаровъ въ краѣ, который столько представляетъ выгодъ для торговли и во всѣхъ отношеніяхъ было бы дѣломъ для торговли и промышленности нашей наиполезнѣйшимъ. Въ Кашкаріи, кромѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые находятся въ Чугучакѣ и Кульджѣ, и изъ коихъ иные тамъ гораздо дешевле, можно бы получать и нѣкоторыя новыя статьи, какъ то: кашкарскій шелкъ сырецъ добываемый въ Хотенѣ, лапись-лазури, привозимый туда изъ Бадакшана, ковры, тибетскую шерсть, мускусъ и т. п. Статьи эти, сколько извѣстно, тамъ весьма дешевы и могли бы, слѣдственно, войти въ обороты нашей торговли съ Западомъ Китая. Семипалатинскіе купцы наши (сколько мнѣ довелось разговаривать съ ними), не только непрочь отъ сей попытки, но съ радостію бы согласились, если бы только правительство дало имъ средства безопасно пройти въ Кашкарію, т. е. не отказало бы въ отряженіи помянутой казачьей команды для ихъ сопровожденія. Другихъ пособій они для себя не требуютъ. Если бы предположеніе отправить караванъ въ Кашкарію удостоились одобренія, то весьма бы полезно было приступить къ сему будущимъ же лѣтомъ, вызвавъ заблаговременно желающихъ. На первый ризъ, и дабы не дѣлать изъ сего опыта шумнаго дѣла, можно бы, кажется, ограничиваться семипалатинскими купцами, объявивъ имъ обо всемъ заранѣе.

Выше сего было замѣчено о вредныхъ послѣдствіяхъ для торговли (для правильнаго ея теченія и развитія) отъ существующей контрабанды по всей Сибирской линіи. Предметъ этотъ неоднократно обращалъ на себя заботливое вниманіе министерства финансовъ; но я осмѣлюсь повторить при семъ, что обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Линія, состоящая въ вѣдѣніи сибирскаго таможеннаго округа, имѣетъ 1.800 верстъ протяженія. А по ней всей таможенной стражи, т. е. объѣздчиковъ — 68 человѣкъ[1]). Спрашивается: чтó могутъ сдѣлать 68 человѣкъ на пространствѣ 1.800 верстъ? Таможенное начальство представляло объ усиленіи сей стражи еще 232-мя че-

[1]) И сверхъ того 116 казаковъ, высылаемыхъ на таможенную службу; но казаки въ этомъ случаѣ плохая помога.

ловѣками, такъ чтобы было всего 300 человѣкъ, находя, что контрабанда, при подобномъ усиленіи стражи, можетъ значительно уменьшиться. Не отвергая вообще пользы отъ усиленія таможенной стражи, находя даже, что подобнаго рода мѣры должны служить основаніемъ для прочихъ, я позволяю себѣ однако же думать, что 300 человѣкъ объѣздчиковъ и стражниковъ, на такомъ огромномъ протяженіи линіи, ничего не произведутъ существеннаго. То, чтò теперь въ особенности увеличиваетъ контрабанду — это возможность провезти товаръ безъ малѣйшаго опасенія быть пойманнымъ, и затѣмъ, въ случаѣ даже поимки, *увѣренность въ ненаказанности*: все чтò угрожаетъ купцу, пойманному наприм., съ контрабанднымъ чаемъ это, что его заставятъ заплатить 50% въ пользу поимщика и взыщутъ пошлину съ чая, котораго впрочемъ его не лишатъ, а отдадутъ ему назадъ (очищенный уже пошлиною). Его не подвергаютъ ни пени, ни конфискаціи товара, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ въ случаѣ поимки контрабанды. Возчиковъ контрабанды тоже не подвергаютъ никакому наказанію: отъ нихъ даже не отбираютъ лошадей, на коихъ контрабанда везется, и они ровно ничѣмъ не рискуютъ и пускаются на промыселъ сей съ необыкновенною дерзостію. И такъ, во-первыхъ: надобно непремѣнно *увеличить мѣру взысканія съ торговцевъ изобличенныхъ въ контрабандѣ и затѣмъ положить наказаніе противъ провозящихъ контрабанду*. При теперешнемъ положеніи линіи, при невозможности усилить таможенную стражу до желаемой степени, страхъ большаго взысканія и наказанія есть еще та мѣра, которая наиболѣе, повидимому, можетъ принести существенной пользы и удерживать отъ контрабанды. Необходимо бы также зарѣчную въ Семипалатинскѣ слободку, гдѣ находится главная складка товаровъ (всѣ складочные магазины купцовъ, торгующихъ съ Чугучакомъ, Кульджею и Ташкентомъ), ввести въ таможенную черту: слободка эта теперь внѣ всякаго таможеннаго надзора, чтò еще болѣе даетъ возможность недобросовѣстнымъ купцамъ тайно провозить товаръ свой.

При этомъ долгомъ поставляю еще замѣтить: что главнѣйшая контрабанда по Сибирской линіи состоитъ въ чаѣ. Причина оной та же, какъ и всѣхъ вообще контрабандъ, это— значительная на чай пошлина (по 60 к. сер. съ фунта). Теперь эта пошлина съ кяхтинскаго чая нѣсколько уменьшена, т. е. съ чернаго, или торговаго чая, вмѣсто 60 к., взимается 40 к. сер. съ фунта; но для семипалатинскаго чая она оста-

влена прежняя (по 60 к. сер. съ фунта). Если это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы уменьшить привозъ чрезъ Семипалатинскъ изъ западныхъ областей Китая байховаго чая, то можно рѣшительно сказать, что цѣль эта не достигнется. Стóитъ только взглянуть на карту, чтобы въ этомъ убѣдиться. Бóльшая теперь пошлина съ семипалатинскаго чая въ сравненіи съ пошлиною, взимаемою съ того же чая на Кяхтѣ, только поведетъ къ бóльшей контрабандѣ онаго, тогда какъ въ сравненіе ея съ Кяхтинскою, и принятіе въ то же время нѣкоторыхъ необходимыхъ мѣръ противъ контрабанды, было бы также однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ уменьшенію самой контрабанды и къ преподанію торговлѣ болѣе правильнаго движенія. По этому, казалось бы необходимымъ, въ числѣ прочихъ мѣръ,— *сбавить и пошлину съ чернаго чая*[1]), отъ какой сбавки вреда для кяхтинскихъ купцовъ не предвидится, ибо количество вывозимаго изъ Чугучака чернаго чая чрезъ это въ сущности ни прибавится, ни уменьшится, но можетъ уменьшиться контрабанда и увеличатся таможенные сборы.

Для поощренія же къ вывозу изъ западнаго Китая нѣкоторыхъ новыхъ статей не безполезно бы было, (какъ это сдѣлано и для Кяхты), нѣкоторые предметы, въ томъ числѣ шелкъ, хлопчатую бумагу, шерсть и другіе во 2-мъ пунктѣ высочайшаго указа 20 іюля 1845 г. означенные, а также товары въ кяхтинскомъ тарифѣ не поименованные [2]) пропускать безпошлинно; а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вывозъ ревеня, который по кяхтинскому тарифу, сколько мнѣ извѣстно, не находится въ числѣ запрещенныхъ статей. При этомъ замѣчу, что ревень могъ бы въ семипалатинской торговлѣ составить немаловажную статью привоза, по удобству полученія его изъ мѣстъ ближайшихъ.

О цѣнахъ на русскіе товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ, съ замѣчаніями на оные китайскихъ купцовъ.

Сукна. Сýкна наши и въ западномъ Китаѣ весьма требуются Но доселѣ въ эту торговлю шли сýкна низкой доброты (отъ 3 до $4^1/_2$ р. ас. аршинъ). Китайскіе купцы весьма бы желали имѣть Мизирицкія наши сýкна. Цвѣтá ихъ должны быть тѣ же, какіе идутъ въ Кяхтинскую торговлю.

1) Сравнивъ оную съ пошлиною, взимаемою въ Кяхтѣ.

2) Семипалатинская таможня въ отношеніи къ привознымъ изъ Китая товарамъ руководствуется кяхтинскимъ тарифомъ; но послѣднія въ семъ тарифѣ измѣненія (въ силу высочайшаго указа 20 іюля 1845 г.) на семипалатинскую торговлю не распространены.

Цѣна сукну, (стоящему въ покупкѣ отъ 3 до $4^1/_2$ р., ас.)— 4 и $4^1/_2$ дабы за аршинъ въ Чугучакѣ; а въ Кульджѣ обыкновено дается 3 штуки сукна (приведенныя въ мѣру 20 аршинъ, итого 60 арш.)—за одну ямбу, т. е. 380 рублей ассигнаціями [1]).

Драдедамы На нихъ требованіе замѣтно стало въ Чугучакѣ и Кульджѣ увеличиваться съ 1841 года. Драдедамовъ черного цвѣта возить не нужно, а только прочихъ извѣстныхъ цвѣтовъ (синяго, голубаго, фіолетоваго, алаго, малиноваго, коричневаго). Драдедамы (въ 3 р. 50 к. ас.) можно сбывать въ Чугучакѣ по $2^1/_2$ и до 3 дабъ за аршинъ; въ Кульджѣ же—$3^1/_2$ куска драдедама (70 арш.) дается за 1 ямбу.

Камлотъ. Его почти вовсе нейдетъ въ нашу торговлю съ западнымъ Китаемъ. Китайскіе кунцы мнѣ говорили, что они охотно бы стали раскупать его.

Нанка. Сверхъ обыкновенной нанки, какая идетъ въ эту торговлю, китайскіе купцы просили также поболѣе привозить набивной, или тисненой нанки. За нее обѣщали по 15 дабъ за штуку (при промѣнѣ на китайскій товаръ), тогда какъ за обыкновенную, не тисненую нанку, не даютъ болѣе 11 дабъ за кусокъ. Размѣръ ея долженъ быть такой же, какъ требуемой для нанки, т. е. 40 арш. въ кускѣ. Обыкновенная въ Чугучакѣ цѣна нанки, стоющей въ покупкѣ отъ 30 до 37 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 12 до 14 р. 80 коп. ас.,—какъ выше сказано, 11 дабъ за кусокъ, а въ Кульджѣ—1 ямба (380 р. ас). за 16 кусковъ.

Плисъ. Плисъ обыкновенно возится черный и весьма низкаго качества, копеекъ 70 ас. аршинъ, и не дороже 90 к. ас.; а продается въ Чугучакѣ, тотъ что въ 70 к. ас., или около того. — по $^1/_2$ дабы за аршинъ; въ Кульджѣ же — по $2^1/_2$ мыскала за аршинъ. Китайскіе купцы просили, кромѣ чернаго плиса, доставлять поболѣе плиса другихъ цвѣтовъ (зеленаго, голубаго, яхонтоваго, малиноваго и проч.). Ширина плиса, по ихъ словамъ, должна быть: цвѣтного — $^3/_4$ аршина, а чернаго — 1 аршинъ. Цѣна цвѣтному плису въ Кульджѣ (тому, который туда возится и который стоитъ не болѣе 1 р. ас. аршинъ)—5 мыскаловъ (2 р. ас.) за аршинъ.

---

[1]) Цѣна въ Чугучакѣ и Кульджѣ сукну и прочимъ нашимъ товарамъ показана здѣсь *промѣнная*, т. е. по чемъ оные при промѣнѣ расцѣниваются и отдаются китайскимъ купцамъ. Расцѣнка эта въ Чугучакѣ производится на дáбы, въ Кульджѣ же на серебро, или на мѣдную китайскую монету. Дáбы въ торговыхъ расчетахъ принимается обыкновенно въ 2 р. ас.; ямбу серебра можно считать въ 380 р. ас.; сáри мѣдью, или ермаками (китайскими чохами)—въ 4 р. ас., а мыскалъ въ 40 к. ас.

Коленкоръ. Его можно возить гораздо болѣе противъ нынѣшней пропорціи, по значительному требованію его въ Кашкарію. Ширина коленкора должна быть—$1^1/_4$ аршина, а длина—15 аршинъ. Цѣна ему въ Чугучакѣ — $4^1/_2$ и 5 дабъ за кусокъ (стоющій въ покупкѣ отъ 6 до 7 р. 50 к. ас.), а въ Кульджѣ — за 40 штукъ коленкора даютъ 1 ямбу.

Миткаль. Это издѣліе, въ сравненіи съ коленкоромъ, слѣдуетъ возить въ меньшемъ количествѣ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили китайскіе купцы.

Ситецъ. Китайцы просили привозить ситца, если можно, лучшаго качества, нежели какой доселѣ шелъ къ нимъ, и особенно лучшихъ цвѣтовъ [1]). Ситецъ впрочемъ, въ сравненіи съ сукномъ, драдедамомъ, нанкою и коленкоромъ, составляютъ уже статью второстепенную. Цѣна въ Чугучакѣ ситцу (стоящему отъ 25 до 30 к. ас. аршинъ, а кусокъ отъ 10 до 12 р. ас.)—10 и 11 дабъ за кусокъ; а въ Кульджѣ—1 ямба за 17 штукъ.

Платки бумажные. Они привозятся или слишкомъ малаго, или слишкомъ большаго размѣра. Лучшій для нихъ размѣръ $1^1/_2$ арш. длины и столько же ширины. Требованіе на нихъ въ Китаѣ довольно значительно.

Покрывала. Въ слишкомъ большомъ количествѣ ихъ возить не слѣдуетъ, хотя Китайцы довольно цѣнятъ этотъ родъ издѣлія, особенно такъ называемыя кашемировыя покрывала. За нихъ въ Чугучакѣ даютъ $2^1/_2$ дабы за покрывало (стоющее 4 р. ас.), а въ Кульджѣ—1 сари. и 5 мыскаловъ (6 р. ас.).

Чешуйка и тикъ. О сихъ издѣліяхъ китайскіе купцы въ Чугучакѣ мнѣ говорили, что оныхъ возить не нужно. Видно, что чешуйка и тикъ въ западномъ Китаѣ вовсе не требуются, а только идутъ во внутреннія провинціи Китая, которыя снабжаются ими чрезъ Кяхту. Въ Кульджѣ, впрочемъ, привезенную для образца чешуйку китайцы (собственно жители Кульджи) довольно охотно раскупали, по цѣнѣ весьма выгодной.

Холстъ. Холстъ нашъ весьма могъ бы идти въ эту торговлю. Образцы холста, купленнаго въ Москвѣ по 30 к. ас. аршинъ, Китайскимъ купцамъ понравились. За подобный холстъ они могутъ дать по 1 дабѣ за 4 аршина (по 50 к. ас. за аршинъ).

Юфтевыя кожи. Цѣны юфтевымъ кожамъ въ Чугучакѣ — $6^1/_2$ дабъ и 7 дабъ за кожу (стоющую въ Семипалатинскѣ 12 р. ас.); а въ Кульджѣ дается 1 ямба за 25 кожъ.

---

[1]) Лучшіе на ихъ вкусъ цвѣта—тѣ, которые по бѣлому полю.

Сафьяны и козлы. Ихъ нейдетъ въ эту торговлю; но, казалось бы, можно сдѣлать опыты.

Мишура. Цѣна мишурѣ (стоющей въ покупкѣ 98 к. ас. литра): въ Чугучакѣ—$6^1/_2$ дабъ за 10 литръ, а въ Кульджѣ—4 мыскала за литру. Сбытъ мишуры въ Кульджѣ выгоднѣе и ея болѣе туда требуется.

Позументъ. Позументъ также требуется въ Кульджу, по бóльшей близости Кульджи отъ Кашкаріи, куда преимущественно идетъ нашъ позументъ и мишура. Цѣна оному въ Кульджѣ—1 мыскалъ (40 к. ас.) за аршинъ (за позументъ, который въ покупкѣ стоитъ 20 к. ас. аршинъ).

Пуговицы мѣдныя. Изъ пуговицъ слѣдуетъ возить болѣе круглыхъ нежели плоскихъ, по бóльшему на нихъ требованію Китайцевъ. Онѣ должны быть бронзовыя желтыя, а не бѣлыя. Плоскія же пуговицы должны быть небольшаго размѣра. Цѣна въ Чугучакѣ пуговицамъ (стоющимъ отъ 2 до 3 р. ас. гротъ, въ коемъ 12 дюжинъ)—2 дабы за гротъ; а въ Кульджѣ 1 сари за гротъ.

Чайники мѣдные. Они главнѣйше требуются Киргизами; китайскіе же купцы берутъ ихъ въ небольшемъ количествѣ (для Калмыковъ).

Тазы мѣдные. Ихъ много привозится въ Чугучакъ, гдѣ продаютъ по 3 дабы за тазъ, фунта 2, или $2^1/_2$ вѣсомъ. Тазы эти—небольшаго размѣра и довольно тонкіе.

Желѣзо. Желѣзо не въ дѣлѣ мало требуется Китайцами. Въ Кульджу его вóвсе нейдетъ, а только небольшая часть въ Чугучакъ (полосовое желѣзо). Оно продается тамъ по 5 дабъ за пудъ.

Желѣзные столы. Это—небольшіе столики, выдѣлываемые, по особымъ образцамъ, изъ листоваго желѣза на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ довольно много идетъ въ чугучакскую и кульджинскую торговли. Цѣна въ Кульджѣ подобному столику (стоющему въ Ирбитѣ 12 р. ас.) отъ 7 и до 10 сарей (отъ 28 до 40 р. ас.).

Подносы желѣзные. Тѣ, которые теперь идутъ отъ насъ въ Чугучакъ и Кульджу, также выдѣлываются на Тагильскомъ заводѣ. Ихъ идетъ весьма много, особенно въ Чугучакъ. Покупная цѣна ихъ въ Ирбитѣ—90 к. ас. за подносъ (въ 8 вершковъ длины, каковаго размѣра наиболѣе требуется); а въ Чугучакѣ они продаются по 8 дабъ за десятокъ. Круглыхъ подносовъ возить не слѣдуетъ.

Замки висячіе. Ихъ въ послѣднее время купцы стали на-

возить въ слишкомъ большомъ количествѣ, и отъ этого сбытъ ихъ сдѣлался не такъ выгоденъ.

Ножи складные и перочинные. Китайцы мало ихъ требуютъ, и статьи эти не могутъ представлять особенныхъ выгодъ. По крайней мѣрѣ въ большомъ количествѣ ножей возить не слѣдуетъ.

Ножницы. О ножницахъ слѣдуетъ сказать то же самое. Если ихъ возить, то лучше среднихъ размѣровъ и маленькія.

Иглы. Ихъ доселѣ мало шло въ Чугучакъ и Кульджу. Китайцы, впрочемъ, охотно ихъ разбираютъ. Но вообще надобно замѣтить, что подобнаго рода издѣлія (иглы, замки, ножи, ножницы, мѣдные чайники, самовары и т. п.) лучше предоставить мелкимъ купцамъ: онѣ затрудняютъ только сбытъ капитальныхъ статей: чтобы продать ихъ съ выгодою, нужно продавать въ розницу и на это потребно не мало времени.

Чугунные котлы. Ихъ въ значительномъ количествѣ доставляется нашими купцами въ Чугучакъ и Кульджу. Они расходятся между Киргизами и Калмыками. Купцы продаютъ ихъ довольно выгодно, при всемъ томъ, что перевозка подобныхъ тяжеловѣсныхъ товаровъ обходится не дешево.

Кромѣ котловъ, изъ подобнаго рода издѣлій привозится не мало тагановъ, чугунныхъ небольшихъ кувшиновъ, капкановъ, и т. п., которые тоже преимущественно продаются Киргизамъ и Калмыкамъ.

Фарфоровая посуда. Съ нѣкотораго времени стало идти отъ насъ довольно много всякаго фарфора въ Чугучакъ и особенно въ Кульджу. Изъ фарфоровой посуды всего болѣе отправляется туда чайныхъ чашекъ, блюдечекъ (которыя продаются отдѣльно) и чайниковъ; а затѣмъ—десертныхъ тарелочекъ и т. п. Тѣ изъ нихъ, которые съ позолотою и особенныхъ формъ, болѣе уважаются. Цѣна въ Кульджѣ чайнымъ чашкамъ (стоющимъ въ покупкѣ 6 р. ас. дюжина)—2 мыскала 6 фынъ (1 р. 4 к. ас.) за пару, т. е. за чашку съ блюдечкомъ.

Стекло и хрусталь. Сихъ издѣлій доселѣ шло весьма мало; но, кажется, можно бы сбывать ихъ съ выгодою. Стёкла должны быть небольшихъ размѣровъ. Изъ хрустальныхъ же вещей всего лучше привозить небольшіе графинчики, стаканы, рюмочки, цвѣтники и маленькія тарелки. Цѣна въ Кульджѣ стеклу 8-ми-вершковому (весьма плохому)—5 мыскаловъ, т. е. 2 р. ас.

Зеркалá. Китайцы просили привозить имъ туалетныхъ зеркалъ въ деревянныхъ оправахъ, изъ краснаго, или другаго дерева, съ выдвижными ящичками. Зеркала эти должны быть небольшихъ размѣровъ.

Заключеніе. И такъ, для развитія нашей торговли съ западнымъ Китаемъ, въ настоящее время, сколько мнѣ кажется, слѣдовало бы:

1) Установить эту торговлю правильнымъ и законнымъ образомъ, по сношенію съ китайскимъ правительствомъ.

2) Болѣе обезопасить караванные пути въ Чугучакъ и Кульджу, и въ этихъ, и другихъ торговыхъ видахъ: а) привлечь киргизовъ, кочующихъ за Тарбагатаемъ въ русское подданство; б) выставить тамъ пикетъ на Урджарѣ, и въ особенности, в) занять пунктъ въ Большой Ордѣ, на рѣкѣ Караталѣ.

3) Сдѣлать опытъ прямыхъ сношеній съ Кашкаріею, отправивъ караванъ изъ Семипалатинска подъ небольшимъ военнымъ прикрытіемъ.

4) Принять болѣе, дѣйствительныя мѣры противъ контрабанды по Симбирской линіи.

5) Сбавить пошлину съ торговаго чая, сравнивъ оную съ кяхтинскою, и

6) Пропускать безпошлинно нѣкоторыя новыя статьи изъ Китая и тѣ товары, которые не поименованы въ тарифѣ.

Вотъ главныя мѣры, которыя, при настоящемъ положеніи нашей торговли съ западными областями Китая, были бы, по моему мнѣнію, необходимы и могли бы всего ближе и вѣрнѣе вести къ желаемой правительствомъ цѣли, и къ разсширенію нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и къ открытію бóльшихъ истоковъ для нашей промышленности.

С.-Петербургъ.
6-го Мая, 1846 года.

Эта Записка, вмѣстѣ съ отзывомъ государственнаго канцлера гр. Нессельрода и министра финансовъ Вронченки, была представлена на благоусмотрѣніе Государя, причемъ ими испрашивалось высочайшее разрѣшеніе на приведеніе къ осуществленію проектовъ Н. И. Любимова. Государь Императоръ на подлинномъ докладѣ написалъ: „исполнить". Вслѣдъ затѣмъ были предприняты мѣры къ организаціи русскаго представительства въ предѣлахъ Илійскаго края, и дальнѣйшая исторія нашихъ отношеній къ западнымъ владѣніямъ Китая получила основаніе изъ поѣздки Н. И. въ Чугучакъ и Кульджу.

Н. Веселовскій.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Окончаніе* **).

2. Начала пастурели

Тѣ категоріи пастурели, которыя стоятъ внѣ анализованной группы, выясняются въ иной связи. Выдѣляя древнѣйшія французскія пьесы, присоединяя къ нимъ провансальскія „нетипическія“ пастурели и классифицируя собранный такимъ путемъ матерьялъ, мы получимъ нѣсколько сюжетныхъ категорій, среди которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно искусственны. Прежде всего куртуазные діалоги рыцаря съ пастухомъ[162]). За нѣкоторыми исключеніями[163]) бесѣда идетъ въ предѣлахъ общихъ куртуазныхъ вопросовъ, и мы совершенно забываемъ, что имѣемъ дѣло съ простымъ пастухомъ. Пастухъ держитъ себя съ рыцаремъ какъ съ ровней и иногда даже доминируетъ надъ нимъ въ спорѣ. Провансальская пастурель Gui d'Uisel (можетъ быть навѣянная отчасти французскими образцами)[164]) отражаетъ образно первый моментъ: пастухъ жалуется въ пѣснѣ на измѣнниковъ[165]); увидя подходящаго рыцаря онъ быстро вскакиваетъ и направляется къ нему:

v. 64 ....dieus sal mo senhor,
Qu'er ai trobat ses falsia
Lial amic celador
A cui m'aus clamar d'amor.

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2. стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.“, вып. III, 1908 г.

162) III 2, 33, 34, затѣмъ III 36, II 54, 55.

163) II 55, ср. начало III 36.

164) L'autrier de just' una via.

165) traidor, ср. III 2, Cadenet.

Въ III 33 пастухъ успокаиваетъ рыцаря:

v. 39 si tost ne vous desesperez,
mais bien et loiaument servez
fine amour;
. . . .
. . . . . .
nus n'en puet avoir grant joie
s'il n'en sueffre paine[166]).
v. 75 Sire, ci a povre ochoison:
de haut seigneur haut guerredon
s'atendez,
ja certes n'i perderez
en si bon seigneur servir.
Qui bien et loiaument aime,
Sa joie ne doit faillir.

Въ анонимной (fragm.?) II 55 рыцарь завидуетъ пастуху: si bone vie ais enver moi (v. 2). Пастухъ разубѣждаетъ его: и онъ служилъ любви, при всякихъ условіяхъ:

v. 12 non por cant ne m'an vant mie,
mais an chantant m'esbanoi par teil donoi
k'an l'anoi, jus an l'anoi ambrais m'amie[167]).

Терпѣніе проповѣдуетъ и Gui d'Uisel (v. 68 сл., ср. Cadenet), но пастухъ спокойно замѣчаетъ ему:

v. 5 ....mot di gran feunia
Queus faisatz castiador,
Vos que dig avetz man dia
Mal de donas e d'amor,
So don soi en gran error;
E sai que ver dis Maria
Can (ilh) ditz que chantador
Son leugier e camjador.

Г. Парисъ могъ бы вывести эти формы изъ монолога пастуха, какимъ[168]) могла, ввиду II 54 или 21, открываться па-

166) Ср. II 115 fragm?.., ср. III 2, v. 37—45.

167) Къ этому типу пастурели относятся отрыв. II 105—Motet (M, T) 108—Motet (T) и начало II 21.

168) Если пѣсню, которую поетъ пастухъ въ началѣ II 54 и 21 (наоборотъ II 115), считать такимъ монологомъ.

стурель этого типа. Такой монологъ пастушки мы находимъ въ III 38[169]), и въ Сборникѣ Париса (Ch. du XV s.) № I [170]) безъ обычнаго вступленія (пастухъ). Конечно, послѣднихъ данныхъ не достаточно: III 38, по всей вѣроятности, отрывокъ. Искусственнымъ было бы и обобщеніе эпизода II 54, ничѣмъ не поддержаннаго. Наконецъ, отъ такой гипотетической схемы до той, которая лежитъ въ основѣ указанныхъ пьесъ, очень далеко, и снова пришлось бы предположить искусственное внесеніе новаго, не элемента, а параллельнаго мотива. Мы считаемъ всю схему вообще искусственной: обычная формула—вступленіе, за которой слѣдуетъ куртуазный діалогъ, въ извѣстной мѣрѣ, параллель къ схемѣ такой пастурели какъ II 66. Они вполнѣ понятны рядомъ съ пастурелью L'autrier al issid'a d'abriu Маркабрю или пьесой Lo douz chans d'un anzelh Гиральда де Борнель (политическій сирвентесъ-пастурель Паулета Марсельскаго идетъ въ той же колеѣ обобщенія формы). Древнѣйшая французская пьеса этого типа III 2 принадлежитъ, согласно указанію рукописей, Thibaut de Blazon, которому приписывается также нѣсколько провансальскихъ пѣсенъ [171]). Предположить за этими пастурелями какой-нибудь народный прототипъ, изъ котораго бы онѣ вытекали безъ натяжекъ довольно трудно: элементарное débat должно было бы подвергнуться, ввиду антитезы рыцаря и пастуха (не говоря уже о вступленіи), передѣлкѣ по готовому типу, т. е., въ сущности, главную роль игралъ бы послѣдній.

Несомнѣнно народны въ своей основѣ II 24 и 26—первоначально débat, къ которому позже могла быть пріурочена пасторальная обстановка, когда явилось сознаніе особой литературной категоріи—пастурели, или, точнѣе, которое въ извѣстный моментъ оказалось внутри послѣдней.

II 24 v. 1. Quant voi la prime florete
blanchoier aval ces pres
et j'oi chanter l'aluete
au comancemant d'este,
lors oi dous pastoretes
ki s'antremetent d'amer,
de lour loialz amoretes
comancierent a parler.

---

169) Ср. I 40, 51, 68, 72; I 22, 23, 24, 25, 26; II 90 (O) и 113.
170) Ср. II 104.
171) См. Mahn, G e d., III, стр. 36—37.

Это напоминаетъ начало одной „лѣтней“ пѣсни Нитгарта: [172])

v. 250 Nun ist vil gar zergangen
der winder kalt,
Mit loube wol bevangen
der grüene walt....
Zwô gespilen mære
begunden sagen,
Herzensenede swære
besunder klagen.....

Дѣвушка жалуется своей подругѣ на то, что возлюбленный ея (N. von Riuwental) сталъ ей далекимъ, чужимъ. Собесѣдница старается успокоить ее, совѣтуетъ ей терпѣть, а главное не подавать вида, что она страдаетъ изъ-за любимаго ею человѣка. Передъ нами образецъ той категоріи Sommereien, которую Бѣльшовскій характеризовалъ терминомъ Gespielenlieder [173]). Цитированныя франц. пастурели проще по содержанію въ сравненіи съ указанными нѣмецкими параллелями, но не съ ними одними. Gespielenlieder принадлежатъ къ числу относительно позднихъ работъ Ниттарта. Большая часть ихъ носитъ уже яркій куртуазный отпечатокъ. По поводу заявленія пастушки II 24 о матери, которая

v. 32 s'an voloie faire here,
tost me bateroit mon dos [174]),

припоминается скорѣе нѣмецкая 28, 36 съ ея жалобой Wendelmuot на мать, которая ни за что не хочетъ опустить ее погулять къ подружкамъ и парнямъ; она заперла на ключъ ея праздничное платье. Но въ 28, 36 діалогъ развитъ крайне слабо. Частый поводъ къ бесѣдѣ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ—предстоящій праздникъ, плясъ, на который собираются подруги, праздникъ весны или наступающаго лѣта. Мотивъ этотъ отсутствуетъ во французскихъ пастуреляхъ, но обстановка та же и тотъ же параллелизмъ мотивовъ за предѣлами указанныхъ. Въ

[172]) Bartsch—Golther, Deutsche Liederdichter⁴ (Берлинъ, 1901), стр. 145 = Haupt 29, 27.

[173]) 10, 22; 15, 21; 22, 38; 28, 36; 29, 27; 33, 3=6; см. Gesch. d. Dorfpoesie, стр. 104.

[174]) Ср. II 26, v. 15 Ke ferai je lasse toute!
ma marastre me deboute
dist ke j'ai ami.

этой связи уясняются напр. нѣкоторые chansons à personnages, какъ и I 21, 47, 47, 67 и начало I 36. Передъ нами несомнѣнно древняя, народная схема весенняго débat, разработаннаго въ различныхъ примѣненіяхъ, но по существу остающагося неизмѣннымъ. Подобные мотивы могли входить въ поэтическій оборотъ различныхъ культурныхъ районовъ внѣ условій заимствованія. Одного факта существованія ихъ во французской поэзіи еще недостаточно для выясненія генезиса нѣмецкой Dorfpoesie; къ тому же какъ разъ соотвѣтствующія пьесы Нитгарта не принадлежатъ къ числу наиболѣе раннихъ. Теперь мы, конечно, далеки отъ точки зрѣнія Ваккернагеля[175]). Отмѣтивъ вліянія французской пастурели на Neifen'a, Winterstetten'a, Steinmar'a, Niuniu и Іоанна Брабантскаго, онъ переходитъ къ Нитгарту и указываетъ на постоянную борьбу въ его поэзіи двухъ началъ: куртуазнаго и народнаго. Источникомъ перваго, по мнѣнію Ваккернагеля, и является французская пастурель. Въ своей Исторіи нѣм. литературы онъ значительно измѣнилъ свой прежній взглядъ, ограничившись общимъ указаніемъ на вліяніе пастурели на Нитгарта[176]). Послѣдня была принята Tischer'омъ и расширена Schmolke и R. M. Meyer'омъ. При ближайшемъ анализѣ, однако, 46, 28; 44, 36; 48, 1 и 58, 25 не представляютъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о вліяніи, такъ какъ подыскать къ нимъ французскія параллели невозможно[177]). Гораздо показательнѣе общее сходство нѣкоторыхъ французскихъ пьесъ[178]), изображающихъ народныя сценки, пляски, заканчивающіяся подчасъ ссорой, съ нѣкоторыми изъ Winterlieder Нитгарта, какъ напр., 38, 9, или II 90 съ такъ называемой Mädchenlieder[179]), изображающихъ препирательство матери съ дочерью, собирающейся на праздникъ[180]).

C'est la jus c'on dit es pres,
jeu et bal i sont cries;
Enmelos i veut aler,

---

[175]) Altfranzösische Lieder und Leiche, 1846, стр. 235 сл.
[176]) Стр. 247.
[177]) Bielschowsky, o. c., стр. 286—292.
[178]) II 58, 77; III 21, 22.
[179]) Изъ „лѣтнихъ“ пѣсенъ; Bielschowsky, o. c., стр. 104. Авторъ (стр. 292) пріурочиваетъ сюда же III 31, въ которой нѣтъ, однако, и слѣда активной роли матери.
[180]) Ср. Haupt, 3, 21 и II 90.

a sa mere en aquiert gres.
„par dieu, fille, vous n'ires;
trop y a de bachelers“ [181]).

Der meie ist der rîche:
er füeret sicherlîche
den walt an sîner hende....
— Muoter, ich wil seble
mit rîcher schar ze velde
und wil den reien springen....

Къ этимъ даннымъ можно присоединить и упомянутыя нитгартовскія параллели къ французскимъ II 24, 26. Хронологія не мѣшаетъ, ибо она можетъ указывать на болѣе поздній *активный* интересъ къ нимъ, не исключая болѣе ранняго знакомства съ ними и, стало быть, общаго вліянія, увлеченія извѣстной категоріей образовъ. Возраженія Бѣльшовскаго противъ возможности воздѣйствія извнѣ слишкомъ крайни; онъ ищетъ матерьяльныхъ слѣдовъ такого усвоенія, настаивая на оригинальности Нитгарта. Одно не устраняетъ другого. Какъ моментъ въ исторіи развитія нѣмецкой лирики идиллизмъ Нитгарта [182]) отвѣчаетъ вполнѣ французской пастушеской поэзіи, особенно ея позднимъ формамъ, съ которыми она совпадаетъ и хронологически. Вѣроятное пребываніе поэта при дворѣ Людовика Баварскаго (1180—1231), въ годы юности, способствовавшее ознакомленію его съ куртуазной поэзіей современной ему Германіи, могло дать ему случай слышать и нѣкоторыя работы французовъ. Онъ увлекался Морунгеномъ, отклики котораго не разъ можно встрѣтить въ пьесахъ Нитгарта, Рейнмаромъ и Hausen'омъ, [183]); французская пастушеская лирика, фрагменты которой могли проникнуть въ южную Германію, представляла собой крайне интересный контрастъ обычнымъ лирическимъ мотивамъ. Это рѣшило судьбу поэтическихъ симпатій молодого пѣвца. Самостоятельность его устранила естественное при такихъ условіяхъ заимствованіе: при всей куртуазности общаго характера работъ Нитгарта [184]), ранняя его

[181]) Ср. I 89.

[182]) См. Schönbach, Walter von der Vogelweide², (1895), стр. 132—141.

[183]) Veldeke остается подъ сомнѣніемъ; см. Бѣльшовскій, о. с., стр. 118 сл.

[184]) См. K. Marold, Ueber die poetische Verwertung der Natur und ihrer Erscheinungen in den Vagantenliedern und im deutschen Minnesange въ ZsfdPh, XXIII, стр. 21 сл.

лирика несравненно проще и реальнѣе. Большое значеніе должна была имѣть въ этомъ мѣстѣ и отрывочность французскихъ памятниковъ, иначе вліяніе пастурели объявилось бы въ болѣе матерьяльныхъ формахъ. Нѣсколько образцовъ французскихъ или даже латинскихъ (хотя бы подобно пьесамъ С. В. не нѣмецкаго происхожденія) указали путь, хотя онъ былъ подготовленъ уже всѣмъ предшествующимъ развитіемъ лирики въ Германіи. Сентиментально-идиллической деревенской пѣснью увлечется и чуткій Вальтеръ, правда лишь на время и чтобы тѣмъ рѣзче выступить впослѣдствіи противъ новаго увлеченія, это обычное явленіе при столкновеніи двухъ литературныхъ теченій. Близкое знакомство Нитгарта съ жизнью народа и, можетъ быть, издавній интересъ къ ней поддержали общія указанія пастурели. Впрочемъ, вліяніе могло пойти и глубже; отсюда выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ и, возможно, описанія природы, пейзажи, настраивающіе читателя или слушателя загодя: R. Meyer считаетъ этотъ элементъ пѣсни Нитгарта нѣмецкимъ[185]). Бѣльшовскій построилъ по поводу нихъ свою фантастическую теорію весенняго гимна, остатки котораго будто бы сохранились въ этихъ Natureingänge[186]).

Если нѣтъ никакого основанія устранять, по крайней мѣрѣ, общее вліяніе пастурели, то пейзажъ могъ быть навѣянъ послѣдней: она дала поводъ развить существующіе уже народно-поэтическіе элементы его[187]).

Къ числу древнихъ французскихъ пастурелей принадлежатъ, между прочимъ, III 37 и III 16, указывающія на существованіе схемы: пастухъ и пастушка, изъ которой Г. Парисъ и выводилъ типическую форму пастурели. Это contrasto или oaristys съ варьирующими подробностями и основной темой, точнѣе любовная сценка въ болѣе широкомъ смыслѣ слова[188]). Огромное большинство ихъ дошло, однако, въ позднихъ спискахъ, что особенно интересно относительно II 47 и 70. Интересъ къ пастурели этого типа развивался, очевидно, въ уровень съ тѣми эстетическими запросами, которые обусловили симпатію къ жан-

---

185) Alte deutsche Volksliedchen, въ ZsfdA, XXIX, стр. 192 сл.

186) o. c., стр. 13.

187) Также Schönbach, Die Anfänge des deutschen Minnesanges. Eine Studie (Graz, 1898), стр. 23.

188) Ср. II 47, 70 съ III 24, 46, II 27, III 44 или II 53. Мотивъ II 27 выясняется въ связи съ I 35, 41, 42, 45; II 70 аналогична I 38, 65, тогда какъ II 53 (O), изображающая импровизированный cour d'amour, въ стилѣ Нострадама, несомнѣнно, искусственная композиція.

ровымъ пастурелямъ, рисующимъ забавы, развлеченія и празднества французскаго крестьянства. Психологически она выраженіе сознательнаго идиллизма, объективирующаго въ соотвѣтствующихъ образахъ настроеніе, накопившееся въ предѣлахъ случайной антитезы типической пастурели. Это не исключаетъ древности схемы: пастухъ — пастушка; даже если III 37 или III 16 искусственны, то они опредѣляютъ время ея сознательной литературной оцѣнки. Ясно, что она не могла подсказать „классической" комбинаціи.

Наиболѣе яркой формой въ этомъ ряду пастурелей является несомнѣнно (объективная по-преимуществу) пастурель—сценка. Къ числу наиболѣе древнихъ принадлежатъ III 15, 21, 29, 30, II 22 и III 22 [189]). Передъ нами новый рядъ пьесъ, иллюстрирующхъ отмѣченное положеніе; все тѣ же пастухи и пастушки въ праздничномъ нарядѣ и уборахъ, на фонѣ возрождающейся весны (по-преимуществу),—знакомые намъ уже образы, которые на рубежѣ XII—XIII вв. увлекали воображенія поэтовъ рядомъ съ куртуазнѣшими образцами рыцарской поэзіи: мѣщанская среда fabliaux интересовала слушателей Тристана и бретонскихъ lais не менѣе. Въ пастурели народная обстановка несравненно болѣе условна, но это лишь первый шагъ въ данномъ направленіи. Припоминаются аналогичные факты, освѣщающіе моментъ: „зимнія" пѣсни Нитгарта съ ихъ „деревенскими" мотивами, вставленными въ красивую куртуазную рамку, болѣе грубыми, нежели мотивы „лѣтнихъ" пѣсенъ, но разрабатывавшимися поэтомъ, главнымъ образомъ, въ ту пору, когда въ поэзію его начали все чаще и чаще проникать куртуазные элементы, когда, очевидно, увлеченіе созданной новой формой остыло и традиція водворилась въ уступленныхъ ей предѣлахъ: положеніе „деревенской" поэзіи было уже упрочено. Во Франціи описаніе майскаго праздника вносится въ романъ [190]): очевидно мотивы привились. Въ пастурели даннаго типа описаніе такихъ празднествъ или даже крестьянскихъ забавъ вообще занимаютъ центральное положеніе, какое онѣ занимали, вѣроятно, и въ ихъ народномъ прототипѣ; исключать послѣдній, какъ это дѣлаетъ, напр., Аничковъ [191]) и можетъ

---

[189]) Затѣмъ идутъ II 30, 36, 41; II 58, 73 и 77; III 27, 41. У Е. В. Аничкова. о. с., стр. 268 ошибочно отнесена къ этой группѣ III 28; ошибочно въ обратномъ смыслѣ (стр. 277), III 16, 33 и 34.

[190]) Guillaume de Dôle, изд. Servois, vv. 4142—4178; Flamenca, изд. P. Meyer'a, стр. 97, vv. 3239—3243.

быть, если я вѣрно понялъ его, Жанруà [192]), едва есть основаніе, имѣя ввиду, что, напр., описанія хоровода или параллели къ первой группѣ (по Бѣльшовскому) „зимнихъ“ пѣсенъ Нитгарта легко отыскать среди великорусскихъ пѣсенъ. Конечно они должны были подвергнуться коренной переработкѣ.

Знакомый намъ мотивъ любовной авантюры вплетенъ въ II 22, II 58, III 29 и III 41. Если моментъ праздника не намѣченъ непосредственно (прямое указаніе въ III 29 и 41), то о немъ позволяютъ иогадываться нѣкоторыя подрѡбности [193]). Такъ или иначе поводъ къ веселью ясенъ:

III 41, v. 1 L'autrier . . . .
. . . .
. . vi par bone aventure
pastoureaus en une plaine,
ki aloient devisant
une feste et pourparlant,
k'il feront le jour de may...

Въ III 29 поэтъ разсказываетъ намъ о своей встрѣчѣ съ двумя дѣвушками, которыя, съ пѣснями, несли массу цвѣтовъ, срѣзаннаго шпажника (glai) и зеленыя вѣтви (mai). Пока онъ бесѣдовалъ съ ними, съ другой стороны къ нимъ подошла цѣлая толпа молодежи

v. 27 un grant tropiau de gent
flahutant,
de foille et de mai chargie.

Передъ нами живо набросанная картинка приготовленій къ майскому празднику. Объ этомъ праздникѣ говорятъ и нѣкоторыя подробности III 22 (v. 23—29), принадлежащей къ другому ряду пастурелей (=веселье и ссора: II 77 и III 21, 22, 30), рисующей пляску вокругъ вяза [194]).

v. 48 Godefrois molt se desroie,
saut et tresche et maine bel
le tresche entor un oumel
ou plus ot de gent assis.

---

[191]) o. c., стр. 274.
[192]) Les origines, стр. 41.
[193]) II 22, vv. 14—20 или II 58, vv. 34 сл.
[194]) Ср. II 58, v. 34 сл.

Въ III 21, примыкающей къ содержанію къ II 77, поэтъ передаетъ намъ бесѣду пастуховъ, договаривающихъ объ устройствѣ предстоящаго праздества, окончившагося, какъ мы знаемъ, крупной ссорой:

v. 6 entr'aus dient k'apres mangier
iert la feste criee....

II 77 совпадаетъ со второй половиной III 21 (со стиха 40 вступленія нѣтъ, но рѣчь идетъ о такомъ же праздникѣ (v. 28).—) Въ III 27 (третья группа: веселье, III 27, II 30. 36, 73) участники веселья, еще не успѣвшаго отойти, договариваются уже о томъ, чтобы устроить въ ближайшемъ будущемъ новый праздникъ; — взявшись за руки они водятъ хороводъ по свѣжей весенней травѣ, у каждаго на головѣ вѣнокъ, сплетеный изъ хвоща (v. 34 — 37). Гораздо менѣе опредѣленна обстановка II 30 и 36, изображающихъ болѣе сложныя игры собравшихся пастуховъ и пастушекъ.—Особнякомъ стоитъ III 30— описаніе осенняго праздника уборки хлѣба:

v. 1 Quant ces moissons sont faillies
ke pastoriaus font rosties,
baisseles sont revesties....

На широкомъ лугу собираются крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ (Avaines — v. 14, Oignies — v. 27, Feuchiere — v. 6, Aties—v. 6).

. . . .

v. 15 vinrent a grans gens rengies,
en unes grans praieries,
en loges et en foillies,
chascuns kerola....

Участники торжества пріодѣты по-праздничному, съ вѣнками на головѣ; парни пляшутъ, взявъ за руку своихъ подругъ подъ нехитрую музыку усердствующаго Guios, безъ котораго не обходится не одно веселье [195]).

Сопровождавшія его зачастую игры были или гимнастическими или же плясовыми и драматическими; коротенькая сценка, нѣмая или съ элементарнымъ импровизованнымъ текстомъ. Одинъ

[195]) Ср. II 22, 58, 77, III 21, 22; у Аничкова, стр. 274, ошибочно также II 30 и 41.

изъ участниковъ майскаго праздника въ III 41 собирается прыгать, завязавъ ноги въ мѣшокъ:

v. 27 g'irai en un sach tumant,

между тѣмъ какъ товарищъ его намѣренъ изображать сержанта:

v. 12 Herbers dist k'envoiseure
fera ki pas n'iert vilaine,
cote, mantel a parture
de burghie a tiretaine;
pour miex sanler preu sergant
portera un grant perchant
en ses deus mains u un rai,
ke cil ne voisent grouchant
ki orront le virelai...

Такія фигуры могли импровизоваться тутъ же. Нѣкоторыя однако могли быть и традиціонными. Рядомъ съ неяснымъ нѣмымъ, толстякомъ [196]), обжорой [197]), сторожемъ [198]), паломникомъ [199]), въ которыхъ Е. В. Аничковъ (кромѣ, впрочемъ, паломника) нѣсколько произвольно видитъ фигуры, продѣлывавшія одни только смѣшныя тѣлодвиженія и выкрики [200]), стоитъ король, о которомъ упоминаютъ двѣ пьесы. Загадочной остается фигура ronbardel'я [201]); болѣе опредѣленныя указанія III 21 характеризуютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе какой-то музыкальной пьесы, сущность которой, однако, изъ контекста не выясняется: Gui долженъ исполнить ронбардель на своей muse au grant forrel (v. 10). Въ слѣдующей строфѣ онъ хвастаетъ тѣмъ, что никто во всей округѣ лучше его не можетъ исполнить такой пьесы:

v. 21 nus miex de la contree
de moi ne fet le rabardel;
bien sai noter au chalemel
et tote la maistrie......

[196]) II 41.
[197]) II 22, III 21.
[198]) II 30.
[199]) II 41.
[200]) o. c., стр. 269.
[201]) rabardel—II 58, III 21, 30; roubardel—II 30.

Король фигурируетъ въ коротенькомъ фрагментѣ III 15 и въ II 41; Г. Парисъ ошибочно отнесъ къ этой группѣ и II 36 [202]). „Un roi nouveau“ очевидно ошибочная интерпретація ст. 25: an pur lou chief, noviaul reis. Пьеса взята изъ O. Риѳмы trois: drois, afubles: takines: res II 30, наконецъ ст. 15-ый II 36, отвѣчающій ст. 25:

ou bouchet novial coupet

указываютъ на reis=rasus (см. ibd., v. 5—6:—leis: deleis, v. 15—16:—coupet: antracoleit):

v. 23 lors vi ferir dou tabour
Garnot antor piet,
an pur lou chief, nouvial reis;

остается рѣшить вопросъ относится ли nouvial reis къ chief или къ Garnot [203]), т. е. идетъ ли рѣчь о головѣ или лицѣ [204]). Вмѣсто antor piet лучше читать au torpiet=Garnot tortipes.— III 15 изображаетъ только начало сценки:

v. 1 L'autrier . . . .
. . . .
. . trovai une assemblee
de pastoriaus en uns pres:
lor rois estoit acesmes
d'une cotele coee,
blans gans ot, verge pelee,
sot visage avoit asses,
bien sembloit li mains senes.

II 41 остается, такимъ образомъ, единственной пьесой, сообщающей намъ болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о забавѣ этого рода:

v. 1 A lai follie a Donmartin
a l'entree dous tens novel
s'assamblerent par un matin
pastorelles et pastorel:
roi ont fait dou plus bel.
mantel ot de kamelin

---

202) Les origines въ Journ. des Savants, 1891, стр. 733, примѣчаніе.
203) =Tête nue et frais rasé или tête nue, rasée de frais.
204) Ср. II 30, v. 17.

et kote de burel
s'ont museour mande.
et Thieris son bordon
a destoupe,
ke disoit bon bon . . . .
. . . .

Le roi ont mis sor un cussin,
si l'asirent an un praiel,
puis si demanderent le vin.

Начинается потѣха. Готьѐ изображаетъ нѣмого, Жакэ—паломника, Ги—roubardel'я, Бодуэнъ—толстяка, Тьерри попрежнему подыгрываетъ на своей волынкѣ. Король, блюдующій порядокъ на праздникѣ, клянется св. Мартиномъ, что всякій, кто осмѣлится нарушить его, немедленно будетъ брошенъ въ ручей[205]). Между тѣмъ является Gauterel, нагруженный пирогомъ, por les compaignons diner—и этой перспективой пирушки заканчивается пастурель. Данныхъ для коментарія къ ней мало. Общій характеръ пастурелей-сценокъ и вступленіе II 41 даетъ поводъ вспоминать о comes vernalis, c. floralis, майской королевѣ[206]), la reine de mai[207]), sposa di maggio[208]), знакомыхъ Португаліи и Провансу maio и maia[209]), которые стоятъ во главѣ молодежи, напоминающей guillonées, trimousettes, trimazos[210]), совершающихъ весенній обходъ съ цѣлью поздравленія, произнесенія пожеланія всего лучшаго, на что привѣтствуемые отвѣчаютъ подарками въ видѣ гостинца или денегъ[211]). Если такъ, то мы ждали бы въ нашихъ пастуреляхъ иныхъ подробностей, во всякомъ случаѣ, изображенія именно этого характернаго для короля эпизода весенней обрядности. II 41 напоминаетъ скорѣе о выборахъ майскаго графа, торжественной весенней церемоніи[212]), какая сохранялась долго въ городахъ сѣв. Германіи и нашихъ Балтійскихъ провинцій, усвоившихъ

[205]) Ср. акад. Веселовскій, Вилла Альберти, стр. 146.
[206]) Болонская—*contessa*; см. L. Frati, La vita privata di Bologna dal secolo XIII al XVII (Болонья, 1900), стр. 143.
[207]) = la mariée; см. Smith, въ Romania, II, стр. 62.
[208]) Ср. нашу игру въ короля, Чубинскій, о. с., III, стр. 42 и сл. A. Mommsen, Die Feste der Stadt Athen, 1898, стр. 392 сл.
[209]) Romania, VI, стр. 52, 67. См. Аничковъ, о. с., I, стр. 168 сл.
[210]) Tiersot, о. в., стр. 191 сл.
[211]) Славянскія и другія параллели у Аничкова, о. с., стр. 194 сл.
[212]) См. E. Pabst, Der Maigraf und seine Feste. Ревель, 1864.

ее отъ феодальнаго дворянства со всѣми деталями и мелочами, указывающими на куртуазное происхожденіе обряда. Майскій графъ выбирался на годъ, при извѣстной обстановкѣ, послѣ чего онъ торжественно въѣзжалъ въ городъ, гдѣ организовались затѣмъ новыя процессіи, пиры, предсѣдатель которыхъ comes напомнаетъ флорентійскаго signor dell'amore[213]). Въ этой связи мы склонны толковать II 41 (и III 15) съ ихъ королемъ и пастухами, имитировавшими обычаи, которые они, конечно, не разъ имѣли случай наблюдать въ иной общественной средѣ. Bédier[214]) видѣлъ въ нашихъ пастуреляхъ отголосокъ ludus de rege et regina, и въ королѣ—roi qui ne ment—родъ салонной игры, состоявшей въ чередованіи предлагаемыхъ королевой вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ присутствующихъ, которую имѣетъ въ виду Jean de Condé въ своемъ fabliau — Le sentier battu, игры, которая была запрещена клерикамъ постановленіемъ Уорчестерскаго синода 1240 г. О ней вспоминаетъ и Huars въ отвѣтъ на предложеніе Marion въ пасторальной драмѣ Adam de la Hale[215]).

v. 441 M. Or pourpensons un ju,
H. Veus tu as roi et as roïnes.

Сопоставленіе Бедьѐ не поддерживается данными французкихъ текстовъ, но несомнѣнно, что roi a la follie de Dammartin нѣчто большее, чѣмъ „un président qui doit diriger la fête et y maintenir l'ordre", какъ полагаетъ Ланглуа̀[216]).

Итакъ, резюмируя вышеизложенныя соображенія, исходной точкой развитія анализируемей поэтической формой мы считаемъ обрядовую первоначально схему, лежащую въ основѣ такъ называемой типической пастурели. Подобная пѣсня съ ея символической пастушкой могла съ полнымъ правомъ быть охарактеризована терминомъ—pastoreta,—la, pastorele, не непремѣнно пѣсня о пастушкѣ, какъ объясняетъ его Г. Парисъ, т. е. монологъ женщины, подобно chanson dramatique, или женская пастушеская пѣсенка, опять-таки монологъ, какъ думаетъ Pillet[217]), коротенькая пьеска вродѣ тѣхъ пѣсенокъ, что̀ поетъ дѣвушка въ

213) Frati, o. c., стр. 143.
214) Revue des deux Mondes, 15 іюня 1890 г.
215) По изд. E. Langlois, 1896.
216) o. c., стр. 141—142.
217) o. c., стр. 46—47.

большинствѣ анонимныхъ пастурелей и многихъ пьесахъ 3-е части сборника Барча [218]). Такія древнѣйшія элементарныя пастурели называются въ текстахъ различно: son (novel) II 20, III 18, 29, 51; son d'amor II 18, III 42, chanson II 10, 38, 43, 71, III 28, 35, 51, chansonete III 2, 42, 45, motet II 56, dorenlot II 12, 77, III 47. Одинъ только разъ (у Richard de Semilli) pastorele (III 11):

v. 32 . . . . . por meus noter
ceste pastorele
'va li dureaus
li dureaus lairele'.

Въ ряду другихъ приводимыхъ терминовъ этотъ pastorele теряетъ всякое реальное значеніе. Но если именно таковъ смыслъ термина, то онъ противорѣчитъ семасіологическимъ соображеніямъ Париса и Pillet'а и, наоборотъ, вполнѣ мирится съ нашимъ предположеніемъ. Обыкновенно сообщается лишь нѣсколько стиховъ изъ такихъ pastoreles, въ большинствѣ случаевъ въ концѣ первой строфы (рѣдко внутри строфы, ср. II 40, или какъ внутренній refrain II 12, III 40, 49); иногда обрывки эти совпадаютъ съ послѣдними стихами строфы (II 23, III 3, 51, II 7) или тождественны съ припѣвомъ, повторяющимся въ концѣ каждой строфы неизмѣнно (II 1, 5, 8, 10, 32, 37, 39, 43, 45, 46, 48—53, 56, 58, 63—65, 74, 77; III 23, 26, 25, 29, 47) или же чередуются съ другими референами (II 3, 11, 27, 34, 38, 42, 71; III 6, 28, 35, 42, 45). Такіе припѣвы—пастурели несомнѣнно обычнаго куртуазнаго характера [219]), тѣмъ не менѣе Pillet (какъ и Жанруà, ср. его теорію припѣва въ Les Origines) склоненъ видѣть въ нихъ отрывки пастурели народнаго типа, откуда впослѣдствіи и обобщился терминъ [220]).

Предположенная нами основная схема держалась обрядовыми отношеніями. Ее попытались разработать, сохраняя исконную форму, но внося новые элементы содержанія (ср. провансальскую пастурель).

Такимъ образомъ постепенно слагалось представленіе особой политической категоріи—пастурели. Понятая въ новомъ освѣщеніи, основная антитеза, случайная, не главная черта привела къ пасторализаціи частью искусственныхъ, частью готовыхъ мотивовъ, или къ литературной обработкѣ уже существующихъ

[218]) III 40, 3, 29, 49, 45, 26, 42, 23, 6, 28, 35, 47. Въ нѣкоторыхъ пастуреляхъ мотивъ этотъ перенесенъ на пастуха, см. II 30, 36, 54, 77, III 20, 46.

[219]) Ср. Г. Парисъ, въ Journ. des Sav., 1892 г., стр. 423, примѣч. 4.

[220]) o. c., стр. 47.

пастушескихъ образовъ. Жанровая пастурель можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ древней, какъ предполагалъ, возражая Жанруà Г. Парисъ[221]); но правъ конечно и Жанруà, который видѣлъ въ ней позднее литературное явленіе[222]). Въ XIII в. вошло въ моду, по почину автора Guillaume de Dôle (изд. G. Servois, SAT, 1893), вставлять полународные лирическіе куплеты въ текстъ романовъ. Jacquemard Gelée воспользовался этимъ пріемомъ въ своемъ Renard le Nouveau и Adam de la Hale руководился въ своемъ Robin et Marion тѣми же эстетическими соображеніями.

Формальную организацію древнѣйшей пастурели мы склонны представлять себѣ въ связи съ Jeu de Robin et Marion[223]). Pillet считаетъ Jeu поздней и личной обработкой пастурели[224]), но по этому поводу возникаетъ вопросъ объ источникахъ его формы; передъ нами обычные мотивы пастурели: рыцарь встрѣчаетъ на охотѣ пастушку Маріонъ, завязываетъ съ ней бесѣду, оканчивающуюся съ его стороны предложеніемъ любви. Но Маріонъ любитъ своего Робена, котораго она предпочитаетъ всѣмъ рыцарямъ въ мірѣ; въ концѣ концовъ ей удается устранить неожиданнаго поклонника, который и оставляетъ ее. Является Робенъ; Маріонъ разсказываетъ ему обо всемъ происшедшемъ. Послѣ обѣда Робенъ отправляется въ сосѣднюю деревню для того, чтобы позвать нѣсколькихъ своихъ друзей и устроить сообща праздникъ. Во время его отсутствія, является рыцарь; снова повторяется первая половина пьесы. Маріонъ успѣшно отражаетъ нападеніе и рыцарь разсерженный неудачей, раздраженный, вымѣщаетъ свое недовольство на спинѣ несчастнаго Робена, подоспѣвшаго къ развязкѣ;—только присутствіе любимой дѣвушки заставляетъ его забыть о непріятномъ приключеніи. День кончается картиной пирушки и развлеченій, устраиваемыхъ пастухами, напоминающихъ намъ сценки нѣкоторыхъ пастурелей. Но по поводу содержанія граціозной „пасторальной комедіи“ Адама, какъ ее назвали бы въ XVII в., намъ припоминается интересное указаніе уже упомянутаго романа Guillaume de Dôle:

v. 546—549 Que de Robin que d'Aaliz
Tant ont chante que jusqu'az liz
Ont fetes durer les caroles.

221) Journ. des Sav., 1891 г., стр. 734.

222) Ср. Pillet, o. c., стр. 47—48; Аничковъ, Очеркъ литерат. исторіи Арраса въ ср. в., стр. 273 сл., особ. 275.

223) Ср. Г. Парисъ, J. des Sav., 1891 г., стр. 741.

224) o. c., стр. 48—49; также Ланглуà въ предисл. къ изданію, стр. 20 сл.

Пѣсни объ Аэлисъ[225]) и Робенѣ пѣлись въ хороводѣ, стало быть онѣ могли и разыгрываться, если не теперь, то въ болѣе раннюю пору: различіе, которое дѣлаетъ Pillet между Spiel—и Tanzlied, какой онъ считаетъ прототипъ пастурели (стр. 52—53), искусственно, ибо подъ терминомъ игры разумѣется, какъ скрытая посылка, нѣчто вродѣ игры Адама. Съ точки зрѣнія живыхъ народнопѣсенныхъ отношеній, болѣе ярко отражающихъ въ себѣ древній складъ пѣсни-игры, вопросъ рѣшается гораздо проще и естественнѣе.

„Типическая" и, по нашему мнѣнію, древнѣйшая литературная форма пастурели хорошо знакома, какъ мы видѣли, и южной Франціи. По этому поводу естественно было поднять вопросъ о томъ, гдѣ она зародилась впервые; ему посвящена довольно обширная литература, главнѣйшіе результаты которой разобраны обстоятельно Жанруà въ его Origines стр. 25 сл. [226]).

На основаніи близости провансальской и французской пастурели можно, конечно, сдѣлать только тотъ выводъ, что подобная литературная форма могла развиться лишь однажды. Это не исключаетъ существованія предположеннаго нами прототипа пастурели независимо на Сѣверѣ и Югѣ Франціи. Хронологиче-

[225]) См. Г. Парисъ въ Mélanges Wahlund, Парижъ, 1899, стр. 1 сл.

[226]) Послѣ Raynouard'a, высказавшагося за Югъ (см. Choix, II 229), и неясныхъ замѣчаній Poesie d. Troub., стр. 251 и Leb. und Werke стр. 613, Дицъ говоритъ о немъ нѣсколько опредѣленнѣе во французскомъ переводѣ послѣдней работы, сдѣланномъ барономъ F. de Roisin, Paris et Lille 1845, стр. 246: Ce jugement (о зависимости франц. поэзіи отъ провансальской) ne s'applique qu'à la haute poésie, c'est-à-dire à la chanson et au serventois, ar les trouvères ont cultivé avec succès une autre spécialité, genre apparenté sans nul doute à la chanson populaire, ordinairement pourvu du refrain, accusant l'empreinte nationale, et il faut le dire, attrayant de grâces et de naïveté. Nous voulons parler des romances, des pastourelles et d'autres compositions énarrant d'amoureuses aventures. Въ этомъ отношеніи къ нему примкнулъ Wackernagel, Afr. L. u. L., Базель, 1846, стр. 183, впослѣдствіи Brakelmann, Jahrbuch. IX, 1868, стр. 155 сл. и 307 сл. въ статьѣ Die Pastourelle in der nord-und südfranzösischen Poesie. Ein Beitrag zur französischen Litteraturgeschichte des Ma nebst einem Anhang ungedrückter Pastorellen, по поводу книжки E. Baret, Les troubadours et leur influence sur la littérature du midi de l'Europe, Paris 1867 (авторъ высказывается въ пользу Юга, p. 257—274. Разрушающая рецензія P. Meyer'a въ Rev. crit. 1867 № 11). Дицу возражалъ не формулируя, однако, своихъ личныхъ воззрѣній, Барчъ, Grundriss, стр. 36, примѣч. 17, затѣмъ Suchier въ Jahrbuch, N. F., II, 159. Югъ считаетъ исходной точкой развитія и Azaïs въ Troub. de Béziers. Неясно положеніе Carducci, Studi letterari, стр. 394.

скія и историческія данныя на сторонѣ Прованса, древнѣйшаго очага зап.-европейской куртуазной лирики. Общія соображенія находятъ поддержку въ мѣстныхъ указаніяхъ, несомнѣнно традиціонныхъ. Біографъ Серкальмона говоритъ о немъ[227]): C. si fos uns joglars de Gascoigna e trobet vers e pastoretas a la usanza antiga; слѣдовательно пастурель существовала на Югѣ уже въ самомъ началѣ XII в., такъ какъ одну изъ пьесъ поэта можно съ полнымъ основаніемъ датировать, какъ показалъ Райна, 1137 г.[228]). Каковы были эти пастурели Серкальмона? Pillet (р. 24) видитъ въ выраженіи a la usanza antiga указаніе только на форму. Въ немъ можно, при желаніи, какъ это дѣлаетъ и Pillet, вычитать также оттѣнокъ отрицательной оцѣнки, такъ какъ, по мнѣнію біографа XIII в., истинная поэзія начинается только съ Peire d'Alvernha (р. 260, ср. отзывы его о Маркабрюнѣ, Peire de Valeira, Jaufre Rudel); но почему относить старомодность на счетъ одной только формы? Скорѣе біографъ имѣлъ въ виду общій складъ старой пастурели. Можетъ быть эти старомодныя пьесы стояли какъ разъ ближе къ предположенному нами ихъ оригиналу? Пастурель, однако, никогда, повидимому, не пользовалась особой популярностью на Югѣ; когда время ея на Сѣверѣ пришло, то Раймонъ Видаль (de Besaudun[229]), обобщая свои историко-литературныя наблюденія, имѣлъ полное основаніе сказать: la parladura francesca val mais e es plus avinenz a far romanz e pasturellas[230]), mas cela de Lemozin val mais per far vers, cansos e sirventes[231]). Это подтверждается и разъясненіями Leys (т. II, р. 392), которыя, несомнѣнно имѣютъ въ виду цитированныя слова Видаля: Si be dizon alqu, que la parladura franceza val mays e es plus apta a retroenchas e pastorelas que no es la nostra lenga ne aquel de Lemozi. Dizon encara mays, que la parladura de Lemozi e la nostra val mays a chansos, sirventes e a partimens ques autra parladura, laqual cauza nos no aproam, quar huey uza hom de totz aquestz dictatz en nostre lengatge. E cil, qui dizian e pauzavan dicha opinio, se movian per doas cauzas: la una, quar en lor temps en lo nostre len-

---

227) Біогр. по изд. C. Chabaneau, Les vies des troub., Тулуза, 1885 = Hist. gén. de Languedoc., стр. 216.

228) См. Жанруа въ Ro., XIX, стр. 394.

229) Первая треть XIII в.

230) Ср. pastoreta въ біогр. Если этотъ терминъ исконный провансальскій, то, можетъ быть, pastorela—результатъ вліянія сѣв. терминологіи, пришедшей вмѣстѣ съ вліяніями формъ. Такъ Г. Парисъ, Journal des Savants, 1891, стр. 739.

231) Las razos de trobar, изд. Guessard², 1858, стр. 71.

gatge no uzavan gayre de retroenchas ni redondels si no en lengatge frances, jaciayssoque aguessem pastorelas; le segonda per lo so, quar li frances han so mays prest e aparelhat a retroenchas e a redondels e a pastorelas que nos no havem.— Сдѣлать послѣ этого изъ приведеннаго пассажа Видаля какіе-нибудь выводы въ пользу сѣвернаго происхожденія пастурели, какъ это дѣлаетъ Бракельманъ [232]), нѣтъ никакого основанія. Остальныя части аргументаціи Бракельмана крайне слабы или искусственно скомпанованы [233]).

Большаго интереса заслуживаетъ точка зрѣнія O. Schultz'a [234]), который предполагаетъ, что пастурель одинаково древня и на Сѣверѣ и на Югѣ, гдѣ она рано стушевалась, обновившись только въ XIII в. (нач.) подъ вліяніемъ пастурели французской. Жанруа обрушился на статью Шульца, короткую и, потому, нѣсколько неясную [235]). Намѣтивъ рѣшеніе вопроса Шульцъ совсѣмъ не попытался выяснить генезисъ пастурели тутъ и тамъ; если такъ, то какимъ образомъ оказалось возможнымъ самозарожденіе столь своеобразной формы въ различныхъ районахъ Франціи? Жанруа сталъ на сторону южной гипотезы. Колебанія Шульца привели Г. Париса къ предположенію, что не только пастурель, они вся средневѣковая лирика Франціи зародилось dans une région intermédiaire, le Poitou, la Marche, le Limousin [236]).

Въ сущности, это та же южная гипотеза, только формулированная болѣе точно и опредѣленно: исходная точка литературнаго развитія Прованса становится географически осязательнѣе; въ смыслѣ отчетливости выигрываютъ и наши представленія о литературной связи Сѣвера и Юга. Въ культурномъ отношеніи эта région intermédiaire несомнѣнно примыкаетъ къ Югу: древнѣйшіе трубадуры Серкальмонъ и Маркабрюнъ, Вильгельмъ,

---

[232]) o. c., стр. 171.

[233]) Такъ ссылка на тенсону Серкальмона: Car vei fenir, см. Jahrb., I, 97, которая заставляетъ будто бы заподозрѣть точность показаній біографіи поэта, стр. 168: Guilhalmi, ben pauc vos costa
Lo mieus ostals del castel, ср.
C. si fos uns joglars de Gascongna.... E cerquet tot lo mon lai on poc anar... и, по поводу Маркабрюна ученика C.: Apres estet tan ab un trobador que avia nom C., q'el comenset a trobar. Спеціально о теоріи Бракельмана см. Jeanroy, p. 25—27.

[234]) ZsfrPh, VIII, стр. 106 сл.

[235]) стр. 27—30.

[236]) Journal des Savants, 1891 г., стр. 741. Точка зрѣнія эта принята Жанруа въ его статьѣ Chansons у Petit de Jullevile, Hist. de la langue et la litt. fr. и Pillet'омъ, o. c, стр. 55—56.

графъ Пуату, принадлежатъ южному району Франціи [237]), литературное значеніе котораго запечатлѣно преданіемъ въ выраженіи lenga de Lemosi, llemosi, употребляемомъ каталанцами для обозначенія своего языка [238]), и звуковой окраскѣ такихъ терминовъ любовнаго искуства южанъ какъ joi d'amor [239]).

Болѣе поздніе факты, на которые указываетъ въ своей работѣ Г. Парисъ, какъ напр., отношенія Гя d'Uisel или Каденета къ сеньёрамъ Пуату и Лимузина, литературная дѣятельность Гуго X de Lusignan, Thibaut de Blazon, могутъ служить иллюстраціями къ болѣе древнему, возстановляемому процессу литературнаго общенія.

Этимъ путемъ выясняется и характеръ сѣверо-французской пастурели, выдѣляющейся, рядомъ съ провансальской пастушеской пѣснью, своей большей простотой и естественностью, которыя подали поводъ Knobloch'y [240]), исходя, очевидно, изъ южныхъ образцовъ (формальная симметрія элементовъ діалога), сдѣлать изъ пастурели особую форму экзотической тенсоны. Французскіе труверы сохранили въ своихъ пастуреляхъ ихъ старый укладъ, который подвергся на Югѣ куртуазной переработкѣ.

Другое дѣло „нетипическая“ форма пастурели (за вычетомъ куртуазнаго діалога рыцаря съ пастушкой и пастухомъ, который мы встрѣчаемъ на Югѣ, и который, былъ, вѣроятно, занесенъ оттуда во французскую лирику),—она чисто сѣверный продуктъ, поздній сравнительно, и потому вполнѣ понятный. Жанруà [241]) считаетъ эту разновидность пастурели созданіемъ пикардскихъ лириковъ. На Сѣверѣ она дѣйствительно пользовалась особой популярностью, но значительная доля дошедшаго до насъ пасторальнаго матеріала извѣстна намъ именно изъ пикардскихъ списковъ; заключеніе не мыслимо ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, такъ какъ для того, чтобы показать мѣщанское происхожденіе пастурели en question, нужно имѣть подъ руками несравненно больше фактовъ до-боделевскаго (Бодель ум. 1210 г.) періода [242]).

В. Шишмаревъ.

[237]) См. Шабанò, Rdlr., XV, стр. 157.

[238]) См. P. Meyer, La langue romane du Midi de la France et ses différents noms въ Ann. du Midi, n⁰ I.

[239]) Settegast. Ueber joi in der Sprache der Troubadours 1889.

[240]) Die Streitgedichte im prov. und altfranz., Diss. Breslau, 1886.

[241]) o. c., стр. 44; за нимъ Аничковъ, Очеркъ лит. ист. App. стр. 267.

[242]) Ср. Г. Парисъ, Journal des Savants, 1891 г., стр. 734.

ОТДѢЛЪ II.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(*Окончаніе*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе первое.

(Выходитъ царь Максимиліанъ въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной на головѣ. Возлѣ него два тѣлохранителя).

Царь. Здравствуйте, господа!
Не видали вы меня никогда,
Я прибылъ изъ Англіи сюда.
За кого вы меня почтите: (почитаете)
За царя русскаго,
Или за короля прусскаго?
Я не есть царь русскій,
Ни король прусскій,
Я есть царь Максимиліанъ.
Хотя я роста малаго, но я силенъ и храбръ...
На воды лягу—воды кипятъ,
На горы стану—горы шумятъ,
Къ облакамъ коснусь—облака упадаютъ,
А мелкія башни за облака летаютъ...
Но для кого сей тронъ сооруженъ,
Когда не для меня, царя Максимиліана?
Сяду на немъ, воцарюсь,
Возьму въ руки скипетръ и державу,
Возложу корону на царскую глáву.

Явленіе второе.

Венера. Хожу, брожу по чистому полю, по широкому раздолью
Ищу встрѣчнаго-поперечнаго, царя Максимиліана,
Я бъ его срубила, сказнила; мой мечъ обагрила бы его кровью.

Царь. Ахъ ты, дерзкая Венера, зачѣмъ ты въ мое царство залетѣла?

(Венера падаетъ передъ нимъ на колѣни, царь ее поднимаетъ и уговариваетъ быть его женой; наконецъ, садитъ ее съ собой рядомъ).

Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель лѣвый. Скороходъ фитьмаршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. На что такъ скоро призываешь?
Или повелѣть что желаешь?
Или куда хочешь послать, или что сказать—
Все для тебя готовъ исполнять.

Царь. Иди, приведи попа Клинцовскаго разстригу.

Скороходъ. Пойду и приведу попа Клинцовскаго разстригу. (приводитъ попа).

Явленіе третье.

(Тѣ же, попъ и пономарь).

Попъ. На что царь меня позвалъ?

Царь. Да вотъ хочу вступить въ бракъ законный и хочу, чтобъ ты насъ обвѣнчалъ.

Попъ. Хорошо, да я же не одинъ, а у меня есть пономарь Марко.

Царь. Зови пономаря.

Попъ. Марко, а Марко!

Марко. Ну, чаго ты тамъ!

Попъ. Иди скорѣй сюда. (Входитъ Марко пьяный).
Ну, бачишь, этихъ нужно обвѣнчать.

Марко. Ну, такъ что жъ, вѣнчать, такъ вѣнчать!

Попъ. Дай книгу.

Марко. Какую тамъ книгу? Развѣ не помнишь, какъ мы забыли ее въ трактирѣ Берхена. Остались однѣ бляшки.

Попъ. Дай хоть бляшки и по нимъ повѣнчаю. (Марко подаетъ переплетъ отъ книги).

Попъ читаетъ. Во время оно, ѣхавъ попъ изъ Сіона, по имени Макарій, на кобыли карей; и взбѣсихуся кобылица сія, и понесешася она стремглавъ, и взмолихуся Макарій ко Господу: о Господи, Господи, украти гнѣвъ кобылицы сія и бысть слышенъ голосъ изъ небеси — „тпру"!

Хоръ поетъ: „А вутики, вутики—
Вѣнчаются индюки!
Ложка крашеная, каша масляная!"

Попъ. Какъ стану я на Грановскаго [1]) крышу и крикну громкимъ голосомъ: братья, разбивайте бочки дубовыя, берите черпаки мѣдные, лейте, пейте и напивайтеся, но сразу не шатайтеся.

Хоръ.

1. Развеселый день,
Шапка квасила кисель;
Ложка гнется, сердце бьется,
Душа радуется.

2. Въ Марининой рощѣ
Появились мощи;
И дымокъ курятъ,
И водочку жарятъ.

[1]) Мѣстный житель съ извѣстной славой.

3. Въ Тепляковой [1]) лавци
Собирались шавцы:
И шильце въ рукахъ,
И щетинка въ зубахъ,
Самъ при кожаныхъ штанахъ,
Щей при хвартукѣ.

Попъ. (Обращаясь къ новобрачнымъ):
Поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ!
Чтобъ жили, якъ кошка съ собакой,
Чтобъ сходились якъ полъ съ балками,
Чтобъ три дня ссорились
Да къ чортовому батьку порасходились!

Царь. Спасибо! (Попъ и пономарь уходятъ).
Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель справа. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. Чего изволишь великій и грозный царь Максимиліанъ? Что изволишь приказать или куда послать—все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Иди и приведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа.

Скороходъ. Пойду и приведу непокорнаго и непослушнаго сына Адольфа. (За сценой раздается крикъ: Адольфъ—до царя!)

Явленіе четвертое.

Адольфъ. Я своей силой подкрѣпляюсь
Предъ тобой, папа, являюсь!
На что такъ скоро, папенька, призываешь?
(Падаетъ на колѣни).
Или указъ какой отдать желаешь?
Я имѣю власть
Сейчасъ явиться предъ васъ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣтъ, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Отведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу и закуй его въ цѣпи.

Скороходъ. Пойду и отведу непокорнаго и непослушнаго сына Адольфа въ темницу. (Уводитъ Адольфа).

Царь. Маршъ-маршъ!

---

[1]) Лавка на раннемъ базарѣ.

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ, явись предъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу... и т. д. (за сценой кричитъ: „Адольфъ, до царя!").

Адольфъ. (выходитъ въ цѣпяхъ, измученный, блѣдный).

Почто такъ скоро, папенька... и т. д.

Царь. Вѣришь нашимъ богамъ?

Адольфъ. Нѣтъ, не вѣрю! я ваши боги топчу подъ ноги!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и отведи непокорнаго и непослушнаго сына моего Адольфа въ темницу.

Скороходъ. Пойду и отведу... и т. д. (уводитъ Адольфа).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись и т. д.

Скороходъ. О, великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы моего сына Адольфа!

Скороходъ. Пойду и приведу и т. д.

Адольфъ. (выходитъ измученный еще болѣе).

Я своей силой подкрѣпляюсь,
Передъ тобой папа являюсь и т. д. какъ въ 1-мъ выходѣ.

Царь. Я тебя призвалъ для того, чтобы ты покаялся и повѣрилъ нашимъ богамъ.

Адольфъ. Нѣтъ, папа, я твоимъ богамъ не вѣрю, я твои боги топчу подъ ноги.

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ! Явись передъ тронъ великаго монарха!

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи изъ темницы того разбойника, который сидитъ въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года.

Скороходъ. Пойду и приведу разбойника, который сидитъ въ темницѣ 30 лѣтъ и 3 года.

(Входитъ разбойникъ высокаго роста въ тяжелыхъ цѣпяхъ на рукахъ).

Явленіе пятое.

Разбойникъ. Я изъ тучи громовой, изъ тюрьмы роковой являюсь предъ тобой (разрываетъ цѣпи и бросаетъ ихъ на полъ); что хочешь приказать, все для тебя готовъ исполнять!

Царь. Ты сидѣлъ у меня въ темницѣ тридцать лѣтъ и три года; я тебѣ все прощу, только ты долженъ казнить непокорнаго и непослушнаго моего сына Адольфа.

Адольфъ. (поетъ, стоя на одномъ колѣнѣ). О, дражайшій мой родитель, не вели меня казнить!

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Адольфъ. Не вели меня казнить, душу съ тѣломъ мою разлучить.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Адольфъ. Часъ смертельный наступаетъ, душу съ тѣломъ мою разлучаетъ.

Хоръ. Бози, вы, бози, помилуйте насъ! (2 раза).

Разбойникъ. О, Боже, Боже! Какое тяжкое приказаніе пролить невинную кровь сію.

(поетъ):

О, Боже, Боже, царю вѣчный,
Невинно страждущихъ отецъ!
Ты будь Адольфу покровитель,
Ему заступникъ и отецъ!

(Обращаясь къ Адольфу): Сидѣлъ я у твоего отца 30 лѣтъ и 3 года и все время я душою любилъ тебя; но что жъ дѣлать, когда отецъ твой—извергъ рода христіанскаго—приказываетъ тебя убить. Итакъ, прощайсь Адольфъ!

Адольфъ (поетъ):

Прощай родъ,
Прощай народъ!
Прощайте улочки,
Закоулочки
И всѣ переулочки,
И ты извергъ рода христіанскаго!

Разбойникъ (стрѣляетъ изъ пистолета въ Адольфа, который падаетъ). Адольфъ мертвъ!

Венера (падаетъ передъ Адольфомъ на колѣни и плачетъ).

Хоръ (поетъ).

Умерла надежда наша
И скончалася любовь!
Ручки къ сердцу приложили.
На кладбище понесли.
На кладбище приносили
Сырой земли предали.
Сыра земля застонала,
Что невинная душа.

(Являются носильщики и убираютъ Адольфа).

Явленіе шестое.

(За сценой раздается стрѣльба и пѣсня):

Сбушевалися татары
На невѣрнаго царя.

(На сцену врываются татары (войско Мамая) и начинаютъ биться съ войсками Максимиліяна; раздаются крики: сражайсь, сражайсь!!)
(На полу валяются убитые и раненые).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ!.. и т. д.

Скороходъ. О великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи гробокопателей.

Скороходъ. Пойду и приведу гробокопателей.

(Приводитъ сгорбленнаго старика, который еле двигается).

Явленіе седьмое.

Старикъ. На что ты меня зовешь?

Царь. Убери это тѣло, чтобъ въ моемъ царствѣ не смердѣло.

Старикъ. Да я не одинъ, у меня есть старуха.

Царь. Зови и старуху!

Старикъ. Соломонида Перекатьевна, модница-перемодница, сельская сковородница, иди до царя!

Соломонида. Иду, иду сейчасъ! (Входитъ, еле двигаясь).

Старикъ. Ну, что? Въ домѣ порядки навела, курей подоила коровъ пощупала, индюковъ въ поле отогнала?

Соломонида. Все, все (кашляетъ) сдѣлала!

Старикъ. Намъ нужно убрать эти мертвыя тѣла.

Соломонида. Ну, что жъ, давай!

Старикъ. Да я боленъ, мнѣ нужно доктора!

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ фить-маршъ... и т. д.

Скороходъ. О, великій и грозный... и т. д.

Царь. Иди и приведи лекаря перелекаря, французскаго пекаря!

Скороходъ. Пойду и приведу лекаря-перелекаря, французскаго пекаря (входитъ докторъ, носъ синій и подбитый, глаза тоже, на щекахъ огромнѣйшіе прыщи и нарывы; онъ въ очкахъ, съ бутылкой лекарства и молоточкомъ; позади идетъ фельдшеръ).

Явленіе восьмое.

Докторъ. Что старикъ болитъ?

Старикъ. Да, бо тутъ!

(Лекарь тщетно ищетъ мѣста, гдѣ старикъ чувствуетъ боль, но, не смотря на ощупываніе его со всѣхъ сторонъ, не находитъ).

Докторъ. Да что ты меня, дуракъ, дурманишь? Я докторъ заграничный, молоточекъ у меня отличный, я болячки вырѣзаю, свулки вставляю, а такихъ чертей, какъ ты—на тотъ свѣтъ отправляю! Кто ко мнѣ придетъ на ногахъ, то отъ меня уходитъ на костыляхъ! Фельдшеръ!

Явленіе девятое.

Фельдшеръ. А чевось-сколес-котос-барш!

Докторъ. Иди и принеси микстуры.

Дѣдъ (кричитъ): Не хочу на стули.

Фельдшеръ. Смотрѣлъ подъ стуломъ и подъ шкафомъ, но не нашелъ ни въ одномъ!

Докторъ. Посмотри въ другомъ!

Фельдшеръ. Да нѣтъ! Обошелъ кругомъ, но нѣтъ ни въ одномъ!

Докторъ. Смотри на полкѣ!

Фельдшеръ. Да тамъ бабскія нитки да иголки.

Докторъ. Ну, давай какая есть!

Фельдшеръ. Уже принесъ!

(Берутъ съ докторомъ дѣда за руки и насильно вливаютъ ему въ ротъ микстуру; тотъ вырывается и кричитъ: не хочу на стули).

Царь. Маршъ, маршъ!

Тѣлохранитель. Скороходъ... и т. д.

Скороходъ. О, великій... и т. д.

Царь. Иди и приведи жидовскаго жида.

Скороходъ. Пойду и приведу жидовскаго жида.

(За сценой кричитъ: жидъ, до царя!)

Явленіе десятое.

Жидъ. Цицасъ, цицасъ иду! (но не показывается).

Скороходъ. Жидъ, скорѣе до царя!

Жидъ. Ну, цаго ты тамъ крицисъ! Цто, у тебе зивотъ болитъ? Цто? А? Ну, сказалъ иду, знацитъ иду, а если хоцесь скоро, — то погоди!

(Входитъ въ грязномъ рубищѣ, сбоку грязная метла и много старья понавѣшено; на головѣ капоръ).

Жидъ. Ну, чаво ты жвалъ мене?

Царь. Спой мнѣ „чечотку"!

Жидъ. Нахай табѣ чахотка, а не мнѣ!

Царь. Спой „чечотку"!

Жидъ. Сто пѣть, я не одинъ.

Царь. А кто у тебя есть?

Жидъ. Да у меня Шмерка.

Царь. Ну, зови Шмерку!

Жидъ. Смерка, Смерка, а Смерка! (отвѣта нѣтъ). Смерка! У, стобъ табе цортъ забралъ! Дусу твою на вагонь пасадилъ!

Явленіе одиннадцатое.

Шмерко. Ну, цто? зивотъ болитъ? Я иду!

(Является еще хуже одѣтый, чѣмъ его отецъ).

Жидъ. Циво ты не хоцесь идить? До цара зовуть, а ты сидись? (Гоняется за Шмеркой и, догнавъ его, начинаетъ бить). Дуракъ, шкатина, швинья, ты не знаешь, что я жаву тебя! Царь каже пѣть „чечетку"!

Шмерка. Сто чахотку, може синицу!

Жидъ. Чахотку, такъ чахотку!

Царь. Да, проклятое, Богомъ изгнанное поколѣніе я говорю „чечотку"!

(Жиды ссорятся между собою, повторяя „чечотку, воробья и синицу". Наконецъ, дерутся и толкаютъ царя. Тѣлохранители толкаютъ ихъ, и происходитъ общая драка. Тѣлохранители усмиряютъ жидовъ).

Жидъ. Ну, цтозе пѣть?

Царь. „Чечотку"!

Жидъ. Хоросо! Смерка, а Смерка, ну, пой цацотку!

(Поютъ):

Якъ была сабѣ цацотка (2 раза).
Скокъ до царя (нѣсколько разъ).

(Жидъ бьетъ тѣлохранителя по головѣ, а царицу старается поцѣловать).

Жидъ. Ну! (Беретъ царя за эполетъ; тѣлохранители его отбрасываютъ). Сто нѣтъ! Сто нѣтъ!

(Поднимаютъ крикъ оба уже жида и стараются добраться до царя, но тѣлохранители не допускаютъ).

Царь. Да отойдите дальше, черти проклятые, и разскажите лучше что либо изъ жизни своей!

Жидъ. Мозно, мозно, да только ты даси мнѣ ету стуцку.

(Прикасается рукой къ коронѣ, тѣлохранители его отталкиваютъ).

Жидъ. Ну, чаво ты дуракъ, швинья; сто ты не въ свой корыто лѣзешь, я тебя не боюсь!

Тѣлохранитель. Ну, стой, уже стой, а то... (показываетъ на саблю).

Жидъ. Ну, ну! Сто ты сутись! Мы тозе не одни, а двое; мы дружны—всемерыхъ одну дорницку тянемъ.

Царь. Не дури головы, жидовскій жидъ, Афроимъ, съ чортовой кожи скроенъ, говори уже, что тебѣ приказываютъ!

Жидъ. Ну, вотъ (говоритъ нараспѣвъ): ѣхали мы отъ Быхлова до Быхлова, наша кобылицка издыхлова; стали мы думать да гадать, якъ наса кобылицка вытягать; исовъ музицисце дурнисце, выломивъ полѣнисце съ козиное головисце, ударивъ нашего веребьеноса да повисе носа. Якъ полетѣвъ насъ веребьеносъ черезъ восьмеро колесъ, да на девятыя зацѣпился, упавъ и чорту душачку отдавъ. (Обращаясь къ царю). Ну, сто, хорошо? Ага, хорошая стука! А еще жъ одна была стука.

Царь. А ну, ну!

Жидъ. Якъ насъ рабинъ помиралъ, въ гору нозецки задиралъ, на маму гляне, вочи переверне, три раса пердне—и чорту дусацку отдалъ! Пролетали ангелоцки, хвостики якъ серпоцки, позецки якъ иголоцки, воцецки якъ искорки, подхватили насего рабина, понесли и бросили въ рай, азно церепъ зашаматѣлъ!

Царь. Эхъ, вы проклятые дуросвиты!

Жидъ. Кого, сто? Сто? Давай наша, давай наша!

(Поднимается сильный шумъ и свалка, чѣмъ представленіе и оканчивается).

Пьеса эта всегда имѣла шумный успѣхъ и многіе до сихъ поръ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ веселыхъ святкахъ. Но постепенно забываются народныя пѣсни, гаснутъ искры народнаго творчества... На сцену выступаетъ безсмысленная частушка и балалайка...

П. Г. Мезерницкій.

ПАНИХИДНОЕ ПѢНІЕ СТАРЦЕВЪ.

(Изъ поѣздки на богомолье въ Ордынскую пустынь).

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи протекаетъ одинъ изъ значительныхъ притоковъ Зап. Двины—рѣка Мёжа. На лѣвомъ берегу ея стоитъ общежительный монастырь—„Ордынская пустынь".

Вблизи ея находится только одна незначительная деревушка (Каленидово); другія селенія—на значительномъ разстояніи отъ пустыни. Причина такого безлюдья кроется въ томъ, что край не имѣетъ никакихъ природныхъ богатствъ для выгодной эксплоатаціи; города—далеко (не ближе 60—70 верстъ), и пути сообщенія имѣютъ только мѣстное значеніе.

Но бываетъ и здѣсь весьма оживленное время, когда скромная Ордынская пустынь задыхается отъ многолюдства. Тысячи народа изъ Смоленской, Витебской и даже Псковской губерній наполняютъ собою не только всѣ жилыя помѣщенія монастыря, но и всѣ уголки его хозяйственныхъ зданій: сараи, скотный дворъ, гумно и др. Многіе располагаются прямо подъ открытымъ небомъ вокругъ негасающихъ во всю ночь костровъ. Все это паломники, пришедшіе въ монастырь для поклоненія чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, (23 іюня). Начинается стеченіе богомольцевъ съ кануна этого дня; 24 іюня (Ивановъ день) весь народъ съ крестнымъ ходомъ направляется въ скитъ на богомолье въ храмъ, устроенный въ честь Іоанна Предтечи.

Разумѣется, во всѣ эти дни въ храмахъ монастыря, кромѣ установленныхъ богослуженій, съ ранняго утра до поздняго вечера, по желанію богомольцевъ, совершаются молебствія и другія молитвословія. Въ дни поломничества народомъ нашимъ овладѣваетъ религіозное настроеніе въ высокой степени. Ему какъ будто мало молитвенныхъ дѣйствій въ церкви; онъ съ глубокимъ вниманіемъ и даже благоговѣніемъ выслушиваетъ пѣніе и причитанія старцевъ, которые къ этимъ праздникамъ прибываютъ въ монастырь въ большомъ числѣ и располагаются группами у наружныхъ стѣнъ обители.

Въ нынѣшнемъ 1907 году особеннымъ вниманіемъ женщинъ-богомолокъ пользовались пѣвцы панихиды. Содержаніе этой панихиды на столько интересно, что я рѣшилъ записать ее со словъ запѣвалы и подѣлиться этимъ народнымъ произведеніемъ съ любителями народной литературы.

Поется панихида по особому заказу и за плату 5-ти коп. въ такомъ порядкѣ:

— Запѣвала начинаетъ славословіемъ „Слава Отцу и Сыну, и Св. Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.“

— Хоръ поетъ—„Аминь.“

Паломница, по заказу которой поется панихида, начинаетъ говорить имена усопшихъ родныхъ: „Ивана“!

— Хоръ: „Иванову душу, царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Марью“!

— Хоръ:„ Марьину душу, царство небесное, Господи, вспомяни!“

И такъ далѣе... пока умиленная (а иногда и плачущая) паломница не перечислитъ не только своихъ родныхъ, но и многихъ близкихъ людей.

Затѣмъ хоръ начинаетъ пѣть общій помянникъ, такъ сказать, вселенскую панихиду:

„Славныя памяти родители покровители (кровные), души представленныя, дѣды ваши и бабы, отцы ваши и мамы, тётки ваши и дядьки, братья ваши и сёстры, племянники ваши и племянницы, крестники ваши и крестницы, внучки ваши и правнучки, старыхъ и малыхъ, придъ Богомъ собраныхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— Бабку вашу родную, бабку вашу пріемную, которая у васъ при роду стояла, съ сырой земли возымала, брудъ (грязь) съ тѣла очищала, крестъ-молитву накладала, отцу и матери на бѣлы руки подавала —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Отца крестнаго, и матерь крестную, которую васъ мать крестила и подъ крестъ Божій подносила, въ вѣру христіанскую приводила, у Бога долю-счастія просила —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Отца родного и матерь родную, которую васъ мать тяжко носила и горше того спородила, темныхъ ночекъ не усыпала и ярыя свѣчи не угашала, горячую кровь проливала, по имени NN зовущую, до Суда лежащую —

Царство небесное, Господи, вспомяни“!

— „Дѣтки малѐньки, рожденыя и крещеныя, ангелами крещеныя (мертворожденныя), чистоплотныя —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Вдовы, сироты, безплеменныя голòвы, которыхъ некому поминати, и престола застилати, ярыя свѣчи повышати (перемѣнять поминальныя свѣчи) —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „На огнѣ горящіе, на водѣ потоплящіе (утопленики), на постели засыпащіе, перунами забивающіе, лѝстомъ, снѣгомъ западащіе, въ морозѣ замерзащіе, безъ спòвѣди (таинство покаянія) помиращіе, въ лѣсахъ заблудящіе, на войнѣ забивающіе —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Девятое поколѣніе, десятое почитаемыхъ, читанныхъ и нечитанныхъ, писаныхъ и неписаныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, забытыхъ и незабытыхъ —

Царство небесное, Господи, вспомяни!“

— „Господи, впиши ихъ въ оную книгу животворящую, въ грамоту церковную, въ псалтыри соборныя! Донеси ихъ, Господи, до царства небеснаго, до города Іерусалима, до царя Давыда, гдѣ вси святые спочиваютъ: Антоній, Ѳеодосій, Аврамъ Исакъ, Іаковъ и всѣ кіевскія мощи печерскія, патріархи іерусалимскіе,—тѣ души представленныя и премоленныя!..“

— „Святый Боже, Св. крѣпкій, Св. безсмертный, помилуй насъ!“

— „Надгробное рыданіе, поюще животодавшую Троицу,—и Ты, Богородица, лица чистаго, непорочная, сущая Дѣвородица, Тя величаемъ“.

(Списано со словъ запѣвалы—Пахома Козмичева, крестьянина Витебской губ., Полоцкаго уѣзда).

Сообщилъ *Пав. Любимовъ.*

ХИВИНСКІЙ РАЗСКАЗЪ ПРО АННА-МРАТЪ БОВУ.

Въ минувшее время жилъ-былъ человѣкъ по имени Анна́-Мратъ-Бова [1]). Запрягъ онъ пару воловъ землю пахать, идетъ, погоняя свою пару, вдругъ что-то задѣло у него за соху. Взялъ онъ пошарилъ, смотритъ: кувшинъ золота! Поднялъ онъ его, а по дорогѣ ѣдетъ верхомъ царскій мехремъ-придворный. Бовѣ пришло на мысль: тотъ человѣкъ этотъ кладъ замѣтилъ; если онъ сообщитъ царю о находкѣ ранѣе меня, то много-много мнѣ безпокойства увидѣть!

— Мехремъ-ага! закричалъ Бова. Мехремъ подъѣхалъ къ нему. Бова снова задумывается: а если онъ не замѣтилъ этого клада? я не желаю пропустить это богатство мимо себя! Найду-ка я какой-нибудь предлогъ!

— Мехремъ-ага! говоритъ онъ: этого быка я купилъ за тридцать рублей, а этого быка я купилъ за сорокъ рублей; я погоню ихъ, а вы посмотрите, который изъ нихъ лучше ходитъ!

Мехремъ сказалъ: „я не торговецъ скотомъ, эхъ ты, чернолобая ......!“ [2]) Сказалъ и тронулся дальше.

Бова опять думаетъ про себя: нѣтъ! а вдругъ онъ теперь замѣтилъ кладъ,—позову-ка его снова! И снова закричалъ: „эй, Мехремъ!“ Мехремъ обернулся, слышитъ: „пойди сюда! у меня есть къ тебѣ доброе слово!“ Мехремъ подумалъ: „идти, такъ ужъ ладно, пойду!“ и снова приближается къ Бовѣ. Анна-Мратъ-Бова разсуждаетъ: „если онъ замѣтилъ бы, развѣ онъ не спросилъ бы у меня, что это такое!? Вовсе онъ этого не замѣтилъ!“ И говоритъ Бова мехрему:

— Эту пашню я четырежды вспахалъ, а эту пашню я трижды вспахалъ; на этомъ полѣ я думаю кунжутъ засѣять, а на этомъ я думаю горохъ засѣять,—ладно-ли это будетъ?

Мехремъ отвѣчаетъ: „ахъ, чернолобая .....! я, Бова, сроду не былъ земледѣльцемъ!“ И поѣхалъ себѣ. Бова кричитъ: „эй, мехремъ-ага!“, а мехремъ, не обращая никакого вниманія, знай себѣ ѣдетъ.

---

[1]) Анна́ изъ персидскаго адина — пятница; Мратъ изъ арабскаго мурад — желанный; Бова (баба́) — дѣдъ, старецъ.

[2]) Либимая отборная хивинская ругань; по-хивински звучитъ такъ: э, манглай кара зангаръ! Послѣднее слово по-перс. значитъ безпутная женщина.

Анна-Мратъ-Бовѣ приходитъ на умъ: „пойду-ка я съ кладомъ къ хану прежде мехрема! Иначе, если этотъ доложитъ, много безпокойства я увижу!". Завернулъ давешній кувшинъ въ свой чапанъ, погналъ передъ собой воловъ, пришелъ домой и говоритъ своей женѣ: „дай мнѣ маленечко покушать!" А у жены его уже была сварена пища. Только она хотѣла наложить тарелку и подать, только-было Бова приготовился ѣсть, какъ—глядь старуха: все въ котлѣ исчезло! Со словами: „приключилась съ мужемъ какая-нибудь бѣда!" выходитъ она на дворъ, видитъ давешній чапанъ, а въ немъ находитъ кувшинъ золота. Припрятавъ находку, старуха завертываетъ вмѣсто нея нѣчто другое — круглый камень равнаго съ кувшиномъ вѣсу. Наѣвшись досыта [1]), Бова поднимаетъ свой халатъ и направляется теперь на ханскій пріемъ. Когда было объявлено о началѣ пріема, Бова немедленно выступаетъ съ халатомъ въ рукахъ и заявляетъ:

— Таксыръ! у меня есть просьба!

Ханъ отвѣчаетъ: сказывай!

Бова думаетъ: чего тамъ тратить время на разглагольствованія!- Схватилъ халатъ за край, встряхнулъ кверху и вотъ—камень съ грохотомъ упалъ на землю. Бова растерялся и разсуждаетъ про себя: „то, что я нашелъ, было золото, а это—камень! Въ этомъ есть что-то таинственное!.., Однако, надо непремѣнно оправдаться". И Бова сказалъ хану:

— Сидѣло насъ человѣкъ пять-шесть, разговаривая. Одинъ человѣкъ сказалъ: въ этомъ камнѣ будетъ пудъ, другой сказалъ: нѣтъ, будетъ тридцать фунтовъ. Я, памятуя, что у царей умъ сорока людей бываетъ [2]), принесъ вамъ этотъ камень".

Ханъ сказалъ: „нешто ты слышалъ, что мы—надсмотрщикъ за мѣрами и вѣсами? Взять его и посадить въ тюрьму!" Посадили Бову въ тюрьму, растерялся онъ, сидитъ и твердитъ: „у того, что я *нашелъ*, отверстіе было вотъ эдакое, а высота была вотъ эдакая". Примѣтили это стражники и доложили хану: „Бова все твердитъ „вотъ эдакій"; какъ будто онъ что-то такое *нашелъ*". Тогда ханъ приказалъ: „пытайте Бову!" Стражники приступили къ пытанью: сколько они его ни били палками, сколько ни лили въ ротъ зелья—лили съ прибавкой соли,—онъ ровно ничего не сказалъ. Послѣ этого ханъ приказалъ: „задайте ему дыму изъ-подъ соломы!" Посадили Бову въ подходящее мѣсто, притащили мѣшокъ соломы, подожгли ее, крѣпко притворили дверь и ушли. Не будучи въ состояніи перенести дыма, Бова началъ кричать: „сжальтесь! откройте! скажу!„ Стражники открыли, „говори!" сказали.—„Вамъ не хочу говорить; ужъ если скажу, такъ хану", отвѣчалъ Бова. Привели Бову къ хану. „Говорить, такъ говори!" сказалъ ханъ. Бова возражаетъ: „при этихъ людяхъ не скажу, а вамъ на ухо скажу!" Ханъ подставилъ ухо, и

[1]) Разъ въ котлѣ все исчезло, то Бовѣ, вѣроятно, пришлось подкрѣпиться всухомятку.

[2]) Что этотъ, выраженный въ формѣ пословицы, народный взглядъ на идеалъ царя принадлежитъ не однимъ хивинцамъ, видно изъ слѣдующаго стишка одной киргизской свадебной пѣсни: „умъ сорока человѣкъ у хана бываетъ, яр-яр!". Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, акад. В. В. Радлова, т. III, текстъ, стр. 7, куплетъ 1.

Бова молвилъ: „твои палки хороши, и твое зелье тоже хорошо; ахъ! ужъ и этотъ дымъ изъ-подъ соломы!—Впредь этого дерьма не ѣшь! (т. е. остерегайся дѣлать такія жестокости)“ [1]). Тутъ и ханъ смутился. Со словами: „нынѣ слѣдуетъ одарить этого Бову“, онъ пожаловалъ ему тысячу тиллей, одежды и отпустилъ.

Вернулся Бова домой, легъ спать и увидѣлъ сонъ, будто онъ съѣлъ сорокъ „деуче“ (незрѣлый абрикосъ). Вставъ, онъ сказалъ своей старухѣ: „я видѣлъ сонъ“; старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“ Бова сказалъ: „во снѣ я съѣлъ сорокъ деуче“. Старуха заявила: „такъ называемое „деуче“ есть нѣчто горькое, такъ ты получишь сорокъ палокъ!“ Бова промолвилъ: „рѣчь эта твоя—неподходящая“, захватилъ одну лепешку, испеченную въ земляной печи, и отправился къ ишану [2]).

— „Таксыръ!“ сказалъ Бова ишану: „видѣлъ я одинъ сонъ; во снѣ я скушалъ сорокъ деуче. Проснувшись, я разсказалъ это своей женѣ, а она мнѣ сказала: ты получишь сорокъ палокъ. Рѣшивъ обратиться за растолкованіемъ сна къ вамъ, я вотъ и явился до вашей милости“. Ишанъ молвилъ: „не обращайся за толкованіемъ сновъ къ тремъ разрядамъ людей: во-первыхъ, къ своей женѣ; во-вторыхъ, къ своему сверстнику-пріятелю; въ-третьихъ, къ глупому человѣку. Какъ растолкуютъ разсказанное про сонъ, такъ оно и случится. Теперь ты получишь сорокъ палокъ, всѣ до однехонькой!“

Бова вернулся домой, велѣлъ женѣ помыть свое бѣлье, снявъ, далъ его ей, а самъ завалился спать, разсуждая: если я никого не трогаю, ни въ чьи дѣла не вмѣшиваюсь, кто меня ударитъ!?

Старуха занялась стиркой. Въ это время ханъ проѣзжалъ мимо; старуха выплеснула грязную воду, ханскій конь испугался пѣны и сбросилъ хана. Ханъ спросилъ: „кто тутъ живетъ?“ Люди сказали: „это домъ Анна-Мратъ-Бовы“. Ханъ приказалъ его привести, люди привели. Тогда ханъ посовѣтовался со свитой: что съ Бовой сдѣлать; люди сказали: надо наказать. Ханъ приказалъ его бить. Когда ему всыпали сорокъ палокъ ровнымъ счетомъ, онъ взмолился. Бову отнесли домой.

Тутъ какъ-то Бова снова увидѣлъ сонъ; на этотъ разъ онъ съѣлъ во снѣ восемьдесятъ деуче. Проснувшись, онъ снова сообщилъ своей старухѣ, что онъ опять видѣлъ сонъ. Когда старуха спросила: „что за сонъ ты видѣлъ?“, тотъ отвѣтилъ:

— Ишь ты, ..., чтобъ тебѣ сдохнуть! [3]) я тебѣ не скажу; заверни-ка мнѣ лепешку, я пойду къ ишану.

---

[1]) Анна-Мратъ-Бова типъ, извѣстный и въ русскомъ быту, это—блаженные старцы и старицы, братцы и сестрицы, почитаемые народомъ за святыхъ и пріемлющіе иногда смѣлость говорить правдивое, а часто горькое, устрашающее слово даже царямъ, обыкновенно въ загадачной, иносказательной формѣ. Извѣстны, вѣдь, случаи, когда цари искали встрѣчи съ такими людьми, чтобы покорно, смиренно выслушивать ихъ порой вѣщія рѣчи. Типъ этотъ отчасти сродни цинику Діогену. О популярнѣйшемъ „блаженненькомъ“ Средней Азіи, Мешребѣ см. въ моей замѣткѣ „Туркменскій поэтъ-босякъ Кöр-Молла“, Живая Старина, вып. IV 1907 г., стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

[2]) По-перс. О н и; это п и р, или старѣйшина суфіевъ-дервишей, котораго изъ уваженія титулуютъ перс. мѣстоименіемъ 3 лица множ. числа.

[3]) По-хивински: э, öлюм зангар!

— Таксыръ! говоритъ: сегодня я снова видѣлъ сонъ, говоритъ; во снѣ я съѣлъ пятнадцать деуче, говоритъ.

Ишанъ сказалъ: ты точно говори, сколько ты съѣлъ деуче!

— Таксыръ! говоритъ: я съѣлъ сорокъ-пятьдесятъ деуче!

Ишанъ сказалъ: и это еще не точно; правду говори!

Бова спросилъ: за каждый деуче вы соизволите по одной палкѣ предсказать?

Ишанъ отвѣтилъ: нѣтъ! говори же!

Бова сказалъ: сегодня я восемьдесятъ деуче съѣлъ.

— Если такъ, молвилъ ишанъ: такъ сегодня ты получишь въ подарокъ тысячу тилля (золотая монета).

Бова сказалъ: „если это слово вѣрно, то полученное мною пусть будетъ пожертвовано вамъ!“ Затѣмъ Бова вернулся домой. Въ этотъ вечеръ (т.-е. наканунѣ) ханъ тоже видѣлъ сонъ; ему приснилось, что насталъ день страшнаго суда. Всѣхъ людей погнали къ мосту Сыратъ [1]), и хана погнали. Когда онъ прошелъ уже тысячапятисотлѣтній путь, передъ ханомъ выступилъ Анна-Мратъ-Бова и сказалъ:

— Ты насъ безъ вины на томъ свѣтѣ бьешь; ты не видишь, что это изъ-за жирности твоего коня, ты не видишь, что это по винѣ твоихъ конюховъ, нѣтъ,—ты говоришь, что конь тебя свалилъ изъ-за вотъ этого Бовы, и ты бьешь меня; если ты бьешь меня, такъ и здѣсь тоже побей и ступай! Или-же сквитайся и ступай!“ Этими словами Бова привелъ царя въ большое безпокойство. Со страху царь пробудился; вставъ, онъ приказалъ двумъ людямъ привести Анна-Мратъ-Бову. Когда люди пошли, Анна-МратъБова замѣтилъ ихъ, кинулся къ себѣ домой и сказалъ своей старухѣ: „приближаются два царскихъ человѣка; если спросятъ меня, скажи— дома нѣтъ; если не отстанутъ, скажи—боленъ лежитъ; если и тутъ не отстанутъ, такъ скажи—умеръ!“ Мехремы вошли въ домъ, крикнули, старуха вышла.

— Анна-Мратъ-Бова гдѣ? спросили.

— Дома нѣтъ! отвѣтила старуха.

— Мы только что его видѣли! онъ—здѣсь! сказали.

— Онъ боленъ лежитъ, говоритъ старуха. И тутъ они не отстали. Наконецъ, старуха имъ отвѣтила:

— Умеръ!

— Если онъ и мертвъ, мы его все равно унесемъ! говорятъ они, находятъ корзину, кладутъ Бову, двое поднимаютъ съ двухъ сторонъ и несутъ къ хану. Ханъ спросилъ: „что это?“

— Это — Анна-Мратъ-Бова, отвѣтили: завидѣвъ насъ, онъ со страху строитъ изъ себя мертваго; мы принесли его къ вашей милости. Ханъ приказалъ: „пусть каждый изъ васъ принесетъ изъ сада охапку прутьевъ! Я крикну разъ: „Анна-Мратъ-Бова!“—и если онъ встанетъ, такъ встанетъ, а не встанетъ, — бейте его, пока эти палки не кончатся“.

[1]) По вѣрованію мусульманъ мостъ этотъ, тоньше волоска и уже острія меча, будутъ проходить всѣ люди послѣ страшнаго суда; кто съ него сорвется, тотъ угодитъ прямо въ адъ, а кто по нему пройдетъ, тотъ очутится въ раю.

Только ханъ крикнулъ разъ: „Анна-Мратъ-Бова!“, какъ тотъ вскочилъ со словами: „къ вашимъ услугамъ, таксыръ! [1])“

Ханъ спросилъ: „чѣмъ ты удовольствуешься относительно насъ: тѣмъ ли, что побьешь меня палками, или тѣмъ, что получишь деньги?“

Бова подумалъ: теперь онъ навѣрняка порѣшилъ убить меня: если я возьму деньги, скажутъ, что я похитилъ деньги изъ казначейства; если я дамъ хану палокъ, скажутъ, что я побилъ царя“, подумалъ и молвилъ: — „О, государь! денегъ мнѣ не нужно, и васъ я бить не стану,—спасибо! Если вы меня самого не тронете, отпустите, такъ и это преочень хорошо будетъ!“

Царь говоритъ:

— Чтобы ты одного изъ двухъ не сдѣлалъ, это совсѣмъ невозможно.

Бова съ плачемъ читаетъ благодарственную молитву и заявляетъ:

— Я вами тысячу разъ доволенъ! [2])

Царь приказалъ:

— Если онъ теперь удовлетворенъ, дайте ему въ подарокъ тысячу тилля и полное одѣяніе!

Бова получилъ деньги, пришелъ въ хорошее настроеніе и направился къ ишану. Онъ отдалъ деньги ишану и принялъ отъ него благословеніе.

Остроумный и проникнутый юморомъ народный разсказъ этотъ записанъ мною 4 іюня 1908 г. въ хивинскомъ городкѣ Иляллы по-хивински, а затѣмъ переведенъ мною по-русски. Разсказалъ мнѣ его мулла Мемедъ-Райимъ (Мухаммедъ Рахимъ, 31 года), одинъ изъ хивинцевъ, прислуживавшихъ мнѣ во время моего пятидневнаго пребыванія въ ханскомъ саду при вышеназванномъ городкѣ.

А. С—чъ.

[1]) По-хивински: ляббей (леуей), таксыр.

[2]) Т. е. не имѣю къ вамъ никакихъ претензій и тѣмъ открываю вамъ путь по мосту Сыратъ въ рай.

ИЗЪ ЯКУТСКОЙ СТАРИНЫ.

(Старые писатели о якутахъ).

Врядъ ли кто изъ занимающихся нынѣ изслѣдованіемъ быта сѣверныхъ инородцевъ Сибири имѣетъ подъ руками старинное „Путешествіе въ Америку“ *Хвостова* и *Давыдова*,—врядъ ли кто изъ нихъ подозрѣваетъ, что въ I-ой части этого путешествія содержится довольно много интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни якутовъ и, главное, о такихъ обычаяхъ, которые нынѣ уже среди якутовъ не встрѣчаются. Говорю *врядъ-ли* потому, что даже въ „Матеріалахъ для библіографіи Якутской области“ (Ирк. 1893) покойнаго *В. Л. Приклонскаго* нигдѣ не значится названное „Путешествіе“. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что почтенному библіографу и въ голову не пришло искать свѣдѣній о якутахъ въ спеціальномъ сочиненіи, посвященномъ описанію путешествія въ Америку, куда, на самомъ дѣлѣ, путешественники ѣхали черезъ Сибирь: добравшись до Охотска сухимъ путемъ, они продолжали оттуда путь на судахъ Американской Компаніи. Знакомствомъ съ „Путешествіемъ“ *Хвостова* и *Давыдова* я обязанъ любезному указанію студента с.-петербургскаго университета *С. И. Руденко*, предоставившаго мнѣ для использованія и самую книгу—нынѣ библіографическую рѣдкость (издана не ранѣе 1803 года; заглавный листъ даннаго экземпляра утерянъ).

На первый разъ привожу, съ сохраненіемъ стиля подлинника, извлеченіе изъ второй главы первой части „Путешествія“ (стр. 127—138), содержащее свѣдѣнія о томъ, что авторъ (Давыдовъ) „могъ самъ видѣть или съ достовѣрностью узнать о якутахъ“.

Эд. Пекарскій.

Якуты, какъ извѣстно, происходятъ отъ татарскаго поколѣнія; сходство языка ихъ съ татарскимъ и многихъ обычаевъ можетъ послужить достаточнымъ тому доказательствомъ [1]). Я описалъ уже зимнія ихъ юрты [2]); лѣтомъ же большая часть якутовъ живетъ тамъ,

[1]) Современные изслѣдователи склоняются къ тому мнѣнію, что якуты составляютъ монголо-тюркское племя.

[2]) Вотъ это описаніе, помѣщенное на стр. 43 главы 1-ой: „юрта строится четвероугольною изъ стоячихъ нѣсколько наклонныхъ деревьевъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ; снаружи обкладывается землею, по большей же части навозомъ; крышка дѣлается ровною, а полу почти никогда не бываетъ. Въ серединѣ находится очагъ, съ выведенною вверхъ трубою изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ глиною, что и называется въ сихъ мѣстахъ *чуваломъ*. Въ немъ зимою всегда держатъ огонь, отъ чего юрта бываетъ тепла, суха и представляетъ большія для проѣзжихъ выгоды въ жестокомъ климатѣ, гдѣ огонь совершенно необходимъ. Сверхъ сего въ юртахъ не знаютъ угару, чему подвержены большая часть избъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“.

гдѣ сѣно запасаютъ. Всѣ сѣнокосы обыкновенно обгорожены. Князцы[1]), у которыхъ очень много рогатаго скота и лошадей, не всѣхъ ихъ кормятъ сѣномъ, но большую часть держатъ въ степяхъ, гдѣ онѣ, разгребая снѣгъ, кормятся оставшеюся подъ онымъ травою; ибо невозможно запасти довольнаго количества сѣна, когда у нѣкоторыхъ князцовъ находится до тысячи и болѣе лошадей и рогатаго скота [2]).

Многіе якуты носятъ длинныя, а всѣ женщины еще и того длиннѣйшія косы, привязанныя у самаго затылка [3]). Якуты лѣтомъ одѣваются въ короткіе кафтаны китайчатые, суконные или плисовые, обложенные вокругъ, въ три или четыре пальца шириною, чѣмъ-нибудь только особеннымъ отъ цвѣту кафтана. Сапоги шьются изъ бычачьихъ кожъ, съ мягкою подошвою, или изъ лошадиныхъ, называющихся *сарами*[4]). Сары такъ плотно и крѣпко сшиваются, что, по удобству для мокраго времени, большая часть жителей Якутска носятъ оные въ дорогахъ или даже и въ городѣ. Кожаные штаны, рукавицы и шапка довершаютъ одѣяніе якутовъ. Женщины въ лѣтнее время одѣваются точно такъ же, какъ и мужчины. Зимнее платье якутовъ дѣлается изъ теплыхъ фуфаекъ, штановъ, полушубковъ и длинныхъ сапоговъ, которые носятъ шерстью вверхъ и называютъ *торбасами*[5]); сверху же всего надѣваютъ въ дорогу *санаяхъ*[6]), родъ тулупа изъ оленьихъ кожъ, также шерстью вверхъ. Притомъ, во время большихъ морозовъ, закрываютъ (особо придѣланными изъ мѣховъ лоскутками) лобъ, щоки, уши, носъ и бороду, такъ что только глаза остаются не закутанными; на колѣни же надѣваютъ, сверхъ торбасовъ, еще такъ называемые сутуры [7]). То же дѣлаютъ и русскіе во время путешествій своихъ по пустынямъ восточной Сибири, гдѣ морозы неимовѣрно жестоки. Якутки носятъ зимою *парки*, опушенныя лисицею или соболемъ. Парка шьется изъ оленьихъ кожъ и имѣетъ образъ длинной рубашки, къ которой по большей части придѣлываютъ стоячій воротникъ. Зимнія платья богатыхъ якутовъ, особливо шапки, бываютъ дороги.

Якуты очень добронравны, гостепріимчивы, вообще чрезвычайно трусливы, лѣнивы, когда могутъ быть такими, обжорливы до чрезмѣрности и столько же воздержны, когда нужда или бѣдность ихъ до того доводитъ. Многіе якуты большую часть времени питаются

---

[1]) Наслежные (сельскіе) старосты.

[2]) Въ настоящее время такіе богатые скотоводы въ Якутской области уже не встрѣчаются.

[3]) Обычай, совершенно исчезнувшій у якутовъ-мужчинъ; женщины хотя и заплетаютъ свои волосы въ косы или собираютъ въ пучокъ, но затѣмъ укрѣпляютъ ихъ на затылкѣ; только у дѣвочекъ волосы, собранные въ одинъ или два пучка, свободно свѣшиваются на плечи, оканчиваясь разными металлическими подвѣсками и разноцвѣтными ленточками или лоскутками матерій. Сомнительно, чтобы и въ старину якуты *привязывали* косы,— вѣрнѣе видѣть въ словахъ автора неудачный способъ выраженія.

[4]) По-якутски: са̊ры.

[5]) По-якутски: тыс ӓтӓрбӓс, т.-е. обувь изъ камысовъ (шкурокъ съ оленьихъ или лошадиныхъ ногъ).

[6]) По-якутски: саҥыјах, саҥынјах.

[7]) По-якутски: сутуруо.

унданомъ[1]) и *сорою*[2]), родъ кисловатаго масла[3]); но сіи же самые люди могутъ съѣсть невѣроятно много. Мнѣ сказывалъ весьма достовѣрный человѣкъ, что самъ видѣлъ, какъ четыре якута съѣли въ два дня прежирную лошадь. Обжорство ихъ причиною, что они не бросаютъ, какъ я говорилъ[4]), мертвыхъ лошадей и всякую падалину. Мясо сырое, жареное или вареное—все почти равно для нихъ. Они съѣдаютъ и самую кожу съ быка, бросивъ только оную въ горячую золу, дабы шерсть обгорѣла, и все то дѣлаютъ ни мало не отъ голоду. Якуты любятъ кротовъ[5]), но всего болѣе свиное сало котораго иной можетъ съѣсть до пуда. Обжорство у нихъ даже въ чести; они съ уваженіемъ говорятъ про обжору: *Утіо Асатчи Хиси*[6]) то-есть добрый ѣдокъ; надъ тѣми же, кои мало ѣдятъ, смѣются, говоря: что ты за человѣкъ!

Но, дабы дать большее понятіе объ обжорствѣ якутовъ, я опишу всѣ ихъ обряды, бывающіе на свадебныхъ праздникахъ.

Когда кто у нихъ сватается, то уговаривается напередъ заплатить отцу невѣсты *колымъ*[7]), состоящій изъ нѣсколькихъ быковъ и лошадей, половина которыхъ отдается обратно жениху въ приданое за невѣстою. Свадьба и пиръ бываютъ въ домѣ тестя, но на счетъ жениха; праздникъ сей обыкновенно продолжается два дня и на оный собираются родные съ обѣихъ сторонъ и пріятели. Бога-

---

[1]) По-якутски: ымдан или умдан — кислое молоко (суорат), разбавленное водою. „Питье сіе довольно хорошо, особливо въ жаркое время"—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 60).

[2]) По-якутски: суорат—кислое молоко, варенецъ.

[3]) Несомнѣнная опечатка вмѣсто: молока.

[4]) Вотъ что читаемъ у автора на стр. 112 — 115: „Мы остановились не далѣе трехъ верстъ отъ той рѣчки, гдѣ лошади наши утонули, почему некрещеные якуты, взявъ котелъ, отправились назадъ, дабы поѣсть досыта лошадинаго мяса. Извѣстно, что якуты великіе обжоры, и жирная лошадь самый лакомый для нихъ кусокъ; но крещеные показываютъ при русскихъ, что не употребляютъ сего кушанья, хотя въ улусахъ живутъ точно такъ же, какъ и всѣ другіе. Якуты ѣдятъ не токмо тѣхъ лошадей, коихъ нарочно убиваютъ, но и колѣющихъ, даже иногда отъ заразы, отъ чего послѣ и сами умираютъ. Въ третьемъ [1800] году Алданскіе якуты поѣхали на сѣнокосъ, въ которое время они обыкновенно пируютъ, то-есть ѣдятъ сколько могутъ. У сихъ была жирная лошадь. Она вдругъ упала; якуты подбѣжали посмотрѣть и нашли ее, къ удивленію своему, мертвою. По обыкновенному суевѣрію, вздумали, что дьяволъ убилъ ее, что̀, однако, не помѣшало имъ отвѣдать мертвечины. Спустя нѣсколько часовъ показалась у всѣхъ на тѣлѣ опухоль, а потомъ и раны. Чрезъ двое или трое сутокъ многіе померли, а у иныхъ мѣста, гдѣ были раны, совсѣмъ выгнили. То же самое случилось и въ то же время на Амгѣ и Аллахъ Юнѣ, гдѣ былъ падежъ на лошадей, которыхъ якуты не переставали до того времени ѣсть, покуда сами многіе перемерли. Тогда прибѣгли они къ своимъ шаманамъ; сіи упрашивали дьяволовъ, чтобы не умерщвляли болѣе лошадей, но зараза отъ того не менѣе продолжалась до самой осени. Между рогатымъ скотомъ и лошадьми оная также открывалась опухолью, претворявшеюся потомъ въ раны, и столь была сильна, что естьли кто до опухоли дотрогивался рукою, то на оной дѣлались прыщи, а послѣ раны. Сей случай выучилъ якутовъ, и нынѣ они не ѣли уже падающихъ лошадей, хотя на Аллахъ Юнѣ зараза и много оныхъ переморила".

[5]) Кротами называютъ мѣстные русскіе водяныхъ крысъ; нынѣ въ пищу онѣ не употребляются.

[6]) Ӱтӱӧ аса̄тчы кісі—букв.: добрый ѣдящій человѣкъ.

[7]) По-якутски: халыы̄м или сулӯ.

тый потчиваетъ гостей виномъ, по кто беднее—кумысомъ. После сего съедаютъ несколько лошадей или быковъ, а иногда множество кротовъ, почитаемыхъ за лакомое блюдо; пьютъ опять вино или кумысъ и принимаются расхлебывать сало. Къ празднику собираютъ оное всякаго рода, мешаютъ вместе и кладутъ въ чанъ. Когда придетъ *курумъ* (праздничный обедъ или свадебный столъ), то растапливаютъ все сало и садятся вокругъ чана. Пребольшая ложка, или, лучше сказать, уполовникъ, называемый *хамыякъ* [1]), ходитъ по очереди до того времени, какъ кто откажется. Сыскиваются такіе охотники, которые выпиваютъ по 120 хамыяковъ растопленнаго сала, и надобно припомнить, что сіе бываетъ уже въ конце стола, после жирнаго обеда, на коемъ, конечно, ни одинъ якутъ не побережетъ своего желудка.

Кумысъ делается изъ кобыльяго молока, которое мешаютъ пополамъ съ водою, наливаютъ въ кожаный мешокъ и оставляютъ повешаннымъ въ юрте до того времени, какъ оное скиснется. Тогда берутъ мутовку, сделанную изъ выдолбленнаго на подобіе чашки дерева, съ просверленными въ оной четырьмя или пятью скважинами и съ палкою, вставленною въ дно ея. Сею мутовкою сбиваютъ скисшееся молоко до того, какъ на дно сядетъ родъ творога; оставшаяся же жидкость называется кумысъ [2]), подобный крепостію пиву.

При свадьбе якутовъ нетъ никакихъ обрядовъ. Естьли колымъ весь заплаченъ, то молодая въ провожаніи многихъ женщинъ идетъ въ мужнинъ домъ; въ противномъ же случае остается у отца, а мужъ въ свой уходитъ. Всякій разъ, какъ онъ пригоняетъ часть колыму, остается несколько сутокъ съ женою, а при возвращеніи получаетъ половину пазадъ. Тесть никогда не даетъ дочери безъ выплаченія всего колыма, хотя бы то несколько летъ продолжилось; по заплате же онаго, жена, какъ выше сказано, идетъ въ мужнинъ домъ въ провожаніи многихъ женщинъ, и тогда опять бываетъ двухдневный праздникъ. Колымъ простирается иногда до восьмидесяти скотинъ.

Многіе изъ якутовъ празднуютъ и рожденіе сына или дочери точно такимъ же образомъ.

Якуты, особливо бедные, очень неопрятны; зимою въ юртахъ своихъ держатъ рогатый скотъ, а посему можно судить о запахе въ домахъ ихъ. Летомъ делаютъ они ступы изъ коровьяго кала, а зимою, обливъ внутренность оныхъ водою и давъ ей замерзнуть, толкутъ въ таковой посуде сосновую кору, употребляемую ими въ пищу.

Народъ сей и поднесь еще сохранилъ некоторые свои странные обычаи, напримеръ: якутъ, бывшій въ отлучке, входя въ юрту свою, ни съ кемъ не здоровается, но садится какъ будто незнакомый; жена сваритъ ему есть и потчиваетъ какъ гостя, а поевши уже хорошенько—онъ делается хозяиномъ дома.

Деверь, въ присутствіи невестки, непременно долженъ быть въ шапке; иначе ее и себя обезчеститъ. Естьли онъ сиделъ въ юрте безъ шапки, то надеваетъ оную, когда невестка входитъ [3]).

[1]) По-якутски: хамыјах.
[2]) По-якутски: кымыс.
[3]) Ныне якуты уже не придерживаются указанныхъ „странныхъ обычаевъ".

Якуты вѣрятъ колдунамъ своимъ или шаманамъ, которые отправляютъ скрытнымъ образомъ суевѣрные обряды, ибо священники, узнавъ о томъ, представляютъ колдуновъ сихъ къ суду. Якуты, однако, и нынѣ вѣрятъ имъ и боятся ихъ. Иногда шаманъ, чрезъ годъ или нѣкоторое время по смерти какого-нибудь якута, приноситъ въ домъ его наряженную статую и сказываетъ, что это покойникъ, требующій корову или звѣриныхъ мѣховъ или тому подобное, который переѣстъ всѣхъ въ случаѣ отказа. Трусливые люди сіи даютъ все требуемое, что шаманъ и уноситъ вмѣстѣ съ статуею. Якуты разсказываютъ чудеса про колдуновъ своихъ и, между прочими, про нѣкоего *Качиката*, что онъ будто протыкалъ насквозь себя нѣсколько ножей; отнималъ у людей руки и вѣшалъ оныя на деревья, ни мало не причиняя тѣмъ боли; что когда въ дорогѣ случался недостатокъ въ пищѣ, то онъ спрашивалъ товарищей, хотятъ ли они что-нибудь поѣсть? и тогда, прокричавъ нѣкоторыя слова, растворялъ руки, въ которыя обыкновенно падалъ какой-нибудь лакомый кусокъ, напримѣръ часть жирной кобылы или *симиръ* съ масломъ. (Симиремъ называютъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ по дорогѣ возятъ *ундань* и сбивающееся само собою масло или, по-якутски, *хаякъ* [1]). Коровье же или топленое масло называется ары). Сей же Качикатъ предузнавалъ, сказываютъ, всегда за два или за три дня, что съ нимъ случится; увѣряютъ еще, будто онъ сдѣлалъ деревянную кукушку, поставилъ ее на дерево, и она три года куковала, то-есть до того времени, какъ русскіе сожгли ее и съ деревомъ; что, по смерти *Качиката*, якуты возлѣ могилы его вырыли яму, положили въ нее шаманское платье, которое три года по вечерамъ звенѣло. Словомъ, сей *Качикатъ* столько надѣлалъ чудесъ, что якуты боялись его болѣе *Боэная* [2]); да должно сказать, что многіе и изъ русскихъ не менѣе якутовъ тому вѣрятъ.

Когда у князца ихъ состарѣется любимая лошадь, то онъ отпущаетъ ее на волю; но естьли она и послѣ того проживетъ еще столько, что начнетъ зубы ронять, то князецъ убиваетъ ее, собираетъ родныхъ своихъ и съѣдаетъ съ ними ту лошадь. Обыкновеннѣе же случается, что для пиршества князецъ заколетъ другую скотину, а любимую лошадь свою похоронитъ, положа, въ вырытую близъ того мѣста яму, всю принадлежавшую къ ней сбрую [3]), какъ то: сѣдло, узду, переметныя сумы, лукъ со стрѣлами и *пальму*. Переметныя сумы бываютъ почти у всякаго въ дорогѣ; онѣ перекидываются чрезъ сѣдло и висятъ такимъ образомъ, что не мѣшаютъ ни мало сѣдоку. Пальмою называется ножъ болѣе поваренпаго, вставленный въ деревянный черенъ длиною около аршина. Пальму возятъ обыкновенно для рубки дровъ.

Когда якуты увидятъ на дорогѣ медвѣдя, то снимаютъ шляпы, кланяются ему, величаютъ Тоіономъ [4]), старикомъ, дѣдушкою, и дру-

---

[1]) Якутское сырое масло, смѣшанное съ водою и прѣснымъ или кислымъ молокомъ.

[2]) *Бајанаі* — лѣсной духъ, покровитель охотниковъ и звѣролововъ. На стр. 59 авторъ замѣчаетъ, что „якуты своего Бога называютъ *Боенай*, а русскаго Танара“, т. е. Тангара.

[3]) Несоблюдаемый нынѣ обычай.

[4]) Тоіонъ значитъ начальникъ. *Прим. автора.*

гими ласковыми именами. Просятъ препокорно, чтобы онъ ихъ пропустилъ; что они не думаютъ трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Естьли медвѣдь, не убѣдившись сими просьбами, бросится на лошадей, то будто поневолѣ начинаютъ стрѣлять по немъ и, убивъ, съѣдаютъ всего съ великимъ торжествомъ. Между тѣмъ дѣлаютъ статуйку, изображающую Боэная, и кланяются оной. Старшій якутъ становится за деревомъ и кривляется. Когда мясо сварится, то ѣдятъ оное каркая какъ вороны и приговаривая: *не мы тебя ѣдимъ, но тунгусы или русскіе: они и порохъ дѣлали, и ружья продаютъ; а ты самъ знаешь, что мы ничего того дѣлать не умѣемъ.* Во все время разговариваютъ по-русски или по-тунгусски и ни одного сустава не ломаютъ. Когда же съѣдятъ медвѣдя, то собираютъ кости, завертываютъ вмѣстѣ съ статуею Боэная въ березовую кору или во что иное, вѣшаютъ на дерево и говорятъ: *дѣдушка! русскіе (или тунгусы) тебя съѣли, а мы нашли и косточки твои прибрали.* Изъ сего обряда можно заключить, сколько якуты опасаются мщенія медвѣдей или духа оныхъ, даже и по истребленіи.

Нѣкоторые якуты еще и нынѣ, сваривъ въ дорогѣ кушанье, поднимаютъ оное на рукахъ, говорятъ рѣчь [1]) къ духу того мѣста, ставятъ потомъ кушанье, каждый плещетъ первую ложку въ огонь, а потомъ начинаютъ ѣсть. Якуты всякому мѣсту полагаютъ хозяина [2]), который не Богъ и не дьяволъ, но особый духъ.

---

[1]) По-якутски: алгыс—славословіе, заклинаніе. Теперь произнесеніе алгыс-овъ въ пути не наблюдается, но до сихъ поръ сохранился упоминаемый авторомъ на стр. 59 обычай приносить духу даннаго мѣста жертву (bäläx= подарокъ) „за то, что допустилъ благополучно подняться на гору. То же самое дѣлаютъ якуты при всякомъ трудномъ и крутомъ подъемѣ, отъ чего лошадь, сходившая нѣсколько разъ въ Охотскъ, остается почти безъ гривы и хвоста".

[2]) іччі, ітчі=хозяинъ.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Этнографическое Обозрѣніе, 1908, № 1 и 2 (двойной). *Максимовъ, А. Н.*: „Ограниченіе отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого".

Статья А. Н. Максимова имѣетъ руководящее значеніе въ вопросѣ объ особыхъ правилахъ поведенія, соблюденіе которыхъ считается у многихъ народовъ обязательнымъ для мужа и родственниковъ жены и наоборотъ—для жены и родственниковъ мужа. Происхожденіе этого обычая весьма древнее, проявленіе его очень разнообразное, и потому до сихъ поръ онъ не выясненъ еще въ достаточной степени. Авторъ вначалѣ даетъ бѣглый очеркъ исторіи указаннаго обычая. Она поучительна.

Со времени Тэйлора, который признается однимъ изъ первыхъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ обычай, много о немъ писалось, и рѣдкій изслѣдователь семейныхъ отношеній первобытныхъ народовъ не возвращался къ нему. Рѣдко, однако, авторы давали этому обычаю одинаковое толкованіе. Сходство во мнѣніяхъ замѣчается въ трудахъ Леббока, Вилькена, Зибера; существенныя стороны ихъ теоріи приняты также Липпертомъ и Гельвальдомъ. Она состоитъ въ томъ, что обычай ограниченія отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого получился изъ предшествовавшаго ему обычая похищать женщинъ для совершенія брака захватомъ. Въ этой теоріи, несмотря на ея кажущуюся стройность, имѣются свои пробѣлы. Ею, напр., нельзя объяснить, почему предписывается также снохѣ избѣгать свекра съ свекровью, которая никогда не похищала сына. Это недоразумѣніе защитники настоящей теоріи пытались восполнить гипотезой, будто бы: „возникшія на почвѣ брака

захватомъ извѣстныя отношенія зятя къ тестю и тещѣ постоянно стали разсматриваться какъ выраженіе почтенія, а тогда для выраженія такого же почтенія соотвѣтственныя правила поведенія были усвоены и снохою по отношенію къ свекру и свекрови“ (3).

Находятся также приверженцы иного толкованія. Трактуемый обычай они считаютъ выросшимъ на почвѣ различія половъ. Разъ первобытные народы направились на эту стезю, они неминуемо должны были позаботиться о принятіи мѣры половой предосторожности въ семейномъ быту и нашли ее въ ограниченіи отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. Къ числу сторонниковъ этой теоріи принадлежатъ Жиро Телонъ, Файтонъ и Уэкъ; ее одинаково раздѣляетъ также цѣлая плеяда русскихъ этнографовъ, какъ-то: Н. Н. Харузинъ, В. Л. Сѣрошевскій, С. Швецовъ и П. Еруслановъ. Однако только Аткинсону, стороннику этой теоріи, удалось подвести подъ нее прочный фундаментъ, построивъ его на чувствѣ ревности взрослаго самца къ женамъ и дѣтямъ въ одной какой либо группѣ, на которыя, по его мнѣнію, распадалось нѣкогда первобытное человѣчество.

Окончательнаго развитія и обоснованія своего не получили ни первая, ни вторая теорія. Какъ въ той, такъ и въ другой существуютъ свои противорѣчія, которыя можно объяснить также гипотетическимъ допущеніемъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоритъ А. Максимовъ, первоначальный смыслъ обычая былъ утраченъ, а потому особыя правила поведенія стали прилагаться къ такимъ лицамъ, по отношенію къ которымъ они не имѣли для себя никакихъ основаній“ (7).

Впослѣдствіи Тэйлоръ внесъ новую поправку, обосновавъ ее на подмѣченныхъ имъ случаяхъ, именно: ограниченія между мужемъ и родственниками жены существуютъ у народовъ, у которыхъ мужъ послѣ свадьбы селится въ домѣ жены; а имъ взятая замужъ женщина берется мужемъ въ отчій или свой домъ. Это объясненіе, наиболѣе обоснованное, по мнѣнію г. Максимова, также нуждается въ своей фактической провѣркѣ. Ей подлежатъ и изложенныя выше теоріи. Необходимость въ фундаментальной провѣркѣ, такимъ образомъ, давно назрѣла. Отвѣчая этой потребности, А. Максимовъ двѣ трети своей статьи заполнилъ фактическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ новыхъ и старыхъ литературныхъ источниковъ.

Подведя затѣмъ итогъ фактамъ изъ жизни народовъ сѣверной Азіи и восточной Европы, авторъ подчеркиваетъ болѣе частое существованіе обычая объ ограниченіи отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого у тюрковъ (Киргизы, Якуты, Качинцы и др.) и у монголовъ (Монголы Буряты, Калмыки); изъ финскихъ племенъ онъ нашелъ этотъ обычай только у Остяковъ, Вотяковъ, Черемисовъ и у Мордвы; что касается тунгускихъ и самоѣдскихъ племенъ, то литература, говоритъ авторъ, не даетъ ни одного факта существованія этого обычая. Широкое распространеніе этого обычая наблюдается у народовъ Африки, Америки и Австраліи. Для большей наглядности А. Максимовъ еще разъ повторяетъ факты въ сокращенномъ видѣ, въ табличной формѣ, и наконецъ еще болѣе сжато въ видѣ цифровой таблицы.

Оба способа позволили автору проанализировать варіаціи ограниченія отношеній у разныхъ народовъ различныхъ частей свѣта. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ отрицанію какъ теоріи, видящей въ ограниченіи переживаніе похищенія женщинъ, такъ и теоріи, придающей этому обычаю значеніе мѣры половой предосторожности. Самъ же А. Н. Максимовъ склоняется на сторону Тэйлора, который въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи „непризнаніе" чужака въ семьѣ считаетъ главнымъ элементомъ содержанія изучаемыхъ ограниченій (76). Въ заключеніи онъ рекомендуетъ наблюдателямъ инородческой жизни обращать тщательное вниманіе также на самое содержаніе „ограниченій", чего не достаетъ для всесторонняго освѣщенія даннаго обычая, важное значеніе котораго въ исторіи семейныхъ отношеній стало очевидно.

А. Макаренко.

В. Харузина. Замѣтки по поводу употребленія слова: фетишизмъ.

Время отъ времени г-жа Харузина даетъ на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія" обстоятельныя статьи, посвященныя отдѣльнымъ вопросомъ этнографіи. Въ прошломъ году (Жив. Стар. 1907, вып. II) мы имѣли удовольствіе дать краткій отзывъ о ея статьѣ: „Къ вопросу о почитаніи огня". Нынѣ обращаемъ вниманіе читателя на новую статью г-жи Харузиной, касающуюся употребленія словъ: фетишъ, фетишизмъ. Несмотря на широкое распространеніе этихъ терминовъ—казалось бы, для всѣхъ понятныхъ—и въ ученой литературѣ и въ обиходной жизни не всѣми, однако, вкладывается въ нихъ одинаковое содержаніе. Г-жа Харузина приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ трудовъ разныхъ ученыхъ изслѣдователей, въ доказательство того, какъ различно понимаются каждымъ изъ нихъ указанные термины. Предъ нами проходятъ имена: де-Бросса, введшаго въ употребленіе слово „фетишъ", Конта, Леббока, Герберта Спенсера, Вайца, Тэйлора, Шульце, Шурца, Штернберга, де Миллуэ... Каждый изъ нихъ внесъ свою лепту въ опредѣленія фетиша и фетишизма, часто противорѣчивыя, которыя г-жа Харузина суммируетъ въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

„1) въ фетишизмѣ видѣли одно изъ низкихъ проявленій религіознаго мышленія; 2) признавали въ немъ отправную точку религіозныхъ вѣрованій; 3) въ фетишѣ усматривали предметъ или выбранный случайно и произвольно, или пользующійся почитаніемъ въ грубой матеріальной формѣ; 4) отличительной чертой фетиша считали то, что обладаніе имъ будто бы даетъ власть надъ божествомъ, которое онъ представляетъ; 5) нѣкоторые ученые, желая осмыслить почитаніе предметовъ, именуемыхъ фетишами, и объяснить болѣе высокія формы т. наз. фетишистскаго культа, видѣли въ фетишѣ лишь обиталище духа, который или самъ вселился въ данный предметъ или вселенъ въ него посторонней силой (напр. жреца, шамана и пр.) посредствомъ магическихъ или другихъ дѣйствій, мольбы и пр.; 6) фетишъ есть предметъ, почитаемый какъ персонифицированный, оживленный жизненнымъ началомъ, желающій и дѣйствующій самъ по себѣ или потому, что онъ самъ и его „божественная" сущность составляютъ, по представленіямъ его почитателя, нѣчто недѣлимое" (стр. 85).

Подвергнувъ на слѣдующихъ страницахъ всѣ эти столь разнообразные взгляды детальному разбору и остановившись особенно подробно на пользующихся культомъ человѣческихъ изображеніяхъ, къ которымъ слово фетишъ пріурочивалось въ литературѣ съ такою же „необычною легкостью", какъ и слово „идолъ". авторъ въ заключеніе приводитъ слѣдующую цитату изъ „Исторіи первобытной культуры" Шурца (стр. 570): „Тотъ, кто постарается основательно ознакомиться съ тѣмъ, что такое фетишизмъ, безъ труда увидитъ, что здѣсь нѣтъ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія, а только такія слова, которыми, въ случаѣ надобности, можно замаскировать недостатокъ болѣе яснаго разумѣнія дѣла". Заканчиваетъ свою статью г-жа Харузина словами одного миссіонера, который на поставленный имъ вопросъ: „что такое фетишизмъ?" допускаетъ одинъ отвѣтъ: „Вопреки всѣмъ опредѣленіямъ, даваемымъ въ словаряхъ, вопреки религіознымъ классификаціямъ—мы отвѣтимъ пока, что мы не знаемъ о немъ ничего".

Обстоятельно обосновать этотъ взглядъ и было задачей г-жи Харузиной. Выполнена она съ обычною для автора старательностью и полнотой.

Э. П.

Петропавловскій А. „Коляды" и „Купало" въ Бѣлоруссіи.

Въ своей небольшой статьѣ г. Петропавловскій, на основаніи „личныхъ наблюденій" , кратко описываетъ нѣкоторыя обрядности, которыми сопровождается празднованіе въ Бѣлоруссіи Коляды и Купала и говоритъ, что „въ этихъ обрядностяхъ ясно просвѣчиваетъ прожившій десятки вѣковъ и нынѣ забываемый бѣлоруссами древнеславянскій культъ служенія солнцу, этому зиждительному царю природы, снова возвращающемуся послѣ долгой, мрачной поры къ людямъ, снова дарящему имъ свою милость. Послѣдняя будетъ расти по мѣрѣ увеличенія солнечнаго диска (?), отчего здѣсь такъ отчетливо и подчерркивается форма его—кругъ" (стр. 160). Такой выводъ сдѣланъ изъ описанныхъ нижеслѣдующихъ обрядностей: „Во время толченія первой кутьи—говоритъ авторъ,—нѣсколько зеренъ пшеницы или ячменя посыпаютъ курамъ въ цѣлый, имѣющій видъ полнаго круга, обручъ, дабы куры не бродили, а всегда бы находились гдѣ-либо вблизи двора, кругомъ его (кóло его), и несли бы яйца всѣ въ одномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ же деревняхъ для этой цѣли въ самый день Рождества на полу веревкой обозначаютъ кругъ и въ него посыпьютъ немного кутьи" (стр. 159). Здѣсь, какъ утверждаетъ и самъ авторъ, обрядность касается куръ и, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ солнечному диску и къ его зиждительной силѣ. Дальше г. Петропавловскій говоритъ, что „въ тѣ три дня, когда бываетъ кутья, необходимо печь и блины". Это не совсѣмъ вѣрно. Въ первую и послѣднюю кутью, какъ въ постные дни, блиновъ не пекутъ. Надо замѣтить, что блины, какъ любимое блюдо, приготовляются по преимуществу по праздникамъ и во время гостьбы по случаю семейныхъ торжествъ. Наконецъ, замѣчая, что бабы въ теченіе Колядъ не прядутъ и не ткутъ, авторъ говоритъ: „для предотвращенія же отъ себя несчастія, мо-

гущаго постичь ихъ за нарушеніе какъ-либо невзначай этого обычая, онѣ берутъ въ рождественскій сочельникъ изъ бани вѣникъ, которымъ парились, метутъ имъ въ теченіе всѣхъ колядъ хату, въ послѣдній же день разрубаютъ его и прутьями утыкаютъ на улицѣ снѣгъ передъ избою, стараясь изобразить кругъ (стр. 160). Бѣлоруссы, какъ и многіе другіе народы, для огражденія отъ нечистой, злой силы очерчиваютъ магическій кругъ. Но имѣетъ ли онъ какое-либо отношеніе къ солнцу—сказать трудно. Вотъ и всѣ тѣ обрядности, на основаніи которыхъ изслѣдователь заключаетъ о сохранившемся въ Бѣлоруссіи древне-славянскомъ культѣ служенія солнцу. Невольно является вопросъ: изъ описанныхъ ли обрядностей сдѣланъ выводъ или наоборотъ, къ готовому положенію подобраны обрядности? Послѣднее болѣе вѣроятно. Праздникъ Коляды г. Петропавловскій тѣсно связываетъ съ Купаломъ, которое пріурочиваетъ къ 24 іюня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣднее бываетъ 23 іюня и не является праздникомъ въ обычномъ смыслѣ слова. Купало—это день и ночь торжества вѣдьмачества и всякой нечистой, злой силы, которая, по выраженію бѣлоруссовъ, „часамъ и Бога перамагае" (иногда и Бога осиливаетъ).

Въ статьѣ г. Петропавловскаго помѣщено много любопытныхъ обрядностей и примѣтъ и приведены отрывки пѣсенъ. Къ сожалѣнію, точно не указана мѣстность, гдѣ все это записано.

А. Сержпутовскій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемыя Редакціонной Комиссіей. Томъ XXXV, 1904 г. № 2. Иркутскъ 1908. Стр. 43 + 10 + + 14 + 8.

Лежащая предъ нами книжка „Извѣстій" открывается „Историческимъ очеркомъ дѣятельности В.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О."—его „внутренней жизни и работы", именно „той скрытой, черновой, организаціонной работы, которая производилась незамѣтно для глазъ общества, но которая и давала въ результатѣ научное познаніе Сибири" (стр. 1). Составитель очерка, Н. Н. Козьминъ, шагъ за шагомъ слѣдитъ за многостороннею научною дѣятельностью Отдѣла, начиная съ открытія его дѣйствій (въ 1851 году) вплоть до первыхъ годовъ текущаго десятилѣтія.

Прежде всего, Отдѣлъ приходилъ на помощь къ отдѣльнымъ научно-подготовленнымъ лицамъ или изслѣдователямъ-любителямъ, жившимъ въ разныхъ концахъ Сибири,—главнымъ образомъ, тѣмъ, что „давалъ средства публиковать труды, дѣлать ихъ общимъ достояніемъ, возбуждать обмѣнъ мыслей и знакомилъ съ общимъ направленіемъ работъ". Въ то же время Отдѣлъ являлся настолько дѣятельнымъ сотрудникомъ высшей администраціи Восточной Сибири, что, по опредѣленію г. Козьмина, „во многихъ отношеніяхъ представлялъ изъ себя *ученый комитетъ* при Главномъ управленіи Восточной Сибири и *научное бюро*" (стр. 6).

Не ограничиваясь порученіями разныхъ работъ почти во всѣхъ областяхъ сибиревѣдѣнія отдѣльнымъ лицамъ, Отдѣлъ или припи-

малъ участіе въ работахъ разныхъ экспедицій, направляемыхъ въ Сибирь изъ центра, или же организовывалъ самостоятельно научныя экскурсіи и цѣлыя экспедиціи, благодаря щедрой матеріальной поддержкѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ (Сиверсъ, И. М. Сибиряковъ, В. П. Сукачевъ [1]), М. В. Пихтинъ, г-жа Громова и пр.). Это дало возможность Отдѣлу за болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ своей дѣятельности не только внести крупную лепту во всестороннее изученіе Сибири, но и наглядно знакомить самихъ сибиряковъ съ ихъ обширною родиною, а также и съ смежными странами посредствомъ устройства публичныхъ засѣданій и лекцій, привлекавшихъ многочисленную публику. Тому же способствовало основаніе при Отдѣлѣ библіотеки и Музея,— особенно послѣдняго, охотно посѣщаемаго публикой (15.622 посѣщенія въ 1901 году), такъ какъ при немъ организованы объяснительныя чтенія, которыя нынѣ систематически ведетъ консерваторъ Музея. Въ то же время, Отдѣлъ „старался не замыкаться въ себѣ, стремился связать свою научную работу съ практическими запросами и потребностями жизни" (стр. 15) и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно сдѣлался „центромъ научной работы и умственной жизни въ краѣ", т.-е. выполнилъ ту программу, которую поставилъ ему одинъ изъ бывшихъ предсѣдателей Отдѣла — Л. П. Софіяно (стр. 12). Богатый матеріалъ для познанія Сибири заключается въ изданныхъ Отдѣломъ „Запискахъ" и „Извѣстіяхъ", и нельзя не пожалѣть, что эти цѣнныя изданія, за старые годы, стали уже библіографической рѣдкостью и доступны лишь для лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться нашими крупными книгохранилищами въ Сибири и въ столицахъ.

Въ интересующей насъ области этнографіи, въ предѣлахъ Восточной Сибири, авторъ отмѣчаетъ, прежде всего, пользующіеся широкою извѣстностью труды слависта П. А. Ровинскаго и историка-этнографа А. П. Щапова,—затѣмъ, періодъ, когда предсѣдателемъ (первымъ) этнографической секціи Отдѣла былъ Н. М. Ядринцевъ и когда по этнографіи работали такіе извѣстные изслѣдователи, какъ Н. Н. Агапитовъ, М. Н. Хангаловъ, свящ. И. А. Подгорбунскій, миссіонеры Чистохинъ и Затопляевъ, А. В. Потанина, П. Е. Кулаковъ, Г. Н. Потанинъ,—„послѣдній, преимущественно, въ связи съ вопросами фольклора",—и, наконецъ, два такихъ крупныхъ предпріятія, какъ изслѣдованіе т. н. статистиковъ: „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта", содержащее много интереснаго и для этнографа, и изслѣдованія участниковъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, или попросту—Сибиряковской экспедиціи.

„Этнографическія изученія особенно оживились — по словамъ автора — въ періодъ управленія дѣлами Отдѣла Г. Н. Потанина" (стр. 39), а такое „громадное предпріятіе", какъ Сибиряковская экспедиція, „было организовано однимъ изъ энергичнѣйшихъ правителей дѣлъ, Д. А. Клеменцомъ. По своимъ размѣрамъ, программамъ и числу даровитыхъ и научно-подготовленныхъ участниковъ, эта экспедиція далеко превосходитъ всѣ бывшія до нея, въ области этнографическихъ изученій. Имена Пекарскаго, Ястремскаго, Іохельсона,

[1]) Состоялъ предсѣдателемъ Отдѣла съ 1890—1898 гг.

Богораза, Майнова, Геккера заняли почтенныя мѣста въ наукѣ. Труды экспедиціи до сихъ поръ — главнымъ образомъ, за недостаткомъ средствъ—не завершены, а отчасти дѣлаются достояніемъ другихъ ученыхъ обществъ" (стр. 30).

Въ области этнографіи бурятъ г. Козьминъ упоминаетъ работы М. А. Кроля, „задавшагося интересной мыслью прослѣдить измѣненія бурятскаго обычнаго права подъ вліяніемъ измѣняющихся формъ жизни и непосредственнаго воздѣйствія русскаго населенія". Что касается этнографіи послѣдняго, то въ этомъ отношеніи „сдѣлано очень мало. Слѣдуетъ упомянуть о сборникахъ народныхъ бытовыхъ пѣсенъ В. И. Вагина, Дудина, Языкова и Суворова" (стр. 30—31).

Заканчивается книжка якутской сказкой: „Сордохай-богатырь" записанной въ 1889 г., въ Олекминскомъ округѣ, г. *М. Овчинниковымъ.* Подлинная запись сказки была передана г. Овчинниковымъ „для подстрочнаго перевода съ якутскаго языка на русскій учителю инородческаго училища Иннокентію Габышеву, но до сихъ поръ имъ не возвращена", такъ что въ данномъ видѣ сказка должна считаться лишь очень вольнымъ пересказомъ подлинной записи—въ виду обнаруженнаго г. Овчинниковымъ слабаго познанія въ якутскомъ языкѣ. Такъ, подзаголовокъ сказки:Ураҥхаі саха олоҥхото никакъ нельзя переводить: сказка неразумнаго (!) якута, ибо ураҥхаі саха значитъ здѣсь: человѣкъ - якутъ, коренной (древній) якутъ, урянхаецъ - якутъ. Хотя въ современномъ языкѣ ураҥхаі саха и употребляется въ значеніи неразумный, глупый якутъ, но никто изъ якутовъ не назоветъ продуктъ творчества своего народа — произведеніемъ „неразумнаго якута", и подзаголовокъ значитъ просто: якутская старинная сказка. Равно недопустимо въ устахъ якута-сказочника выраженіе, которымъ начинается сказка: „Въ то время, когда существовали на землѣ *безпутные неразумные якуты*" и т. д. Любопытно, какими словами передано это выраженіе въ подлинной записи?...

Несмотря на подобнаго рода дефекты, сказка не лишена интереса и значенія въ виду скудости этого рода произведеній якутскаго народнаго творчества. На русскомъ языкѣ имѣются, правда, собранія сказокъ *И. М. Худякова* (Верхоянскій сборникъ. Ирк. 1890) и *Л. В. Приклонскаго* (Якутскія народныя сказки. Жив. Старина 1891 г.), но якутскій текстъ этихъ сказокъ не изданъ, и интересующіеся предметомъ не могутъ быть увѣрены въ точности перевода или пересказа. Издаваемые же нынѣ Императ. Академіей Наукъ „Образцы народной литературы якутовъ", собранные Э. К. Пекарскимъ, представляютъ пока сплошь одни якутскіе тексты (переводъ ихъ собиратель обѣщаетъ дать впослѣдствіи) и доступны лишь для лицъ, основательно ознакомившихся съ якутскимъ языкомъ.

L.

Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссіи. Вып. седьмой. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Добровольскаго. 1908. Стр. 66+184+127.

Настоящій томъ „Трудовъ" Черниговской Комиссіи изданъ „на память о XIV-омъ археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ".

Кромѣ статей, имѣющихъ отношеніе къ мѣстной исторіи, здѣсь помѣщены труды общаго характера, какъ очеркъ О. М. Янѣвича: „Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ журавляхъ“, представляющій преимущественно изложеніе фольклорныхъ данныхъ, собранныхъ по вопросу объ этой легендѣ нѣмецкимъ ученымъ Велькеромъ и итальянскимъ Амальфи. Сюда же относятся статьи о покойномъ В. Б. Антоновичѣ—А. В. Верзилова: „Памяти В. Б. А.“ (съ портретомъ), и очень содержательныя „Воспоминанія о В. Б. А.“ Нѣсколько словъ покойному „Нестору южно-русской археологіи“ посвятили также В. І. Круковскій и II. Я. Дорошенко. Исторіи края посвящены слѣдующія статьи: „Описаніе рѣкъ и рѣчекъ Черниговскаго полка въ 1754 году“, „Къ тысячелѣтію города Чернигова. Краткій очеркъ Сѣверянской земли до 907 г.“ свящ. К. Т. Карпинскаго, „Къ вопросу о прошломъ города Чернигова“ О. М. Янѣвича, „Выписка изъ расходной книги Новгородсѣверскаго монастыря за 1777 годъ“ П. М. Добровольскаго и два очень важныхъ указателя: „Указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1838—1906 г.“ и „Алфавитный списокъ церквей Черниговской епархіи“ Е. А. Корноухова, съ указаніемъ времени постройки церкви. „Указатель“ къ „Черниговскимъ губернскимъ Вѣдомостямъ“ заслуживаетъ особеннаго вниманія и привѣтствія. Накоплявшійся въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ десятками лѣтъ историческій и этнографическій матеріалъ остается мертвымъ капиталомъ, такъ какъ совершенно неизвѣстенъ научнымъ дѣятелямъ вслѣдствіе отсутствія указателей. Теперь по отношенію къ „Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ этотъ недостатокъ восполненъ. Въ нихъ оказались помѣщенными за прежніе годы многочисленные документы, какъ универсалы малорусскихъ гетмановъ, грамоты московскихъ царей, указы императоровъ, начиная съ Петра I, письма государственныхъ и литературныхъ дѣятелей и разнообразные юридическіе акты. Не мало даютъ свѣдѣній „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“ по части церковной исторіи, мѣстной археологіи, статистики и этнографіи. Указанія на статьи „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, касающіяся украинскаго фольклора, были сдѣланы уже въ книгѣ малорусскаго писателя и этнографа Б. Д. Гринченко: „Литература украинскаго фольклора. 1777—1900“. Но по характеру книги въ нее не могли войти указанія на статьи вообще этнографическаго содержанія; поэтому „Указатель“, составленный архивною комиссіею, является новымъ трудомъ и въ отношеніи этнографической библіографіи. Такъ, напр., „Указатель“ отмѣчаетъ статьи: „Краткій очеркъ Новомлинской ярмарки (Сосницк. у.)“ Кирила Попенпченка (1852, 42), „О народной медицинѣ южноруссовъ и объ употребленіи народомъ „Горицвіту“ Ст. Носа (1860, 5—6), „О семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ въ Черниговской губ.“ (1883, 5), „Обычай „цурковать“ воровъ“ (1887, 4), „Преданіе о десятой пятницѣ“ А. Тищ—аго (1895, 478), „Черниговскій малороссъ и Могилевскій бѣлоруссъ“ Н. П. Яснопольскаго, цѣлый рядъ путевыхъ очерковъ и описаній: Нѣжина, м. Воронежа, Новгородсѣверскаго у., Коропа, с. Жукотки и пр.

Въ общемъ по народной словесности и этнографіи въ „Указателѣ“ отмѣчено болѣе 130 статей. Наиболѣе частыми сотрудниками „Чер-

ниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" по отдѣлу этнографіи были А. Шишацкій—Илличъ, П. Огіевскій, П. Ефименко, свящ. Н. Богославскій, А. Тищинскій, Д. Лавриненко, А. Лазаревскій, Григ. Кулжинскій и др.

Въ концѣ книги помѣщенъ „Общій обзоръ дѣятельности" комиссіи, изъ котораго видно, что правовое и матеріальное положенія ея весьма печальны.

В. В. Даниловъ.

Памяти В. Н. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. В. II. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1908 г.

Уже на ранней ступени своей знаменитой литературной дѣятельности Н. В. Гоголь высказалъ основательное знакомство съ бытомъ малороссійскаго народа, съ его вѣрованіями, преданіями и поэзіей. Все это, одухотворяемое геніемъ его высокаго таланта, выливалось въ замѣчательныя литературныя произведенія, — однѣ по сочности художественныхъ красокъ и живости здороваго юмора, другія по фантастичности содержанія или трагической завязкѣ, при чемъ хотя и погибали добрые персонажи, или терпѣли жестокія муки, но присущія имъ добрыя чувства и человѣческія понятія незамѣтно западали въ душу читателя и воспитывали въ немъ „искру Божію".

Эту чуткость къ народной душѣ и любовную внимательность къ народному творчеству воспитала въ талантливомъ Н. В. несомнѣнно вся его домашняя обстановка, а болѣе того природа родной Украйны, ея народъ съ чарующими „піснями та думамы". Онъ весь былъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго прекраснаго, когда учился въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Съ ростомъ сознанія у Гоголя возникла уже здѣсь мысль о собраніи пѣсенъ и думъ украинскаго народа, которыя, разумѣется, должны были будить въ его поэтической душѣ самыя свѣтлыя надежды и любовь къ родинѣ.

„Наша пісня, наша дума
„Нэ вмрэ, нэ загинэ, —
„От дэ, люды, наша слава, слава Украины!"

(„Кобзарь" *Т. Шевченко*).

Въ Нѣжинѣ Н. В. впервые внесъ образцы народныхъ пѣсенъ въ свою записную книжку, названную имъ „Книга всякихъ всячинъ". Начатое такъ рано дѣло изученія народнаго фольклора Гоголь продолжалъ затѣмъ довольно усиленно и въ первые годы своей самостоятельной жизни. Онъ придавалъ „большое значеніе народнымъ пѣснямъ въ дѣлѣ изученія народа въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ".

Въ посмертныхъ бумагахъ Н. В. Гоголя, хранящихся въ отдѣлѣ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, уцѣлѣли „три тетрадки съ народными пѣснями". Долгое время онѣ лежали въ забвеніи; ихъ пѣсенный матеріалъ оставался подъ сомнѣніемъ.

Недавно Г. Георгіевскій, хранитель Румянцевскаго музея, взялъ на себя трудъ оцѣнки содержимаго въ тетрадяхъ Н. В. Онъ тщательно свѣрилъ тексты собранныхъ Гоголемъ народныхъ пѣсенъ съ

текстами существующихъ „пѣсенниковъ“ и сборниковъ народныхъ пѣсенъ—малорусскихъ и русскихъ. Серьезный анализъ привелъ Г. Георгіевскаго къ тому заключенію, что гоголевское собраніе народныхъ пѣсенъ,—малорусскихъ и русскихъ, – свободно отъ какихъ бы то ни было заимствованій изъ печатныхъ источниковъ и представляетъ собою вполнѣ самостоятельную работу, особенно цѣнную „по высокимъ качествамъ записи“. Такимъ образомъ, „спорный вопросъ“ разрѣшенъ. Фольклористы должны будутъ теперь считаться съ напечатаннымъ „Гоголевскимъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ“.

Въ него вошли пѣсни русскаго народа въ числѣ 105 и пѣсни „южнорусскаго народа“ въ количествѣ 412, за исключеніемъ небольшихъ пѣсенныхъ отрывковъ, которые по нѣскольку десятковъ собраны подъ одною цыфрою. Расположеніе и нумерація пѣсенъ сохранили въ печатномъ видѣ свою подлинность съ оригиналами тетрадей Н. В. Гоголя.

Въ концѣ книги приложены два фототипическихъ снимка автографовъ Н. В. изъ двухъ его собственноручныхъ тетрадей.

А. Макаренко

Н. Е. Макаренко. Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. (Отд. оттискъ изъ журнала „Зодчій“ за 1908 г.).

Статья Н. Макаренко посвящена описанію одного изъ характернѣйшихъ памятниковъ украинской литературы XVIII в.—Покровской церкви, построенной въ г. Ромнахъ въ 1764 г. послѣднимъ запорожскимъ кошевымъ П. И. Калнишевскимъ. Обстоятельное описаніе иллюстрировано превосходно выполненными рисунками и чертежами.

Н. Е. Макаренко. Матеріалы по археологіи Полтавской губерніи. (Оттискъ изъ 5 вып. трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссіи).

Брошюра содержитъ двѣ статьи: 1) „Находка 1905 г. въ г. Полтавѣ“ и 2) „Преметы случайной находки, близъ с. Ивахники, Лохвицкаго у., Полтавской губ.“. По мнѣнію автора, археологическія находки, сдѣланныя въ Полтавской губ. въ послѣднее время, любопытны въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ нѣкоторую связь съ культурами Салтовскаго (Харьковск. г.) и Люцинскаго могильниковъ.

„Этнографическій Сборникъ“. Изд. Этнографической Комиссіи Науковаго товариства им. Шевченки. Т. XXIV. Львовъ. 1908 годъ. Галицко-русскія народныя поговорки. Собралъ, систематизировалъ и пояснилъ докторъ Иванъ Франко. Т. II, в. II.

Этотъ томъ, изданный въ большемъ объемѣ, чѣмъ предыдущій, заканчиваетъ собою букву П. Сборникъ содержитъ свѣжій матеріалъ, полученный почти исключительно изъ устъ народа. Говорить о значеніи сборника не приходится,—это настоящая сокровищница, изъ которой всегда будутъ черпать нужный матеріалъ и изслѣдователи народнаго быта и поэты. За научную цѣнность сборника говоритъ имя доктора Ивана Франко. Какъ видно изъ предисловія, весь остальной матеріалъ предполагается помѣстить въ III-мъ томѣ,

Матеріалы по украинско-русской этнографіи. Томъ X. Изд. Этнографической Комиссіи „Науковаго товариства им. Шевченко". во Львовѣ. 1908 г.

X-й сборникъ „Матеріаловъ" содержитъ обширную статью Ф. Вовка „Антропометрическія изслѣдованія украинскаго населенія Галичины, Буковины и Угорщины" статью Мих. Зубрицкаго: „Верхняя шерстяная одежда украинскаго-русскаго народа въ Галичинѣ" а также новыя записи свадебъ В. Гнатюка, Юрія Кмета, В. Левинскаго и Зенона Кузели. Въ этнографической литературѣ описаніе свадебныхъ обычаевъ и записи свадебныхъ пѣсенъ встрѣчаются, какъ извѣстно, особенно часто. Однако, новыя записи, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ, ни въ какомъ случаѣ не являются излишними, потому что помимо пѣсенъ здѣсь мы находимъ обстоятельное описаніе свадебнаго церемоніала, имѣющаго для науки особенно важное значеніе.

Въ концѣ записей приведенъ тщательно составленный библіографическій указатель сочиненій, посвященныхъ украинской свадьбѣ.

Ив. А.

Е. Ѳ. Карскій. Бѣлорусская Энеида на изнанку. Съ приложеніемъ текста сохранившихся отрывковъ. Харьковъ. 1908. 32 стр.

Проф. Е. Ѳ. Карскій изслѣдуетъ любопытный вопросъ о бѣлорусской Энеидѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Бѣлорусская Энеида была сочинена въ Смоленской губ. помѣщикомъ В. П. Ровинскимъ. Авторъ зналъ „Перелицеванну Энеиду" Котляревскаго и во многихъ мѣстахъ только переводитъ ее, но ему также была знакома и Энеида въ великорусской шуточной передѣлкѣ Осипова. Время сочиненія Энеиды—начало XIX в., не раньше 12 года. Въ Энеидѣ Ровинскаго отразилась „жизнь въ духѣ богатыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, съ ихъ нравами и обычаями"

В. В. Д.

Аникіевичъ, **К. Т.** Сѣнненскій уѣздъ Могилевской губ. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ картою уѣзда, схемою двухъ озеръ и рисунками въ текстѣ. Могилевъ губ. 1907. Стр. 148. (Изданіе Могилевскаго Статистическаго Комитета).

Книжка г. Аникіевича заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: I) Физико-географическое описаніе уѣзда (1—59 стр.); II) Историческій обзоръ (60—95 стр.); III) Населеніе уѣзда: его этнографическій составъ, бытъ и культура (95—133 стр.) и IV) Главнѣйшіе населенные пункты Сѣнненскаго уѣзда (133—148 стр.). Въ первомъ, самомъ большомъ отдѣлѣ, авторъ очень подробно описываетъ границы уѣзда и волостей, съ указаніемъ длины въ окружности и площади каждой административной единицы. Говоря о камняхъ г. Аникіевичъ замѣчаетъ, что „въ нѣсколькихъ мѣстахъ уѣзда до сего времени сохранилось въ народѣ почитаніе камней, особенно находящихся у „крыницъ", также упоминаетъ онъ о соединенныхъ съ

нѣкоторыми камнями чудесныхъ легендахъ. На такихъ камняхъ можно видѣть свѣчи, куски хлѣба и т. п. приношенія“ (стр. 11). Тутъ перечислено нѣсколько такихъ камней и кратко разсказаны легенды о нихъ. Рѣки, озера и болота описаны довольно подробно. При этомъ авторъ замѣчаетъ: „относительно „святыхъ“ озеръ народъ говоритъ, что это мѣста провалившихся и затонувшихъ храмовъ“ (стр. 39). При описаніи растеній и животныхъ г. Аникіевичъ почти сплошь и рядомъ ограничивается только мѣстными названіями, почему самое описаніе теряетъ научную цѣнность. Такъ, напримѣръ: на стр. 52 и 53 пестрятъ нижеслѣдующія загадочныя названія травъ, за которыми народъ признаетъ лѣкарственное значеніе при различныхъ болѣзняхъ: „душница, дубровка, рачики, кровавникъ, пырникъ, диванна, зубникъ, золотникъ, костоломъ, шальникъ“ и т. п. Это замѣчаніе въ одинаковой степени относится и къ другимъ мѣстнымъ названіямъ, приведеннымъ въ этой книжкѣ (стр. 49—50).

Въ историческомъ обзорѣ уѣзда г. Аникіевичъ отмѣчаетъ, что въ предѣлахъ Сѣнненскаго уѣзда найдены во множествѣ орудія каменнаго вѣка, послѣдней неолитической эпохи; описываетъ курганы, раскопками которыхъ занимался Е. Р. Романовъ, указываетъ на городки, городцы и городища доисторической эпохи, всего числомъ свыше 40, перечисляетъ замковища, валы, найденные клады и т. п. археологическіе памятники. Здѣсь авторъ даетъ мало новаго, описывая вообще судьбы Бѣлоруссіи. Впрочемъ приведено указаніе на одну любопытную записку ген.-губерн. Бѣлорусскаго края, князя Н. Н. Хованскаго, представленную имъ въ Министерство въ 1831 г. Въ этой запискѣ, въ числѣ общихъ причинъ упадка благосостоянія народонаселенія края между прочимъ князь Хованскій видитъ въ дешевой продажѣ вина и въ обитаніи евреевъ въ деревняхъ и селеніяхъ (стр. 94—95). Какъ это напоминаетъ современную бюрократическую панацею противъ всѣхъ бѣдъ.

Что же касается описанія состава населенія, его этнографическихъ особенностей, быта, занятій и вообще культурнаго состоянія, то на это въ книжкѣ отведено слишкомъ мало мѣста. Нельзя не пожалѣть, что на 10—12 страницахъ, съ девятью рисунками въ текстѣ, описаны слѣдующіе народы: цыгане, нѣмцы, литовцы и жмудины, поляки, великоруссы—старообрядцы, евреи и бѣлоруссы. Само собою разумѣется, что описаніе получилось неполное и крайне поверхностное. Тѣмъ болѣе, что авторъ въ своей книжкѣ затрагиваетъ возможно больше сторонъ жизни мѣстнаго населенія и на все даетъ отвѣты. Тутъ перечислены примѣты, суевѣрья и предразсудки, описаны обрядности, соединенныя съ тѣмъ или инымъ праздникомъ или семейнымъ торжествомъ, упомянуто объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчья и приведено даже нѣсколько пѣсенныхъ образчиковъ. Но все это, какъ говорится, въ микроскопической дозѣ. Пѣсни приведены на искаженномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

„Кабъ я знау, я пъ гету куму
И у кумы не брау:
Ина горѣлки ня пьеть
И пѣсень ни пяеть“ (стр. 111—112).

Дальше г. Аникіевичъ говоритъ, что „надѣльныя земли крестьянъ находятся преимущественно въ общинномъ владѣніи — 86,7% площади и только остальные 13,3% въ подворномъ владѣніи“ (стр. 117). Можно подумать, что въ Сѣнненскомъ уѣздѣ существуетъ община и общинное землевладѣніе, чего въ дѣйствительности не было и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь, хотя надѣльныя земли и отведены нераздѣльно цѣлому селенію или обществу, но предоставлены въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и количества причитающихся десятинъ, какъ пашни, такъ и сѣнокоса. Общество не имѣетъ права отнять землю у домохозяина, хотя бы онъ переселился въ городъ, а свой надѣлъ отдалъ въ пользованіе постороннему лицу. Это не общинное, а подворное владѣніе на правахъ личной собственности.

Книжка г. Аникіевича обилуетъ статистическими данными, доставленными въ губернскій статистическій комитетъ волостными писарями, которые часто даютъ произвольныя цифры.

Помѣщенные въ текстѣ рисунки мелки и исполненіе неудовлетворительно.

А. Сержпутовскій.

Antti Aarne. Vergleichende Märchenforschungen. Helsingfors 1907. Akademische Abhandlung.

Авторъ названнаго труда, извѣстный читателямъ Живой Старины,[1]) занялся сравнительнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ сказочныхъ группъ, связанныхъ другъ съ другомъ общей идеей содержанія. Въ предисловіи опредѣляется цѣль работы приблизительно такъ: Понятія о возникновеніи и дальнѣйшихъ судьбахъ сказки остались очень непрочными, несмотря на усиленныя попытки разобраться въ этихъ вопросахъ. Явились поэтому скептики, которые считаютъ результаты сравнительнаго анализа, поставившаго себѣ цѣлью проникать до прародины данной сказки, черезчуръ сбивчивыми и ничего не доказывающими. Авторъ самъ не сторонникъ подобнаго взгляда, а убѣжденно вѣритъ въ будущее своего, такъ называемаго, сравнительно-географическаго метода. Точкою отправленія служитъ предположеніе, что сказки представляютъ изъ себя разсказы, которые проходили опредѣленныя степени развитія. Въ развитіи этомъ можно замѣтить первоначальную стадію въ видѣ возникновенія разсказа и опредѣленнаго отношенія его къ извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Потомъ можно наблюдать его распространеніе путемъ передачи отъ одного народа къ другому. Во время странствованія онъ подвергается разнымъ измѣненіямъ, основаннымъ на извѣстныхъ, опредѣленныхъ законахъ мышленія и фантазіи. Сказка, вѣдь, никогда не передается буквально такъ, какъ ее слышали. Поэтому личному творчеству, его капризамъ, слабой памяти народа, субъективному способу пониманія и воспріятія и т. д. приписывается большое значеніе. „Если намъ удастся очистить разсказъ отъ измѣненій и амплификацій, которыя накоплялись на немъ во время странствованій, и найти первоначальную форму сказки, то при этомъ прольется доля свѣта и на ея родину и на пути, которые она про-

[1]) См.: „Жив. Ст.“, VIII, 1, отд. II и XI, 1, 2, отд. II. *Ред.*

ходила, и такимъ образомъ мы, по мѣрѣ возможности, получимъ и указанія на время ея возникновенія“ (стр. 1). Стало быть, чѣмъ больше сырого матеріала, не только съ разныхъ географическихъ концовъ земного шара, но и разнаго времени, тѣмъ больше возможности точно указать начальную форму. Въ этомъ отношеніи авторъ вооруженъ лучше своихъ предшественниковъ. Имъ цитируются безъ затрудненій рѣдко приводимыя въ западной Европѣ славянскія сокровища; кромѣ того, онъ широко воспользовался сѣверными скандинавскими и финскими, рукописными и печатными варіантами, такъ что не осталось ни одного уголка, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, который бы не имѣлъ своего представителя въ общей суммѣ варіантовъ. Они приводятся въ сокращеніи, причемъ вниманіе обращается на специіальныя и характерныя черты. После того слѣдуютъ выводы. На основаніи популярнѣйшихъ и цѣльныхъ по смыслу варіантовъ возстановляется первоначальная форма данной „народной сказки“ (въ противоположность книжной), хотя и случается надобность прибѣгать и къ другимъ соображеніямъ, такъ какъ „самая распространенная форма можетъ быть порою и не самой древней“ (стр. 41). Въ такихъ случаяхъ принимается во вниманіе доказательства самого содержанія. Внутренній характеръ, освѣщеніе и настроеніе сказки часто указываютъ на ея родину (стр. 79). Изъ параллельныхъ, другъ другу отчасти противорѣчащихъ чертъ не трудно узнать подлинную, если всмотрѣться, какая изъ нихъ логичнѣе и естественнѣе остальныхъ (стр. 54). Иногда при опредѣленіи подлинности принимается во вниманіе, въ какомъ отношеніи данная черта находится къ главному дѣйствію содержанія, можно ли считать ея присутствіе необходимымъ для хода разсказа и т. д. (срвн. 47). Само собою разумѣется, что нахожденіе одного и того же мотива въ отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ земного шара говоритъ за его древность.

Въ этомъ заключаются наиболѣе важные и любопытные критеріи того метода, представителемъ котораго является Антти Аарне.

Мы не будемъ входить въ подробности, излагая результаты этой, интересной по своей руководящей идеѣ и богато обставленной, работы. Въ ней изслѣдованы три сказочныхъ мотива: сказка о чудесномъ перстнѣ (напр. Афанасьевъ. IV, 236), о трехъ чудесныхъ вещахъ (Аф. II, 113) и о чудесной птицѣ съ письмомъ на крыльяхъ (Аф. II, 115). Первая группа указываетъ, своимъ своеобразнымъ распространеніемъ въ Азіи и восточной Европѣ, на востокъ, какъ на свою родину. Кромѣ того, настроеніе сказки—сказки о лампѣ Аладина,—міровоззрѣніе ея, напр. вѣра въ переселеніе души и т. д. не противорѣчатъ этому предположенію. Нерѣшеннымъ только остается вопросъ, считать ли Индію или какую-нибудь другую страну тѣмъ мѣстомъ, гдѣ впервые эта сказка была пущена въ оборотъ. Подобно первой изъ названныхъ группъ имѣетъ и вторая книжные варіанты между прочимъ и въ Gesta Romanorum. Сравненіе варіантовъ между собою приводитъ къ выводу, что книжные варіанты представляютъ изъ себя передѣлки устной традиціи, хотя, конечно, нельзя не считаться съ возможностью, что наоборотъ послѣдняя усваивала немало чертъ изъ книги. Не только большее

распространеніе мотива въ зап. Европѣ, но и близкое отношеніе англійскихъ и французскихъ варіантовъ къ возстановленной основной формѣ указываетъ на то, что сказка европейскаго происхожденія. Что касается третьей группы, то на основаніи географическаго распространенія и книжныхъ версій можно доказать, что востокъ, быть можетъ Персія, является ея колыбелью.

Рекомендуемъ книгу какъ превосходный образецъ для русскихъ изслѣдователей сказокъ.

Вилъо Мансикка.

S. Matusiak. 1) Olimp polski podług Długosza (Kwartalnik etnograficzny „Lud". T. XIV, zeszyt I i II, str. 19—89. Lwów. MCMVIII).— 2) Dodatek do „Olimpu polskiego" (ibidem, zeszyt III, str. 205—235).

Статья *С. Матусяка*: „Польскій Олимпъ по Длугошу" заключаетъ въ себѣ подробный анализъ тѣхъ свѣдѣній о польскихъ богахъ и богиняхъ, какія даетъ знаменитый польскій историкъ Янъ Длугошъ (1415—1480 гг.) въ первой книгѣ своей громадной (14 томовъ) Historia polonica.

Приведя во вступленіи къ своей статьѣ соотвѣтствующую цитату изъ Длугоша въ латинскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на польскій языкъ, г. *Матусякъ* признаетъ, что содержащіяся въ этой цитатѣ свѣдѣнія „очень любопытны и важны и тѣмъ болѣе цѣнны, что почерпнуты изъ какой-то старинной рукописи и опираются если не на непосредственное знакомство съ предметомъ, то на преданія, еще не подвергшіяся искаженію" (стр. 22). Такъ какъ данныя, о которыхъ идетъ рѣчь, несмотря на всю ихъ важность, до сихъ поръ остаются безъ научной обработки и даже неизвѣстна ихъ дѣйствительная научная цѣнность, то г. *Матусякъ* и взялъ на себя трудъ положить начало ихъ изученію.

Въ статьѣ разсмотрѣны слѣдующія божества; 1) Jesza или Jarowit (русскій Ярило)—хозяинъ весны, божество свѣта и тепла, 2) Łada—богъ войны, 3) Dziedzylela—покровительница родильницъ. 4) Niega—богъ умершихъ, 5) Dziewana—богиня въ родѣ римской Діаны, 6) Marzana—богиня смерти, 7) Pogoda—податель ясной погоды и 8) Żywa—богъ жизни. Относительно каждаго изъ нихъ авторъ старается точно установить настоящее имя божества и охарактеризовать его природу. Особенно подробно останавливается онъ на вопросѣ объ идентичности Jarowit'а съ главными славянскими божествами.

Въ заключеніи г. *Матусякъ* высказываетъ мнѣніе, что Длугошъ, благодаря своему старинному источнику, опиравшемуся на еще болѣе старые документы, „далъ намъ такой очеркъ славянской миѳологіи, какого никто не давалъ ни до, ни послѣ него".

Э. П.

Vocabularium linguae čuvašicae. Csuvas szójegyzék, szerkesztette Paasonen H. a finnugor nyelvtudomány tanára a Helsingforsi egyetemen. Budapest. A Magyar Tudományos Akadémia Kiadása. 1908. (I—VII + 244, 8°).

Настоящій словарь чувашскаго языка составленъ проф. Гельсингфорсскаго университета Пасоненомъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ вос-

точно-финскихъ нарѣчій, и изданъ Венгерской Академіей Наукъ. Имя составителя служитъ порукой за точность и научность этого важнаго труда. О полнотѣ его можно судить по перечню перечисленныхъ авторомъ въ предисловіи пособій (въ перечнѣ упомянуты и всѣ прежнія, весьма, впрочемъ, немногочисленныя, изслѣдованія по чувашскому нарѣчію). Проф. Пасоненъ пользовался той научной транскрипціей, которая была предложена проф. Сетэлэ (см. Finnisch-Ugrische Forschungen, I, 1, 15—52). Значеніе чувашскихъ словъ объяснено по-венгерски и по-нѣмецки; часто автору приходилось прибѣгать и къ русскому ихъ опредѣленію. Цѣна книги невысокая: 4 кроны.

А. Ш.

И. А. Подгорбунскій. Русско - монголо - бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909. Стр. VI+340. Ц. 2 р.

Въ предисловіи, главнымъ содержаніемъ котораго является изъясненіе знаковъ „условнаго алфавита", принятаго въ Словарѣ, авторъ заявляетъ, что его работа „представляетъ попытку дать словарь *живого разговорнаго бурятскаго языка*".

Въ основу алфавита авторомъ положена русская азбука, дополненная недостающими знаками въ такомъ количествѣ, чтобы, съ ихъ помощью, могли быть переданы всѣ главнѣйшіе звуки монголобурятскаго языка.

Потребность въ подобнаго рода словарѣ ощущалась давно, въ особенности лицами, незнакомыми съ монгольской азбукой, а потому „попытку" г. Подгорбунскаго можно только привѣтствовать.

Э. П.

S. Roudenko. Traditions et contes bachkirs. Rennes. 1908. Pag. 19. (Отд. оттискъ изъ Revue des Traditions Populaires, t. XIII, nos 2—3).

Брошюра г. Руденко содержитъ въ себѣ ровно 20 мелкихъ (иногда въ 3—5 строкъ) вещицъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ области вѣрованій башкиръ. За исключеніемъ двухъ или трехъ разсказовъ и легендъ, записанныхъ путешественниками, всѣ остальные опубликовываются, по словамъ автора, впервые, несмотря на сравнительное богатство русской литературы о башкирахъ.

Отмѣтимъ два недосмотра, объясняемые несомнѣнно тѣмъ, что печатаніе сборника происходило не подъ личнымъ наблюденіемъ автора. Такъ, въ первомъ разсказѣ („Умерщвленный шайтанъ") непонятно заключеніе: „Вотъ почему насъ прозвали: Шайтанъ Кудейскій (происходящій отъ Кудея)", ибо въ разсказѣ о Кудеѣ вовсе не упоминается. Затѣмъ, на стр. 12 *сарана* названа „луковицей какого-то растенія, которое башкиры очень любятъ", тогда какъ сарана есть общее названіе нѣкоторыхъ лилій; съѣдобными являются луковицы желтой или красной сараны, Lilium martagon.

Э. П.

„Русскій Чехъ", газета. Въ концѣ іюня нынѣшняго 1908 года прекратила существованіе издававшаяся въ Кіевѣ І. В. Вондракомъ

газета „Русскій Чехъ" („Rusky Čech"). Газета была посвящена, кромѣ общихъ вопросовъ о культурныхъ чешско-русскихъ отношеніяхъ, интересамъ русскихъ чеховъ, живущихъ на Волыни. Многія статьи и корреспонденціи „Русскаго Чеха" содержали описанія быта волынскихъ чеховъ и ихъ селеній. Къ изданію газеты 1908 г. была приложена брошюра Владиміра Олича: „Dějiny českého vystěhovalectví na Rus", содержащая историческія, статистическія и бытовыя свѣдѣнія о волынскихъ чехахъ. Такъ какъ изданіе „Русскаго Чеха" по личнымъ соображеніямъ издателя было прервано въ серединѣ года, то вмѣсто него высылается двѣ еженедѣльныхъ газеты, выходящихъ въ Прагѣ и составляющихъ прямое продолженіе „Русскаго Чеха", именно „Hospodářsky Pokrok" и „Českoruský obzor", подъ ред. Швиговскаго и Штепанека. Оба изданія иллюстрированныя. Пока вышло восемъ №№ каждаго ихъ нихъ. Отмѣтимъ въ „Чешско-русскомъ Обзорѣ" статьи географическаго и бытового содержанія: „Чешская волость Глинское на Волыни" (№ 7), „По Чешской Руси" Альберта Полака (№ 7), „О чешско-русскомъ селѣ у австрійскихъ границъ" его же (№ 8) и „Отъ Луцка до чешскаго Борятина и Крупы" его же (№ 8).

В. В. Даниловъ.

Журналы за 1908 г.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. IV. *Е. Ѳ. Карскій.* Бѣлоруссы. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—*В. Топоръ-Рабчинскій.* Макіавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 11. *Д. В. Айналовъ.* Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ" Антонія Новгородскаго. IX—XV.—*Его-же.* Памяти Е. К. Рѣдина (некрологъ).—*А. Е. Прѣсняковъ.* Н. П. Павловъ-Сильванскій (некрологъ). **№ 12.** *К. Ѳ. Тіандеръ.* Культовое пьянство и древнѣйшій алкогольный напитокъ человѣчества.—*С. Ѳ. Ольденбургъ.* Памяти А. В. Григорьева.—Рецензія *Н. Н. Виноградова* на: В. В. Сиповскій. Исторія русской словесности.

Землевѣдѣніе, кн. III. Изъ Монголо-Сычуанской экспедиціи П. К. Козлова.

Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго О-ва, т. II. *Э. А. Вольтеръ.* Къ вопросу о ятвягахъ.—*В. И. Іохельсонъ.* Международные конгрессы американистовъ.—*Его-же.* Древнія и современныя подземныя жилища племенъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки.—*В. Н. Васильевъ.* Краткій очеркъ инородцевъ сѣвера Туруханскаго края.—*Н. Н. Виноградовъ.* Красноярскій городской музей и его антропологическія коллекціи.—*Б. Ф. Адлеръ.* Адольфъ Бастіанъ.—*Его-же.* Эмиль Шмидтъ.—Отчеты О-ва.—Протоколы засѣданій.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва. Вып. VI *О. Іонъ.* О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ (съ 5 табл. рисунковъ).—*А. И. Булгаковъ.* Верховья Енисея въ Урянхаѣ и Саянскихъ горахъ (съ 9 рис. въ текстѣ).—Журналъ засѣданій Отд. Этнографіи. **Вып. VII.** Вѣсти изъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи подъ начальствомъ *П. К. Козлова* (съ рис. и карт.). **Вып. VIII.** *Э. Э. Анертъ.* Путешествіе на восточн. побережье русскаго Сахалина въ 1907 г. (Замѣтки о населеніи).—*Н. Н. Нордманъ.* Географическое положеніе погостовъ-округовъ Шелонской пятины по Писцовымъ оброчнымъ Новгородскимъ книгамъ 1498 г. (Съ 2 карт.).—Журн. засѣд. Отд. Этнографіи. **Вып. IX.** *Р. Ю. Рожевицъ.* Поѣздка въ южную и среднюю Бухару въ 1906 г. (съ рис.).

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, №№ 1—18. *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Некрологъ В. Б. Антоновича.—*А. А. Шахматовъ.* Некрологъ Н. П. Даш-

кевича.—*В. Н. Бенешевичъ.* Отчетъ о поѣздкѣ на Синай.—*К. Г. Залеманъ.* Новыя поступленія въ Азіатскій Музей.—*О. фонъ-Леммъ.* Мелкія замѣтки по коптской письменности.—*В. В. Радловъ.* Доисламскія письмена тюрковъ и отношеніе ихъ къ тюркскому языку.—*Бар. А. фонъ Сталь-Гольштейнъ.* Тохарскій языкъ и языкъ II.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Вып. 26. (Вопросы реставраціи, вып. 1). Съ 110 рис. Протоколы засѣданій.—*А. С.* Изъ Архива Коммиссіи. I. Владимірская губ. II. Ярославская губ. **Прибавл. къ вып. 26.** Археологическая хроника.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій.—Новыя книги. **Вып. 27.** (Съ 2 табл. и 56 рис.). *А. В. Орѣшниковъ.* Окуловскій кладъ русскихъ денегъ.—*G. Hirst.* Ольвійскіе культы. Перев. *П. Латышева.* **Прибавл. къ вып. 27.** Археологическая хроника.—*А. Б.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1907 и 1908 гг.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 1-ю половину 1908 года.—Новыя книги. **Вып. 28.** (Вопросы реставраціи, вып. 2). Съ 25 табл. и 107 рис. Протоколы засѣданій.—*П. Покрышкинъ и К. Романовъ.* Древнія зданія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Новгородской губ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва Т. XVIII. № 1. *И. И. Кальфоглу.* Древнѣйшія извѣстія о Батумѣ.—*Е. Цагарейшвили.* Свадьба въ Имеретіи.—*А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ.* Бзыбская Абхазія.—**Т. XIX. № 1-й.** *Н. Н. Шавровъ.* Изъ путевыхъ наблюденій отъ Батума до Лимана. Съ 8-ю рис.—*В. С. Шамрай.* Евгеній Дмитріевичъ Фелицынъ. Біографическій очеркъ.—Лѣтопись Отдѣла.—Библіографія.

Извѣстія Отдѣленія русскаго яз и словесности И. А. Н., кн. 3. *Б. А. Романовъ.* Смердій конь и смердъ (въ Лѣтописи и Русской Правдѣ).—*В. И. Чернышевъ.* Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы по Старому Московскому тракту. — *Л. Л. Васильевъ.* О вліяніи неіотированныхъ гласныхъ на предыдущій открытый слогъ.—*А. И. Томсонъ.* Къ вопросу о возникновеніи род.—вин. п. въ слав. языкахъ. Приглагольный род. п. въ праслав. языкѣ.

Národopisny Vĕstnik českoslovanský (Чешскославянскій Этнографическій Вѣстникъ). *№ 8. Янъ Тыкачъ.* Народный кузнецкій орнаментъ въ краяхъ Ландшкроунскомъ и Литомышльскомъ.—Рецензіи: *Jan Cimbura.* Jihočeská idilla.—*J. Vyhlídal.* Malůvky z Hané.—*Н. Дурново.* Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ.—*P. Sebillot.* Le Folk-Lore de France.—*Fr. Heinemann.* Bibliographie der Schweizerischen Landeskunde.—*А. Егличкова.* Выставка южночешскихъ костюмовъ и вышивокъ.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *I. Кубикъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края, съ комментаріями *Ю. Поливки*

Народное Образованіе, кн. XI. Вкругъ школы. IV. Собиратель народныхъ пѣсенъ. *И. Попова.*

Русскій Филологическій Вѣстникъ № 3. *В. А. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ (окончаніе).—*Н. Н. Соколовъ.* Открытіе и.-е. ǎ различнаго качества.—Труды Московской Діалектологической Коммиссіи. Два отчета Н. Соколова и предисловіе.—*Г. А. Ильинскій.* Еще о „лузяхъ".—Некрологъ К. Ѳ. Радченко. **№ 4.** *В. В. Даниловъ.* Разсказъ Г. И. Успенскаго „Парамонъ Юродивый".—*А. И. Соболевскій.* Шиворотъ на выворотъ.—*Архим. Меѳодій.* Старопечатная 2-й половины XVI ст. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ (окончаніе). — *Г. А. Ильинскій.* Славянскія этимологіи... — Некрологъ М. Д. Миличевича.

Сибирскіе Вопросы. 1908 г. Сибирскія и дальне-восточныя коллекціи музея Императора Александра III (№ 23—24).—*Алексѣй Макаренко.* Гибель инородцевъ сѣвера Сибири (№ 25).—*Э. Пекарскій.* И. А. Худяковъ и ученый обозрѣватель его трудовъ (№ 31—32).—*R.* Путешественникъ-модернъ (Гартевельдъ). (№ 31—32).—Въ Императ. Русск. Геогр. Обществѣ (докладъ П. Е. Островскихъ: „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе"). № 31—32.—*Э. Пекарскій.* Осѣдлое или кочевое племя якуты? № 37—38.—*Э. П.* Первый сборникъ Гиляцкой поэзіи („Матеріалы по изученію Гиляцкаго языка и фольклора", собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ). № 39—40.—*Э. Пекарскій.* Якутскій Отдѣлъ Географическаго Общества. № 39—40.—*Д. Клеменцъ.* Замѣтки о кочевомъ бытѣ. № 49—52.—*И. Абрамовъ и Э. Пекарскій.* На краю Сибири. Поѣздка къ тунгусамъ („пріаянскимъ").

№ 49—52.—*В. Васильевъ.* Угасшая русская культура на дальнемъ сѣверѣ № 1.—*Вейсманъ, Р.* Индивидуализація сибирскаго права. № 7.

Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго О-ва, вв. 3 и 4. *Свящ. А. А. Глаголевъ.* Соціальныя отношенія Израильтянъ.—*П. К. Жузе.* Начало христіанской письменности у арабовъ.—*В. Н. Аничковъ.* Іерусалимская пустыня. Бедуины и полубедуины—*А. А. Дмитріевскій.* Фрески Георгіевскаго параклиса 1423 г., въ Свято-Павловскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и ихъ значеніе въ исторіи аѳоно-византійской и русской иконописи.

Труды Московской Діалектологической Комиссіи, вып. 1. *Н. Н. Соколовъ.* Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ. — *Н. П. Кашинъ.* Замѣтка о говорахъ Владимірской губерніи. — *Н. Н. Дурново.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Клинскій и Волоколамскій уѣзды Московской губ. лѣтомъ 1904 года.—*Его-же.* Отчетъ о діалектологическихъ наблюденіяхъ въ Клинскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ Московской губ. лѣтомъ 1905 года.—*Н. Н. Соколовъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Тверскую губ. съ діалектологическою цѣлью лѣтомъ 1904 года. — *А. С. Мадуевъ.* Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ по Тверской губ. лѣтомъ 1904 года. — *Н. Н. Соколовъ* Отчетъ о поѣздкѣ во Владимірскую и Рязанскую губ. съ діалектологическою цѣлью (1906).—*Его-же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Меленковскій и Судогодскій уѣзды Владимірской губ. лѣтомъ 1907 года.—*Его-же.* Отчетъ о поѣздкѣ въ южную часть Трубчевскаго уѣзда Орловской губ. лѣтомъ 1907 года. — *Сводъ матеріаловъ, собранныхъ Комиссіей:* — Предисловіе. — Краткая программа по собиранію особенностей русскихъ говоровъ.—Владимірская губ. Обработалъ Николай Дурново. — Нижегородская губ. Обработалъ Д. Н. Ушаковъ. — Калужская губ. Обработалъ Николай Дурново. — Курская губ. Обработали И. М. Тарабринъ и Н. Н. Дурново.—Тульская губ. Обработано Н. Н. Дурново.—Воронежская губ. Обработано Н. Н. Кононовымъ.—Рязанская губ. Обработали Д. Н. Ушаковъ и Н. Н. Дурново. — Костромская губ. Обработали А Д. Григорьевъ и Н. Н. Дурново. — Вологодская губ. — Пермская губ. — С.-Петербургская губ.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета, кн. I—XII. Алфавитный указатель авторовъ и статей, напечатанныхъ въ Ученыхъ Запискахъ въ 1908 г. Кн. XII.—*А. Архангельскій.* Русская литература XVIII в. Кн. II, X и XI.—*Его же.* Введеніе въ исторію русской литературы. Кн. XII.—*В. Богородицкій.* Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губного аппарата Розанелли. Кн I.—*Его же.* Курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Кн. II и IV.—*Его же.* Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Санскритъ. Кн. III и X.—*Его же.* Основы ариѳметическаго счета. Кн. VI—VII.—*Д. Смирновъ.* Курсъ исторіи религій.

Новости этнографической литературы [1]).

Ад. А. Теорія статистики. Курсъ по лекціямъ проф. Ю. Э. Янсона. 2-е изданіе. Спб. 1909.

Аникинъ, С. Мордовскія народныя сказки. Съ иллюстр. 102 стр. Спб.

Аракчіевъ. Д. П. Народная пѣсня Западной Грузіи (Имеретіи). Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, записанныхъ фонографомъ. М.

Архангельская Карелія. Изд. Архангельск. Губ. Стат. Комит. Архангельскъ. II+II+101+39+1 карта.

Барвинскій, В. Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи. Кіевъ.

Бекштремъ, А. Изслѣдованія въ области этрускологіи. В. 2. Спб. II+ +174 стр.

Боголюбовъ, А. Ковровыя издѣлія Средней Азіи. В. I. съ 24 табл. Спб. F.

Болсуновскій, К. Символика эпохи неолита (съ табл. рис.). Кіевъ. 4°.

Былины новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Подъ редакціей проф. В. Ѳ. Миллера, при

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

участіи Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М. V+312 стр.

Вертоградскій, Н. И. Нарвскій тріумфальный щитъ. Спб.

Веселовскскій, А. Н. Собраніе сочиненій. Томъ III. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 586 стр.

Вознесенскій, И. О складѣ или ритмѣ и метрѣ краткихъ изреченій русскаго народа. Кострома. 23 стр.

Вяземскій, Н. В. кн., Восточные славяне. Русскіе, сербы и болгары. Спб. 1909.

Гатцукъ, А. Сказаніе о старинѣ незапамятной. Съ рис. М.

Георгіевскій, М. Д. Русско-корельскій словарь. Издано подъ наблюденіемъ акад. Ф. Фортунатова. Спб.

Гетнеръ. А. Россія Культурно-политическая географія. Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіемъ: „Азіатская Россія“. 1909. М.

Глаголевъ, С. Мистеріи на берегахъ Конго. Сергіевъ-Посадъ.

Гнатюкъ, В. Віршована легенда про рицаря і смерть. Львівъ. 19 стр.

Гольдинъ, Н. Исторія древняго востока. Лекціи. Харьковъ.

Давыдовъ, К. На островахъ Ару. Спб. 245—351 стр. 4°.

Даниловъ, В. Литературные матеріалы и очерки. 2. Разсказъ I. И. Успенскаго „Парамонъ Юродивый“. Варшава. 47 стр.

Дашкевичъ, Н. Славяно-русскій Траянъ и римскій императоръ Троянъ. Кіевъ.

Евсѣевъ, И. Археологическіе поиски въ Орловскомъ краѣ лѣтомъ 1907 г. Орелъ. 16 стр.

Завадскій-Краснопольскій, В. А. Географія Японіи. Переводъ съ японскаго языка 1-й и 2-й части „Сёгаку цири“ 1905 г. Спб.

Ивановъ, Й. Български старини из Македония. София. V+310 стр.

Іоксимовичъ, Чед. М. Всеславянскій вопросъ. Анексія Босніи и Герцеговины. Разныя мнѣнія. 1909.

Карауловъ, Н. Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X. вв. по Р. X. о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ. Тифлисъ.

Карлейль, Томасъ. Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи. Перев. съ англ. Съ портретомъ автора 3-е изданіе. Спб.

Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Томъ II. Языкъ бѣлорусскаго племени. 1. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Варшава.

Каутскій, Карлъ. Античный міръ. Іудейство и христіанство. Спб. 1909.

Кошутичъ, Р. Сербскій народъ и анексія Босніи и Герцеговины. Публичная лекція. Спб. 56 стр.

Крассовскій, С. С. О языкахъ и нравахъ. Приведеніе наблюденій, подтверждающихъ правильность „таблицы членораздѣльныхъ звуковъ и ощущеній“. Выпускъ II. Спб. 100+3 стр.

Кружокъ любителей Этнографіи, ревнителей Музея Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго. Спб. 10 стр. 16°.

Кузнецовъ-Красноярскій. Минусинскія древности. Мѣдно-бронзовый и переходный періоды. В. I. Съ 12 табл. Томскъ. 4°.

Лебедевъ, А. Пижемское городище. Съ 3 рис. Казань.

Lemm, O., von. Kleine koptische Studien. Спб. 68 стр.

Лео, Фр., проф. Очеркъ исторіи римской литературы. Перев. съ нѣм. и предисловіе проф И. И. Холодняка. Спб.

Логофетъ, Д. Н. На границахъ Средней Азіи. Путевые очерки. Въ 3-хъ книгахъ. Книга I. Персидская граница.—Книга II. Бухарско-афганская граница.—Книга III. Русско-афганская граница. Спб. 1909.

Лупповъ, П. Обозрѣніе Вятской епархіи епископомъ Ниломъ въ 1836 г. Вятка. 32 стр.

Его-же. Село Биляръ, Елабужскаго уѣзда Вятской епархіи. Вятка. 12 стр.

Меѳодій (архимандр.) Старопечатная второй половины XVI ст. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ. Варшава. 31 стр.

Murko, M. Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen. Leipz. X+248 стр.

Мухаммедъ-Салихъ. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ: Посмертное изданіе проф. П. М. Меліоранскаго. Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Н. Самойловича. Спб.

Нараяна Хитопадеша. Доброе наставленіе. Сборникъ древнеиндійскихъ разсказовъ. Перевелъ съ санскритскаго Д. Кудрявскій. Юрьевъ.

О необходимости увеличенія пособія, выдаваемаго отъ казны Минусинскому городскому Мартьяновскому Музею. Записка Городской Думы. Минусинскъ. 24 стр.

Ончуковъ, Н. Е. Сѣверныя сказки. (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборникъ. Изд. Отд. Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Спб. 1909. XLIII+646 стр.

Die osteuropäischen Litteraturen und die slavischen Sprachen... T. I. Berl. u. Leipz. VIII+396 стр.

Остроумовъ, Н. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 3. Съ рис. Ташкентъ.

Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1905 г. Съ 6 табл. и 163 рис. Спб. 144 стр.

Отчетъ о дѣятельности Рязанской ученой Архивной Комиссіи за 1905 г. Рязань. 22 стр.

То-же. За 1906 г. Рязань. 15 стр.

Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею за 1907 г. Канскъ. 18 стр.

Памяти почетн. чл. О-ва Нестора Лѣтописца, заслуж. ордин. проф. и академика *Н. П. Дашкевича.* Кіевъ. 57 стр.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. 1. Съ 11 табл. Спб. 4°.

Передольскій, В. В. По Енисею. Бытъ енисейскихъ остяковъ. Съ рис. Спб.

Петровскій, Сергій. прот. Молокане или „духовные христіане“. Одесса.

Писаревскій, Григорій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. 1909.

Подгорбунскій, И. А. Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909.

Покровскій, Н. В. Губернскія ученыя Архивныя Комиссіи. Спб. 24 стр.

Поликарповъ, Ѳ. Заселеніе и образованіе Нижнедѣвицкаго уѣзда. Воронежъ. 24 стр.

Поповъ, П. С. Краткое введеніе къ изученію китайскаго языка. Іокогама. 1909.

Православная богословская энциклопедія. Томъ IX. Съ 15 рис. Составленъ подъ ред. проф. Н. Н. Глубоковскаго. Спб. 1909.

Приселковъ, В. Очерки по исторіи культуры. В. 1. Греція. Зарайскъ.

Пришвинъ, М. За волшебнымъ колобкомъ. Изъ записокъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи и Норвегіи. Съ рис. Спб.

Путеводитель по музею Псковскаго Археологическаго О-ва. Съ рис. Псковъ.

Путинцевъ, А. М. Народная пѣсня новаго времени. Казань. 1908. 12 стр

Пыпинъ, А. Н. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 4-е. Спб.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 22-й. Спб. 961—1280 стр.

Рѣдинъ, Е. Икона „Недреманное Око“. Съ рис. Харьковъ.

Сборникъ Средне-Азіатскаго Отдѣла О-ва Востоковѣдѣнія. Библіографія Афганистана. Спб.

Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями *В. И. Ламанскому*, по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности. Ч. II. Спб. IV+657—1479 стр.+III табл.

Сиротининъ, А. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1909. X+345 стр.

Смирновъ, А. В., проф. прот. Курсъ исторіи религій. Казань.

Смирновъ, П. С. Изъ исторіи раскола первой половины XVIII вѣка. Спб.

Смирновъ, Я. Рисунки Кіева 1651 г. по копіямъ ихъ конца XVIII в. Съ 4 табл. М. 4°.

Соболевскій, А. Древняя церковнославянская литература и ея значеніе. Харьковъ. 22 стр.

Его же. Изъ переводной литературы Петровской эпохи. Библіографическіе матеріалы. Спб. 47 стр.

Его же. Нѣсколько словъ о лицевыхъ рукописяхъ. Спб.

Его же. Славяно-русская палеографія. Лекціи. Спб. 120 стр.+XX табл.

Суворовъ, А. Латино-русскій словарь, расположенный по корнямъ. Варшава. XV+730 стр.

Сѣрошевскій, В. Томъ VII. Дальній Востокъ. Съ 52 иллюстраціями. 3-е изданіе. Спб. 1909. Томъ VIII. Корея. 34 иллюстр. 3-е изданіе. Спб. 1909.

Сэндерлэндъ, I. Библія, ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. М.

Тайлоръ, Эд. Антропологія. Перев. И. Ивина. Съ 18 рис. Спб.

Тарасовъ, Н. и *Гартвигъ, А.* Изъ исторіи русской культуры. Полюдье. Съ рис. М.

Теръ-Аствацатурянцъ, Айкъ. Доисторическій человѣкъ. Съ 13 рис. Тифлисъ. (На арм. яз.).

Труды Саратовской ученой архивной Комиссіи. В. 24. Саратовъ. 151+152 стр.

Труды Ярославской ученой Архивной Комиссіи. Кн. V. LXIV+444 стр.

Трупинскій, А. Среднее Поволжье. Съ рис. М.

Указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Тифлисъ.

Холодовъ, Н. Уссурійскій край. Историко-географическое описаніе. Съ

4 рис., 3 план. городовъ и 1 картой въ текстѣ. Спб.

Чамберлэнъ, Б. X. Грамматика японскаго разговорнаго языка. Теоретическая часть. Переводъ съ анг. прив.-доц. В. Костылева. Спб.

— Упрощенная грамматика японскаго языка. (Новый письменный стиль). Переводъ прив.-доц. В. Костылева. Спб

Шахматовъ, А. А. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. XX+687 стр.

Его-же. Сказаніе о преложеніи книгъ на словенскій языкъ. Berl. 171—183.

Шемшуринъ. Андр. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. Москва.

Шерингъ, Н. А. „Богатство Сѣвера". Путевыя замѣтки, очерки и разсказы. Изданіе 2-е дополненное. Спб. 1909.

Шпигельбергъ, В. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтѣ Египетскихъ источниковъ. Съ нѣм. Съ 12 рис. Спб.

Эйнгорнъ, В. Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. 53 стр. (Изъ „Тр. О-ва Ист. и Др.).

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи карпаторусскаго фольклора XVIII вѣка. Харьковъ.

Его-же. Малорусскій отрывокъ Измарагда XVIII в. Berl. 12 стр.

Янѣвичъ, Ор. М. Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ Журавляхъ". Черниговъ.

Ѳедоровъ, А. М. За океанъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1909.

Готовится къ печати книга Э. Ренана **„Происхожденіе языка"**. Книга выйдетъ подъ редакціей и съ примѣчаніями академика Ѳ. Е. Корша.

Въ скоромъ времени подъ заглавіемъ **„Пугачевщина"** выйдетъ въ свѣтъ психологическое изслѣдованіе о народныхъ волненіяхъ проф. Н. Н. Ѳирсова.

Въ настоящее время печатается **„Критико-библіографическое обозрѣніе** дневниковъ, мемуаровъ, записокъ, воспоминаній, путешествій и писемъ, относящихся къ исторіи Россіи", С. С. Минцлова.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумаги печатается обширный трудъ по исторіи архитектурнаго искусства **„Мечети Самарканда"**. Этотъ трудъ, снабженный роскошными рисунками, издается Императорской археологической комиссіей.

Вышла изъ печати новая книга Шарля Дилля **„Юстиніанъ и византійская цивилизація** въ VI вѣкѣ".

По словамъ „Нов. Вр.", въ Токіо вышла изъ печати **„Исторія Японіи"** за послѣднія 40 лѣтъ, составленная и изданная графомъ Окума. Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ по тысячѣ страницъ каждый. Въ составленіи „Исторіи" принимали участіе до 200 спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ, благодаря чему она представляетъ собой какъ бы сборникъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ. Связующимъ звеномъ между статьями является лишь личность редактора, графа Окума.

ОТДѢЛЪ V.

Хроника.

Въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 11. Засѣданіе 7 ноября. 1) Окончаніе сообщенія чл.-сотрудника *Ив. С. Абрамова*. **„Поѣздка въ Стародубье“.** (О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ.). 2) Сообщеніе *Н. И. Привалова*: **„Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ“.** Программа: Общая характеристика русскаго народнаго пѣснотворчества. Отзывы русскихъ и иностранныхъ авторитетовъ о пѣсняхъ русскаго народа. Два образца русской пѣсни въ отношеніи текстовъ. Народные пѣвцы и гусляры въ старину. Раздѣленіе русскаго населенія на „лучшихъ людей“ и „простую чадь“ съ приходомъ греческаго духовенства. Византійскіе идеалы и осужденіе русскаго пѣснотворчества. Вліяніе Западной Европы въ XVII столѣтіи. Поворотъ къ русскому націонализму въ XIX вѣкѣ. Начало собиранія пѣсенъ и созданіе на основаніяхъ русскаго пѣснотворчества русской школы въ искусствѣ. Уклоненіе народа отъ источниковъ своей старинной поэзіи. Образцы новой современной пѣсни. Работа русскаго общества надъ возвращеніемъ въ народъ его старинной художественной пѣсни и инструментовъ. Общій очеркъ исторіи русскихъ народныхъ инструментовъ.

Въ исполненіи хора любителей И. А. Смолина были показаны (съ объясненіемъ) образцы обрядной пѣсни, былины, духовнаго стиха и пѣсенъ бытовыхъ.

Кромѣ того, русскія народныя пѣсни были исполнены крестьянскимъ хоромъ О. У. Смоленскаго *на жалѣйкахъ* и *гусляхъ*.

№ 12. Засѣданіе 21 ноября: 1) Новости этнографической литературы. 2) Сообщеніе чл.-сотр. *М. М. Пришвина*: **„Поморы русскаго крайняго сѣвера“.** Программа: Этнографическія наблюденія на лѣтнемъ берегу Бѣлаго Моря. Бытъ деревни Дуракова. Какъ объясняютъ себѣ поморы сѣверное сіяніе и другія явленія сѣверной при-

роды. Плаванiе на льдинахъ промыслотыхъ артелей по морю и океану (ромши). Западный берегъ Бѣлаго моря („Поморье") въ лѣтнее время. Путь по Лапландiи на Мурманъ (наблюденiя изъ жизни лопарей). Бытовыя наблюденiя во время лова трески въ океанѣ: 1) на шнякѣ, 2) на 1-мъ русскомъ траулерѣ. Русскiе поморы въ Норвегiи. (Были показаны дiапозитивы).

№ 13. Засѣданiе 5 декабря. 1) Рукописи, поступившiя въ Отдѣленiе. 2) Сообщенiе чл.-сотрудника *М. Б. Едемскаго*. **„Свадьба въ Кокшенгѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ.".** Программа: Литература. Недостатки записей. Особенности записи Кокшенгской свадьбы. Наиболѣе близкiя по обрядамъ и языку причетовъ свадьбы другихъ мѣстъ. Стародавность обычая и новизна въ немъ. Запоручиванье невѣсты и „невѣстина нидиля". Выходъ невѣсты на угоръ и на поварню. Сватальной день. Причитанье надъ воротами. Выводъ невѣсты и отдача за столъ. Свадебное колдовство; сторожа. (Были показаны дiапозитивы).

№ 14. Засѣданiе 10 декабря. Сообщенiе дѣйствит. члена *П. Н. Луппова:* **Кумышка—напитокъ вотяковъ** (историческiй очеркъ). Программа сообщенiя: *Предисловiе.* Нѣсколько словъ о печатной литературѣ по исторiи кумышки и объ источникахъ настоящаго сообщенiя. I. *Обзоръ правительственныхъ мѣропрiятiй относительно кумышковаренiя.* II. *Свѣдѣнiя о религiозномъ значенiи кумышки.* Дѣла о жертвоприношенiяхъ вотяковъ въ 1752 году.—Указанiе на связь кумышки съ языческой вѣрой вотяковъ въ 1802 году.—Донесенiе Глазовскаго Миссiонера и приходскихъ священниковъ въ 1830-хъ годахъ.—Данныя о кумышкѣ, собранныя Вятскимъ епископомъ въ 1838 году. III. *Потребленiе вотяками кумышки въ прежнiя времена.* Свидѣтельство Миллера.—Всеподданнѣйшая записка Вятскаго Губернатора 1845 г. Записки двухъ священниковъ Малмыжскаго (Вят. г.) и Мамадышскаго (Каз. г.) уѣздовъ.—Случай на вотскомъ жертвоприношенiи въ 1838 году. *Заключенiе.*

Русское Антропологическое О-во. 5 декабря былъ назначенъ докладъ д-ра *И. Н. Шмакова*: „Физическiй типъ русскихъ лопарей".

О-во Любителей Древней Письменности и Искусства. 5 декабря сообщенiя: Некрологъ Н. В. Султанова.—*Н. М. Каринскаго.* Неизданныя записи Псковскихъ рукописей XIV—XV вѣковъ.—*Ст. В. Смоленскаго.* Клавесинная музыка въ Россiи по русскимъ сочиненiямъ 2-й половины XVIII в., съ исполненiемъ нѣсколькихъ пьесъ на инструментѣ второй же половины XVIII в. Въ засѣданiи 9 янв. 1909 г. сообщенiе *Хр. М. Лопарева* „Слово о погибели Рускыя земли".

13 января состоялось первое въ текущемъ году собранiе членовъ **еврейскаго литературнаго общества**, на которомъ С. Л. Цинбергъ прочиталъ докладъ на тему: „Исторiя ассимиляцiи евреевъ въ Западной Европѣ".

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

ОТЧЕТЪ

по Отдѣленію Этнографіи И. Р. Г. О-ва за 1908 годъ.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе Этнографіи имѣло 13 засѣданій (изъ нихъ одно соединенное съ Отдѣленіемъ Статистики), на которыхъ было заслушано 17 сообщеній, сдѣланныхъ какъ членами Отдѣленія, такъ и посторонними лицами, проявившими свою дѣятельность въ какой-либо области этнографіи. Сообщенія эти были слѣдующія:

1) „Поѣздка въ Стародубье", чл.-сотр. *И. С. Абрамова;*

2) „Буддійскій монастырь Лавран", дѣйств. чл. *Б. Б. Барадійна*;

3) „Свадьба въ Кокшеньгѣ, Тотемск. у., Вологодск. губ.", чл.-сотр. *М. Б. Едемскаго;*

4) „О зырянахъ", *К. Ѳ. Жакова;*

5) „Султанатъ Сіакъ и его обитатели", *О. И. Іона*;

6) „Бузогашишный вопросъ нашихъ окраинъ", *И. С. Левитова*;

7) „Кумышка — напитокъ вотяковъ (историческій очеркъ)", дѣйств. чл. *П. Н. Луппова;*

8) „Черноморское побережье Кавказа", *А. А. Миллера*;

9) „Русскія военныя поселенія Тифлисской губ., Сигнахскаго и Телавскаго уу.", *Б. Ф. Михайлова;*

10) „О новой теоріи происхожденія человѣка", чл.-сотр. *В. А. Мошкова;*

11) „Сказки и сказочники сѣвера", дѣйств. чл. *Н. Е. Ончукова*;

12) „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе", дѣйств. чл. *П. Е. Островскихъ;*

13) „Историческая эволюція русской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ", *Н. И. Привалова*;

14) „Поморы русскаго крайняго сѣвера", чл.-сотр. *М. М. Пришвина*;

15) „Новости этнографической литературы", почетн. чл. *А. И. Соболевскаго*;

16) „Этнографическія наблюденія въ Астраханской губерніи", *И. И. Солосина*;

17) „Новыя вѣянія въ безпоповщинѣ", дѣйств. чл. *Ѳ. Г. Шубина.*

Почти всѣ доклады сопровождались показываніемъ діапозитивовъ или демонстраціей различныхъ предметовъ изъ собранныхъ докладчиками этнографическихъ коллекцій. Сообщеніе же *Н. И. Привалова* сопровождалось вокально-инструментальнымъ концертомъ, составленнымъ изъ наиболѣе типичныхъ русскихъ пѣсенъ.

Изъ только что приведеннаго перечня сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣленіи, видно, что кругъ вопросовъ, освѣщенію которыхъ посвятили свою дѣятельность члены Отдѣленія обширенъ и разнообразенъ: великоруссамъ (преимущественно сѣвернымъ) было посвящено 4 сообщенія, инородцамъ—2, инорусскимъ народностямъ—2, старообрядцамъ—2, Кавказу — 2, Сибири — 1, Средней Азіи — 1 и, наконецъ, общимъ вопросамъ этнографіи и народной словесности—3 сообщенія.

Кромѣ чтенія сообщеній въ засѣданіяхъ Отдѣленія докладывалось о текущихъ дѣлахъ, обсуждались нѣкоторыя мѣропріятія, направленныя къ достиженію опредѣленныхъ „Уставомъ“ О-ва задачъ Отдѣленія и дѣлались сообщенія и отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ и рукописяхъ, поступавшихъ въ Отдѣленіе. О нѣкоторыхъ рукописяхъ, по предложенію Отдѣленія, давали свое заключеніе ученые члены Отдѣленія, спеціально занимающіеся извѣстнымъ отдѣломъ этнографическихъ изученій.

Замѣтно увеличилось число рукописей, поступившихъ въ распоряженіе отдѣленія, особенно по сравненію съ двумя предшествующими годами, когда поступленій почти не было. Въ теченіе отчетнаго года нижеслѣдующія лица прислали собранія матеріаловъ и статьи.

И. С. Абрамовъ. „Дѣвичья доля въ пѣсняхъ и обычаяхъ Волынскихъ крестьянъ“.
— „Заговоры, примѣты и суевѣрія на Волыни“.
А. К. Бассова. Записи киргизскихъ легендъ, сказокъ и преданій (10).
А. Васильевъ. „Сказки, слышанныя отъ крестьянина Ф. Н. Календарева“.
I. Васильевъ, свящ. „Замѣтки къ познанію вотскаго языка“.
Г. Г. Гинкенъ. 12 книгъ и 17 тетрадей матеріаловъ по литовскому языку.
А. А. Лебедевъ. „Саратовская“ (къ исторіи пѣсни).
А. Малиновскій. „Похоронные причёты въ Устюжнскомъ у., Новгородской губ.“
Н. Насаревъ. „Дѣтскіе стихи и прибаутки“ } Каргопольскаго у.,
— „Звукоподражанія въ народѣ“ } Олонецкой губ.
А. Д. Неуступовъ. „Клады по народнымъ разсказамъ и преданіямъ Кадниковскаго у.“
г. *Новожиловъ.* Пѣсни Кириловскаго у., Новгородской губ.
Б. Пилсудскій. „Аборигены о. Сахалина“.
— „Роды, беременность и выкидыши у туземцевъ о. Сахалина“.
Ѳ. Поликарповъ. „Въ деревнѣ“ (очеркъ).
— „Цурина“ (народный обычай).
В. Ф. Поповъ. „Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ“.
Н. А. Ригнасъ. „Древнее шаманство у монголовъ“.
гг. *Рождественскій* и *Успенскій.* Собраніе духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ сектантовъ.
С. Г. Рыбаковъ. „Изъ исторіи татарства и мусульманства въ Россіи“.
И. Савченко. „12 мѣсяцевъ въ умовоззрѣніи малороссійскаго народа“.
Н. А. Санинъ. „Вишерскій край и его населеніе“.
— „Населеніе Чердынскаго уѣзда“.
А. К. Сержпутовскій. Рядъ рукописей по бѣлорусскому языку, этнографіи и народной словесности.
П. И. Слюнинъ. Матеріалы по народной словесности Курской губ.
И. А. Тихоміровъ. „Повѣрья, примѣты, поговорки и пѣсни Ярославской губ.“ (Нѣкоторыя сравненія).
А. А. Шустиковъ. „Право семейной и личной собственности среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда“.
— „Приплавухи“ (старинный обычай).

Часть этихъ рукописей передана въ Архивъ О-ва для храненія, остальныя же рукописи — въ редакцію журнала „Живая Старина“ для напечатанія.

Издательская дѣятельность Отдѣленія Этнографіи выразилась въ слѣдующемъ:

Отпечатано въ теченіе года.

Записки по Отд. Этнографіи, т. XXXIII. *Н. Е. Ончуковъ.* Сѣверныя сказки.

„Живая Старина“, 4 вып.

Печатаются.

Сборникъ статей въ честь Г. Н. Потанина.

Алфавитный и систематическій указатель къ журналу „Живая Старина“ за 15 лѣтъ его существованія. Сост. *Н. Н. Виноградовымъ.*

Приготовлены къ печати.

Ю. А. Яворскій. Карпаторусскія сказки, легенды и преданія.

гг. *Рождественскій* и *Успенскій.* Собраніе сектантскихъ духовныхъ стиховъ и роспѣвцевъ.

г. *Милорадовичъ.* Малорусскія сказки. Приготовлены *Н. И. Коробкою.*

При матеріальной поддержкѣ со стороны Отдѣленія совершены были этнографическія экскурсіи: *И. С. Абрамовымъ* въ Стародубье, для изученія мѣстнаго раскола и сектантства; *Н. Н. Виноградовымъ* въ Костромскую губернію, преимущественно для изученія быта черемисъ; *М. Б. Едемскимъ* въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, для выясненія вопросовъ колонизаціи даннаго района, и *А. А. Макаренко* въ Сибирь (районъ р. Катонги), для изученія языка и быта тунгусовъ.

I. Краткій отчетъ объ экскурсіи чл.-сотрудника И. С. Абрамова въ Стародубье, лѣтомъ 1908 г.

Лѣтомъ 1908 г. членомъ-сотр. И. С. Абрамовымъ была совершена поѣздка въ сѣверные уѣзды Черниговской губ. съ цѣлью собиранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ старообрядцевъ и сектантовъ (баптистовъ, штундистовъ, толстовцевъ, хлыстовъ) даннаго района; г. Абрамовымъ собраны свѣдѣнія о промыслахъ слобожанъ (трепальщикахъ пеньки, щетинникахъ, коробейникахъ-книгоношахъ), о хороводахъ и свадьбахъ, о сектѣ пасхальниковъ, о новыхъ явленіяхъ въ жизни старообрядцевъ послѣ указа о вѣротерпимости 17 апрѣля 1905 г. и т. п. Вышеозначенныя свѣдѣнія собраны въ городахъ и посадахъ: Новозыбковѣ, Клинцахъ, Стародубѣ, Еліонкѣ, Воронкѣ, Лужскихъ и др. О своей поѣздкѣ г. Абрамовымъ было сдѣлано сообщеніе въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣленія 17 октября и 7 ноября.

II. Краткій отчетъ по поѣздѣ въ Костромскую губернію дѣйств. чл. И. Н. Виноградова, лѣтомъ 1908 г.

Все лѣто 1908 г., съ 2 іюня по 22 августа, я провелъ въ экскурсіяхъ по Костромской и, отчасти, сопредѣльнымъ съ нею губерніямъ. За это время я проѣхалъ свыше 1.500 верстъ, главнымъ образомъ на лошадяхъ, съ частыми остановками въ болѣе интересныхъ съ той или иной точки зрѣнія мѣстностяхъ. Главной цѣлью моей поѣздки служило собираніе матеріаловъ по діалектологіи, народной словесности и этнографіи въ сѣверо-восточной части Костромской губерніи, очень мало обслѣдованной въ указанныхъ отношеніяхъ. Какъ результатъ поѣздки — является значительное количество діалектологическихъ записей, позволяющихъ установить отличительныя черты мѣстнаго говора (цоканье и чоканье, къ сѣверу постепенно усиливающееся). Собранный матеріалъ приводится мною въ порядокъ для представленія доклада по сему вопросу на предстоящемъ областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Костромѣ. Кромѣ того мною обращено было также вниманіе на говоръ мѣстностей, пограничныхъ съ черемисскими поселеніями, и на говоръ переселенцевъ-пимаковъ (изъ Вятской губ. въ Тоншаевскую волость, Ветлужскаго у.). Изъ собранныхъ мною матеріаловъ по народной словесности наиболѣе любопытными являются: заговоры, старинныя пѣсни (есть историческія), значительное собраніе „частушекъ“ и игровыхъ пѣсенъ, легенды и преданія. Есть такеже рядъ записей болѣе мелкихъ произведеній (пословицы, поговорки, загадки, отдѣльныя слова и выраженія) или отдѣльныхъ крупныхъ (напр. сказки). Болѣе важнымъ и интереснымъ матеріаломъ по этнографіи я считаю записи и наблюденія, произведенныя среди черемисъ Тоншаевской волости, Ветлужскаго уѣзда. Этотъ, затерянный въ дремучихъ, почти непроходимыхъ лѣсахъ, небольшой осколокъ черемисской народности имѣетъ свое особое парѣчіе, настолько разнящееся отъ другихъ, что приглашенные въ качествѣ учителей луговые черемисы (наиболѣе близкіе по языку) не понимали мѣстныхъ жителей, а тѣ ихъ.

Еще живы старые обычаи; стоятъ кереметища; ворожцы совершаютъ моленья и жертвоприношенія. Но какъ быстро вымираютъ черемисы, такъ же быстро рушится и постепенно сходитъ на нѣтъ ихъ старинный укладъ жизни. Къ моему крайнему сожалѣнію время не позволило мнѣ въ достаточной мѣрѣ заняться изученіемъ черемисъ. Но все-таки я успѣлъ записать до 1.000 отдѣльныхъ словъ, значительное количество выраженій, описаніе свадьбы и нѣкоторыхъ другихъ обрядовъ, собрать значительную коллекцію одеждъ, вышивокъ и различныхъ предметовъ быта и домашней обстановки, а мой компаньонъ по поѣздкѣ снялъ до 100 фотографій. Въ другихъ же мѣстностяхъ собраны матеріалы: по постройкамъ и вообще матеріальной культурѣ (есть значительное количество фотографій), по описанію обрядовъ, обычаевъ, увеселеній, по суевѣріямъ и повѣрьямъ, по обычному нраву. Независимо отъ сего собирались, при случаѣ, матеріалы по ономастикѣ, археологіи (были произведены даже небольшія раскопки) и мѣстной исторіи, преимущественно церковной (житія святыхъ).

III. Отчетъ о поѣздкѣ съ этнографическими цѣлями въ Вологодскую и Архангельскую губерніи члена-сотрудника М. Б. Едемскаго, въ іюнѣ и іюлѣ 1908 года.

Помимо собиранія матеріаловъ изъ области народной словесности и быта жителей сѣвернаго края, цѣлью моей настоящей поѣздки я ставилъ также и выясненіе вопроса о движеніи заселенія нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстъ на границѣ этихъ двухъ губерній.

Имѣя у себя кое-какія, собранныя раньше, свѣдѣнія касательно заселенія Кокшеньги Тотемскаго (и Вельскаго) уѣзда поселенцами съ Ваги, изъ Шенкурскаго уѣзда, я полагалъ ознакомиться, для пополненія имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ по этому вопросу, съ нѣкоторыми памятниками живой старины по всему протяженію рѣчной системы Кокшеньга-Устья-Вага-С. Двина; и такъ какъ вся область этой системы состоитъ въ постоянномъ общеніи съ г. Архангельскомъ, то и разсчитывалъ я найти кой-какія руководящія въ предполагаемой работѣ указанія, главнымъ образомъ, историческаго характера въ г. Архангельскѣ и отчасти въ Соловецкомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, надежды мои въ этомъ отношеніи совсѣмъ почти не оправдались. Въ Архангельской библіотекѣ не нашлось ожидаемыхъ свѣдѣній, а ризница Соловецкаго монастыря, въ которой хранятся многія болѣе или менѣе древнія рукописи, оказалась совершенно закрытой для обозрѣнія. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти по другимъ соображеніямъ, пришлось нѣсколько видоизмѣнить и самый планъ поѣздки, хотя не оправдавшіеся въ указанномъ направленіи разсчеты мои и были до нѣкоторой степени вознаграждены тѣмъ, что по дорогѣ въ Соловецкій монастырь, а также въ самомъ монастырѣ и въ г. Архангельскѣ удалось завязать нѣсколько знакомствъ съ лицами, отъ которыхъ я получилъ не мало интересныхъ свѣдѣній изъ области этнографіи и частью исторіи края. Весьма полезнымъ въ этомъ отношеніи было знакомство и съ архангельскими музеями (городской, рыбопромышленный и древнехранилище). Съ древнехранилищемъ, находящимся въ стѣнахъ Архангельскаго монастыря, познакомилъ меня лично главный устроитель и блюститель его, редакторъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, І. М. Сибирцевъ, любезно удѣлившій отъ своихъ даже срочныхъ текущихъ дѣлъ значительное количество времени для указаній и объясненій. Въ древнехранилищѣ, помимо большого количества церковныхъ и домовыхъ иконъ, иногда весьма старинныхъ и рѣдкихъ по исполненію, среди которыхъ встрѣчаются вырѣзанныя на деревѣ и даже на камнѣ (одна каменная икона, изображающая распятаго Господа І. Х., Божію Матерь и Марію Магдалину, вѣситъ 8 пудовъ)—не мало предметовъ церковной утвари и одежды, а также книгъ; цѣлая коллекція писанныхъ масляными красками портретовъ мѣстныхъ архіереевъ; встрѣчаются интересные предметы иного характера, вродѣ такихъ, напримѣръ, какъ зеркало царевны Софіи, попавшее въ этотъ край вмѣстѣ съ заточеннымъ сюда въ свое время кн. В. В. Голицынымъ. Очень хорошей сохранности церковные брачные вѣнцы изъ рябиновой коры. Большая коллекція церков-

ныхъ ризъ изъ крестьянскаго холста, повидимому, мѣстнаго производства, обращаетъ на себя вниманіе красотою и искусствомъ ихъ окраски, благодаря которой нѣкоторыя изъ нихъ въ отдаленіи производятъ впечатлѣніе бархатныхъ.

Изъ старыхъ книгъ одно евангеліе принадлежитъ XIV вѣку.

Въ городскомъ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе образчики предметовъ мѣстныхъ производствъ и промысловъ: рыболовныя сѣти и разнаго рода снасти, модели судовъ, крестьянскихъ построекъ, соляныхъ варницъ, образчики различныхъ видовъ холста и узорчатаго тканья крестьянскаго. Встрѣчаются старинные портреты и гравюры, между которыми находится, между прочимъ, писанное масляными красками въ лицахъ „родословное дерево", насколько помнится, XV вѣка. Есть предметы, относящіеся къ быту инородцевъ края.

О жизни инородцевъ любопытныя свѣдѣнія даютъ русскіе старожилы въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ свящ. П. Преображенскій, миссіонеръ, жительствующій въ г. Кеми, разсказывая о проповѣди православія среди кареловъ, жалуется на полное почти отсутствіе здѣсь какого-либо просвѣщенія, что, разумѣется, препятствуетъ проникновенію сюда добрыхъ культурныхъ вліяній вообще и въ частности дѣлу религіознаго просвѣщенія, поэтому даже среди православнаго по имени населенія еще слишкомъ много языческаго. Между прочимъ, упорно держится обычай закалывать, на 3-ей или 4-ой недѣлѣ великаго поста, оленя и съѣдать торжественно съ особыми обрядами въ честь бога Ке.

Въ полномъ согласіи съ этими данными находятся также указанія на мѣстный бытъ другого корельскаго старожила, фельдшера Кистеневской волости, Д. П. Смирнова, который разсказывалъ, между прочимъ, что у корелъ Кемскаго уѣзда, считающихся безпоповцами, а по духу скорѣе язычниковъ, браки до сихъ поръ совершаютъ колдуны, обводя жениха и невѣсту вокругъ ящика, иногда съ приданымъ невѣсты, или вокругъ какого-нибудь чурбана; при этомъ онъ шепчетъ какое-нибудь колдовство, по временамъ останавливаясь и дѣлая кресты на окружающихъ предметахъ. Иногда во время обвода жениха и невѣсты другія дѣвушки подбѣгаютъ и присаживаются на этотъ ящикъ, чтобы скорѣе выйти замужъ. (Примѣта).

Изъ Архангельска по Двинѣ и Сухонѣ черезъ Устюгъ я проѣхалъ до Тотьмы. Въ Устюгѣ за время остановки парохода удалось проѣхать по всему городу и побывать въ нѣсколькихъ церквахъ, которыя построены здѣсь очень скученно, иногда по нѣскольку вмѣстѣ. Въ церкви св. Прокопія Устюгскаго у раки его мощей находится, между прочимъ, ваза изъ темнаго кристаллическаго валуна, выпавшаго, какъ говорятъ, изъ каменной тучи вмѣстѣ съ другими камнями; преданіе объ этой тучѣ, надвигавшейся на г. Устюгъ и чудесно отведенной молитвами св. Прокопія на глухой лѣсъ (сузёмъ) въ 20 верстахъ отъ города, широко распространено по сѣверу. Изъ всѣхъ церквей, которыми такъ богатъ Великій-Устюгъ, наиболѣе древнею и по мѣсту и по времени постройки является церковь свв

Павла и Варлаама, находящаяся, вмѣстѣ съ другой болѣе поздней стройки церковью, на старинномъ городищѣ, подъемъ на которое со стороны пароходной пристани идетъ отлогимъ откосомъ, но которое съ трехъ остальныхъ сторонъ спускается большими крутизнами: къ р. Сухонѣ, съ одной стороны; съ другой, противоположной—къ значительныхъ размѣровъ пруду и съ третьей—въ широкій ровъ. Время постройки церкви свв. Павла и Варлаама относятъ къ XV столѣтію; рядомъ съ ней недавно стояла и обрушилась отъ ветхости еще болѣе старинная церковь. По всей вѣроятности, городище было однимъ изъ первыхъ мѣстъ поселенія предковъ нынѣшнихъ устюжанъ. Иконы и живопись по стѣнамъ церкви Павла и Варлаама вѣютъ глубокой стариной. Къ сожалѣнію, живопись испещрена сѣтью мелкихъ трещинъ, между которыми краска кой-гдѣ начинаетъ отставать; необходима умѣлая реставрація. На картинѣ страшнаго суда имѣется къ группѣ поставленныхъ ошуюю любопытная надпись: „жыды литва кизилбаши арапы немцы купцы и русь“.

Всю средину лѣта, отъ конця іюня до начала августа, я провелъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, сначала въ Кокшеньгѣ, въ ста верстахъ къ сѣверу, отъ г. Тотьмы—въ Спасской волости, а потомъ—въ с. Леденгскѣ, отстоящемъ отъ Тотьмы на 35 верстъ въ противоположную сторону.

Въ Кокшеньгѣ я посвятилъ нѣкоторое время фотографированію сценъ изъ быта мѣстныхъ крестьянъ. Было сдѣлано почти до ста снимковъ: пивовареніе, свадьба, сѣнокосъ, бученье, пахота, ѣзда въ тарантасѣ и проч. Наряду съ фотографированіемъ я собиралъ и записывалъ и памятники народной словесности: духовные стихи, сказки, пѣсни; записано два-три заговора; провѣрены и пополнены записи свадебныхъ причетовъ, сдѣланныя здѣсь раньше; собрано нѣсколько отрывковъ изъ сказанія о Царѣ-Соломонѣ. Кромѣ того, были пріобрѣтены кой-какіе изъ предметовъ крестьянскаго обихода, выходящихъ уже изъ употребленія, вродѣ, напр., деревяннаго колокола, называемаго *ропотомъ* или *ропотней*, подвѣшиваемаго на шею коровъ при выгонѣ ихъ на пастбище; или—были куплены у старушки X. Д—ой „башмаки“, родъ туфель съ высокими каблуками и фигурными желѣзными подковками, изъ легкой матеріи и безъ задниковъ. Любопытно, что въ такихъ „башмакахъ“, по словамъ X. Д—ой, дѣвушки-невѣсты ѣздили раньше къ обѣднѣ даже среди зимы, въ морозы, иногда за нѣсколько верстъ: „такова ужъ была мода, поясняетъ X. Д—ая, и моя маменька разсказывала, какъ она въ нихъ *о Крещеньѣ* щеголяла на погостѣ“.

Село Леденгскъ или Леденгское, называемое у стариковъ Тотемскаго и близъ лежащихъ мѣстностей другихъ уѣздовъ Усольемъ, иногда Усольемъ Леденгскимъ, раскинулось по берегамъ р. Леденьги, вокругъ когда-то большого казеннаго солевареннаго завода, имѣвшаго свыше 20 варницъ со всевозможными богатыми сооруженіями, о которыхъ въ настоящее время свидѣтельствуютъ въ большинствѣ случаевъ лишь грандіозныя развалины.

Желѣзисто-соляные источники, бьющіе изъ нѣсколькихъ трубъ артезіанскихъ колодцевъ, иногда съ глубины слишкомъ въ сто два-

дцать саженъ, обладаетъ высокими цѣлебными качествами для ревматиковъ, неврастениковъ и другого сорта больныхъ, и при самой примитивной приспособленности ихъ къ утилизаціи собираютъ и нынче въ теченіе лѣта до 150 человѣкъ больныхъ, преимущественно изъ ближайшихъ сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ. Въ самое послѣднее время я имѣю свѣдѣнія объ ассигнованіи Тотемскимъ земствомъ, взявшимъ у казны эти источники въ аренду на 24 года, двадцати пяти тысячъ рублей на устройство ваннъ и гостиницы для пріѣзжихъ больныхъ; такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ с. Леденгское обратится въ заправскій курортъ.

Населеніе села достигаетъ 1500 жителей и состоитъ изъ заводскихъ крестьянъ, надѣленныхъ отъ казны землею. Собралось оно въ значительной части изъ другихъ, болѣе древнихъ соляно-заводскихъ районовъ сѣвера и частію изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ трехъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь фамилій—Бабушкиныхъ, Сысоевыхъ и Мезеневыхъ—происхожденіе послѣдней связывается съ городомъ Мезенью; Сысоевы считаются еврейскаго происхожденія.

При своей крайней бѣдности населеніе живетъ не тужитъ и славится своими пѣвцами и пѣвицами, а также плясунами и плясуньями, Въ воскресные и праздничные дни лѣтомъ, а зимой и въ будни, молодежь собирается большими партіями, отплясываютъ „чижика" и другіе танцы и нерѣдко импровизируютъ прекрасные хоры старинныхъ народныхъ пѣсенъ (напѣвы нѣсколькихъ такихъ пѣсенъ записаны, лѣтъ 7—8 тому назадъ, любителемъ-этнографомъ А. Н. Поповымъ). Среди молодежи болѣе зажиточныхъ семействъ, по образу жизни приближающихся къ городскимъ обывателямъ, распространены пѣсни и игры (и тоже старинныя) нѣсколько иного характера, чѣмъ въ остальномъ народѣ. Изъ такихъ были записаны мною, съ указаніемъ хода игры, 12 нумеровъ:

1) Розочка, 2) Какъ по морю, 3) Заинька по сѣничкамъ, 4) Въ хороводѣ были мы, 5) По за городу ходитъ, 6) Заинька погуляй, 7) Стой, частой березникъ, 8) Ѣхала кума, 9) Затоню, 10) Подойду, подступлю, 11) Какъ у дяди N было семеро дѣтей и 12) Я горю, горю на калиновомъ мосту.

Сверхъ того, были также записаны еще три сказки.

Наряды и костюмы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, мало чѣмъ отличаются отъ городскихъ и потому не представляли особаго интереса для фотографированія.

По языку и пѣснямъ населеніе Леденгска стоитъ нѣсколько ближе къ населенію Кокшеньги, сравнительно съ гораздо болѣе близкими по мѣсту жителями Евденьги и по-сухонскихъ приходовъ, между Леденгскомъ и Кокшеньгой.

Собранные мною матеріалы, по мѣрѣ обработки, будутъ поступать въ распоряженіе Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. Общества, которому долгомъ считаю выразить мою признательность, какъ и глубокоуважаемому Предсѣдателю его В. И. Ламанскому, за оказанную мнѣ поддержку въ моихъ скромныхъ попыткахъ принести посильную пользу для русской этнографіи.

IV. Краткій отчетъ о поѣздкѣ къ тунгусамъ бассейна р. Катонги чл.-сотр. А. А. Макаренко, лѣтомъ 1908 г.

Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги", предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Макаренко былъ занятъ пополненіемъ лексическаго матеріала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собиралъ свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ырāхтāƃы), о „Шоломон" царѣ и др.; добыты образцы рисовальнаго искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А. Масленникова и П. Т. Воронова. Первый велъ подъ наблюденіемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣленіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги" (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытія рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительнаго сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ" въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги", во многомъ сходныхъ въ таковыми Ангарскаго края; своимъ лоцманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимымъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги".

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадяхъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ" и ея видномъ притокѣ—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій повліяло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ

сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремеслъ, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Кромѣ того, согласно заявленіямъ чл.-сотр. *М. М. Пришвина* и студента Имп. Спб. У-та *Б. Ф. Михайлова,* имъ были выданы отъ О-ва открытые листы для совершенія этнографическихъ поѣздокъ: первымъ — по Костромской и Нижегородской губ., вторымъ — по Кавказу.

Въ члены-сотрудники Отдѣленія были избраны: *Б. Б. Барадійнъ* и *М. Р. Фасмеръ.*

За труды на пользу Этнографіи были назначены Отдѣленіемъ, по предложенію Медальной Коммиссіи, и утверждены Совѣтомъ О-ва слѣдующія почетныя награды:

Большая золотая медаль Отдѣленія—*Н. Е. Ончукову* за сборникъ „Сѣверныхъ сказокъ“, согласно отзыву *С. Ф. Ольденбурга*

Малая золотая медаль—*А. К. Сержпутовскому* за представленные въ Отдѣленіе рукописи: „Собраніе Бѣлорусскихъ пословицъ“ и „Бѣлорусскій словарь“, согласно отзыву *Д. К. Зеленина.*

Серебряныя медали: *П. Н. Зенбицкому* за работы, напечатанныя въ „Живой Старинѣ“, и *Н. И. Привалову* за работы по изученію и распространенію русской народной пѣсни и музыки.

О числящихся при Отдѣленіи Этнографіи *Постоянныхъ Коммиссіяхъ:*

1) По собиранію народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, и 2) По собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ—въ Отдѣленіи никакихъ свѣдѣній не имѣется. Что же касается прекратившей свою дѣятельность „Коммиссіи по собиранію и изданію русскихъ народныхъ сказокъ“ — то слѣдуетъ отмѣтить, что возбужденъ вопросъ объ ея возобновленіи и, по всей вѣроятности, въ будущемъ году она возобновитъ свою дѣятельность.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи *В. Ламанскій.*

Товарищъ Предсѣдательствующаго *Н. Веселовскій.*

Секретарь Отдѣленія *Николай Виноградовъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и Секретаря Отдѣленія Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

HA,

XVII

1908

650

Stanford University Libraries
3 6105 014 58 450

